

Станислав
Отрыванов

*Чужие
на своей
земле*

к-069487

58

51

17

50

57

12

700932 (13,1) КВЧ.09 (2Рук)
Станислав Отрыванов 0-86

Чужие на своей земле

Роман в двух книгах

Книга первая

кф

Чебоксары • 2014

УДК 821.512.111

ББК 84(2Рос=Чув)6-4

О 86

О 86

Отрыванов С.Г.

Чужие на своей земле. Роман в двух книгах. Книга первая. — Чебоксары, 2014. — 544 с.

Первая книга романа охватывает события начального периода становления советской власти, рассказывает о судьбах людей, перенесших неслыханные лишения, утраты, нищету, принудительную коллективизацию и репрессии. Под пресс властей попали многие — интеллигенция и рабочие, коммунисты и беспартийные, крестьяне и горожане, взрослые и дети.

В основу книги положены архивные документы, реальные факты и события, воспоминания тех, кому суждено было пройти адские круги унижений, изгнание с земли предков и отправку на чужбину — за уральские горы, в Сибирь и на Север. По-разному сложилась жизнь у героев, но они оставались преданными Родине.

К-69487

Национальная библиотека
Чувашской Республики

ISBN 978-5-905486-09-8

© Отрыванов С.Г., 2014

*Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?*

Александр Блок

НОВЫЙ УЕЗД

Не мути воду в реке Цивиль.

И на одной карте России не найти названий населенных пунктов Нурос, Ярмушка, Услаба, Кивьял, Хумуш. Такие небольшие села и деревни тысячами разбросаны по широким просторам Великой страны.

В конце IX века болгарский царь Алмуш создал новое государство — Волжскую Болгарию. Эта страна располагалась на торговых путях, связывающих с Востоком, и контролировала центральную часть Волги. Русские князья хотели полностью овладеть водными путями большой реки, без препятствий торговать с азиатскими странами. Ратные столкновения между русичами и болгарами вспыхивали часто. Они не только воевали между собой, но и крепко дружили. Болгарские мастера строили белокаменные храмы во Владимире и Юрьев-Польском, купцы торговали, между знатными людьми завязывались родственные отношения.

В XIII веке, во времена татаро-монгольского ига, Золотая Орда загубила Волжскую Болгарию, города потеряли былое

великолепие, самостоятельность, могущество, а государство — четыре пятых своего населения. Народ утратил свою письменность, говорили: «Её съела корова». Стиснув зубы, сжав кулаки, люди покидали родные места, переселялись между реками Сура и Свияга. Старались расположиться как можно дальше от больших дорог, от судоходных рек, но около ручьёв, непременно между двух ложбин, оврагов, чтобы скрыться от внимания русских и татар. Такие поселения можно было заметить только тогда, когда вплотную уткнешься в них. Здесь нет ни улиц, ни переулков. На первый взгляд, казалось, что дома, огороженные тыном или высоким забором, поставлены хаотично и беспорядочно. Но это осознанное, планомерное строительство жилья родными, близкими людьми одного клана или рода. Себя они называли чувашами.

При царствовании Петра Алексеевича они стали государственными крестьянами, людьми низкого сословия в России. Единственная привилегия, по сравнению с помещичьими крепостными, — более свободное положение. Никто не мог распоряжаться их имуществом, вмешиваться в хозяйство, в личные семейные отношения. Однако столетиями они платили дань в два раза больше, чем русские и татары. Господа тянули из них последние жилы. Трахома, тиф, другие болезни косили людей, молодые быстро увядали. В конце XIX века, после отмены крепостного права в России, они стали полусвободными, получили в аренду земли по числу мужчин в семье, создали свою письменность, открывали школы.

В этих местах крестьяне только двести с лишним лет назад научились верить в славянского Бога. Православные церкви трех сел — Нурос, Авшак Элмен и Асакас, построенные в середине XVIII века, всеми правдами и неправдами выполнили свою миссию, завершили внедрение христианства в округе. Новую веру чуваша приняли без суеты и шумихи, какая разница, у них и так было довольно много Богов: киреметей — духов, йерехов — ведьм, арсьюри — леших и пирештей — ангелов. Православная вера перевернула мировоззрение крестьян, народ совместно с местными священниками шагнул вперед — основная часть язычников стала ответственными богобоязненными людьми. При таинстве крещения дети получали фамилии по имени отца, а внуки уже носили другую фамилию. Но многие привычки и исторические порядки старой религии народ сохранил.

В деревнях продолжали поклоняться языческим Богам, особенно Киремет.

С тех пор утекло много воды. В деревне Ярмушка живут в большинстве своем праведные люди. Селение небольшое: с одного края протекает речка Уба-Сирма, с другой стороны — крутой овраг, с третьей — пахотные поля, где выращивается черный крестьянский хлеб, и наконец — лес, закрывающий деревню от любопытных глаз. Крестьяне не потеряли трудовой календарь. Суббота считается выходным, баннным днем. Во всех домах варят вкусный ужин, приглашают родных, друзей и за чувашским пивом чинно ведут деловой разговор о земле, о жизни...

В двух верстах от селения, за небольшой рощей, расположилась деревня Услаба — с тремя улицами, сохранившими свои исторические названия. Первые поселенцы, бывшие разинцы, сумевшие уйти от кары властей, обосновались в лесной осиновой ложбине. Люди их узнавали по аромату меда. В округе только они держали пасеки и называли себя осиноволожбинцами — ослабинцами.

Главная улица деревни — Услабинка: широкая, с полувековыми вербами, с двумя небольшими прудами. Одним концом упирается в реку Хирлеп, другим — в стену осиновой рощи. Кривая балка и Медвежий край — небольшие переулки. Дома в деревне разные — половина невзрачные, ветхие, построенные из небольших, корявых бревен, крыши покрыты соломой. Другая половина — крепкие избы с большими окнами, с кровлями из мелких, тонких деревянных пластинок, с воротами из дубовых стоек.

Внизу за околицей стоит чувашская языческая часовня Часавай, куда некрещеные мужчины и женщины со своими детьми приходят с радостями, бедами и при необходимости проводят «Чўк», то есть малое жертвоприношение.

Рядом — старинное поселение Кивьял. Население этого выселка держится особливо, не всегда разрешает пришлым пересекать черту недозволенного. По этой причине между вольными ослабинцами и язычниками кивьяльцами происходят небольшие стычки, но всегда заканчиваются мирными застольями.

На правой стороне небольшой своенравной, быстротечной реки Хирлеп, расположилось ещё одно селение, околоток — Хумуш, основными жителями которого являются переселенцы из деревни Кивьял.

Появление этих деревень напрямую связывают с базарным, церковным селом Нурос. Волостной центр раскинулся на левом берегу реки Цивиль, куда впадает река Хирлеп. На возвышенности поселения стоит трехпрестольный храм, названный в честь Покрова Пресвятой Богородицы, куда по воскресеньям и праздникам приходят жители шестнадцати близлежащих деревень. Трехъярусная колокольня гудит от звона больших и малых колоколов, извещая крестьян о начале службы.

На правой стороне села разместились волостное училище, разные конторы, магазины, добротные кирпичные, деревянные двухэтажные усадьбы знатных, богатых людей. На левой стороне — дома простого люда, крестьян, хлебопашцев, не сумевших стать состоятельными хозяевами. Не из-за их лени, а сама жизнь не позволяет им перешагнуть черту бедности. Власти не забывают забирать за налоги последний пуд хлеба.

В нижней части поселения расположилась базарная площадь. По четвергам сюда собираются продавцы, покупатели из разных сел и деревень Нижегородской, Казанской, Симбирской губерний. В сентябрьские дни, ещё в теплое осеннее время, проходит ежегодная семидневная Троицкая ярмарка. Около Нуросской дачи в летние дни на большой полянке водит молодежь хороводы.

Река Цивиль не очень широкая, только в некоторых местах достигает двадцати шагов, но вода светлая, ключевая. Она берет свое начало в лесах, в верстах пятнадцати от села Нурос и по всей своей протяженности является родником жизни крестьян — вдоль её расположились десятки деревень. Берега реки чистые, только плакучие вековые ветлы по ветру играют с течением реки, с большими и малыми омутами, имеющими своё народное название: Свистящий, Змеиный, Медвежий, Сетнеров. Люди боятся приблизиться к ним. Если в омут попадает домашнее животное или человек — им не выбраться. Река их тела выбрасывает через несколько дней, именно на то место, откуда вошли в воду.

Весной вода Цивили становится неуправляемой: разливаются, бурлит, трещит от ломающихся льдов. Ухает, разрушает крутые берега, уносит строения, поит илистой водой поля, огороды.

Летом, по утрам, поднимается тяжелый молочный туман, незаметно подходит к Нурос. Начинает своими лоскутными

одеялами окутывать постройки, обволакивая, закрывая их мокрым паром. Не доходя до волостной конторы, останавливается, стелется понизу. Солнце мешает туману подняться выше, начинает гнать обратно в реку. И он бежит, торопится, боится уколов стрелы ясного небесного светила. Часть построек, деревья, дома вырисовываются из тумана, блестят от ярких утренних солнечных лучей. Церковь с золотым куполом выныривает как будто из глубины веков и восторженно смотрит на бескрайние дали.

* * *

Сегодня четверг, 28 марта 1918 года. Река Цивиль пока не проснулась, только набирает силу, а село Нурос уже бурлит. Давно здесь не было столько гостей. Базарные дни не в счет. Там продавцы и покупатели, завершив свое дело, не задерживаются. В этот день собрались представители двенадцати волостей на свой первый совместный крестьянский съезд. Делегаты приехали из Аликовской, Асакасинской, Кошлаушской, Малояушской, Нуросской, Тойсинской, Село-Устьинской, Убеевской, Хочешевской, Чебаевской, Чувашско-Сормовской, Слободо-Стрелецкой волостей. Среди них можно встретить депутатов Ядринского уездного Совета, большевиков, представителей центрального чувашского Совета Казанской левозсеровской партии «Канаш», сочувствующих им и беспартийных.

Крестьянский съезд открылся в 10 утра в зале присутствия волостного правления. В большом помещении народу набилось словно селедки в бочке. Хорошо хоть курить запретили, иначе дышать было бы нечем. На небольшой возвышенности, называемой местом для председателя, поставили длинный дубовый стол, покрытый красным сукном, графин с водой и два стаканчика. В этом зале в последнее время проходит довольно много различных собраний, съездов и митингов. Сегодня собрался народ говорливее и голосистее прежних сходок.

Под гул аплодисментов и одобрительных приветствий на трибуну поднялся председатель Нуросского волостного исполнительного комитета Совета крестьянских и солдатских депутатов Алексей Дмитриевич Лебедев. Небольшого роста, крепкого телосложения, лысоватый, с чисто выбритыми щеками мужчина прямой походкой подошел к середине сцены. В зале застыла напряженная тишина.

— Товарищи! Юлташсем! — поставленным голосом начал оратор и продолжил выступление на русском языке, добавляя чувашские слова, чтобы было понятно всем присутствующим. — Великая Октябрьская революция рабочих и крестьян провозгласила равноправие трудящихся масс всех национальностей! Она освободила нуросскую бедноту, изнывавшую под игом грубого засилья попов, миссионеров и ядринской русской буржуазии! Нет больше национального угнетения! Нет больше издевательства чиновников и нагайки урядников! Советская власть, Совет Народных Комиссаров своим декретом от 27 января этого года разрешили самим определиться и позволили провести разделение уезда. Нам необходимо сбросить ярмо ядринцев, создать собственный уезд — Нуросский! Об этом десять дней назад мы известили соседей, депутатов и чиновников уезда. С нами согласились двенадцать волостей, они сюда делегировали своих представителей для решения конкретного вопроса. Настоящий форум создан на основании постановления второго районного крестьянского съезда Ядринского уезда! На съезд прибыло 47 делегатов из пятидесяти, среди них представители центрального чувашского Совета «Канаш» и Ядринской земской управы. Собравшиеся делегаты имеют право самостоятельно, без вмешательства губернского Совета решить вопрос о создании Нуросского уезда. Разрешите первый исторический уездный крестьянский съезд считать открытым!..

Народ бурными аплодисментами приветствовал слова Лебедева, топал ногами, некоторые вскакивали с мест. Как только делегаты немного успокоились, на трибуну к Лебедеву подошел представитель Ядринской земской управы Яков Абрамов:

— Поскольку крестьянский съезд был созван официально, от имени делегатов предлагаю избрать президиум, председателем — делегата от Нуросского волостного Совета Алексея Лебедева, помощником — Василия Окулова от Асакасского волостного Совета!

Делегаты единогласно избрали руководящий Совет съезда, протокольную группу, мандатную комиссию, выполнили другие необходимые формальности и приступили к составлению повестки дня. Вопросов собралось больше тридцати. Чувствуя единодушную поддержку собравшихся, Лебедев предложил ещё один вопрос: «О статусе села Нурос, о переименовании сельского поселения в город Нурс». Делегаты согласились этот вопрос рассмотреть вместе с основным.

— Считаю излишним доказывать о необходимости создания нового уезда, сначала уточним решения волостных крестьянских съездов, — эмоционально, но уверенно сказал Лебедев. — Пусть делегаты выскажут свое мнение, порадуют нас единодушным решением.

Съезд его поддержал.

Сразу на трибуну поднялся председатель Убеевского волысполкома Илларион Филиппов. Он как великий охотник, начал всегда первым.

— Товарищи! На прошлой неделе наш волостной крестьянский съезд, кстати, при большом стечении народа, рассмотрел этот вопрос. Мнения у нас разделились. Мы готовы поддержать и проголосовать за учреждение нового уезда и города, но пока, до законного утверждения, воздерживаемся туда вступать.

От первого выступающего никто не ожидал такого поворота событий. Зал загудел:

— Испугались!

— Собаку съели, а хвостом подавились!

— Предатели!

— Хотите, на чужом горбу в рай въехать!

— За спинами прячетесь!

— Поддерживаете ядринцев!

— Хотите, как прежде, голову склонять перед иродом!

— Щенок, лающий на свою мать, угодил волку в пасть!

Филиппов попытался оправдаться:

— Я изложил не свое мнение, а решение крестьянского съезда Убеевского волысполкома и комитета бедноты.

— Что нам ваше решение!

— Если взялись за воз, тяните! Вместе со всеми тащите!

А то... один на мельницу, другой в лес!

— Прекратите вертеть задом!

Делегаты не стеснялись в выражениях.

— Будем тянуть! — не сдавался Филиппов. — Мы согласны войти в состав членов уездного Совета пока на правах совещательного голоса, готовы отвечать за свои действия.

Лебедев, звоня колокольчиком, с трудом успокоил зал, предложил сначала выступить тем, кто прибыл на съезд с конкретными предложениями по созданию нового уезда. Зал его поддержал аплодисментами. На трибуну один за другим выходили представители других волостных исполкомов, они твердили,

божились, что готовы сложить свои головы за Советскую власть, за чувашскую землю, за новый уезд и город. А вот делегаты трёх волостей, ссылаясь на отсутствие единого решения, расписались в собственном бессилии, хотя поддержали большинство, но от присоединения воздержались, согласились дать в ближайшее время письменный ответ.

После бурного пятичасового обсуждения с возгласами у-р-р-ра!!! делегаты съезда заявили об образовании в селе Нурос нового уезда с восемью волостями, а само поселение решили назвать уездным городом Нурс. Зал долго не затихал, люди громко радовались, обнимали друг друга. Их никто не останавливал, пускай выплескивают эмоции, тогда и другие вопросы будут решаться без сучка и задоринки.

С победой, с образованием нового уезда, нового города делегатов поздравил представитель Совета землепашцев и солдат Ядринского уезда Василий Абакумов. За ним на трибуну вышел представитель центрального Чувашского Совета «Канаш» Зиновий Алексеев и зачитал приветственную телеграмму из Казанского левосоциалистического центра. После этого объявили двухчасовой перерыв на обед.

Народная молва быстро разлетелась по округу. К вечеру в Нурос начали прибывать крестьяне из всех близлежащих деревень. Весь вечер и всю ночь люди ждали, когда к ним выйдет председатель нового Нуросского уезда, разъяснит о принятых решениях. Успокоились только к утру, когда перед ними выступили делегаты съезда и растолковали об изменениях.

В этот день на съезде успели обсудить вопросы об организации административных, хозяйственных, земельных, юридических, военно-учетных учреждений и казначейства, принять к исполнению постановление об отводе земли под учреждения нового уезда. Решили: хлеб из района в дальнейшем никуда не отправлять, прекратить всякое перечисление средств в Ядринское казначейство, поступающие средства от казенных, земских сборов вносить на депозит Нуросского уезда, постановление о принятых решениях объявить по всем инстанциям, волостям, уездам Казанской губернии, дать объявление на страницах газеты «Канаш». Наконец утвердили, что город не может существовать без гимназии, пусть мальчики и девочки нового уезда получают образование, но не буржуйское, а истинно

революционное. Средств на строительство гимназии решили просить у комиссара народного образования товарища Луначарского.

На следующий день съезд собрался на свое заключительное заседание, на котором провели выборы членов нового исполкома и организовали школьный комитет. Членами Нуросского уездного Совета крестьянских депутатов стали четырнадцать человек, в том числе представитель Ядринского уездного земства Яков Абрамов, член Казанского чувашского Совета «Канаш» Зиновий Алексеев. В новый уезд вошли восемь волостей. Убеевский волисполком воздержался стать членом уезда до законного утверждения властями города Нурс. И Чебаевский и Село-Устьинский волисполкомы явно желали заполучить для себя места побогаче. Слободо-Стрелецкая волость поколебалась, но наконец, доложила, что она присоединяется к русскому Васильесурскому уезду.

К двум часам ночи 30 марта 1918 года все вопросы были рассмотрены, председательствующий объявил о закрытии съезда. Несколько человек запели «Интернационал», но большая часть делегатов молчала: они не знали ни слов, ни мотива. А эсеры, проводившие этот форум, отказались исполнить партийный гимн большевиков.

* * *

В начале апреля 1918 года Нуросский волостной исполком крестьянских депутатов полностью состоял из членов левоэсеровской партии. Председатель Алексей Лебедев не захотел сотрудничать с большевиками, обвинив их в предательстве. В чем это заключалось, никто толком не мог объяснить. Однако левые революционеры воздерживались открыто выступить против Нуросской ячейки РКП(б).

По вторникам новый уездный исполком собирался на обязательное заседание. Рассмотрение вопросов проходило быстро, без всяких противоречий. Помешать им никто не мог, большевики не вошли в состав членов исполкома. Только после принятых постановлений они направляли свои протесты письменно, претензии были пустыми, не приносили в работе никаких осложнений.

— Ядринцы себя ведут недостойно... Противно становится... — начал очередное заседание исполкома Лебедев. — Попробуют опротестовать решения нашего съезда. В селе Аликово на 25 мая официально назначен новый уездный крестьянский съезд. Представители ядринцев Гранитов, Каратаев, Мартяжев, Иванов, Кочергин уже находятся там, обрабатывают народ. Они торопят ход событий. Вроде согласились с нашими предложениями, но за спиной грамотно и скрупулезно решают деловые вопросы. Добились решения губернского Совета, где сформулировано: «нежелательно деление Ядринского уезда на два самостоятельных», но признано «уместным перенос уездного центра в село Нурос».

— Чего им ещё не хватает? — спросил комиссар земельного подотдела Ефим Семёнов.

Лебедев порою не понимает однопартийцев, старых социалистов-революционеров. Предельно же ясно, под видом оказания помощи, ядринцы по отдельности перетягивают к себе руководителей волостей Нуросского уезда. Своими действиями толкают местных крестьян на всякие незаконные действия, на самозахваты земель. Это может привести к непредсказуемым действиям, — тогда прощай новый уезд, новый город.

— Что и настораживает! — резко ответил Лебедев. — Ситуация может резко измениться. Ядринцы по волостям распространяют слухи, что с созданием нового Нуросского уездного центра налоги повысятся до ста рублей на душу в год. Если народ поверит — несдобровать! Наша аграрная программа отличается от большевистской, надо ускорить события на местах.

— Не надо горячиться, — захотел пошутить начальник милиции Федор Кузьмич Зотов. — Для спокойствия поставим к стенке пару человек, и в округе будет тишина.

Он из заезжих, темная личность. Ему не интересуют заботы о новом уезде. Если дать волю, то не думая спустил бы немало крови, в первую очередь не пожалел бы большевиков.

— Бросьте вы свои дурные штучки-расстрелы, — серьёзно ответил Лебедев. — Никого не испугаете, обстановка может накалиться так, крестьяне именно нас и поставят к стенке.

На этом небольшую дискуссию он прервал, переходя к рассмотрению повестки дня заседания исполкома:

— Всего двадцать восемь вопросов, основных два: главный — отношение к оброчным статьям и реквизированным лесным

угодьям, второй — о партийной ячейке... Переходим к обсуждению первого вопроса.

— Что обсуждать? — громко провозгласил, немного обиженный Зотов. — Решение перед твоими глазами, принять и подписать.

— Ты опять за крайние меры. Не понимаю! Не могу поддержать проект решения исполкома по вопросу оброчных статей и реквизируемых лесных угодий!

— Чего не понимаете! — возразил Зотов, косо глядя на председателя.

— Если я правильно прочитал, на рассмотрение представили документ, согласно которому хотим поделить 2134 десятины 108 квадратных сажен реквизируемых земельных, лесных покосных угодий между волостями нового уезда в зависимости от количества проживающего населения?

— Правильно!

— Кто подготовил официальное письмо с предупреждением в адрес соседних волостей?

— Земельный комиссар, — за всех ответил Зотов.

— Тогда пусть доложит Семёнов, а не Федор Кузьмич! — не поднимая головы от бумаг, парировал Лебедев.

— Всё рассчитано по рыночным ценам, — пробормотал Ефим Семёнович.

— Принимая решение отправлять письма с угрозами, вы восстановили против нуросцев все соседние волости и уезды. Подумать только! С каждой скошенной десятины 7 рублей 50 копеек и 58 пудов сена за издержки?!

— Так и есть? — недоуменно посмотрел на членов исполкома Зотов. — Они сами не захотели земли документально оформлять, закон на нашей стороне.

— Война с ядринцами только начинается! — резко ответил Лебедев. — Наше решение в губернии не утвердили — нет ни уезда, ни нового города Нурс... Мы уже хвост подняли, начали диктовать условия. Не с того начинаем!

— Не пугай! — встал на сторону Зотова комиссар подотдела снабжения и финансов Николай Трофимович Стрельников. — Мы тоже не из теста слеплены! Знаем законы и читаем декреты.

Не верит этому человеку Лебедев. Слишком уж прямой и упрямый. Как буравчик влезет в душу. Никому не дает спуска, никому не позволяет перечить. Будто в большевики записался.

— Читать-то читаем. Где сила? Сколько членов в нашей партийной ячейке? Семеро смелых. Наши сторонники — руководители Чувашского Совета — обустроились у татар. Казанский губком РКП(б) не доверяет им. Зиновий Алексеев не может протолкнуть наш вопрос.

— При чем тут он?

— Притом!.. — рассердился Лебедев. — Нуросская ячейка РКП(б) в своих рядах имеет шестнадцать человек, почти два раза больше, чем у нас. Председатель большевиков Никифоров, хотя по вопросам создания нового уезда и города нас поддерживает, но против нас ведет бурную агитацию не только здесь, но и в Ядрине.

— Пусть зубоскалит! — возразил Стрельников. — Теперь мы хозяева положения, будем диктовать свои условия.

Лебедев убедился: «Не поняли и не поймут его сейчас члены исполкома. Если примут такие решения, конец новому уезду! Как растолковать всем, что ядринцы готовят что-то нехорошее, они не простят такую прыть со стороны нуросцев».

— Сегодня можем, а завтра нет... — глубоко вздохнул он. — По-другому с нами будут толковать большевики. Неумело брошенная дубинка попадает в голову кидающему...

Не послушались члены исполкома своего председателя, не попытались проанализировать и подумать о последствиях, единогласно проголосовали за подготовленное решение. Исполком пошел против Лебедева.

— Товарищ председатель, может, вы устали или не понимаете, какая сейчас революционная ситуация? — обратился Зотов в конце заседания.

Лебедев не из пугливых. Он прекрасно понял значение этих слов. Члены исполкома предлагают ему оставить пост.

— Некогда нам делить кресла... Решение крестьянского съезда остается в силе, будем твердо стоять на своих позициях!

— Вот это по-революционному! — мотнул головой Зотов. — Некогда слюни распускать перед большевиками!

— Нам надо опередить ядринцев, — предложил Лебедев. — На нейтральной зоне созвать совместное пленарное заседание, куда пригласить представителей Казанского губисполкома.

На этом и договорились. Оставшиеся вопросы рассмотрели за полчаса. Заседание закрыли как всегда вовремя, до окончания рабочего дня.

Любит Узьяк Иванович Павлов ходить по Нуросскому базару. Владелец ветряной мельницы и шерстобитки сидел на новой открытой четырёхколесной повозке и не торопился домой, в деревню Услаба. Небольшого роста, крепкого телосложения, с большими кулаками, широким лбом, немного прищуренными серыми глазами шестидесятилетний крестьянин приехал на базар по торговым делам, управился быстро, сейчас любовался окружающим миром. Погода стояла теплая, солнечная. Весна пришла, унесла снег, вокруг начало зеленеть. Люди, оставив ненадолго домашние дела, выскочили на базар: кто продавать, кто покупать, а кто — себя показать, на других посмотреть. Мельница, кузница и базар не бывают безлюдными.

Старики говорили, что базар существовал и до образования самого селения Нурос. Торговые улицы широкие, просторные, с длинными рядами лавок. Они начинаются на берегу реки Цивиль, поднимаются вверх и выходят на Буинский тракт. Улицы сохранили свои старинные названия: Конная, Хлебная, Рогожная, Питьевая, Утварная, Рожковая. Три дня, со среды по пятницу гудит базар, особенно шумно по четвергам. Торговцы зывают покупателей — предлагают, кричат, радуются состоявшимся сделкам, звонко хлопают по рукам. Особенно суетно в Хлебном и Конном переулках. Хозяева хвалят свой товар, покупатели торгуются, стараются хоть немного снизить цену. Лошади фыркают, когда люди начинают их рассматривать со всех сторон, хлопая по спине, заставляя оскалиться.

Всё здесь продается и покупается: от деревянной ложки до коровы, от рубанка до телеги, от зерна до блинов, от нитки до шубы. Даже свистульки — каждая имеет свое звучание и чудную фигурку.

Около чайной собрался народ праздный — нищие и завершившие свою торговлю крестьяне. Питьевое заведение гудит с утра до самой ночи, работники часто выгалкивает оттуда пьяных мужиков. Везде грязь, лужа. Слышны разноязычные разговоры: чувашский разговор с русской матерщиной, татарский язык с чувашскими выражениями, русский говор с хитроумными поговорками.

Заметил Узьяк, что люди на базаре становятся равными. Нет ни урядника, ни волостной головы со своими женами, ни чиновников, попов, дьяконов, крестьян, купцов, лашманов,

грузчиков. Все они продавцы или покупатели, прибывшие из Казани, Нижнего Новгорода, Ядрина, Порецкого, Алатыря, со всех близко и далеко расположенных поселений. Здесь ходят разного рода ловкачи, готовые в любое время обчистить зазевавшегося. Раньше не раз ядринские и нижегородские купцы со своими работниками избивали инородцев (так называют они чувашей, мордву и татар), раскидывали товар, распарывали мешки с зерном и мукой. Советская власть разом навела порядок, заперев в кутузку десяток нечестных торговцев. Местное население приветствует такое решение. А то, что получается — приезжие за бесценок закупают всё зерно, хлеб, а на следующий день они же цену увеличивают вдвое. Сейчас Хлебная улица свободна, цены регулируется земельным комитетом волостного исполкома. Торговля идет, крестьяне довольны.

Люди на базар приезжают с определенной целью — продать или купить нужные хозяйству товары и с чувством удовлетворения возвращаются домой. Молодежь не торопится, сюда они заглядывают покрасоваться. В эти дни на территории Нуросского края собираются все три группы чувашского народа. Одни себя называют верховыми — вирьяльскими, вторые — низовыми, а последние — степными-низовыми. Они носят разную одежду, отличающуюся друг от друга.

«Какие тут степи, вокруг шумит лес, — призадумался Узьяк, любуясь прохожими. — Нет разницы, как люди именуют себя? Для всех светит одно солнце, народ дышат одним воздухом, говорят на одном языке. Характер человека по лицу и одежде не определишь».

— Опять мечтаешь?.. — подсел к Узьяку, откуда-то появившийся старый Пакша — Пакшанов Гаврил Спиридонович, друг детства.

Среднего роста, сутуловатый, с хитрыми сероватыми глазами, черноволосый, шутник по жизни, приветливый человек. В деревнях бывает вражда между людьми, моменты неприязни — как личной, так и семейной. Но неписанные правила поведения требуют от крестьянина быть сдержанным и вежливым. Гаврил соблюдает крестьянский этикет. При встрече с жителями деревень, прохожими, независимо от того, знает он их или нет, обязательно здоровается, приподняв в знак уважения головной убор, а работающим сулит: «Бог в помощь», желая тем самым здоровья, счастья, благополучия и довольствия труженику.

Пакшанов — не истинная его фамилия. Деревня не может жить без разных прозвищ. Они зацепятся за человека на всю жизнь. В обычной жизни крестьяне общаются друг с другом с почтением, по имени, порою добавляя отчество. Стоит немного повздорить, сразу кличка вылезает наружу, о чем человек даже не подозревает. Гаврил кличку получил в молодости, за пристрастие охотиться за белками. Какие только снасти ни придумывал, никогда с охоты без товара не возвращался — зверки сами шли ему в руки. Вот и фамилию получил новую, чувашскую — Пакша-Пакшанов, по-русски получается Белкин. Основная его работа — торговля свечами при Нуросской церкви, этим он занимается более тридцати лет. В округе Пакша известен как человек деловой: копейку не упустит, да и рублю не даст ускользнуть. Поэтому его большая семья, состоящая из восьми баб, никогда не знала больших трудностей. Такими же хваткими выросли его дочери, одна проворнее другой. За десять лет друг за другом выскочили замуж, притом, как считают односельчане — девки стали членами крепких семей.

— Да вот, смотрю, — вымолвил Узьяк. — Мы с тобой одеты в белые кафтаны, на ногах черные суконные онучи, русские лапти, на голове высокие холмистые шляпы. Наши бабы тоже носят теплые, красивые лапти. Посмотри, вон они идут. На ноги... На лапти смотри... Головки маленькие, ровные, опорки до колен, без сусолен, без мочален — чистые, разукрашенные. Богом созданные чуда! А передники?.. По узорам и сборкам можно разобрать, откуда они, сколько у них детей...

— Ты, не туды!.. — пошутил Пакша. — Смотри на статью, на груди, на косы! Есть за что схватить и таскать по полу. Если нарядить и пень будет красив, как сваха.

Узьяку это неприятно, но он продолжил свою крестьянскую философию:

— А вот эти женщины закрыли свои шеи и затылки от таких оболтусов, как ты! Себя они называют ораушскими, низовыми. На ногах у них — видишь? Смотри... Повнимательнее... Опорки лаптей короткие, шерстяные онучи, рубахи у женщин пестроватого цвета, из домашнего полотна.

— Придется мне доложить Устине, что ты, забывая торговые дела, интересуешься бабами, — хитро прищурился Пакша, внимательно изучая Узьяка.

— Бестолковый ты человек, всё об одном. Волосы уже выпали, последние зубы торчком, а разговоры твои всегда завихрятся о бабах. У сороки одна песня. Ведешь себя нахально.

— Их тоже надо уметь приласкать и приголубить.

— Экий! Опять о своем!.. Поэтому с Тайрук настругали девок, аж семь штук.

— О чем же мне осталось лепетать, дорогой мой Узьяк, — с большим удовольствием согласился Пакша. — Дочери мои статные, на работе всегда впереди, в хороводе их голоса слышны были за три версты, и замуж вышли за крепких мужиков.

— Что правда, то правда, — решил умастить соседа Узьяк. — Трудолюбивые у ты бабы.

Счастливый человек Пакшанов, в своей жизни всласть потрудился, скоро будет шестьдесят, а не может найти себе времени для отдыха, будто ещё и ещё раз хочет доказать людям, что не зря топчет эту землю, не зря ест хлеб. Крестьянская жилка, торговые манеры крепко засели в этом человеке. А вот беда, не умеет с людьми вести простой разговор, в самый неподходящий момент загнет каверзный вопрос, прищемит душу.

— Сын-то как? — вдруг буркнул Пакша. — Захар извещает о себе, когда-нибудь придет домой или останется там — германцем станет?

Узьяк изменился в лице. Четыре с лишним года пролетело с тех пор, когда он проводил старшего сына Захара в армию. В середине августа началась война с Германией, а в октябре получил казенную бумагу о его гибели. Старый мельник слезы никому не открывал, напоказ не выставлял свое великое горе. Не верил Узьяк... Не верил, что сына навсегда потерял! И вот, как гром среди ясного неба известил Захар о себе. В маленьком открытом письме с незнакомыми немецкими буквами собственноручно написал, что жив, здоров, вместе с бывшим учителем из деревни Ярмушка Георгием Алексеевым находится в плену у германцев. Узьяк встретился с Алексеем Яковлевым, с отцом Георгия, и с тех пор они стали близкими людьми. Ждут сыновей! Больше жизни ждут! Узьяк не пожалел бы самого себя, лишь бы увидеть и обнять Захара. Вдруг слезы наплыли сами собой, глаза заблестели от солнечного света.

— Нет разницы, какого цвета, какой длины кафтаны мы носим... — ушел от ответа он, не обращая внимания на Пакшанова, засобиравшись домой. — Говорим на одном языке, поём

одни и те же песни, трудимся до последних сил. Одни мысли в голове у всех крестьян, лишь бы дети и внуки жили лучше, счастливее нас, чтобы не омрачили их жизни черные тучи. Боже, спаси и сохрани всех!..

Понял Пакша — наговорил лишнего, вот опять человека словом обидел.

— Про-о-сти! — шептали губы Гаврилы и он, не попрощавшись, засеменял истоптанными за многие годы кривыми ногами, в сторону митингующих.

На краю базара, под раскидистой ветлой, пристроена высокая трибуна, где местные чиновники волости, революционеры разных мастей ежедневно проводят митинги и собрания. Наступили беспокойные, тревожащие душу времена. Царя скинули, другим — дали пинка. Впереди что ещё ждет простых крестьян? Вот и сейчас к трибуне подтягивается народ. Как всегда вначале собирается много людей, все хотят услышать новости о положении на местах, о земле, о Ленине. Но эти митинги надолго затягиваются. Народ не понимает, почему выступающие противоречат друг другу, почему защищают разные точки зрения? Кто тут меньшевик? Кто большевик?.. Кто эсер?.. Чего они хотят?.. Трудно разобраться. Да и многие крестьяне даже не пытаются их понять. Их интересуется только одно. Давно вышел «Декрет о земле», но никто не знает, когда будут делить землю, кому сколько достанется. Пока никто не может вразумительно растолковать.

Теплилась в груди Узька малюсенькая надежда, что пролетарская революция произошла где-то далеко, не придет, не коснется Нуросского края. С каждым днем эта надежда начала таять: большевики заменили всю старую власть... на различных волостных учреждениях появились красные флаги.

Гудит народ около трибуны. Не удержался Узьк, повел коня поближе к митингующим, привязал его к изгороди, сам остался сидеть на тарантасе. Не успеешь глазом моргнуть, татары или цыгане уведут коня.

— Граждане! — начал свое выступление вышедший на трибуну Алексей Лебедев, председатель нового уисполкома. — Решением первого крестьянского съезда наше село объявлено уездным городом! После бурного обсуждения на съезде, с провозглашением многократного «ура!», делегаты единогласно выразили

подтверждение о создании Нуросского уезда, а само поселение названо городом «Нурс»!

Некоторые митингующие закричали «У-р-ра!», стали кидать в воздух шапки, а другие, не понимая, что происходит, переспрашивали друг у друга.

Узяк помнит Лебедева молодым, он учительствовал в селе Нурос. После небольших крестьянских волнений в 1905 году его арестовали и увезли в Казань. Говорили, что был связан с революционерами, распространял какие-то прокламации против самодержца. Появился в селе возмужалый, в кожаной куртке. Сразу взялся за новые порядки, стал председателем волисполкома.

— На крестьянском съезде его избрали председателем нового уезда, он сегодня уездный голова, — громко сказал мимо проходящий мужчина.

— За уездную голову — снесут умную башку... — пошутил кто-то.

Люди зло оглянулись на них. Узяк не обращал внимания на людей, его сейчас интересовали слова нового председателя уезда.

— Ядринцы всегда держали нас за дураков, эксплуатировали, за нуросцев решали, как жить! — немного хрипловатым, но довольно громким голосом продолжал Лебедев. — Богатство нашего края уходило неизвестно куда, а нам запрещали даже иметь кузницы. Мы должны навсегда освободиться от ярма презирающих нас ядринцев! Теперь перед нами стоит вопрос об организации истинно революционной власти.

Толпа митингующих взорвалась. Люди поняли слова председателя по-своему.

— Хватит ядринцев кормить! — кричал народ. — Новому уезду у-р-р-а!..

— Товарищи! — продолжал Лебедев. — У нас в волости уже действуют одиннадцать училищ для детей. Этого маловато! Не хватает грамотных специалистов! Крестьянский съезд принял решение просить комиссара народного образования товарища Луначарского разрешить открыть в городе Нурс смешанную гимназию, где более смышленные, умелые к грамоте мальчишки и девчонки будут получать дальнейшее образование, стать учителями, врачами, агрономами...

Эти слова понравились Узяку.

— Новое поколение должно уметь читать, писать, придумывать для крестьян самоходные телеги, плуги, жатки для уборки хлеба, — сам с собой разговаривал он.

Два года назад ему посчастливилось вместе с волостной головой побывать на сельскохозяйственной ферме при Казанском губернском земстве. Разные диковины он там увидел: электричество заставляло машину обрабатывать молоко, сбивать масло без участия баб. По улицам Казани бегали трамваи, люди катались на велосипедах, а вечером в парке солдаты на медных трубах играли марши. Увиденное оставило огромное впечатление. Однажды во сне он на ветрянке обустроил электричество, без ветра крутились огромные лопасти его мельницы, а мука выходила без отходов.

— Советов поддерживаешь, значит, интересуешься их делами? — пристал к нему, опять откуда-то появившийся Пакша.

— Каждое тобой сказанное слово или лечит, или калечит, — буркнул Узьяк.

— На твою мельницу, на шерстобитку глаз положила нынешняя власть... — прямо в лоб бил Пакша своими жгучими словами. — Вот тогда посмотрим, как будешь лечиться! Пустят по миру...

— Не пугай, голыми руками не возьмут!

— Землю... землю! Самую плодородную... Большевики их называют излишними, придется передать!

— И откуда ты все знаешь? — поинтересовался Узьяк.

— Газеты надо читать.

— Ай-уй, Гаврил, на тебя буквы вверх ногами смотрят?

— Не я, так есть другие, грамотные, кто приносит вести. А вообще-то надо бы пораскинуть умом нам с тобой...

— Тогда поехали домой.

— Подожди. Дослушаем Лебедева. Как бы не вышло: нетерпеливый мужик зарезал свою собаку.

— Когда ты правду говоришь, когда издеваешься, трудно тебя понять?

— Успеем наговориться. Если замолчим, то считай, нас большевики уже к стенке поставили.

Задумался Узьяк. В январе к лесопромышленнику Егорову пришли вооруженные люди, без разговора вывели трех лошадей из конюшни. Не выдержал хозяин, может, подумал, что это разбойники, и огрел одного оглоблей. Тот на месте скончался. Пришлые вооруженные люди оказались красными.

По приговору революционного трибунала или без него, шлепнули его прямо во дворе. Родным разрешили похоронить, но всё богатство Егорова, включая двухэтажный дом, отобрали в пользу Советской власти.

Митинг бурлил.

— Пожар мировой революции полыхает по всей Руси, его невозможно остановить! — кричал небольшого роста оратор. — Люди хотят жить для себя, а не кормить попов-дармоедов, бывших волостных, уездных и губернских чиновников, паразитов!

— Пожар так пожар, — с усмешкой заметил Пакша, подраживая выступающего. — Когда сила взберётся вверх, никого не пожалеет, ничего не оставит, всё сметет.

— Поживем, увидим... — вздохнул Узьяк.

Дальше не захотели задерживаться. За эти месяцы чего только не услышали. Ни мороз, ни пурга, ни дождь людям не помеха, дай только поболтать. Выступают-то не крестьяне, а разные пришлые — большевики, меньшевики, эсеры. Кричат, пугают, зовут куда-то. Не то чтобы понять, но и запомнить трудно.

— Ай-яй-яй!.. Беда ведь, беда! — сокрушался под нос Пакша, удобно устраиваясь рядом с Узьяком на тарантасе. — Горе у тебя сидит на плечах, прячется под мышкой.

— Что-то ты, друг мой, продолжаешь бубнить! — строго спросил Узьяк, поворачивая коня в сторону Услабы. — Расскажи-ка толком, уясни что к чему?

— Выедем на чистое поле, подальше от глаз и ушей антихристов, поговорим, — тихо ответил Пакша.

— Не понимаю! — угрюмо произнёс Узьяк. — Не доходит до меня, что и подумать...

Почему Пакшанов сегодня приклеился к нему? Раньше от Павлова подальше держался. Встречались, поговорили и разошлись. Сегодня ведёт себя так, будто собрался сообщить что-то важное.

Конь, почувствовав знакомую дорогу, резво побежал, не было надобности понукать. Он легким аллюром выскочил на проселочную дорогу и ринулся вперед. Дорожную повозку на небольших ухабах немного подкидывало. Пакша испугался, попросил придержать резвого. Узьяк тоже хотел завершить начатый разговор, подтянул вожжи на себя, и конь перешел на обычный шаг.

— О чем ты хотел со мной потолковать-то? — спросил он.

— Сегодня встретился с Нуросским священнослужителем, с отцом Каменским...

— И я часто встречаюсь с ним!

— Подожди! — сдерживая волнение, ответил Гаврил. — Не торопись. Всё по порядку.

— Ей-богу! Чего ты, как баба, сопишь, не договариваешь? — теряя терпение, проворчал Узьяк.

— Священник просил передать, что в эти дни тебя арестуют, мельницу, крупорушку на пользу общества конфискуют. С Ядрина выехал специальный отряд казаков-милиционеров, с собой имеют бумагу на арест Узьяка Павлова из Услабы, Петра Кошкина — из Ворманкас и Александра Васильева — из Нурос.

— Откуда такие подробности?

— Не знаю. Просили, чтобы ты на некоторое время уехал куда-нибудь.

— Мельницу все равно отберут... — призадумался Узьяк, но немного помолчав, ответил. — Куда убежишь от семьи, от людей, от своей судьбы.

Разговор расклеился. Каждый задумался о своем. Не догадывались Гаврил Пакшанов и Узьяк Павлов, что отряд милиционеров в это время приближался к деревне Услаба. В народе служителей закона и порядка называли казаками — это из-за их шапок, которые крест-накрест были обрамлены красными ленточками на макушке.

Через час эти самые казаки увезли Узьяка Павлова обратно, в сторону Нурос. Его обвинили в антиреволюционной деятельности, как члена тайной организации, ставящей своей целью свержение Советской власти, рабоче-крестьянского строя в Нуросском уезде. Дома, проливая горькие слезы, остались три женщины арестованного — жена Устине, невестка Аниса и внучка Машшук.

Прошел месяц. В начале мая Узьяк Павлов вновь оказался на воле. Решением Ядринского революционного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, арестованные по недоказанным политическим мотивам были освобождены из тюрьмы. Узьяк за сутки пешком добрался до дома. Радость родных не знала границ. Все вокруг него суетились, пытались угодить. Шестидесятилетний мужчина вел себя достойно, как всегда строго, не замечая оживления в доме.

Хмурилась погода, плыли облака, заволакивая небо. От них сквизило темнотой, сыростью. Шли мелкие дожди, будто издеваясь над людьми — путники месили грязь по дорогам, крестьяне никак не могли завершить посевные работы.

Пришел Иванов день. Во многих домах с утра готовят бани. По старинным поверьям от этого праздника пойдут медвяные росы: худые, вредные, поражающие ржавчиной растения, скотину. Они служат своеобразными предсказателями погоды. Это сущее бедствие. Вкус у росы сладкий, медовый, она покрывает колосья хлеба ржой, резко снижая урожай, сушит плети огурцов, от неё жухнут и отмирают листья тыквы. Её появление считается божьим гневом, дьявольским наущением. Медвяной росе крестьяне приписывают волшебные свойства и некоторую целебную силу. Если деревенская девушка обнаженная повалится в высокой утренней росистой траве, то она очищается от скверны, обретает телесную красоту. Обильная роса показывает, где можно копать колодец.

Бывшие городские бобыли из Нижегородской губернии, прибывшие в село Авшак Элмен, принесли спасение от этой напасти: крестьяне стали опрыскивать огороды настоем табака и жидким навозом.

Ближе к вечеру по проселочной дороге в сторону Ярмушки и Услабы шли-спешили двое. Годков им не более двадцати пяти. Одеты в старые костюмы европейских рабочих, сшитые из крепкого материала. На ногах короткие сапоги, за спинами — небольшие немецкие сумки-рюкзаки, головы покрыты глубокими фуражками. Несмотря на дождь, идут торопливо, крепко ступая по земле, не чувствуя мокрых одежд, продрогших тел. За день прошли почти пятьдесят верст. Давно бы остановились отдохнуть в одной из придорожных деревень, но близость родного дома и радость встречи звала их вперед. Они не обращали внимания, ни на нудную мелкую изморось, щекочущую лицо, ни на месиво под сапогами, ни на холодный ветер, лишь изредка переговаривались между собой.

Два солдата, два фронтовика, когда-то мечтавшие о военной карьере, но со временем отказавшиеся от неё, возвращались домой после четырехлетнего германского плена. Два друга —

бывший молодой учитель из деревни Ярмушка Георгий Алексеев и сын зажиточного сельского крестьянина из Услабы — Захар Узяков. На западный фронт, в 103-й пехотный полк они попали в 1914 году, плечом к плечу ходили в атаки. Вместе попали в плен при отступлении, в арьергардном бою около города Кутно.

Они оказались в немецком лагере «Лехфельд» в Баварии, пришлось работать в хозяйстве немецкого бюргера. Сеяли, пахали, убрали хлеб, фрукты, овощи, смотрели за домашним скотом. В общем, выполняли всю черную работу вместе с другими пленными и местными крестьянами. Два раза в сутки, утром и вечером стояли перед представителями власти, докладывали о себе, что пленные русские солдаты Георгий Алексеев и Захар Узяков никаких претензий к властям не имеют, они здоровы, болезней нет, благодарят за предоставленную работу и питание.

В свободное время усердно занимались немецким языком, научились сносно разговаривать с окружающими. Кормили не всегда сытно, молодые организмы требовали большего. Но где взять еды? Они учились жить на чужбине, не теряя ума-разума.

Много воды утекло за годы их плена, в жизни россиян произошло неисчислимое множество различных событий, больших перемен. Власти завязывали сложнейшие узлы военных, политических, дипломатических интриг, которые переплелись мертвой хваткой, действовали жестоко и бесчеловечно. Была война с немцами, где Россия потерпела поражение. Пленные солдаты не знали, как главнокомандующий Западным фронтом генерал Деникин подписал приказ, согласно которому вместо оружия на летний период солдатам русской армии «в качестве пособия к кожаной обуви и в предупреждение потертости ног» выдавали лыковые лапти.

Находясь в плену у германцев, не ощутили возросшую популярность царя, потом оскорбительные для царской семьи слухов: «Он предатель, продает Россию за «бочку золота», поддерживает связи с немцами. Этот безвольный, пьяный подкаблучник, не может справиться с развратной предательницей — женой немкой, которая имеет в Царском Селе «радиотелеграфную станцию» и ежедневно передает в Берлин секретные сообщения!» — кричали различные партии на своих многочисленных митингах.

Революция взорвалась в феврале 1917 года. Рухнули биржи, у банков скапливались огромные очереди. Николай Второй отрекся от престола, даже командующие фронтами перестали поддерживать императора.

Георгий и Захар не узнали, как народ полюбил председателя Временного правительства Александра Федоровича Керенского. Он был популярен, особенно среди российских дам и трудящихся женщин. Скоро романтического героя стали ненавидеть мужчины революционеры. О нем писали, что он спит на кровати Александра Третьего, используя постель императрицы. Вождя Временного правительства стали именовать Александрой Федоровной.

В октябре новая революция. Пока большевики в России забирали власть, Всероссийский церковный Собор избрал Патриарха. Им стал митрополит Московский Тихон. Православные граждане радовались и думали, что церковь станет другой, спасет страну.

Но не каждый в этом разобрался...

* * *

Захар родился и вырос в деревне Услаба. Его отец Узьяк Иванович Павлов — известный в округе зажиточный крестьянин. Ещё в молодости подружился с русскими, изучил их язык, пусть с чувашским акцентом, но довольно легко изъяснялся. Жена его, Устине Вазюковна из местных, старшая дочь Вазюка Егоровича Куликова, добротного пасечника, державшего в роще Ушах до ста пчелиных семей. За восемь лет у Узьяка с Устине родилось шестеро детей: четверо мальчиков и две девочки. Жить бы и радоваться, да и детей растить. Но в один год по деревне прошел кровавой понос, не пожалевший ни детей, ни взрослых. За летний месяц умерли от болезни десятки человек, в том числе и двое сыновей Узьяка и Устине Павловых. Против имен старших детей в церковных метрических книгах остались только надписи — «умерли от поноса». Младшие — Захар, Эрхип, Орина и Таюк выкарабкались. Взрослые вытерли слезы и начали трудиться с прежней хваткой.

На Захара, на старшего сына, навалились дополнительные домашние обязанности. Приходилось присматривать за сестрами и братом, ухаживать за домашним скотом, летом ежедневно

таскать несколько десятков ведер воды для поливки овощей, вместе со взрослыми жать рожь.

Поздно окончил Хумушскую церковноприходскую школу, в 14 лет стал настоящим помощником отца. Ездил с ним кучером, где только не побывал, с хлебным обозом доехал даже до пристани города Чебоксары. Выучил русский язык. В поездках увлекся чтением книг. Любил рассказы про военных, про Суворова. Однажды ему подарили две книги: «Элементарный курс всеобщей, русской истории» и «Жизнь Гарибальди». Пример этого героя Италии так захватил Захара, что он принял решение стать военным. Повзрослев, тайно от родителей и молодой жены, добровольно записался в армию. Думал, немного послужит и попросится в школу младших командиров, потом жизнь покажет, на что способен простой чувашский парень из деревни Услаба. Отец, узнав о планах взрослого сына, довольно серьезно поговорил с ним, даже вожжи применил в этом разговоре, но Захар не отказался от задуманного, на него не подействовали и слезы жены Анисы. Проводили в дальний путь. Одному Всевышнему было известно, что ждет его впереди.

В детстве Захар не был знаком с Георгием, хотя родились и выросли в соседних деревнях, расположенных в трех верстах друг от друга. Их соединила война. С первых дней знакомства стали друзьями, делили между собой последний кусок хлеба, глоток воды, патроны. Георгий пытался расспрашивать, почему сын такого богатого в округе человека стал солдатом, как оказался на Западном фронте, притом — в самом начале войны. Захар не раз убеждал друга, что он доброволец. Георгий не верил, он видел, как провожают люди своих сыновей в рекруты. Сколько слез, сколько горя доставлял небольшой мобилизационный лист. Но, чтобы сын мельника по своей охоте стал рядовым солдатом — Георгий поверить не мог.

— Захарушка, где ты успел так провиниться? — не раз, по-дружески обнимая, повторял Георгий. — Как умудрился пойти против воли отца, оставить молодую жену?

— Нет! Против своих родителей, против отца и матери я никогда не пойду, даже грубого слова не скажу, во всем буду им опорой, если надо, стану ухаживать за ними, не зная ни дня, ни ночи, — отвечал Захар. — А Анису я люблю больше жизни...

Помнит, когда ему стукнуло шесть лет, был влюблен в отца. Был переполнен восторгом перед крепким мужиком, сам не понимая, ревновал его ко всем людям, в том числе и к матери.

Отец, трудяга, путающий имена своих детей, нечасто появлялся дома. Тяжелый крестьянский труд не позволял обращать внимание на переживания ребенка. Однажды, в теплое июльское утро, Захар поехал с родителями на базар. По дороге отец заговорил:

— Погодь-ка, сын, как тебя зовут, что-то запамятовал?

Захар молчал. Думал: «Отец шутит, как его можно путать с младшим братом Эрхипом?». Через некоторое время отец повернулся к нему и виновато спросил:

— Чего молчишь, Эрхип?

Тогда маленький мальчик не выдержал и громко объявил:

— Захар я!.. За-а-хар!

Рядом сидящая мать не выдержала, закрыла рукой губы, засмеялась, но не осудила мужа. Узьяк виновато от них отвернулся. «Что поделаешь — нет времени затылок себе почесать, с детьми поговорить. Приходишь домой — они спят, уходишь утром — не проснулись. Тут не только имена, но и их лица забудешь», — думал Узьяк, до Нуроса не проронил, ни слова, только на вопросы жены и Захара коротко отвечал: «Нет... Да...».

На базаре дела спорились, несколько мешков муки продали оптом. Отец доволен: «Всегда бы так!». Ненадолго ушел по своим делам. Мать ходила за покупками. Захара не интересовали люди, различные сладости, новая обувь. Хотелось выскочить на шумный базар, кричать, позвать, найти отца. Время шло, он не возвращался. Мальчик вставал на телегу, тянул голову по сторонам. Мать успокаивала его, и с улыбкой на губах отвечала:

— Притопает... Скоро подойдет.

Действительно, вернулся — счастливый, немного «навеселе». Крепкими руками поднял сына, поцеловал в лоб, о чем-то пошептался с женой, и двинулись домой.

Повзрослев, Захар стал пропадать на мельнице. Здесь он учился премудростям жизни. По силе и направлению ветра, по степени холода, по облакам и по другим признакам погоды научился безошибочно определять, когда можно запускать мельницу, а когда заняться ремонтными работами. Помогал отцу выравнивать огромные валы, колеса, жернова, чтобы без усилий ветер приводил весь механизм мельницы в движение. Тогда мука получалась воздушная, как пушинка падала на ладонь. Захар считал отца волшебником, обладающим тайным знанием.

Люди, прибывшие на помол, никогда не перечили Узяку Ивановичу, слушались беспрекословно. При встрече с отцом даже старики на улице чинно кланялись и в знак уважения снимали шапки. Отец отвечал таким же манером.

...Захар, увидев верхушки деревьев у околицы, раскинул крепкие мужские руки и заплясал. Брызги воды с грязью выскакивали из-под сапог. Георгий немного отпрянул, хотя давно был весь мокрый, тут же, сияя от улыбки, глядя на друга, хлопал в такт ладонями.

— Люблю эту шумную деревню, насквозь пропахшую хлебом и солодом! — закричал Захар. — Мне нравится старинный колодец на околице, с высоко вздернутым журавлиным клювом, деревянным ведром, наполненным холодной водой, коя даже зубы ломит! Чувствую себя мальчишкой — даже в плену часто хотелось скинуть обувь, бегать и бегать босиком. Кажется, детство моё ещё не прошло!..

— Прошло, ох, как прошло... — вздохнул Георгий. — Забыл свою деревенскую грязь до колен после каждого дождя?

— Это только в межсезонье.

— Поэтому сапоги на плечах носил?

— Носил. Берёг... а может, летом по грязи голыми ногами приятнее было ходить.

Георгию, тоже люб дом родной, своя маленькая родина. Поэтому не стал больше донимать разговором, просто обнял его на прощанье.

— Пока, кореш мой сердешный, — крепко прижал к себе Захар друга. — Скоро позову в гости, познакомлю с родителями, женой и дочерью.

— Не забудешь?

— Не обижай!

— В деревне тебя не узнают... — многозначительно сказал Георгий. — До встречи.

— Скоро увидимся! — ответил ему Захар и ушел в сторону Услабы.

Георгий долго смотрел вслед удаляющемуся другу. До Ярмушки осталось около версты. За лесным массивом — косогор, за ним, как на картинке открываются знакомые места. За рощей... за этой рощей его родная деревня!

Восемь лет минуло с тех пор, как он уехал в Бирск. Стал учителем. Год учительствовал в чувашской деревне, потом —

армия, война, плен, четыре года на чужедальной стороне. Срок немалый. Перед войной недолго увиделся с родителями, братьями и сестрой. Хотелось их обнять, встретить друзей детства, посмотреть на подросших за эти годы девчат, искупаться в речке Цивиль.

Он не погиб, не пропал без вести. Раненого солдата, вместе с другими, германцы взяли в плен и отправили в тыл — сначала в Польшу, затем в Германию. Но родные об этом не знали... Они мысленно уже похоронили сына, брата.

Бывают на свете чудеса — однажды, неожиданно-негаданно Георгию вручили письмо. Тетка его, настоятельница Варансарской общины Симбирской губернии Екатерина Григорьева, через Красный Крест нашла племянника, стала присылать посылки с теплыми вещами, сахаром, мылом, почтовыми бумагами. Оказывается, списки пленных русских солдат начали поступать в центральное справочное бюро русских военнопленных, устроенное при Московском Красном Кресте. Комитет Всероссийского Союза помогал найти солдат, попавших в плен и находящихся в Германии. Скоро пленным разрешили отправлять к родственникам открытые письма, сообщать о своем местонахождении. В феврале 1917 года, после отречения царя от престола, посылки перестали принимать. Лишь через год горемычным разрешили покинуть Германию и через Финляндию вернуться на Родину.

Георгий спешил. От волнения губы пересохли, хотелось почувствовать вкус холодной воды из родникового колодца, к душе земной прикоснуться. Только тут можно почувствовать запах домашнего хлеба, понять сельскую приветливость людей, увидеть свет в окошках отцовского дома. Вот стали видны высокие ветлы. Появились крыши домов. Наконец, деревня встала перед ним во всей красе. Самое дорогое место на белом свете, которое всегда манит к себе, как родная мать.

Дышать стало трудно, ноги остановились, в глазах появились горькие слезы. Он присел на обочину дороги, на сырую траву. Да, что тут беречься, и так, до ниточки давно уж промок. Посидел, вскочил на ноги и через поле, через гумно, через огород почти бегом приблизился к калитке. Лицо покрылось крупными испаринами, он вытер лоб рукавом пиджака, облегченно вздохнул.

— Дом родной!.. Родительский дом!.. — прошептали его губы.

Захар шел стремительно, не оглядываясь назад. Шаги его стали уверенными, тело перестало чувствовать мокрую одежду. Открыл ворота на окраине, сделал один шаг и оказался в родной деревне, на Услабинской улице. Он торопился, здоровался с каждым встречным, обнимал односельчан, как сумасшедший, радовался всякому живому и неживому. Некоторые шарахались от него, не признавая Захара в незнакомом одеянии, но говорящего по-чувашски. На фронт он ушел безусым молодым парнем, а вернулся повзрослевшим, умудренным опытом жизненных переплетений. Он кланялся березам, ветлам. Деревья от ветра шелестели листьями, опускали и поднимали ветки, казалось, они приветствуют его.

— Салам*, бабка Хавронья, ты ещё жива и здорова, слава тебе! — крикнул Захар, узнав соседку, мать Варвары.

Старуха, внимательно присматриваясь, кивнула головой.

Захар открыл калитку больших уличных ворот, огромная незнакомая собака прыгнула к нему с лаем, но резкий голос отца остановил её. Она виновато опустила голову, но продолжала глазами внимательно следить за Захаром. Ждала, когда хозяин намекнет взглядом, чтобы вмиг броситься на этого человека. Но что-то подсказывала ей, что от него тянет каким-то близким знакомым запахом. Наверное, свой.

— Здравствуй, атте**! Здравствуй, — обнял Захар отца большими руками, и широкие его плечи закрыли родного человека. — «Постарел немного...», — подумал он.

Действительно сдал Узьяк. Был приземистым, но плечистым мужиком. Война с Германией, пропажа сына, революция, арест — всё было непонятно и страшно. Приходилось задарма возить рекрутов на железнодорожную станцию Ибрес, испытать большие денежные и зерновые наложения, остаться без мельницы. Попробуй не подчинись. Переживал за Захара, тосковал без родного человека. В душе верил, что Бог не мог его так жестоко наказать, отняв сыновей. В доме остались одни бабы. Пятеро их, но какая помощь от них.

В это время на крыльцо выскочили две младшие сестренки Захара.

*Салам — привет, поклон.

**Атте — отец, папа.

— Какие взрослые! — радовался он, обнимая их вместе. — Вот вымахали-то!

Орина и Таюк прижались к нему.

— Красавицы! Четыре года назад под столом пешком ходили!

Захар внимательно изучал двух курносеньких, с длинными косами, немного стеснительных девушек.

— Атте, атте!.. Брат Эрхип где? — по-мужски, прижимая к себе сестер, волнуясь, суетился Захар.

— Эрхип на Урале служит... — услышал Захар голос матери. — Давно не получали известий, может, живого-то нет на этом свете...

— Цыц! — резко оборвал Узьяк жену. — Типун тебе на язык!

Захар оглянулся, на крыльце стояла мать. По её щекам текли слезы радости, она даже не пыталась их остановить. Хлопала глазами, не стесняясь родных, передником вытирала глаза, смотрела на сына, сияя от радости.

— Апай*... Апай! Жив я... Жив! — Подойдя к матери, ласково прижался к ней Захар. — Радоваться надо, а ты плачешь! — Потом подняв голову, обратился к отцу:

— Не пойму, какая армия?

— Толком не знаю, но в волости говорят, на Урале собираются отряды белых, — ответил Узьяк.

— Значит опять война?

— Стало быть ... — перебил его отец. — Об этом потом, потом поговорим...

— Весь мокрый, заболеешь. Отец перед твоим приходом собрался в баню, идите вместе попарьтесь, — погладив рукой по волосам, по щекам сына, мудро перевела разговор на другую тему Устине — Скидывай одежду, другую принесу. А вы, курочки, — обратилась она к дочерям. — Собирайте на стол, бегите за родными.

Тут Захар тревожными глазами начал искать жену с дочерью. Это беспокойство передалось матери, и она тихо сказала:

— Скоро придут. К родителям пошла — мать хворает.

Захар скинул свою сумку-котомку, с отцом обошел весь двор, обнимал животных, руками хлопал по бревнам построек. Отец забыл про баню, все говорил и говорил. Мать молчала, с мокрыми глазами ходила за мужиками, при возможности

*Апай — мать, мама.

незаметно прижималась к сыну, старалась приласкать его, будто не верила, что именно её старший ребенок стоит перед ней.

«За четыре года стал мужиком, совсем повзрослел, возмужал, раздался в плечах. На голове появились седые волосы, две неглубокие морщины прорезались на щеках. Значит, не так уж легко жилось вдалеке от родного дома. Не зря в народе говорят, что германцы пленных без еды морят, нещадно наказывают», — подумала Устине, горестно вздохнув.

— В плену, наверное, били, не хватало еды? — спросил Узьяк, почуяв мысли жены.

— Было, все было... А сейчас в баню! В нашу!.. В черную!..

— Не заметил — баня-то новая, — похвастался отец.

— Как не заметить. С осины, вытянуто на всю постройку.

— Сам выбирал. Каменка-калийня собрана из отборных жаростойких камней, без трубы, топится по-черному.

Раньше баня тоже была черная, но без деревянного пола, перед мытьем стелили специально подготовленные для этих целей овечьи шкуры. Воду грели по-старинке — кадушки наполняли холодной водой, куда кидали раскаленные огнем камни, она мгновенно нагревалась. Камни часто растрескивались, приходилось менять. Сейчас всё иначе, вода греется в большом котле во время топки.

— Добротную баню поднял, — похвалил Захар отца.

В мыльню по старой привычке первым вошел Узьяк. Перекрестился и сказал невидимому существу:

— Банник-хозяин, разреши нам погреться, жарким паром попариться, кости свои размягчить, смыть грязь с тела, получить блаженство и здоровье...

Захар перекрестился. Не стал перечить отцу, хотя вряд ли вспомнил, когда последний раз прикладывался ко лбу. Разделся, вошел в баню, сел на полоч. Кожу обволокло сухое тепло, выступил пот, скатывались капли, словно с него сползала старая грязная германская рубашка. Он взял ковш теплой воды, плеснул на камни. Каменка зафыркала, затрещала, а вода зашипела, превращаясь в белый пар. Жаркий воздух яростно ударился в потолок, горячими волнами обнял продрогшее от дождя тело. От удовольствия и жары Захар присел. Запах от заранее заготовленных настоев трав щекотал горло. Стряхнул воду на камни, глубоко вдохнул, стараясь почистить свои легкие перед паркой. Ударил раз по спине — из глаз искры полетели,

тысячи иголочек вонзились в тело, ударил второй раз — кожа покрылась гусиными пупырышками, третий раз ударил — все болячки, одолевавшие в эти годы, разом покинули тело.

— Спасибо, атте! — кряхтел Захар, усиливая удары с каждым взмахом. — Разве можно заходить в баню без веников, разве можно без них оценить пар! Вот где блаженство! Четыре года ждал этого часа, этих минут.

Захар парился один, не стал обременять отца. Вряд ли он мог сейчас хлестать сына с такой силой. Сам — кряхтел, сопел, лупил вениками себя, изгоняя прочь всю собравшуюся в плену тоску-обиду. В бане стало нечем дышать. Он соскочил с полки, зачерпнул с кадушки ведро холодной воды и опрокинул на себя. Заорал от удовольствия. Потом вновь залез на полку, опять взял в руки веники. Так три раза, вконец обессилевший, красный как рак, не растянулся на овечьих шкурах в предбаннике.

Все это время Узьяк смотрел на него и втайне радовался. Не раз с тоской и горечью думал об этом дне, когда вот так сын будет сидеть рядом с ним и кряхтеть от удовольствия.

— Мать принесла чистое белье, оденься, — улыбнулся отец.

Захар и не услышал, когда она подошла и передала вещи. «Осталась такой же, тихой и незаметной...», — подумал он, надевая чистое, пахнущее нафталином белье.

За баней стояла Аниса, ждала Захара. Как только муж вышел во двор, она кинулась к нему.

— Совсем стыд потеряла... — ради красного словца высказал Узьяк, увидев невестку, обнимающую сына.

— Соскучилась, — сквозь слезы радости смотрела она на мужа, гордо светясь перед свекром.

— Идите в дом, после бани продует, может захворать, — опять обратился к ней Узьяк.

— Сляжет, сама на руках буду носить, — ответила Аниса.

— Давай-ка... давай, хватит ли силы, — подтрунивал её Захар.

Аниса долго не думая, подняла мужа, положила на плечо и потащила домой. Узьяк хохотал от удовольствия, кричал им вслед:

— Аха, аха*, а ты — сил не хватит! Она пятипудовые мешки кидает на ларь!..

*Аха — ага.

Не кого-нибудь, именно на неё положил глаз Захар. Родители Анисы не из богатых, Иван и Паляги Фирсовы — работающие крестьяне. Обычно чувашаи сами выбирают жену для сына. Новый человек в доме большая подмога, лишняя тарелка супа и кусочек мяса — не проблема. В зажиточных крестьянских семьях невестки первый год живут припеваючи. Тяжелую работу им выполнять не разрешают, косить и жать — ни-ни, не сметь, потому что она должна родить первенца, здорового ребенка. А бедным некогда думать о детях, им надо как-нибудь самим прокормиться. Родится мальчик — слава богу, а девочка — сама вырастет. Если умрет — значит, такова её судьба.

Тут было по-иному, любовь двух сердец соединили родители жениха и невесты.

В семье Фирсовых девушка росла одна, работала за троих, не обиженная судьбой цвела, как аленький цветочек. Когда Узьяк послал к Фирсовым сватов, Аниса нарушила старый обряд. Вышла к родителям, к удивлению гостей, так и сказала: «Я согласна».

Ей уже двадцать пятый идет. Стала статная, крепкая, румяная, как созревшее яблоко. Глаза горят, искрятся, от чего вся женская красота на виду. У Захара закружилась голова. Любит он её. Она уже не та застенчивая девушка с тоненькой талией, а наливающаяся красотой и силой женщина. Сколько же он думал о ней.

Около крыльца Захар вырвался из женских десниц, крепко поцеловав, сам взял её на руки.

— Не хочешь увидеть свою дочь? — прижалась к нему Аниса.

— Где она прячется?

В это время скрипнула дверь, в полумраке показалась голова пятилетней Машшук, черные волосы закрывали широкий лоб, уши. Глаза такие же, как у Анисы, по сторонам бегают, ищут кого-то, увидев отца, держащего на руках мать, скомандовала:

— Отпусти маму!

Захар поставил жену на ноги, догнал убегающую дочь, подбросил до потолка, поймал и стал целовать.

— Поставь... поставь! — пыталась вырваться Машшук.

— Вот характер!

— Ей надо было родиться мальчиком, — хвалилась дочерью Аниса, желая сделать мужу приятное. — Лошадьми управляется лучше другого кучера.

— Так и должно быть! — поддержал жену Захар.

— Легкого пара, добрый час, садитесь за стол, — пригласила мать на ужин.

В этот вечер для этой семьи добрым стал не только час, но и ночь. Аниса не ходила, а летела, не чувствуя под собой ног.

4

Дом отца Георгия — Алексея Яковлева — ничем не отличается от других зажиточных крестьян. Изба по-белому, рубленая из добротного леса: три окна с белыми занавесками, вышитыми птичками, травами, цветочками. Стол, небольшие скамейки, две деревянные кровати с перинами, пуховыми подушками, покрытые кружевами. На левой стороне избы, за русской печкой, на крючках — зимняя одежда. Комната отгорожена от кухни льняной занавеской. В углу небольшая этажерка, там лежат книги по истории, географии и несколько православных книг. В середине избы, на толстой проволоке висит керосиновая лампа, редкая вещь в деревне.

Перед входом в большую жилую комнату — сени и чулан, где висит легкая сезонная крестьянская одежда, стоит летняя кроватка-сиделка. В чулане хранится небольшой запас еды, в пахнущие табаком и нафталином сундуки уложены ценные вещи — праздничная мужская и женская одежда. В углу в мешках валяется шерсть. В зимнее время на крюки, вбитые в несущую балку, привязывают мясные туши.

Дом — главная ценность крестьянина. Здесь играют свадьбы, появляются на свет дети, старики уходят в мир иной — в общем, проходит вся жизнь человека. С жилищем связано много разных суеверий и примет. Первой в новую избу пускают кошку, тут не позволительно свистеть, сидеть на пороге, не положено подметать и мыть пол сразу после ухода близких людей, хранить разбитую посуду.

Хозяйственные постройки усадьбы Яковлевых занимают довольно большое пространство. Узкой, но длинной открытой верандой дом соединен с амбаром, где хранится мука, посевная

рожь, ячмень, овес, полба, рядом — клеть с ненужной в повседневной жизни домашней утварью. Далее хлев, до крыши забитый дровами и сеном, небольшой угол отведен для овец. Из рубленого дерева построено теплое стойло для двух коров и конюшня для пары лошадей. В конце усадьбы сарай, там спрятаны от непогоды телега, тарантас, сани и иной хозяйственный инвентарь, которых обкатывали, полировали мозолистые крестьянские руки. Внутри двора — черная баня, пивоварня и колодец.

Тридцать лет назад, во время празднования дня Святой Троицы, в деревне из-за шалости детей возник пожар. Сильный ветер оставил без крова половину жителей деревни. Семья Алексея Яковлева в одночасье стала бездомной. Сгорели все постройки. На зиму приютил добрый одинокий русский кузнец села Авшак Элмен. На следующий год всем миром, в первую очередь с помощью близких и друзей, подняли дом, затем появились новые пристройки.

Алексей Яковлев в молодости семь лет служил в Ядрине, в уездной жандармерии, там женился на русской девушке. Елена Михайловна Григорьева, дочь нижегородского купца, из рода Шумиловых, полюбила чувашского парня за скромность, последовательность и мужскую красоту. Жениться на русской — это верх шика и благополучия для чуваша. Отец сначала пытался отговорить Елену, пугал, даже руку поднял на дочь. Но девушка не сдалась, оказалась с характером. Михаил Григорьев наконец согласился, благословил молодых, обвенчал их. Через три года Елена уехала с мужем в чувашскую деревню, к старым родителям мужа. Стала крестьянкой, научилась разговаривать по-местному, варить национальные блюда. У них здесь родилось семеро детей. Трое умерли в младенчестве от болезней. Сколько горьких слез пролила Елена за те годы, трудно даже представить. За здоровье остальных детей молилась перед Богом, просила их сохранить.

Яковлевы, единственные в деревне грамотные люди. Их дети окончили церковноприходские трехгодичные школы с похвальными грамотами. Все стали достойными на получение свидетельства, то есть льгот четвертого разряда при отбывании воинской повинности. Старший сын Сергей с малолетства состоит при элменской церкви. Иван усердно занимается скорняжной

работой. Евдокия хотела стать учительницей, но не смогла устоять перед женской судьбой, в девятнадцатилетнем возрасте выскочила замуж. Георгий после окончания местной церковно-приходской школы в течение двух лет учился портняжному ремеслу, но душа к нему не лежала.

Когда Алексей и Елена заговорили с сыном о дальнейшей учебе, сразу согласился отправиться в Тиушское двухклассное училище. Через два года он с отличием окончил учебу, получил возможность стать казеннокоштным учеником учительской школы. В тот же год стал воспитанником первого класса Бирской инородческой учительской школы.

Три года учебы пролетели незаметно. После выпуска его определили в Уфимскую губернию, помощником классных наставников Стерлитамакского частного мужского, на правах реального, училища.

Взгляды и призывы большевиков для Георгия в одно время стали ближе, чем говорильня эсеров и меньшевиков. За вольнодумство чуть не угодил на каторгу. Бог миловал, но директор училища, черносотенец Язвицкий с треском выгнал его с работы, испортил биографию. Пришлось ненадолго вернуться домой, в деревню Ярмушка. Георгий захотел стать военным. Направил прошение на имя самодержца Всероссийского, императора Николая Второго, по определению его на военную службу, а именно, в элитный 161-й пехотный Александровский полк. Откуда было знать Георгию, что в папке полицейского управления в городе Бирске на него, как сочувствующего революционному движению, уже открыто дело. Ответ получил через полгода с отказом, но настоятельной рекомендацией служить в одном из отдаленных полков России, даже список военных частей приложили. С ответом Георгий не торопился. Терпение властей иссякло, и в начале 1914 года он получил именную повестку о призыве его на действительную военную службу.

Началась война с Германией. Принялись мобилизовать мужиков на фронт. Скоро в деревне то одна, то другая баба, сжимая руками казенное письмо, ничего не видя перед собой, стали истошно завывать около дома деревенского старосты Паюка Михайлова. Люди знали — опять очередная семья потеряла кормильца, родители остались без сына, дети — без отца, жена — без мужа. Такую бумагу получили и Яковлевы. Военные чиновники свою работу выполнили четко и скрупулезно. Отдел

МВД Ядринского уезда по воинской повинности своевременно известил Асакасинское волостное правление, что «Вследствие отношения командира 26-го Сибирского стрелкового полка от 2 ноября 1915 года за № 9555, дается знать волостному правлению, для отметки в посемейный список и объявления родственникам стрелка Георгия Ананьева, из крестьян деревни Ярмушка, что он, 4 сентября сего года, в бою с германцами пропал без вести».

До деревни дошли известия с фронта: немцы разбили всю русскую армию, многих взяли в плен. Говорили, что солдаты не хотят воевать, братаются с германцами, самовольно покидают части. Это, наверное, правда, по деревням стали ловить дезертиров.

Обе революции 1917 года прошли мимо крестьян Ярмушки. Были отдельные местные бытовые стычки между мужиками, но жизнь в деревне продолжалась своим чередом.

Скоро большевики перестали считаться с мнением общества. Появились уполномоченные — старых учителей, попов с треском выгнали из школ, вместо старост создали сельсоветы. Волостными начальниками стали незнакомые люди. По деревням ездили красногвардейские отряды по мобилизации молодых крестьян на войну, за ними пошли другие отряды, начали отнимать зерно у крестьян. Потом пришли люди в кожаных куртках, ловили дезертиров, контрреволюционеров, куда-то увозили ценные вещи из церквей. Образовался хаос — никто ничего не объяснял, все боялись друг друга, перестали ходить в гости, чтобы лишнего не болтать, не оказаться в одном строю с теми, кого красные расстреливали за Нуросским и Юндабинским кладбищами.

Вот уже пятый год Алексей Яковлевич и Елена Михайловна коротают жизнь вдвоем. Было время — в этом доме Ягава собиралось четыре поколения Етрянановых, Питравовых, Яковлевых и Алексеевых. Вокруг бегали дети, своей игрой, криками мешали умудренным старцам вести деловые разговоры. Бабы готовили еду, вели мирные беседы. Всё это было.

Теперь Алексей обзавелся бородой, необходимой частью внешности, признаком мужской силы. Старики без бороды, без символического выражения мудрости, где сконцентрировались жизненные силы и чары, считаются неполноценными.

Раньше Алексей на малозаметные деревенские события не обращал внимания, сейчас анализировал. Некоторые давно прошедшие жизненные поступки стали для него смешными, нелепыми, немного постыдными.

Что делать? Совсем недавно считал себя молодым. Было много сил, энергии. Сейчас осталась одна мудрость. Чувствует себя внутри сильным — а снаружи слабость одолевает, голова понимает — тело не слушается. Внутри сила крепко держится, а снаружи износилась, забугрилась, как старое тесто, вот-вот испустит воздух и лопнет. Ему шестьдесят пять лет. За эти годы многого насмотрелся, радостные события растворились в обычной жизни, а горе из головы не выходит.

Были времена, когда молодой Алексей до утра гулял на девичьих хороводах. Приходя домой, переодевался и до вечера трудился в поле. Так две, три сутки, потом отсыпался. Его никто не беспокоил. Мать старалась оградить от излишнего шума, отец ухмылялся и повторял: «Во дает! До утра не добудишься!».

На людях Алексей появлялся в сапогах, хотя во время работы никогда не отказывался обувать удобные, изготовленные из двенадцати лык лапти, но в свободное от работы время ему сподручнее было натянуть сапоги.

Пришел месяц май 1918 года. В этом году погода, как бы назло, изрядно помешала завершить весенние полевые работы, но и крестьяне не торопились, боялись сеять лишнее — придут и отберут. Мужики ежедневно собирались у караулки.

Алексей Яковлев с утра ушел к народу, что-то долго не возвращается.

Вечерело. Елена Михайловна села отдышаться на скамейку под пологом около пивоварни. Полотенцем вытерла мокрые руки, поправила волосы и с грустью посмотрела на темные тучи. На улице слышались шаги, затопали ноги, открылась калитка, Алексей вошел во двор. Весь мокрый — рубашка прилипла к телу, будто его только что окатили бадьей холодной воды. Он с грустными глазами подошел к жене и присел рядом.

— Промок?.. Принесу сухую одежду, сходи в баню, — предложила Елена.

— Сначала на гумно.

— Что там потерял в такую погоду?

— Погодь разговорами! Веревка лежит, размокнет.

Алексей с тоской посмотрел на дождливые тучи, взял у жены полотенце, вытерся, заговорил:

— Какое-то сумасшествие!.. Чертяги!

— Не стоит кликать чертей, что случилось? — поинтересовалась Елена.

— Мужиков до сорока годков забирают в Красную Армию.

— А Сергей? — заволновалась Елена.

Она беспокоилась за старшего сына.

— Его пока не тревожат, — ответил Алексей.

— Нет вестей от Ивана и Георгия...

— Раньше времени не хорони!

— Разве я про похороны говорю, под сердцем носила детей... — заохала Елена.

— Всё уладится, успокоится...

Не успел он договорить, калитка огорода медленно открылась, и во двор вошел усталый, промокший до последней нитки Георгий. Старики его сразу не узнали, оба сидели в оцепенении.

— Егорушка!.. Георгий!.. Сынок!.. — Елена хотела бежать к нему, но ноги одеревенели, не слушались. — Слава тебе Матерь Божия, что берегла и сохранила сына! Думала, что не доживу до этой встречи.

— Хватит воду толочь! — для порядка повысил голос Алексей. — Посмотри! Он весь мокрый!

Перестал лить дождь. Стало видно, как солнце повисло между небом и землей, позолотив верхушки деревьев. Широко улыбнулось перед тем, как исчезнуть на ночь за горизонтом, а утром выскочить с другой стороны деревни Ярмушка. Мужчины ушли в баню, а Елена уже хлопотала у печки, готовила на стол еду. Вынесла ведро пенящегося пива, вытащила бутылку водки, побежала к соседям известить о приезде Егорушки. Те запричитали, забегали.

5

Дремать не дали деревенские петухи. Никогда раньше не замечал, как они надрываются. Куда там германцы со своими колоколами? Едва только занялась заря, появились десятки голосистых певцов по всей деревне. Какой лучше выводит,

у кого получается заливистее, мелодичнее? Захар от живого оркестра больше не смог уснуть и вскочил на ноги. Рядом спала Аниса, улыбаясь во сне.

Мать уже возилась у печки. Захар оделся, тихо открыл дверь в сени и стал искать ведро с пивом, раньше оно всегда здесь стояло.

— Пиво в летней кухне, там прохладнее, — вполголоса объяснила вышедшая за ним мать. — Поспал бы немного, успеешь набегаться? — как в детстве мягкая её рука легла на голову сына.

— Не спится, немного погуляю, до речки дойду, — ответил Захар.

Он вошел в летнюю кухню и выпил кружку холодного пива. По телу пробежали тысячи мелких капель, подарив каждой клетке организма вкус хмеля, живительного мёда ячменя. От удовольствия Захар охнул.

Помнит он, как мать поливала водой ячмень для разбухания, расшивала руками проросшие плитки, грела, сушила под солнцем, молола на ручной мельнице, в больших чугунах пропаривала в теплой печке. Полученный солод пропускала в кадушку через солому, добавляла закваску, процеживала, переливала в бочки. Такое пиво можно пить в любое время — когда устал, завершил дело, когда жара настала, гостей позвал — сильно не захмелеешь.

Захар нашел рыболовную сковороду, удочку и зашагал вниз по деревне, в сторону реки Хирлеп. Увидев огромный камень, остановился. Лежит, одухотворенный возвышенным чувством людей, проникнутый жизнью, легендой. Народ почитает его. Земля, камень, вода, дерево для жителей этой деревни всегда остаются живыми существами и требуют к себе самого почтительного отношения.

Камень имеет давнюю историю. Лет сто назад крестьянин деревни Услаба по имени Айдар Макендей использовал его для постройки ветряной мельницы на косогоре. После окончания строительства камень стал являться к мельнику во сне, просил освободить, жаловался на непосильную тяжесть. Айдар не принимал это всерьез, мало ли что может присниться.

Прошел год. Однажды весной из-под камня просочилась вода, начал бить небольшой родник. С каждым днем он расширялся, вода по песчинке уносила землю. Айдар сопротивлялся,

пытался усилить фундамент. Вдруг на его глазах родник набрал силу, вымыл землю. Камень покатился по косогору в сторону часовни, не повредив ни одной сажени изгородей, ни одного дерева. Остановился у молодой березы, следом рухнула ветряная мельница. Наказал камень непутевого хозяина. Айдар хотел его раздробить, но народ встал на защиту, не разрешил ему даже прикоснуться. Попробуй послушаться односельчан... Оказалось, камень имеет чудодейственную силу, в любую погоду, даже в самый сильный снегопад остается чистым.

Как только Захар перешел Медвежий переулочек да глянул перед собой, сразу забыл обо всем на свете. Вокруг тишина. Зеленая, сочная трава ходит мелкими волнами от утреннего свежего ветра. Дикий клевер в лучах восходящего солнца сияет яркими цветочками.

Хирлеп встретил Захара утренним прохладцем.

Удивительная река! Берет свое начало в лесу, извиваясь за деревнями, по полям, встречается с рекой Цивиль. Берега у нее пологие, без кустарников, сама течет ровно, без омутов. В некоторых местах растут осока и камыши. В реке полно всякой рыбы — мелкой и крупной. За рекой дубовая роща, самая любимая из всех близ расположенных лесов — деревья вековые, оставленные предками после выкорчевки.

Перед лесом крутояр. Вода здесь, падая с трехметровой высоты, роет яму, ежегодно расширяя свои владения, заигрывает с мелкой рыбой и карасями. Огромные ветлы склонились над рекой, качаясь на тихом ветру, омывая свои ветки в чистой воде, успокаивают реку и гонят серебристо-беловатую рябь. Это любимое место ласточек-береговушек, они строят гнезда на крутом берегу, в норах. Играют по утренней заре, посвистывая, резко поворачивая круто вверх и вниз, проносясь над водой, устремляются к косогору, вновь и вновь повторяя свои движения.

Где только ни был Захар. Видел много полей, рек, лесов, но все брешь по сравнению с красотой родной природы. Он с упоением вдыхал луговой ветер, вместе с рябью мысленно играл, бежал по воде.

Терпкий запах жирной черной земли пахнул в лицо. У Захара появился мальчишеский задор — он быстро скинул легкие сапоги, зашел в воду. Утренний холодок накатывал на него свежий ветер, на что он даже не обращал внимания.

«Как сильно пахнет трава! — подумал Захар, вспоминая, что бегал здесь, гонял с друзьями лапту, играл в камешки. — Почему песня коростеля и кваканье обыкновенной лягушки вызывает такую бурную радость? Удивительно».

Захар пребывал в детстве. На круглую в виде сковороды снасть, на вентере, примостил горбушку хлеба. В маленький мешочек насыпал вареной крупы и завязал покрепче, чтобы каша сразу не растворилась в воде, а приманила больше рыбы. Снасть через каждые пять-шесть минут вытаскивал из воды. Мелкие рыбешки, занятые кормушкой, не успевают уплыть, каждый раз более десяти штук остаются на сковородке.

Вокруг стало светло. За деревней Авшак Элмен поднялось солнце, туман стал розоватым, сквозь него стали видны верхушки развесистых хмушских ветел. Три деревни проснулись разом: скрип открывающихся ворот, мычание коров, лай собак.

Захар неторопливо размотал леску из конского хвоста с удилица, прихваченного для забавы. Наживил на крючок червяка и бросил в воду. Сразу начался клев, поплавок то и дело рисовал небольшие круги, пытаясь утонуть. Захар дернул удилице, в воздухе завис небольшой вьюн. От неожиданности Захар захохотал. Минут двадцать махал он удилицем, порою забывая вытаскивать сковородку. Пятилитровое ведро уже наполовину наполнилось мелочью. Он с детства любил жаренных в сметане мелких рыбёшек. Чистить их неудобно. Мать всегда помогала, быстро орудовала ножом и пальцами, что скоро рыбки попадали в печку.

— Салам! Друг ты пропавший! — от неожиданности вздрогнул Захар, услышав голос двоюродного брата Петрука Палюкова.

— Предупреждать надо! — недовольно посмотрел на него Захар, но крепко обнял брата. — Не представлял тебя с усами и с такой бородой.

Петрук засмеялся:

— Поздно передали о твоём приезде. Так што, примчался, а мать не разрешила тебя будить.

— Пятьдесят с лишним верст отмахал за день, умаялся, после бани и гостей крепко уснул, — ответил Захар.

— Давно здесь?

— Часа два. Вспоминаю детство. В плену часто снилась Хирлеп.

— Какие дальнейшие планы?

— Будет! Дай оглядеться.

— Некогда, скоро Советы нас с тобой по миру пустят, без земли оставят, а самих под «Интернационал» в расход отправят! Так што...

— Вот загнул! Вообще-то Советы меня из плена вызволили, землю за крестьянами закрепили...

— За крестьянами!.. За голодранцами!.. — рассердился Петрук. — Только не за тобой!.. Так што...

— Что ты меня с утра в тоску загоняешь? Поживем, увидим!

— Поговорим позже, — стал торопить Петрук рыбака. — Так што, сейчас ты меня не поймешь. Забери сковородку, на утреннее жаркое пойдем.

Не понимает Захар двоюродного брата: «Пришел, испортил рыбалку, начал нести какую-то чушь». Он в этой суете не принимает участия, да и желания большого не испытывает. В Германии слышал, что царя скинули, потом какое-то временное правительство перестало существовать, говорили: «Произошла большевистская революция». Про Брестский мир толковали — пленных стали отправлять на Родину. Захар вместе с двадцатью четырьмя русскими солдатами и офицерами прибыл в Петроград. На этом для него кончились мытарства, он дома. Ему, крестьянину, надо хлеб растить, за землей матушкой ухаживать, а не галдеть про мировую революцию. Прибежал губошлёп с прищуренными глазами, с мелкой бородкой и совсем запутал его.

— Чего ты хочешь, про каких голодранцев говоришь? — не понимал Захар двоюродного брата: быстро собрал рыболовную снасть, прихватил ведро и зашагал вместе с ним в сторону дома.

— Мне-то от тебя ничего не надо! — Петрук хлопнул его по плечу. — Мир этому дому! — почтительно засуетился он, увидев дядю, запрягающего коня. — Так што, хлеб да соль в амбарах!

— А-а-а-а! Купец в гости пришел. Уважаемый человек. Недавно коня приобрел, ещё немного поторгует, и новый дом поднимет, «так што...» — усмехнулся Узяк.

— Вы все надо мной издеваетесь, дядя, — многозначительно ответил Петрук. — Дорога на базар не зарастет травой. Так што, если не мы, то городские жители умерли бы с голоду.

— Конечно! — съязвил Узьяк. — Где бы они набили брюхо!

Петрук знает: не любит дядя нижегородских спекулянтов, заодно и на него нападает, поэтому разговор перевел на другую тему.

— Здоровья вам! — с поклоном обратился к дяде с тетушкой. — Так што, с возвращением сына, брата Захара!

— Спасибо за добрые слова, — попросил Узьяк. — Услужи-ка, открой ворота. Мне пора, дела ждут.

Петрук проворно открыл дубовые ворота, также играючи закрыл их за дядей, и продолжил сказ про деревенскую житуху...

* * *

Двоюродный брат Захара Петрук Палюков был вечным нахлебником. Мать его, сестра Узьяка, Хведусь хотела, чтобы её сын стал образованным и, несмотря на трудности, отдала в церковноприходскую школу. Петрук едва осилил два класса, научился немного грамоте и наотрез отказался от дальнейшей учебы.

Шестнадцатилетний парень рос с матерью, без отца. Палюк умер от лихорадки. Не любил Петрук крестьянскую жизнь, от работы отлынивал. На непутевого сына мать не надеялась, за единственной кобылой присматривала сама.

Петрук выделялся среди сверстников богатырским телосложением. Широкий лоб, большой нос, толстые губы не уродовали, а наоборот, украшали лицо молодого парня. Такой человек должен был прокормить себя и свою семью. Летняя пора всё-таки заставляла трудиться, но зимой он блаженствовал. Как только вечерет, уткнется лицом в рукав и начинает храпеть, или уедет в Нурос. Где ходит, чем занимается, никто не ведал. Петрук подружился с русскими парнями, научился играть в карты. Сначала продувался в пух и прах: стоя на одной ноге кукарекал, сидя под столом, мяукал. Со временем приноровился, стал головой шурупить, запоминать карты. Пришлось друзьям самим залезать под стол. Завистливый, своенравный, никогда

не прощал того, кто в чем-то опережал его. Когда напрямик, когда окольным путем — для него не было разницы отомстить более удачливым. Там он получил новое прозвище «Так што».

— Чудной растет мужик, — удивлялся Узьяк Иванович.

— Ой, беда... Намается жена с мужиком... — тяжело вздыхала сорокалетняя Хведусь.

Привычки Петрука будоражили всю деревню, за что он незамедлительно получил другую кличку «Куштан Чукмар — Дубина Горлопан». Что не так — в ход пускал кулаки, в ответ получал сдачу. Однажды его так отметили, валялся без сознания, но ведро холодной воды и свежий ветер вдохнули в него жизнь. После этого немного успокоился, стал соображать перед тем, как кулаки в ход пускать. Люди говорили: «Не сносить ему головы, у него постоянно кулаки чешутся».

Родные недолго терпели выходки молодого парня. В один прекрасный день собрались, посоветовались и приняли решение женить Петрука на вдове, тридцатилетней Матрие Казаковой. Женщина в самом соку, но бездетная. Муж её умер от непонятной болезни. Подхватил хворь за Сурой, в Алатыре, куда он подрядился на строительные работы. Скоро вернулся домой, немного помучился, и похоронили.

Недолго пришлось Матрие одной коротать ночи. Когда ей предложили перейти жить к Палуковым, стать женой безусого юнца, она, не раздумывая, согласилась. Прикинула: «Хоть за мальчика, лишь бы во вдовах не засидеться». Не раз встречала на улице этого парнишку, но духом не ведала, не думала, что она станет его женой. Мало ли их, крестьянских детей бегают по улицам деревни? В тот же вечер вместе с матерью Петрука собрала скудные домашние пожитки, закрыла на деревянный замок свой дом и перешла жить к молодому мужу. Когда увидела Петрука, поклонилась, в душе немного светлее стало. Перед ней стоял не безусый мальчик, а широкоплечий, почти взрослый шестнадцатилетний парень.

«Будет хорошим мужем ...» — нагадала Матрие.

Вечером пришли родственники. Собрали на стол — что Бог послал. Наскоро поставили пиво. Не откладывая, провели кое-какие свадебные обряды, объявили их мужем и женой. Пожелали долгих лет совместной жизни. Петрук вел себя уж совсем по-мальчишески — на гостей ноль внимания, шмыгал

носом, а когда уселись за стол, вовсе исчез. Никто не собирался его искать, пусть тешится, с сегодняшнего дня за ним стоит жена.

Так, Петрук стал семейным человеком. Когда ему предложили перейти жить в дом Матрие, он как взрослый человек стал рассуждать:

— Лучше в Хирлепе утопиться, чем у жены поселиться, так што...

— Придет время, образумится, и мы ногой топнем, — успокоила всех суженая Матрие.

— Дай бог, дай бог!.. — ответила Хведусь, потом спросила. — Как быть с твоим домом?

— Пускай стоит, — сказала Матрие. — Мне, вдове, по приговору схода нарезали участок земли, у вас тоже имеется надел, будем обрабатывать, хлеб выращивать.

— И так годится, — за всех ответил Узьяк Иванович.

Гости ушли, мать с невесткой сидели рядом и обсуждали дальнейшую жизнь. Хведусь радовалась, что в доме появились крепкие руки, способные наравне с мужиками трудиться на земле.

— Родить тебе надо, — открыто заявила она. — Со всех сторон ты ладная баба. Дети будут здоровыми.

— Рожу, груди уже истосковались по дитям, — согласилась Матрие.

— Куда-то запропал Петрук.

— Пусть сегодня холостякует, с завтрашнего утра он женатый мужчина, перед обществом ответ держать, — успокоила невестка.

Три года проскочили как один день. В Петруке зрел муж. Окружающим казался решительным, волевым человеком. Черные волосы, острые глаза, широкий лоб, выделяющиеся сильные скулы, толстые плотно сжатые губы — выказывали его крепкую силу. Его упрямство и крутой нрав с каждым днем выходили наружу, давали о себе знать. Женили на скорую руку — подумал на долгую муку. Но близость взрослой женщины, её ласки придавали Петруку уверенность. Появились двое детей — Семка и Минька. Тогда в душе у него опять поселились черти. Несмотря на уговоры, стал пропадать в хороводах. Сюда и раньше заглядывали женатые мужчины: одни — по пьяни,

другие — по старой привычке, приходили со своими молодыми женами. Петрук держался особливо. Вел себя нагло, при всех крутился около Варвары Яндеровой, хватал её за руки, пытался обнять. Девушка стеснялась, но когда игры женатого человека перешли в наглость, она при всех отвесила ему оплеуху. Девушки встали на сторону подруги, парни тоже не поддержали выходки незваного, притом женатого горе-ухажера. Разъяренный Петрук готов был начать драку, но остерёгся, силы были неравны. Зло посмотрел на Варвару и исчез в темени деревни.

— У тебя двое детей, таскаешься за Варварой! — упрекала Матрие. — Дурная кровь в тебе играет.

— Не твое дело! — остановил её Петрук. — Надоел черный хлеб, так што, хочется и беленького.

— Люди пальцем показывают... — всхлипывала благоверная.

— Живи своим умом! — прикрикнул Петрук.

После этого дня он резко переменился. С детства мечтал разбогатеть, вопреки всему за лишения. Переехать бы в город, открыть бы там лавку, чтобы односельчане и знакомые завидовали — вот как зажиточно живет Петрук. С каждым днем отдалялся от родного дома, от деревни, от сохи и земли. Одно его заботило — торговля. Научился делать деньги из ничего. Связался с Нижегородскими чувашами, торгашами-спекулянтами, за бесценок закупал долги налогоплательщиков, ездил по деревням и снимал шкуры с крестьян — никого не жалел, не стеснялся распускать руки. «Так што, дай бог справиться, будут и нам кланяться», — любил повторять он.

Перед революцией добыл новый паспорт, выписанный и утвержденный на фамилию Соколов. Считал себя свободной птицей — соколом. Никогда не делился своим достатком, не упускал случая ободрать односельчан. Хведусь и Матрие стали побаиваться его, ни в чем не перечили. «Разве можно идти супротив него, у него ой-ой какое лютое сердце!..» — не раз твердила Матрие.

На этом свете он уважал и боялся только одного человека, брата матери. Перед Узяком Павловым держался почтительно, никогда не противился воле дяди. Почитал за силу, богатство, справедливость.

Две недели прошло с тех пор, как Георгий приехал домой, в деревню Ярмушка. Не крестьянское это дело — носиться по миру, воевать, убивать других. Ему надобно думать о землематушке, о хозяйстве, женитьбе, детях, о старых родителях. Георгий — учитель. Он уже побывал в старом рубленом здании двухклассной церковноприходской школы, что стоит за деревней, близ реки Уба-Сирма, то есть Медвежий овраг. Здесь он учился и помнит, как отличником посетил в Казань.

Ранним майским утром семеро ребят и школьный учитель Александр Хрисанов вышли из деревни. Дошли до Белого города — Шубашкар только поздно вечером, прошагав шестьдесят верст за шестнадцать часов. Устроились ночевать в доме для гостей купца Ефремова. В пять утра сели на пароход «Нижегородец». Днем их золотыми куполами церквей, колокольными звонами встретил город. Дети впервые увидели электрические лампочки-стаканчики, пожарников, играющих на больших медных трубах. Катались на трамваях, побывали в кафедральном соборе, в «Зверином доме» и музеях. Так Георгий впервые познакомился с городской жизнью, о которой тогда не мог даже мечтать житель этой деревни.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

Георгий с утра стоит на крыльце Нуросского волостного исполкома. Немного волнуется. В голову приходят разные мысли, по какому вопросу сюда вызвали, откуда узнали, что он вернулся домой?

Представитель Ядринского уездного исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов встретил его во встревоженном состоянии. С кем-то разговаривал по телефону, наверное, слышимость была плохая, кричал, по несколько раз повторяя слова, ругался. Не обращая на Георгия внимания, указал рукой на старый кожаный диван.

Кабинет небольшой, на стенах висят агитационные материалы, революционные воззвания. Накуренную комнату даже открытые окна не проветривали, пахло домашней махоркой, откуда-то из глубины коридора в кабинет просачивался запах кипящих щей. У Георгия закружилась голова, но он терпел. Что делать, после ранения и контузии четырнадцатого года осталось отвращение к запахам. Как беременная баба: что не так —

кружится голова. Хорошо хоть рвоты нет. Он уже свыкся с этим, старался свою болячку не выносить напоказ.

Комиссар закончил разговор, внимательно изучил его с головы до ног, протянул листок бумаги:

— Ознакомьтесь!

Георгий стал читать:

«Ядринский исполнительный... 2 мая 1918 года... Каждый работник на ниве народного образования, вдумчиво наблюдающий современные события, желающий идти вместе с народом, готовый помочь ему в строительстве новой жизни на благо трудящихся, — должен понять, что положение учителя изменилось...». — Он удивленно поднял голову.

— Дочитайте до конца, потом обсудим, — объяснил комиссар.

Георгий читал не торопясь, вслух, желая понять каждое слово: «...Поэтому-то отдел просвещения рекомендует всем учителям остаться на местах, при школах. Уездный комиссар по просвещению В.Каратаев».

— Каратаев, это я. Думаю, понятен смысл нашего обращения. Советская власть с первых дней создала необходимые условия для широкого развития народного образования. За пять, максимум за семь лет, мы ликвидируем неграмотность. Предстоит гигантская работа, которой никогда не видела Россия. Охватим чувашей — тех, кто не умеет читать и писать. Они сядут за парты, а нам предстоит за кратчайшее время научить их понимать газетные строки. Мы станем просвещенной страной, вырастим своих пролетарских писателей, инженеров, агрономов, свою народную интеллигенцию. Вы учитель, должны верить в это, помочь нам ликвидировать неграмотность. Вас назначаем заведующим и учителем Хумушской школы 1-ой ступени. Справку об отсрочке от армии получите сегодня, за подписью начальника мобилизационного отдела и уездного военрука. Документ всегда держите при себе, предъявляйте по первому требованию соответствующим лицам и работникам ЧК. Будете состоять на особом учете. Если потеряете мандат, вас могут судить как дезертира. По законам военного времени, — закончил комиссар.

Георгий кивнул головой. Ему не хотелось в эти дни покидать родимый дом. Не успел вдоволь наговориться с односельчанами. Не думал, что именно сейчас пойдет учительствовать.

В душе готов стать красноармейцем, но такой поворот судьбы пугал его.

— Я согласен, — пробормотал Георгий.

— Другого ответа не ожидал, — сказал Каратаев. — Вечером приходите за документами. С завтрашнего дня — на работу, за неделю совместно с отделом просвещения должны подготовить списки всех детей трёх деревень, от четырёх до шестнадцати лет. Дальнейшее указание получите через волостной отдел. А сейчас познакомьтесь с новым заведующим школами волости, — указал он на входящего человека.

— Симун!.. Денисов! — удивленно вскочил на ноги Георгий.

— Ягур... Георгий! — обнял его друг.

— Вы знакомы? — спросил комиссар.

— Вместе окончили Тиушскую двухклассную, — ответил Денисов. — Потом — Бирскую инородческую учительскую школу. Судьба разбросала, и вот встреча.

— Дальше договоритесь без меня, а сейчас оставьте, много дел... — попрощался с ними комиссар.

Георгий домой не попал, не отпустил его друг.

— Помнишь половодье, Алешку с Иваном? — спросил Георгий.

— Они мне сняться. Душа болит, разве забудешь друзей...

— Сходи в церковь, поставь свечи за упокой душ.

— Времени нет, — вздохнул Симун. — Постой, постой! Ты меня толкаешь на негодный шаг. Советская власть не признает церковь, а ты про свечи говоришь.

— Тогда давай сейчас поставим... — предложил Георгий. — Помянем. У тебя найдутся свечки?

Нашли. Зажгли. Вспомнили, как ранней весной вода со льдом с двух сторон хлынула на окраину маленького поселения, что рядом с городом Бирском. Люди запаниковали, но успели уйти на безопасное место. Четверо молодых воспитанников учительской школы находились у одноклассника в гостях, спали крепким сном. Вечером долго болтали, спорили, поздно легли спать. Родители Алешки уехали к родным, никто их не разбудил. Когда проснулись, кругом уже трещал лёд. Опомившись, стали звать на помощь. Несмотря на раннее утро, любопытные зеваки собрались на берегу. Все видели, как около одного дома сутились четверо молодых ребят. Никто не знал, как их спасти — слишком велик был риск самому погибнуть. Нашлись двое

смельчаков, они с помощью мужиков притащили небольшую лодку и ринулись на помощь ребятам. Быстро добрались до дома, но с первого захода взяли только двоих. Оставшихся ребят обещали не беспокоится — придут за ними. До берега добрались чудом. В это время усилился ветер, вода быстро поднялась, пошел сплошной ледоход. Трагедия разыгралась на виду у всех: льды застопорились у домов, вот два небольших дома, стоящих ближе всех к реке, с треском развалились и пропали. Льдины добрались до дома, где на крыше отрешённо сидели Алешка и Ваня. Люди на берегу загудели, дом под напором накренился, треснул, рассыпался, всё исчезло под льдинами. Народ ахнул, юношей больше никто не видел. На берегу стояли и ревели два будущих учителя — Георгий Алексеев и Симун Денисов, только что смотревшие смерти в лицо. Они плакали от безысходности и бессилия.

Сегодня Георгий и Симун встретились, помянули погибших друзей. Вспомнили Платона Саварова из деревни Хумуш. Жаль, пути дороги разошлись, след его потерялся.

Сейчас, обнявшись, сидели за столом и тянули старинную чувашскую песню:

Поплясать хотел я — гуслей нет,
Даже в этом деле счастья нет.
Мне запеть бы песню — друга нет,
Даже в этом мне удачи нет.

7

Савар Леонтьев хотел оставить сына в деревне, устроить его писарем в волостную контору, но не сошлись желания отца и Платона. К шестнадцати годам молодой парень осмелел, против желания родителя уехал в Бирск, в инородческую учительскую школу, где азы науки изучали его старые друзья — Георгий и Симун. Поступить-то поступил, но скоро его отчислили — не смог вовремя оплатить за учебу. Главная причина исключения была иной: кто-то настучал директору, что рассуждения Саварова вольнодумные, замечен на митинге рабочих. Платон попрощался с друзьями и вернулся домой, в деревню Хумуш.

Молодой парень задумался: живя в деревне, никогда не стать учителем. Несмотря на сопротивление отца, он вновь покинул

родные места, оказался в Казани. Устроился полотером в трактире, пел в хоре Спасско-Преображенского монастыря, в одно время был регентом, то есть начальником хора певчих. Наконец для себя отыскал место конторщика в заводской конюшне.

Во время мировой войны его призвали в армию, но на фронт не попал. Он стал ратником ополчения 512-го Казанского полка, потом писарем в дружине. Весной 1915 года Платон Саваров поймал фельдфебеля Мельникова при воровстве двух тар рыбы солдатского довольствия. Словесная перепалка перешла в драку. Фельдфебель эмалированным чайником разбил его очки, осколки стекла повредили глаза. От судебного разбирательства спас фельдшер, отправив Платона в госпиталь, оттуда его демобилизовали.

По возвращении в Казань Платон познакомился с девушкой, домработницей одного казанского священнослужителя. Скоро Платон Саваров и Лиза Солдатова стали мужем и женой, у них родилась дочь Нина.

Платон устроился на конторскую службу в пароходном обществе «Кавказ и Меркурий». Через год за поддержку бастующих грузчиков он лишился места, судовладельцы гнали бунтарей от себя немедля. Но среди рабочих Платон уже приобрел авторитет, они избрали его секретарем пристанского комитета профсоюза водников.

Что побудило его заменить фамилию? Было такое поветрие среди революционно настроенной молодежи — придумывать псевдонимы. Платон не захотел отстать, взял новое имя «Лява Платунё». Лява — это чувашское имя его деда, отсюда и фамилия Леонтьев. Скоро об этом начальник и столоначальник второго отделения Казанской казенной палаты сообщили Нуросскому волостному правлению, где родился и вырос Платон: «Казенная палата дает знать волостному правлению, что крестьянину деревни Хумуш Платону Саварову постановлением Палаты и на основании Указа Правления Сената от 6 сентября 1915 года № 194, представлено право именоваться фамилией Леонтьев».

С завершением навигации 1917 года работы не стало: пароходное общество в один день уволило всех служащих и рабочих, распался и профсоюз. Платон растерялся. Жестокосердие ударило как по его карману, так и по самолюбию. Он попробовал заняться мелкой торговлей, пошел с товарищем

по деревням. Однажды мужики их хорошенько потрепали. Говорят же: «На миру, что в пиру — жди драки». Другой раз за бродяжничество революционные уполномоченные хотели поставить к стенке. В декабре, их высадили из вагона теплушки как буржуев. Десять верст шли в осенней одежде, чуть не замерзли. Доверчивые крестьяне довезли их до постоянного двора, обогрели, за бесценок отдали новые, удобные для носки лапти. В Казань вернулся Платон в удручённом состоянии. Голод не тётка, да и семью надо кормить — растёт дочь. На скудном жаловании жены скоро ноги протянешь.

Счастье ходило совсем рядом. Около железнодорожного вокзала встретил Ивана Ундрицова, троюродного брата из деревни Вторые Ялдры Нуросской волости. Разговорились. Платон вывернул всю душу. Оказалось, в экспедицию редакции чувашской газеты «Хыпар» (Весть), издававшейся правыми эсерами, нужен был конторский служащий, знающий и понимающий чувашский язык.

Утром следующего дня он прибыл в редакцию. С ним поговорили, попросили написать письмо, побеседовали о политической обстановке, к обеду оформили на работу в отдел экспедиции. Перед ним поставили одно условие: стать членом партии социалистов-революционеров. Платон тут же написал заявление. Какая разница — быть эсером или большевиком, лишь бы была постоянная работа.

— Задача экспедиции — распространять газету через уездные власти и найти подписчиков, — объяснил ему Иван.

— Может, мне тоже попробовать писать статьи?

— Выступление Платона Леонтьева в чувашской газете будет своевременным и исторически оправданным, — засмеялся Иван.

Платон смутился, понял преждевременность своего желания.

«Молодчина Иван, — подумал он. — Сведущий мужик».

Действительно грамотный, окончил два курса Казанской духовной семинарии. Встал на защиту чувашского народа, недолго его терпели — отчислили.

— Взгляды священнослужителей семинарии Казанской епархии не совпадали с моими умозаключениями, — ответил Иван коротко.

Сейчас он продолжает учебу в высшем педагогическом институте. Одновременно работает журналистом, его стихи уже печатаются в газете «Хыпар».

К своим обязанностям Платон Леонтьев относится заинтересованно, серьезно, работу выполняет безукоризненно. Не в пример другим — по вечерам задерживается на собраниях и митингах, проводимых эсерами и меньшевиками. Небольшие его заметки о происходящих событиях начали появляться в газете.

В редакции «Хыпар» всегда многолюдно. Одни приходят ради интереса, другие вместе с членами коллегии закрываются в кабинете редактора и долго спорят.

— Большевики шаг за шагом берут власть, — говорил один из них.

— Их век не долгий, — отвечал редактор газеты Авдеев. — Большевики скоро падут. Газету!.. Газету сегодня они могут закрыть, отобрать. Нам необходимо действовать через солдат, крестьян. Постараться взять под контроль съезды, собрания, революционное движение чувашского народа.

— Откуда появился здесь некий Эльмень? — поинтересовался другой.

— Скользкий товарищ, — объяснил Петров, начальник отдела журналистов. — Председатель Ядринского уездного Совета. Ярый защитник крестьян. Не всегда правильно ориентируется в политической обстановке.

— Его выступление может навредить созданию Чувашского учредительного собрания, — заметил Авдеев.

— Один петух не перекричит всех деревенских, — успокоил незнакомый голос.

Работники редакции понимали суть происходящего. Редколлегия во главе с редактором Авдеевым полностью поддерживала учредителей, работала на «Великую Чувашию», газета начала выходить под лозунгом «Весь чувашский народ, объединяйся!».

Ундрицов чертыхался, но вынужден был согласиться с такой политикой чувашских социал-революционеров.

Проскочили три недели. В начале февраля 1918 года в городе состоялся Всероссийский чувашский военный съезд. Сторонники и противники советской власти там не смогли договориться между собой, образовали военный Совет. Редакция заняла выжидательную позицию. Многие, в том числе и Платон, готовы были порвать отношения с правыми эсерами.

Однажды днем в редакцию залетел Иван Ундрицов, велел Платону быстро собраться, обещал познакомить с Эльменем и Максимовым.

— Эльменя видел, но с Максимовым не встречался. Откуда он?

— О-о-о! — воскликнул Иван. — Очень интересный человек, революционер, к тому же драматург, руководитель чувашских артистов...

Шли недолго. Поднялись на второй этаж деревянного двухэтажного здания, где размещался Чувашский комиссариат. Ундрицов остановился у двери, где висела бумажная вывеска «ЧЛСК».

— Собственноручно написал....

Платон молчал. Они вошли в кабинет, где сидели десятка три гражданских лиц, красногвардейцев и студентов. Многие не знакомы, некоторых Леонтьев знал по фамилии. Не прерывая разговор, Эльмень кивком головы попросил их пристроиться у длинного стола:

— Хватит бегать вокруг да около. Все прочитали вывеску «ЧЛСК» — Чувашский левый социалистический комитет. Мы покинули партию правых. Для каждого человека, признающего советскую власть, её политику рано или поздно наступает пора, когда необходимо разобраться в происходящем разом. Страшиться не стоит. Наши действия совпадают с взглядами левых социалистов, стоящих на платформе признания советской власти... Военный съезд рассудил нас, расставил по углам. Стало понятно — кто друг чувашского крестьянства, кто противник революционных преобразований. Будем считать организационное собрание по созданию Чувашского левого социалистического комитета открытым...

В зале зааплодировали, присутствующие один за другим стали выступать, предлагали свои предложения и замечания. Когда разговор коснулся газеты «Хыпар», Платон заволновался: «Неужели опять останусь без работы?» — подумал он.

Но Эльмень успокоил, даже обрадовал его:

— Газета будет выпускаться как орган Чувашского военного Совета, под новым названием «Канаш» (Совет). Все работники, признающие программу левых социалистов, останутся на местах.

— Опять Иван спас меня, — окрыленный Платон толкнул локтем брата и шепотом произнёс. — Спасибо...

— Не понял... — удивленно посмотрел на него Ундрицов.

— Подрастешь, поймешь.

На следующее утро, придя на работу, Платон насторожился. Незнакомые красногвардейцы и сторож редакции кидали на сани газетные кипы, стулья и табуретки.

— Куда это вы? — спросил он у сторожа.

Тот пожал плечами.

— Давай помогай! — крикнул ему один из солдат.

Платон стоял в стороне, не зная, что предпринять. Никакого распоряжения не было. Заведующие конторой Филиппов и экспедицией Лаврентьев ни о чем не предупредили. К редакции подошли журналисты — Фомин и Ундрицов. Они тоже не имели представления о конфискации имущества. Все вместе отправились в сторону Чувашского комиссариата. Войдя в зал, наткнулись на имущество редакции. Остановились. Открылась дверь, и появился новый заведующий редакцией Лбов, увидев удивленные лица сотрудников, остановился, протёр очки мягкой карманной тряпкой и объяснил:

— Располагайтесь в этом кабинете, в старом здании в дальнейшем будут размещаться чувашские артисты вместе с Максимовым.

Конторщики и журналисты не стали ждать нового распоряжения, взялись устраивать свой рабочий быт.

Время спешило. Платон стал разбираться в происходящих событиях. Скоро новым редактором назначили Ефремова. Леонтьева утвердили заведующим экспедицией редакции чувашской газеты «Канаш». Платон, узнав о создании Нуросского уезда, в адрес волисполкома от имени левых эсеров отправил поздравительную телеграмму. Газета провозгласила: «Братья! На знамени Чувашского центрального Совета огнями горят слова: «Да здравствует чувашский народ!». В первом же номере появилась редакционная статья «Чувашские дела должны делать чувашаи», где говорилось, что «Чувашских детей учат русские учительницы, в чувашских деревнях служат русские священники. Все это происходит без согласия народа, их надо заменить чувашами».

В начале апреля Эльмень и Максимов уехали в Москву, на совещание по поводу формирования Татаро-Башкирской Республики, куда собрались присоединить и малые народы Поволжья. Документы против такого решения готовили всем миром, не зная ни сна, ни отдыха.

— Что там замышляет Казанский комиссариат? — поинтересовался Платон у заместителя Эльменя, немногословного Лбова.

— Объединение чувашей, марийцев и других иноверцев Поволжья под татарским ханом, — коротко, с иронией ответил тот.

Из Москвы Эльмень вернулся в приподнятом настроении. Удалось встретиться с народным комиссаром по делам национальностей Сталиным, открыто поговорить о чувашском народе, о левосоциалистическом комитете. Там предложили создать в столице Чувашский отдел Наркомнаца. Началась серьезная, скрупулезная работа по подготовке документов.

Летом в Казани состоялось совещание Чувашского левого социалистического комитета и Чувашской фракции губернского Совета по образованию Чувашского отдела Наркомнаца. Получив мандаты губисполкома, Эльмень и Коричев выехали в Москву, где вновь встретились с Иосифом Сталиным. На другой день газеты «Правда» и «Известия» напечатали сообщение: «...При народном комиссариате по делам национальностей утвержден Чувашский отдел. Заведующим назначен Даниил Семенович Эльмен, его заместителем — Сергей Андреевич Коричев».

Лето 1918 года. События развивались стремительно. Пал Симбирск, чехи и Народная армия Самарского Комуча приблизились по Волге к Казани.

Правые — во главе со своими лидерами, активными противниками советской власти, смело перешли к ним и начали готовиться к очистке города от большевиков. ЦИК Казани настроился к борьбе с внутренней контрреволюцией, с чехами и казачеством.

Различные партии, политические группировки, комитеты открыто враждовали друг с другом. Правые обзывали ЦИК левых эсеров предателями России, немецкими шпионами, провокаторами. В ответ на это левые клеймили их бандитами, врагами народа. Вся эта буза парализовала немногочисленную Красную Армию, начались митинги, различные волнения.

В это время Народная армия Самарского Комуча крепла, к ней присоединился тысячный отряд отборных офицеров и казачества. По мере приближения к Казани с каждым часом она росла, становилась дисциплинированной, боевой, закалялась умелой пропагандой и неумелыми, слабыми действиями большевиков. В начале августа враг подошел к городу и с ходу начали вытеснять красных к Свияжску. Леонтьев оказался в гуще этих событий.

Платон с очередной получкой возвращался в редакцию. Около Ивановского монастыря услышал пушечные выстрелы. На углу улицы Успенской он встретил первую телегу с ранеными красногвардейцами и матросами.

В конторе никого не было, редактор Ефремов куда-то исчез.

Платон поспешил домой, чтобы успеть до прихода чехов спрятать мандат Чувашского отдела наркома национальностей, уничтожить некоторые документы.

Во дворе, как всегда, сидели люди и обсуждали происходящее. Старый седоволосый и седобородый татарин, перегордив вход, затараторил:

— Э-э-э-э! Вот-вот чехи в город войдут! Спрячьте чувашских большевиков, сами тоже не высовывайтесь!

— Дед Марат! — строго ответил Платон. — Среди нас большевиков нет!

— Э-э-э-э! Чего, не понимаю что ли, грамоте обучен, читаю газету «Канаш» на чувашском языке.

— О чем прочитал?

— Мне-то что! Ваше благородие в погонах придут, разбираться не будут...

Платон не стал спорить. Поднялся в квартиру, нашел необходимые бумаги. Лизы дома не оказалась. Мандат Наркомнаца тщательно зашил под подкладку пиджака, остальные документы завернул в тряпку и спустился в подвал. Отодвинул пустую кадушку, вырыл яму, положил сверток и засыпал землей. Для уверенности замаскировал разным мусором. Вышел на улицу. Грохот выстрелов приближался. Любопытных след простыл.

В редакции все работники были на месте. Они уничтожали документы, списки подписчиков.

— Необходимо покинуть Казань до вечера, — твердил Ундрицов.

— Я согласен, — ответил Фомин.

Их поддержали журналисты Макаров и Сергеев. Все посмотрели на Леонтьева.

— Мне необходимо остаться здесь. Жена с утра уехала к подруге. Скоро должна родить. Может, чехи сегодня в город не войдут?..

— Столкнемся так, — Ундрицов указал на кипы разных бумаг, лежащих около печки. — Леонтьев останется, уничтожит

остатки документов, подшивки газет, писем. Мы отправимся в Наркомнац, получим дальнейшие указания.

Проводив товарищей, Платон привел в порядок комнату, продолжая сжигать в печке бумаги и документы. Быстро наступил вечер. Он торопился. Где-то недалеко застрочил пулемёт, стали слышны одиночные винтовочные выстрелы. Когда во дворе редакции грохнули несколько гранат, Платон понял, что до самого утра ему придется сидеть в редакции, иначе на улице можно поймать пулю в лоб или оказаться в тюрьме.

Вдруг всё стихло. Ночью в редакцию ворвались вооруженные люди в белых повязках и за считанные минуты перевернули комнаты — искали какие-то бумаги. Документ заведующего экспедицией редакции их вполне устроил. Они знали, что газета «Канаш» принадлежит Центральному отделу чувашского народа и не успела полностью перейти в позицию новой советской власти, не всегда поддерживает большевиков. Главное, не торопились уходить и Леонтьева из редакции не выпускали.

Догадался Платон, что сюда могут нагрянуть члены комитета Учредительного собрания, но не ожидал увидеть самого Авдеева. Рано утром он с Васильевым смело вошел в редакцию, поздоровался, как со старым работником и сказал:

— Леонтьев подпишет акт передачи имущества редакции истинным хозяевам, — объявил он. — А остальные где?

— Дома, на работу ещё не пришли, — слукавил Платон.

— Вряд ли! — усмехнулся высокий, стройный, с черной, как смола, шевелюрой незнакомый человек. — Кстати, мы в их услугах больше не нуждаемся.

— Вам виднее, — пожал плечами Платон.

— Вот, «дорогой Леонтьев», документы, ручка и чернила, можете поставить свою подпись. Не смеем вас больше задерживать. С этого момента это — редакция газеты «Хыпар».

Платон выполнил формальность, ради приличия попрощался и быстрыми шагами пошел прочь.

В городе стояла страшная тишина, везде ходили чехи, и вооруженные люди с белыми повязками на рукавах, проверяли у прохожих документы. Они знали, кого останавливать. На обочине, около моста, во дворе больницы лежали трупы расстрелянных солдат и матросов. Тела никто не убирал, держали для устрашения народа.

Лиза с двухлетней дочерью Ниной оказалась дома, на ногах. Увидев мужа, распухшие от слез глаза засверкали, она уткнулась в его плечо.

— Успокойся, тебе нельзя волноваться, — нежно обнял он жену.

— Думала, тебя арестовали.

— Что со мной может произойти, — не успел Платон договорить, Лиза ойкнула, схватилась за живот.

— Лиза! Лизанька! Что с тобой?..

— Наверное, пришла пора... — испуганными глазами посмотрела на него жена.

Платон уложил её на кровать, выскочил к соседкам. Бабы быстро сообразили, засуетились, с серьёзными лицами ходили по кухне, но в комнату его не пустили. К вечеру Платон с Лизой в руках держали крохотную девочку и назвали её Ольгой.

Время шло. Платон остался в городе, был занят домашними заботами и дочерьми. Искал друзей. Побывал в редакции, поспрашивал новых работников, безрезультатно. Значит, они далеко от Казани. Платон забеспокоился, душу грызли тревожные известия с фронтов. На целый месяц обеспечил семью продуктами питания, достал молоко. Дороговато, но не удержался. Лизе нужно хорошее питание.

В городе хозяйничали чехи и белоповязочники. На столбах появились листовки о мобилизации трудоспособного населения от двадцати до сорока лет в Народную армию Самарского Комуча. За Платоном пришли вечером. Лиза заплакала, но ничего не поделаешь. Не помогла даже близорукость мужа. Его определили в пятую хозяйственную дружину. Днем золотопогонники проводили с ними политические занятия «О доблести дела защиты Родины», а по вечерам на Суконной Слободе дружина выгружала из трамвайных вагонов боеприпасы, вывезенные с порохового склада.

Для всех не хватало казарм, хозяйственная дружина жила в своих квартирах. Платон ежедневно видел жену и дочерей. В конце августа узнал, что их отправляют в Лаишево на подавление вооруженного восстания рабочих Алфузовского завода.

— А как я с двумя-то? — не понимала Лиза.

— Придется потерпеть. Скоро Казань освободят, чехов дальше Тюрлемы не пустят. Против них собирается целая армия чувашских, марийских и нижегородских полков. Мы с учителем

Никишовым договорились, при первой же возможности оставим часть, переправимся через Волгу, на территорию красных.

— А если тебя убьют?

— Не бывает смерть без раскаяния, мне рановато каяться, — успокоил Платон жену.

На следующее утро дружина шагала в сторону Богородска. Во взводе собрались крепкие ребята, отслужившие срочную службу в царской армии, умеющие держать в руках винтовки. Большая часть дружины готова до последней капли крови воевать с голодранцами и лапотниками, как они называют рабочих и крестьян, вставших на сторону Советской власти. На них офицеры не обращали внимания, за другими строго следили.

Некоторые, в том числе Платон с учителем Никишовым, ночью оставили дружину, поставили винтовки у костра и к утру оказались на правой стороне Волги. За ними никто не гнался, когда спохватились, было уже поздно. Дезертиры подходили к передовым частям Красной Армии. Там друзья простились. Антон Никишов пошел своей дорогой, хотел добраться до родных мест, вновь начать учительствовать, а не воевать.

Платон Леонтьев к обеду сидел в политотделе бригады Красной Армии и рассказывал о бесчинствах чехов и белоповязочников. Распорол шов в пиджаке и выгтащил мандат Чувашотдела. Так остался в действующей Красной армии, хотя душа не принимала солдафонские приказы.

* * *

Его определили агитатором двух рот красноармейцев Ядринского уезда, которые должны были задержать натиск чехов и частей Народной армии через реку около посёлка Верхний Услон. В эти дни военсовет отдал приказ: «С занимаемых позиций не отступать до специального распоряжения — паникеры, труссы подлежат передаче военному трибуналу и расстрелу».

Платон ещё месяц назад записался в агитаторы. Однажды, листая газету «Знамя революции», наткнулся на объявление: «В виду необходимости при создании чувашского социалистического отряда агитаторов, комиссариат по чувашским делам просит желающих занять эту должность, подать об этом заявление с указанием партийной принадлежности и знания чувашского языка». Тогда ему выдали именной мандат, но запретили покинуть газету «Канаш».

Слишком юными казались Платону красноармейцы. Душа не на месте: смогут ли молодые рабочие и крестьяне, не нюхавшие пороху, удержать чехов и матерых казаков Народной армии?

Платон не выдержал, обратился к комиссару:

— Нельзя необученную военному делу молодежь выставить против чехов и частей казачества. Каждый казак стоит десятерых красноармейцев. В первом же бою нас перебьют.

Комиссар нахмурился, усталыми глазами посмотрел на Леонтьева и со злостью ответил:

— Не делайте из меня изверга! Я тоже человек! Понимаю, что при первом серьезном сражении многие погибнут. Выхода нет. Против регулярных частей на защиту власти Советов могут встать только они. Других людей у нас нет.

— Где основные части красноармейцев?

— Они ушли на перегруппировку. Надеемся, что чешский корпус не будет участвовать в штурме, у них внутренние разногласия...

— Хотелось бы верить, — вздохнул Платон. — Молодёжь против казаков! Многим нет и двадцати...

— Платун... Платун! — окружили его красноармейцы, когда он присел у костра, в котором ярко горела старая мебель. — Не узнаёшь нас?

— Савелий! Мирон! Тимак! Откуда? Как попали сюда? — пожимал он руки парней из родной деревни Хумуш.

— Добровольцы! С нами ребята из Услабы, Ярмушки, да ещё из Муньял, Мачамуш и других деревень Ядринского уезда.

Человек десять лежали вокруг костра и тихо разговаривали. Когда узнали, что политический агитатор их земляк, окружили, посыпались вопросы.

— Товарищ Саваров! — по-деревенски, не зная новую фамилию Платона спросил Мирон Ефимов. — Откуда взялись чехи? О них мы слыхом не слыхивали?

Платон стал объяснять, что отдельный чехословацкий корпус был сформирован из числа военнопленных, эмигрантов чешской и словацкой национальностей в 1917 году. Стали автономной частью французской армии, сейчас через Владивосток перебрасываются в Западную Европу, но непременно при условии сдачи оружия. Однако вышла незадача: они отказались разоружиться, поддерживают контрреволюционные силы.

— Говорят, казаки красноармейцев в плен не берут, укошат на месте, перерубают... Хана будет всем... — рассуждал Савелий Мараков.

Платон ушел от прямого ответа.

— Среди вас есть бывшие армейцы? — спросил он.

— Немного, пара десятков будет, в основном молодежь, из деревень мобилизована, — ответил подошедший командир первой роты Баринов.

— Стрелять умеете? — поинтересовался Платон.

— Не без этого, — похвастались парни.

— Не боитесь чехов? Почему охрану не выставили?

— Жутковато, мы с утра до ночи наблюдаем за ними, — махнул рукой Тимак Петруков на ту сторону реки.

Платон поглядел вдаль, было видно, как за рекой взад-вперёд разъезжают всадники. Он убедился, что это не разношёрстные мелкие части, а казацкие десятки, обученные, прошедшие в последней войне школу убийства и готовые в любой момент напоить свои клинки человеческой кровью.

Вдруг Платон увидел пеших солдат, которые тоже с опаской озирались на сторону красных. Он понял, к казакам подошли новобранцы из Народной армии Самарского Комуча, так называемые «народники».

Агитатор присмотрелся к красноармейцам. Из окопов испуганными глазами в сторону белых напряженно смотрели безусые юнцы, недавно получившие вместо ручки плуга винтовки. По своей ли крестьянской воле они находятся здесь? Тяжело и томительно ожидать, потом принять первый бой. Честные, доверчивые, наивные деревенские парни из глубинки России, никогда не выезжавшие дальше волостного центра, встали на защиту рабоче-крестьянской революции. Городская молодежь в окопах держалась более уверенно. Они установили щит, где красной краской вывели: «За власть Советов!».

— Смогут ли они противостоять неприятелю? — съёжился Леонтьев. — Погибнут на этом месте или кровью добудут свободу?

В это время за рекой блеснули пушки, стали слышны орудейные раскаты. Это снаряды белых, не повредив никого, взорвались далеко от окопов, поднимая фонтаны песка и земли. Молодые красноармейцы припали к земле, в глазах затаился страх. Ещё раз ухнуло — осколки разорвавшихся болванок неслись по сторонам, разрушая, убивая, ранив тех, кто в это

время оказался на их пути. С той стороны застрекотали пулеметы. Бойцы опять пригнулись в окопах, хотя до них пули не долетали. Вот выстрелы стихли, на этот раз беда прошла мимо.

— Смерти боюсь — признался Савелий Марakov. — Пуля дура... Пускай башку сразу разmozжит. Хлоп! — и темнота...

— Я тоже боюсь, но думать об этом не следует, — пытался успокоить его Леонтьев. — Главное, во время боя не колебаться, не струсить.

— Умирать за светлое будущее как-то не хочется, лучше сегодня жить — признался Тимаk Петруков. — Погибнуть от дурного удара казацкой шашки — это страшно.

— Двум смертям не бывать, а одну не миновать! — присоединился к разговору Мирон Ефимов.

— Смерти... Смерти одной достаточно, чтобы тебя всю жизнь оплакивали родители, жены и дети, — твердил Леонтьев, внимательно изучая казацкие десятки. — С нами Красная Армия, но на этом участке мы должны отстоять позицию, даже тогда, когда река и земля под нами закипит. Страх живет в каждом человеке — самые бесстрашные бойцы теряются, попадая в серьезный переплёт. Главное, не паниковать, не предать товарищей...

Вдруг совсем рядом ухнул снаряд. Кто-то закричал: «Командира, командира убили!».

Леонтьев побежал к ним. Окровавленный, контуженый командир Баринov сидел за окопами, скрипел зубами, рвал землю и мычал. Около него хлопотали две молоденькие сестры милосердия, пытались его перевязать. Но он отмахивался, кричал:

— Где пушки!.. Обещали помочь!

— Ещё вчера батареи покинули наши позиции, — ответил его ординарец.

— Замочите шrapнелью! — кричал контуженый командир. — Чего ждете! Огонь!.. Огонь!..

Прибежали солдаты, с ними лекарь, командира унесли за разрушенный дом.

Леонтьев вернулся к землякам, надо завершить начатый тяжелый разговор. Поинтересовался, как прошел день, чем занимались, хотя знал, что молодые бойцы третьи сутки находятся в этих окопах, надеются — и завтра, и ещё несколько дней останутся здесь, увидят, как восходит солнышко, как оно разгоняет хмурые тучи, не осознавая того, что над окопами уже кружит черная птица смерти...

Днем пехота начала напирать, пытаясь пересечь мелкую реку именно на этом месте. Красные защищались как могли. К вечеру первого дня немало бойцов пало и с того, и с этого берега: одни уткнулись носом в землю, другие стеклянными глазами смотрели на холодное, бездонное небо — все они были мертвы.

После первого противостояния бойцы немного осмелели, недельная подготовка и борьба не на жизнь, а на смерть оказались не тщетными. Патроны иссякли, осталось на две-три таких атак. Командиры рот решили устроить небольшой бой с народниками, чтобы добыть у противника недостающее оружие и патроны.

Рукопашная схватка была короткой, но кровопролитной. Когда народники пошли в очередной раз в атаку, красная лавина ринулась навстречу. В таком бою солдаты видят только первого человека, идущего навстречу. Всё внимание, вся сила концентрируется именно на него. Кто первым успеет воткнуть штык, тот и останется жить. Дальше уже начинается суматоха, резня, на поле боя будут слышны только жуткие крики: у одних это истошный голос перед смертью, другие орут от испуга, желая застать врасплох своего противника. Страшно тем, кто в бою, ещё страшнее тем, кто наблюдает за происходящим.

На Мирона Ефимова шел небольшого роста молодой парень, глаза у него были круглые, картуз при ходьбе сползал вниз, и он его постоянно поправлял. «Этого я уложу, дальше посмотрим», — подумал Мирон. У самого от напряжения, от неизвестности внутри все дрожало, казалось, ноги еле двигаются. Он не отставал от других, не прятался за их спинами, шел навстречу тому, кто сулит ему смерть. Не успел солдат взмахнуть штыком, как его опередил Мирон: штык мягко, через шинель вошел в грудь парня. Тот споткнулся, подсел на колени. Мирон вытащил штык, и он бездыханно упал. Кто он был — чех, русский или чуваш, как определишь? Странно, страх исчез, Мирон никого, кроме серых шинелей народников, не замечал. Он даже не смотрел на их лица, только орудовал винтовкой, один за другим остались лежать те, кто по приказу командиров отчаянно шли в рукопашную с ним. Вдруг жарко обожгло в левом боку. Нестерпимая боль пронзила его, но желание

жить не дало ему упасть. Успел заметить, на него летит штык белого. Непонятно каким образом, отвернувшись, схватил за острую сталь рукой, по пальцам потекла горячая кровь. Подумал: «Вот она смерть, последние секунды жизни», — но вместо взмаха винтовкой неприятель присел и упал на землю — его опередил незнакомый молодой рабочий-красноармеец.

Бой завершился быстро, народники потеряли больше половины людей, живые убежали. Красноармейцы не стали их преследовать, знали: на берегу стоят пулеметы, могут уложить оставшихся. Когда всё успокоилось, собрали оружие и раненых солдат. Мирон, несмотря на потерю крови, сам зашагал в сторону своих позиций. Оказывается, еще немного и штык воткнулся бы в сердце, но помешала большая пуговица пиджака. На правой руке отсутствовали два пальца — средний и безымянный. Его забинтовали и вместе с другими ранеными отправили подальше от боевых позиций. Жаль, Мирон не успел поговорить с Платоном. Может его ранило, убило, или вместе с ребятами продолжает воевать.

Второй день начался ураганным огнем с линии горизонта, с той стороны реки. Для красных окопы стали защитой. Чехи и народники шли, но узкая полоса мелкой реки не давала расширить атаку, три пулемета косили их. Защитники старались не тратить впустую патроны, стреляли прицельно.

Платона назначили комиссаром. Вначале от страха боялся дышать, но стрелял, забывая, что перед ним люди. После первых потерь, гибели ребят, страх куда-то пропал, осталась злость, тупая ненависть. Почему он стал уверенным в своих действиях, откуда у него появились командирские нотки? Как он умудряется правильно оценивать положение и принимать нужное решение? Ответа он не находил. Сейчас больше всего боялся атаки офицеров и казаков. Те не будут лезть под пули. Постараются обыграть сражение по всем правилам военной тактики. При этом не пожалеют никого, живым от них никто не уйдет.

Красные несли большие потери. Молодой боец Савелий Марakov из деревни Хумуш лежал ничком, пуля, выпущенная беляком, сразила парня прямо в сердце. Раскинул руки, сердечный, сжал в кулаках землю, будто не желал отдавать её чужакам.

Перед заходом солнца за оврагом появились казаки. Они крутили клинками, улюлюкали, свистали и вновь исчезли за рекой. Выждав малость вновь показались, но уже их было намного

больше. Всадники быстро скакали вдоль берега, из-под копыт коней поднималась пыль.

Для атаки казаки избрали чудовищный и подлый ход. Перед собой погнали пленных красных, а сами, обнажив клинки, слезли с коней и длинной вереницей пошли за ними. Противник был так близок, красноармейцы растерялись, тем самым потеряли драгоценные минуты, это и загубило всех. Казаки приблизились к окопам, вскочили на коней, растапывая и рубя пленных, сверкая клинками, в стремительном движении наскочили на окопы. Молодые бойцы ужаснулись, увидев налетевшую разъярённую волну, побежали подальше от непомерной беды. Но куда убежишь? Их догоняли, изрубали, топтали. Такое силище — одним махом разорвало цепи красных. Страшное зрелище! Казаки будто упражнялись, не встретив сопротивления, не торопясь, наотмашь, с размаху, с плеча перерубали молодых парней пополам, играючи отрубали руки, головы. Они нагло сидели в седле. Везде носились храпящие от напряжения кони, сверкали в вечерних лучах солнца клинки.

Здесь им никто не противился, не было ни пулеметных очередей, ни винтовочных выстрелов, ни уставленных штыков. Вокруг торжествовал разбой, свист казаков, крики убегающих, ещё совсем юных, безусых красноармейцев. Кровь — везде лилась кровь, красная человеческая кровь! Раненных было мало, уж слишком старались казаки в бою, старались не оставлять живых...

Платон пытался остановить бегущих красноармейцев, кричал: «Остановитесь! Стреляйте!». В это время он услышал дикий казачий свист и перед лицом сверкнул клинок. Почувствовал удар по левому плечу — стало горячо и больно, ноги застыли, споткнулись, упал и потерял сознание.

Очнулся. Кружилась голова. С плеча сочилась кровь. Всё было как во сне. Помогло то, что казаки не стали добивать раненых. Опьяненные победой, не встретив сопротивления, рванули вперёд. Это и спасло Платона и пару десятков красноармейцев. Среди них был и хумушский Тимак Петруков, который с поля боя подобрал Платона. Разорвали рубашку, наложили тугую повязку на рану. Шли куда-то долго, потом их догнали повозки, а утром встретились с красноармейцами и попали в санчасть. От потери крови, от усталости у Платона все плыло перед глазами. Рана оказалось не очень глубокая, концом лезвия

клинка задело плечо, но не раздробило кость. От смерти его спас скользящий удар.

Лазарет располагался в жилом доме, раненых было не много. В комнате стояла духота, даже открытые окна не помогали. От запаха медикаментов, спирта, гнили — кружилась голова, было трудно дышать. Сестры милосердия быстро обработали рану, зашили, перевязали, врач назначил пока постельный режим. Леонтьев не сопротивлялся, дошел до свободной койки, упал и закрыл глаза.

Проснулся только вечером. В большой комнате, на тесно поставленных друг к другу койках, изготовленных на скорую руку из березовых досок, лежали люди. Окна наполовину закрыты старыми щитами. В лазарете неуютно. Болела рана. Для размышлений у Платона сейчас достаточно времени. Лежи и думай...

Мысли возвращались то в прошедшее детство, то в неведомое будущее. Недавно в родной деревне он пас гусей у кулака Степана Никитина. Повзрослев, долбил лед у водяной мельницы купца Рукавишникова, летом готовил плотину. Там, в деревне Хумуш, осталось его детство.

На подоконнике валялся старый номер чувашской газеты «Хыпар». Прочитал внимательно, но с другими глазами. Пожелтевший февральский номер, набранный конторщиками редакции, в том числе и Леонтьевым, обращался к читателям с призывом: «Пришла пора объединиться всем чувашам, создать свою, народную коммуну». Но газетчики не понимали, как собрать в один кулак всех чувашей, разбросанных по всей России как горох.

Теперь стало понятно, народ раздроблен, разодран междоусобицей. Единый чувашский народ, вместе с русскими разделен на многие группировки: стали красными, белыми, серыми, черными. К белым присоединились анархисты, чехи, англичане, французы, американцы, японцы. Тяжело стране, но она продолжает шагать по никем не проторенному пути. Вместе с ней и чуваша, которые ещё тридцать лет назад не имели своей письменности, начинают вставать во весь рост. Странная, неизученная история этого темного, эксплуатируемого народа. Но они обязательно о себе напомнят: своим трудом, бесстрашием в боях, образованностью и культурой.

Впереди огромные дела. А он валяется здесь. Ему захотелось в Казань, вновь оказаться в гуще дел и свершений, самому участвовать в создании молодого чувашского государства...

Платон Леонтьев повалился в лазарете двадцать дней. Стояла жара. Рана кровоточила, медленно затягивалась. Доктор предложил ему уехать на время в деревню — свежий ветер и парное молоко оказали бы благоприятное действие на его здоровье. Платон давно хотел побывать на малой родине, увидеть родителей, братьев, сестер. Через три дня — где на повозках, где пешком дошел-таки до Хумуш. Савар Леонтьев встретил сына радушно.

Казань находилась в руках чехов, а власть захватил Комуч. Семья Платона осталась в старом городе, о них он ничего не знал. Терзала тревога, но в душе надеялся, что жена с дочками жива и здорова.

В начале сентября Платон получил известие об освобождении города от чехов. Попрощался с родителями и уехал в Казань.

По приезду начал искать штаб своей бригады. Нашел за городом. Усталый комбриг Николай Маркин задумчиво стоял у карты. Увидев комиссара, небрежно поздоровался, будто Платон отсюда никуда не уходил, не валялся в лазарете. Маркин как бы, между прочим, заметил:

— В рубашке родился, у реки почти все защитники погибли.

— Нельзя было оставлять молодежь без помощи основных регулярных частей. Последнее дело, скажу больше — преступно бросать юнцов на ответственный участок боя.

— Какие регулярные части? Защитников советской власти собирали по деревням. Двое суток парнишки держали натиск народников и казаков. За это время основные силы успели сгруппироваться и укрепиться. Мы жертвовали ими, но сохранили тысячи жизней, пусть даже ценою молодых красноармейцев. Они солдаты: им судьба предназначала героически воевать или умереть.

— Если бы не казаки... — вздохнул Платон. — Откуда они взялись? Испугались ребята, началась паника, это погубило нас...

— Уральская группировка, — ответил Маркин. — Шла вместе с чехами, она же сыграла немаловажную роль в захвате Казани.

Платон начал рассказывать о прошедшем бое, но комбриг, кажется, не слышал его.

— Советское государство начисто отрезано от хлеба, топлива, — отозвался Маркин. — Опустели многие города, деревни. Над нами нависла надвигающаяся зима.

— Можем не выдержать? — заволновался Платон.

— Не только выдержим. Непременно победим!.. Победим, обязательно победим!.. Соберемся в кулак и ударим!

— Почему отступаем? — не унимался Платон. — В деревнях мужиков не осталось, урожай некому убирать.

— Деникин продолжает движение на Москву, отрезая от центральной России хлебные уезды Сибири и Заволжья, — вздохнул Маркин. — На Дальнем Востоке — японцы, здесь — чехи. Вдоль Волги движется Врангель. Таковы наши дела на сегодняшний день...

— А как наши войска?

— Территория чувашских уездов стала зоной наступления врага к верховьям Волги, прямо на Москву. На Восточный фронт из чувашских деревень мобилизовали более 150 тысяч человек. При штабе Пятой армии работает чувашский подотдел.

— Кто там руководит? — поинтересовался Платон.

— Максимов.

— Да ну?

— За месяц тут произошли такие дела, не каждому разобраться, — продолжал Николай Маркин. — Одна колонна белых подошла к Свияжску, в тыл главных сил Пятой армии, другая — захватила Тюрлему, Царевококшайск, оттуда двинулась на Чебоксары, рассчитывая перерезать Волгу. Но к этому времени нам удалось перейти в наступление, а 10 сентября разгромить Казанскую группировку народников. Особенно отличились добровольческие гражданские и ядринские чувашские национальные роты.

— А где они сейчас?

— Я тебе должен сообщить приказ, а не обсуждать военно-тактические вопросы. Ты откомандирован в бюро Чувашской секции коммунистического комитета Казанского губкома. Знаешь полиграфическую базу, понимаешь конторскую работу в издательском деле. На место прибыть сегодня, товарищи тебя проводят. Жалко, теряю такого комиссара батальона.

— Я хотел бы продолжить службу в действующей Красной Армии, — вырвалось у Платона.

— Не мне решать, это не просьба, а приказ партии.

Платону пришлось подчиниться.

К вечеру он прибыл в Казань. Здесь за месяц ничего не изменилось. Вокруг, как всегда, суетились люди, ямщики кричали на прохожих. Не было видно митингующих. Здание губкома РКП(б) охраняли красноармейцы, проверяли каждого входящего и выходящего. Платон предъявил свои документы.

— По какому вопросу? — строго спросил старший красноармеец.

— Откомандирован с фронта, к товарищу Эльменю, — коротко ответил Платон.

Пропустили без формальностей, дали сопровождающего. Солдат повел Платона на второй этаж, доложил о нем человеку, перебирающему в старом шкафу бумаги. Тот, не поворачиваясь, рукой показал посетителю подождать за столом. Красноармеец удалился.

Платон оглядел комнату. На стене висели агитационные плакаты, на большом гвозде — чувашские газеты «Канаш» и «Голос крестьянина». На огромном столе беспорядочно валялись книги, бумаги, карандаши. Керосиновая лампа давно не убиралась со стола, от капель керосина деревянная подставка почернела. Рядом стакан, потускневший от чая, и кусочек хлеба. Леонтьев призадумался.

— Молчишь, упрямый чуваш? — повернулся к нему Эльмень.

Платон вздрогнул от неожиданности. Прошел слух, что белохехи замучили его в тюрьме. А он живой, стоит перед ним.

— Сообщили... что тебя расстреляли...

— Пусть говорят, языки без костей, — серьезно произнёс Эльмень и пригласил Платона ближе к столу. — Друзья знают и уважают, а враги боятся, поэтому хотят увидеть меня мертвым.

Открыл средний выдвижной ящик, вытащил оттуда какой-то лист.

«С 28 сентября 1918 года назначить члена РКП(б) Леонтьева Платона Саваровича заведующим краткосрочными агитационно-политическими курсами для чувашей, членом наркома национальностей, руководителем экспедиции газеты «Канаш».

Платон растерянно пробормотал:

— Я ведь ничего не понимаю в этой работе, притом я не член РКП(б)...

— А я, что, специальную политическую школу прошел или окончил курсы строительства Советской власти? — вскочил на ноги Эльмень. — Не ожидал, что тебя придется агитировать! Это решение губкома партии.

— Меня не надо убеждать, но как-то неожиданно... Сразу по голове...

— Твоя голова нужна для великих дел — для объединения чувашского народа, для избавления его от векового невежества, от застарелой боязни перед эксплуататорами, попами и кулаками! Вот бумага, пиши заявление о вступлении в члены РКП(б), рекомендацию даю я.

— Когда приступить?

— Сейчас. Адрес редакции чувашской газеты «Канаш», думаю, не забыл, Завтра жду с конкретными предложениями.

— Разрешите идти!

— Не надо передо мной красоваться: ты не молодой юнкер, я не генерал, — Эльмень поставил Платона в неудобное положение, потом по-дружески спросил:

— Как рана, не мешает?

— Заживает как на собаке, — постарался Платон показать себя вполне крепким.

— Ну-ну! Не кипятись! — засмеялся Эльмень, продолжая копаться в документах.

— А Лбов?.. Где? — смущенно спросил Платон.

— В редакции, в редакции...

— Можно мне задать ещё один вопрос?

— Валяй!

— Что такое ЧКК?

— Чувашский коммунистический комитет! — серьёзно ответил Эльмень, указывая на дверь Леонтьеву, чтобы тот больше не задерживался в этой комнате, не мешал ему.

Чувашский коммунистический комитет, состоящий на платформе Бухарина, выступающий против заключения Брестского мира, расположился в отдельном здании по улице Стародворской. Членами были Эльмень, Коричев, Алексеев, Краснов, Лбов — всего 20 человек. К ним сегодня присоединился Леонтьев...

Не раз твердил Лебедев, что Ядринский уездный Совет, несмотря на Декрет Совета Народных Комиссаров «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих», никогда не согласится с решением Нуросского съезда. Ядринцы в этом противостоянии заняли мудрую позицию, не стали накалять обстановку, на словах со всеми соглашались. А сами вдумчиво готовили юридически грамотное решение вопроса.

К ним подключилась «тяжелая артиллерия». Казанский губернский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов своим постановлением хотя и признал решение о переносе уездного центра в село Нурос, но официальную бумагу выпускать не торопился.

В мае произошли ещё два крупных события. Тридцатого числа внеочередной крестьянский съезд Ядринского уезда с пятьюдесятью голосами «за», шестью «против», шестью «воздержавшимися» постановил: «В связи с переносом административного уездного центра из города Ядрин в новый город Нурс, работать по-старому до официального утверждения постановления». При принятии конкретных решений, рассматриваемых Нуросским уездным исполкомом, просили считаться с голосами четырех представителей Ядринского уезда, направленных на место.

Съезд предоставил полную самостоятельность волостям. Исполком Нуросского уезда, состоящий из членов партии левых социалистов-революционеров, посчитал: над партией коммунистов-большевиков одержана победа.

Рано радовались нуросцы, они не разгадали тайну ядринцев. Это дорого обошлось всему составу уездного исполкома. Скоро большевиками были арестованы некоторые члены Ядринского исполкома, как поддерживающие белогвардейское движение. Согласно заявлению ядринцев, Президиум Казанской губернской партии большевиков совместно с исполнительным комитетом на заседании принял решение и назначил комиссию по рассмотрению вопроса о создании Нуросского уезда. Комиссия в составе трех человек через три недели на стол председателя губисполкома положила грамотно изложенный документ как по делу, так и по сути, согласно которому комиссариат юстиции приостановил все действия нового уезда.

Ядринцы не торопились. 7 июня 1918 года без приглашения представителей волостей нового уезда, односторонне собрали чрезвычайный съезд. Делегаты, подготовленные для положительного решения вопросов, приняли резолюцию о ликвидации нового уездного исполнительного комитета. Ядринский уисполком предписал Нуросскому УИК сложить полномочия. Председателем волостного исполкома назначили представителя местной ячейки большевиков Матвея Никифоровича Никифорова. Алексей Лебедев и его товарищи остались в меньшинстве, на съезде не смогли противостоять сторонникам большевиков, оказались не у дел.

Лебедев не ожидал такого быстрого поворота дел. Двенадцатого июня по решению нового Нуросского волостного исполкома собрался второй съезд крестьян.

— Товарищи! — начал свое выступление Матвей Никифоров. — Решением чрезвычайного Ядринского крестьянского съезда Нуросский уезд упразднен. По данному вопросу нам необходимо принять резолюцию.

Зал загудел, рёв голосов был слышен даже на улице, делегаты не жалели ни выражений, ни своих эмоций:

— Кровососы!

— Долой Никифорова!

— Большевики ядринцам продались!

— Когда едят хлеб, пусть не забывают тех, кто его вырастил!

— Куда ни кинь, везде клин!

— Революционным судом карать большевиков!

— Эсеров на плаху!

В этой суматохе Никифоров объявил съезд собранием и предложил на рассмотрение другие вопросы. Поднялась большая сумятица и делегаты разделились на два враждующих лагеря.

— Не надо будоражить делегатов съезда! — пытался убедить Лебедев. — Мы здесь единомышленники! Хотим одного — сохранить Нуросский уезд! Идет борьба за народную волю, за свободу! Мы должны держаться друг за друга, действовать сообща и начатое дело довести до конца!

Не заметил Никифоров, как несколько человек по указанию Лебедева исчезли за дверью. В это время к церкви подваливали крестьяне со всех окрестных деревень и волостей. Народ гудел, толпой теснился по улицам, ждал чего-то. Мужиков

подогревал Висар Муравьев, тридцатилетний кюльхиринский спекулянт.

Собравшиеся зашумели как индюшки, разом закурлыкали, заворочали, заволновались.

— Рабочие отряды отнимают хлеб!

— Оставили крестьян без семян!

— Долой большевиков и ядринцев!

— Буржуев кормят нашим хлебом.

— Пугают революционным трибуналом!

— Бьют по губам!

— Сеять нечего будет!

— Предупреждали добрые люди — большевики ещё принесут горькие слезы!

— Долой Советов!

— Дайте уездную власть народу! Дайте земских начальников!

Эти лозунги народа возникли не на пустом месте. Постарались ядринцы, прислав в Нуросский уезд свой рабочий продотряд во главе с комиссаром Тарасовым, который имел особое полномочие, его никто не мог остановить. Отряд переусердствовал, отнял столько хлеба, что половина жителей волости сегодня же готовы свергнуть советскую власть. Проклятие людей отозвалось в округе.

В это время у церковной караулки собралась довольно внушительная толпа. Сюда пришли, приехали те, кого за последние месяцы успела обидеть и ободрать советская власть. Были и любопытные, которые никогда не пропускали сход народа. Руководили толпой священнослужитель Нуросской церкви Алексей Каменский и ярый противник советской власти молодой Висар Муравьев. Он пребывал слушателем Казанской духовной семинарии, но связался с черносотенцами и был исключен с последнего курса. Много темных дел числится за ним. В Нуросе появился месяца два назад. Покрутился в уездном исполкоме, занял должность на продовольственном складе. Затем встретился с Петруком Соколовым и начали они крутить торговые дела. Старший Муравьев занимается портным делом, шьёт ризы и рясы. В друзьях со многими священнослужителями края, Казани, Симбирска.

Висар Муравьев ждал, когда разогреется толпа. Он вскочил на телегу и зычным голосом стал подстрекать народ:

— Земляки! Ядринцы на неделе провели чрезвычайный крестьянский съезд. Нуросцев туда не пригласили! Без нас и за нас решили, как жить крестьянину! Царская власть душила простой люд различными денежными и продовольственными оброками, советская власть придумала продрозверстку! Чем они отличаются друг от друга? Опять шкуру снимают с крестьянина! В волостном Совете идет съезд крестьянских депутатов Нуросского уезда, но там верховодят большевики, хотят установить волость, полностью утвердить советскую власть! Новым председателем назначили Никифорова!

Народ не дал ему договорить, вновь зашумел, некоторые отчаянные головы начали из плетня усадьбы Мигулая Вандюкова выворачивать колья, толпа двинулась в сторону правления волостного Совета. Треск, шум и крики:

— Пускай выйдут к народу!

— Никифоров! Покажись!

— Кровопийцы!

— Паразиты недобитые!

Воздух накалялся до взрывоопасного состояния. Знали наперед, каким образом можно склонить собравшихся на свою сторону: эсеры и бывшие черносотенцы друг за другом стали клеймить Советы, большевиков и нынешнюю власть.

Народ уже невозможно было остановить. Давно левые революционеры хотели проучить большевиков, никак руки не доходили, да и местная милиция мешала. Сейчас в начальниках сидит Федор Зотов, свой человек.

Люди били стекла волостного правления, завязалась настоящая драка между сторонниками Лебедева и Никифорова, как в базарные дни — между пришлыми и местными торговцами. Сейчас никто не понимал, кто кого, за что колотит.

— Вы нарушаете революционную дисциплину! — пытался успокоить Никифоров народ. — Пошли против Советской власти! Будете отвечать!..

Он хотел выйти на улицу, но молодой крестьянин из Кюльхири Ягур Тивлетов встретил его сильным, лихим ударом в лоб, от чего председатель отлетел назад, спиной опрокидывая крепкие длинные скамейки. Не успел встать, как его схватили двое мужиков и потащили по залу.

— Судить будем всем народом, крестьянским судом! — расталкивая людей, волокли они председателя на сцену.

За несколько минут бунтовщики перевернули всё в округе. Исчез небольшой забор у правления. Здание волисполкома осталось без стекол, без дверей, внутри валялись бумаги, переломанные стулья, столы. Со стен сорвали революционные плакаты и швырнули под ноги разбушевавшейся толпы.

— Власть этого не простит! — пытался уговорить смутьянов, окровавленный от побоев Никифоров. — На Советы руки подняли! Придется отвечать перед трибуналом! Обманули вас! За вашими спинами Лебедев и его друзья решают свои вопросы!..

— Вот постановление нашего съезда! — крикнул с трибуны Лебедев. — Пусть он перед народом подпишет, отречется от должности самовольно, а власть передаст уездному исполкому!

— Этого не дождетесь! — повернулся к нему Никифоров.

Не успел договорить — один из крестьян ударил его под дых. Задыхаясь от боли, присел, но ему не дали упасть, крепко держали за руки.

— Прекратите избивать! — кричал Лебедев. — Он нам ещё пригодится!

Крестьяне поняли его по-своему: испугались, разом прекратив избивание, отошли от председателя.

Никифоров, оценивая создавшееся положение, намеренно тянул время.

— Ах, какие вы нетерпеливые! — довольно удачно выразился он. — За мою подпись на бумаге хотите купить советскую власть!.. Лебедев, подумай головой!.. Я большевик!.. А они без боя не сдаются! Подпись мою никогда не получите, не пойду на сговор с бандитами!

— Мы против силовых методов! — насторожился Лебедев. — Нам важна бумага, официальный документ о передаче власти!

— Не юли, Алексей Дмитриевич! — стараясь сдержаться, твердил Никифоров. — Вместо того чтобы мирно решить дальнейшую судьбу Нуросского края, вы устроили бучу, от чего долго придется отмываться! Моя подпись не является политическим поражением Советской власти, а только местной глупостью, недоразумением! Революционная власть этого не простит! Вам не вырвать народ из-под влияния большевиков!

В зале наступила тишина. Слова нового председателя волисполкома и выстрелы на улице огорошили всех, многие стали

соображать, что перебрали лишку. Лебедев взял со стола папку с документами, а народ устремился к выходу, стараясь исчезнуть с места события. Оказывается, к волисполкому прискакал Зотов со своими милиционерами, начал разгонять людей, произведя несколько выстрелов в воздух. Крестьяне побоялись противостоять милиционерам-казакам — с силой они считались. Никифоров воспользовался минутной суматохой, выпрыгнул через разбитое окно в палисадник и скрылся за ближайшими сараями.

Председатель бежал через огороды в сторону Буинского тракта. Издалека увидел Савара Леонтьева, который возвращался из деревни Кадыш. Он торопился отъехать подальше от Нурос. Не по душе ему крестьянские волнения. Пустая затея. Он давно выбрал свою дорогу — новые революционные преобразования. Советы просто так власть не отдадут. Они уже успели зацепиться за российские просторы.

Увидев окровавленного и опухшего от побоев Никифорова, Савар подтянул вожжи, остановил коня, уложил председателя на телегу, набросил на него рогожу, а сверху прикрыл соломой. Никто не догадается, кого он везет, главное, ему надо скрыться за деревней Мачамуш.

Волнения в Нуросе прекратились только к вечеру. Дальнейшие события народ ждал за закрытыми воротами. Савар проводил председателя до волостного села.

К ночи, во главе с командиром отряда Яковым Лавровым, прибыл отряд из тридцати конных красногвардейцев. К ним присоединился Никифоров со своими товарищами. Ядринцев предупредило испуганное почтовое начальство. К счастью, все члены уисполкома были на местах, быстро собрались на экстренное совещание и приняли решение отправить в Нурос отряд красногвардейцев, прибывших из Казани два дня назад для оказания помощи.

Яков Лавров — бывалый командир, из гражданских чувашей. На действительной военной службе состоит с 1913 года. Волжинский пехотный полк, где он служил, в августе 1914 года принял бой с германскими войсками. Февральскую революцию 1917 года встретил в Риге, в дни Октябрьской революции дрался с юнкерами у Нарвских ворот, с февраля этого года — в Казани,

командир отряда красногвардейцев, защищает революцию. Это его работа — он выполняет её безукоризненно, во благо нового общества, где не будет эксплуататоров и эксплуатируемых. Все простые люди: крестьянин, рабочий, служащий — будут иметь одинаковые права: право свободно трудиться на этой земле и радоваться жизни.

К обеду следующего дня Лавров разобрался с инцидентом в Нуросе. Арестовал более двадцати человек, в том числе и Лебедева. Священнослужитель Каминский, начальник подотдела снабжения и финансов Николай Стрельников, с ними ещё несколько человек успели скрыться.

Лавров имел большие полномочия, согласно революционному трибуналу, мог на месте расстрелять Лебедева и Висара Муравьева. Решил не пачкать руки кровью, всех отправил в город Ядрин. Сначала арестовал и начальника милиции Зотова, но Никифоров попросил его освободить. Думал: «Вина его только в том, что вовремя не разогнал, не арестовал зачинщиков волнения». Сам Зотов размышлял иначе — была бы его воля, одним махом уничтожил бы большевиков и сочувствующих им, но пока время не пришло. Митинг разогнал по своему внутреннему чутью, понимал, что падением власти большевиков в Нуросе не свергнешь всю советскую власть. Не ошибся, знал — где найдет, а где потеряет. Зотова освободили от занимаемой должности, новым начальником стал местный большевик Николай Васильев.

Через день Зотов из села исчез: никто не видел, никто не знал, куда он делся. Одни говорили: «Его все-таки арестовали, ночью с семьей отправили в Ядрин». Другие утверждали: «Он рано утром с женой и детьми на повозке уехал в сторону станции Шихран».

Вечером в школе собрался весь партийный актив волостного РКП(б), члены бедняцких комитетов села Нурос и окрестных деревень. Никифоров с синим от побоев лицом и припухшими глазами выступил перед народом:

— Вчерашний бунт — это не недоразумение, а давно спланированная попытка захватить власть, установить здесь, на маленьком пятачке, буржуйские порядки. Но не ожидали враги, что сторонники советской власти дадут достойный отпор контрреволюционерам. Зачинщики арестованы и скоро дадут

показания в Ядринской тюрьме. Никогда я не получал таких тумачков от родного народа. Враги думали, что я встану перед ними на колени, попрошу жалости, подпишу бумаги. Не понимают, сволочи, что мы — большевики! Не для них совершили великую победу! Советская власть утвердилась для трудового рабочего класса и крестьянства! Всем, кто попытается вернуть господ — угнетателей простого народа, придется отвечать перед народным — революционным судом!

— Дело говоришь! — несколько взволнованных голосов откликнулись в зале.

— Контра должна отвечать! — поддержал их новый милицейский начальник Васильев.

— Захотели проверить силу и крепость большевиков!

— Виновные заслуживают сурового наказания!

— Ответят! — продолжил свое выступление Никифоров. — Ох, как ответят! А нам здесь жить, хлеб выращивать, детей воспитывать и укреплять советскую власть! Она дала нам землю и мир, бунтовать никому не позволим, а приглашаем строить мирную жизнь. Вместе засеем земли нашего края хлебом, будем радоваться, когда поля заколосятся, поднимемся вместе с народом на мировую революцию...

В конце выступления Никифоров по просьбе собравшихся огласил имена арестованных, хотя Лавров попытался возразить до выяснения обстоятельств. Разве в селе что-то утаишь?

Долго обсуждал актив проблемы волости и надвигающуюся беду — гражданскую войну. Многих интересовало зарождение красных и белых гвардейцев. Какой-то Каппель появился на правом берегу Волги около Казани?..

В этой суматохе выиграли ядринцы. Необдуманнные шаги нуросцев, бурные разногласия сыграли им на руку. Новый уезд существовал всего три месяца. В конце июня создали новое учреждение: Нуросское отделение Ядринского уисполкома. В декабре это формирование как орган управления районом окончательно упразднили, его функции вновь передали ядринцам. Так бесславно завершилась короткая биография нового уездного центра — городу Нурс вновь вернули статус села.

Крестьянин деревни Хумуш Нуросской волости Ядринского уезда Казанской губернии Савар Леонтьев с первых дней революции сознательно оказался сторонником советской власти. В жизни у него все было как у многих крестьян. Женился, через год родилась дочка Улдуты. Савар ждал сына, наследника, мужика, имеющего права быть наделенным участком земли. Но на свет одна за другой появились ещё две девочки — Сухви и Тарук. Савар от злости перестал разговаривать с женой, будто только она виновата в приходе на этот свет трех маленьких девочек. Иреня молилась, тайком рыдала в хлеву, но слез никому не показывала. Боги, наконец, сжалились над бедной женщиной, дали ей сыновей. За восемь лет, один за другим, громко заявляя о себе, родились мальчики: Платон, Хведот-Федот, Лазарь, Серуш, Вазюк, потом младшенькая Лизук. Так, изба наполнилась детскими голосами, криками, драками, сломанными вещами и порванной одеждой. Со временем всё успокоилось. Девочки стали помощницами по хозяйству, меньше синяков стало у мальчишек, они научились прислушиваться к советам взрослых.

Савару Леонтьеву, с одной стороны, помогла большая родня. Но основную тяжесть тянул он своим горбом, только на уборку нанимал людей. Преобразился сорокалетний крестьянин, окреп, появилась гордая осанка, изменилось отношение к близким, соседям, к односельчанам — оно стало доброжелательнее. С лица Ирени исчезли следы слез, она забыла о неурядицах, стала счастливой женщиной, любимая мужем и детьми. Вот где счастье-то!

В начале нового века Савар по новому приговору сельского схода за всех мужчин в доме получил около трех десятин пахотной земли. Иреня поддерживала, укрепляла душевное состояние мужа, усердно охраняла семейные ценности, с утра до ночи трудилась: кормила, поила детей, ухаживала за домашним скотом, убиралась в доме, косила, жала — везде успевала. Савар молчаливо следил за женой, старался облегчить ей жизнь, подставить мужское плечо. Это радовало Ирень, она не показывала свою женскую тайну: боялась потерять, выпустить из рук понимание и любовь мужа.

В одно время Савара назначили казенным дорожным мастером по содержанию Буинского тракта. Трудился на славу,

за честное и надлежащее выполнение работ ему подарили настенные часы с боем. На последних двух сельских сходах по разделу земли был «повторенным» — так называемый крестьянами счетчик во время нарезания наделов. Он на своих участках с одной десятины получает до 70 пудов яровой ржи. Пшеницу не любит. Слишком уж заглушается сорными травами, часто не успевает дозреть, ложится на землю или половина колосьев пустые. Для ярового овса хозяин предусматривал некоторую часть надела земли. Поэтому на столе редко лежит белый пшеничный хлеб. А вот Нуросские русские как-то умудряются выращивать на небольших участках эту самую пшеницу — людям напоказ, детям на радость.

— Овес лошадям, без пшеницы проживём, с голоду не умрём, — вслух рассуждал Савар. — Не будем гоняться за прошедшим дождем...

При разделе земли между крестьянами часто вспыхивали драки, успевай только разнимать. На прошлом сходе, по наставлению волостного представителя, без земли оставили вдову, Матрьюне Самукову. Как волновался Савар, когда ему зачитали бумагу земского начальника Аристова, где красивыми буквами было выведено: «Предписываю волостному срочно собрать сход Второго Нуросского общества и объявить крестьянам, что всему разъяснению Сената 1885 года за №2694 к 6 пункту, 188 статьи, общественный сельский сход не имеет права обезземеливать вдову, пользующуюся землею на правах домохозяев...». Дальше предписал: срочно обеспечить земельным наделом Матрьюне Самукову, при не исполнении законного распоряжения обещал наказать весь сход. Это грозило Савару большими бедами, могли отправить в ссылку в Сибирь. Хорошо хоть крестьяне поддерживали, через день Матрьюне благодарила земского начальника Аристова, но не односельчан. В тайном уголке своих мыслей затаила злобу на неопределенный срок.

На деревенском сходе Савара трижды избирали «шушчаком», так называемым собирателем податей, налогов сельского общества. Писать, считать умел, научился в Нуросах. Но, основная часть крестьян не знала грамоты, пришлось вести деревенскую письменность на прутьях ореха. По этим зарубкам люди могли сами определить, кто, когда и сколько оплатил. В них квадрат (□) означает 10 рублей, крест в маленьком овале (⊗) — один рубль, крест (×) — десять копеек, палочка (|) — одна

копейка, две палки по горизонтали (=) — полкопейки. Такие метки знакомы каждому продавцу, каждому покупателю Ну-росского базара.

Перед революцией пошли слухи, что скоро будет принят новый приговор. Крестьяне перестали ухаживать за наделом: думали, что земельный участок достанется на другом месте. На имеющиеся наделы земли перестали вывозить навоз, скудные песчаные грунты засохла, скудели на глазах, становились малопригодными для выращивания хлеба.

Пришла революция и перевернула весь мир. Советская власть не стала придумывать новые переделы земли, просто закрепила участки за крестьянами, недостающую часть нарезала из общественных запашек. Всё встало на своё место. Только успевай, умело используй свое поле. Не тут-то было. Война, революция повлияли на крестьянский быт. Землю дали, да некому обрабатывать. Одни мужики погибли на полях мировой войны, другие сегодня воюют друг с другом, не жалея ни сил, ни родню, ни соседа, ни земляка — режут, стреляют, топят, вешают. Во многих семьях пахать вышли женщины и дети.

Подошла весна 1919 года.

Савару повезло, все дети пока живы, здоровы. Улдуты, Сухви и Тарук — семейные крестьянки в других деревнях, у них свои взрослые законы. Федот, Лазарь и Серуш — красноармейцы, Платон — большевик, а Вазюка Всевышний в пятнадцатилетнем возрасте забрал к себе. Савар надеялся, что дети будут жить рядом с родителями, в деревне. Но неизвестно, когда снимут с плеч винтовки, когда запрягут коня, возьмут в руки соху.

Ирени и Савар за последние годы постарели, пригнулись к земле. Как бы они справились со всеми трудностями, если бы не невестка Танюк. Лизуку только восемнадцать, рано ещё думать о своей семье, хотя женихи уже крутятся вокруг этой крепкой, статной девушки. Она помощница, душа семьи, несмотря на возраст, со всеми умеет ладить и дарить окружающим радость.

Старшего сына Платона Савар считал опорой семьи. Не повезло, не полюбил он землю, уехал в Казань и женился на русской девушке. Оторванный ломоть, нет у него крестьянской жилки! Мечтает о какой-то сказочной жизни, о чувашском

государстве! Недавно заезжал домой, сообщил, что родилась вторая дочь, тогда между сыном и отцом состоялся серьезный разговор.

Не понимает его Савар: «Есть Россия, есть губерния, во-лость, общество, деревня, зачем создавать ещё своё государство, — рассуждал он, сидя на краю своего ржаного поля. — Бог наказал народ за все грехи. Где это видано, чтобы на чернозёме третий год подряд получать скудный урожай хлебов, до тридцати пудов с одной десятины. Рабочие продотряды свирепствуют, весь хлеб выгребли из амбаров. А в последнее время совсем озверели: вынудили дополнительно сдать 20 пудов овса, 12 пудов картофеля, 1,5 пуда полбы, 12 пудов соломы, 5 пудов сена, 1,5 фунта шерсти, 2 фунта масла, 35 фунтов кудели и последнюю овцу».

— Да, наступили времена... — ворчал Савар, беседа с сыном. — Отчего же люди стали такими лютыми, намерены друг друга живьем съесть. В стране всё перепуталось — где правда, где ложь?..

Тут Платон раскрыл запруды, — и полились слова, одно страшнее других — не остановить. Вот что наделали годы, раньше радовался этому миру божьему, уважал старших. Сейчас мудрым стал, новая жизнь научила многому — и плохому, и хорошему.

— Не заводись сын, остынь, тормозни лаптями! — рассердился Савар.

— Чего ты меня останавливаешь! Забыл... Забыл как волостные над тобой глумились.

У Савара от этих слов внутри что-то оборвалось, горячей волной обдало голову. Помнит он, разве забудешь такое...

Это было летом 1904 года. В волости собирались проводить очередной большой приговор по разделу земли крестьянам. В Нуросе объявили волостной сход и поручили в каждой деревне избрать выборных по одному человеку с двадцати хозяйств. Савар вместе со старостой Второго Нуросского общества Эрхипом Халимовым и ещё шестью выборными отправился в волостной центр защищать односельчан.

Он заранее прикидывал, что земельными наделами, разделенными несколько лет назад по числу мужчин, пользоваться стало неудобно. У одних семей число душ увеличилось, а у других уменьшилось. Некоторые свои излишки земли стали сдавать в аренду в ущерб всему обществу.

Кто дернул тогда Савара за язык? Был молодой, горячий, хотел справедливости. Народу собралось достаточно много, сход проводили под навесом на базарной площади. Место оцепили полицейские и десятские старосты, никого, кроме выборных, на то место не пускали. По просьбе волостного головы Мартынова, сначала договорились об оброчных податях, поземельном налоге, земских и прочих сборах, потом перешли к основному вопросу — разделу земли. Волостные и более зажиточные крестьяне были заинтересованы и подготовлены к разделу земли по-старому — по наличию мужских душ в семьях.

Савар прикинул в уме: «Опять около десяти семей деревни Хумуш останутся малоземельными. Им не выкарабкаться, останутся бедными и бесправными. У Курдея Христофорова шестеро детей, мужик один. У Марка Кирукова растут пять девок, у Самуковых — четыре. Таких одиннадцать семей». Посидел, прикинул и попросил слово. Обычно на таких сходах мало выступающих, говорят в основном волостные, выборные редко выходят на публику, чаще кричат с мест. Такой гул стоит, в конце концов мнение волостных чиновников остается в силе. Откуда только хватило у него силы и храбрости...

— Уважаемый голова волости, уважаемые старосты волостных обществ, выборные на сход, — начал Савар своё выступление. — Мне кажется, мы в очередной раз таким разделом наделов оставляем многих крестьян без земли, значит, без хлеба на столе, что приведёт к полному разорению и невозможности дальнейшего существования. Волостной приговор следует немного изменить, раздел земли необходимо проводить не по числу мужских душ, а по общему числу душ в семьях, будь они мужики или бабы. Так и закрепить на бумаге...

Не успел он договорить, присутствующие взорвались. Половина зала поддержала Савара и зааплодировала, а другая половина, удивляясь такой наглости, громко возмущалась. Не ожидали, не прикинули сторонники старого Приговора, что дела повернутся таким образом. Поэтому, не стесняясь выражений, начали кричать:

- Это бунт!
- Безобразие!
- Революцией пахнет!
- В Сибирь! По этапу его!

Выборные из разных деревень, поддержавшие Савара, не собирались сдаваться:

— Истину толкует!

— Пора принять новый Приговор!

Только один волостной голова Мартынов, председатель этого схода, сурово посмотрел на присутствующих, небольшим колоколом успокоил выборных и гневно прохрипел:

— Вы что, белены объелись! Кто вам разрешит такую вольность!

— Кто запретит!.. — вскочил на ноги нуросский выборный из крестьян Герасим Осанов. — Такое решение будет самым справедливым, надо в Приговоре однозначно указать и закрепить, что раздел участков проводить строго по числу душ в семьях. Если женщина — то она не человек, по вашему разумению? Что ей кушать прикажете — траву или птичий помёт, а?

Люди Герасима знают. Этот крепкий мужик, всегда стоит на стороне бедных крестьян. После его предложений и выступлений на волостных сходах не раз вспыхивали столкновения, встречались даже на рукопашных. Полицейское управление два раза арестовало Осанова, но из-за отсутствия состава преступлений приходилось отпускать. Неизвестные пытались его избить, но он не из пугливых, самим им ребра поломал.

Мартынов работает головой волости не первый год, голыми руками его не возьмешь. Прикинул, поразмыслил и разом закрыл сход на неопределенное время. Выборные быстро покинули навес. Сторонники Мартынова остались одни, немного поговорили и разошлись по домам. В деревнях то и дело вспыхивали небольшие стычки, крестьяне разделились на две враждующие группы. В воздухе запахло бунтом.

Голова волости не простил односельчанина Савара Леонтьева, задумал его наказать по всем статьям, чтобы другим было неповадно, заодно решил немного проветрить засоренные бунтарскими идеями мозги крестьян.

Во Втором Нуросском обществе новую весть встретили без лишних эмоций, поговорили и постарались забыть. Савар с утра по делам уехал в Юндабу и возвращался поздно вечером. Домой не торопился, незачем гонять коня, пусть шагает. Думая о вчерашнем сходе, не заметил, кто-то остановил телегу. Савар высунулся вперед, получил сильный удар по голове. Его стащили на землю и начали колотить крепкими деревянными палками. Он не мог сопротивляться, потерял сознание.

Очнулся и первым делом подумал, что на него напали конокрады, но конь стоял на месте, а на него круглыми глазами смотрели братья Петривановы.

— Ай, тур-тур!* — удивленно произнес Симук. — Убили бы, ей-богу, душу вынули бы.

— Надо было одного хоть схватить, — сдавленно ответил Пруха.

— В такую темень... разве их застигнешь, — недовольно произнес Симук.

В это время дорогу осветило высоко поднявшееся пламя от вспыхнувшей усадьбы около оврага Турхан.

— Дом Савара горит! — догадался Пруха.

— Хлев тоже... — с тревогой ответил Симук.

Братья быстро подняли Савара на телегу и вместе помчались на пожар. Со всех сторон бежали люди, кричали, а вокруг бушевал огонь, слизывая своим длинным языком сухие строения. Савар от боли вновь потерял сознание. Проснулся только к утру. Он лежал в бане, чудом оставшейся нетронутой нещадным пожаром. Запах гари, клочки едкого дыма гуляли по двору. Рядом сидела Иреня, глаза от горя и слез почернели, губы дрожали, длинные, закрученные от жары волосы вылезли из-под платка, полы кафтана обуглились.

— Кабы не Петривановы... — с отчаянием произнесла Иреня. — Тут и погибель наша пришла бы. Братья шли из Карачур, кончили работу и возвращались домой. Видят: незнакомые люди втроем кого-то колотят. Узнали твоего коня и топорами на руках кинулись на иродов, успели двоих обухами огреть. Пока тебя поднимали, те исчезли в темноте — кого найдешь...

— Рано ещё, стало быть, мне на тот свет, — ответил Савар, — Не отшагал я по земле положенный срок, — потом опомнился и вымолвил: — Дом сгорел?

— Дотла. Баня осталась, корову и лошадей вытащили, сама чуть не сгорела, — охнула Иреня, глотая слезы.

— Отстроимся, не рви сердце, — сдержанно сказал Савар, обнимая жену.

Иреня прижалась к нему, но боялась принести боль, всё тело и лицо мужа была в синяках и ссадинах, а на голове — большая шишка.

*Ай, тур-тур! — Ай, боже мой!

Слух об избиении Савара и поджог усадьбы всколыхнул людей общества. Основная часть народа трех деревень уже была подогрета выступлением выборного на волостном сходе. Люди двинулись в сторону дома Мартынова. Савар почуял неладное, попросил сына Федота на телеге довести его туда. Успел... успел остановить мужиков от необдуманного шага:

— Опомнитесь! Мартынов на этом не успокоится, всех нас отправит в Сибирь, на каторгу! Лихие головы в пекло суем, детей сиротами оставим!

Слушали его с пониманием, и разошлись по домам. Мартынов притаился, не стал воевать с односельчанами. Но после революции исчез из деревни, понимал, что народ не простит его за все беды.

Это было давно. А теперь Савар сокрушался, с грустью глядя на высохшие от зноя поля. Никак не может дойти до истины: кто приказал продотрядам под метелку выбирать семенной материал, откуда пришли необдуманные денежные и гужевые налоги.

— Зима была морозная, малоснежная, а лето приближается засушливое, — вздохнул Савар, рассуждая вслух. — Весна наступила рано, унесла воду вместе с навозом по оврагам, скоро июнь, а дождей мало. Озимые начали желтеть, яровые плохо взошли. Что будет с семьями? У некоторых надель около Цивиля — песчаная, непригодная земля. Они не соберут урожай даже для семян. Голод надвигается. Опять мор — страшный? А всё из-за бездумных, бездарных волостных...

Савар прикинул: «Мужиков в деревне поубавилось, войны оставили третью часть семей деревни без мужиков, хозяйства — без лошадей, без скота, у многих отсутствует мало-мальски нормальный сельхозинвентарь. Общественные амбары закрыли, без семян и хлеба — стали бесполезными».

«Как жить крестьянину?» — думал Савар, отмеряя ногами участки земли. — Всю жизнь тянем крестьянскую лямку, трудом, руками и мыслями хотим дотянуться до самого светлого будущего. В жизни как в песне: «Век столетний — далеко, звезды на небе — высоко».

Что нужно крестьянину?.. Ясное небо, колосистые поля, уходящие за горизонт, леса с громкоголосыми птицами и полноводные реки с разными рыбами. Тогда он заживёт. У него будет хлеб до нового урожая, останется и на продажу. Только не надо отнимать до последнего зернышка!

Жена Савара, Иреня Тихоновна, приветливая женщина. У неё полная, счастливая семья — муж, дети, что ещё нужно для полного счастья? Не понимает Иреня, почему люди плохое творят? Сына Хведота, в начале войны четырнадцатого года мобилизовали, вернулся домой весь израненный, но с двумя Георгиевскими крестами. Сейчас вместе с Лазарем и Серушом воюет за советскую власть. За упокой души Вазюк в доме не гаснет лампада. Три года семья живет без крепких мужских рук. Дома главная помощница — невестка Танюк, жена Хфедота, которая изо всех сил тянет вместе с ней лямку крестьянской жизни. Ещё растут любимчики — внуки Улька, Эрхип и Василиса, неугомонные, болтливые дети.

Младшенькая дочь Лизук тоже при родителях. Савар её тринадцатилетней девочкой отдал в няни к годовалой дочери Нуросского лесопромышленника Лебедева. За три года она научилась понимать, разговаривать по-русски. Умела читать, выводить на чистом листке свою фамилию. Лизук выросла праведной, не позволяет себе нарушать житейскую заповедь. Сейчас Иреня не может наглядеться на свою дочь.

— Куда ты разоделась, опять на хоровод? — упрекнула она, увидев дочь перед ручным круглым зеркалом, подаренным Лизук лично самим лесопромышленником. — Вокруг воюют, а они пляшут. Не поела, весь вечер прихорашиваешься.

— Не только вечер, и дня не пожалеешь, чтобы поглядев на меня все ахнули: «Неужели эта Лизук Саварова? Ах, какая румяная? Просто красавица писаная», — отпущивалась девушка.

— В деревне ходят слухи, что вокруг тебя крутится Витюк Тимреков, — не выдержала Иреня.

— Пусть кумушки сплетничают, языки без костей.

— Не бери грех на душу, дочь, он женатый мужик.

— Анне, не рви сердце, я Рамана Екерова жду...

Иреня знает, что дочь никогда не выставит себя на позор. Год ждет парня, никого к себе не подпускает.

— Скоро старухой станешь, твои ровесницы уже детей воспитывают.

— Про кого ты говоришь?

— Посмотри на Улька Емельянову.

— Я тоже выйду в замуж, когда Раман вернется.

— Жди-жди! Дождешься похоронку с войны! — Иреня почувствовала, что сказала лишнее, вздохнула и начала оправдываться перед дочерью. — Чувашские девушки поздно выходят замуж, дома родителям нужны. Мне без тебя никак не обойтись. Соглашусь выдать замуж только тогда, когда сыновья домой вернуться и сваты придут.

— Согласись апай, согласись, — Лизук выбежала на улицу.

Издалека слышала она мелодию двухрядки ослабинского парня Паяка Яковлева. Никто не может его переиграть. Любит перебирать клавиши. Как только пальцы левой руки коснутся кнопок басов, гармонь начинает извиваться, заливаясь чувашской мелодией. Молодежь не выдерживает, более смелые парни, носящие русскую одежду, начинают напоказ отплясывать — ноги сами кренделя выделывают, только каблуки сапог мелькают в воздухе. Чуть погода перестают стесняться и те, кто носит лапти. И пошли по кругу да вприсядку. Есть и такие, которые никак не идут в такт с гармошкой. Девчата над ними смеются, а парни пытаются их раззадорить. Всем весело и забавно.

Лизук вовремя пришла. Песни, пляски, игры в самом разгаре. Молодые разделились на несколько групп. Девушки ждут хоровода, а пока коротают время игрой в колечко. Ведущая ходит по кругу, имитируя, что девушкам передает колечко, но только одна из них его получит. За ведущей следит другая девушка, пытается разглядеть, у кого оставлена серебрянка. Угадала — остроглазая девушка, смышленная — сядь на её место, не угадала — продолжай ходить за следующей ведущей. Рядом парни обсуждают какой-то серьезный вопрос, все сосредоточены, но внимательно слушают друг друга.

Глядя на них, Лизук подумала, где сейчас суженый, жив ли? Месяц назад получила письмо. Побежала к матери Рамана, Варисе Петревой. Умная женщина. Письмо написано девушке, а она прослушала так, будто ей сказаны слова. Ни лукавства, ни капли смешинки. В конце добавила свое:

— Жди! Что бы люди ни судачили, жди!

Куда денется она, обязательно дождется...

К подругам девушка шла с гордо поднятой головой. Летний июньский вечер ласкал её лицо, от волшебного запаха цветущей сирени кружилась голова.

Хоровод — это желанный праздник молодежи трёх деревень. Здесь парни и девушки не скучают, выводят такие сцены,

которые никогда не исчезают в тумане памяти. Порою парни, как повзрослевшие жеребята, начинают между собой выяснять отношения из-за той или другой девушки. В последнее время настоящих женихов здесь немного, больше молодых, часто пытаются, как петухи, почесать свои когти. Но их быстро выпроваживают домой.

Гармонь играет. Она нарочно дразнит девчат: то кукушкой закукует, то соловьем зальётся. Вот полилась тихая, тягучая мелодия. Девушки, одетые в длинные белые холщовые платья с разноцветными узорами, передниками, подпоясанные кто узкими, кто широкими поясами, взялись за руки и стали собираться в круг. Здесь все равны: вместе оказались девушки и в женских сапожках, и в лаптях. Онучи у девушек чистые, гладкие и разного цвета. Часть девушек носят четырехугольные белые платки. Другие приближаются к кругу, сверкая и звеня своими нагрудными, шейными украшениями, головными повязками из серебряных монет. Третьи в чувашских женских головных уборах — тухья, — обшитых крупной и мелкой монетой.

На первый круг девушки не приглашают парней. Те стоят в стороне, лузгая семечки, пытаясь показать себя взрослыми — пускают дым домашней самокрутки.

Девушки разом взялись за руки, образовали большой круг, который медленно стал двигаться, расширяться, будто волна двинулась с места, становясь одной целой. Они идут вполборота, в такт, одна за спиной другой, будто каждый шаг, каждое слово песни подсказывает им, каким образом передать красоту земную:

Вышли мы на Сарамак,
Вышли мы на Сарамак —
Ровесников собрали.
Ровесников собрали,
Прославляем летний день.
Эй! Девчата, вы откуда?
— Мы — девчата из Хумуш,
— Мы — девчата из Кивьял,
— Мы — девчата из Услабы.
Девчата из трёх деревень,
Зачем сюда вы собрались?
Вместе хоровод водить.
Песни петь и танцевать.

Допели песню и повернулись в обратную сторону. Под тихий напев стали двигаться, словно белые лебеди кружились около речки Хирлеп. Другая песня — опять изменился ход движения круга. Руки девушек плавно вышли за спины, а сами сузили круг, собрались в середине, потом по такту мелодии быстро стали расходиться назад. Покружились вокруг себя — то в левую, то в правую сторону. Потом круг распался на две группы, девушки плавно перестроились друг против друга. Одна группа запела игровую песню и двинулась вперед, будто волна шла на берег:

— Дёрн подняли, просо посеяли, просо посеяли.

Не дойдя до встречной группы, остановились, топнули ножками, вернулись на свое место. В тот же миг вторая группа пошла на них, повторяя те же движения:

— Уродилось, как горох, как горох.

Первые вновь пошли навстречу:

— А мы его вытопчем, вытопчем.

Так вновь и вновь сходились и расходились певцы до тех пор, пока не допели всю песню:

- Чем же вы вытопчете, вытопчете?
- Аргамаком* затопчем, затопчем,
- А мы его взнуздаем, взнуздаем.
- Чем же вы взнуздаете, взнуздаете?
- Кожаным уздечкой взнуздаем, взнуздаем.
- А что попросите за это, за это?
- Нам нужна красна девица, красна девица.
- Как зовут, красну девицу, красну девицу?
- Зовут её Лизукой, Лизукой.
- Мы её не отдадим, не отдадим.
- Тем не менее, мы возьмем, мы возьмем...

Как только последние слова песни закончились, из одной группы выбежала Лизук и постаралась порвать цепь рук второй

*Аргамак (урхамах) — конь.

группы. Но не хватило сил, не смогла одолеть, пришлось остаться пленницей. Если бы она порвала — с собой повела бы любую девушку из этой группы. Вновь образовали круг.

Пришёл черед играм, пляскам. Стало шумно, весело.

Обожает Лизук эти игры. Ей страшно подумать: «Скоро она выйдет замуж, родятся дети, она постареет и не прибежит на этот хоровод. Его будут водить молодые, задорные девушки, и этому не будет конца. Так было сотни лет назад.

Здесь зарождается любовь. Искренняя, не выходящая из берегов, не искривляющаяся с течением жизни, остающаяся светлым и бескорыстным чувством между молодыми людьми. Отсюда увозят невест, и они становятся женами.

Летние ночи короткие, на горизонте загорелась утренняя заря. Молодые пары стали покидать хоровод. Лизук с соседкой Верухой пошла в сторону дома. Подруга пока молодая, не торопится дружить с парнями.

Не успели они дойти до дома, резкий свист испугал их. В ночную тишину клином ворвался топот: из переулка выскочил конь, запряженный в тарантас. Девушки уступили ему дорогу. Но незнакомцы остановили коня около них. Лизук не успела вскрикнуть — крепкие мужские руки подняли её и забросили в тарантас. Закрыли кафтаном. Веруха потеряла дар речи, не смогла позвать людей на помощь. Сильный конь рванул вперед, тарантас исчез за околицей.

Лизук поняла: её умыкнули. Пыталась вырваться, не смогла шевельнуться, силы были не равные. Её истошный крик под кафтаном никто не услышал. Деревня спала крепким сном...

* * *

Наступило утро. «Что происходит?.. Почему именно с ней?.. Её украли, умыкнули, как лошадку с табора, а сейчас хотят продать», — терзала душу Лизук, сидя в заточении.

Она не покорится безропотно, готова броситься на любого, кто притронется к ней. Не хочет таким образом надеть на себя ярмо жены чужого мужчины. Хомут, однажды примерив, — не снимешь, не выкинешь.

Ждала большой, красивой любви. Перенимала манеры матери: училась шить, вязать, варить и всему тому, без чего

ни одна жизнь крестьянки не проходит. Лизук выбрала свою дорогу, по которой она будет шагать вместе с любимым человеком. Ради этого она готова, как волчица, загнанная в овчарне, перегрызть горло любому.

За ночь она не уронила ни капли слез. Были бы крылья, как у птицы, улетела бы. Думала, как выпутаться, как объяснить родителям? Может сами дали добро на эту кражу? В последнее время участились такие свадьбы, застолья, где молодые объявлялись мужем и женой. Мороки нет, и мало затрат.

«Этого мать не допустит, да и отец никогда не пойдет против меня», — подумала она.

Во дворе слышались шаги, открылась дверь, и на пороге амбара вырос её брат Хведот-Федот. Обрадовалась Лизук: «Вот оно спасение!..»

— Чего стоишь, не рада брату? Два года не виделись, она стоит как истукан! — затараторил Федот.

— Ты за мной? — спросила Лизук, не сходя с места.

— За тобой муж зайдет, — серьезно ответил брат. — Я пришел обнять тебя.

Не помнит Лизук, как в руках оказалась колотушка для льняных тканей. Как только Федот приблизился к ней, она изо всех сил ударила брата по голове. Он рухнул. Лизук посмотрела на него: голова цела, обойдется, отдышится. Никому, даже родному брату, не позволит влезть в свою жизнь. Оглянулась, во дворе никого нет, выскочила, открыла дверь калитки и помчалась домой. Вдруг остановилась, обернулась. Она ведь была в доме Рамана. Почему её сюда привезли? Кто её украл?

Думать некогда. Она бежала по деревне, давая волю накопившимся слезам, не обращая внимания на односельчан. Люди удивленно смотрели на неё: а ну как девка умом тронулась, горе что ли встретилось на её пути. Вот калитка родного двора. Лизук влетела в дом. Мать, отец и Танюк оказались дома, в праздничном одеянии, куда-то торопились. Увидев дочь, остолбенели, с раскрытыми ртами сели на скамейку.

— Значит, продали меня, как тёлку годовалую... — поняв происходящее, горько заплакала Лизук.

— Дочка, вечером вернулись Хведот, Лазарь и Раман, они удумали украсть тебя, — увидев слезы дочери, заревела мать.

— Никогда! — всхлипывала Лизук. — Никогда я... не буду... женой Рамана!

— Мы подумали... договорились... что ты дала согласие на свадьбу, — пытался Савар успокоить дочь.

— Как мне жить на свете без него! — продолжала реветь она. — Лучше в женский монастырь, в монахини! В Александрийку подамся!

Дальше началось необъяснимое. Иреня Тихоновна опустилась перед ней на колени:

— Прости, доченька, прости нас, дураков! Послушали этих оболтусов, решили затрат меньше будет!.. Мы не злодеи! Не хотели плохого!.. Прости нас!..

Тут и Лизук рухнула на колени. Обняла мать, и обе — родимые — давай лить слезы в два голоса.

— Прекратите голосить! — топнул ногой Савар. — Следует разобраться. Чувствую себя в дерьме...

Женщины перестали причитать, подолами смахнули слезы, вытерли носы. Всё это время Танюк молчала, но вместе с женщинами вытирала краешком платка глаза. Вокруг них бегала шестилетняя Улька, желая понять весь этот сыр-бор.

Распахнулась дверь. На пороге появились Федот и Лазарь. За ними шел Раман с родителями — Екером и Варисой. Федот правой рукой придерживал на голове мокрую тряпку, прикрывая большую шишку. Увидев плачущих женщин, смущенно, как нашкодивший мальчик переступал с ноги на ногу.

— Не ожидал... получилось. Огрела, так огрела...

— На дураках держится этот мир — а умные люди за их счет живут, — чертыхаясь, сел на скамейку Савар.

Иреня поняла причину внезапного появления дочери и расхохоталась. На них глядя, Лизук засияла, посмотрела на Рамана — сама с места не тронулась.

Лазарь сграбастал сестру огромными руками. Лизук противилась, лупила брата кулаками по спине.

— Хватит, хватит! — умоляла она.

Отпрыгнула от него, оглядела его зоркими глазами и добавила:

— Ну и бык.

— Как ты узнала, что мы тебя умыкнули, — удивленно спросил Лазарь.

— Федот сказал: муж зайдет... — бормотала Лизук.

— Эх, ты! — ругал Савар сына. — Деревянная твоя башка!.. Девка оказалась намного умнее мужиков!

— Не ожидал, как-то вышло боком, — оправдывался Федот, обнимая сестру.

— Болит? — по голове погладила она.

— До твоей свадьбы заживет, — отшучивался Федот.

Раман с родителями стояли у порога, ожидая прощения за безрассудную выходку. Но Лизук их не замечала, продолжала смеяться и тихо всхлипывать.

— Сестренка, — пытался объяснить Лазарь. — На Рамана зла не держи. Мы уговорили его пойти на это. Ты в хороводе, возвращалась домой с подружкой. Решили в шутку украсть. Любит он тебя. На фронте все уши прожужжал, даже стихи сочинял.

— Да он... ты... эта правда? — нахмурилась Лизук. — Значит, мою жизнь хотели превратить в шутку?

— Не ожидали... серьёзно, — многозначительно вздохнул Федот.

— Не-ет! Так нельзя! — охнула она, вновь уткнулась в плечо матери и зарыдала.

Ирениа дала дочери немного выплакаться, а после ласково спросила:

— Ты ведь не разлюбила его?

Лизук затаила дыхание и кинулась к Раману. Черные её локоны, прикрытые цветным платком, выбились на лоб. Положила голову на грудь парня, прикрыла глаза, словно солнце нестерпимо ярко светило прямо в её лицо. Раман смущенно посмотрел на присутствующих, неуклюже обнял девушку за плечи и прижал к себе. Она услышала тревожное биение сердца. Она боялась даже шевельнуться, чтобы не спугнуть счастья.

Ирениа перекрестилась. Подошла к левому углу, где на полочке стояли иконы и висел металлический медный крест с распятым Иисусом Христом.

Встала перед святым углом, прижала руки к груди и тихо начала читать молитву:

— Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое; да придет царствие Твое; да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Её слова подхватили Савар, родители Рамана:

— Хлеб наш насущный, даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение; но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть царство и сила, и слава во веки. Аминь.

— Вот дела! — вслух произнес Федот. — Чуваши выучили наизусть молитву Господню на русском языке.

— За вас, за здоровье сыновей она молилась, — ответил Савар.

— Не мешай! — сверкнула глазами Лизук, глядя на брата.

Молитва потихонечку перешла на благословление молодых и две семьи, стоя перед иконой, решили сыграть небольшую свадьбу немедленно, не позже следующего выходного дня, то есть в субботу.

* * *

Речка Хирлеп, извиваясь как змея, течет по широкому Хумушскому полю и спешит в Цивиль. Её чистые голубоватые воды, блестят словно журавлиные глаза. Сейчас начало июня, но жара стоит нестерпимая. Радость местным ребятам и домашним водоплавающим птицам, которые с утра до поздней ночи плещутся в речке. Услаба, Кивьял, Хумуш под жарким июньским солнцем находятся в тихой полудреме. На улицах ни души, люди спрятались в избах, даже куры, обычно полощущие свои перья в легком пыльном песке, исчезли под навесами.

Сегодня день Святой Троицы — праздник поклонения душам умерших. По времени он совпадает с языческим Семиком. Чувашкие крестьяне охотно встречают его. Весенние полевые работы завершены, в огородах зеленеют старательно посаженные овощи.

Для стариков этот самый Семик означает окончание весеннего периода жизни природы и начало летнего, более яркого, ласкового, насыщенного времени года. Главный объект поклонения в эти дни кудрявая береза, принимающая добро, оберегающая от нечистой силы, от злых духов и изгоняющая хворь. Берёза, считают старики, — проводник людей с того света. Они уверены, что умершие души прилетают на землю и садятся на ветви этих деревьев.

Сегодня праздничный день, нельзя трудиться на земле. Савар задумал с утра пройтись по участкам и своими глазами убедиться, как растёт рожь и полба. Надел вышитую льняную рубашку, чёрные брюки, опоясался широким разноцветным поясом с кистями. Хотел обуть лапти, но передумал, из сундука вытащил яловые сапоги, натянул на ноги. На голову надел новую чёрную войлочную шляпу.

Ирениа крутилась у печки, готовила праздничный стол. Савар нигде не мог найти свою спутницу — самодельную трость, удобную для отпугивания собак. На вопрос мужа она ответила кратко: «Не видела», — и продолжила катать на деревянном корытце тесто. В это время в дом заскочили внуки — Улька с Эрхипом, за ними двухлетняя Василиса, оседлавшая трость деда, отчаянно прыгала по комнате и кричала: «Иха-ха! Иха-ха!». Савар отобрал у неё трость, слегка оттянул палкой по мягкому месту.

— Научу тебя без спросу брать трость! — поворчал он, закрывая за собой дверь.

Девочка обиделась, присела под стол, немного похныкала и успокоилась. Ожидала, что бабушка пожалеет, но она, не обращала на детей внимания, занималась кухонными делами. Как только калитка закрылась, Улька с Эрхипом выскочили из избы, за ними умчалась Василиса.

Савар шёл по полю, вспоминал праздник тридцатилетней давности.

Было время. В роще Пуленке, на большой поляне Подсека Уливана, собиралась молодежь из десятков деревень, расположенных вокруг богатого орешником леса. Везде и всюду водили хороводы, крутилась карусель, до самого неба со скрипом летали качели, затевались веселые игры.

Парни крутились около незнакомых девчат, на головах которых красовались венки из живых цветов, трав и мелких берёзовых веток. Савар, широкими плечами и большой шевелюрой особо не церемонясь ходил по поляне со своими друзьями. Рядом шёл сосед Павел Нибеков — Палюк, известный гармонист в округе. Он отличался от друга Савара ростом, чёрными волосами, быстрыми серыми глазами. Так искусно играл на тальянке, особенно своеобразно исполнял мелодии «Погремок — смолёвку вдутую» и «Приглашение соловья». Недаром девушки крутились вокруг него.

Заметил Савар: около карусели стояли девушки из Ильдым-касы. Он искал Иреню Тихонову. Вот она, стоит рядом с Униссе из деревни Кивьял. Девушка заметила, что Савар сверлит её глазами. Не смутилась, а наоборот, всю девичью красоту — лицо, лоб, густые длинные косы выставила напоказ. Только встретились их глаза, она испугалась, какая-то непонятная дрожь пробежала по телу.

Савар намекнул друзьям, что ждёт их сегодня бессонная ночь. Ушли в сторону, немного пошучукались, о чём-то договорились. На поляну вернулся только гармонист. Не прошло и получаса, Савар остановил коня около оврага Эреке. Сам с друзьями пошел на праздник, а соседского шестнадцатилетнего парня Васянку оставил около тарантаса — ждать сигнала!

Молодежные игры в самом разгаре, хотя солнце клонилось к горизонту. Иреня с подругами стала собираться домой. Ничего не подозревавшие девушки пошли в сторону деревни Ильдым-касы. Вдруг откуда ни возьмись, выскочили парни. Девчата догадались: «Кто-то из них сегодня домой не вернется».

Иреня застыла как сноп, успела схватить подругу за кисть. Друзья Савара подняли её и понесли. Униссе бежала за ними, пыталась вырваться из крепкой руки.

— АпаЙ!.. Спаси!.. Помоги!.. — кричала Иреня. — Не дай молодую головушку в ад сунуть! Отпустите!.. Убейте!.. Свадьбы не будет!..

Рот закрыли женским платком. Посадили на тарантас, рядом уселись двое парней, крепко держа за её руки, накрыли суконным одеялом. Напротив устроился Савар, а Васянка гнал коня в сторону деревни Хумуш. Молодежь с интересом смотрела на них, но никто не заступился за девушку. Все знали, что именно на таких гуляньях умыкают невест. Дома Савара уже ждали — отец с матерью, родные, сваха Дарья да амбар с большим замком.

Ночью приехали родители невестки с сыновьями. Леонтий всё уладил сам, встал перед Тихоном Михеевым на колени и убедительно произнес:

— Раз господь велит нам быть родными людьми, давайте не будем его гневить. У тебя дома две невестки, бегают по дому внуки. У меня никого нет. Не дадим мы в обиду твою дочь. Она будет для нас любимой.

Что мог сказать Тихон после таких слов? Вытащил из кармана бутылочку русской водки и поставил на стол. На слезы Иреня никто не обращал внимания. Она стала женой Савара, двадцатипятилетнего крестьянина из деревни Хумуш.

С тех прошло тридцать с лишним лет. Всё осталось там, за рощицей — и молодость, и юношеские мечты, и хороводы. Молодежь перестала гулять в роще. Она облюбовала другое место — Нуросскую ярмарку, куда собираются тысячи разодетых парней и девушек со всех деревень края.

Иреня полюбила своего мужа, за его ум, за сдержанную привязанность, трудолюбие. Больше всего полюбила она родителей мужа — добрую Укахви и мудрого Леонтия. Их уже нет на этом свете.

10

В Хумушской школе Георгий Алексеев проработал учителем всего полгода. Волостное начальство вызвало к себе, уговорило стать членом Нуросской чрезвычайной волостной комиссии по борьбе с безграмотностью. Началась работа, за три недели с помощью учителей школ волости составил списки неграмотных детей от пяти до восьми лет. Тут же взялись за мальчиков и девочек школьного возраста. Школы переполнились — начали работать в две-три смены. Вместе с учителями у доски встали те, кто грамотно мог разъяснить, обучить детей основным азам азбуки. Деревни гудели — всех, кому ещё нет пятидесяти лет, записывали в ликбезы, пытались научить читать и писать. Оказалось, это нелегкая работа. Многие женщины даже под угрозой суда отказались ходить в ликбез. Самые отчаянные кричали:

— Жили и проживем без букв, дети будут грамотными и то ладно!

Через три месяца Георгия Алексеева утвердили председателем Нуросской волостной ячейки работников просвещения и социалистической культуры, заодно поручили выполнять функции председателя ревизионной комиссии по проверке имущества школ и библиотек.

Георгий ездил по деревням, проверял работу, открывал школы по ликвидации безграмотности. Радовался, когда люди выполняли работу с душой и пониманием. Был недоволен,

когда, имея неплохие возможности, местные власти игнорировали, саботировали решения волисполкома. В доме родителей за полгода побывал только дважды.

Внезапная смерть отца ещё крепче объединила семью Яковлевых. Алексей, несмотря на возраст, на болезни не жаловался, не охал, не ахал. Рассудительный, деловой крестьянин трудился до последней минуты. Немногословность, порядочность были основными чертами его характера. Не раз односельчане выбирали его засеващиком хлеба, не раз он за крестьян деревни прикладывал руку на казенные бумаги. Перед севом ходил в баню, на утро надевал чувашскую рубашку, новые брюки и лапти. Односельчане утром собирались около общественного участка, ждали, когда Алексей возьмет горсть семян из лукошка и бросит на теплую землю. Такой день становился праздником для всех крестьян, от малого до самого старого.

На похороны отца собрались родные, друзья, знакомые, жители всех четырех деревень Элменского общества. Организовали достойное прощание. Теперь мать живет дома одна, Иван, Сергей и Евдокия рядом, присматривают за ней.

Перед днем годовщины смерти отца, Георгий заглянул в родную деревню. С братом Сергеем договорились отремонтировать ворота. Большие дубовые стойки за долгие годы сгнили, покосились. Створки ворот держались на честном слове, необходимо было их заменить, заодно обновить весь забор. Георгий несколько раз пытался взять отдых на пару дней, только сейчас это ему удалось.

Встал рано, умылся. Мать давно на ногах, успела затопить печь, поставить пироги. Сергей пришел с другом. Даниил Шумилов — русский, родом из Нижегородской губернии, родители переселились в Авшак Элмен ещё в прошлом веке. Этот крепкий парень с тонкими усами и бородкой приходился далекой родней Елены Михайловны. Знались с детства. От солдатской службы был освобожден. В детстве поспорил с мальчишками, кто быстрее всех залезет на ветлу около церкви. Даниил оказался проворнее, шустро добрался до верхней ветки дерева, но сучок не выдержал, треснул, и мальчик полетел вниз. Остался жив — помогли густые ветки. С тех пор хромает, повредил правую ногу. Когда узнал, что приехал Георгий, вместе с Сергеем подрядился помогать.

Работа спорилась, ворота ловко разобрали, начали копать землю под столбы, под заранее приготовленные дубовые стойки.

Рядом на песке, привезенном недавно Сергеем, играли два его сына — Илян и Кури. Младшего крестили Гурием, но мать Таюк не согласилась, дала сыну чувашское имя, даже в сельсовете зарегистрировала его по имени Кури.

Сегодня четверг, базарный день в селе Нурос. Многие жители торопились на базар. Везли на телегах хлеб, разные товары, изделия своих ремесел. Дорога проходила мимо дома Яковлевых, пешие и едущие громко приветствовали, желали в помощь Бога и сил на завершение начатого дела. Мужикам приходилось часто отвлекаться, отвечать, благодарить, желать прибыльной торговли.

Вдруг взгляд Георгия упал на трех девушек, проходящих мимо дома. Они тайком смотрели на работников, о чем-то переговаривались, улыбались. Одна из них торопливо хотела отойти от дома. Георгий стал следить за ней. Красивые, густые, черные косы до пят были символом девичьей зрелости. Платье самотканое, с вышивкой, не праздничное, но и не обыденное. На рукавах, воротнике, по низу подола — замысловатые узоры, старинные чувашские письменные знаки. При ходьбе они играли. Девушка повернулась, посмотрела на Георгия, быстро отвернулась, но её взгляд остался в душе парня, как две светло-голубые незабудки. «Сколько же сосредоточено жизненной силы в этой хрупкой девушке, — она будет матерью моих детей», — подумал Георгий, а вслух сказал: — Вот те на! Какую косу отрастила? Как зовут тебя девушка?..

— Катя... Катерина... Катеринушка! — отозвалась за неё подруга и нарочно, несмотря на сопротивление красавицы, ответила. — Из деревни Пуганкас, дочь крестьянина Ульдивана Трофимова.

Катя покраснела, посмотрела в сторону Георгия, потом быстрыми шагами скрылась за поворотом.

— Не узнал дочку Сенеби? — поднял голову Сергей. — За прудом живут. Какая ладная стала.

— Пригожая! — ответил Георгий.

— Зимой убили отца, — пояснил Сергей. — Уехал на базар продавать зерно, домой привезли мертвого. Остались четыре девочки. Екатерина старшая, девятнадцатый год идет, остальные — совсем дети. Вот и приходится им крутиться, батрачить на других. Обо всем сразу не расскажешь.

— Хочу познакомиться... — отрезал Георгий.

— Молодежь по вечерам гуляет у околицы, там можно её встретить, — хитро улыбнулся Даниил.

Целый день Георгий думал о Кате. Мысли путались, а распутывать их никак не мог, не нашел нужного ответа на щемящие душу вопросы. Память человеческая подбрасывала и подбрасывала воспоминания, образ Кати-Екатерины крутился перед его глазами: мелькали завораживающие толстые косы, разрумяненное лицо стыдливой девушки. К вечеру мужики завершили половину начатого дела, после ужина Сергей и Даниил ушли домой, а Георгий не забыл слова Шумилова, оделся и пошел за околицу.

Мать ради красного словца заметила:

— Староват ты уже для хоровода, жену пора в дом приводить.

Георгий улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Вечерело. Солнце скрылось за горизонтом, в домах тлели лучинки, кое-где керосиновые лампы. Люди готовились ко сну. Где-то далеко заиграла гармошка, по вечерней деревне поплыли песни девушек. Ещё недавно гармошки молчали. Молодых мобилизовали на гражданскую войну, некоторые на чужбине сложили головы. А кому повезло, вернулись домой возмужавшими, стали обзаводиться семьями. За это время в деревне выросло новое поколение. Несмотря на бытовые и жизненные неурядицы, молодежь собирается у околицы, а в ненастные дни в избе-читальне, где разместился сельский исполнительный комитет.

Георгий Катю узнал издалека. Она с девушками пела песню. Увидев парня, попыталась спрятаться за спины подруг. Он подошел к ним и что-то начал говорить. Катя ничего не понимала: голова кружилась, лицо горело румянцем, ноги дрожали. Не знала что предпринять. Георгий решительно взял её за руку, пригласил погулять. Она растерялась, за такую дерзость хотела отказать, но не смогла, медленно, не торопясь, пошла рядом с ним. Руки горели, в горле пересохло, но еле-еле вымолвила:

— Куда мы пойдем?

— С тобой хоть куда, — ответил Георгий.

— Слишком дерзкий... — произнесла Катя.

— Дерзость ни при чём, а вот сердце ты моё растопила, — тихо-тихо сказал он.

Катя понемногу успокоилась, у неё будто выросли крылья, она готова была с этим парнем улететь хоть на край света. «Если он сейчас предложит выйти замуж, то, не задумываясь, соглашусь. Буду любить вечно, нарожаю ему много детей», — размышляла она.

— Выйдешь за меня замуж? — как гром среди ясного неба прозвучали слова Георгия.

«Вышла бы, не задумываясь, стала б его женой. Но матери одной не поднять сестёр. Необходимо посоветоваться с ней, без благословения не могу», — соображала Екатерина. Молчала, споткнулась, чтобы не упасть схватилась двумя руками за парня. Георгий немного прижал её к себе, и волосы Екатерины оказались на лице, на губах парня.

Георгий не отпускал её, обнял и ещё раз спросил:

— Выйдешь за меня замуж?

В этот раз Катя не стала испытывать судьбу, тихо промолвила:

— Да... Научишь меня читать и писать?

— Разумеется! — закричал Георгий и поцеловал Катю. — Через год ты у меня будешь толковать по-немецки!

Она впервые в жизни почувствовала губы парня, не знала, что предпринять, но не сопротивлялась, дала полную волю своим чувствам. Георгий обнял девушку, целовал в губы, волосы, глаза — говорил и говорил. Откуда только появились, ласковые слова.

Только под утро Катю домой отпустил. Она и не просилась, хотя ведала, что надо рано вставать, целый день трудиться в поле. Когда на горизонте начала заниматься заря, она скрылась за калиткой.

— Сегодня пришлю сватов, договорись с матерью, — шепнул Георгий, отпуская Катю.

Сенеби не спала. Никогда дочь на хороводе так не задерживалась. После похорон мужа ей все видится плохое, переживает за каждый шаг старшей дочери. Если её потеряет, остается только в петлю влезть. Она кормилица семьи, добытчица каждого кусочка хлеба.

— Что случилось? — поинтересовалась мать, увидев дочь.

— Ты не спишь? — испугалась Катя, и впервые слукавила. — С подругами гуляла...

Так хотелось обо всем рассказать матери, посоветоваться, поделиться, но воздержалась, оставила серьезный разговор на день.

Скинула лапти, платье, легла рядом с ней, обняла и закрыла глаза. В ушах звучали слова Георгия: «Сватов пришлю!.. Сватов пришлю!..».

На горизонте засияли лучи восходящего солнца, начинался очередной трудовой день. Как он пройдет? В глазах у девушки появились слезы радости, счастливая улыбка не сходила с лица, так и уснула. Сенеби поняла и испугалась: «Дочь стала взрослой, она влюбилась».

Днем Катя задумала начать разговор о Георгии. Она чувствовала, будет нелегко. Во дворе набралась смелости, начала издалека.

— Апай, замужем трудно? — присела она поближе к матери.

— Кому как! — насторожилась Сенеби. — Что ты об этом спрашиваешь, тебе всего в восемнадцать лет, рановато еще о женихах думать.

— Тебе нравится Ягур Алексеев?

— Про учителя говоришь... Выбрось из головы! Таких, как мы, Елена в дом не впустит.

— А если это любовь?

— Какая любовь! Чувашским женщинам не дано этого знать. Вышла замуж — начинаются будни. Некогда думать о муже, свекру и свекрови надобно угождать, чтобы приняли в свою семью. Не сумеешь — будешь всю жизнь мыкаться, перед ними раскланиваться...

— Эта семья не такая, у них русские обычаи, — вдруг заплакала Катя.

— Ай-уй... что ты? — от удивления округлились глаза у Сенеби. — Невесткой захотела стать у русской Елены? Ближе калитки ноги занести не разрешат. Они грамотные, богатые люди. Мы кто — лапотники... Выбрось из головы всякую дурь!

— Ягур любит меня...

— Ай, тур-тур! О какой любви ты говоришь. Батрачки мы... ох, батрачки! — вскрикнула мать и вдруг тихим голосом произнесла. — Как жить будем?

— Не умрем. Советская власть поможет, вместе не пропадем... — ответила Катя. — За Ягура я выйду замуж!

Сенеби поняла, что у дочери уже поселилось сумасбродство, умишком свихнулась. Словами не вытравишь, может кнутом проветрится. Сама не заметила, как взяла нагайку отца и крепко ударила по спине дочери, но второй раз не успела, Катя схватилась за кнут, резко дернула. Сенеби от неожиданности, от сильного толчка упала на траву, заплакала от бессилия.

— Не заметила, — всхлипывала она, — а дочь-то выросла, взрослая стала.

Катя от слов матери тоже раскисла, села рядом с ней, крепко обняла, и две женщины тихо заплакали. В душе у них одновременно скопилось всё, вспомнили потерю отца, тяжелую жизнь. Вдруг Сенеби перестала плакать, вытерла слезы, двумя руками подняла голову дочери и промолвила:

— Если у вас серьезно, благословляю! Пусть Ягур сам придет.

На мгновение Катя подумала: «Замуж не пойду, останусь с матерью, сестрами. Я молодая, успею устроить свою жизнь, найду своего суженого». Но тут же отогнала эти мысли прочь.

— Был бы рядом Ульдиван, — вздохнула Сенеби.

* * *

Ульдиван Трофимов вышел из крестьян. Его предки корнями росли в эту землю. Участвовали в пугачевских бунтах, громили богатеев, но каждый раз беда обходила стороной, помилованные Богом, оставались невредимыми. У Трофима Кильбекова было четыре сына. После его смерти мать решила женить старшего, семнадцатилетнего Ульдивана. Неспроста ведь в народе говорят: надо в парня бросить тяжелой шапкой, весом более десяти фунтов. Устоит, можно в дом приводить жену — работающую, крепкую, лет под двадцать пять, которая станет не обузой, а домохозяйкой, помощницей многодетной матери. Ульдиван был ростом выше входной двери, крепкий, умеющий удерживать плуг в своих руках и не испортить борозды. Так семнадцатилетний деревенский мальчик стал мужем двадцатипятилетней Сенеби, дочери крестьянина Матея Имекова. Вот беда, долго не хотел ложиться спать рядом со своей женой, боялся как черт лаdana. Жена не считалась красавицей, но в работе не отставала от других женщин деревни.

Шли годы. Ульдиван стал мужиком, хозяином семьи. Сначала на свет появилась желанная Катя, потом за семь лет одна

за другой ещё три девочки: Марья, Везиле, Улдути. Смирился Ульдиван с судьбой, перестал стесняться перед односельчанами. Да и Сенеби не давала никакого повода для злых языков.

С помощью родных, односельчан сумели построить дом, отделиться. Образовалась дружная семья. Работали с утра до ночи, до седьмого пота. По старой привычке в доме продолжала командовать Сенеби. Ульдиван не возражал, но сам никому не позволял нарушать такой уклад жизни. В семье появились излишки хлеба, торговля стала приносить небольшую, но ощутимую прибыль. На столе — сытная еда, на плечах Ульдивана — любимая местными мужиками русская одежда.

Беда в дом пришла скрытно, неожиданно, но ударила больно. В то утро отца всей семьей собирали на Нуросский базар. На сани положили семь мешков зерна, вокруг суетились девочки, мешались под ногами. Ульдиван вскоре исчез за поворотом Ярмушской дороги.

Тело его нашли в тот же день, разбойники не осмелились, или не захотели прихватить с собой коня. Из-за нескольких рублей лишили жизни мужику. Лошадь стояла около своего мертвого хозяина, ждала, дрожа от холода. Жители Кивьяла заметили около рощи сани. Подошли на место, узнали мертвого Ульдивана.

Катя была на посиделках. Прибежала домой, там уже толпился народ. Женщины пытались успокоить Сенеби, она рыдала, будто тронулась умом, лежала на снегу, рвала волосы, билась кулаками. Девушка, увидев на санях бездыханное тело отца, закричала, перед глазами всё завертелось, и она потеряла сознание.

— Катя! Катя! — пытались поднять её подруги.

Соседка, Ойби Лукашова принесла черпак холодной воды и прыснула на лицо девушки. Она резко открыла глаза. Никак не могла вспомнить происходящее, опомнившись, заревела.

— Плачь, плачь! — пыталась успокоить Ойби. — Полегче станет...

— За что, за что?.. — не понимала Катя.

С тех пор прошло более года. В жизнь молодой девушки пришла любовь. Катя опять не может успокоиться. Как только вспомнит своего Ягура, сердце начинает стучать, вот-вот выскочит. Голова кружится, вокруг всё плывет. Слезы льются, не от горя, а радости.

Еле дождалась встречи с любимым. День был длинный и суматошный. На уговоренное место она поспешила с первыми звездами на небе. Издалека увидела сидящего у реки Ягура — Георгия.

Катя прибежала к нему с нежным, счастливым лицом. Если бы Георгий не успел её схватить, она бы упала. Он обнял девушку. Худенькая, хрупкая Катя прижалась к нему, дрожала. Георгий стал целовать её волосы, глаза, потом и уголки рта, губы...

— Успокойся Ягур... успокойся. Я с тобой, с тобой навсегда... Апай благословила, просила зайти.

— Моя мама со мной не разговаривает. Я тебя сегодня украду. Завтра все успокоятся.

Георгий взял девушку на руки и стал кружиться. Они вновь простились только под утро, перед восходом солнца.

Днем он проснулся от стука молотка, Сергей с Даниилом уже работали, обшивали ворота.

— Вот и кавалер проснулся, а то мать не велит будить, — посмеялся Сергей.

— Катю нашел? — спросил Даниил.

Георгий улыбнулся, обливаясь холодной водой. Когда мать вынесла полотенце, вдруг вымолвил:

— Мама, я прошу благословения, я женюсь.

Елена Михайловна спокойно, хотя со вчерашнего дня ведала об этом, посмотрела на сына, но промолчала. Мужики перестали работать, подошли к ним.

— Я прошу мама, женюсь на Кате!

— Какая Катя? Откуда? — строго спросила мать.

— Ульдивана Трофимова дочь, — пояснил Сергей.

— Она тебе не пара, грамоте не обучена! — отрезала Елена Михайловна.

Даниил и Сергей отошли, не стали встречать в разговор, зная её характер, держались подальше от назревающего скандала.

— При чем тут грамота? — возразил Георгий. — Научу!

— Не проси благословения! — строго ответила мать, уходя в дом. — Даже на порог этого дома не пушу!

— Ничего, отойдет, уговорим, — успокоил Сергей.

У Георгия работа не ладилась: то молоток из рук вылетит, то по пальцам ударит. Мать по делам несколько раз выходила во двор, проходила, молча, даже не взглянув на сыновей. К обеду пригласила сухо, за столом расплакалась.

— Жизнь длинная, штука серьёзная, — строго сказала она. — Как бы не пришлось каяться, обижаться на близких, что вовремя не остановили, не отговорили от необдуманных шагов...

Георгий слушал, но от своих слов не отказывался. Мать тоже всеми силами сопротивлялась, пыталась не допустить необдуманной женитьбы младшего сына.

Прошел день. Георгий искал выход от создавшегося положения, ни на миг не забывая о Кате. Вечером они снова встретились.

— Нельзя пойти против воли родителей, без благословения родных людей мы не будем счастливы... — тихо вымолвила девушка.

— Этот вопрос решим мы по-другому, милая моя женушка... — ответил Георгий.

— Какая же я тебе жена? — не согласилась Катя.

— Украду!.. Не мы это выдумали, — не сдавался он. — Так многие решают свои проблемы, чем мы хуже их.

— Где мы будем жить? Ты служишь в волости...

— Переведусь учителем в Ярмушскую школу..

Они долго гуляли по ночной тишине. Больше молчали, каждый думал о своём. К утру вместе открыли калитку дома Яковлевых, перекрестились, переступая порог. И тихо вошли в баню.

* * *

Елена Михайловна открыла дверь предбанника и онемела. На деревянном топчане лежала девушка, а рядом сидел Георгий, любясь своей спящей молодой женой.

— Вот как значит, решил? — громко хлопнула она дверцей бани. — Мать обошел! Хороша парочка — баран да ярочка!

Георгий промолчал, он понял, в эти минуты мать его, по всему видно, слушать не будет. Думал, увидит невестку, успокоится, не пойдет против сына. Но она стала твердая как камень. Собрала небольшой сверточек и ушла из дома.

Днем в доме Яковлевых собрались близкие люди. Некоторые удивились, что учитель решил свою судьбу таким образом. Старший брат Сергей поздравил молодых, пожелал начать супружескую жизнь без обид: «Мать обязательно придет, смирится, благословит молодых». Посоветовал сегодня же оформить

документы в сельском Совете, иначе волостные могут обвинить Георгия во всех грехах.

— А пока, совет да любовь на долгие годы, — успокаивал Даниил растерявшуюся и потерявшую дар речи молодую невестку.

— Нашел всё-таки свою Катю! — поздравила молодых Таюк, жена Сергея.

— Ну, ты даешь! — позавидовали друзья.

В это время Елена Михайловна пошла на крайние меры. Раз сын её не послушал, поступил неразумно, она тоже в долгу не останется. Из дома ушла, чтобы проучить молодых. День коротала с подругой Антониной Поляковой в деревне Авшак Элмен — посидели, посудачили, приняли решение. Утром Елена Михайловна зашла в земельный комитет Нуросского волостного исполкома, нашла самого главного начальника, приукрашивая, выложила щемящую душу проблему. Волостной комиссар попросил оставить заявление, она прикинулась неграмотной, уговорила за неё написать жалобу на сына. Комиссар позвал в кабинет секретаря, и со слов Елены в волостном комитете остался официальный документ: «Сын мой, Алексей Георгий Алексеевич, выгнал меня из собственного дома, несмотря на то, что я, семидесятилетняя старушка, не способна к физическому труду и не могу обеспечить себя куском хлеба. В настоящее время осталась без крова, без еды. Заявляя о вышеизложенном, прошу волысполком присудить мне, как родной матери, норму хлеба, картофеля третью часть, проса четыре пуда. В чем, за неграмотностью приложила руку. 15 октября 1921 года, Елена Михайловна Яковлева».

Бумага недолго лежала без действия. Не прошло и суток, как Георгия вызвали в волостной суд. Он недоумевал.

— Не пойму, что случилось? — Георгий пытался как-то утешить молодую жену. — Два дня назад был в волости.

Катя заплакала, она волновалась за мужа. Всё у них идет кувырком. В последние годы произошло немало событий, порою трагических, когда люди не возвращались домой. Это больше всего волновало девушку.

Елена Михайловна на суд не явилась, вместо неё присутствовала её подруга Антонина Полякова. Суд разобрался в сути дела. Из-за отсутствия состава нарушения закона дело закрыли,

бумаги отправили в архив. Начальство немного пожурело учителя. Георгий не стал испытывать судьбу, из волостного центра вместе с Поляковой отправился к матери.

Она встретила сына холодно, на вопросы отвечала сухо и наконец призналась:

— Вернусь только тогда, когда мой дом покинет твоя незаконная жена Екатерина! — заявила она.

Когда разговор коснулся о судебном разбирательстве, мать не стала лукавить, прямо ответила:

— Да! В волости заявление оставила я. Перед всей деревней опозорил родную мать, плюнул мне в лицо, оставил без крова, без куска хлеба, я была готова сквозь землю провалиться.

Георгий убедился в решительном коварстве матери, подумал и твердо произнес:

— Катя моя законная жена. Вот документ. Не будем мы мешать вам, мамаша. Сегодня же покинем дом. В школах везде нужны учителя, чувашский край огромный. Вернись в родной дом.

Эти слова подействовали на мать, она уткнулась в подушку и заплакала.

— Разве такой жизни хотела я своему сыну, — всхлипывала она. — Не пара она тебе! Придет время, поймёшь, что мать была права!

— Время покажет, — ответил Георгий.

— Да поздно будет! — не соглашалась мать. — В лес с дровами не ездят.

Наконец Елена Михайловна сдалась, да и подруга её, Антонина Полякова, вдруг встала на сторону Георгия. Домой вернулись вместе, пока до конца не примирившиеся.

Через день Елена Михайловна вместе с молодыми пошла в сторону дома Трофимовых, согласовать некоторые вопросы проведения дня благословения молодых. Начал крапать дождь. «Дождь на молодых — к счастливой жизни», — подумал Георгий. «Женился на скорую руку, не получилось бы на долгую муку», — вздохнула Елена Михайловна, придирчиво присматриваясь на сына с невесткой.

Соскучился Захар по тяжелому крестьянскому труду. Его мужское тело играло мускулами, просило работы до изнеможения, отчего к вечеру ныла бы каждая клеточка организма. Надо испытать себя на пахоте, в жатве, чтобы спина и поясница разламывались, может тогда почувствует вкус усталости — глубокий сон до самого утра, без всяких сновидений.

Пришла весна. Он вышел пахать. Подошел к плугу, повернул, погладил и крепко взялся за поручни. Как же, давно не ходил по пахнувшей свежей землёй борозде. Лошадь шагнула вперёд, от тяжести резко мотнула головой, железный лемех плуга мягко вошел в землю и перевернул вместе с корнями пласт. Сзади осталась черная полоса. Как-то непривычно. От напряжения руки и ноги стали деревянными, голова легко кружилась. Но вскоре это прошло, шаги стали твердыми. Земляной дух дышал прямо в лицо, Захар опьянел. Прошел круга четыре и остановил лошадь, шагнул в рыхлую пашню, руками почувствовал тепло земли.

— Как пух! — обрадовался он и, расправляя плечи, вслух вымолвил. — Без землепашца земля сирота.

Конечно сирота!.. Нет пахаря — нет хлеба на столе. Захар как заправский пахарь, домой возвращался угарный от усталости, ужинал и падал, чтобы в пять утра вновь взяться за дело.

Время сева завершилось, начались обычные трудовые будни.

В последнее время Захар опять плохо спит, ворочается, мешая рядом лежащей жене спокойно отдохнуть. По утрам встает с недомоганием.

Это заметила Аниса. Хитро, насмешливо улыбаясь, пряча свои прищуренные глаза, спросила:

— Аль я не по нраву? Приглянулась девка деревенская или солдатка? Стал кидаться на меня, как пес, потерявший сучку. Я ведь в постели не хромая... Родила двоих детей...

— Да, перестань! — пытался отмахнуться Захар. — Не мели глупости, не понимаю тебя.

Аниса не унималась:

— А ты понатужься, может и поймёшь.

— Да говори толком, не мели впустую языком!

— Лес рубят, а щепки летят...

— Уймись, Аниса! В душе и так тошно, а ты со своей ревностью.

— Не ревную я. Люблю тебя!.. Люблю! Видели тебя с Варварой. Вроде вы долго разговаривали. Чего там нашептала?

Захар вспомнил: «Вон оказывается, в чем дело!.. Встретились на улице со знахаркой. Мимо проходили женщины с шельмоватыми глазами. Успели наступать».

Тогда Варвара сама остановила его.

— Скоро, ох скоро... — молвила она. — В твой дом войдут чужие люди. Будешь жить далеко в лесу, в землянке... Потеряешь сына, в деревню вернешься не скоро. Горе и утраты всю оставшуюся жизнь будут шагать рядом с тобой.

Захар потерял дар речи, пытался отшучиваться. Варвара прервала его со словами:

— Не торопись... Твой отец перейдет жить на вечное поселение. Райские врата его встретят или Киремет к себе позовёт — не дано знать. Не дано живым знаться с ушедшими в мир богов.

— Вроде нормальная, а несёшь, сама не знаешь что! — огорченно ответил Захар.

— Умный и с дураком по-умному беседует, — прервала его Варвара. — Вспомнишь меня, придет час...

Откуда она взяла всякую небылицу! Придумывает, рассказывает всякую чушь.

После разговора что-то надломилось в душе Захара. Всё перепугалось. Слова Варвары не выходили из головы, мешали спать, отдыхать. Только работа приглушала их, вечером тревожные мысли вновь возвращались. Что нагадала соседка?..

Тут ещё жена стала ревновать. Мелко дрожат ресницы, в глазах слезы. Пытается их остановить, но безуспешно. Плачет беззвучно, вперёд наклоняя голову, с какой-то девичьей беспомощностью. Слезы текут по щекам, катятся к тонким губам, она их вытирает белым передником.

Скоро слова Варвары растаяли в жизненных буднях. Захар привык к тяжелой бурной крестьянской жизни. Одно дело завершишь — другое назревает, и третье уже ждет за порогом. Везде надо успевать. Сенокосная пора пролетела — только убрали сено на зиму, подоспели озимые.

Все три деревни, от малого до самого старого, умеющие держать серпы, вышли на жатву. Услабинцы собрались около мельницы Узяка Павлова, ждали, когда покажется бывший мельник и поднимет над полем первый сноп нового урожая.

Узяк вышел к народу в белой вышитой рубашке, на плече новый серп, изготовленный для начала уборки урожая. Поклонился солнцу, хлебному полю, народу, шепча молитву, прося Всевышнего помочь своевременно убрать урожай. Наклонился, крепкой левой рукой ухватил довольно большой пучок стеблей, правой, сделав небольшое круговое движение, срезал их. Потом ещё и ещё раз. Ловким движением взял под левую руку, обвязал охапку со скрученными стеблями и показал всему народу. Это был сноп, который будет храниться до следующего урожая в мельнице, на самом видном месте.

Захар, несмотря на сопротивление отца и жены, остался вместе с женщинами на жатве. Работал наравне, без привычки быстро устал, спина разламывалась, но старался не отставать. Бабы с работой справлялись играючи. Поднимали головы, чтобы обвязывать снопы, в это время давали отдых поясницам. Так целый день, под палящим августовским солнцем. Снопы ставили вверх колосьями, чтобы до зерен не добирались грызуны. К вечеру снопы собирали в небольшие суслоны, на них вниз с колосьями надевали последний сноп. Получалось своеобразная крыша, ливень им не страшен.

Дочь Машшук как взрослая орудовала маленьким серпом, специально купленном для неё в Нуросском базаре. Захар пожалел её и захотел немного отвлечь.

— Ты посмотри, посчитай, сколько мельниц увидишь в округе?

Машшук положила серп на сноп, и, загибая пальцы, начала считать:

— Раз, два, три... Девять аж!

— Нет десять, — пошутил Захар.

Дочь вновь покрутилась вокруг, внимательно изучая горизонт, посмотрела вдаль зоркими детскими глазами.

— Десять! — закричала она.

Захар не мог ошибиться, вокруг должны стоять девять ветряных мельниц, известных не один десяток лет.

— Откуда десять? — удивился он.

— Посчитай сам, — обрадовалась дочь.

Захар встал, посчитал, быстро нашел с детства известные места, где величаво, как волшебные птицы поднимались ветряные мельницы. Насчитал их всего девять. Дочь смеялась, но не показывала десятую мельницу. Захар покраснел, но любопытство заставляло ещё раз посчитать. Женщины со всех ближних участков, которые слышали их разговор, уже хохотали. Вот как, перехитрила его дочь, заставила самому посчитать мельницы. Не ожидал Захар, что станет посмешищем. Он ведь знал, что в деревне именно так подшучивали над ленивыми, неповоротливыми людьми. Конечно же, вокруг стояло девять мельниц.

Аниса краешком глаза смотрела на мужа. Обедали молча, а вечером, когда вернулись домой, присела к Захару, положила руку на плечо мужа и заговорила:

— Может, и завтра выйдешь на жатву? Маменька довольна, сестренки без ума, все соседи от зависти попадали! Ещё раз посчитаешь мельницы...

— Где это видано, чтобы себя уважающий мужик вышел в поле с серпом, с бабами вместе хлеб убирал, — бледнея, впервые перечила мужу Аниса. — Не хочу быть посмешищем...

— Чего?.. — не понимал Захар. — Что случилось?

— Ладно, ладно... — успокаивала Анису мать. — Тебя пожалел, гнул спину.

— Не надо цепляться за бабьи юбки! — резко ответила невестка.

— Вот те на!.. — обиженно ответил Захар. — Любишь чувашскую крестьянку, стараешься хоть немного облегчить ей труд, она — такая задавака. Станешь с ней построже — платочек мокрый от слез.

— Люби, ласкай! — не сдавалась Аниса. — Помогай, но не унижай! Я уважать себя перестану! Придется надевать мужскую рубашку и брюки!

— Знай меру, вот возьму нагайку или схвачу за косы и потаскаю по полу... — захотелось пошутить Захар, но вышло как-то глупо.

— Очень прошу, больше на жатву не выходи... — молила Аниса, моргая глазами от выступивших слез.

— Захар, — подошел в это время к ним отец. — Завтра с утра в лес поедем, надо вывезти скошенное сено, не дай бог распогодится.

Аниса заулыбалась, выскочила во двор и, чтобы не зареветь, запела песню:

Свой платок золотой, где бы высушить,
Растянуть бы, развесить мне где?
Мы ругались с любимым, не слушались,
Перемолвиться, встретиться где?

Когда увидела выходящего за ней мужа, затагнула другую песню:

За овраг я этот не ходила бы,
Страх берёт, вдруг ужалит змея.
Нет, не змей я боюсь ядовитых,
Страх берёт, муж не верит в меня.

Захар подошел к жене и стал её успокаивать. Аниса будто этого ждала, уткнулась в грудь мужа и тихо заплакала. Плечи её дрожали, сама всхлипывала.

Любит Захар жену. Выросли вместе, два года в школу бегали, за одной партией сидели, учились читать и писать. Порою дрались. Рассерженный Захар тогда из листов лопухов готовил кулёчки, вовнутрь сыпал мелкую дорожную пыль. Сидел часами около дома и ждал, пока Аниса пройдет мимо. При встрече кулечки с размаху кидал вверх, они падали, взрывались, как бомбы. После атаки Захара платье девочки, её лицо покрывались пылью, большие, голубоватые глазенки смотрели на него с глубокой обидой.

Прошло время. Аниса превратилась в самого близкого, родного человека. Парень и девушка начали понимать, что пришла любовь, но скрывали это от всех. Они берегли свои чувства для торжественного дня. По вечерам гуляли около реки Хирлеп. Однажды Захар робко обнял её. Аниса закрыла глаза, грудь вздымалась, сердце стучало, вот-вот выскочит. Когда он поцеловал в сухие губы, она отшатнулась, подбежала и обняла старую ветлу. Захар подошел к ней, не зная, что сказать. Аниса прятала лицо от стыда, не осмеливалась слово вымолвить. Захар

взял её на руки и крепко поцеловал. Она не сопротивлялась, только утренние солнечные лучи ласкали её счастливое лицо. Захар обещал поговорить с родителями и послать сватов...

Сейчас они муж и жена, у них растут двое детей. У женщин и так тяжела жизнь на этом свете. А надо ль в свою жизнь ещё соседку Варвару приплести?

* * *

Это было в начале нового века. К вечеру, после жаркого дня, приближалась гроза. Вокруг становилось темно и неудобно. В Услабе, в доме Евана Яндерова рожала жена Хавронья. Желанного ребенка ждали давно. Вот и дождались, девочка родилась здоровой. Закричала сразу, известив домашних, что на свет появилась голосистый первенец. В это время сверкнула молния, раскаты грома потрясли дом. Бабка-повитуха Парчкан, вскрикнула, от неожиданности выронив младенца из рук. Девочка упала головой на земляной пол, кувыркнулась и подвернула левую ножку. Повитуха быстро подняла её, но девочка молчала, не подавала никаких признаков жизни.

— Боженька не хочет дитя на белый свет впустить, — пробормотала Парчкан. — Грехи родителей, видать, большие...

— Ах ты, моровая язва!.. — закричала Хавронья. — Уронила девочку?

— Не уронила, — твердым голосом оправдывалась повитуха. — В её душу поселился Эсрель. Девочка выпрыгнула из рук.

Хавронья испугалась, поверила в слова повитухи. Поревела, а мужу доложили, что дитя родилась мертвой.

Через час собрались родные, близкие, обмыли новорожденную, нарекли Варукой-Варварой, запеленали с головой в чистый льняной холст и положили на стол. Собравшиеся сидели тихо, кто-то шепотом читал поминальную молитву, другие рассуждали о колдуньях, о злотворных богах. Хавронья всхлипывала, вытирала глаза, рядом сидел Еван и успокаивал жену.

Вдруг свершилось чудо. На столе холст зашевелился, оттуда послышался писк, а затем отчаянный крик младенца. Все вскочили на ноги, разом перекрестились, застыли на месте. Бабка Парчкан не растерялась, распеленала плачущего ребёнка. Увидев вывихнутую ножку, движением руки поставила назад. Девочка

ещё больше закричала, Хавронья рванулась к дочери, но Парчкан её остановила. После молитвы повитухи, Хавронья взяла Варвару на руки, не стесняясь окружающих, вытщила грудь и начала её кормить. Девочка, причмокивая, жадно сосала.

— Боженьку, Киремет надо отблагодарить, принести в жертву молодого ягненка! — говорили люди, покидая дом.

К утру все общество знало о чудесном воскрешении девочки. Слухи дошли до церкви и до волостной больницы. В дом заходили односельчане, хотели своими глазами посмотреть на чудо-девочку. За ними появились фельдшер и Нуросский священник. Один хотел обследовать девочку, а другой — провести таинство крещения, омыть новорождённую священной церковной водой, чтобы оберечь её от злых духов.

Священник, завершив свое дело, получил оплату и удалился, а фельдшер, Георгий Степанович Гладков, сорокалетний длинный очкарик, внимательно осмотрел девочку, постукивая, послушал трубкой, а сам охал и шепотом выговаривал Парчкан-повитухе:

— Как же ты бабка умудрилась при родах вывихнуть ножку и повредить головку, не первый ведь раз принимаешь роды?!

— Эсрель... Эсрель! — пыталась оправдываться Парчкан. — Гром грохотал! Девочка выпрыгнула из рук!

— Киремет! — твердил фельдшер. — Испугалась ты, бабка, не удержала!

— Но душа-то вернулась, — бормотала повитуха. — Боженька изгнал Эсреля...

— Какой там, к черту, дьявол! Уронила! От болевого шока малышка впала в коматозное состояние. Боль утихла, она ожила.

Хорошо хоть этот разговор состоялся только при Хавронье. Если бы это услышал Еван, беды не миновать.

Фельдшер объяснил женщинам, какие травяные отвары применять, какие примочки прикладывать к больным ногам и головке. Он высказал предположение неутешительное.

— Девочка, скорее всего, останется хромой, немой, у неё будет болеть голова.

Он оказался прав. Миновали годы, девочка росла, молчала, ни слова не произнесла. Слышала, понимала, выполняла сильную домашнюю работу.

Однажды сентябрьской ночью, Варваре к этому времени шел десятый год, она подошла к деревянной кровати, где спали родители, сильно толкнув мать и отца, затараторила:

— Просыпайтесь! Просыпайтесь! Овин горит! Без хлеба останемся! Умрем с голоду!

Еван вскочил, в ночной одежде побежал за огород. За ним— Хавронья с Варварой. Снопы в овине горели с одной стороны, огонь только набирал силу. Во время сушки снопов крестьяне не оставляют печки без присмотра. Вечером стояла тихая погода, Еван решил немного подремать. Сон был крепкий, а ночной ветер опрокинул снопы на жаркую печку и солома загорелась. Пожар потушили, огонь не успел причинить беду. Только тогда Хавронья услышала, как кричала дочь:

— Пожар!.. Пожар!.. Помогите добрые люди!.. Не оставляйте нас без хлеба!..

— Дочка, дочка заговорила! — обнимая Варвару, ревела Хавронья.

Рядом стоял Еван, гладил её по головке и удивленно спрашивал:

— Откуда ты узнала? Как увидела пожар?

Она пожимала плечами:

— Во сне приснилось...

С той ночи Варвара стала удивлять родителей своими способностями заранее предчувствовать, предугадывать разные события. Скоро подружилась с местной знахаркой Улине. Быстро переняла от неё умение готовить настои разных трав и успешно применяла их при лечении различных болезней. Слух о девочке знахарке, Варваре-юмысе, пошел по деревням, по волости, потом по округу. Люди приезжали к ней с различными своими бедами и хворями. Варвара лечила не все болезни, только те, которые могла — кожные, вывихи, нервные, женские. Но главное — глядя в глаза, могла предсказать судьбу людей.

Однажды Узьяк Павлов старым ржавым гвоздем поранил средний палец левой руки. Палец распух. Фельдшер вынес приговор, что началось заражение и надо отрезать руку. Как быть?! Каково простому крестьянину без руки по локоть — ни дров наколоть, ни лошадь запрячь, ни сеять, ни пахать. Он не согласился потерять руку, по пути увидел соседку, рассказал о своей беде. Варвара посмотрела на рану, повела мужика под навес. Положила палец на чурбан и попросила отрубить его, умоляя: «Иначе до утра не доживешь!». Узьяк человек не слабонервный, послушал соседку, взял топор и с размаху — хрясь!

по пальцу. Черная кровь хлынула из раны, Варвара даже не попыталась её остановить. Подобрала палец, завязала платком и бросила в горящий очаг на летней кухне.

Потом она остановила кровь, приложила какие-то примочки, туго перевязала руку. Каждый день приходила к Узюку Павлову и обрабатывала рану какими-то настоями. Через неделю боль стихла, а через месяц он проворно пилил дрова, колол, косил траву, запрягал лошадь, но без среднего пальца.

Потянулись годы. Жизнь перевернулась шиворот-навыворот. Варвара — пророчица, знахарка — жила с матерью, похоронила отца, но женского счастья не обрела. Читать и писать не научилась, а по лицам людей распознавала болезни, лечила. Некоторые односельчане сторонились её, говорили, что Варвара не только лечит, но и может напустить порчу, разные напасти. Другие боялись, потому что она умела читать чужие мысли. А третьи начали думать, что причиной их жизненных неурядиц, бедствий служит колдовство, а не революция и гражданская война. Нашлись и такие, которые открыто возненавидели знахарку. Они думали, что в душе у Варвары с рождения сидит Эсрель, руководит телом и умом молодой девушки. Попробуй их разубедить. Любого, кто попытается защитить бедную девушку, они готовы разорвать на части.

Внешне Варвара не выглядела сущей ведьмой, колдуньей. Неторопливая, хромая, наступая на левую ногу, наклонялась вперёд, на людей смотрела ласково, с улыбкой. Ей было всего двадцать лет. Она стала девушкой крепкого телосложения, с высокой грудью, хоть сегодня замуж отдавай. У неё были близкие друзья: подруга Чекесюк и друг — соседский парень Метри.

12

В середине 1919 года Нуросский волостной исполком распространил постановление о создании в деревнях комитетов бедноты. В этот комитет мог быть избран каждый гражданин, за исключением кулаков. Так власти держали твердую линию по сплочению крестьян, обузданию тех мужиков, которые отказались сдавать хлеб государству по твердым ценам.

Сельский сход по выбору комитета бедноты Второго Нуросского общества, деревень Хумуш, Услаба и Кивьял, собрался

на улице, около здания сельского Совета. Народ не хотел на себя наваливать обузу комбеда, думал, председатель хумушского сельского Совета сам решит судьбу крестьян. Тут перед односельчанами на сходе появился Петрук Соколов и на место председателя комитета бедноты предложил свою кандидатуру. Сидевшие на бревнах женщины вскочили на ноги, стали махать руками, перебивая друг друга: требовали, не утверждать Петрук на эту должность.

— Свинью в огород хотите пустить, перероет и не захрюкает! — поддержал женщин Савар.

— Правду говорит! — присоединились к нему некоторые мужики. — Какой он бедняк! Спекулянт! Хлеб перепродает!

— Кто меня записал в кулаки? — крикнул Петрук. — Я, как Савар, служил на должностях при царе? Так што!.. Или, в этой стаде женщины уже имеют первейшее право голоса?

Мужики обрадовались, прикрикнули на женщин и воодушевленно стали защищать Петрука.

— Что вы, бабы, напали на него, он не применяет наемный труд!

— Если хочет быть председателем комбеда, пусть тянет лямку!

— Поможем!

— Не дадим утонуть!

Петрук Соколов этого и ждал, он тут же предложил своим заместителем Ехима Маракова, истинного землепашца, как будто вылепленного из ушахского чернозема. Черноволосый, черноглазый мужик такой же норовистый, как Соколов, щип лаптем не хлебает.

Женщины опять заволновались. Посмотрели на своих мужей, но те не прислушались, будто в рот воды набрали, боясь выплеснуть.

— Мужики! — крикнула Лукерья Хведорова, единственная женщина, как вдова красноармейца, имеющая право голоса на общественном совете. — Раньше крестьянину, имеющему судимость, общество разрешало или отказывало в проживании в деревне, сейчас вы бывшего арестанта Маракова хотите избрать в комитет бедноты!

— Он умыкнул коня у татарина! — крикнул кто-то из присутствующих. — Только за это надо на руках носить!

— Ну и носи! — не сдавалась Лукерья. — Он для меня тяжеловат!

— Есть предложение избрать Вандюкова!

— Маракова! Маракова не забудьте!

— Тимукова в список включите!

— Я, я тоже согласен... меня, Салтыкова, запишите!

— Ты, кум, не задавай лишних вопросов. Лучше спроси, сколько потребуется водки и пива на угощение, если выберут тебя в комбед, — крикнул Шеботов, обращаясь к Маракову.

— Эта ведь должность не прибыльная.

— Поживем, увидим, а сейчас надо попробовать, — настаивал Шеботов.

— Ни шиша тебе не достанется, ты пропьешь наши деревни! — с отчаянием прокричала Лукерья.

Её никто не слушал, крестьяне, перебивая друг друга, предлагали кандидатуры друзей и близких. Так, после недолгих бурных обсуждений, членами Второго Нуросского комитета бедноты стали Игнат Шеботов, Ехим Мараков, Никифор Тимуков, а председателем избрали Петрука Соколова.

* * *

Комитет бедноты не собирался вершить дела земные для простого крестьянина, а пошел гулять. В доме Шеботова стоял дым коромыслом, им было наплевать на бедноту. Они устраивали шумные попойки то у одной, то у другой вдовы. Мужья ушли на войну и сгинули там, а бедные женщины начали заливать горе вечерними гулянками. Соколов со своими друзьями заставлял гнать самогонку, потом вваливались всей толпой в дом и устраивал там самое что ни есть «шабаш». От звука гармошки, топота мужских ног и визга женщин до утра стонал дом.

Дальше — больше. Четверка стала спекулировать общественным хлебным запасом, за бесценок заложила одну ветряную мельницу, а со временем продала. У членов комитета бедноты появились деньги, добротная живность. Соколов и его друзья не особенно жалели жителей трёх деревень. Они продолжали лакать самогон в четыре глотки, часто до утра горланили песни,

устраивали пляски, приставали к бабам, должников заставляли на своих участках обрабатывать продовольственные налоги. Столько завелось дружков, когда комбед стал мужиков горячим заправлять. Лили в непросыхаемые горла, везде у них приумножались друзья и товарищи. Скоро по деревне пошла молва, что Соколов со своими приятелями хочет все три деревни подмять под себя.

Некоторые совестливые вдовы по старым поверьям пытались перед комбедовцами ставить кашу. Это означало пора очистить помещение. Но пьяный Соколов орал:

— Я тебе так махну, так што, сама вылетишь из собственного дома с сопливыми детьми — никакая лошадь не догонит.

Женщины плакали тайком, не понимая происходящее. Никто не знал, что предпринять, куда уж пойти жаловаться. Скоро нашли заступника.

— Почему нам суждено горе мыкать? — жаловались они новому председателю сельсовета Миرونу Ефимову.

В один зимний день по пьяному распоряжению Соколова комитет бедноты в полном составе пошел конфисковать пожитки хумушского крепкого крестьянина Сенки Микитина. Прихватили коня, к нему приставили тарантас, вынесли кое-какую мужскую одежду. Не успели выехать на улицу — Сенка со старшим сыном вернулся из Нурос. Вовремя оказался дома. Он мертвой хваткой схватил Соколова за грудь.

— Ты что творишь, проклятый! — гневно заорал Сенка. — Вот до чего допился!

— Ну-ка пусти! — пытался вырваться Соколов.

Хотел оттолкнуть его, не получилось. Немного присел и весом всего тела пытался ударить, но Сенка успел уклониться. Одной рукой не отпуская Соколова, развернулся и сильно приложился в ухо. Тот как мешок свалился к ногам Микитина. В это время старший сын поочередно опустил тяжелую оглоблю на спину Игната и Никифора. Оба ахнули и опрокинулись на землю. Ехим Маракон не стал ждать такой же участи, быстро открыл ворота и побежал в сторону сельсовета. Сенка, ещё не отошедший от накипевшей злости, развязал пса и направил в сторону убегающего. Не смог Ехим улизнуть, животное сходу свалил его с ног и начал рвать новый овечий тулуп. Совсем

загрыз бы, но Сенка вернул пса назад и стал выбрасывать комбедовцев со своего двора.

В это время Соколов очухался, захохотал, заорал:

— Ты на комбед руку поднял! — кричал он от безысходности. — Так што, по миру пуцу!

— Я тебе не Христофоров, не собираюсь отрабатывать налог в твоём доме.

— Придет время, растрясем! Так што...

— Ы-ых! Я так растрясу, все четверо останетесь без жилья и живностей! Посмотрим, кто кого по миру отправит! — злобно ответил Сенка. — Совсем обнаглели, перестали мозгами шурупить. Подумали, всё сойдет с рук. Нет! В грязь кинем и растопчем! Понял? Э-э-э!..

Соколов поднялся на ноги, махнул головой. За ним очухались Шеботов с Тимуковым. Они стали совсем трезвыми.

— Ну чё... чё копейки вылупил! — заорал Соколов на Шеботова.

Побоялся председатель комбеда написать депешу в волисполком, да и друзьям своим наказал: чтоб ни-ни о произошедшем случае. Свою злость положил в долгий ящик: придет время — сполна рассчитается.

Рабочий отряд продразверстки приехал в Норусово аж из самой Москвы. Не прошли мимо Второго Норусово, на славу постарались. Выгребли из амбаров крестьян под метелку и двинулись дальше.

Соколов собрал у себя дома друзей и устроил небольшой праздник. Как не радоваться! Сполна рассчитался он со многими своими врагами, за их вольность, за нежелание подчиниться председателю комбеда.

Шеботов за столом сидел угрюмый, не тарахтел как всегда.

— Чего это ты? — поинтересовался Соколов.

— Сегодня встретил Мируна Ехимова. Он обещал вырвать с корнем наш комбед из тела общества.

— Можно и красного петуха пустить или ночью немного поколотить, чтобы взмолился богу, прося скорой смерти, — буркнул немного разогретый Мараков.

— Заткнись ты, «красный петух»! — оборвал его Соколов. — Это тебе не Сенка Микитин. Поставит к стенке без суда. Так што, щелк и пустота...

— Да, я... Я ведь... — бормотал Мараков. — В голову пришло, то и брякнул.

— В следующий раз чуточку подумай. Так што, меньше раскрывай пасть перед жителями. К Мирону надо подобрать особые ключи, чтоб с нами был. Если сможем его обуздать, станет как объезженный бык. Будет тянуть воз и никуда не побежит. А ты собрался жечь, побить... Так што...

— Можно и так, — согласился с ними Шеботов. — Первым делом пустим слух, что во всех грехах выемки хлеба виноват Мирон.

— Люди не его, а нас видели вместе с продотрядом, — недовольно произнес Соколов. — Для начала притащим ему полугодовалого поросенка. Так што, набросим крючок...

— Верно, верно, — затараторил Шеботов. — Может и уважит.

— Уважит... Попадешь под руку, разотрет на ровном месте.

— Вообще-то стоило бы немного прочесть Мируна.

— Смотрите у меня! — резко предупредил Соколов собравшихся. — Так што, без моего указу ни-ни...

* * *

Прошел год.

Соколов разбогател. Научился делать деньги. В хозяйстве у него появились кони. Одного продал за приличные деньги, а другого коня мобилизовали Советы, за него из казны выделили 2550 рублей. Сегодня Соколов обмывал эту выгодную сделку со своими нижегородскими и нуросскими друзьями. На пир слетелись плотного телосложения, сытые мужики, в хромовых сапогах и черных, блестящих на солнце, сохманах*. Около дома стояло несколько упряжек, запряженных сильными конями. Рекой лились самогонка и домашнее пиво. К вечеру стали слышны русские, чувашские песни, только поздно ночью в доме приутихло. Один из гостей стал приставать к женщинам, но его Петрук осадил, вывел нижегородского друга в сени. Тот не унимался:

— Найди мне бабу, одинокую или вдову, голодную, истосковавшуюся по мужику, чтобы до утра можно было барахтаться.

*Сохман (сӑхман) — кафтан.

— Прекрати, Гаврик! — пытался объяснить Петрук другу. — Хочешь, мою семью по миру пустить. Так што, красный петух запыхает, глазом моргнуть не успеет.

— Давай любую, сам разберусь.

— Любую, говоришь... — вдруг вспомнил Петрук Варвару. — Вон, Яндеровы... Так што, молодая, аппетитная знахарка, немного правда хромает, в постели это не помешает. Мать старуха дни свои доживает.

Казалось бы, Петруку нет никакого дела до них, но старая обида не забывалась. Пощечина переросла во внутреннюю злость, непонятная сила жаждала наказания. Его бы воля, давно бы содрал с Варвары шкуру, выбросил в яму и засыпал землей, чтобы не смогла никогда выкарабкаться, не дышала бы одним воздухом с нормальными людьми. Петрук знал характер Гаврика Сусметова из Нижегородской губернии и перед гостем разыграл целый спектакль. Расхваливал Варвару, убеждал, что она дома принимает мужиков, только денег не жалеет. Сам подумал: «Гаврик обесчестит Варвару. Каково будет поведение односельчан на такое паскудство, а?».

Пьяный Гаврик устойчиво держался на ногах, но думы и мысли у него расшалились, его тянуло на подвиги, особенно на женском фронте.

— Сам разберусь... — отодвинул он руки друга и через огород направился в сторону соседнего дома.

— Пусть тешится, может что-то и получится? — пробормотал Петрук, возвращаясь в дом.

Гаврик вошел к Яндеровым тихо. В избе еще тлела лучинка. Варвара убирала со стола, увидев незваного гостя, не испугалась, мало ли какой народ заходит к ним по своим житейским делам. Попросила присесть поближе к столу. Сама направилась к выходу, но Гаврик её опередил. Вытащил из кармана несколько купюр и бросил на стол. Сразу попытался поцеловать девушку. От него разило самогонкой.

Варвара вцепилась в волосы незнакомца, но сильный мужской удар по голове оглушил её, выбросив девичье хрупкое тело на массивный дубовый косяк. Она не чувствовала боли, но понимая что происходит, дралась за девичье достоинство, за свою честь. Плюнула ему в лицо, царапалась, кусалась, кричала:

— Свинья!.. Поганая твоя морда!.. Не смей прикасаться ко мне!.. Падаль!..

Это ещё больше разозлило незнакомца. Он ударил Варвару наотмашь, изо всех сил.

В это время открылась дверь и в дом забежала Хавронья.

— Кар-а-у-у-л!.. — вцепилась она в незнакомца. — Не балуй!..

Пьяный Гаврик уже не понимал, что творит. Его глаза налились яростным блеском, он схватил старушку за горло и сильно надавил. Она пыталась освободиться, дергалась, но быстро затихла. Гаврик даже тогда не ослабил пальцы рук. Тело Хавроньи обмякло, но дочь этого не увидела, она лежала без сознания.

Варвара вдруг пришла в себя. Почувствовав неладное, закричала, чего только и ждал пьяный незнакомец. Он поднял девушку, бросил на деревянную кровать. Резким движением руки разорвал платье, зажал рот и массивным телом придавил её. Она не могла ни кричать, ни дышать. Пьяное сильное мужское тело разом раздвинуло ей ноги. Варвара пыталась сжать колени, схватить этого человека за горло, но резкая боль — все вокруг затуманилось. Она сильно укусила за руку незнакомца. Но тот не обращал внимания на девушку, продолжал свое гнусное дело. Варвара готова была разорвать на части кряхтящего мужика, но сил не хватало. Она лежала как во сне, ещё до конца не понимая происходящего.

Где весь мир — соседи, люди? Почему никто не пришел на помощь? Где мать? Какую злую шутку сыграла с ней жизнь? Почему она на месте не умерла? Ведь трава могилу закроет, а худой славы не сможет покрыть.

Незнакомец как пришел внезапно, так же тихо исчез. Успокоив свою похоть, немного протрезвев, пришел к Соколову. Увидев исцарапанное лицо, Петрук занервничал. Опомнившись, посадил Гаврика в тарантас и немедленно отправил подальше, наказал: никогда не заезжать в эту деревню, забыть, что он был в гостях у Петрука Соколова.

Открытая дверь и свежий воздух подняли Варвару с постели. Она подошла к мертвой матери, подняла её голову, прижала к себе и заревела. Плакала недолго, прекратила сразу же, как только соседка вошла в дом.

Варвара не обращала внимания на собравшихся людей, родных. Сидела за печкой, что-то бормотала. Постепенно ненависть к убийце и насильнику охватила людей, даже тех женщин,

которые всегда пытались унижить, за глаза обзывали обидными словами: «Знахарь! Сучка проклятая!».

Хавронью похоронили через день. Несколько недель Варвара не показывалась на людях: сидела тихо, словно мышь, никого, даже родных в дом не пускала.

Прошел месяц. Из армии вернулся Метри. Народная молва в тот же день со всеми существующими и несуществующими подробностями дошла до него. Парень не захотел защитить девушку, подумал, что вся деревня будет тешиться над ним, если он войдет в дом Варвары.

На вопрос матери он коротко ответил: «Не питаюсь объедками!».

Варвара поняла, что Метри на ней не женится. Его мать прятала глаза, пытаясь скрыть от девушки главное, что она в их семью никогда не войдет.

Варвара впервые вслух произнесла:

— Не пожалел, не захотел Метри заступиться за меня. А жизненная дорога у него тоже будет крутая, ухабистая, придется спотыкаться, от боли корчиться.

Испугалась соседка, перекрестилась и скрылась за домом.

Метри не стал испытывать судьбу — отвернулся. Любила, до потери памяти, всем сердцем любила Варвара этого парня. Вместе выросли, бегали по лугам и полям, но он не выдержал, оказался слабовольным перед людской молвой, хлопнул перед ней дверью, привел в дом Чекесюк.

После этого дня Варвара словно окаменела сердцем. Люди поняли, что она задумала невиданную до сих пор кару всем жителям деревень Услаба, Кивьял и Хумуш. Но никто не предполагал, чем это закончится.

* * *

Были люди, которые не верили этим слухам и домыслам. Один из них Мирон Ефимов. Он с досадой думал: «Пришлый друг Петрука Соколова надругался над ней, поломал жизнь девушки. Деревня не спасла, не помогла, а только выставила её позор напоказ. После этого Варвара сорвалась с цепи, сама пускала в ход разные слухи, будто некоторые мужики задерживаются у неё дома, наверное, так сводила счета с деревенскими

бабами. Не заметила, как сама превратилась в оружие мести. Сколько проклятий звучало в её адрес за разлад чужих жизней. Не раз жители деревни, имеющие тайную злобу на Варвару, намазывали дегтем небольшую уличную калитку. Некоторые пошли дальше: украли передник и платок, вывешенные после стирки на сушку, намазав дегтем, представили на всеобщее обозрение, повесив около дома на ветле».

Варвара терпела. Не проронив слёз, соскребала деготь, на глазах любопытных ветлу срубила топором. Люди издевались над ней, казалось, в деревне не осталось ни одного хоть чуточку сочувствующего человека.

— Взбесившаяся сучка, сама готовит постель мужикам! — злобствовали бабы.

Со временем разговоры на время поутихли, но потом опять, как Нуросский колокол, зазвенит, загудит народная молва. Она закружится вокруг другого безвинного мужика, тот заботится показаться на улице, только попытается оправдываться, что он никогда не был у знахарки. В доме крик, скандал. Варвара понимала, что бабы не простят, когда-нибудь терпение лопнет, и они расправятся с ней. За неё вряд ли кто-то заступится, а может сама уже не хочет долго задерживаться на этой земле.

— Доиграешься ты, Варвара, наступит час, придется отвечать, — предупредил её Мирон.

Она злобно ответила:

— Может, председатель заглянешь ко мне. Чего бобылем похаживаешь?

Время шло своим чередом. Нуросская церковь перестала работать. Храм, который в течение почти двух веков служил людям, стали ломать. Сначала сняли кресты. В один из осенних темных вечеров церковь запылала изнутри, никто пожар не тушил. Было приказано, уничтожить этот рассадник опиума для народа, поэтому верующие побоялись открыто выступить супротив властей. Только старухи бегали вокруг церкви с ведрами воды, но она была закрыта на огромный замок, решетки на окнах не позволяли попасть вовнутрь.

Эта церковь в кирпичном исполнении в селе Нурос была построена в середине прошлого века на средства прихожан шестнадцати деревень. Старики рассказывали: «Чтобы она

простояла века, нужно было, как велели традиции, под фундамент положить живого человека. На это в деревнях никто не соглашался. Однажды мимо церкви проходила молодая красивая девушка из соседней деревни Шохаль. Вот с ней заговорили: «Хочешь быть вечной?». Она, даже не задумываясь, ответила: «Кто же не хочет увековечиться?». Дали ей выпить крепкого вина, предложили лечь на угол фундамента здания церкви. Девушка легла. На неё полетели камни. Она не сопротивлялась, быстро потеряла сознание, её тут же залили цементным раствором. Так в селе Нурос поднялась невиданной красоты церковь». Поговаривают, подобных храмов по всей России не больше десяти.

Сейчас на глазах прихожан церковь — ломают, жгут. Варвара с утра почувствовала неладное. Душа не давала покоя, во сне её кто-то звал к храму. С первыми лучами солнца она оказалась там. Замки сломаны и выкинуты подальше. Разбитые малые колокола, которые раньше своим чудотворным звоном наполняли души людей, сейчас лежали безмолвно в куче разбитого кирпича и обгоревших досок. Двери были открыты настежь. Она вошла вовнутрь и увидела у тлеющего костра иконы, старые церковные книги. Стала руками сгребать ещё горячий уголь, выбирать уцелевшие иконы.

— Разрушили, разрушили одним махом, — стонала Варвара. — Пошли на большой грех. Прости меня, Господь!

Несколько раз перекрестилась, тихо опустила на колени:

— Прости меня, Господь! Я верую, хочу спасти лики и писанины... Хочу, чтобы ты простил меня за все явные и неявные согрешения...

В это время к церкви подошли люди, вместе стали собирать церковную утварь. Варвара передавала им иконы и просила сохранить. Женщины, верующие мужчины накрывали лики чистыми полотенцами и уносили домой.

— О Боже милостивый! — целый день звенели по церкви слова верующих. — Прости нас, грешных, дай утешения!

Назавтра слухи дошли до дальних деревень. Оттуда приезжали, приходили люди и подгоревшие церковные иконы уносили домой. По неизвестной причине их никто в этом не мешал.

Молва разрасталась. Многие в крае в очередной раз отвернулись от властей.

— Ошибочка вышла, зря разрушили церковь, — пытались оправдываться некоторые жители села, но нашлись такие, которые стали таскать старые кирпичи к себе во двор.

Варвара принесла домой три иконы, одна из них большая, не умещалась в божнице. Её поставила в угол за столом и занавесила чистым льняным полотенцем.

В это время в избу вошел Метри.

Не успела Варвара повернуться, он схватил её за голову. Она не стала сопротивляться, ойкнула, когда горячие губы поймали друг друга, сама прижалась к парню. Голова закружилась. Метри смотрел на неё круглыми глазами. Вот он расстегнул верхние пуговицы платья, холодная его рука сжала груди.

Девушка не пыталась вырваться, но когда он больно сдавил, оттолкнула от себя и тихо сказала:

— Зачем же так... людей смешить. Надо было хоть поговорить...

Метри криво усмехнулся, глаза стали гореть яркими звёриными искрами. Варвара не испугалась, села на табуретку, поправила платок и, застёгивая пуговицы, строго спросила:

— Захотел покувыркаться — шепнул бы заранее. Постель бы приготовила, пиво подогрела!

Эти слова не остудили Метри. Он одной рукой схватил Варвару за плечо, пытаясь поцеловать, другой рукой шарил по груди. Упал на колени, обхватил ноги, прижавшись к ней, слабо произнес:

— Перейду жить к тебе, сегодня же уйду от Чекесюк, нет у нас любви и понимания.

— Вот как! — спокойно ответила Варвара. — Может сначала отрезвиться. Зачем пришел?

— Погреться, — съехидничал он. — Другим двери всегда открыты, я тоже хотел порушить твою невинность...

— Без тебя уже постарались! — грубо ответила она.

— Чего тогда строишь из себя недотрогу...

— Какая тебе в том нужда!

— Слушай... Варвара! Вся деревня над тобой потешается, стонет от твоих кренделей! Бабы готовы тебя на куски разорвать!

— Поверил?

— Как не поверить, мужики часто хвастаются, как ты их грела в своей постели...

Варвара вскочила, от ярости её губы задрожали, глазки сузились, лицо стало багрово-румяным.

— Т-ты... слюняй! Ждал, пока такую славу я приобрету в деревне! Не боялся, что меня, мерзкую, забудут до смерти! Нет!? Не вышло!.. Просто мужики оказались из кислого теста. Один насилует, убивает мать, а другие — пытаются надругаться, обессилить, не получив отпор, в отместку дегтем ворота измажут, украв постиранный передник, на ветлу вешают...

В какое-то время в избе установилась пугающая тишина.

— Что же ты молчала? — спросил Метри.

— Сам не захотел объедками питаться! — ответила Варвара.

— Я со злости зубы стиснул.

— А я от горя! — воскликнула Варвара. — Сколько слез вылила, кто их теперь смерит...

— Варвара... — Метри сел на пол. — Не могу больше, перейду жить к тебе.

— Просишь принять в дом? — удивилась она.

— А что ж! — взмолился он. — Мы с Чекесюк перед алтарем не стояли, в сельсовете бумагу не оформляли, детей нет. С тобой я сразу обвенчаюсь. Пойдем в Нурос, станем мужем и женой.

Варвара горько заплакала и подняла с пола Метри.

— Почему тогда себя так повел, во мне увидел взбесившую деревенскую сучку?

— Прости... Я ошибся...

— Верю! — закричала Варвара. — Верю, мой милый! Только знай, после убийства матери ни один мужик здесь не побывал, к себе в избу я никого не пускала, рядом в постель не уложила!.. Боже!.. Как рвётся мое сердце, каждый день снится мне тот ирод! Думаю, найду возможность его удавить или проткнуть насквозь вилами! Измучилась, одна пустота вокруг!..

Метри обнял её, начал целовать волосы, лоб, глаза, ласково гладить по спине. Варвара обняла его за шею, положила голову на его грудь и продолжала горько плакать.

Таковыми их застала Чекесюк. Она ворвалась в избу как молния, кинулась на Варвару, но Метри резко схватил её за руки и вытащил из избы. Она ругалась, царапала лицо мужа, проклинала бывшую подругу.

День начинался как обычно. Женщины деревни Услаба, проводив стадо, разбрелись по своим делам. Около сторожки собрались мужики обсудить вчерашнее решение председателя волисполкома.

Мирон Ефимов чертыхался: «И надо было ему, именно после ухода продотряда, принять такое необдуманное решение, письменно довести до услабинских крестьян: «Завтра, к 8 утра 20 мая 1919 года, снарядить тарантас с двойкой для поездки в уездный центр, для начальства с каждого двора собрать по два яйца, по весу муки и немного мяса».

Столь наглое решение разозлило жителей деревни.

— Вот вам советская власть, последнее отбирает, всё продолжает изымать! — кричал Еремей Аливанов, крепкий мужик сорока лет.

Недавно он со своими друзьями около деревни Согот-Торбиково построил водяную мельницу. Каким образом разбогател, жители деревни по сей день гадают. Во время гражданской войны его прихватили на трудовой фронт. Вернулся, в течение года построил дом, взял в аренду восемь десятин земли, купил пару коней, приделся. Так сын церковного старосты стал знатным в округе человеком.

— Волостное начальство не способно сохранить даже отнятое, на складах Нуросского кооператива картофель гниет! — присоединился к нему Калина Никитин.

— Большевики проворны только языком чесать! — вставил слово Аливанов.

— Не тронь большевиков, зубы поломаешь! — осадил его председатель сельского Совета Мирон Ефимов.

— Почему у волостного начальника на лицо имеется сто пудов хлеба, а он до сих пор ни одного зернышка в продорганы не сдал? — не унимался Аливанов. — Он же большевик...

— Ты сам у него спроси! — оборвал его Ефимов. — Нечего на меня нападать!

Но народ его уже не слышал:

— Нет у нас продуктов для Советов!

— Пуцай председатель со своего амбара выскребет!

— Не успел под задницу табуретку приставить — мясо и яйца дай ему!

- Хочет жить на меду и масле!
- Жадной собаке — горячую лепешку!

Мужики от злости, от такой наглости не унимались, предложили, не подчиниться волисполкому, во всё отказать.

«Советский волостной голова до уезда доедет на казенном мерине!» — твердо решили крестьяне. — Яйца, мясо, муку продовольственный отряд Ласточкина на прошлой неделе дочиста выскреб из амбаров! У крестьян ничего не осталось».

Мирон Ефимов не стал перечить ослабинцам: пусть мужики выговорятся. Он пять месяцев назад стал председателем Хумушского сельского исполкома крестьянских депутатов. Воевал в составе Восточной Чувашской Армии, защищал и освобождал Казань, Уфу. После второго ранения списали домой. Вернулся в родную деревню и сразу окунулся в самую гущу сельской политической жизни.

В то время жители деревень Услаба, Кивьял и Хумуш решили объединиться и создать единый сельский Совет. Мирон пришел на собрание как простой мужик, а после четырехчасового обсуждения занял место председателя первого объединенного сельсовета крестьянских депутатов. Такого поворота он не ожидал, но перед всеми жителями дал слово — уважать права и мнение каждого человека, соблюдать законы советской власти, разобраться в многочисленных нареканиях со стороны крестьян на комитет бедноты.

— В последние месяцы в волости творится неладно, — вслух рассуждал Ефимов, шагая в сторону Нурос. — Приходится топтать, выслушивать революционные наставления руководителей и ни с чем возвращаться домой. Никто никого не слушает. Каждый сам себе хозяин. В деревнях друг у друга засеянные земли отбирают, лошадей воруют. Самогонка льется рекой, в пьяных драках заборы трещат. Никому нет дела до порядка.

Шел не торопясь, волостные служащие так рано не придут на службу — у них свой порядок, своя манера работы. Приходят к обеду, до трех часов корпят — спорят о мировой революции, затем собирают народ на митинг и начинают промывать им мозги. Не любит Мирон чехарду перевыборов руководителей власти. То эсер становится председателем волисполкома и берётся учить уму-разуму, то казак-милиционер ловит контрреволюционеров, то коммунисты трубят о мировой революции. А народ — голый: хлеба не хватает, керосина нет,

магазины пусты, торговать нечем. В кооперативах кумовство, на работу берут по родству, товары отпускают из-под полы. Везде бардак.

Вдруг ветер донёс до него крик. Ефимов, увидев скачущего на коне человека со стороны деревни Хумуш, замедлил шаг.

— Дядя Мирун! — издалека махал руками и свистел сын услабинского крестьянина Гаврила Михайлова Паша. — Дядя Мирун!

Он остановил коня, не слезая, выпалил:

— Чекесюк Варвару со своим мужем застучала!.. Орет!.. Волосы рвет!.. Народ собрался очистить деревню от заразы! Айдар Митрофанов всех поднял!..

— Чего надумали?

— Хотят очистить деревню, повели строить какой-то конопляный дом, — выпалил Паша.

— Кто её бьёт?

— Женщины... Озверели... Никогда такого не видал...

— В жизни ещё не то увидишь, — ответил Мирон. — Люди часто ошибаются: одни — пустые слова принимают за истину, другие — правду за ложь.

Ефимов взял коня у Паши, попросил мальчишку добежать до Нурос, предупредить казаков-милиционеров. Потом на Цивиль — на старое пугачевское поле, где мужики строят мост, пусть прискачут на помощь.

— Я вернусь в Услабу, постараюсь успокоить народ.

Издалека увидел председатель: люди сгруппировались у караулки. Вдруг толпа зашевелилась и пошла в сторону рощи Пуленке. Стало быть, ведут Варвару на самосуд. Надо выиграть время, а там подспеют милиционеры и мужики. Если народ не остановит, натворит таких дел, потом всем миром без боли этот узел не развязать.

Приблизившись к толпе, Ефимов уловил суровый враждебный взгляд позади идущего Айдара Митрофанова. Рядом с ним шел кучерявый, самодовольный, невысокого роста комбедовец Ехим Мараков и о чём-то болтал. Немного сзади шагали Симун Прохоров, Матей Сыханов и несколько молодых парней, которым интересно посмотреть, что и как произойдет.

Женщины волокли Варвару, с двух сторон её поддерживали Марья Селиванова и Верук Лаврентьева. Чекесюк зажала черную,

толстую прядь волос Варвары между пальцами, туго наматывая на кулак, чтобы она не смогла вырваться. Каждый раз, когда подружка от боли охала, Чекесюк тянула голову с её волосами на себя, нанося нестерпимую боль. Варваре казалось, что волосы отстают от головы вместе с кожей. Сзади шли десяток женщин, любителей скандальных историй. Никогда они не оставались в стороне от разных гадких событий, а после, уходили в сторону, перед народом вытирали слезы, ссылаясь на неграмотность, отговаривались: «не видели, не слышали, не знают...»

Председатель понял: «Народ решил самым жестоким образом расправиться с Варварой, собрался поджарить ее в конопляном доме за измену их мужей, за разлады в семьях».

Митрофанов торжествовал:

— Давно пора отомстить этой ведьме! Срок настал!

Симун Прохоров всегда был в гуще грязных дел. В его характере собрались самые низменные черты: хвастовство, хамство, двуличность. Он не забыл, как Варвара его при всем честном народе оскорбила, назвала «гнилушкой».

Пришла расквитаться Марья Селиванова, по прозвищу Качанка. Похожая на мужика, с торчащими скулами, грубым голосом баба, завидовала уму Варвары. Сейчас она готова вместе с толпой на любое злодеяние.

А Верук Лаврентьева уверена, её муж частенько задерживался у этой сучки.

Все они оказались в этот час в одной толпе.

— Бейте! — звенел голос Чекесюк, бывшей близкой подруги Варвары. — Не жалейте!.. Пусть подойдет!..

Варвару колотили нещадно по спине, по животу, по голове, царапали, более отчаянные кусались как звери, будто пытались выхватить кусочек свежего мяса от жертвы. Женщины, одурманенные злобой, если бы разрешили, тут же разорвали бы пленницу на клочки. Варвара с опухшими от побоев глазами, с распущенными волосами и застывшим взглядом еле волочила ноги.

— Ах, женщины! За что бьете, я ведь не воровка, никого не убила! — ахала она.

Бабий визг то утихал, то с новой силой взлетал в воздух. Но и мужские басовитые голоса слышны были в этом гуле. Вся деревня ожила — даже лежачие старики и старухи на ноги

встали: что-то будет! Дети испуганно смотрели из окон домов, но их на дикий, бессмысленный самосуд не пускали. Толпа шла в сторону роши, где стояли прошлогодние общественные копны стеблей конопля.

Мирон спрыгнул с коня, подбежал к толпе, попытался вырвать Варвару, но женщины крепко держали, не подпускали к ней председателя.

— Остановитесь! — схватил он за грудки Айдара Митрофанова. — Не имеете права устраивать самосуд! Вам придется держать ответ перед советской властью!

Это был маневр председателя. Надо... надо, ещё немного задержать толпу, может быть найдутся сердобольные, одумаются. Но Мирона никто не слушал.

— Голодранец! — крикнул кто-то из толпы. — Давно ли комиссаром стал!

— Он забыл, как лазил по чужим огородам, — присоединился Митрофанов. — Забыл, как ему волостными розгами при честном народе задницу драли!

— Не злорадствуй, Айдар! — крикнул Мирон. — Мы тоже знаем: твой сын служит у белых!

Айдар Митрофанов озверел: «Значит, Ефимов откуда-то вынюхал о службе сына в белой гвардии...» — и задумал заодно избавиться от председателя сельского Совета.

— А мне плевать на вашу власть, заодно и на тебя! — его сильные мужицкие руки подняли Ефимова и бросили в толпу.

Мирон отлетел, сильно ударился об землю. Но на это никто не обратил внимания, сейчас он испытывал в душе страшную тревогу за этих темных, понукаемых людей. Они пошли за куштаном* Айдаром. Несмотря на боль, вскочил на ноги, встал перед толпой.

— Не пуцу! — пытался остановить он озверевший народ. — Призываю подчиниться советской власти! Кто вам позволил судить человека!

Толпа заревела:

— Закон предков!

— Решение схода общества!

— Мы не позволим осквернять деревню! — не унимались Митрофанов и его подручные. С гулящими наши деды так и

*Куштан — мироед, кулак.

поступали, а предки за прелюбодеяния мужчину и женщину рассекали пополам, подвешивали на дерево для устрашения. Так-то вот! Уберите председателя с дороги, иначе его вместе с колдуньей в горящий дом положим!

Несколько молодых парней держали председателя крепко за руки.

— Без тебя разберемся!

— За всё она ответит! Не допустим в деревне сучьей гулянки!

— Положите председателя вместе с Варварой!

— Бейте его, бабы!

— Хватит ему командовать, устраивать в деревне власть голодранцев!

Мужики подскочили к Ефимову. Ехим Маракон с размаху, неумелым, но стальным ударом сбил с ног председателя. Мирон отлетел, размахивая руками, расталкивая людей, головой ударив кого-то в челюсть. Его подняли и тут же добавили ещё несколько крепких тумачков.

— Что вы самовольничаете! — остановил мужиков Симун Прохоров. — За председателя вас к стенке поставят!

Испуганные мужики бросили Ефимова, отошли от него, спрятались за спины женщин, будто они не участники, а всего-навсего свидетели гнусного события.

Женщины остолбенели, отпустили Варвару. Она будто ждала этого. Выпрямилась, изо всех сил бросилась бежать в сторону рощи Пуленке. Толпа опомнилась и за ней. Обессиленная Варвара не смогла далеко уйти, её догнали женщины, нанесли палками несколько ударов по животу, по голове. У неё рассечены оба уха, разбита губа, из сломанного носа течет кровь. На распахнутой груди сверкнул серебряный крест. Марья рывком сорвала крест, злобно крикнула: «Пусть не поганит Бога!». Варвара перестала понимать происходящее. Не почувствовала, как её привязывают к коноплянному снопу, как женщины сухими снопами обкладывают её. Больше всех старалась Чекесюк.

Митрофанов знал, что за этот самосуд кому-то перед властями придется держать ответ. Не проронив ни слова, сунул женщинам бутылку и спичку. Чекесюк облила Варвару и сухой конопляный дом керосином, чиркнула спичкой. Дикий крик разнесся над рощей. Дальше пламя само довело свое дело до конца. Толпа замерла в оцепенении.

Все видели, как встал на ноги Мирон Ефимов, как со стороны деревни Кивьял на конях скакали Захар Узяков и Метри с мужиками, а за оврагом показались хумушские крестьяне с милиционерами. Люди не заметили, как за орешником в роще исчезли Митрофанов, Ехим Мараков, а за ними маленькими шажками засемила Марья Селиванова. Остальные стояли как вкопанные. Только Чекесюк продолжала поправлять, подбрасывать новые и новые снопы на костер, дым от которого поднимался высоко в небо и растворялся в облаках, унося душу цветущей, гордой девушки, мечтавшей иметь своих детей, вырастить их, жить на этой земле долго-долго. Толпа замолкла, люди смотрели — то на приближающихся людей и милиционеров, то на костер, до конца не осознавая последствия совершенного. Никто из них не пытался потушить огонь.

Мирон Ефимов, весь в крови, задыхаясь от дыма, голыми руками разбрасывал по сторонам горящие снопы, топтал угли. Он кричал от собственного бессилия — не нашел нужных слов, не хватило силы и разума остановить обезумевшую толпу, не смог помочь несчастной девушке.

* * *

Арестовали почти всех участников страшного самосуда. Поискали Митрофанова, а он, проклятый, будто сквозь землю провалился. Ехим Мараков и Марья Селиванова сами вышли к людям. Без документов далеко не уйдешь, в крайнем случае, угодишь в тюрьму.

Арестованных закрыли в караулке. Васильев лично, до самого вечера допрашивал участников самосуда. Люди торопились рассказать о происшедшем, наговаривая друг на друга, пытаясь спасти себя от карательных мер. В итоге все стали виновными, допрашивать пришлось вторично. Только к ночи, после обстоятельного разговора, приложив показания председателя сельского Совета, основную часть участников беспорядка отпустили домой.

Чекесюк тронулась умом, она хохотала и кричала:

— Жарко!.. Жарко Варваре! Будет знать, как с чужими мужьями греться!

Казак-милиционеры пытались поговорить с женщиной, но поняли — занятие это бесполезное. Пришлось вместе с родными отправить её домой.

На следующее утро Мирон Ефимов и члены сельского Совета собрали весь народ Второго Нуросово у ослабинского косогора. Непосредственные участники бесчинства, виновные, загубившие душу Варвары, сидели лицом к народу. Мужчины опустили головы, женщины пытались пореветь, но их жестко остановил председатель:

— Когда живого человека бросали в огонь, слезы не проливали, сейчас пытаетесь разжалобить!

— Митрофанов нас повел, — тихо произнёс Ехим Мараков.

— По ушам дал меня тоже Митрофанов! — остановил его Ефимов.

Ехим замолчал, учуял, что за рукоприкладство, за противостояние народной власти придется отвечать.

Судьбу многих ослабинцев решал председатель и казак-милиционер Николай Васильев. Виновные, неслучайно оказавшиеся в толпе люди, стали прощаться с деревней.

Мирон встал между арестованными и народом, потер уставшие глаза и заговорил:

— Хуже зверей поступили вы с Варварой! За Митрофановым и Мараковым пошли: вспомнили «законы предков»! Чуваши раньше провожали своих умерших родных на кладбище с песней и танцами. Поплясали вчера вы всей деревней... Это не обычаи предков, а самые безумные действия темного народа. Кто вам позволил устраивать самосуд? Где вы были, когда насиловали Варвару, убивали её мать?.. Почему всем миром не разобрались с иродом? Куда вам... Она бедная крестьянка, обиженная судьбой, израненная душой. У неё было большое сердце. Она, как и вы, хотела простого человеческого счастья. Она любила своего друга детства, а Метри предал её, не защитил. А близкая подруга детства вместе с вами решила её судьбу! Вас всех использовали куштан Митрофанов и член комбеда Мараков!

Участники бесчинства молчали. Некоторые готовы были встать на колени, просить прощения. Были и такие, которые сидели и думали: «Что здесь обсуждать? Просто общество всем миром очистило от позора свою деревню, отправило на суд божий дьявольскую душу».

Мирон Ефимов и не надеялся, что его слова дойдут до каждого, он понимал, что не все живут своим умом. Ими руководят куштаны: время от времени, как собаке, подбрасывают кость — выделяют семена или раз в год приглашают за стол. Угощение и подачку потом заставят обрабатывать сполна.

Председатель говорил долго, казалось, разом старался вылечить старую болезнь угнетенного народа — рабство, темноту, покорность:

— ...Советская власть пришла надолго, насовсем! В этом мире больше не будет угнетенных и угнетателей. Есть равные, имеющие одинаковые права — рабочие и крестьяне. Пока нас окружают враги. Зная темноту народа, они толкают людей на страшные преступления. Не дремлют и деревенские — такие, как мерзкий Митрофанов. Он обвел вокруг пальца, используя в своих гадких целях больную Чекесюк и многих здесь сидящих. Но советская власть за трудовое крестьянство, ведет борьбу против кулачества и угнетения. Придет пора, и вы всё поймете. Но сегодня идет гражданская война, она против нас. Страна пытается встать на ноги, но без помощи крестьянства ей не выпрямиться, не устоять...

К обеду сход закрыли и почти всех отпустили домой. За ослабинцев горой стоял председатель сельсовета Ефимов. Трех — Ехима Мараква, Марью Селиванову и Верук Лаврентьеву увезли на трудовой фронт.

Варвару хоронили на следующий день. Ефимов запретил на похоронах реветь, участников бесчинства не допустил до кладбища. В укромном уголке старого Нуросского погоста нашли место. Хоронили её тихо, без лишних слов. Как погибшей от рук контрреволюционеров, на могиле поставили деревянный памятник со звездой. Варвара при рождении пострадала от рук человека, от его же рук завершила жизненную дорогу. По-своему, но опрометчиво и неразумно боролась за справедливость — веря в любовь и доброту.

Митрофанова поймали в Аликово, связали. Два милиционера повезли его на телеге в Ядрин. Конь фыркал, бежал резво. Митрофанов как-то сумел освободиться от верёвки, вскочил на ноги и закричал, будто навсегда прощался с родным краем. Один милиционер успел за него ухватиться, а другой попытался

усадить арестованного. Наверху что-то хрустнуло, Айдар охнул, от сильного толчка милиционеров выкинуло на дорогу. Испуганный конь помчался во весь дух, а арестованный остался висеть на дереве. Милиционеры подбежали к нему, и от увиденного остолбенели. Митрофанов висел на большом отломанном сучке огромной придорожной ветлы. Сук острым концом вошел ему прямо в рот и вышел из затылка...

14

Прошел месяц. Не успела нуросская русская молодежь отплясать кузьминские переплясы, как в двери постучал Михайлов день. Этот праздник отмечали и чувашаи. Самогон гнали всей деревней. Пир стоит горой, в домах появились гости. Положено — полевые работы завершены, обмолот хлеба закончен, из огородов убран урожай, пиво из нового хмеля созрело, под ногами шуршит только садовая листва, можно немножко отдохнуть.

Осенью скучно и тошно. Мокрые ворота от непрекращающихся дождей скрипят, ставни окон от ветра хлопают.

С созданием волостного и местных комитетов бедноты между властями и крестьянами началось противостояние. Волостной комитет бедноты не стал церемониться, скоро до жителей довел своё постановление: «До 1 января 1920 года следует сдать лишний скот для нужд Красной Армии».

Комитет установил, что семья из четырех человек должна иметь одну корову, из семи человек — две, из одиннадцати — три коровы, одну овечку и одного поросенка. Всё лишнее приказал сдать. Тем, кто ослушается, пригрозил революционным трибуналом. На основании этого же постановления комбед взял под свою ответственность вопросы торговли железными и скобяными изделиями, распределение керосина, изымания излишков хлеба. А в деревнях бесчинствовали местные комбеды. Крестьяне не выдержали, пошли на них врукопашную.

После этого Нуросский волисполком решил ликвидировать комитеты бедноты.

Мирон Ефимов понимал, что Хумушский комитет бедноты просто так не разгонишь. После отправки Маракова на трудовой фронт Соколов со своими друзьями вроде немного успокоился,

но втихомолку продолжал куролесить. Поэтому председатель тщательно подготовился к вопросу разбирательства деятельности комбеда. Заранее собрал членов сельсовета, поговорил со сторонниками новой власти, выложил свое решение — комбед разогнать...

Петрук Соколов почувствовал нависший запах дыма. Собрал друзей и навеселе, с шумом, грохотом ввалился в сельсовет. Развалился на скамейке около Ефимова, ногу на ногу перекинул, засмолил самокрутку.

— По какой причине собрались? — ехидным тоном спросил Соколов.

— Обсудить вопрос о комбеде, — начал заседание сельсовета Ефимов. — Слишком много заявлений с нареканиями поступило от народа.

— От кого! — огрызнулся Соколов. — Так што, а кто дал вам право обсуждать работу комбеда?

— Советская власть! — строго ответил председатель. — Она создала этот комитет при Советах и имеет право выковырнуть присосавшийся гнус из тела родного молодого государства!

— Ты власть не путай с бабой! — отхаркнул Петрук слюну на пол, вытирая плевком подошвой нового ялового сапога.

— Комитет бедноты во главе с председателем не раз заставлял жен красноармейцев гнать самогонку, — продолжал председатель. — Свое дело вы выполняли по ночам, угрожая расстрелом, арестом, наложением дополнительной контрибуции. Продав общественную ветряную мельницу, деньги забыл внести в волостную казну, присвоил, разделил между четырьмя членами комбеда.

Соколов почувствовал, что председатель к заседанию подготовился, не простит ни одного промаха, и решил не дать маху:

— Да... Возникли некоторые трудности, часть средств внесли незамедлительно, но кое-какие деньги использовали для нужд комбедноты, так што, об этом мы доложили в волисполком, — оправдывался он. — Ты же, Мирон Ефимович, сам не доложил волисполкому, так што, продал народное добро без согласования с финотделом.

— Именно так, — поддержал его Шеботов.

— Не так, Игнат! — сердито отрезал председатель сельсовета. — Ты сам недавно был безлошадным, на коленях стоял

перед куштанами, умоляя помощи. Расскажи-ка: откуда у тебя конь, кто распределял единовременный чрезвычайный налог. Почему двадцать пять середняков деревни Хумуш должны уплатить пятьдесят тысяч рублей? По две тысячи на хозяйство — это весь годовой доход семьи. А вот в соседней деревне Кюльхири проживает в два раза больше народу, восемьдесят три семьи должны внести всего двадцать три тысячи рублей. Как такое понимать?

— С председателем комбеда Кюльхири, бывшим царским стражником, ещё разберутся, так што, ему чужды трудности советской власти, — за Игната ответил Петрук.

Тут случилось то, чего не ожидали ни Ефимов, ни тем более Соколов. Члены сельсовета с цепи сорвались. Выложили всё. Раскрыли похождения комбеда. Оказалось, что Мараков и Тимуков засеяли поля бедных крестьян, спекулировали хлебом. Шеботов забыл оплатить чрезвычайный налог, а крестьян обложил подводами для собственных нужд. Соколов пошел ещё дальше, выдавал крестьянам ссуду из собственного кармана под большие проценты.

— Они жрут самогонку в четыре глотки и дружков своих не забывают, — вскочил на ноги Емельян Ксенофонов. — Гуляют с размахом. А как же — они, видите ли, хозяева.

— Ишь ты какой! — угрожающе произнес председатель комбеда, — Так што, объясни-ка попонятней, пес ты блудливый!

— Не он... а вы... теперь втроём, как кобели продолжаете беситься на сучьей свадьбе! — не выдержал Мирон Ефимов.

Еле сдерживая ярость, как зверь перед нападением на жертву, председатель сельсовета вскочил. Все затихли. Мирон внимательно посмотрел на каждого собравшегося члена сельского исполкома, членов комбеда и, стиснув зубы, заговорил:

— Советская власть существует всего три года, но эти шакалы за такой короткий период против своего народа, односельчан натворили столько зла, что не умещается даже в голове! — выложил он. — Контра!.. Тихо-мирно грабила, а вы молчали — боялись!.. Испугались!.. Позволяли издеваться, унижать себя!

— Кое-кто пытался сопротивляться, — произнёс Керкури Кураков. — Их избили до полусмерти. Это всем известно.

— У меня единственное предложение! — подытожил Ефимов. — Разогнать комитет бедноты и передать дело в ревтрибунал. Кто за это... за деловое, правильное решение прошу голосовать!..

Притихший зал молчал. Вот люди один за другим несмело начали поднимать руки. Впервые не испугались — ни членов комбеда, ни самого Петрука Соколова. С этого момента бывшие члены комбеда перед ними предстали обыкновенными бандитами, жуликами.

Куда только делась былая надменность Соколова, хитрость Шеботова и наглость Тимукова. Они тихо исчезли за дверь, только голос бывшего председателя комбеда глухо донёлся:

— Ещё не вечер! Так што, посмотрим!..

* * *

После заседания сельсовета Мирон Ефимов вернулся домой и задумался: «Молодцы односельчане. Значит, начинают понимать вкус жизни при Советах». Он вспомнил родителей, старую историю. Совсем недавно в деревне было по-иному.

...Небольшой их дом в середине Хумуш ничем не отличался от остальных. Двадцать два ряда бревен почернели от времени, соломенная крыша дома начала рассыпаться. Стойки крыльца держались на честном слове, если прислонится взрослый человек, развалятся. Низкая дверь высохла, открывалась вовнутрь со скрипом, будто подсказывала человеку склонить голову перед входом в избу. Так, хозяин дома, Ехим Парасов, поверив в сказ о нечистых силах, закрывая дверь, выгонял злых духов на улицу. Изба имела четыре небольших окна, три смотрели на восточную сторону, одно — выходило на север.

Жилая комната всего в несколько квадратных сажень. В правом углу дымила небольшая печка. Ехим недавно немного её обновил, подмазал глиной. В левом углу висела икона Божией Матери. Две скамейки были поставлены вокруг дубового самодельного стола. Далее деревянная кровать с набитым свежей соломой матрасом и двумя такими же подушками. Вся кухня размещалась перед печкой, там могла крутиться только одна хозяйка. С боку печка огорожена с двух сторон. Входящие понимали: что это место для зимних новорожденных ягнят.

Мирон был поздним ребенком, по наставлению отца окончил Хумушскую церковноприходскую школу, дальше учиться бедность не позволила.

Однажды Ехим Парасов возвращался из волостного центра. Около ворот дома он скинул тулуп и собрался заехать во двор, но ворота были закрыты. От злости у него затряслась борода.

— Праски! Праски говорю, ворота кто будет открывать!

Но они не захотели гостеприимно распахнуться.

— Чертова женщина! Перестала уважать порядки предков! — рычал Ехим.

В это время во двор выскочила Праски. Заспанные глаза слиплись по бровям. Не стесняясь мужа, продолжала зевать.

Мужик взъерошился: «Вот баба! Днем бессовестно постель давит. Надо, чтобы она раз и навсегда научилась уважать деревенские законы».

— Праски! — сверкнув глазами, зло вымолвил он. — Поправ супонь!

Она не могла послушаться. Только подошла к коню, Ехим разом привязал её к оглоблям.

— Ай-уй, Ехим, что ты делаешь?..

— Застоялая ты! Немного ножки надо память и разум проветрить!

— Побойся Господа... Не срами перед людьми...

— Полдня стою около ворот — вся деревня потешается надо мной, а жена в это время сладенько храпит!

Ехим неспешно развернул коня и двинул по деревенской улице. А конь-то резвый, с места набрал бег. Праски бежит рядом, боится упасть, оказаться под санями. Она просит прощения, помилования. От этого крика вся деревня выскочила на улицу, но никто не уразумел мужика. Только десятилетний Мирон изо всех сил бежал за санями, пытаясь остановить отца. Услышав плач сына, Ехим повернул коня в сторону дома. У ворот несколько раз приложился по спине жены, молча вошел в избу.

Праски вместе с Мироном быстро распрягла коня, загнала в хлев. Не успел Ехим раздеться, как в дом влетела жена и собрала на стол еду и четверть самогонки.

Немного повзрослев, Мирон стал понимать, что его тоже взнуздала жизненная ситуация — далеко не убежишь, высоко не прыгнешь. От безысходности отец издевался над матерью. Чтобы мало-мальски сносно жить, потребны деньги. Но где их

возьмешь, когда урожая зерновых хватает только на казенные и собственные нужды? В доме налогами обложены два человека: Ехим и Мирон. Семья по приговорам волостного схода и сельского общества должна платить более трех рублей на мирские сборы. По окладному листу полагается выложить ещё около тринадцати рублей. В текущем году они сумели своевременно оплатить годовые налоги, но недоимки прошлых лет не давали дышать. Мясо, масло, яйца, картофель, капуста и половина зерна уходили на уплату податей.

Недавно в волости судили крестьянина из деревни Кадыш. Он разом отправил на тот свет конокрада, дальнего родственника одного из судебных работников. Ему светило Сибирь, каторга, а он судье вопрос задает: «Кому же останется моя земля?». Ему отвечают: «Сыновьям». Он вздохнул и заулыбался. За себя не горевал, вернётся или не вернётся с каторги самому Всевышнему только известно, а вот семья без кусочка земли долго не потянет — погибнет, поэтому беспокоился.

Молодой Мирон никогда никого не страшился, не позволял насмеяться над собой. Единственная беда — робел перед волостными сборщиками податей. Слова и мысли куда-то улечивались, ноги дрожали. Стоял перед ними как озябший провинившийся пес перед хозяином. На вопросы отвечал путано, слова тянулись так, будто скулил.

В этот раз в Хумуш они нагрянули нежданно-негаданно. Четыре версты для хорошего коня, что ноги немного размять. Волостным чиновникам это такая прогулка и развлечение — отдышаться, немного покуражиться над простым людом. За несвоевременную уплату податей и недоимок кое-кому назначить десяток плетей. Крепкие прутья из орешника всегда лежали в наличии в сарае конторы. Волостные не забывали прихватить их с собой.

Была особая причина для такой поездки по деревням волостного головы Мартынова. Недавно земская управа уезда заслушала работу волости по сбору податей и осталась не совсем довольна. Мартынов сам из бывших крестьян, знает их жизнь не по бумагам, он вместе с ними тянет все трудности и невзгоды. Несмотря на это, бедноту ни во что не ставит. Любит при всех повторять слова: «Работающий человек богатый, а лежебока — голодранец». Для поездки выбрал именно свою

родную деревню. Люди там как на ладони, многие с утра до ночи трудятся, но никак не могут выйти из круга нищеты. Несколько дворов бездельники — не хотят работать. Дома ветер гуляет, зато умеют языками чесать, обвинять во всех грехах не себя, а окружающих, волостное начальство. Именно для них прихватили крепкие пругья.

К обеду неплательщиков собрали у караулки Хумуш. Некоторые предусмотрительно оплатили положенные суммы, и в стороне наблюдали над дальнейшими событиями. Другие опять не смогли накопить средств, погасить недоимки. С ними вместе стояли Мирон с отцом. Жалко было смотреть на молодого парня. Односельчане никогда не слышали от него худого слова или каких-то неприличных поступков. Он попал в такой переплет впервые, понимал, что сегодня ему не избежать телесного наказания, поэтому внимательно осматривался вокруг. Глазами искал, нет ли поблизости женщин. Не хотел стать посмешищем всей деревни. Успокоился, когда убедился, что вдовушек Марью Филиппову, Матрьюне Самукову и Оксинию Михайлову на этот сход не пригласили.

Мирон с отцом получили по двадцать плетей «по мягкому месту». Припнулись домой, обидно было не от боли, а от унижения и безысходности. Увидев мужиков, Праски перестала стирать, писклявым голосом заохала. Это не понравилось Ехиму. Саданул бабу так, что она отлетела, запнулась и грохнулась прямо в деревянное корытце, где лежали замоченные грязные вещи. Поняла Праски: сейчас перечить мужу, причитать не положено, вскочила на ноги и убежала через калитку в огород. Одумалась, вернулась, молча, стала ждать дальнейшей участи. А у Ехима разом прошла злость: жена так растянулась в корытце, что не смог утаить улыбку. Тогда Праски осмелела.

— Ай-уй, боже мой! Для меня тоже прихватили подарок от волостных, — шмыгала носом она.

— Хватит подол глазами мочить! — цыкнул Ехим.

Праски не стала испытывать судьбу, дальше продолжила стирку.

Мирон подсел поближе к отцу на длинную дубовую скамейку и твердо сказал:

— Больше не позволю издеваться над собой! Выберусь из этого болота! Нельзя быть всю жизнь бедным.

Ехим с глубоким сожалением посмотрел на сына:

— Как можно сбросить с плеч такое ярмо, каким образом в одночасье стать богатым?..

Это было всего десять лет назад.

Мирон, похоронив старых родителей, вскоре женился. В доме нужны женские руки. Свадьбы не было. С родителями и родными жены съели овечку, выпили четверть самогонки, на этом пришли к совместному согласию — Матрена перешла жить в дом Мирона. В положенный срок у молодых родилась дочь. Роды были тяжелые, сутки лежала Матрена, корчилась от боли и навечно закрыла глаза. Сироткой осталась Марфа.

Опять обида на жизнь, хандра и безысходность разом прилипли на мужика. Недолго думая, отдал маленькую дочь родителям жены и добровольцем ушел воевать с германцами. Вернулся после революции — стал красноармейцем. Повалялся в лазаретах и приехал домой. Шестилетняя дочь так прильнула к нему, что Мирон раз и навсегда решил — не пожалеет за неё свою жизнь, никогда не покинет дом и исполнит всякое желание девочки.

С тех пор они живут вместе. По утрам Мирон уводит дочь к старикам, а вечером забирает домой. Сейчас, положив голову на стол, задремал.

— Проснись, атте, — тормошила его дочь. — Бабушка хуплу* испекла, я для тебя два кусочка принесла.

— С кем ты пришла?.. Сама поела?

— Одна, — Марфа хитро улыбнулась, похлопала себя по животу и ответила. — Вот сколько съела.

— Со мной вместе пирог будешь кушать? — спросил Мирон.

— Не хочу...

— Ты ещё маленькая, должна расти.

— Но ведь я много ела, — обиделась Марфа.

— Тогда, тогда я тебя подниму высоко, сразу вырастешь до потолка, потом обниму, и вместе съедим кусок пирога, — ласково сказал Мирон.

Она подбежала к отцу и крепко обняла его. Такими их застала вошедшая в дом соседка Ксения Васильева, кормилица Марфы.

*Хуплу — мясной пирог.

Мирон стал понимать, за что бороться, как устроить свою жизнь на этом свете. Советская власть подсказала, гражданская война научила жить достойно — без резвых коней и тарантаса, без лишнего хлеба на столе. Природа его умом не обидела. Никогда не хитрил, ни к кому не подлаживался, умеет заглушать чувство обиды и преодолевать тяготы жизни. Единственное — отчего грустил — боялся умереть, как родители, от бедности, от безысходности.

Мирон Ефимов поужинал с удовольствием. Дочь повзрослела, уже сама готовит еду, присматривает за хозяйством. Марфа с детским достоинством рассказывала о прошедших днях. В огороде уже выросли огурцы, пока небольшие, но вкусные. Мирон засмеялся: хозяйка растет на загляденье всем. Трудно мужику одному растить ребенка, ещё труднее привести в дом чужого человека. Поэтому он это дело оставил на потом.

Надо бы научить дочь прясть. И Мирон отправил дочь в Ярмушку, к брату жены, Сермету Никифорову. Договорился, пока не наловчится прясть, домой не отпускать.

— Марфа! — обратился он к дочери. — Надо помочь тетушке Униссе.

— А чем? — удивилась она.

— Научиться прясть, — ответил Мирон. — У неё совсем маленькие дети.

Девочка без слов согласилась, почувствовала себя взрослой, способной оказать посильную помощь родным. Да и вряд ли дочь ослушалась бы отца.

— А школа? — поинтересовалась она перед отъездом. — Все ведь в школу пойдут...

— Пока там холодно, — успокоил её отец. — Привезут дрова, до этого успеешь.

Школа стояла взаперти. Сначала обществу пришлось выполнить план по заготовке дров для железной дороги, потом для волостных учреждений. Когда спохватились, было поздно. Как всегда из-за неожиданно наступивших холодов и обильного снега закрылись все пути на делянку. Школу на время закрыли, учителя пошли по домам, исполнять решение отдела образования — ликвидировать безграмотность.

Марфа попросила отца принести пару газет, где она в свободное время между строчками будет выводить буквы и слова.

Тетка Униссе — мудрая женщина — приготовила целый массивный тюк шерсти. В первый же вечер организовала урок. Взяла прялку, прикрепил на самом верху довольно большой куль чистой и мягкой шерсти, пропущенную через шерстобитку.

Марфа внимательно слушала наставление тётки, следила за её руками. И как у неё получается красиво, изящно. Сидит на прялке, как царица на троне. Пальцы левой руки выхватывают с кудели небольшой клочок шерсти, и тут же веретено начинает играть, плясать на правой коленке тетушки, наматывая на себя крепкую шерстяную нитку. Левая рука тянет и тянет кусочки шерсти, правая рука закручивает нить, собирает на веретено. Образовался клубок.

— Пузатый, как овечка, — хитро прищурилась тетка. — Соберем пару таких клубков и свяжем для тебя варежки.

В это время из-под пальцев продолжала струиться нить, она крутилась, извивалась, стремительно входила в моток веретена.

— Можно мне? — робко спросила Марфа.

— Попробуй, — сразу согласилась Униссе, хотя знала, что эту нитку придется полностью перекрутить, исправить ошибки маленькой девочки.

Марфа села, попыталась вытащить нить — она рвалась, выскакивала из пальцев. Веретено не крутилось, падало на пол. От досады у девочки на глазах появились капельки слез. Настойчивая, не бросила работу. Сидела долго, но моток не стал пузатым, а на пальцах появились пузырьки мозолей.

Легли спать. Марфа никак не могла уснуть, всё представляла, как она пальчиками прядет нитку и крутит веретено. Встала рано утром. Подошла к прялке, посмотрела на нитки. Один клубок пузатый, с ровными, крепко закрученными нитками, другой — совсем маленький, неровный, слабый. Марфа догадалась: из таких ниток варежки не свяжешь, развалятся, как только намокнут. Она посмотрела на свои пальцы, мозоли после того, как их проткнула тетка, немного высохли. Но не позволяли притронуться к шерсти, тысячи иголок вонзились в пальцы, когда она хотела немного покрутить веретено. Ещё несколько

дней Марфа любовалась работой тетки и представляла себя на её месте. Второй раз нитки получились покрепче, пальцы уже не болели, привыкли.

Через две недели девочка засобиралась домой. Не помогали уговоры родных. Тогда дядя пошел на некоторую хитрость.

— Надо подождать, завершить начатое дело, — серьезно сказал Сермет. — Иначе придется нести на себе дугу.

— Какую дугу? — не понимала Марфа.

— Обыкновенную. Лентяев и бездельников, не завершившим начатое дело, в старину заставляли идти по деревне, неся дугу. Чтобы было стыдно.

— Я ведь не бросаю, — ответила девочка. — Дома некому за отцом смотреть, сварить кашу.

— Кашу он сам сварит, — ответил Сермет.

— Ему некогда, он с утра в сельсовете, — как взрослая, ответила Марфа.

— Тогда мне придется принести для тебя дугу, чтобы ты несла по деревне, — встал на ноги дядя. — Пусть люди увидят, какая ты хозяйка.

Марфа задумалась, представила: «Её запрягли как лошадку, надели хомут, закрепили дугу, ведут по деревне. Мужики гонят кнутами, а женщины и дети показывают пальцем и смеются». От обиды Марфа горько заплакала. Не захотела она срамиться перед всей деревней, скинула маленький тулуп, подошла и начала прясть.

Доволен дядя Сермет. Марфа больше не плакала, уверенно, но медленно пряла, нитка крутилась, выходила не такая крепкая, но одинаковой толщины. Крутилось веретено, к обеду у него появилось «пузо», собирало и собирало нитку.

Через четыре недели Марфа вернулась домой. Морозы стихли. В школу привезли дрова, возобновилась учеба. Дочь стояла перед отцом и твердо заявила, что она закончила свое дело и может идти в школу. Мирон понял, что девочка научилась прясть...

Марфа окончила два класса с отличными оценками. Учитель хвалил её за смышленность, за усердие. Сам лично просил, чтобы она продолжила дальнейшую учебу, не останавливалась на достигнутом. Несмотря на возраст, помогает учителю ликвидировать безграмотность, учит сверстников читать и писать. Голова у неё светлая, учителем хочет стать.

«Растет дочь, — рассуждал Мирон, сидя за столом. — Вырастет, выдам замуж, и будут у меня внуки».

Марфа без устали болтала — рассказывая отцу деревенские новости, тихо уснула. Мирон потушил лампу и лег рядом с дочерью.

Проснулся от резкого шума. Вскочил на ноги, увидев непрошенных гостей, схватил лавку, стоящую вдоль передней стены избы, размахнулся и припечатал к косяку. Удар пришелся по первому. Второй вывернулся, поднял табуретку и бросил в сторону Мирона. Она угодила в окно, звон разбитого стекла разлетелся в ночной тишине, осколки упали на пол.

— Не смей! — закричал Мирон. — Убью!

От звука разбитого стекла, от грохота проснулась Марфа и закричала.

Незваные гости оказались не из пугливых. Незнакомец выхватил из-за пояса короткое ружье, выстрелил. Мирон успел отскочить, дробь оставила следы на подоконнике, не задев председателя. От звука выстрела залаяли соседские собаки.

Не ожидали ночные гости такого отпора, думали, мигом разберутся с председателем. Не вышло. Испугались, выскочили на улицу и исчезли в темноте ночи. Мирон не стал их преследовать, побоялся оставить перепуганную дочку одну.

Вдруг со стороны усадьбы Петривановых два раза щелкнули пистолетные выстрелы, и всё стихло.

Минут через десять в окно постучал волостной начальник милиции Николай Васильев и попросил выйти Ефимова на улицу.

— Не по тебе эти пальнули? — поинтересовался он, показывая на двух мужиков.

— Впопыхах в темноте не успел разглядеть, но у одного на голове рога могли вырасти, успел вмазать скамейкой, — разглядывая ночных гостей, пояснил Ефимов. — Как их схватили?

— Курьезный случай, без смеха не расскажешь. Едем из Асакасов. Там убили представителя из уездного исполкома, пока выясняли, задержались. Услышали выстрел, остановились, вдруг из темноты на нас выскакивают эти двое, запыхавшиеся — не ожидали встречи с нами. Для устрашения, пару раз пришлось пальнуть в воздух. От испуга руки подняли выше каланчи, в штаны наложили.

— На советскую власть руку подняли, до мазара доведем и пришьлем, даже родные не узнают где их могилы, — привязывая их к седлу, с иронией сказал один из милиционеров.

Ефимов понял, что напавшие мужики изрядно выпившие, самогонкой разит, за версту можно задохнуться.

— Они ведь пьяные?

— Были бы трезвые, пришлось бы завтра объявить похороны. Они не соображают, поэтому прибежали прямо к нам в руки.

— В чем же провинился я перед вами? — поинтересовался председатель.

— Это уж спроси у «Так што», он интересовался тобой, — огрызнулся один из арестованных.

— Тебе не хорохориться, а о себе надо думать, — оборвал его Васильев. — С ним разберемся, никуда от нас не уйдет. Дома возьмем.

Начальник волостной милиции не стал больше задерживаться, двух милиционеров отправил за Соколовым, а сам, прихватив задержанных, уехал с товарищами в сторону Нурос.

Соколов домой явился к утру, милиционеры прямо у калитки оглушили его прикладом винтовки, тот не успел оказать сопротивление. Положили на подводу, без объяснений увезли в Нурос. Старуха мать и жена запричитали, но им даже за калитку не разрешили выйти.

Так Петрук, по прозвищу «Так што» оказался в кутузке, где сидели мужики из деревни Чалым Кукшум, ночные друзья бывшего председателя комбеда. Он понял, что вчерашние собутельники, испугавшись за свою жизнь, уже выложили всё. Но через месяц Соколов, на удивление всем, вернулся домой. Причины освобождения никто не узнал.

* * *

Не успел Мирон Ефимов разобраться с комитетом бедноты, нагрянула другая беда. Продотряды давно «бродят» по уезду, в Нуросской волости лютует рабочий отряд комиссара Григория Баранова из Нижегородской губернии. Откуда взяли их ядринцы, почему направили именно сюда? Никифоров обвинял руководителей уезда в революционной близорукости. Председателю волисполкома показалось, что в этом отряде собрались ярые противники советской власти. Особенно изощренно издеваются

они над середняками, часто в их руки попадают семьи красноармейцев. Имея заранее подготовленные списки, зная возможности каждого крестьянина, каждой семьи красноармейца, рано утром заезжают в деревню. Начинают с малого: собак, поднимающих шум при реквизиции продовольствия, на месте пристреливают, это действует на людей угнетающе. Крестьяне уже не сопротивляются, безропотно сидят на крылечках своих изб, со слезами провожая рабочих, выносящих из амбара последний мешок зерна. Так обирают дом за домом.

По закону, Мирон Ефимов имел право работать председателем сельского Совета не больше года. Но народ решил по-своему. Когда волостное начальство попыталось надавить на крестьян, люди пошли на принцип: «Оставить Ефимова председателем ещё на один срок!». Добились своего.

Недавно Мирон сам лично вручил всем недоимщикам бумагу, где большими буквами вывел: «С вас причитается по продразверстке получить...», а цифры поставил вчера, после согласования с членами сельсовета. Двадцать семь крестьянских хозяйств Второго Нуросово должны завезти на ссыпной пункт около семисот пудов хлеба. Некоторые крепкие крестьяне пошли на саботаж, отказываясь выполнять решение волисполкома по продразверстке, и стали должниками — от двадцати до пятидесяти пудов хлеба.

— Ы-ых! — прохрипел Илья Акрамов угрожающе. — Ходит тут! Собаку бы спустить!

— Чего ждешь? — спокойно ответил Мирон. — Попробуй?

Акрамов не успокоился. Читать не умел, но в цифрах хорошо разбирался. Стоял около ворот и злобно смотрел на председателя сельского Совета.

— Бумагу принёс! — застонал он, показывая кукиш Ефимову. — Очередной раз хотите выгрести хлеб, вот накось, выкусь!

— В таком случае, завтра с утра с тебя и начнем, — жестко ответил председатель.

— Где!.. Где я возьму сорок пудов? Десять мешков... семью голодом собираешься морить!?

— Не брызгай слюной, у тебя уже припрятано около двухсот пудов! Сам отвезёшь в Нуросский ссыпной пункт или как?..

— Не имеешь права! Я служил в Красной армии, ранение получил, кровь за эту власть проливал! Пусть отвезут те, кто в это время на печке кости грел!

— Вот покажи пример! Кто поможет советской власти, если не её сторонники. Не хочу я уговаривать каждого!

Нико убеждать не пришлось. На следующее утро по новому снегу на четырех санях подъехал рабочий продовольственный отряд из восьми человек, остановились около сельсовета. К председателю вошел небольшого роста, с чисто выбритой головой комиссар, в кожанке, с маузером на боку, с фуражкой, со звездой в левой руке. На ногах до блеска начищенные сапоги. Вел себя самоуверенно, потому что ему даны большие полномочия. Вытащил из переднего кармана кожанки вчетверо сложенный мандат с печатями и положил перед Ефимовым.

— Отряд из Нижегородской губернии, во главе с продкомиссаром Барановым прислан по заданию Казанского губревкома. Направлен организовать вывоз хлеба из Нуросского сыпного пункта и заодно оказать помощь местным властям выполнить задание по продрозверстке.

— Недоимщиками у нас числятся двадцать семь хозяйств, — ответил Ефимов. — Должны около семисот пудов ржи, четыреста пудов овса, полутора тысячи пудов капусты и тридцать овец.

— Меня ваши цифры не интересуют. Будем ориентироваться по посевным площадям и произведем показательную реквизицию. Другие пусть наблюдают — действует отрезвляюще. К вечеру должники сами привезут хлеб на сыпной пункт.

Мирон заёрзал, внимательно посмотрел на уполномоченного. От предчувствия беды заныло под сердцем.

— В деревне Хумуш больше всех посевных площадей у Савара Леонтьева, — стал объяснять председатель. — У него сыновья служат в Красной армии. Сам он с первых дней революции встал на сторону советской власти и сдал причитающуюся с него продрозверстку в полном объеме, даже с лихвой. За ним ничего не числится.

— Найдем излишки, будет должником, — ответил Баранов.

— Зубы не поломайте! Туда идите без меня...

— Мы не в гости приехали! Нужно будет, обойдемся без тебя, а волостным властям обязательно будет об этом доложено!

— Ты хочешь здесь устроить показательную продрозверстку! — твердо заявил Ефимов. — Деревни потрясти, выгрести и оставить председателя сельсовета один на один с обозленными крестьянами! Мы здесь, у себя, без продотряда договоримся, по-крестьянски...

— Заберём всё! Оставим по тридцать-сорок пудов на семена, остальное погрузим. Тебе как представителю власти особое поручение: организовать для вывозки хлеба десяток саней.

Мирон сник, посмотрел в окно. Около продотряда бегали дети, потянулся любопытный народ. Не предполагал председатель, что приезжий уполномоченный успел познакомиться с услабинским торгашом Петруком Соколовым. У продкомиссара в кармане лежал список зажиточных крестьян и семей красноармейцев, у кого в хозяйстве имеется не менее двухсот пудов зерна. Многие хлеб давно попрятали, в амбарах оставили только семенной материал, и немного муки на еду. Но продотрядовцы тоже не новички, они знают, где искать добро. Найдут, выгребут — некому пожаловаться.

Отряд первым подошёл к дому Савара Леонтьева. Постучали — никого. Не стали дожидаться, сами распахнули ворота и на двух санях заехали во двор.

— Кто тут гражданин Леонтьев?

— Меня так зовут, — спустился с крыльца Савар.

— За вами числятся недоимки по революционной продовольственной разверстке!

— Откуда! — уверенно ответил Савар Леонтьев. — Я перед властями чист, может подтвердить сельсовет и бумага от волисполкома имеется.

— Ищите! — скомандовал Баранов.

От такой наглости продкомиссара Савар покраснел, подошел к нему и резко сказал:

— Не трогать семенной материал и муку, оставленную до весны! Из-под земли достанет тебя боевой комиссар Серуш Саваров. Сыновей у меня трое, бьют Деникина и Колчака.

Не понравился такой разговор Баранову. Видел он боевых комиссаров на деле: не будут разбираться, выведут за сарай и шлепнут. Но он сейчас далеко, а продотряд здесь.

— Продолжайте искать! — крикнул комиссар, но внутренний голос подсказывал ему — лучше убраться, не связываться, подальше держаться от таких хозяйств. — Прекратите обыск! На первый раз поверим гражданину Леонтьеву.

— Мирон Ефимович? — повернулся к нему Савар. — Почему ты их ко мне притащил? Почему сам не вытряхиваешь?

— У него свой список, — пытался оправдаться председатель. — Ему я объяснил, что Леонтьев чист перед советской властью.

Комиссар со злостью посмотрел на них.

— Предупреждал тебя! — резко ответил Ефимов. — Служат в Красной армии! Про комиссара Сергея Саварова слышал? Легендарная личность...

Повозки двинулись дальше. За ними шли деревенские мужики, обсуждая между собой: «У кого какой налог, кто сколько должен по продразверстке...». Это деревня. Здесь ничего не скроешь...

В Хумушах у продотряда не получилось показательное изымание, но до обеда, начисто подмели хозяйства Левентея Емельянова, Микитты Иванова, Михала Макарова, Ильи Акрамова. Крестьяне ругались и проклинали. Продотряд ушел в Услабу, но десять саней с доверху груженными мешками направились в сторону Нурос. Рядом шли хозяева этих мешков. Их запугали, заставили самим отвести весь реквизированный хлеб в Нуросский ссыпной пункт.

* * *

Из одного двора в другой двигался продотряд с понятными, членами совета бедняков. Рабочие знали, где искать хлеб. Выворачивали наизнанку навозные кучи, шарили в овинах, скирдах соломы, проверяли снег в огородах. По еле заметным следам определяли тайные клады, похоронки.

В Услабе им помогал свой человек, о чём никто не догадывался. Петрук Соколов два дня назад познакомился с продкомиссаром. После этого нашел в чулане старые валенки, «просящие каши», достал давно поношенный кафтан и пошел гулять по деревне. Люди подумали, что Петрук после месячной тюрьмы тронулся умом, со всеми говорил ласково и смиренно. Односельчанам стало жалко его, что власти необоснованно обижают хорошего человека. Он ходил по домам, предлагал без процентов взять у него зерно до следующего урожая. Бедные крестьяне соглашались, без займа не дотянуть до весны. При этом Соколов успевал нашептать, что именно советская власть оставила крестьян без зерна, а сейчас отбирает последнее. Хитрил он, знал, что продотряд отберет зерно, а долги крестьян перед Петруком останутся...

Соколов часто помогал односельчанам, правда, но не без прибылей, проценты составляли достаточно приличную долю.

Остатки зерна, необходимые для домашних нужд, хранил в тайном погребе за дровяным навесом.

Комиссар Баранов предполагал, что у Соколова все основательно укрыто, ничего дома нет, только пара мешков муки, оставлены для отвода глаз. Лишь бы люди видели, что рабочие кое-что выносят из его дома. Для проформы, продотряд устроил полный шмон, хозяину навесили пару тумачков. Ломали замки амбаров, а там одни дохлые мышки валяются. Они в хлев, где стоит старая беззубая корова, висит несколько овечьих шкур. Соколов очень обиделся. Так не договаривались, не должны были руки распускать, но промолчал. Зато его жена Матрие устроила всамделишный скандал. Кричала, охала, звала на помощь соседей. Баранов не выдержал, подойдя к Соколову, предупредил:

— Уйми свою кобылу, а то пристрелю!

— Ничего, ничего, пусть малость повоет — людей попугает! — сквозь зубы ответил Соколов. — Хватит здесь ковырять. Пока не успели попрятать, дуйте к Палюковым и Сорокиным.

— Счас! — объявил Баранов. — Хлеб с мужиков все ровно возьмем, ты тоже в накладе не остался, сдираешь с односельчан шкуры, не зря дергаешься.

Соколов не уважает таких людей, но не может отказаться от их услуг. Пока сила на стороне продотряда, рабочие вооружены и при исполнении. А Соколов всего лишь бывший председатель комбеда. Придет время, он покажет силу, за сегодняшние тумачки сполна рассчитается. Не привык он оставлять долги, никогда их не забывает, обязательно вернет.

— Внакладе я никогда не остаюсь! — процедил сквозь зубы Соколов. — Дочиста обирать крестьян не следует, что они сеять-то будут. Надо иметь подход — хитро действовать.

— Советская власть выручит!

— Может быть...

Продотрядовцы собрались уходить. Соколов кивком головы подозвал Баранова и передал четверть самогонки с едой. Заранее приготовил для незваных гостей. Узелок он передал красногвардейцу.

— Постой-ка, этот малый — не сын ли Горина? — увидев знакомое лицо, спросил Соколов.

— Он самый. На фронт не пригодный, пусть отрабатывает здесь.

— Самого увидишь, передай поклон от меня.

— На тот свет?.. — ехидно захохотал Баранов.

— За что?

— За Советскую власть! — ухмыльнулся Баранов перед уходом. — Тело предали земле по всем православным обычаям, помог Каменский.

Слышал Петрук, в прошлом месяце на нуросском мазаре отряд красных из Ядрина расстрелял несколько контрреволюционеров. Говорили, что Каменский опять куда-то исчез. Искали, но не нашли.

— Значит, никуда не уехал, не хочет покинуть родные места, — прошептал Петрук Соколов. — Жаль, что среди расстрелянных людей оказался бывший волостной голова Горин. Господи! Благослови нас и помилуй, пусть у нас не уменьшаются силы бороться против антихристов и коммунистов!..

Баранов знает своё дело: он придумал особую форму борьбы с красными. Услабинцы всегда считались более обеспеченными, чем другие деревни. Куда ни зайдешь, у всех амбары полные, недаром за околицей величаво стоят и приветствуют путников три ветряные мельницы. В округе нет больше таких деревень. Баранов сегодня более мягкий, послушал наущение Соколова, не стал трогать семьи красноармейцев, всю силу и злость направил на середняков. У кого кровля дома покрыта железом или щепой, у того отбирал достаточно большую часть урожая. Врагов нажил сразу. Одни сочли его красной сволочью, другие меж собой шептались, что отряд работает на белых головорезов.

— Прав Соколов, — подумал Баранов, — Если начисто отобрать, можно здесь голову потерять.

Следующим по списку были Палюковы. Род крестьянский. Говорят, именно их предки были основателями этой деревни. Их ещё называют разинцами. В старину мужики этого племени воевали против царя, на стороне Степана Разина. После поражения ускользнули, около небольшого пруда, среди дубового леса и оврагов построили три дома и основали выселок, со временем названный Услаба.

Дома, кроме старой бабки и двух взрослых дочерей, никого не оказалось. Увидев красногвардейцев, дочери исчезли и скоро вернулись с двумя мужиками. Мешки были спрятаны

неумело: часть уложена под сено и солому, под крыльцом лежали несколько мешков ржи, даже на чердаке нашли три мешка, ещё пять — под навозом у сарая. Мужики попытались противостоять, но щелкнули затворы винтовок. От бессилия старуха подошла к сараю и необдуманно отцепила огромного пса. Он ринулся на Баранова. В воздухе грянули два коротких щелчка маузера, и бедный пес успел только взвизгнуть перед смертью. Комиссар на этом не остановился, подошел к старухе и маузером сильно ударил по лицу. Она упала, закричали и завывли девки. На это продотрядовцы не обратили никакого внимания. Нытьё хором подействовало на психику Баранова, он приказал больше не искать, а ехать к следующим по списку — к Сорокиным, Пакшановым, Хведоровым, Лаврентьевым.

В этот день женщины и мужики деревень Услаба, Кивьял, Хумуш не жалея слов проклинали советскую власть, большевиков. Многие семьи лишились основной части урожая, даже бумаг не получили. Три деревни целый день вопили от беззакония, но безрезультатно. К вечеру ещё один большой обоз с конфискованным продовольствием двинулся в сторону Нурос.

15

В Казани второй раз за год начался переполох. Колчак приближался к городу. Платон Леонтьев — заведующий подотделом печати, агитации и пропаганды Чувашского отдела Наркома национальностей, заведующий краткосрочными агитационно-политическими курсами для чувашских красноармейцев. Кроме этого исполнял обязанности заведующего экспедицией газеты «Канаш». Леонтьев ни на минуту не отходил от кипучей политической деятельности. Ему самому приходилось доставать бумагу для выпуска очередного номера газеты. Татарский бумажный склад не всегда доброжелательно относился к соседям, несмотря на имеющиеся документы, часто отказывал в поставке необходимого товара. Однажды не выдержал упрямый чуваш, применил силу и привез в редакцию около тонны желтой бумаги.

Напрасно радовался Леонтьев. Заведующий Татарбумаги быстро нарисовал в местную милицию заявление: «Мол, пришел чувашин, избил работников склада и вывез три тонны бумаги, предназначенной для реквизитов».

Утром следующего дня за Леонтьевым пришли милиционеры и доставили в отделение Первого района города.

— До чего опустился большевик, пхиххываясь билетом, кхадет бумагу, избивает госудахственных хаботников! — картавя на звук «р», не поднимая головы, брезгливо выразился небольшого роста следователь в очках.

Платон не раз видел этого человека, но не запомнил фамилии. На митинге, посвященном первой годовщине Октябрьской революции, проводимом местными советскими органами, он выступал с яркой речью. Даже журналисты газеты «Канаш» позавидовали, что они не всегда так грамотно готовят передовицы своего издания. Платон, поняв причину задержания, ссылаясь на решение Росбумаги, попытался оправдываться.

Следователь часто отвлекался, отвечал на телефонные звонки, с кем-то ругался. При этом картавил так, что некоторые слова трудно было разобрать, часто приходилось повторять по слогам. Платону было смешно и неудобно. Он понимал, что находится в отделении милиции, что на него заводится дело согласно революционному трибуналу, но сдаваться не собирался.

— Я Фехин Махк Исаевич — начальник следственного упхавления Пехвого хайона Казани, — он начал составлять протокол задержания. — Ваша фамилия, имя, отчество?

— Леонтьев Платон Саварович... Мне необходимо позвонить до Чувашского отдела Наркомнаца, доложить о задержании милицией.

— Чтобы следы замести? — издевался следователь, картавя. — Пхедупхедить, вохованную бумагу подальше спхятать!

— Газетная бумага получена на основании решения и письма представительства Росбумаги, — возразил Платон.

— Хазбехемся... — не успел договорить следователь, в дверях появился милиционер и громко доложил:

— Товарищ Ферин! Куда мне девать погромщиков городского винного склада, камеры переполнены!

— Закхойте двехь! — не сдержался Ферин, бросил на стол ручку и вышел к милиционеру.

Платон воспользовался моментом, схватил трубку, вполголоса попросил телефонистку соединить с Чувашским отделом Наркомнаца. Ответил Лукин. Платон успел передать, что находится в отделении милиции Первого района.

Следователь от такой наглости оторопел. Подскочил к Леонтьеву, резко вырвал телефонную трубку, сверлящим взглядом посмотрел на него, набрал номер и кому-то доложил:

— Не наше это дело, здесь замешен Чувашский отдел Нахкома национальностей, высокопоставленные лица. Пока ахестован только Леонтьев. Пхотокол подготавлию, подпишете, напхавим в ЧК, пусть хазбихаются с антихеволуционнoй гхуппиховкoй чуваш.

Завершив допрос, Ферин пригласил постового, приказал арестованного доставить в камеру. Платону стало зябко, не ожидал, что ему придется посидеть вместе с контрреволюционерами, уголовниками и спекулянтами.

В душной, пропахшей потом и сигаретным дымом камере первые минуты пребывания показались адом. Народ тут собрался разношерстный. Около окна сидели два офицера, рядом с ними — прилично одетые молодые люди. На нарах несколько человек играли в карты, по их блатному разговору стало ясно, что они уголовники. Около двери, на полу устроились трое татарских крестьян и о чем-то пугливо шептались на своём языке. Арестованные внимательно изучали новенького. Увидев кожаную куртку, один из офицеров сказал:

— Комиссары не часто сюда попадают?

— Может, церковное золотишко припрятал для своих потомков? — поддержал его другой.

— Ценности приберёг для советской власти, а вот тонну бумаги для газеты «Канаш» успел реквизиловать! — ответил Платон.

— О чем пишут большевики? — поинтересовался офицер.

— С Октябрьской революцией мелкие народности, такие, как чуваша, населяющие Поволжье, освободились от гнета царской буржуазии, чиновников, церкви, которые стремились оставить народы в темноте и невежестве, преследуя их материнский язык, национальные обычаи, уклад жизни... — процитировал Леонтьев свою передовицу вчерашней газеты.

— Смотри-ка, тюремное начальство прислало к нам комиссара, так сказать, вести большевистскую агитацию, — процедил сквозь зубы второй офицер.

— Можно немного укоротить его язык! — бросил карты один из молодых уголовников.

В данном случае Платон посчитал единственным выходом — ударить первым этого картежника. «Может, пронесет», — подумал он и подготовился к худшему.

— Отставить! — крикнул один из офицеров. — Хотите за него полю в лоб заработать?

Но драку предотвратить не удалось. Трое молодых разом кинулись на Леонтьева. Успел уложить одного. Тот охнул, от боли упал на пол и начал корчиться. Но двое достаточно умело и сильно били «агитатора». Неизвестно, чем бы закончилась эта заваруха, если бы не офицеры. Они резкими, короткими поставленными ударами уложили уголовников на пол. Видать, достали офицеров. Картежников спасли прибежавшие на шум караульные. Распря затихла. Уголовников увели в другую камеру, а сюда доставили тихих священнослужителей из мужского монастыря.

Арестованные уселись по прежним местам и мирно продолжили разговор. На Леонтьева не обращали внимания. Платон сидел и думал, когда же разберутся, освободят его. Пришлось коротать ночь на нарах. Утром за ним пришел конвой, сопровождал к следователю особого отдела Чрезвычайной Комиссии. Открыв дверь, Платон увидел Лукина и Алексеева, мирно беседующих с высоким худым чекистом. В тот же час Платона освободили, сотрудник ЧК извинился за ошибочный арест, но предупредил: «Впредь не распускать руки!».

* * *

Гражданская война продолжалась. Платон Леонтьев стал секретарем бюро чувашской секции при Казанском губернском комитете РКП(б) и совместно со своими партийными товарищами вел подготовку документов по организации автономии родного народа.

По Чувашской земле прокатились кулацкие контрреволюционные выступления, а в Казани — волнения татарских полков. Ранней осенью Эльмень собрал в кабинете краткое совещание и попросил всех работников отделов Наркомнаца выехать в командировку в те регионы, где они родились. Просил на местах разобраться, встретиться с руководителями волостей, сельских Советов, растолковать им нынешнее политическое положение и задачи молодой советской власти. Главное, оказать прямое содействие в посевной кампании.

— Чувашское население — в большинстве сельские жители, — говорил Эльмень. — Основную массу составляет беднейшее крестьянство. Что греха таить, пока они не являются союзниками пролетариата, не понимают сути социалистической революции. Когда ввели продразверстку, вообще возненавидели большевиков. Нам надо на местах разогнать старую власть, укрепить там Советы. Некоторые уездные и волостные товарищи всё ещё мечтают вернуть земство.

На следующее утро Леонтьев выехал на место. За неделю ему предстояло изучить работу четырех волостей и по возвращении доложить обстановку на совещании Наркомнаца.

Село Нурос. Родной уголок земли. Часто туда бегал с ребятами. Четыре версты для подростка не расстояние. Тянуло в Нурос ребят приходских деревень. Не в церковь они бегали, хотя и заходили по поручению старших: то поклониться Матери Божьей, то прикупить несколько свечек. Их манили белые кирпичные здания купцов, аптека, волостная контора. Вызывали удивление праздно гуляющие по улицам разодетые жены и дочери русских купцов, лесопромышленников, священнослужителей, полицейских, волостных конторских служащих. Пьянил аромат воздуха около хлебного магазина. Для этой минуты они копили деньги.

Леонтьев за три часа пешком прошел пятнадцать верст. Стоял солнечный день, но не припекало. По сухой дороге шагать было легко. Усталости не чувствовал, родной дух придавал силы. До деревни Хумуш не далеко. Но сначала необходимо выполнить поручение партии, встретиться с председателем волостного исполкома, руководителем чрезвычайного продовольственного штаба, дать ряд поручений и принять меры по их исполнению. С родными, с отцом и матерью успеет встретиться.

Никифорова на месте не было, выехал по делам.

— Не бойтесь? — спросил заместитель председателя волостного исполкома Алексей Макаров, проверяя мандат Леонтьева. — Одному шагать по нашим дорогам в нынешнее время не безопасно.

— Кого и чего бояться! — ответил Платон, устраиваясь на деревянную скамейку около стола председателя. — Я здесь вырос. Вокруг всё знакомое, родное.

Только сейчас почувствовал Платон, что ноги ныли от долгой дороги, хотелось холодной воды.

— Где бы водичку попить? — поинтересовался он.

— Есть чай, — ответил Макаров. — Завариваем малиновыми листьями, но без сахара.

Платон кивнул головой. Макаров вышел и через минуту вернулся со стаканом чая. Вместе с ним в комнату вошли двое. Один — небольшого роста мужчина в круглых очках, в новом командирском обмундировании, а другой — какой-то невзрачный, щуплый, швыркал и швыркал носом, видимо простудился. Подошли к Леонтьеву и представились:

— Чрезвычайный уполномоченный уездного продштаба Шульман.

— Платон Леонтьев, уполномоченный чувашского Наркома национальностей, чрезвычайный комиссар, — отрапортовал Платон.

— Райпродкомиссар Кузнецов, — коротко произнёс второй.

Леонтьев почувствовал недружелюбный взгляд со стороны руководителей продштаба. «Значит, на местах не всё у вас ладно», — подумал он.

— Нуросский ссыпной пункт испытывает недостаток помещений. Сюда поступает хлеб и продовольствие из девяти волостей, — стал объяснять Макаров, а потом продиктовал названия всех волостей. — Нуросский, Убеевский, Чувашско-Сорминский, Асакасинский, Алгашинский, Ходаровский, Аликовский, Малояушский, Тойсинский.

— Вовремя вы приехали, — продолжал швыркать носом Кузнецов. — На оперативном заседании продштаба сегодня заслушаем председателя Хумушского сельского Совета Мирона Ефимова.

— Он здесь? — поинтересовался Платон.

— Комната рядом, — ответил райпродкомиссар.

Там было много народу. Для решения вопроса обеспечения продовольственного плана в Нуросе собрались председатели сельских Советов. Мирон стоял около окна, о чем-то думал.

— Вот какой ты стал, руководитель сельской власти! — обрадовался Платон.

Мирон, увидев его, широко раскинул руки и крепко обнял Леонтьева.

— Земля крутится — встречи неизбежны! — воскликнул он.

Вошел Кузнецов. Увидев обнявшихся друзей, удивился и быстро исчез за дверью.

— Газету «Канаш» до дыр изучаю, но не могу согласиться с некоторыми твоими выступлениями по крестьянскому вопросу, — хлопал Мирон Ефимов Платона по спине. — Как жизнь, комиссар? — спросил он.

— Дышу... Врачи пока наблюдают, подозревают чахотку в начальной стадии, хотя сам не чувствую.

— Когда почувствуешь, поздно будет, — возразил Мирон. — Надо лечиться.

— Работа не позволяет. Посевная края под угрозой...

— Про посевную поговорим на заседании продштаба, — серьёзное лицо Мирона вытянулось, а глаза прищурились. — Меня хотят отчихвостить и дело передать в ЧК.

Он представил земляка присутствующим:

— Знакомьтесь! Комиссар чувашского отделения Наркома национальностей Платон Леонтьев! Прямо из Казани! Родом из деревни Хумуш!

Один за другим крепкие мужики пожимали руку Платона и коротко отвечали: «Кибек из Шохаль», «Фирсов из Мачамуш», «Назаров из Шинер», «Югин — Кюльхири» и начали задавать давно щемящие душу вопросы. Леонтьев обещал в конце совещания дать ответы и рассказать о делах по части образования Чувашской автономной области.

Заседание штаба по обеспечению продовольствием Красной армии началось бурно. Макаров не стал тянуть, с ходу пошел в атаку:

— Хлебная разверстка должна быть выполнена к пятнадцатому октября. В Нуросском ссыпном пункте недостаточно помещений и реквизированный хлеб необходимо оставить в имеющихся общественных амбарах — в бывших магазинах.

— Вы о чем говорите? — возмутился Мирон Ефимов. — У людей реквизировали посевной материал, и оставляете его на местах без охраны!

Макаров готов был разорвать на части этого неугомонного председателя сельсовета, но присутствие Леонтьева намного охладило воздух заседания.

— Обеспечьте охраной! Решение чрезвычайной комиссии волости для всех закон! — прокомментировал райпродкомиссар Кузнецов.

— Хотите, чтоб я сам встал под ружьё? — не сдавался Ефимов.

— Хватит рассуждать! — резко ответил Кузнецов. — На ночь поставим двух продармейцев!

— Я предупреждаю... — волновался Ефимов. — Когда у крестьян в амбарах ветер гуляет, в сусеках пусто, они за ночь опустошат наши склады. Не найдем ни виновных, ни хлеба.

— А сколько мешков крестьяне спрятали? — с иронией спросил Кузнецов.

— Не скрою, такие тоже имеются! Нельзя у жены красноармейца за одну овечку изымать всю тушу свиньи! У неё трое детей! Оставили без хлеба, заодно и без мяса. Что скажете красноармейцу?

— Не митингуй, Мирон Ефимович! — резко оборвал его Макаров. — Продотряд оставляет всем гражданскую норму. В деревнях коров режут без разрешения продоргана! За последний выезд конфисковали девять самогонных аппаратов, с крышками и медными трубками. Вы как представитель советской власти полностью запустили работу. Волисполком вынужден провести в Хумушах очередное собрание членов сельского Совета и поставить вопрос о вашем несоответствии!

— Это будут решать мои земляки, — ответил Ефимов.

Затем на ноги поднялся чрезвычайный уполномоченный уездного продштаба Шульман. Покашлял в кулак, поправил волосы и начал наступать:

— Мирон Ефимович! Мы уже готовы были передать дело на рассмотрение чрезвычайной оперативной продовольственной комиссии. Передумали. Жители Услабы, Хумуша и Кивьяла оказались более сознательными, высыпали в общую копилку больше всех зерна.

— Не высыпали, а насильно отобрали у них, оставили людей без семенного материала! — с болью высказал Ефимов.

Шульман не стал тратить времени на неуместного председателя сельского Совета. Подробно стал докладывать, что крестьяне волости ещё не выполнили план по сдаче государству фуража, картофеля, яиц, шерсти, мяса, меда.

— В Нуросской волости имеются поселения, поддерживающие контрреволюционную деятельность кулаков, — твердил уполномоченный. — В таких деревнях подразверстку необходимо провести в полном объеме, без всякого промедления. Молодая страна не имеет тары для перевозки хлеба и других продуктов. В волости необходимо организовать «Неделю тары»,

возобновить ткачество кулей, рогожи. Для борьбы со спекуляцией хлеба, с самогоноварением в каждой деревне, из числа комсомольцев и сторонников советской власти, создать специальные отряды.

Платон слушал, на газетном листе что-то записывал. Здесь встретились два человека одной власти. Один должен решить продовольственный вопрос для Красной армии, а другой — обеспечить посевную кампанию, не оставляя незасеянным ни один клин.

— Ещё одна проблема — лопаточный сбор, — продолжил Шульман. — Мельничные контролеры, принятые на общественные мельницы, стали на путь обмана. Необходимо взяться за дело. Сельские Советы не должны допускать размола хлеба без билетов. На всех мешках указать номер размольного ярлыка.

— Послушайте! — Мирон Ефимов крикнул возмущенно. Но не успел. Шульман прервал его и громко, со злостью, завершил свое выступление:

— Долой несознательность, спекуляцию и укрывательство! Позор бездействующим председателям сельских Советов! Да здравствует революционная работа в области продовольствия для рабочего класса и Красной армии!

На этом заседание закрыли. Председателей сельских Советов предупредили о необходимости еженедельно докладывать «о принятых мерах по выполнению планов продовольственной программы и борьбы с кулацкими элементами на местах».

Платон не стал выступать, только ответил на некоторые интересующие вопросы, обещал по итогам командировки собрать всех в волисполкоме. Разберется, примет решение, потом проведет необходимое совещание. Участие на таком заседании для него оказалось полезным, быстро разобрался в состоянии дел в Нуросской волости. Своим присутствием спас друга Мирона от репрессий, чиновники побоялись открыто нападать на него.

После совещания Платон остановил друга:

— Что ты кипятишься? Вопросы сформулированы своевременно, надо разобраться с самогоноварением, спекуляцией, растранижением хлеба и кулачеством. Люди выполняют свои обязанности. Но какими путями, какими методами, вот об этом необходимо подумать и разобраться...

— Разве я против политики государства и партии! — выдохнул Мирон. — Но посмотрите, что они вытворяют! Ради

плана губят хозяйства крестьян, перемалывают всех — богатых, середняков и семьи красноармейцев! Кому пожаловаться бедному мужику — идет к нам! Как мне поступить прикажете?

— Ладно, — ответил Платон. — Зайдем в волисполком. Ненадолго. Надо встретиться с председателем Никифоровым. Домой вместе пойдем.

Мирон кивнул.

Платону надо было доложить председателю волисполкома о целях приезда. Поговорить, что посевная на носу. Часть крестьян, из-за желания волостных чиновников любыми путями выполнить планы продразверстки, может остаться без семенного материала. Но встреча не состоялась, Никифоров срочно выехал в Ядрин.

По дороге Мирон выложил много интересного.

Встреча с родными была кратковременной — всего одна ночь. Узнал, что брат Серуш — комиссар в Красной армии, продолжает воевать с белыми и разными недобитыми контрами, обещал при малейшей возможности захватить дом. Федот и Лазарь подняли хозяйства, занимаются крестьянскими делами. Лизук вышла замуж за Рамана Екерова. Мать с отцом в полном здравии, помогают воспитывать внуков. Платон ушел утром и больше не нашел времени встретиться с родными.

В Казань вернулся через две недели. На стол председателя легла бумага, которая раскрывала состояние дел на местах:

«Сентябрь для чувашского народа является месяцем неустанных полевых работ, не позволяющий ему отрываться от дома, от родной нивы. Поэтому связь центра с деревней несколько замерла. Тем не менее, переживаемый революционный момент не дает чувашу с головой уйти в работу. Нет-нет да поступают письма, заявления, жалобы, написанные детским, наивным языком о том, что творится на местах.

Больше всего крестьян волнуют вопросы продовольственной разверстки. По Чувашскому краю ездят рабочие продотряды из Нижегородской, Московской, Вятской губерний. Они без разбору изымают хлеб, тем самым настраивают чувашских крестьян против советской власти. При этом избивают людей, пугают репрессивными мерами, расстреливают собак. В последнее время участились случаи изымания хлеба и продуктов питания сверх нормы с семей и вдов красноармейцев. Это надо пресекать, решать на губернском, уездном и волостном уровне.

Октябрьская революция освободила чувашей от гнета эксплуататоров. В какое-то время они, не имея предводителей, оказались оставленными на произвол судьбы. Враги, для удовлетворения темных целей, воспользовались таким обстоятельством. В результате со стороны угнетенного народа появились нежелательные действия против советской власти и его благих начинаний.

Бедный чувашский народ, не умея самостоятельно разобраться в нововведениях по улучшению жизни, жадно бросается на удочку каждого проходимца, агитирующего на родном языке.

Основным способом пропаганды идей социализма среди чувашей является обыкновенная газета. Но из-за отсутствия бумаги, она уже печатается в формате четверть листа. Статьи при этом получаются куцыми, с которыми приходится разбираться под микроскопом.

Считаю, что этот вопрос необходимо рассмотреть на ближайшем заседании Наркома национальностей и принять меры по их искоренению».

16

Такой бурной весны не помнят старожилы Нуросской стороны. За каких-то двадцать дней свершилось поистине сказочное превращение в природе. Разлилась река Хирлеп, затопила кусты. Грязная вода начала бушевать, взъерошенная, шумела, словно огромный паровоз на Вурнарской станции железной дороги. Вдруг вокруг треснуло, зашумело, ухнуло, сломалось, льдины двинулись в сторону моста. Пришедшие посмотреть на ледоход, старики и женщины ахнули: «Унесет ведь мост, устои не выдержат!». Дети радуются. Забавно, как вороны — хитрые, храбрые — развлекаются: плывут по течению на льдинах, внимательно следя за происходящим. Как только льды сталкиваются, начинают трещать, вороны, каркая, взлетают.

Около моста разыгралось целая трагедия. Набравшие скорость льдины, ударяясь об деревянные ледоколы, разбиваясь, проплывали под мостом. Скоро льдины запрудили реку и под напором начали давить на мост. Ледоколы не выдержали, скрылись в воде, устои под тяжестью несметной силы начали жалобно стонать, ломаться. Часть моста оказалась разрушена. Что делать, такова сила природы! Опять придется заниматься ремонтом.

Весеннее солнце, припекая все жарче, прогнало зиму, очистило землю от снега, согревая, раскрыла первые цветки, развернула зеленые листки.

Минуло три года со дня возвращения из немецкого плена Захара домой. Засучив рукава, он занялся тяжелым крестьянским трудом. Работал от зари до зари. Пахал, сеял, убирал хлеб, привел в порядок овин, гумно, заменил нижние венцы амбара. Несмотря на косые взгляды родных, подрядился трудиться на бывшей отцовской мельнице, ставшей после изъятия общественной. Уж очень просил председатель сельского Совета Мирон Ефимов оказать помощь. За работу получал приличную плату — ежемесячно два мешка первоклассной муки, смолотой своими руками.

Отец его, Узьяк Иванович, к осени захворал, болезнь резко обострилась. Перестал узнавать родных, путал их имена, ноги стали чернеть, от невыносимой боли стонал. Все пытались угодить, ублажать Узьяка Ивановича, от чего больной становился ребёнком. Нуросский фельдшер назвал это сахарной болезнью. Вся мужская работа и домашнее хозяйство легли на плечи Захара. Несмотря на занятость, он находил время посоветоваться, поговорить с отцом. Тем самым пытался продлить жизнь старому человеку. Но скоро отец умер — оставил большую семью сиротой.

Захар не попал в список мобилизованных в Красную армию. Его оставили в резерве, учли четырехлетний плен у германцев. Правда, несколько раз привлекали на перевозку красноармейцев из города Ядрина до железнодорожных станций Шихран* и Ибреси. За работу ничего не платили, но сокращали разные денежные и продовольственные налоги.

Одно время он совсем захандрил. Смерть отца, жестокое убийство Варвары вывели его из состояния равновесия. Не знал, куда себя девать. Ненавидел односельчан. «Откуда у них столько злости?» — думал он. В то же время пытался их оправдать. «Две войны, революция, потеря родных, разгул продовольственных отрядов, бесчинства комитета бедноты, разные гужевые и денежные налоги потихоньку накапливали в душе крестьян недовольство и ненависть, вот и выплеснули на Варваре», — пытался он утешить себя.

*Шихран — Канаш (населенный пункт).

В один из весенних дней во Втором Нуросском обществе состоялось бурное собрание по избранию нового состава сельсовета и Захар Узяков неожиданно-негаданно согласился тянуть лямки председателя. Мирон Ефимов проработал два срока, новое положение о сельских Советах крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов не позволяло избрать его на третий срок, хотя народ готов был за Ефимова проголосовать ещё раз. Бывший председатель уговорил народ, сам предложил кандидатуру Узякова на эту должность, народ, наконец, согласился и поднял руки за нового председателя сельсовета.

Вот уже третий месяц Захар без отдыха занимается вопросами укрепления советской власти в родных деревнях. Решает посевные дела, борется против самогоноварения, хотя не по душе, но выполняет вопросы продрозверстки.

Сегодня середина апреля. Зацвели одуванчики, ранние цветы, береза пошла в лист. Природа раскрыла землю для приема сельскохозяйственных культур. Крестьяне, завершая зимние дела, до следующего снега убрали всю санную сбрую, после бурного половодья подготовились к посевным работам.

Пуще всех радовались пригожей погоде женщины. За зиму они успели произвести льняные холсты. До посева огородных культур самое время отстучать вытканые долгими зимними вечерами полотна. Их золили, парили в горячо натопленной печи, промывали, отбеливали на чистом снегу, под прямыми весенними солнечными лучами, а сейчас самое время просушенные холсты положить на колоду.

Сначала отбивают узкие полотна с красными краями для сурбанов, они отбелены с обеих сторон. После берутся за простые, настланные одной стороной холсты, отчего внутренняя сторона темная.

Женщины с утра прихорашиваются, одеваются как на праздник. У кого в доме живет менее четырех крепких баб, объединяются для проведения дня колотушки. Мужчины приняли самое активное участие: почистили колоды, с внутренней, пустой части убрали мусор, прослушивали, как звучат они при ударе. Колоды мужики подготовили на совесть, по звукам можно определить — у кого бьют, сколько холстов выткали за зиму.

У Захара хорошее настроение — напевая, во дворе удобно установил колоду. С двух сторон вбил колы, к ним привязал

старые лапти. Поочередно наступая на них, проверил, как они удерживают холст, не мешают ли женщинам махать колотушками. В прошлом году Захар собственноручно изготовил новую колоду и отшлифовал её до блеска, чтобы ни один сучок или небольшая щепочка не испортили холст. Смастерил две дубовые и две яблоневого колотушки разной толщины, но одинакового веса.

Вскоре во двор вышли женщины, они несли холсты, вытканые собственными руками. «По сугробам протянулась, стала белее снега; если часто поколотишь, стану мягче шерсти», — так они обратились к колоде со своими просьбами. Прошли вокруг неё, хлопая руками холсты и напевая старую песню о льне.

Крестьянину нельзя обходиться безо льна так же, как без ржи в пище. Лен чуваша разводят для домашних нужд. Всякий порядочный хозяин оставит на своем яровом поле небольшую полоску под эту культуру. Волокна идут на пряжу и холсты, семена — на масло. Из полученного полотна шьют одежду, нижнее бельё.

Взрослому понятно, но дети ненавидят эту культуру. На то есть причины. Сколько мороки, сколько труда приходится вкладывать — выдергивать с корнем, вязать в снопики, сушить, молотить, затем вымачивать в стоячей воде десять-четырнадцать дней, вывешивать на сушку, мять на мялке, трепать, расчесывать. Когда подходят дни обработки льна, родители становятся строгими и неумолимыми, заставляют детей с утра до ночи трудиться.

Любит Захар смотреть за работой женщин. Бог создал их сильнее духом. У них любое доброе дело получается сноровистее, как бы играючи. Вот они завершили хоровод вокруг колоды, положили первый холст, Аниса наступила на лапоть и веревка натянулась. Холст лежал крепко, он не падал при самых сильных ударах колотушкой.

«Тук, тук, тук...» — начала колотить Аниса дубовой колотушкой холст. Звук дуплистой колоды прошелся по дворам и улицам деревни. Через несколько ударов присоединилась Таюк, сестра Захара. Она ударила по колоде яблоневой колотушкой, и звук от неё полетел другим звуком — «Ту-ук, ту-ук...». К ним присоединилась Орина. Колода уже набирала свой голос. Звуки от трех колотушек поплыли «тук, ту-ук, тук, тук, ту-ук, тук...». Когда уже за дело взялась двоюродная сестра Тоня, двор и улица загудели, заиграли, будто от ритмичной барабанной дроби «Тук-ту-ук-тук-ту-ук! Тук-ту-ук-тук-ту-ук...».

Кажется, ждали женщины деревни, к ним присоединились звуки другой, третьей, четвертой колоды, скоро около десятка дворов колотили холсты, готовили ткань для новой одежды.

Захар как ребенок радовался долгожданному празднику, внимательно слушал каждый звук и старался угадать, в каком дворе колотят. Несколько песен колод он помнит с детства, но сейчас появились новые, более звонкие. Все они чередовались и затихали, когда женщины меняли холсты или останавливались на отдых, потом вновь возобновлялись чарующие звуки:

— Тук, ту-ук, тук, ту-ук! Тук, ту-ук, тук, ту-ук!..

— Думаю, для острастки стоило бы натянуть веревку на мужиках и колотить для своего удовольствия, — серьезно сказала Аниса. — Может быть, немного одумаются, перестанут друг друга убивать на войнах?

— Не мужики, а цари начинают войны, кидаются на чужое добро, делят добычу, дерутся между собой, — ответил ей Захар.

— Нам все одно кого колотить, — хохотала Орина. — царя или мужа, всех бы одинаково отлупили.

— Я своего готова положить вместо холста, получила бы полное удовольствие на всю оставшуюся жизнь, — серьезным взглядом посмотрела Тоня на брата.

— Хорошо хоть родился мужиком, — засмеялся Захар, — пришлось бы зимними вечерами сесть за прялку. Мороки больше, чем надевать новую рубашку.

— Над нами смеёшься? — удивленно спросила Таюк.

— Нет, над холстом... С утра колотят всей деревней.

— С ленцой, таким уж уродился твой мужик, знала, сама выбирала, сама за него выскочила, — сказала Аниса, поправляя платок.

— Думала, перебесится.

— Мечтатель он, — пожалел зятяка Захар. — Человек не плохой.

— За дурака не пошла бы, — улыбнулась Тоня, услышав слова брата.

Женщины больше не стали терять время на разговоры. Освободив веревку, сняли мягкий холст, на его место положили более грубый, толстый, и вновь заиграла дробь в руках у женщин.

— Тук, ту-ук, тук, ту-ук! Тук, ту-ук, тук, ту-ук!.. — пели деревенские колоды...

Зря волновался Захар.

Сельский исполнительный комитет успел подготовиться к проведению первой демографическо-профессиональной сельскохозяйственной переписи, но для окончательного уточнения подробностей Узяков ещё раз собрал заседание.

Помнит он, как в конце прошлого века в дом вошел волостной писарь. Открыл большую книгу. Она была разделена на две части. На правой стороне чернильной ручкой вывел фамилию и имя отца, имена всех душ мужского пола, их возраст, а на левой стороне книжки вывел имена женщин. Больше ни о чем не спрашивал, не интересовался. Закрыл переписную книгу и отправился к соседям. Говорили, что он проводит ревизию душ, чтобы обложить налогами мужиков.

С тех пор прошло более двадцати лет. Сейчас другое время, другая нужда. С июня волостные шумят — уточняют, дополняют, обучают, как провести сельскохозяйственную перепись населения.

«Между тем», — извещали газеты. — В настоящее время, когда народное хозяйство перестраивается заново сверху донизу, когда в социалистическом строительстве невозможно ступить ни шагу без точных сведений о составе населения и его занятиях, статистические данные должны осветить разнообразные стороны важнейшей жизни великого народа, быть может, за тысячелетний период его истории».

Переписи наметили начать до продовольственной кампании, то есть 15 августа по старому стилю — в день церковного праздника — Успение Богородицы. Это время было выбрано осознанно, опрашиваемые легко могли вспомнить события, произошедшие до и после празднества.

После начинается работа в овинах. Тяжелый изнурительный труд, сменяющийся разными заботами до самой зимы — молотьбой, рушкой круп из зерна, подготовкой к зимнему прядению и ткачеству.

Хумушский сельсовет тщательно подготовился ко дню переписи. Захар Узяков назвал инструкторов, скрупулезно изучил все инструкции, формы переписи, рассказывал об этом населению. Регистраторами назначил двух школьных учительниц и бывшего офицера царской армии. Хведер Лукин согласился переписать жителей деревни Хумуш, Ольга Смирнова, Дарья Мокеева взяли на себя деревни Кивьял и Услабу.

— Перепись проводится поименно, единицей обследования служит каждый человек, — повторял Захар Узяков, настраивая регистраторов на плодотворную работу.

Регистраторы тоже не сидели сложа руки, зубрили программу переписи. Получили основные формуляры — в первую очередь личные листки, содержащие восемнадцать вопросов, позволяющие охарактеризовать население по полу, возрасту, национальности, родному языку, месту рождения, семейному состоянию, грамотности, профессии, по наличию физических недостатков, психических заболеваний и участию в двух последних войнах.

Но одно не предусмотрели местные переписчики. Сельское чувашское население не имело фамилии, их записывали по имени родителей. Если отца звали Петром, сын Иван становился Петровым, но дети Ивана уже не Петровы, а Ивановы. Поди, разберись — кто чей и откуда? Если провести такую перепись, то при обработке материалов получится полный хаос, сумятица.

Тут подкралась другая беда. Кто-то пустил слух, что целью переписи является отправка отдельных мужиков на фронт, а незамужних женщин в Германию. Испугались люди, обещали не пустить в дом регистраторов. Пришлось Узякову собрать чрезвычайное совещание сельского исполнительного комитета, пригласить туда активистов, сторонников советской власти и ещё раз разъяснить цель переписи и заодно попросить помощи — в деревнях провести широкую агитацию, чтобы не сорвать мероприятие.

Подействовало. Утром 15 августа все три регистратора, для уверенности, для совместного определения возможных неурядиц, вместе с Захаром Узяковым вошли в дом хумушского Мигулая Ахванасьева, недавно объявившего новоселье.

— Раз уж пришли, милости прошу, — шутливо встретил их хозяин.

Захар коротко объяснил старшим цель прихода и попросил ответить на ряд интересующих государству вопросов. Тут и началось!.. Мигулай категорически отказался носить фамилию Ахванасьев. В чем была причина? Трудно разобраться. Перебрали другие имена прямых родственников — не подошли, не понравились.

— Вот что! — сообразил Захар Узяков. — У кого в деревне столько скворечников? Кто первым в деревне слушает песни весенних птиц? Если твой род в дальнейшем будет носить фамилию Скворцов — нет возражений?

— Жену... детей как будем записывать? — заинтересовался Мигулай.

— Дети, внуки, правнуки по мужской линии и их жены будут носить тоже фамилию Скворцов, — пояснил Захар.

— Тогда записывай! — обрадовался Мигулай. — Господь так пожелал, попросил меня изготовить в этом году ещё пять скворечников. Пусть члены моей семьи станут Скворцовыми.

Так и решили, в одночасье Мигулай Ахванасьев, его жена Елине, сын Анисим, две дочери — Анюк и Маюк стали носить фамилию Скворцовы.

— Кому что нравится: собаке кость, кошке молоко, — ответил Захар, увидев удивленные глаза регистраторов.

На другой день все три деревни гудели. Успел Мигулай похвастаться, доложить мужикам, что у него с сегодняшнего дня другая фамилия — Скворцов. Это он придумал сам. Пошло — поехало!.. Регистраторы не успевали записывать в личных листках новые фамилии. Кто любил птиц, стали: Чирковы, Ласточкины, Сорокинины, Воробьевы, Кураковы, Галкины, Орловы. Семья кудрявых присвоила себе фамилию Кудрявцев, черненьких — Чернов, светленьких — Белов. Кто в хозяйстве держал много разных домашних животных и птиц — стали Индюковыми, Петуховыми, Козловыми, Уткиными. Некоторым помогли деревенские клички, прозвища. Раз однажды залез в чужой огород за репой, или урожайность овощи в хозяйстве отменная — будь Репиным, умел выращивать раннюю, молодую луковицу стал Луковым. Дальше всех «пошел» Ехрем Куликов. Он где-то в книге увидел разные машины и выбрал себе новую фамилию — Машинов. Но часть деревни осталась верна именам своих родственников. Они всей семьей выбирали фамилию по имени отца, деда или прадеда.

— Кому лисий тулуп, кому дверной пробой, — шутили мужики.

К десятому сентября регистраторы доложили Захару Узякову о завершении переписи. Вместе проверили документы, прошнуровали и первыми отнесли в волисполком.

Волостные чиновники сверили бумаги, проанализировали личные листки и единодушно решили: «Меняются в деревне люди, не хотят жить по старинке. Отреклись от царя, победили эксплуатацию, отказались от старого — записали в личных листках новые фамилии, жаль только не революционные».

Не успели завершить перепись населения, Ядринский уездный отдел народного образования поручил волостным школам организовать классы для неграмотных детей и взрослых. Во всех документах, присланных на места, доводились плановые цифры и требования: в два этапа, в шестимесячный срок ликвидировать безграмотность. На первом этапе следовало научить читать и писать всех неграмотных жителей в селах и деревнях, где имеются школы. Второй этап предусматривал, обучить грамоте население тех поселений, где отсутствуют школы. Георгий Алексеев, прочитав этот документ, поразили масштабом безответственного отношения чиновников ко всему образовательному процессу.

— Сколько же можно врать и не понимать реальной ситуации?— вслух высказался он в кабинете председателя волисполкома.

— Что?.. — сердито посмотрел на него Никифоров. — Ваше отношение ко всему образовательному процессу трудового народа мне давно не нравится. Может, перейдете работать в школу?

— Почему бы нет? — спокойно ответил Алексеев.

Новый учебный год Георгий начал заведующим в Хумушской четырехклассной трудовой школе. Она расположилась на переулке Кучук, сегодня в одном помещении собрались почти шестьдесят учеников от шести до двенадцати лет. Из-за нехватки мест многие стояли, а некоторые устроились прямо на полу. На четыре класса учителями были дочь нуросского дьякона Ольга Смирнова и приезжая из Аликово Дарья Мокеева.

Георгий Алексеев уверенно вошел в класс, увидев его, дети вскочили на ноги и хором закричали:

— Здравствуйте, учитель!

Не ожидал Георгий Алексеев такой встречи. Обычно он первым желает здоровья детям, потом они отвечают. Поэтому объяснил им, как встречать учителя, как вести себя на уроках. Он хотел поближе познакомиться со школьниками. Вытащил из сумки бумагу, начал записывать фамилии и имена детей.

Впереди сидели самые маленькие, им было не больше шести-семи лет.

— Как тебя зовут? — обратился учитель к красивому с кудрявыми волосами курносому мальчугану.

— Хведер.

— Отца как величают?

— Агте... — удивленно ответил он.

— Никандром, — встал на ноги мальчик лет десяти, — Кудрявцевы мы, я Петр Кудрявцев.

— У них там все кудрявые, — захихикал другой, такого же возраста школьник. — Поэтому они Кудрявцевы.

— Ты — Кураков! Твой дом выпачкили кураки*, вьют гнезда на ваших ветлах, значит ты Кураков! — не сдавался старший Кудрявцев.

— Не Кураков, а Ильин... Онисим Ильин, — обиделся тот.

Что тут началось. Дети разом, перебивая друг друга, начали рассказывать о переписи населения. У всех появились новые фамилии. Вот и собрались в школе Кураковы, Ласточкины, Орловы, Чирковы, Воробьёвы. Не школа, а птичья стая. Георгий долго смеялся от рассказов и сообразительности детей, потом еле успокоил их.

— Не стоит передразнивать фамилиями, — сказал учитель. — Они определены вашими родителями и не будем никого обижать. А имена даны при таинстве крещения с Божеским благословлением.

— Бога нет! — возразил Онисим Ильин. — Не он, а родители дают имена своим детям. Русские имена нам приписывают в церкви.

Удивился Алексеев: откуда у десятилетнего мальчика такие знания? Кто его научил, кто рассказывал?

— Может быть, и нет бога, — согласился с ним учитель. — Взрослые верят во что-то, оставим это дело для них. А мы продолжим знакомство.

Учитель успел записать в тетрадку всех школьников с первого по четвертый класс. Закончился первый урок. Алексеев разрешил детям немного порезвиться во дворе и по звонку собраться в класс. Но мало кто покинул помещение, дети продолжали знакомиться друг с другом, ведь они собрались в школу из трех деревень.

На втором уроке учитель хотел уточнить, кто умеет читать и писать, считать до ста, кто может угадать время, кто знает названия дней недели. Такими оказались больше половины мальчиков и две девочки — Аниса Белова и Марфа Миронова.

*Курак — грач.

Они же знали буквы чувашского алфавита. Остальные были неграмотные.

— Скоро мы с вами изучим буквы и цифры, со временем будем читать книги, решать задачи.

— Научите нас угадывать название дней? — попросил тот же Ильин.

— Их не угадывают, они сами приходят и уходят, мы научимся называть дни недели своими именами, — ответил учитель, потом процитировал русскую поговорку:

— Здравствуй, понедельник! Как поживаете, вторник? Неплохо, среда! Вот прикажу от имени четверга сказать пятнице, чтобы она готовилась в субботу погулять с воскресеньем.

— Ничего не понял, — удивился мальчик.

— Неугомонный ты. Если сильно постараться, то за год научишься многому, будешь образованным человеком.

— Нет! Это долго!.. Я должен одолеть всё за месяц. Дальше родители не разрешат.

Георгий Алексеев опешил. Торопится мальчик. Ему десять лет, он ещё мало знаком с чтением и счётами, но хорошо разбирается в крестьянских делах. Надо заниматься с ним, кто знает, может и выйдет из него толк.

— Мы с тобой даже после уроков можем заниматься, если есть желание. Только трудновато будет.

— Выдержу... Труднее серпом рожь убирать.

Дети внимательно наблюдали за разговором грамотного учителя уже со взрослым учеником. Деревенские дети чрезвычайно любопытны, вот и сейчас своими зоркими глазами следят за каждым движением учителя. Они смотрят на Георгия Алексеева как на самого умного, образованного человека на свете.

— Вы видели часы? Почему они неустанно стучат? Тик-так, тик-так... Они измеряют пору. Если часы перестали тикать, то время не останавливается, шагает вперёд и вперёд. Прошел первый урок, его обратно никогда не вернешь. Только мысли возвращаются назад. Час назад я вошел в класс, теперь мы знакомые люди. Сейчас я вам расскажу о человеке, который остановил время бесправия, угнетения, невежества и запустил новые часы — время равноправия.

— Продотряды... почему грабят крестьян? — спросил вдруг старший Кудрявцев.

Георгий Алексеев прервал рассказ и стал объяснять, что во время урока учителя нельзя перебивать, для этого надо поднимать правую руку, спрашивать разрешения. Кто-то Петра Кудрявцева щелкнул по голове, другие стали его ругать: «Зачем остановил учителя?». Алексеев продолжал дальше:

— Не хотят богатые сдавать власть в руки рабочих и крестьян. Против них пошли войной буржуи других стран. Их прогнали, но война ещё продолжается далеко в Сибири и на западе. Придет время, по небу будут летать железные птицы — аэропланы. Пахать, сеять, убирать хлеб будут машины, в городах построят высокие, десятиэтажные дома, может кто-то из вас полетит к другим планетам. Вот этого человека, который дал нам свободу, помог печатать чувашские книги, открыл много новых школ — зовут Владимир Ильич Ленин.

— Он комсомолец? — опять перебил его Петр Кудрявцев.

— Нет. Он большевик. В комсомол принимают только молодых. Ленин не молодой и не старый, ему всего пятьдесят лет. Почему ты спрашиваешь?

— Вчера по нашей деревне ходили нуросские церковные монахи с иконами. Собирали деньги, яйца, вышитые полотенца. Пели песню, что на землю спустились человекообразные двуногие существа, их называют комсомольцами. Требовали их четвертовать, отрезать руки-ноги. За это Бог, говорят, простит самый страшный грех. Дядя Захар — прогнал монахов, и они ушли в сторону Карачуры. Ещё обзывались, дразнили его еретиком, сатаной.

— Не верьте им. Пока в наших деревнях комсомольцев нет, вот в Нуросе около десяти человек. Ниоткуда они не спустились, родились и выросли в селе, у них тоже есть родители. Молодые парни и девушки организовали ячейку, можно сказать, свою семью — помогают ликвидировать безграмотность, ставят спектакли, проводят субботники — бесплатно убирают улицы от хлама, устраивают праздники для детей.

— Выходит, монахи обманывают?

— Темные они люди. Говорят чужие слова, хотят нас запугать, поссорить друг с другом. Вы на них не обращайтесь внимания. Мы будем заняты другими делами, научимся читать и писать, познавать мир.

— Как это — познавать? — удивился Онисим Ильин.

— Изучать алгебру, историю, географию. Станете всесторонне образованными, грамотными людьми.

В это время в дверь заглянул Захар Узяков. Впереди него стояла дочь Машшук, значит, опоздали в школу по какой-то, видимо, уважительной причине. Очередной урок тридцати трех школьников деревень Хумуш, Услаба и Кивьял подошел к концу. Учитель отпустил детей на перерыв. Толкая друг друга, они выбежали во двор. Георгий обнял за плечи друга Захара, посмотрел на детей и вслух сказал:

— Кем же они будут? Хлеборобами, рабочими, инженерами, учеными? Может, кто-то из них станет учителем, расскажет своим ученикам о достижениях новой власти, о Ленине, о Советском государстве. Дети пока не поняли, что означает алгебра, история и география, но душой поверили, что они будут жить в новом обществе, без эксплуататоров и кулаков.

К вечеру учителя распределили детей по классам и отправились по домам, дальше решать вопросы ликвидации безграмотности среди сельского населения.

17

Чувашский отдел Наркома национальностей в полном составе переехал в Чебоксары.

Платон прибыл туда рано утром на пароходе. Небольшой уездный городок разместился в ложбине, только некоторая его часть на косогоре, на высоком берегу Волги. Здесь нет никаких торгово-промышленных заведений, нет того заводского, портового шума, как в Казани. Единственный кирпичный завод, своим еле заметным дымком окрашивает небо. Не видно автомашин, нет трамвайного грохота. Главная улица начинается у берега реки и тянется всего до полутора верст. Зато ярко блестят в утренних лучах солнца позолоченные купола церквей — гордость маленького города.

Местный народ называет это поселение белым городом — Шубашкар. Он имеет свою почти 350-летнюю историю. Не раз отмечен многочисленными баржами, увозившими хлеба с пристани, крестьянскими бунтами, пожарами, уничтожавшими деревянные части города. Здесь проживает около пяти тысяч человек, люди, как в деревне, знакомы друг с другом.

Таким встал город Чебоксары перед Платоном Леонтьевым в раннее июньское утро 1920 года. Здесь он второй раз, сейчас направлен на ответственную партийно-хозяйственную работу.

Прибывший народ не вышел за пределы речной пристани. Это не насторожило Платона, он пешком отправился в сторону революционного комитета. Не думал, что в таком маленьком уездном городишке действует запрет на ночное хождение без специального пропуска. В стране идёт гражданская война, многие города и поселения находятся на военном положении.

Солнце уже поднялось, но, как ни странно, не видно людей. Платон шел не торопясь, наслаждаясь слабой утренней прохладой.

— Стой! Ваши документы! — услышал он строгий мужской голос и щелканье затвора винтовки.

Леонтьев остановился. Незнакомый город, чужие люди, от них всего можно ожидать.

— Пропуск! — подошел к нему один из двух вооруженных красноармейцев, а второй держал Леонтьева под прицелом ружья. У патруля на рукавах — красные повязки.

Платон вытащил свой мандат и предъявил подошедшему.

— Чувашский отдел Наркома национальностей... — прочитал он по слогам. — Эти документы здесь не действительны. Придется пойти с нами.

— Я только сейчас прибыл из Казани, не успел получить пропуск. Мне необходимо попасть в Ревком.

Красноармейцы его не слушали, повели обратно к пристани. Платон не стал сопротивляться. Дежурный караульного помещения прочитал мандат, повертел в руках, бросил на стол, скомандовал:

— Раз привели, сидите, пока не разберемся.

— Меня ждет комиссар Иван Ефимович Ефимов, — вспомнил Платон полное имя нового военкома.

Это сразу подействовало на дежурного караульной службы. Он ушел, но скоро вернулся, вернул Леонтьеву документ и приказал проводить его до Ревкома.

Шагать пришлось недолго. Дом бывшего купца Ефремова находился рядом с площадью, названной Красной. Увидев их, постовой вскочил на ноги, проверив мандат Леонтьева, пропустил. Они поднялись на второй этаж. Несмотря на раннее утро, специальная комиссия продолжала работать — одни сдавали,

другие принимали дела под опись. Люди громко разговаривали, записывали в тетрадь каждый стол, стулья, мебель, даже печные приборы были предметами спора. В это время Платон увидел члена революционного комитета Лукина. Он тоже заметил его, догадался, что Леонтьева сюда привел патруль.

— Не обижайся, — объяснил Лукин. — Пришлось принимать строгие меры. В темных уголках города по ночам шастают всякого рода дезертиры, шпана, спекулянты, мошенники. Сложная обстановка.

— Сам что с утра взъерошенный? — поинтересовался Леонтьев.

— Воюю с работниками городского коммунального отдела, пытаются на нас зарабатывать. Чтобы взять этот дом под новое правительственное пришлось пригрозить.

Лукин поблагодарил сопровождающего красноармейца, Платон на прощанье крепко пожал ему руку, но тот даже не улыбнулся, с серьезным видом покинул помещение.

— Где Эльмень? — спросил Леонтьев.

— Ещё дремлет... Два часа назад освободился и отдыхает в кабинете, — кивнул Лукин в сторону одной из комнат. — А мы пойдем пить чай, на первом этаже есть кипяток...

Не успели они наполнить свои кружки, в комнату вошел Даниил Семенович. Поздоровался, поинтересовался новостями губернского города, сходу дал задание Леонтьеву.

— Платон Саварович, тебе особое поручение. Раз прибыл на помощь, запрягайся, — машинально взял кружку Леонтьева и отпил несколько глотков. — Аппарат уисполкома не выдерживает напора, повышенных темпов работы, скрипит, дает перебои. Даже машинистка вчера от нас сбежала. Твоя задача: найти её или обеспечить Ревком новой машинисткой. Потом... Потом займись подбором агитаторов. Весть об автономии уже облетела все закоулки Чувашии. Чебоксары буквально осаждаются толпами ходоков. Но не забудь — утром мимолетное совещание по вопросу мобилизации работников уисполкома на помощь ревкому, днем — митинг на Базарной площади, вечером — общегородское партийное собрание, а ночью... ночью — совещание Ревкома. К вечеру надо обеспечить контроль охраны революционного порядка по городу, лучше всего личный обход с красноармейцами. Завтра — другие дела.

— Я уже познакомился с патрулем, — выпалил Леонтьев.

— Это ещё что. Позавчера на бульваре Степана Разина Реввоенсовет в полном составе попал под облаву, — засмеялся Эльмень.

Платон Леонтьев третий год работает с этим неутомимым большевиком. Поэтому знает: необходимо коротко записывать поручения и доводить их выполнение до конца. И на этот раз он не отказался от старой привычки, что понравилось председателю Ревкома.

— Подробности обсудите с Лукиным, — твердо дал понять всем, что никаких возражений не принимает, только изнурительный труд во имя и блага революции, во имя процветания Чувашской автономной области.

Эльмень допил чай и поднялся в кабинет, за сутки превращенный в центральный штаб Революционного комитета Чувашии.

Леонтьев с Лукиным зашли в соседнюю комнату, где уже собрались работники Ревкома, обсудили с ними задачи, поручив каждому персональное задание, разошлись по делам.

На выходе Леонтьев столкнулся с работниками подотдела печати и агитации Наркомнаца. Обрадовался, агитаторы нашлись сами. Они вместе отправились на пристань. По дороге договорились о делах. По улицам везде и всюду снуют люди. Лица у них светлые, счастливые, но ещё до конца не понимающие глубокий смысл этой радости. К пристани уже подвалил агитационный пароход «Красная Звезда». Прямо на пароходе оборудован зал для слушателей и развёрнута типография. Руководитель агитпарохода — молодой, небольшого роста, уже лысоватый Артем Карпинский громко командовал, отправляя листки многотиражки по городу. На самом пароходе артисты готовятся показать посетителям пьесу «Мы и они». Вокруг кипит работа, агитаторы толково рассказывают собравшимся горожанам о значении образования Чувашской автономной области, о польском фронте, о необходимости укреплять революционную законность, о всемерной — физической и материальной — поддержке Красной армии.

Так прошел день, второй, целая неделя. Платон Леонтьев днюёт и ночует в Ревкоме. О семье некогда подумать. Он правильно поступил: сразу не привез их в Чебоксары. Жить негде, местные жители чужим не хотят сдавать жилые помещения,

даже перевозку на левый берег Волги выполняют неохотно, часто отказывают:

— Моя лодка, что хочу, то и ворочу... Каждого перевозить — наччас и лодку угробишь.

В Казань удалось выехать всего один раз, когда отправились на десятидневную командировку по маршруту Казань — Кузлавка — Цивильск — Нурос — Ядрин. По дороге во всех уездных и волостных центрах проводили митинги. Чувствовался огромный интерес народа к вопросу об автономии области, страстное желание завершить гражданскую войну, взяться ликвидировать безграмотность.

В начале августа в двухэтажном деревянном доме по улице Большая Чувашская Платон получил небольшую комнату, из Казани перевёз семью. От Федота получил письмо, что отец своими глазами хочет взглянуть парад трудящихся в честь образования Чувашской автономной области, просит встретиться 18 августа в Ишлеях. Савар Леонтьев пятьдесят верст отмахал за двенадцать часов, Платон сам лично его встретил. Для отца взял пропуск около трибуны, пусть праздник навсегда останется в его памяти.

* * *

20 августа. День выдался как никогда ясный. В десять часов утра Красная площадь заполнилась колоннами демонстрантов. Везде и всюду развеваются транспаранты, красные знамена. Площадь облепили любопытные крестьяне и крестьянки из ближайших деревень. Рядом с ними, озираясь по сторонам, тихо стоят дети. Колонны демонстрантов исполняют революционные песни. Эта площадь никогда не принимала столько народу, здесь в жизни не проходил такой грандиозный праздник. Молодежные отряды с красными повязками на рукавах зорко следят за порядком. Для проведения торжественного парада часть площади оставили свободной. Оттуда должны появиться члены ревкома на открытых четырехколесных пролетках. В середине площади ночью установили временную трибуну. Платон с отцом и со своими товарищами стоит около неё и чуточку нервничает.

— Где этот усатый фотограф Румянцев?

— Вон, там он! — подсказал кто-то из товарищей. — На крыше коммунистического клуба устанавливает треногу.

Действительно так. Они вместе с другим фотографом Тимкиным с крыши дома Дряблова перебрались на крышу клуба и спешно готовятся запечатлеть праздник для истории.

В 12 часов дня ударил колокол с каланчи. Сразу же со стороны улицы Большая Чувашская появились две автомашины с открытыми верхами. Как только пролетки приблизились к трибуне, командующий парадом Пучков, зычным голосом крикнул: «Смирно!». От неожиданности народ вздрогнул, все как один повернули головы в сторону трибуны. Члены Ревкома вышли из машин и начали обходить колонны, поздравляя с образованием Чувашской области. Их приветствия каждый раз сопровождаются громовыми аплодисментами и радостным: «У-у-р-р-а-а»...

Члены Ревкома, представители делегации недавно созданной Татарской республики, гости из других городов поднялись на трибуну. Вперёд вышел Даниил Семенович Эльмень:

— Товарищи! В недавнем прошлом на первом Всероссийском съезде секций и ячеек Российской Коммунистической партии, активных работников коммунистов-чуваши была принята резолюция о выделении чувашского народа в самостоятельную единицу! СНК и ВЦИК предоставили так называемым в царское время инородцам, нынешним трудящимся право организовать автономную область! Для чувашского народа теперь открыта большая дорога! 24 июня 1920 года Всероссийский Центральный исполнительный комитет и Совет Народных Комиссаров подписали декрет об образовании Автономной Чувашской области, как части Российской Социалистической Федеративной Советской республики с административным центром в городе Чебоксары! В состав коей включили Цивильский, Ядринский, Чебоксарский уезды в полном составе, Янгильдинскую, Сундырскую, Татар-Касинскую, Акрамовскую, Мало-Карачкинскую волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, Атаевскую, Курмышскую, Алгашинскую волости Курмышского уезда, Хомбуть-Батыревскую, Муратовскую, Тархановскую, Шемуршинскую, Шамкинскую волости Буинского уезда Симбирской губернии! Всем жителям настала свобода творить полезное!.. Да здравствует Советская власть, вызволившая малые народы к свободе! Да здравствует Автономная Чувашская область! Да здравствует вождь мирового пролетариата — товарищ Ленин!

Площадь покрылась бурными, долго не смолкающими аплодисментами и громкими: «У-у-р-р-а-а!».

Объявление автономии вызвало волну ликования людей. После каждой произнесенной приветственной речи гостей и членов ревкома колонны взрывались с криками: «Ур-ра! Ур-ра!».

Вот Лев Лукин зачитал постановление Ревкома. Собравшиеся на праздник единодушно поддержали решение: в ознаменование объявления Автономной Чувашской области в саду имени 1 Мая поставить памятник, учредить в Чебоксарах государственный театр, университет, построить на Красной площади Крестьянский дом, соединить железнодорожной линией областной центр со станцией Шихраны и переименовать эту станцию в Канаш.

Митинг завершился. Савар стоял около трибуны и смахивал рукой слезы радости от гордости за свой народ.

— Что с тобой? — подошел к нему Платон.

— Ты видел... вот оказывается... какой смысл приобретают все наши тяготы жизни, потери. Люди поверили большевикам, почувствовали вкус чистого воздуха свободы. Это моя родина, и называется она Чувашия...

Митинг закончился, но демонстранты и не думали расходиться, с революционными песнями торжественно шествовали по улицам столицы Чувашской автономной области города Чебоксары...

* * *

Не успел Савар Леонтьев вернуться домой, деревня загудела.

— Комиссар Серуш Саваров с войны приехал! В красных шароварах, с саблей на боку, с красной звездой на папахе! — кричали деревенские мальчишки, оседлавшие палки, размахивали самодельными деревянными мечами, изображая отряд кавалеристов.

Люди побросали домашние дела. К дому Савара Леонтьева их набежало довольно много. Комиссар к народу вышел немного навеселе.

— Сейчас я не тот Серуш, а красный комиссар Сергей Саварович Саваров, — строго заявил он народу.

Бабы и ребятишки с любопытством, а некоторые опасливо смотрели на него. Пять лет назад проводили парня на германскую

войну. Вот он стоит перед односельчанами — живой и здоровый. Рядом родители, не скрывающие радости и гордости за своего прославленного сына. Со стариками Сергей здоровался с поклоном, мужиков обнимал, хлопал по спине, а молодым просто кивал. Он возмужал: плечи раздались, грудь колесом, на голове ладно сидит папаха, на ней сверкает красная звезда. Но перед его усами даже старики не устояли.

Первым к нему подошел Мигулай Скворцов. Внимательно изучил комиссара с головы до ног и произнес:

— Аха! Много, много слышали о нашем земляке, о красном комиссаре Саварове. Хорош... боевой... боевой! Бесстрашный борец за дело революции! Радумся всей деревней. С каждым днем множились твои подвиги, мы тебя величаем героем. Враги называют тебя сатаной, германским шпионом. А нуросские большевики нарекли тебя усатым революционером, а мне кажется, что у тебя усы чужие, приклеенные. Можно потрогать?

— Подергай, если не веришь, — наклонился к нему Сергей.

— Сзади, сзади потрогай! Может там от страха перед белыми камешки приклеились, — хихикнул Игнат Шеботов.

— Такие слова сейчас не уместны, оскорбляют нас! — зло посмотрел на него Савар.

— Кто его сюда звал! — сурово сказал Петр-казак.

Народ загоготал, зашумел:

— С белыми воевать, не языком чесать!

— Игнат давно пропил человеческий облик и свой стыд!

— Гоните его отсюда!

Шеботов не стал раздражать народ, тихо удалился. Он стал пугливым: после разгона комитета бедноты многие на него смотрят косо, так и ждут удобного момента, чтобы расквитаться.

Народ тут же забыл о Шеботове, попросил Сергея рассказать о Красной армии, о белых, о политической обстановке. Люди начали устраиваться, где придется — молодые на земле, а старшие сели на бревна, старались держаться около комиссара.

— Трудящиеся массы России, взявши власть в свои руки в 1917 году, из трехлетней гражданской войны с честью вынесли знамя свободы, равенства и братства, — открыл Сергей деревенский митинг. — Юденич, Деникин позорно бросили свои войска, сбежали за границу, Колчака арестовали. Но капиталисты не сдались, они направили на Россию войска польского пана.

— Ты расскажи о празднике, о создании Чувашской области, — попросил его Скворцов.

— Декрет прочитал, но больше ничего не могу доложить, — смутился Сергей Саваров. — Брат Платон стал большим человеком — членом исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов области. Обещал заехать в деревню, вот он может рассказать подробно. Да... У отца спросите, он участник парада на Красной площади.

— Ты белых много зарубил?— не унимался Скворцов. — Много крови пролил?

В толпе зашушукали, некоторые посмотрели на Мигулая с осуждением, предполагая, что комиссар рассердится, но он горько усмехнулся и продолжил:

— Мигулай Ахванасьевич! Нет реки без воды, нет войны без крови. Что правда, то правда. Мы с тобой оба солдаты — убивали... Вон, Петр-казак тоже воевал, за что от царя получил Георгиевский крест, а мне советская власть пожаловала революционные красные штаны и личную шашку. Пришлось поработать саблей, иначе вряд ли сейчас я сидел бы перед вами. Во время лобовой атаки, перед собой видишь только налитые кровью глаза казаков. Они уж точно никого не пожалеют, рубят с плеча, наотмашь. Тогда сам теряешь человеческое лицо, становишься зверем. Слышны только лязганье клинков, ржанье лошадей, крики умирающих людей — своих и чужих. Тут уж... Или с крестом, или под крестом.

— Не надо задавать такие жуткие вопросы, война кончится, он приедет домой, возьмется за плуг, — начал беспокоиться за сына Савар.

Зря волновался Леонтьев. Его сын стал комиссаром, убежденным революционным оратором. Людей так заворожил своими рассказами о войне и мире, что крестьяне, раскрыв рты, слушали его больше часа. Речь комиссара доходила до сознания каждого человека, защищала революцию и советскую власть.

Тут Петр-казак подошел к комиссару и обнял:

— Прости... нас... дураков... — вытирал он слезы. — За правдивые слова спасибо, не посрамил честь стариков. Мы с тобой не за кресты, не за шаровары, а за наш чувашский народ, за нашу страну воевали, боролись за счастье детей. Мы оказались сильнее духом, крепче других, за что и получили награды.

— Правильно толкует, — поддержали его мужики.

Савар пригласил стариков в дом — уважить сына, продолжить разговор за чувашским пивом. Кто-то притащил самогонку, мужская беседа продолжалась до самого вечера. Гости для комиссара нашли доморощенного ординарца, помощника. Тридцатилетний Кузьма Ермушков божился, что он выполнит любое поручение прославленного комиссара. Несколько стаканов самогонки, выпивших Сергеем Саваровым, сделали свое чёрное дело.

— Ординарец! Ко мне! — вошел в раж захмелевший Сергей. — Скажи в волость, передай им, чтобы для Сергея Саваровича Саварова, для красного комиссара, запрягли тройку с тарантасом! С колокольчиками!.. С бубенчиками!.. Чтобы в округе слышно было! Поедем в Шохаль — к родным!

— Есть! — вытянулся перед ним Кузьма. — Мигом решим, пусть только попробуют отказать...

— Валяй! — несмотря на недовольство отца, скомандовал Сергей.

Народ в деревне обязательный. Раз решили, то надо дело до ума довести. Мужики тут же привели коня, посадили на него Кузьму и отправили в Нурос. Через полчаса ординарец вернулся назад. Покрасневший от смущения, он слез с коня и доложил:

— Велели передать: тарантаса не будет...

Родители, братья Федот, Лазарь попытались успокоить Сергея, но тот негодовал:

— Как! Посмели отказать!.. Научу уму-разуму! Распоясались тыловики, комиссарские приказы не исполняют!

Раздраженно растолкал мужиков, сел на коня и погнал в сторону Нурос.

В здании волостного исполнительного комитета только что закончилось торжественное собрание, посвященное неделе трудового фронта. Молодёжь села приняла обязательства: за неделю заготовить для учреждений и школ волости пятнадцать кубических сажен дров, очистить от мусора базарную площадь и улицы села Нурос.

Председатель волисполкома Матвей Никифоров, закрыв собрание, пожелав молодым успехов, собирался идти домой. К нему заглянул начальник милиции Николай Васильев.

На ночной улице послышался топот, ржание коня, крики парней и девушек. В коридоре исполкома загремело ведро с водой. В кабинет залетел усатый мужчина в красных революционных

шароварах, с саблей в руке и ринулся к ним. Николай Васильев вытащил свой револьвер. Два хлопка глухого выстрела на миг остановили незваного гостя. Пули попали в бревна, выше головы кавалериста.

— Ещё шаг — следующая пуля в лоб, — спокойно объявил начальник милиции.

— Ты!.. На комиссара! — Саваров успел только резко посмотреть в сторону Васильева — опять, как звук от кончика кнута, щелкнул выстрел.

Левая рука Сергея Саварова повисла. Он вскрикнул от боли, но клинок из правой руки не выпустил. Услышав выстрелы, в кабинет заскочили два милиционера. Разбираться не стали, быстро скрутили комиссара. Раненый кричал, свалился на пол вместе с оперативниками.

— Лекаря мне, лекаря! — отчаянно просил комиссар.

— В подвал его! — скомандовал Васильев. — Пусть из больницы подойдет фельдшер и перевяжет руку, пуля слегка только царапнула.

Комиссара увели, но люди долго не смогли успокоиться. По селу разнесся слух: «Комиссар Саваров хотел зарубить председателя волисполкома и начальника милиции, но Васильев его опередил, на месте застрелил».

Поздно ночью около волости остановилась телега со стариками из деревни Хумуш. Савар со своим соседом Мигулаем Скворцовым и Петром-казакom приехал в Нурос спасти своего сына Серуша. Дежурный волисполкома ему тихо сообщил:

— Комиссар ранен, сейчас находится в каталажке.

Савар решил дождаться председателя, лишь потом зайти к начальнику милиции.

Матвей Никифоров пришел на работу к восьми часам утра. Старики сразу к нему, как на духу выложили:

— Сергей Саваров — истинный комиссар Красной армии. После контузии заехал домой на сутки. Ну, выпил, хотелось немного козырнуть перед односельчанами. На поездку в Шохаль хотел получить волостную тройку с колокольчиками, а дело вот как серьезно обернулось.

Тут в кабинет председателя вошел начальник милиции. Увидев знакомых, поздоровался, сел напротив них, закурил самокрутку:

— Как же это получается, Савар Леонтьевич? Ваш сын, боевой комиссар, напился как свинья, устраивает самосуд!.. Хотел его застрелить, но пожалел тебя. Рука у него оцарапана немного, кости не задеты, до свадьбы заживет. Сейчас в холодном подвале отдела милиции храпит на нарах.

— Вожжа под хвост ему попала, Николай Васильевич, — робко заметил Савар. — Можно его освободить?

— Шутите! — резко взглянул Васильев на стариков. — Он здесь чуть было нас не зарубил. Но, что скажет волостной...

Никифоров попросил привести арестованного. Дрожащий от холода, уже совершенно трезвый комиссар предстал перед ними, как нашкодивший мальчишка:

— Черт попутал... Голову вскружило от почестей односельчан. Когда отказали тройку с тарантасом, вот и прискакал разбираться...

— Значит с колокольчиками! — засмеялся Матвей Никифоров. — Здесь, дорогой друг, тоже фронт. Порою бывает ох, как горячо. Но мы тоже умеем воевать, постоять за себя и за нуросский народ.

— Осечка вышла, — пробормотал комиссар.

— Сдается мне, что это не осечка, не промах, а прямое нападение! — строго возразил Васильев.

— Хотел немного припугнуть волостных.

— Припугнуть! Ещё шаг и получил бы пулю в лоб! Не всё коту масленица!

— Не ожидал...

— За такие выходки дело надо передать в ЧК и оставить без партийного билета, — серьезно сказал Никифоров, внимательно изучая документы Саварова.

— Шесть лет на войне — три года за Советскую власть. В партию вступил в сентябре 1918 года, после освобождения Казани. Никогда не допускал промаха. Наказывайте, шкуру сдирайте, но партийный билет прошу оставить.

— Шкуру оставим при тебе, а строгача получишь! — ответил Никифоров. — Когда вернешься в часть?

— Через три дня идем на польского пана. Поезд проходит через Шихран.

— Вот тогда получишь тройку с колокольчиком, будем провожать красного комиссара бить поляков, — ответил Никифоров, отдавая документы Саварову. — Партийный билет оставляю у себя, до решения собрания нуросских большевиков.

Пришлось ждать долго. Собрание началось ближе к обеду, часа два обсуждали личное дело комиссара. Сергей Саваров вышел оттуда с сияющими глазами, обнял стариков, сел на телегу и, отвечая на вопросительные взгляды своих спасителей, громко произнес:

— Домой! Только домой! Революционный выговор, с последним предупреждением!

При подъезде к деревне старики договорились, что о делах будут молчать, пусть думают, что Саваров с мужиками гулял в Шохале.

Но деревня уже гудела. Худая весть пешком не ходит. Иреня встретила их с зареванными глазами. Увидев сына, совсем раскисла, повисла на его руке. Около дома стояли односельчане. Одни собирались ехать за телом комиссара, другие приготовились копать могилу. Ведь по деревне гуляла весть: «Сергея Саварова застрелил начальник Нуросской милиции». Живой!.. Живой и бойкий! Вот он целехонький стоит перед односельчанами! Сергей поклонился народу, попросил прощения и вошел в избу.

Утром следующего дня он покинул деревню. Его провожали братья Федот и Лазарь на легком тарантасе до самого Шихрана. Сергей уехал. Вновь встретиться со своими боевыми друзьями, воевать с наступающими войсками буржуазно-помещичьей Польши. На прощанье, обняв братьев, с грустью сказал:

— Жаль, не успел обнять Платона...

18

Опять пришла весна. Тихоня март победил темноту ночи, но не смог одолеть темноту души и голода. От погоды тут ничего не зависит, будь хоть по-летнему тепло или стоит стужа. Кружится земля вокруг светила, движется себе по вечным законам природы. Пока везде лежит снег и сияет солнечными лучами до боли, до рези в глазах.

До Егория дня, когда крестьяне выпускают домашних животных пастись на луг, далековато. Сколько ещё нужно дней, чтобы появилась первая, свежая крапива, сныть для зеленых щей. Кругом пустота. В амбарах гуляет ветер, буря в брюхах. Недаром чуваши март называют пустым месяцем.

Крестьяне надеялись: пришла советская власть — жизнь наладится. Оказалось, наоборот. Встав у власти, большевики начали политику «военного коммунизма» — конфискацию продовольствия до последнего зернышка с использованием военной силы. Издали декрет и объявили всем: кто имеет излишки хлеба, вывозить на ссыпные пункты. Кто не подчиняется, передать революционному суду.

В начале тысяча девятьсот двадцать первого года просто нечего стало сеять. Многие поля остались не обработанными, вместо ржи росла лебеда. Кто был хитрей, сумел заранее припрятать и сохранить посевной материал, посеял. Сельское, волостное, уездное начальство растерялось. Придя в себя, стали по всем инстанциям посылать письма, просить выделить немного посевного материала. Однако, обман, приписки в этот раз сыграли злую шутку. По отчетным бумагам в волости все поля были засеяны, на самом деле, из-за отсутствия семян половина сельского населения в этот год даже не вышла на наделы.

Начался голод.

Старые и молодые, обессиленные и слабые, не дождавшись пустых щей, уходят в мир иной. Хоронят их ежедневно. В округе уже высохли слезы у женщин, исчезли улыбки у мужиков, не слышны крики детей, бегающих за мартовским ручейком. Вокруг тишина — пик голода.

В этом году весь народ волости держит Великий пост, не от любви к Всевышнему, а из-за отсутствия еды.

Своими корявыми лапами беспощадной хваткой обнял Господин голод деревни Кивьял, Услаба, Хумуш, охватил весь Нуросский край.

— Вот и пришел пасхальный пост! — зло шутят крестьяне от безысходности.

— Почему человек не может сам себя прокормить? — гадают многие. — Почему он постоянно должен думать о еде? Что надо предпринять, какие силы для этого нужны? Тут же сами находят ответ: у холодной печи никогда не согреешься.

Картофель в деревнях выращивают на небольших участках. Двадцать лет назад мало кто верил, что эта культура приживется, даст богатый урожай. Даже за последние десять лет картошка вырастает не больше куриных яиц. Мороки много, а толку нет.

Перед германской войной в селе Нурос открыли агрономические курсы. По решению волостного правления из каждой деревни там обучалось по одному человеку. Многие из них в огороде посадили новый сорт картофеля. Ждали с нетерпением. Люди осенью собирались посмотреть на чудо-урожай. На грядках лежали чистые и белые плоды, больше крепкого кулака. Огородники хвастались, что с каждого куста они получили больше двух десятков картошки.

Крестьяне Второго Нуросского общества сразу стали выращивать эту чудную культуру. Ведь урожай съедобный. Вот и пригодился он, спаситель. Люди в этом году даже картофельные очистки не выбрасывают. Их тщательно моют, укладывают на просушку в печку. Затем пропускают через ручную мельницу, и мука готова. Женщины выпекают из неё лепешки, так семьи и выживают.

Весной дети стали есть садовых муравьев. Для сбора придумали самый простой способ. Слюной мочат руки — в муравейник, а прилипших насекомых опускают в горячую воду. Там они быстро свариваются. Горемычные довольны...

Хлеба нет. В амбарах стало как никогда пусто, не замесишь густо. Жители деревни зерно разделили на две части — на посев и на еду. У многих дома появились ручные мельницы. Зерно толкли в ступе, растирали между двух круглых камней — получали крупу, из которой пекли лепешки, варили кашу. При этом всё использовалось в дело, отходы и потери полностью исключались.

Весна и лето не принесли облегчения, из-за жары, засухи всё кругом пожухло, даже трава растёт с желтизной. Люди в лесу собирают желуди, их сушат, мелют ручной мельницей. От такой еды у многих начались желудочные болезни.

* * *

Осенью Мирон Ефимов вновь стал председателем сельсовета. Захар Узяков отказался воевать с односельчанами, не выдержал косых взглядов людей. Очередное скандальное заседание по продовольствию совсем выбило его из колеи. После этого пошло-поехало. Новые председатели долго не задерживались: Трахим Порфирьев не просыхал от пьянства, Иван Тарасов — за каждый шаг сельского исполкома просил оплаты, Еникей

Микитин — повертелся, покружился и совсем закрыл дверь конторы на замок. Народ не выдержал, вновь попросил Мирона Ефимова возглавить это учреждение. Он не возражал, засучил рукава, и закипела работа. Сейчас ходит по дворам деревни Хумуш, а помощников с утра отправил в Кивьял и Услабу. Необходимо подготовить список детей самых незащищенных — бедных крестьян, вдов, жен красноармейцев. Чтобы спасти ребятню от голода, надо договориться с родителями об отправке их в Москву или в плодородные края.

Когда он проходит мимо дворов зажиточных крестьян — Акрамовых, Макаровых, Ивановых, Селивановых, Кильбековых, Апанасовых, Сътапановых и других, душа разрывается:

— Попрятали зерно! Тайком, в темноте трескают мясо! Хлеб выпекают ночью, чтобы односельчане не заметили...

Мирон Ефимович нутром чувствует, если немного пошерстить, поискать, то можно найти воз зерна, спасти детей от голодной смерти. С другой стороны, он злится на мужиков, которые себя приравняли к беднякам. Ничего не предпринимают, чтобы выйти из трудного положения. Ждут, когда советская власть придет и в миске принесет им похлебку. Продотряды тоже виноваты... ох как виноваты: смели остатки урожая, хотя знали, что крестьяне с каждой десятины получили не более тридцати пудов зерна. Опять пострадали неимущие. Они верили в советскую власть, сами принесли излишки хлеба на ссыпные пункты. В итоге, обманутые и несчастные, последнюю домашнюю живность пустили под нож, её нечем стало кормить.

— Всё ходишь и вынюхиваешь!? — увидев председателя, процедил Аким Селиванов сквозь зубы.

— Не брызгай слюной! — рассердился Мирон. — Твои племянники, дети Плаги Федоровой, с голода пухнут, а ты издеваешься над ними!

— Не послушала родителей, брата, пусть живёт своим умом!

— Помоги им, — попросил Мирон. — Спаси их!

По всему было видно, что председатель сейчас готов унизиться перед этим человеком, лишь бы он уберег от страшной беды семью близких ему людей. Но тот даже глазом не повел. Значит, не поможет.

— Хоть метлой мети, ничего не наметешь! Сами скоро по миру пойдем!

— Из-за этаких, как ты, народ ходит по миру, попрошайничает!

— Чуваши никогда не христарадничали. Они кормили себя и царскую семью. Советская власть пустила их собирать милостыню.

— Придёт время, за советскую власть вырву твой поганый язык!..

— Руки коротки! И зубы сгнили от недоедания!

«Ничего... ничего! — вздохнул Ефимов, злобно сверля глазами Селиванова. — Придет пора, пока я у вас прошу кусочек хлеба, настанут времена, сами будете просить от советской власти помилования. Будете скрипеть зубами, землю жрать, но ничего, кроме оплеухи не получите!».

Председатель не стал больше тратить время на этого человека. А ведь был когда-то человеком, стол рода Селивановых был хлебосольным. Не богато жили, но не хуже других. Озорная улыбка, блеск в глазах, когда Аким выходил плясать, сил хватало на десятерых. Изменился он. Ой, как изменился, другими стали и его старые родители. Женился на старшей дочери Пакшанова — Орине. Та в дом принесла некоторое богатство, коня с коровой и жажду наживы. Эта зараза быстро передалась всей семье. Перед германской войной возвели дом, разные дворовые постройки, и жизнь пошла. На всех стали поглядывать свысока. На свою родную дочь, Плаги, которая ослушалась их, насылали проклятие.

Девушка не покорилась родным, выбрала любимого человека, разрешила Питрава Федорова умыкнуть себя. Стала женой, родила за четыре года троих мальчиков. Мужа призвали в Красную армию, и там следы его пропали. Жив ли он, где-то похоронен — нет никаких вестей. Парней Плаги воспитывает одна, а в деревне её «окрестили» — «красная вдова».

Ефимов подошел к дому Федоровых. Постучал, но во дворе услышал только треск и шелест. Немного приоткрыв покосившиеся ворота, увидел Плаги с сыновьями. Лицо тридцатилетней женщины сосредоточено, по закопченным щекам бегут слезинки, оставив на них белые полоски. От горя рядом с губами появились извилистые линии морщин. «Тяжело ей, натерпелась», — подумал председатель, вытирая лоб. Она с детьми обдирала просо самодельной машиной.

У Мирона дома тоже стоит ручная «шелестелка». Когда-то отец набивал в небольшую кадку по её периметру деревянные рейки, внутрь вставлял самодельный барабан шестернями и

ручкой. Крутишь барабан, с проса шелуха сбивается. Каша получается цветная, не очень вкусная, приходится выплевывать остатки шелухи.

— Что ещё? — неохотно отозвалась Плаги.

— Про них пришел поговорить, — кивнул он головой в сторону детей. — Не потянешь одна. Может, отправим в плодородные области?

— Никуда дети от меня не уедут! — резко отрезала Плаги. — Ради них на этом свете живу!

— Не шуми-ка... Два дня назад из разных деревень со станции Вурнары в Москву ушли два вагона с такими же детьми. Дела у нас совсем худые. В этом году на нашей земле даже трава не выросла. Люди подтягивают ремешки ещё на одну дырку. Не выдержат дети.

— Не уговаривай. Придет время, будет много зелени для щей, — из глаз её закапали слезы. — Куда уйдут они от меня.

— Не рви душу! — присел Мирон на скамейку. — Добрая ты хозяйка, как скажешь, так и будет! Сироткам не дадим пропасть. На неделе возобновим работу столовой, будем кормить детей до четырнадцати лет раз в сутки. Пришла помощь Облпомгола и американцев.

— Спасибо тебе, Мирун Ехимович! — передником вытирала слезы Плаги. — Пропал Питрав, за новую власть голову сложил. Помогите, Мирун!.. Христом Богом прошу! Я уже из последних сил тяну. Хоть головой об стенку бейся. Готова на себя руки наложить. Намаялась... Намучилась...

— Выкинь дурь из головы! — одернул её председатель. — Про Христа тоже не вспоминай! Детей надо поднимать. Почему Аким не помогает, родной ведь человек?

— Всевышний забыл вложить в его душу немного жалости и понимания...

— Что-то ты... заговорила? — не понял Мирон.

— Брат ещё раз плюнул мне в душу. Сегодня пошла к ним. Выгнали. Даже в дом не пустили. Хотела попросить соломы для тюфяков и подушек. У детей они совсем прелые, стали трухлявыми.

Мирона будто хлыстом обожгло:

— После обеда приходи ко мне домой, найдем солому, набьем тюфяки и подушки. Будут и у нас пуховые тюфяки, белый хлеб и кренделя, надо только немного выдержать, выстоять трудные времена...

Недавно Савар в Чебоксарах своими глазами увидел праздник родного народа. Душой поверил: толковые люди руководят большой территорией, населенной чувашами. Думал, ещё немного и крестьяне заживут, как никогда лучше.

А что же творится на самом деле? Трудом, отдыхом людей, ими добытыми сельскохозяйственными продуктами питания, крестьянским хозяйством стало управлять государство, то есть поставленные правителями волостные начальники, председатели сельских Советов, комитеты бедноты. Нынче стало хуже. Даже сама природа пошла против крестьян. Второй год урожайность не поднимается выше двадцати пяти пудов хлеба с десятины. Это не к добру...

«Может, так оно правильно — нет ни бедных, ни богатых, все будут хлебать еду из одной миски, одеваться в одной лавке», — подумал Савар, проснувшись рано утром от стога больной внучки.

Сноха Танюк всю ночь не сомкнула глаз. Заболела младшенькая внучка Василиса: голова горячая, губы посинели. Только к утру немного успокоилась.

С первыми петухами проснулась Иреня, старалась не разбудить спящих. Затопила печь, сварила кашу из полбы. Скоро и Федот вышел во двор. Вокруг стало светло, летнее солнце робко посмотрело в окно. Улька и Эрхип вскочили, начали галдеть, кувыркаться на постели.

— Ну-ка, помолчите! — строго сказала бабушка Иреня. — Дайте поспать маме с Василисой! Будете баловаться, отдам русским в Нурос!

Дети разом притихли. Они знают, что к ним часто заезжают нуросские, с отцом разговаривают на другом языке. Однажды, один из них пошутил, притащил мешок и накрыл маленькую Василису. Улька и Эрхип разом заревели, прижались к матери, просили спасти сестрёнку. Танюк не торопилась, когда испуганные дети заплакали навзрыд, оторопевший мужчина отпустил Василису. Та полезла под деревянную кровать, забила в угол. За ней туда нырнули и Улька с Эрхипом. Вышли только тогда, когда нуросцы уехали. С тех пор боятся русских.

Скоро семья собралась на завтрак. Первым подошел Савар. Поблагодарил Всевышнего за хлеб-соль и устроился за столом.

За ним Федот с детьми, женщины. На столе уже стояли две деревянные миски с кашей. Дед всем отрезал по кусочку хлеба. Тут со всех сторон в миску потянулись ложки. За едой положено сидеть тихо, пустые разговоры взрослых и шалости детей здесь неуместны. Эрхип нечаянно толкнул сестру Ульку, та не осталась в долгу, ущипнула его. Федот обоих выгнал из-за стола, они исчезли за печкой.

Танюк никогда не принимала этот неписанный закон крестьян — за озорство оставлять детей без еды. В чувашских семьях женщина имеет право голоса, а с рождением детворы она приобретает особенное к ней отношение. Но сейчас Танюк не встала на сторону детей — позже их накормит.

Скрипнула калитка. В избу, хромяя, вошел Фадей Кураков. Крепкий старик с черной бородой, узковатыми глазами и доброй улыбкой. Повредил ногу в прошлом году — упал с пожарной каланчи. С тех пор и мучается. От приглашения за стол не стал отказываться, попробовал пару ложек, поблагодарил хозяев. Так принято, нельзя брезговать, когда тебе предлагают отведать еду.

Сухая, жаркая погода не давала покоя крестьянам. Второй месяц нет дождя, высохло всё, пожелтело. Несколько дней назад старцы деревни Хумуш договорились провести день жертвоприношения «Чўк»* для испрашивания дождя. Выбрали место на берегу озера, около оврага Киремет. Решили: в жертву будут приносить шесть овец и шесть гусей, но мясо варить в отдельных котлах.

— Надо было купить годовалого жеребёнка, — встал со стола Савар.

— Народ сегодня живности не продает, — ответил Фадей. — Нашли только овец и гусей.

— Пустая эта затея, — присоединился к разговору Федот. — Какой там Киремет, люди забыли самого Господа Бога. Друг друга режут, как свиней. Вот и получил народ очередное наказание.

— Как это — режут? — переспросил Кураков, оборачиваясь к Федоту.

— Ну, воюют, отец пошел против сыновей, брат против брата, сосед против соседа.

*Чўк — жертвоприношение у язычников.

Фадей помолчал, он сам побывал на турецкой войне, не раз смотрел смерти в глаза. Насмотрелся на всю оставшуюся жизнь.

Савар строго взглянул на сына, Федот недовольно отошёл от стариков.

— Не мешай им, раз договорились, пусть проводят, — встала Танюк на сторону отца. — Вдруг поможет.

— Обижать не хочется, — оправдывался Федот.

— В старину у нас в деревне тоже проводили Чук, — вспомнила Танюк. — Просили дождя.

Федот этих слов уже не слышал, он поспешил за стариками.

Люди с утра начали готовиться к основному ритуалу. Когда-то, полвека назад между озером и оврагом размещался «Киремет карти»*. Так называли его местные жители. Киремет имел двойное назначение — носил имя главы злых сил и назывался местом молений, общественного жертвоприношения богам.

Около озера растёт одинокая старая, побитая молнией берёза, её длинные, уродливые тени пугают жителей всего общества. Сюда люди заглядывают только затаенно, чтобы никто не мог помешать выполнять определенные обряды. Хозяйкой этого места считается Синави — хумушская знахарка.

Федот помнит рассказы деда Лявы: «Сначала люди родились без души, ходили на четвереньках и ничем не отличались от животных. По воле Высшего Бога — Туро, его помощники сотворили духовные существа и вдохнули в людей, а оставшиеся души оставили для вновь рождающихся младенцев. Люди, пресыщенные благами мира, возгордились, стали нравственно портиться.

Однажды, хлебнувши много пива, они подчинились Шайтану и умертвили старшего сына Высшего Бога — Киремет. Сожгли его тело, прах развеяли по ветру. Но как только пепел опустился на землю, на том месте родился новый Киремет. Их стало много — все злые, мстительные. Успокоить их можно было только жертвоприношением. Так наказал людей Высший Бог. Главную роль в злодействе играл Старший Киремет. За ним шли ангел смерти — Эсрель**, дальше — Леший и десятки разных бесов, киреметей, упырей, шайтанов. Каждое явление природы и факты человеческой жизни определяли помощники Старшего Киремета».

*Киремет карти — место, где приносили жертву злому духу.

**Эсрель — ангел смерти.

Сегодня хмушцы собрались их задобрить, просить о помиловании и одарить дождём. У стола жертвоприношения с утра трудились женщины, по ходу обсуждая действия.

— Киремет давно вышел из подчинения Высшего Бога, — шептала Синави. — Он так совратил людей, отчего началась битва, родные встали против родных. Но и после такой войны люди не успокоились. Тогда он начал посылать разные болезни, засуху, голод. Бог хотел изгнать его в преисподнюю, но за него опять заступились люди. Так и живет Киремет со своими помощниками в оврагах и лесах.

— Так, так, — согласились с ней женщины. — Бог хочет их выгнать оттуда, воюет с Киремет. Столько леса в этом году погорело.

— Виноваты сами люди, перестали ходить в церковь, не молятся, не каются в грехах, — продолжала Синави. — Пихампар* не хочет людям добра, не охраняет домашний скот от уничтожения.

Синави живёт одна. Родители умерли перед революцией. В её старом доме с утра до ночи кипит работа, потому что стала членом союза артельщиков. Она по наряду промартели занялась кулеткачеством. В жилой комнате установила огромный станок, вокруг горки мочала. В избе стоит густая пыль, от чего портятся глаза и страдают легкие. В углу перед строгими ликами Иисуса Христа и Девы Марии горит лампада. Синави к ним притрагивается не часто, только когда добавляет масло и чистит фитили от нагара. Она молится перед иконами по утрам и вечерам, пока в избе нет суматошной работы.

Было время, за ней не один парень к дому тропу прокладывал. Но никто из них душу девушки не встревожил, не притягивал к себе, как Федот Саваров. Она лет на пять старше его, не раз пыталась заговорить. Но парень бежал от неё, как чёрт от ладана. Время шло, Федот привел жену из другой деревни. Одиночество обняла Синави своими костлявыми руками и не отпускает. Она начала ходить в Нуросскую церковь, после её закрытия открыла ворота Асакаского храма, стала своим человеком среди верующих. В неделю раз в любую погоду шагает десять верст до села и поздно ночью возвращается. Она теперь

*Пихампар — дух, раздающий людям добрые качества и охраняющий домашний скот от хищных зверей.

не верит в Киремет. Сейчас решила помочь женщинам, но и заодно захотелось пообщаться.

В разгар подготовки часа жертвоприношения со стороны деревни Услаба показалась легкая повозка, которой управлял сам священнослужитель Асакаской церкви — отец Василий Петров.

— Кто его сюда пригласил? — удивился Кураков.

— Т-п-р-р-р! — остановил коня отец Василий.

— Батюшка, отец родной! — подбежала к нему Синави.

За ней другие женщины окружили служителя церкви. Но он не обратил на них внимания, глазами искал кого-то.

— Мир вам, прихожане! — густым басом запел священник.

— Отцу Василию — тоже не хворать, — ответил за всех Фадей Кураков.

— Богохульными делами занимаетесь, прославляете Киремет, жертву приносите? — сразу напал на Куракова отец Василий.

— Так, истинно так! — не унималась Синави.

— Уймись ты! — оттолкнул её священник.

— Мы, вроде, священника на Чук не приглашали, — поднялся со скамейки Савар Леонтьев. — Самовольничает Синави, служит богам чувашскому и русскому.

— Я не собираюсь молиться за исцеление больных большевистской язвой! — засверкал поп глазами. — Перестаньте поклоняться духам овражным?

— Василий Петрович! — подошел к нему Савар. — Мой прадед был некрещеным крестьянином. Он основал деревню Хумуш, всегда чтит языческие обряды. Меня крестил, в моей душе оставил ростки уважения к усопшим, но и просил не забывать своих, чувашских Всевышних.

— Почему на территории старой Киремети?

— В часовне Часавай не размещаемся...

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа я прошу Вас не глумиться над православной верой, разойдитеесь по домам. Помяните усопших и поставьте свечи за здоровье живых. Двери храма для всех открыты.

— Они умыты слезами простых людей, — ответил Савар. — Про большевистскую язву мы уже слышали от Нуросского священнослужителя Каменского. Долго его красноармейцы искали, не нашли, успел улизнуть от кары законной.

Эти слова разозлили Василия Петрова. Хотел что-то добавить, но женщины молча, отстранились от него. Видя это, махнул рукой, уселся в повозку и укатил дальше по своим делам.

— Ну, ты Савар, даешь! — удивились старики.

— Не нужны мы им: ни попам, ни местным властям, — печально отмахнулся Савар, глядя на удаляющуюся повозку. — Одни душу пытаются вывернуть наизнанку и передать самому дьяволу, а другие — последний кусок хлеба отбирают, как раньше, так и сейчас крестьян разоряют налогами...

К обедне около озера собралось много народу. В избах остались больные, немощные старики, неверующая молодежь. Председатель сельсовета Ефимов специально уехал в волость по своим делам, не захотел мешать. Люди ждали начала.

Вот, Фадей Кураков, Савар Леонтьев, Семка и Михалка Иливановы, Кавриле Данилов, Левентей Кирухов и ещё шесть человек взяли в руки по ковшику чувашского пива, миску каши, большой деревянный поднос с продуктами и подошли к старой березе, где висели льняные полотенца, на траве лежали деревянные и тканевые куклы, старые монеты. Сели на корточки вокруг берёзы, за ними весь народ опустил на колени. Началась молитва:

— Эй, Старший Киремет, помилуй!

Эй, Мать Старшего Киремет, помилуй!

Эй, Старый Киремет, раздающий людям счастливый жребий, помилуй!

Эй, Старший Киремет, держащий сушь, помилуй!

Эй, Чук, помилуй!

Не дайте страданье и мученье!

Эй, Старший Киремет! Весь трудовой люд деревни Хумуш собрался сюда. Почитая тебя и желая добра, договорились творить этот Чук. Эй, Старший Киремет, прими наши гостинцы. У твоего трудового люда пусть никогда со стола не исчезнет хлеб и соль, со двора живность, из карманов деньги. Дай влаги! Отец и мать грозы, пригоните к нам дождевые тучи, пусть три дня и три ночи капает дождь, пусть напоит опаленные зноем поля. Всё, что сказано — пусть возьмёт силу!..

Люди, смиренно подчиняясь старикам, сидели на корточках и за ними шептали молитвы. Только дети долго молчать не могли — шушукались, толкались, за что получили подзатыльники.

— Эй, Старший Киремет! Как всегда трудовой люд положил в землю разные семена. Помоги, дай влаги и густоты для роста! Пусть стебли вырастут как камыши, а зерна, как горох, от одного зерна приумножится тысяча. Эй, Старший Киремет! Помилуй нас! Когда хлеба поспеют, сохрани от огня, от молнии, от града, утренних морозов, разных грызунов. Помоги собрать урожай, пусть не болеет трудовой люд. Пусть копны перейдут в стога, а снопы в зерна. Всё, что сказано — пусть возьмёт силу!..

Молитва продолжалась, народ слушал:

— ...Помилуй нас, Старший Киремет! За лишнее прости, восполни недостающее. Дай трудовому люду добра и здоровья. Поклон тебе, помилуй нас. Эй! Ушедшие в мир иной дедушки, бабушки, отцы, матери, дети, родные! Не бросайте нас. С нами садитесь и угощайтесь. Ешьте, что мы едим, пейте, что мы пьем... Всё, что сказано — пусть возьмёт силу!..

После этого все двенадцать старейшин подошли к озеру, зачерпнули по ведру чистой воды и вылили на себя, изображая радость от льющегося летнего дождя. К озеру по очереди подходили взрослые и повторяли обливание. Дети бегали вокруг них, пытаясь попасть под струи воды. Всё это повторялось три раза. Потом Фадей Кураков затянул песню-молитву:

Эй! Высший Бог!
Эй, хей! Дай нам теплого дождя!
Пусть хлеб уродится вовремя,
Поля зашумят изобилием.
Пусть буря и ненастье уйдут стороной,
А деревня живёт спокойно.
Пусть семьи не испытывают горя,
Дети вырастут чистыми и здоровыми.
Пусть огонь только в очагах, вода в колодцах,
Хлеб и соль всегда на столе!
Эй! Высший Бог!
Дай нам теплого дождя!..

Моления продолжались до самого вечера. Люди ели кашу с мясом, поминали усопших. Остатки пищи собрали и отнесли в лес другим помощникам Киремет. Так прошел день жертвоприношения, день надежды крестьян деревни Хумуш. Однако боги не смилостивились, люди до середины августа так и не дождались дождей. За это время весь урожай озимых и яровых выгорел под нещадными лучами солнца.

Услабинцы и кивяльцы обиделись на хумушцев: не пригласили, не известили их о дне проведения жертвоприношения. Только Шеботов побывал на Чўке, вместе с ними молился, ел шўрпе* и кашу, просил дождя. Вечером обо всем, со всеми подробностями доложил своему другу Петруку Соколову. Тогда тот собрал стариков, поговорили и решили тайно провести свадьбу земли. Сказано — сделано. Началась подготовка.

Полночь. Петухи деревни известили, что пора всем успокоиться. Темно. Только в доме Соколова горит керосиновая лампа. За столом сидят мужики, говорят вполголоса, будто боятся, что их разговор кто-нибудь услышит. Перед ними соленое мясо, огурцы, вареная репа, кусочки хлеба и четверть самогонки — всё, что необходимо для беседы.

В избе народу достаточно много. В последнее время у Соколова дела не очень клеятся. В прошлом году арендовал земли у переселенцев в Сибирь, использовал наемный труд. Зерно местным крестьянам отпускал только под будущий урожай, с процентами. Мужики пытались возмущаться, тогда он отказал всем, объявив, что хлеб не уродился, сгорел. Но в деревне все знают, что Соколов собрал неплохой урожай хлеба, а крестьянам отпускает не свое зерно, а нижегородское, низкого сорта, привезенное спекулянтами.

Рядом с хозяином дома сидит Фирс Фомин. Не жалуется он новую власть. Двадцать лет назад его отец Фома Яковлев пожертвовал на строительство Кошлаушского Александрийского женского монастыря около пятисот рублей и соискал благодушное отношение к себе со стороны священнослужителей окрестных церквей. Все эти годы он дружил с вурманкасинским лесопромышленником Петром Кошкиным. Часто уезжал по делам и месяцами дома не появлялся. Чем он занимался, никому не ведомо. В мае прошлого года Фому арестовали, больше его никто не видел. Господь миловал, его сын Фирс, остался на свободе.

Далее примостился Илларион Давыдов. В деревне он числится Лариваном — язычником. Он крещеный крестьянин, но Всевышнего не жалуется: у него свои друзья, свой круг людей, которые по сей день проводят маленький Чўк, поклоняются Киремет.

*Шўрпе — мясной бульон.

А вот в углу расположился Кирук Дмитриев. После ареста два года не появлялся в деревне. Нежданно-негаданно вернулся из дальних странствий. Сразу взялся за старое, стал вместе с Соколовым спекулировать зерном.

За столом старики — Иван Репин, Гаврил Пакшанов, Илоха Услабай, Хилипп Тарасов. За ними на скамейке дремал Игнат Шеботов, бывший член комбеда. После разгона комитета он немного притих, а сейчас вновь поднимает голову — где назревает скандал, там Шеботов. Рядом два брата Архиповы — Трахим и Якрав. Они, хотя и не имеют никаких родственных отношений с Соколовым, но держатся за него. Помогают в обыденной жизни, участвуют в разных темных делах, что приносит свои плоды. В прошлом году оба купили по хорошему коню. Кому — голод, кому — пир.

— Свадьбу проведем на следующей неделе, — продолжил разговор Лариван. — Земля, как женское начало, нуждается в оплодотворении. Самыми плодородными считаются поля Шоркас. Там лесная, черная земля, пахнет хлебом. Даже в прошлом знойном году они получили по 80—90 пудов ржи с десятины.

— Как мы будем женить мужика на земле? — удивленно спросил Трахим.

Якрав пожал плечами.

— Это всего-навсего обряд, — объяснял Кирук. — Предки «кражу земли» проводили в исключительных случаях. Это — как чувашская свадьба, женихом будет неженатый парень, сын Мурзяка, а невестой — плодородная земля деревни Шоркас.

— А вдруг Тимукка узнает, что после свадьбы жених ненадолго задерживается на этом свете, что земля-невеста призовет его к себе, — и не согласится? — спросил Шеботов. — Притом, кое-кто властям может нашептать.

— Согласится! — уверенно сказал Кирук. — Подарим сапоги, русскую рубашку со штанами. А ты поменьше языком чеши, тогда никто не догадается. Власти... Ничего запрещенного против них мы не замыслиаем. Проводим обряд... Акатуй*... праздник сева.

Трахим и Якрав вновь удивленно посмотрели друг на друга:

— Акатуй ведь проводится после весеннего сева!..

— Придумаем что-нибудь, — ответил Лариван.

*Акатуй — праздник весеннего сева.

Несмотря на нелепый обычай, никто даже не попытался возразить ему. Старики единодушно решили: свадьбу проводить в назначенное время. Ночи тёмные, можно с малым количеством людей скрытно провести обряд.

Через день несколько мужиков около услабинской часовни «Часавай» установили длинный стол, с утра прирезали теленка, купленного для жертвоприношения, и к вечеру женщины в большом котле из потрохов начали варить «шўрпе». До захода солнца к часовне на трех повозках подъехали мужики с тремя свадебными женщинами, в специальных одеждах. Жених важно слез с телеги, прошелся мимо людей, три раза ударил по столу кнутом. Он был в сапогах, в темно-серых шароварах, желтоватой русской рубашке навыпуск, подпоясанной широким поясом. Значит, подарки оказались впору, помогли ходу событий. Главным шафером стал Лариван, с ним — Шеботов и братья Архиповы. Они примостились с краю длинного стола, немного похлебали шўрпе, помолились и вполголоса напевали свадебные песни. В это время жених три раза обошёл часовню.

— Других женщин туда не берите, Насьтусь со старухами знают толк, сами разберутся, — наставлял мужиков Кирук.

— Если люди заметят, огреют так, что всю оставшуюся жизнь будем кровью харкать, — испуганно объявил Шеботов.

— Да не сопи ты раньше времени! — рассердился Кирук. — Не забудь: землю надо брать в семи местах, деревянной лопатой. Каждый раз бабы будут молиться, петь свадебные песни. Пока Насьтусь не скажет, с места не трогайтесь.

— С каких пор бабы командуют мужиками? — немного обиделся Шеботов.

— Езжайте, — твердо отрезал Соколов, провожая их. — Дорога длинная, до утра надо вернуться.

Свадебный поезд из трех повозок тронулся в путь. На первый взгляд, кажется, что едут на сватовство. Вряд ли кто-нибудь догадается, что по дороге следует кортеж свадьбы «Кража земли». Давно в этих местах не проводили такой необычный Чўк.

Через два часа, когда вокруг стало совсем темно, повозки остановились на краю лесного массива у широкого поля, вблизи чувашской деревни Шоркас.

Трахим передал Якраву деревянную лопату, сам прихватил семь небольших холщовых мешков. Через несколько шагов женщины с женихом остановились. Вперёд вышел Лариван,

поклонился, опустился на колени, поцеловал сырую землю и заговорил:

— Эй, Матушка, Создательница земли, ждала ли ты нашу свадьбу, не позволишь ли отдать свою созревшую черную дочь за нашего парня Тимукка, молодого пахаря из деревни Услаба. Он соединит свою душу с девушкой-землей и принесет блага для всех жителей деревни. За это душа Тимукка всегда будет принадлежать тебе. Мы возьмем землю в семи местах, исполняя верования чувашей, законы Создательницы земли и законы Земной Владыки...

Потом он обратился к невесте.

— Эй, девушка земля, мы знаем, не сосчитать твоё богатство! Наш жених пришел к тебе с большой любовью. Эй, дорогая сноха, люби мужа и помогай, своё приданое принеси из полей, оврагов, лесов и рек...

Женщины вытащили из льняных сумок рожь, разбросали зёрна в виде круга и колоса, помолились, пошептались и попросили жениха набрать полную лопату черной земли. Сами громко запели свадебную песню. Так, шаг за шагом взяли землю в шести местах, последние минуты обряда тянулись долго. Помощником свадьбы была ночная темнота, в двух верстах от них мерцали очертания деревни. Вдруг вдали залаяли собаки, долетели крики мужиков и топот приближающихся всадников.

Лариван с женщинами и жених продолжили обряд. Они успели выкрасть последнюю лопату земли и спешно устроились на телегах. Братья Архиповы вытащили ружья, не прицеливаясь, пальнули в сторону конных. Наверняка выстрелы напугали жителей деревни Шоркас, и они не захотели встретиться с вооруженными, незванными ночными незнакомцами.

В это время свадебные повозки исчезли в лесной чаще. Шеботов повернул своего коня сначала в сторону деревни Шинер, а затем по лесной просеке развернулся на Кюльхири. От него не отставали другие. По пути огибали деревни и волостное село. Дорога была долгая, верст двадцать отмахали по кругу, но когда солнце стало играть на крыше домов деревни Услаба, повозки появились со стороны реки Цивиль. Кони устали, белая пена застыла на их спинах, но благополучный исход этой свадьбы успокоил всех.

В полдень старики разбросали привезенную землю по наделам жителей деревни Услаба, а жених продолжал исполнять

свою роль. К вечеру около часовни собралось много народу, они прославляли Киремет, просили дождя и хлебали шўрпе, сваренного из принесенного в жертву теленка. Люди не узнали, не догадались про свадьбу, только участники «кражи земли» тихо шептались, продолжали славить матушку-созидательницу земли.

После этого Шеботов ежедневно появлялся у Кирука Дмитриева, ждал какого-то чуда. Безрезультатно, хлеб на полях дочиста погорел.

20

Председатель волисполкома Матвей Никифоров опять моет по деревням. Он местный — родился и вырос в маленькой деревне Кукшум, в бывшем Байглычевском обществе. Знает цену хлеба и молока. Никогда не думал, что именно ему придется бороться с таким злом, как голод. Помнит Никифоров, как однажды ночью лихие люди у них из гумна украли рожь нового обмолота. Дед Куракка от безысходности и злости с одного удара отправил на тот свет любимого домашнего пса.

— Окаянный! За целую ночь не издал ни одного звука! — кричал дед, стоя у мертвого животного. — Воры орудовали в гумне, он где-то гулял, нужна ли такая собака, стоит ли её кормить!

Из-за убийства любимой собаки десятилетний Матвей несколько месяцев не разговаривал со старым родным человеком, его раздражало сморщенное, словно большое печеное яблоко, лицо деда. Простил только тогда, когда вся семья стала голодать, когда в амбарах мыши перевелись и у людей животы подвело. Дед первым ушел на небеса, к своим родителям. Как он молился, чтобы тех лихих людей, всех до одного, поразила молния. Вскоре односельчанина Еникея Кибекова около собственного дома убило молнией. Матвей подумал: «Вот вора Бог и наказал!».

Он помнит рассказы деда: пятьдесят лет назад в этих поселениях с голоду умерло больше половины населения. Помнит и своё бедное детство, как с матерью рвал молодые жгучие листочки крапивы, собирал в общинном лесу сочные листочки серте*. И вечером всей семьей хлебали зеленые щи.

*Серте — сыгь.

Никифоров знает, какая она — безветренная сушь. Сколько воды приходилось таскать в детстве для поливки огорода. Родители были неумолимы. Ежедневно пять кадушек по десять ведер приходилось наполнять водой. Иначе семья могла остаться без огурцов, капусты, лука и табака. Тогда Матвей следил за каждой темной тучей. Не сверкнет ли на горизонте молния, не хлынет ли дождь?

— Завтра польет, — успокаивал он себя, заодно пытаясь рассеять уныние родителей.

Мать с отцом чуяли, что завтра их ждет очередной солнечный день, они знали, что после такой жары пойдут ураганные дожди, придет град — губитель урожая.

В прошлом году крестьяне получили скудный урожай озимых. Из-за войн и продразверсток сельское хозяйство испытывал затяжной кризис. Особенно пострадали жители деревень Алгазин, Айгиш, Кукушум, Вурманкас, где земли песчаные и супесчаные. Зима стояла холодная, а весна наступила на месяц раньше, унесла воду. От засухи озимые выгорели, яровые хлеба не взошли, крестьяне получили не больше восьми пудов с каждой десятины. Такого в этих местах не видывали давно. Солнце палило как в пустыне — ни одного дождевого облачка, ни одного прохладного ветерка, казалось, будто в этом году не будет осенних ливней, не наступят зимние холода. Земля покрылась твердой коркой, потрескалась, свернулась, как рассыпчатая печеная картошка.

Крестьяне ходили по своим паям, пытались бороновать землю, но она превращалась в крошку. Трава, не успев проклюнуться, пожухла. Поля пожелтели, на песчаных участках появились пролысины.

Молодые деревья, не успевшие проснуться от зимней спячки, не получившие необходимой влаги, начали сохнуть на глазах. В садах в мае обильно цвели вишни, слива, яблони, но плоды не завязались, цветы погибли от прямых лучей палящего солнца.

Люди ждали беды: «Если такой зной продержится пару недель — запольхает в округе и земля, и лес».

— Устал... До смерти устал за эти дни! — зло бормотал под нос волостной кучер Кируков. — Где они, пахнущие хлебом просторы? Месяц мотаемся по деревням, столько смертей — на всю оставшуюся жизнь нагляделись.

Иван Кируков из крестьян. Правая рука у него не работает с детства. Одной он конем управляет лучше любого кучера. Небольшого роста, не очень крепкого телосложения, с большими круглыми глазами мужчина нравится женщинам. Сам он их побаивается, никак не может побороть робость и создать с одной из них семью. Ходит холостяком, преданным помощником председателя волисполкома: ездят с Никифоровым по деревням.

— Сколько жизней, детских жизней мы с тобой спасли, — сказал председатель волисполкома, вздыхая, — Сегодня со станции Вурнары в богатые хлебом районы ушел очередной вагон с 60 детьми.

— Причем тут я? — обернулся назад Кируков. — Решаешь ты, я только гоняю лошадей.

— Не только лошадей, но и надежду приносишь людям...

— Люди хотят жить, — рассуждал кучер. — Надо верить. Мир так устроен, за летом наступает осень, за ней приходит зима, стужу отгонит весна и за горем обязательно придет радость...

— Верить надо, без веры нет жизни! — горестно поддержал его Никифоров.

По ночам Матвей не может уснуть. Ложится в постель, покрутится, покрутится и выходит на свежий воздух. Посидит, обратно в постель. Немного полежит, выходит во двор и успокаивает себя:

— Ничего, ничего! Старики сказывают: это временно, придут дожди! В году дважды лето не настанет.

По чувашской земле ходили слухи один страшнее другого. Говорили, что в Чебоксарском уезде крестьянин зарезал свою десятилетнюю дочь и сварил в печке, кормил мясом семью. В Цивильском уезде во время отсутствия родителей старшие дети съели своего же малолетнего брата. От таких людских толков волосы дыбом, сердце холодит.

Единственное, кто не понимал и не хотел признавать беду — это ребятишки. Им всё нипочем. Жаркое солнце уже спустило кожу лохмотьями из их спин. С утра до ночи они барахтаются на речках. Цивиль, Хирлеп обмелели, доставляя самым маленьким удовольствие, взрослым предрекая беду. Парни и девушки ведут себя степенно, но при первой возможности кидаются немного освежиться речной водой.

Сейчас Никифоров едет в деревню Хумуш. Там председателем сельского Совета уже который год работает Мирон Ефимов. Он участник гражданской войны, не состоит в большевистской партии, но его дела важнее работы иной партийной ячейки.

Когда голод стал донимать деревенских жителей, он организовал детскую столовую. По домам ходил, собрал разную посуду, привёз дрова, с помощью женщин создал неприкасаемый пищевой фонд и детей начал кормить обедом. В ход шло все, от молодой крапивы до сушеных яблок. Это маленькая, но победа над голодом.

Откуда у Ефимова берутся силы, откуда столько мудрости? Земля вырастила, земля дала силы! Встречался с ним Матвей Никифоров не раз, были и непонимание, и разногласия, но не обидные, рабочие — всё по делу. Сейчас готов преклониться перед ним.

— Здравствуй, Мирон, — слез с повозки Никифоров. — Как поживает председатель Второго Нуросского сельского Совета?.. Как дети?

— Деревенские — как и положено... — ответил Мирон. — Молодежь растёт, играют свадьбы, рожают детей, а старые умирают. Дочь моя Марфа стала помощницей, около женщин в столовой крутится — картошку чистит, дрова подкладывает. А я вот жениться не успел.

— Удивительный ты человек, три слова сказал, даже слепому было бы ясно, — засмеялся Никифоров. — Как вы тут проживаете...

Деревня не город, даже перелет птиц принимается по своему. Приезд волостного начальства редко сопровождается радостными событиями. Люди начали собираться к сельскому Совету, каждый имел при себе несколько неприятных вопросов к председателю. Но у всех был главный — как победить голод? Разговор с людьми продолжался больше двух часов. По домам разошлись только тогда, когда окончательно убедились, что советская власть не оставит их в беде.

Скоро подросла помощь советской власти, американцев и англичан. В деревне Хумуш и Услаба продолжали работать столовые. Раз в сутки всем доставался горячий суп.

В начале сентября жителям трёх деревень через сельский Совет выдали беспроцентную ссуду, семена озимых. Рожь сортовая, привезенная из других краев. Крестьяне ожили, на полях появились пахари, сеяльщики и подростки, погоняющие тощих лошадей с боронами. Голод неохотно уходил, вместе с ним исчезли разные обряды, проводимые крестьянами на этой земле. По улицам Кивьяла, Услабы и Хумуша перестали шастать продовольственные отряды, притихли причитания женщин и проклятия мужчин. В деревни вихрем влетела новая экономическая политика — НЭП.

* * *

Выпал первый снег, за ним пришли холода. За делами по уборке хлеба с овинов люди забыли другие дела. Зима в деревне Хумуш вступила в свои права. Трещат, скрипят, ноют старые стены домов, потрескивают замерзшие деревья, на ветру звенят ветки. По дорогам гуляет метель, засыпая белой крупой ухабы и неровности.

Старая прокуренная комната Хумушской караулки летом всегда пустует, а ближе к осени начинает гудеть как на базаре. Сюда по вечерам собираются мужики трех деревень — потолковать о крестьянской жизни, узнать новости. Такими мужскими посиделками часто пользуется сельский Совет, где тихомирно решает свои местные вопросы. Сегодня к мужикам вышел бывший красный кавалерист, член исполкома Сидор Куликов.

— Такого голода наш народ ещё не видывал, — многозначительно говорили собравшиеся мужики.

— Дед рассказывал: «В прошлом столетии, при царе по нашим местам прошелся такой голодный мор, тогда полдеревни похоронили на старом Хумушском мазаре», — присоединился к разговору Курдей Христофоров, всегда сидевший в углу, куда никогда не доставал свет керосиновой лампы. — В этот раз помогли мериканцы и анклчане — детей кормили, от голода уберегли.

— Американцы, англичане говоришь! — покраснел от злости Сидор Куликов. — Что мы получили от них? Крупу с личинками каких-то букашек, заржавевшие консервные банки!

А жители наших деревень последние кусочки хлеба несли в столовую! Вот кто спасал детей!

— Это я к слову... просто так... — забился в свой угол Христофоров.

Это место выбрал не сам, мужики определили — подальше от некурящих, поближе к дверям. Уж слишком ядовитый у него табак: как закрутит, глаза на лоб вылезают. Говорят: он его выращивает, поливая человеческой мочой.

— Ты буржуев не хвали, они бесплатно никого кормить не будут, сколько золота с собой увезли, никто не посчитал, — уточнил Куликов. — Их не дети, а деньги интересовали.

Курдей огрызнулся:

— Зато они не изымают, а покупают или продают...

— Продотряды изымали потому, что страну надо было спасти, — не согласился с ним Куликов. — Отдельные личности добровольно не хотели помогать.

— А мне власти помогают? — раздался голос Кавриле Данилова. — Содрали шкуру, притом без копейки! Рабы мы какие-то...

— Что уж тут? Было трудно! — продолжал Куликов. — Нынче другое время. Отряды подразверстки по амбарам не ходят. В дальнейшем хлеб мы сами будем отдавать — продналог называется. Кто не понимает, объясню.

— Какая разница! — раздраженно ответил Кавриле. — С крестьянина как драли три шкуры, так и дерут!

— Не понимаю, вы что, собрались сюда антисоветскую пропаганду разводить! — возмутился Куликов.

Все притихли. При бывшем красном кавалеристе лучше язык держать за зубами. Молчи — целее будешь.

— Драли? — произнес Куликов. — Кто вам дал землю?.. Кто помогал семенами?.. А кто лишний хлеб прятал — у тех и изымали. Может, порою и перегибали палку, нечего скрывать.

— Правда, мужики! — встал на сторону красного кавалериста Павел Кураков.

— Что, правда? — присоединился к разговору Федот Саваров. — Для городского населения требуется много бесплатного хлеба! Вон, рассказывал Платон, почти все казанские чуваша переехали в Шубашкар! Столько народу понаехало в город, для них начали строить жилые дома. Даже Палюк из Услабы подался на стройку... Городские, как в скворушки, открыли рты и ждут крестьянского хлеба.

— Будем кормить, но не бесплатно, — объяснял Куликов. — Они для нас начали выпускать разные сельхозмашины, домашнюю утварь, одежду. Продадим зерно — купим у них товар.

Одни одобрительно закивали головой, а другие ехидно улыбались: «Хлеб-то возьмут, но ничего селу не вернут. Сколько лет минуло со дня революции? Хлеб из деревень увозят, а крестьянину — шиш да кукиш.

— Недавно Палюка Мигулаева встретил на улице, о стройке ни слова не промолвил, — продолжил разговор Пурхиль Кириллов.

— Я довез его до Юндабинского базара, — подтвердил Анисим Скворцов. — Он стал членом союза строительных рабочих, набрал артель на строительство домов для городских начальников.

— Почему своих мужиков не пригласил? — поинтересовался Христофоров.

— Тебе нельзя доверить бревно, останутся одни щепки, — захохотал Трахвин Трофимов. — Лучше уж помалкивай.

Христофоров обиделся, засопел. Знают мужики, что Курдей не плотник, но он прекрасный землепашец, широкой души человек. В трудные годы вырастил картошку и мешками таскал в столовую для голодных ребят, целый воз дров разгрузил около кухни. Поэтому Куликов не поддержал Трофимова, сказал как отрезал:

— Ты лучше смотри за языком! Слово не скотина, выскочит — обратно не загонишь!

Тут к разговору опять подключился Федот Саваров. Никак не понимает, заковырыстыми вопросами пытается загнать в угол члена Хумушского сельского Совета:

— Скажи, Куликов? А почему городским начальникам и другим, кто протирает штаны за столом, жильё выделяют без оплаты? Нам же крестьянам, самим приходится горбатиться. Где справедливость?

Куликов немного смутился. Не знал, что ответить. Но он не привык отступать и выпалил:

— Значит они государству нужнее...

— Ух, ты-ы-ы! — загудели мужики. — Вот дает!

— Значит, землепашцы новому советскому правительству не нужны? — возмутился Федот. — Давайте мы тоже перестанем выращивать хлеб, подадимся в города. Без хлеба-то всем миром там подохнем. По-моему, дело тут в другом!..

— В чем? Ну, в чем? — допытывался Скворцов.

— Нас, крестьян, власти пока не жалуют. Мы пережили голод без их помощи, в наших трех деревнях от недоедания мало кто умер, всем миром выстояли, выкарабкались. А в это время городских жителей государство питало...

— Как это? — удивились мужики.

— Так вот! — ответил Федот. — Недавно был в гостях у брата Платона в Чебоксарах, он рассказывал... Семьи красноармейцев, лекарей, студенты получали карточки — «Красная звезда» называется. Выкажешь — везде тебя супом накормят. Простых людей тоже питали, кого раз в неделю, а кого три раза в день.

— Платон тоже еду получал? — спросил Скворцов.

— Он большой человек, у него карточка была на всю семью, — гордо ответил Федот. — Занимает положение — красный директор чувашского газетного и книжного дела.

Мужики зашумели. Они за земляка испытывали какую-то внутреннюю гордость и одновременно зависть. Недавно вместе пахали, убирали хлеб, а сегодня он занимает высокий пост в Чувашском государстве.

— Он видел Ленина? — поинтересовались мужики.

— Может, и видел, я забыл спросить, — доложил Федот. — Обещал скоро заехать, сами спросите.

— У меня дома есть снимок Ленина с газеты, такой с небольшой бородой, но глаза приветливые, — ответил Федот.

— Он ведь антихрист, — опять присоединился к разговору Христофоров. — Мы недавно крестили сына Калисова. Поп Асакасской церкви отец Василий изрёк, что Ленин является к людям на тройке, сам с рогами и длинным хвостом. Прихожане говорят: «Он скоро будет разъезжать по городам, деревням и прикладывать печать на лоб верующим».

Куликов рассердился, враждебно сверкнул глазами и оборвал Христофорова:

— Вроде умный мужик, но несёшь ты всякую чушь. Твоего попа давно ищет пуля в лоб, но никак не находит, успевает увернуться.

— Я то что, сказываю, что услышал, — пытался оправдаться Христофоров.

— У нас в отряде Красной Армии один белый перебежчик притащил с собой шприц и научил бойцов делать керосиновые уколы, — начал рассказывать Куликов — На ногах и руках

красноармейцев появились опухоли сизо-багрового цвета. Никто, даже лекари сначала не догадались, ломали головы, откуда такая гадость. Секрет болезни никто не раскрывал, ежедневно от такого недуга несколько бойцов покидали фронт. Нашелся честный человек, сам притащил предателя в штаб. Расстреляли прилюдно.

— Причем тут я? — не понимал Христофоров.

— Как сказать, — ответил председатель. — Люди, распространяющие разные мерзости или выполняющие волю предателей, три раза хуже. Владимир Ильич Ленин — вождь всего мирового пролетариата и беднейшего крестьянства, вождь революции. Его роль для всего рабочего движения России и становления крестьянства известны всему миру, на него не раз было совершено злодейское покушение, но он жив и здоров. Теперь немного хворает...

Христофоров замолчал.

Долго сидели мужики, обсуждая политику властей. Куликов им растолковал о новой экономической политике Ленина. По душе такое начинание, наконец-то крестьяне сами будут распоряжаться излишками хлеба, сами будут устанавливать на них цены. Он же доложил о начале строительства дороги Нурос — Чебоксары. Жителям деревень Кивьял, Услаба и Хумуш уже определили построить шесть верст пути. Каждый крестьянин по пятнадцать дней должен безвозмездно отработать на этой стройке. В этом году намечено поднять земляное полотно. Песка в наших местах достаточно. А вот с камнями придется повозиться, их необходимо добыть в реке Цивиль, там могут поработать женщины и дети. Мужики предложили назначить дорожным мастером Савара Леонтьева. Он знает толк в этих делах. Кандидатуру решили внести в сельсовет на утверждение. Пусть знают, что народ тоже управляет делами государства.

Время приближалось к полуночи...

21

10 съезд РКП(б) в марте 1921 года принял по докладу Ленина решение о переходе к нэпу. Правительство издало постановление «О замене разверстки натуральным налогом». Крестьянство вздохнуло. Руководство страны изменило проводимую политику от произвольных конфискаций к упорядоченному

налогообложению, резко снизило объемы изымаемого у крестьян зерна, пустило товарное производство, свободную торговлю в определенных рамках развитие капитализма.

Говорят, что новое решение позволит улучшить жизнь многих крестьянских хозяйств. Георгий никогда не принимал силового решения задач в политике. Бросил учительствовать, засучив рукава, взялся за новое дело. В это время у него появилось желание разбогатеть, немного возвыситься над односельчанами. Заключил договоры аренды земли с крестьянами деревни, уезжающими в Сибирь, и стал готовиться к весеннему севу.

* * *

— Ягур, на паровом клине с утра работает твой брат Иван? — поинтересовался Васянка, увидев соседа.

— О новом участке я никому не докладывал, собирался завтра начать работу, нанял людей. А может, Иван пришел на помощь? — пожал плечами новоявленный нэпман.

Удивился: «Бумаги на аренду своевременно оформил, налоги заплатил», — подумал он. Забеспокоился, собрался на участок.

— Погодь... Домой заскочу, пойдем вместе, от твоего брата всего можно ожидать! — крикнул ему Васянка.

К их приходу уже половина участка была вспахана. Иван торопился, подгонял коня. Животное тяжело дышало, от пота на его спине и крупе образовалась белая пена.

— Остановись-ка, Иван! — крикнул ему Георгий. — Не дело ты затеял, надо было спросить, на участок у меня бумаги оформлены!

Иван сделал круг и остановил коня около них. Вот он, с черной шевелюрой, на висках блестят серебряные волосы. Характером прямой, твердый, излишне требовательный, появился перед братом и соседом. В детстве обоих частенько колодил, и сейчас казалось, вот-вот накинется на повзрослевших мужиков. Закрутил самокрутку, не торопясь затянул и угрюмо сказал:

— Наплевать мне на ваши бумаги, оставьте их для сортира. Земля эта принадлежит моему другу, он поручил мне присмотреть за ней, третий год уже обрабатываю. Надо было

тебе поинтересоваться, перед тем как свой нос сунуть и бумаги оформлять.

— Нельзя допускать беззаконие, арендный договор подписан, утвержден в волости...

— Волостные писари мне не указ, сам разберусь.

— Драться никто не собирается...

— Ай-ай-ай, глянь-ка на святошу! А мы научены: царя скинули, революцию сделали, воевали в Красной армии. Ты пять лет у германцев пиво пил, вернулся на всё готовое, дом отобрал, а сейчас распоряжаешься чужими паями. Опять стоишь на моей дороге?!

— Не хочу я с тобой ругаться, поговорим дома! — жестко ответил Георгий.

— Вот как заговорил ребячий комиссар! Погулял по волос-тям, женщин потискал, а сейчас почувствовал, где можно сорвать большой куш и сразу стал нэпманом!

Разбушевался Иван не на шутку. А Георгий стоял на мягкой, вспаханной земле и с грустью глядел на брата. Вдруг Иван одумался, утих и устало произнес:

— Слышь-ка. Давно я хотел выложить с глазу на глаз! Сейчас скажу!.. Ты перевари — не сковырнись...

— Мне нечего трусить, — насторожился Георгий.

— Брось ты!.. Только не сверкай глазами! — хрипло промолвил Иван. — Ну-ка, скажи мне: зачем ты пошел работать к Советам?

Георгий промолчал. Об этом, именно об этом он никогда не думал. Большевиком не стал и против новой власти в душе камень не держит, но нет к ней доверия.

Иван не дал брату ответить:

— Может быть, скажешь «нет»? А сам, как вор, ночью с Нуросского ссыпного пункта хлеб привёз. Как это понимать, а? У крестьян отобрали — между собой поделили? Потом по спекулятивной цене продали!

— Жалованье за полгода зерном выдали, — стал оправдываться Георгий.

— Да не бойсь ты. Я бы давно шепнул кому надо. Брата не хотел передать в руки ЧК.

— Вон как ты заговорил! — начал злиться Георгий. — Пугаешь, значит.

Он разволновался, собирался вместе с Васянкка отойти, не успел. Удар сзади по голове был неожиданным и подлым. Земля ушла из-под ног, в глазах засверкали искры. Иван теперь шел на Васянкку, уверенный, что Георгий не сразу оправится от увесистого удара. Ошибся. Васянкка успел увернуться, отбросил рукой летящий на него кол и разворотным тумачом в ухо чуть не свалил его на землю.

— Ы-ы-х! — застонал Иван. — Ну, держись!

Но Васянкка в руках уже держал упавший кол и подготовился встретить Ивана. В это время Георгий зашевелился, голова в одном месте рассечена, кровь шла из ушей. Присел, застонал от острой боли. Васянкка помог ему встать на ноги. Услышав крики и увидев дерущихся, подоспели люди и усмирили драчунов.

«Что же это у них произошло?» — недоумевали односельчане.

Происходило то, что в этих местах часто встречалось на межах: сейчас за землю схватились родные. Люди разделились: одни поддерживали Ивана, другие осуждали его выходки. А кто-то втайне был рад, что именно кому-то из братьев придется отвечать перед волостным судом, может сибирский тракт суждено проторить.

Жить в деревне, да не почесать язык или не задеть нечаянно кого-либо — все ровно, что пасти коров и ни разу не щёлкнуть кнутом.

— И кто только тебя породил? — возмущенно выпалил Васянкка. — Олук ты, упавший с телеги!

— Не углядела она! — издевательски ответил Иван. — Когда женщина рождает, орет, на потолок смотрит, некогда ей рассматривать, кто на свет вылезает...

— Исподтишка клин забиваешь, да? — с негодованием смотрел на него Георгий.

— Не твоё дело!

— Вы ведь братья, родные люди, — продолжал Васянкка.

— Ишь! — зло добавил Иван. — Едрёна вошь, вспомнил брата! Много ты понимаешь!

— Я родных никогда не забывал, — ответил Георгий.

На том и разбрелись по сторонам.

Около дома Георгия и Васянкку встретила Елена Михайловна. Она уже знала о случившемся, ждала сыновей, но пришел только младший.

— Егор! Мальчик мой! — как всегда сдержанно начала мать. — Господи! Как же так?.. Зачем?.. Вся деревня будет потешаться...

— Ладно, мама, дай умыться, — успокаивал её Георгий. — С Иваном сцепились. Мною арендованную землю он вспахал.

— Брат на брата пошел... — заплакала она. — Надо было поговорить с Иваном. Два года подряд он обрабатывал этот надел. А ты? Ты...

— Откуда мне знать! И он сразу — колом махать! Спасибо, Васянка заступился!

— Земля на могиле дёрном зарастет, а худой славы не покроет, — вытирала мать слезы.

Иван один остался на участке, им же наполовину вспаханном. Опустился на землю и тяжело вздохнул: «Бездонная пропасть легла между нами — не перепрыгнешь».

Скоро Иван, бывший красноармеец, участник гражданской войны, член Ярмушского сельского Совета, записался в переселенцы, собрался покинуть деревню, отправиться в Сибирь. Причиной тому стал этот злосчастный день схватки с родным братом. Не понимает он Георгия. Десять лет не появлялся в родном доме, вдруг объявился: «Нате вам: я приехал! Дом по старому обычаю чувашей, переходит ему, младшему сыну».

В молодости Иван был учеником скорняка-портного. Старший брат Сергей состоял при Авшак-Элменской церкви. Иван научился обрабатывать шкуры, шить шубы, тулупы, за это получал небольшое жалованье. Его деньги уходили на обучение Георгия. Тогда уже зародилась неприязнь к родному брату белоручке, который чурался крестьянского труда, не умел самостоятельно обустроить свой быт. В детстве Иван немного покуражился над младшим братом. На то были причины. Слишком уж опекали его родители. Однажды галоши Георгия прибил гвоздями к полу. Тот спросонья их обул, и носом уткнулся об косяк. Крови было немного, а вот крику на весь двор. Мать за порчу обуви отхлестала Ивана. Следующий раз в сапоги брата положил двух ежат, те всю ночь фыркали, пугая Георгия, а утром сильно укололи ноги. Ивану опять досталось.

Несколько лет подряд Георгий работал волостным чиновником, но ни разу не предложил Ивану помощи или немного денег. В самое голодное время семья держалась только благодаря брату Сергею.

Драка между братьями за кусок земли окончательно определила судьбу Ивана. Думал, снимется из деревни после уборки зерновых, когда в кармане будут какие-то деньги, на первое время хватит.

Трудные двадцатые годы перевернули мир крестьян. Люди искали лучшей жизни в Сибири. Они переезжали обживать новые земли. За последние годы слишком много натерпелись. Хотели спокойно поработать, построить просторный светлый дом, встретить старость в тепле и уюте. Их не пугала Сибирь, они не боялись трудностей, новых мест, их страшила только нищета, голод.

Разные рассказы и легенды ходили по деревням. Говорили, что богатые земельные угодья Сибири затосковали без крестьянских рук. Тамошние реки широки и рыба бессчетна, в дремучей тайге много всяких зверей. Но некоторые семьи, выехавшие когда-то на постоянное жительство, успев испытать блага «сказочной земли», почему-то возвращались обратно.

Помнит Иван, как ещё при царе по деревням ходили начальники волостного управления и уговаривали крестьян переехать на новые места. Малоземельным семьям обещали столько земли, сколько они смогут обрабатывать. У кого были небольшие недоимки, обещали их списать, у кого росли сыновья, божились освободить их от рекрутской повинности. Это была обыкновенная уловка со стороны государства. Единственным желанием и заботой у царского правительства было выбросить малоземельных крестьян за Уральский хребет. Люди понимали, как трудно поставить новый дом, подготовить поле для посева хлеба, обзавестись домашним скотом. Многие поверили и уехали. Как не поверить, на родине на мужскую душу надрезают всего до десяти обхватов, а на новом месте они могут получить по тридцать обхватов пахотной земли. Кроме этого дают право выжигать, корчевать деревья, готовить место для обустройства дома и других хозяйственных нужд.

После революции люди с новой силой рванули в Сибирь: не пугали ни красные, ни белые. Терпели холод, голод, горе, радость, болезни, потери близких, хороших и плохих людей. За Уралом стояла тайга — сосновая, местами березовая и осиновая, здесь затерялись русские, татарские и чувашские деревни.

Иван работы не боялся, природа одарила его физической силой и статью. В 1906 году он стал солдатом русской армии, служил в Закавказье. Во время военного конфликта взял в плен знатного турецкого командира, за храбрость был награжден знаком отличия — Георгиевским крестом. Через четыре года вернулся домой и женился. Женой стала дочь чувашского крестьянина Матейя Антонова, девица из села Авшак Элмен, двадцатипятилетняя учительница Александра Матеева, окончившая Убеевское женское начальное народное училище. Скоро родились две девочки, но в один год дети вместе покинули этот мир. Горевали, конечно. Но вот родился сын Иосиф, его надо было поставить на ноги.

Собрался в дорогу быстро, распродал лишнее имущество, скот, дом, а часть зерна и муки переселенцам разрешили перевозить с собой без оплаты. Мать ревела, потом, вместе с родными отслужила молебен, и проводила их за Урал. В тот день из деревень Нуросского края уехало двенадцать семей, в Вурнарах к ним присоединились ещё восемь. Двухнедельное скитание по сибирским просторам вымотало их. В конце концов переселенцев из Чувашского края определили в ста верстах от города Тюмени, примерно в двадцати верстах от железнодорожной станции Тавда. Вокруг не было ни одного дома, ни одной души. Чиновники не позволили переселенцам как следует осмотреть окрестности, самим выбрать место для обустройства хозяйства. Ткнули карандашом по районной карте — и образовалось поселение...

* * *

Незаметно пролетели жаркие июльские дни. Приближалась жатва, трудное, самое ответственное время года. Урожай надо убрать вовремя, без потерь. До осенних дождей необходимо перевезти снопы на ток. Георгий заранее запланировал, разложил по полочкам весь урожай. Расписал: какую часть оставит на семена, какую занесет в амбар для нужд семьи, какую отвезет на базар.

Третий год пошел, как он перестал учительствовать. Волостной отдел несколько раз приглашал его на разговор, просил возглавить школу, помочь выполнить основную программу

образования — ликвидировать на селе безграмотность. Георгий упорно не соглашался. Он стал успешным нэпманом. Аренда земли, торговля зерном стала выгодным делом для него. Крестьянам сейчас не грозит продовольственный отряд, они сами распоряжаются излишками хлеба, продают его государству на самых выгодных условиях. А труд учителя оценивается низко, месячного жалованья хватит только на питание. В семье растут три сына и дочь, их надо кормить, одевать, обувать.

С первого урожая он позволил себе купить двухгодовалого коня, назвал его Орликом. Ходил, выбирал тарантас на рессорах, да ещё заказал легкие сани. Полюбил душой умное животное. С одной стороны, незаменимый помощник во всех домашних делах. С другой — с ним он завоевал успех, уважение основной части односельчан. Любит Георгий проезжать по деревням с ветерком. Прохожие, слышав бубенцы и окрик «Береги-и-и-сь!», в испуге отскакивают в сторону, удивляются, глядя вслед: «Кто это из мужиков так мчит, куда путь держит?». Другие обложат бранными словами: нэпман!.. кровосос!.. спекулянт!.. Он на людей не обижается, себя не считает важной особой, но любит, когда его лихачество становится предметом разговора.

Одно правило считает священным: при людях можно немного погонять коня, но на безлюдной дороге необходимо натянуть вожжи, придержать животное, пусть наслаждается мерной трусцой.

Вот уже год конь согревает его душу. Сегодня Георгий собрался в гости, к старому другу из Услабы Захару Узякову. До села всего две версты, но дорогу испортила разбушевавшаяся во время половодья маленькая речка. Власти не смогли обеспечить своевременный ремонт, вот и ездят люди через Карачуры, удлинняя путь ещё на три версты. Самые отчаянные крестьяне на пустых телегах переезжают овраг. Пока обходилось без происшествий.

Георгий не стал рисковать, пять верст — не расстояние. К тому же и коня надо пожалеть, передние подковы изнасились.

Полгода он не встречался с другом, всё дела да дела.

— Ветрокрылый аргамак? — обрадовался Захар.

— Нельзя коня держать в конюшне, одряхлеет.

— Охо! Какой тарантас! — удивился Захар. — Помалу в буржуи лезешь?

— Пока только нэпман, — пошутил гость.

Захар хотел ещё что-то добавить, но Георгий опередил его:

— Деньги нужны мне только для содержания семьи. Но деревенская жизнь мне не любя. Ничего не могу с этим поделывать. Коня купил, можно сказать, ради забавы.

— Что тебе не хватает? — внимательно посмотрел на друга Захар.

— Воздуха.

— Чистого воздуха вокруг предостаточно.

— Не издевайся...

— Что мне лукавить, брось эти буржуйские штуки, спекуляцию, вернись в школу. Враз легкие наполнятся кислородом.

— Ты тоже агитируешь...

— Дело говорю. По тебе видно, теряешь свое лицо. Скучным и боязливым стал.

— Кого мне бояться?

— Советской власти, — подошел Захар к другу. — Вокруг столько дел. Посмотри, что творится! В каждой деревне открыли школу, избу-читальню, ликбез! Тянется чувашский народ к свету. Даже старушки хотят научиться читать и писать. А ты, учитель, на базаре рожью торгуешь!

— Как не торговать. Нынешняя власть пришла к простому человеку, говорит: «Работай, принимай решение, богатей!». Наконец эта власть поняла: без частной собственности страна не потянет.

— Надолго ли?..

Георгий задумался. С одной стороны прав Захар. Деньги достаются ему легко, но... Каждый раз он останавливается перед школой, хочет зайти, но непонятная сила уводит его в сторону, на базар.

— Прости, Захар. Дай мне время. Разберусь, буду учить детей, изучать историю и богатство чувашского языка. Пока не торопи...

На этом друзья прервали разговор. Привязали коня к забору, дали ему овса, зашли в дом. За столом, за кружкой чувашского пива вспомнили Германию, друзей, знакомых. Захар поинтересовался, как в Сибири брат Иван поживает.

— Недавно Сергей получил письмо: строит дом, хвалит природу, тайгу.

— Сам не пишешь?

— Обиды давно отошли, хочется обнять Ивана, но первым написать рука не поднимается.

— Гордый, значит! — вздохнул Захар. — Немного убавь гонора. Напиши брату. Ждет он от тебя вестей.

Начало темнеть, пастухи пригнали стадо. Георгий засоби-рался домой.

— Езжай кругом! — посоветовал на прощанье Захар. — После дождя дорога у реки совсем раскисла.

Захмелевший Георгий повеселел. Захотелось быстрее доехать до дома, обнять жену, поговорить с сыновьями, с братом. Не стал тратить время на длинную дорогу, поехал прямо, через реку Услабинку. Думал, молодой конь легко одолеет этот косогор.

— Ничего, проскочим, — успокаивая себя, дернул вожжи.

Конь резко взял вперёд, но испугался узкой дорожки, остановился, заплясал на месте. Время было упущено, тарантас стал скатываться по илистому глиняному откосу. Георгий кнутом ударил коня. Это загубило животное. Орлик прыгнул в сторону, где была полуметровая яма. Передняя нога его попала между камней, застряла, и он по инерции упал на бок. Что-то хрустнуло, затрещало. Орлик отчаянно заржал. Георгий, не понимая, что творит, стал хлестать лежащего коня. Одумался, слез с тарантаса. Оказалось, у коня сломана передняя правая нога, кости вылезли наружу, а в правом боку торчала треснутая пополам оглобля. Георгий прижал к себе голову коня и заплакал.

— Что же я натворил! — вопил он в отчаянии.

Конь смотрел на хозяина большими зеленоватыми глазами, из них текли крупные слезы.

Хмель разом испарилась из головы. Георгий стал соображать, что одному ему с бедой не справиться. Побежал к Захару за помощью. Он был дома, обсуждал с соседом, Соколовым, какие-то дела.

— Коня загубил! Беда... — пробормотал Георгий, показывая рукой на реку.

В подробностях в таких случаях никто не нуждается, быстро прибежали на косогор. Увидев людей, конь тихо заржал, будто последний раз просил помощи. Захар вытащил с голенища салюга нож и отрезал подпруги, чересседельник, гуж хомута и вожжи.

— Сначала надо было освободить коня, потом бежать за помощью, — отрезал Захар.

— У него сломана нога, живот вспорот, так што... — добавил Петрук Соколов.

— Как быть? — уставился на них Георгий.

— Зачем гнал коня через овраг? — еле сдерживал гнев Захар. — Думал, авось пронесет. Пошел прямо — а упал в яму.

Георгий пожал плечами. Он был потрясен, раздавлен.

— Не научился держать вожжи, сунулся в канаву! — с досадой выговаривал ему Захар.

— Коня не спасти, так што, — объявил Соколов.

— Чего несёшь! — рассердился Георгий.

— Если я вытащу оглоблю, то от потери крови конь умрет. Так што, не спасти, лучше освежевать на месте.

— Дело говорит, — встал на сторону соседа Захар. — Конь только на мясо годится.

— Делайте, что хотите... — махнул Георгий рукой и отошел от речки, чтобы не видеть, как мужики снимают шкуру с любимого коня.

Петрук прирезал коня, мясо доставили во двор Георгию.

Со дня гибели коня прошла неделя. Георгий нанял людей на жатву. Договорились, завтра с утра выйдут на уборку ржи. За день намаялся, лег и уснул.

— Георгий! Проснись... Проснись! Бьют набат! Что-то горит? — разбудила его Катерина.

Он недовольно буркнул. Но продолжающиеся звуки набата разбудили его окончательно. От шума проснулись дети, прилипли к окнам, но ничего не увидели. Георгий оделся, выбежал на улицу. В сторону полей бежали люди с ведрами и лопатами.

— Что горит? — не понимал Георгий.

— Рожь! — крикнули ему женщины.

Георгий схватил лопату и побежал за ними. Издалека увидел — хлеб горел на его участке. Зрелые колосья, сгорая, выстреливали зерна, кругом трещало, пламя гудело, красным языком вылизывая рожь. Георгий от ужаса остолбенел, сердце перестало стучать, не хватало воздуха. Он стоял на границе поля, тревожно глядя, как люди смело пошли в бой, не давая дальше распространиться огню.

— Подождли с четырех сторон, — подошел к нему Сергей.

— Кто? — ещё до конца не понимая настоящего ужаса, спросил Георгий.

— Только темнота ночи может подсказать.

— Ы-ы-ы-ы-х-х! — стонал Георгий, скрипя зубами. — Наконец-то за горло схватили, вот и доконали нэпмана! Оставили голым!

— Хватит! — остановил его Сергей. — Лес сгорел, а кукушка по гнездышку плачет...

Пожар потушили быстро, всем миром. На поле Георгия осталась только четвертая часть урожая.

К ним подошла Катерина, вся черная от гари и дыма. Посмотрела на мужа, в глазах её застыли горе и тревога...

* * *

Георгий вновь учительствует. Бросил дела торговые, работает с детьми в родной деревенской школе.

Однажды вечером к нему зашел брат Сергей и положил перед ним письмо. Услышав разговор мужчин, к ним присоединилась Катерина. Она ждала, когда Георгий начнет читать письмо от Ивана. Сколько лет прошло, сколько лет молчал сибиряк. Георгий, пересилив волнение, начал читать вслух:

«Салам, Сергей и Георгий! Долго, ох, как долго думал, как рассказать о своей жизни, и вот не выдержал, без всякой утайки выложил на бумагу. Кого мне бояться? Дальше Тюмени не отправят.

Первое время жили в землянке. Радовался, важно ходил среди вековых, задремавших сосен. По-братски прижимался к богатырям, просил прощения и только после этого валил их для строительства дома. Деревья падали с треском и шумом, ложились на землю. Жена, как все чувашские женщины, выносливая и быстрая — стала мне помощницей. Бралась за любую мужскую работу, вместе со мной валила деревья, рубила сучки, корчевала пни, пахала. Жизнь людей здесь тяжелая, непривычная. Тут и солнце светит по-иному. Первая весна для нас была трудной. Люди сюда приехали получить землю. Чувашский крестьянин не представляет жизни без собственной пашни, без куска хлеба. Нам надо было прочно обустроиваться, поэтому не жалели ни себя, ни жён. Моя Александра по сей

день не может успокоиться, часто вспоминает родной чувашский край. Когда в деревне открыли начальную трудовую школу, она немного отдышалась — стала детей учить читать и писать».

Тут Георгий, сосредоточенно читающий письмо, поднял голову, не стесняясь вытер скупые мужские слезы.

«...Мы трудились: день-деньской рубили вековые деревья, расчищали тайгу, строили дома. Лес отступал, на его месте образовались посевные площади, обнесенные частоколом, а не межевыми столбами, как у себя на родине. У людей появились коровы, мелкий домашний скот, начали сеять рожь, овес, полбу, лен и коноплю. Деревню назвали Рысево, потому что в лесу мы часто встречаем следы рыся.

Страшновато одному ходить по таким лесам. Елки высотой под 10 сажень, будто они под собой прячут лесного Лешего-Арзюри. Шуршат, о чем-то грубовато говорят, когда проходишь мимо них, цепляются желтыми иголками за одежды. Думаю: «Вот эти бы сосны в Чувашию». За пять верст от поселения начинается болото, рядом черное озеро, утром и вечером дымящиеся сереньким парком, будто затопили чувашскую черную баню, и со всех щелей валит дым. Здесь пахнет смолой, сыростью, багульником, нет того, как у вас, летнего теплого запаха лугов, полевых цветов и хлеба.

За четыре года построил пятистенку, разработал довольно большой участок земли. Спал мало, по ночам шил сапоги, шубы, шапки. Умение столярничать, плотничать, класть печки, ох, как пригодилось. Не поленился, выписал книгу и начал заниматься пчеловодством. По вечерам учился в школе, хотя читать и писать умею с детства. Ведь церковноприходскую и земскую школы окончил с Похвальным листом, за это спасибо родителям.

Душа пела, я готов был перевернуть мир. Во всем помогала жена, сын Иосиф вырос на глазах, выучился на тракториста.

Скоро в Рысево открыли отделение химлесхоза, начали добывать живицу. За работу платят довольно хорошие деньги. Многие переселенцы устроились туда на работу.

Однажды в нашей деревне появились ссыльные крестьяне — без денег, без жилья, без теплой одежды. Кое-как они построили для себя землянки. Приближалась зима. Она здесь долгая и

суровая: запорошит в округе белым снегом, сразу начинают гулять метели и морозы.

Одна семья жила в шалаше. Пожилой культяпый мужик, Ермолай Никитин, сильно болел, а женщины — жена Онисия, около пятидесяти лет, и дочь Нина, лет двадцати, сами не умели строить землянку, да и сил не хватало. Что-то ёкнуло у меня внутри. Пожалел их, предложил перезимовать у меня. Дом просторный, места для всех хватит. В тесноте не в обиде. «Побойтесь, — говорит Ермолай, — у вас могут быть неприятности». Ничего, говорю, — годы не те, да и кого мне бояться? — в округе за двадцать верст одни медведи да рыси. Пусть трясутся конокрады и гонимые. Мы у власти ничего не украли, не утаивали, все добывали своими руками». А он: «Лес тоже имеет глаза и уши». То и говорю: «Собирайте своё добро, у Советов нет такого закона, чтобы людей оставлять на зимовку без крыши над головой».

Ох, Сергей, Георгий, когда Ермолай заговорил с женой и дочерью на чувашском языке, я обрадовался. Не выдержал, добавил несколько слов на родном. Ермолай поднялся на ноги, скупые мужские слезы текли по его щекам. А женщины стояли рядом и навзрыд плакали. Наверное, поняли, если даже уйдут на тот свет, дочь останется жива. Оказались наши земляки, из деревни Отриванкино.

Устроились жить, старый Ермолай потихоньку окреп, с утра до ночи возился вместе со мной по дому. Старался во всем угодить. Это раздражало меня, несколько раз пытался остановить, но он так преданно смотрел — слова терялись. Подумал, что время исцелит, всё расставит по своим местам. Перезимовали, мы были довольны и при делах...».

Георгий опять остановился. Шумно выдохнул воздух, попросил у Катерины полотенце и вытер лоб. Глянул на Сергея:

— Значит, Иван обустроился! Я рад за него...

— Не торопись, читай дальше, — тихо ответил Сергей.

Георгий повертел в руках письмо, положил на стол и вновь продолжал читать вслух:

«Летом возникли неприятности. Наш Иосиф по уши влюбился в дочку Ермолая. Нина сначала настороженно отнеслась к такому вниманию парня. Скоро поняла, что сама тоже не может жить без него. Ермолаю стало хуже. Однажды вечером он

заговорил о наших детях. Попросил меня, если не против, обвенчать их в церкви. Когда убедился в моём согласии, пригласил к себе молодых, сам благословил, и к вечеру представился. Иосиф с Ниной стали мужем и женой.

Ох, братья, на свете немало людей, которые завидуют чужому богатству, даже душевному. Радость других им как кость в горле, жить не дает. Наверное, кто-то не спал по ночам, строчил бумагу в район, что я приютил у себя репрессированных, врагов советской власти. Скоро к нам прибыл уполномоченный, походил, присмотрелся, поговорил с людьми и исчез. Через неделю появились другие, вручили мне бумагу о том, что мою семью раскулачивают, дом отбирают под избучитальню, самому предлагают перейти жить в заброшенный барак.

Нынче мы опять бездомные, отобрали жильё, всей семьей теснимся в маленькой бане. Всё пропало, до последней щепки. Думал, что на новом месте, на сибирских просторах, можно развернуться. Власть исподтишка, да больно ударила по голове. Не помогли даже прежние заслуги — служба в Красной армии и работа в сельском Совете.

Так нас раскулачили, выгнали из дома, оставили без крыши над головой, а дом превратили вместо встречи, где на деревенском уровне принимаются решения, воспитывают человека нового общества. Там до утра не гаснет керосиновая лампа, народ деревни обсуждает передовицы, статьи газет, слушает разных агитаторов о ходе строительства нового строя и переживает мои кости. Только я, бывший хозяин, не захожу в этот дом, чувствую, что под смачными словами, табачным дымом, харканьем и растираемыми на полу соплями стонет и страдает моё строение.

Я хотел найти правду, обращался в райисполком, ОГПУ, в партийный комитет. Все обещали разобраться, наказать виновных, а дело остается на месте. Наконец уполномоченный района сказал, что для возврата дома сын Семён должен бросить жену, а репрессированных выпроводить подальше отсюда. Куда я выгоню невестку с животом? Отказаться от не родившегося внука и выгнать старую женщину я никогда не смогу. Подумал, как бы ни было трудно, выкарабкаемся. Построим вместе ещё один дом, но поменьше размером, всего с тремя окнами, чтобы другим не было завидно. Ради внука, а не ради мировой революции, будем жить.

Наверное, с тех пор я постарел, как говорят домашние, сгорбился, шаги мои стали тяжелыми. Не поднимаются у меня руки на строительство нового дома, пока устраивает баня, переоборудованная под жильё. Ослабел, не хватит силы на поиск, вырубку и вывозку сосновых бревен через болото. Разом затуманились глаза, иссякли силы, перестал играть топор в моих руках.

Я не понимаю власть имущих, они, будто в издёвку, согласились с решением переселенцев избрать председателем коммуны «К свету» моего родного сына Иосифа. Главное, он тоже не возражал.

Однажды не выдержал, выложил всё, что накопилось за эти месяцы. Говорю сыну: «Скажи-ка, председатель, почему болотная земля, высушенная, облагороженная крестьянином, только что начавшая родить хлеб, вдруг стала общественной? Для кого мы пять лет выкорчевывали рычагами пни? От усталости падали, засыпали на болоте, не притрагиваясь к куску хлеба. Почему наш дом стал клубом, где с утра до ночи хозяйничает этот бездельник Николай Гаврюшкин — «творец новой жизни»? Почему наш конь, купленный за деньги проданного Ярмушского дома, мёрзнет в конюшне коммуны, где гуляет северный ветер? Сносить обиду могу, стерпеть душевную боль — вряд ли. Строить, управлять, жить не научились, а других учите уму-разуму! Отобрали у других богатство и хотите построить новый мир!». А он меня не слушает: «Отец, — говорит, — прав ты, тысячу раз прав. Но как быть с индустриализацией, с грядущей всеобщей коллективизацией?». «Видишь, — говорю, — кто-то должен отвечать за безобразие». Он молчит, не доходят мои слова до его сердца. Хотелось, ох, как хотелось жить на этой земле по-человечески. Но власти растерли меня на ровном месте...».

Сергей не выдержал, глубоко вздохнув, добавил:

— Зря...Зря он поехал в Сибирь. Сообща жили бы в деревне.

Георгий молчал. Он подумал, что старший брат обвиняет его во всех грехах:

— Не кори меня. Виноват я перед ним, погорячился...

— Я-то тебя не виню... Каково ему там?

Глядя на мужиков, Катерина у очага вытирала слезы краешком платка, но в разговор не вмешивалась.

Георгий не стал испытывать терпение родных, решил дочитать письмо до конца:

«Дорогие родные! В этом году урожай сняли хороший — пудов сто тридцать с каждой десятины. Может, бросите всё, тронетесь к нам? Поднимем вместе хозяйство, леса вековые, на строительство дома бери — сколько хочешь. Устроимся в лес-промхоз, будем собирать сосновую смолу...

Георгий, я хочу обратиться к тебе. Виноват я перед тобой, мелочные детские обиды таил в душе до тех пор, пока не посорили нас. Прости меня за прошлые обиды, прости! Передай привет Катерине, детям. Если ты простил меня, не затаил в душе вражду и ненависть, напиши пару строк.

Долгой вам жизни... Остаюсь в полном здравии. Кланяюсь родным, могилам отца, матери, дедушки, бабушки. Иван Алексеев».

Сергей понял состояние брата, нарочно оставил послание с обратным адресом, сам тихо исчез за дверь. За вечер и ночь Георгий ещё два раза прочитал письмо. Долго сидел, вспоминая брата. Прежние обиды постепенно таяли, уходили прочь. На следующий день не выдержал, вырвал чистые листы из тетради и сел писать ответ брату Ивану. Письмо получилось длинное. Пошел за три версты на почту, в деревню Услаба и отправил весточку в Сибирь.

22

Ещё в январе 1924 года Ядринская уездная комиссия, созданная Чувашпланом для согласования проектов районирования, вынесла на рассмотрение вопрос об образовании Вурнарского района в составе Нуросской, Малояушской, Тойсинской, Алгашинской волостей с 48 сельскими Советами, 109 населенными пунктами, 11452 хозяйствами и с населением 59843 человека. В топографическом отношении будущий район представлял собой с небольшими возвышенностями равнину, прорезанную речками Малый Цивиль, Средний Цивиль, Большой Цивиль и Хирлеп. В северной части района преобладают земли с суглинками, в южной части — песчаные земли, около лесов встречается чернозем. Развито скотоводство, народ в основном занят земледелием, выращиванием хлеба. Будущий

районный центр при железнодорожной станции только понимается. В конце XIX века царское правительство решило выпрямить железнодорожный маршрут Москва—Казань, проходящий через небольшой старый русский город Алатырь. Новая железнодорожная линия прошла по лесному массиву, определив две новые станции — Вурнары и Шумерля.

В новый район должны войти четыре базарных пункта — Нуросский, Уравышский, Хабызский, Вурнарский, две терапевтические больницы, фельдшерский пункт, 31 водяная, 41 ветряная мельницы, 36 школ первой и второй ступени, сельскохозяйственный техникум, детский дом, две сельхозкоммуны, четыре сельхозартели, почтовые и телеграфные отделения.

Но Нуросский волостной исполком не согласился с выдвинутым проектом, предложил свой вариант — образовать новый район в составе Нуросский, Ходаровской, Алгашинской волостей с территорией равной 28682 десятины земли с центром села Нурос.

* * *

На календаре — 16 февраля 1927 года.

Около шести часов вечера за рабочим столом сидел председатель Нуросского волисполкома Григорьев Иван Григорьевич, вместе с ним ещё несколько человек обсуждали будущее волостного исполкома. Он уже не новичок, второй год крутится на этом месте. Бывший председатель Никифоров уехал учиться в Москву, на высшие политические курсы.

Григорьеву за пятьдесят. Несмотря на возраст, плечи его крепкие, на лице ещё не выступили морщины, но около носа с двух сторон видны глубокие складки, лоб широкий, на висках появились седые волосы. Прожил он на этом свете правильно — ни капли сожаления за прошедшие годы и дни. Одна беда, у него начали болеть суставы, начинают ныть перед изменением погоды, грызут как свирепые собаки.

До двадцати лет вместе с родителями и тремя сестрами жил в деревне Шохаль. В начале нового столетия семья переехала в Тюменскую губернию. За три года в чувашской деревне Тулда подняли дом со всеми постройками, раскорчевали довольно большой участок под зерновые. Скоро заключил договор

по сбору сосновой смолы. Появились довольно ощутимые деньги, Иван рядом с родителями построил дом.

Здесь под присмотром местной полиции работали политические ссыльные. Иван с ними подружился, сам не заметил, как стал распространять запрещенную прокламацию. Попал в полицейский участок, в кармане нашли одну-единственную листовку, написанную от руки, и отправили в Красноярск, под Маклаковку, разрабатывать лес. Оттуда ушел ранней весной, пешком добрался до Красноярска, в августе того же года оказался в Шохаль, где проживала семья дяди Матвея. Осенью он уже в Казани. Устроился грузчиком в речном порту. Потом призвали на империалистическую войну, участвовал в гражданской, вновь судьба забросила в Нуросскую волость. Шесть лет трудится в волисполкоме. Год назад избрали его председателем. Сейчас решается судьба волости, быть ему или влиться в состав нового Вурнарского района.

Вариант трех волисполкомов по созданию Нуросского района опять не прошёл. Такое могло вывести из себя любого человека. Бесконечная цепь неудач, срыв любых деловых и толковых предложений — попытка создать уезд, образовать район, всё это привело к разрушению этого края. Такое положение очень сильно ударило по самолюбию волостного начальства и грамотных крестьян.

В кабинете царит тишина. Секретарь местной партийной ячейки Волков, члены исполкома Евстратов, Евдокимов, Васильев молча смотрят на Григорьева.

Председатель на миг призадумался. Внимательно посмотрел на вырезку из газеты 1917 года, сохранившуюся под стеклом стола — воззвание Петроградского Военно-революционного комитета. Наизусть помнит он слова, никогда их не забудет:

«К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ — немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского Правительства — это дело обеспечено...

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!».

Не думал Григорьев, что придется кому-то доказывать о необходимости открытия в деревнях новых школ, о создании Нуросского района и сокращении числа сельских Советов. Ведь работает маленькое местное советское учреждение — волисполком, самостоятельно решает самые трудные вопросы. Почему разумные предложения натываются на какие-то препятствия?

— Ядринцы не забыли бывшие обиды, — сказал Григорьев. — Прошел месяц, на наш очередной запрос даже не соизволили ответить. Ходатайство об образовании Нуросского района со всеми выкладками мы ещё раз представили в комиссию Облплана, а копию — в административную комиссию ВЦИК республики.

— Может, не стоит так торопиться, — возразил секретарь местной партийной ячейки ВКП(б) товарищ Ефрем Вениаминович Волков. — Мало кто толком понимает, что даст народу такая реорганизация. Два года возимся, а воз и ныне там. В волости двадцать два сельских Совета, мы не успеваем своевременно следить за их работой, меняем председателей, будто только они виноваты в недостатках. А в Вурнарский район предлагают включить сорок восемь сельсоветов. Что новая власть с ними будут делать?

Волков любит короткую стрижку волос. Покатый лоб, густые брови, как две метёлки, ярко выделяются на лице. Немного приплюснутый нос, черные усы, прямой, твердый характер подчеркивали, что в нем крепкий, настоящий мужик.

— Сельсоветы можно укрупнять до девяти, — объяснил Григорьев. — Этот вопрос давно обсудили. Беда в том, что на рассмотрение Облплана вынесли два варианта преобразования Нуросской волости. Административная комиссия ВЦИК республики в целом поддерживает наше предложение, но ядринцы ведут себя непорядочно, вновь и вновь проталкивают предложение по созданию Вурнарского района с присоединением к нему Нуросского края.

— Кто нам мешает? — продолжил Волков. — Давайте в центр отправим своих толкачей.

— Ефрем Вениаминович, будто сами не понимаете, каким образом там решаются вопросы, — немного неодобрительно заметил председатель. — Попробуйте прибыть в ВЦИК без приглашения, завтра же попросят освободить место. Вот и приходится добиваться специального вызова в центр, чтобы встретиться с куратором, с работниками административной комиссии.

А начальству уездного исполкома легче, чины сидят повыше, двери для них открыты настежь.

— Тогда зачем мы этот вопрос обсуждаем? — недоуменно возразил секретарь ячейки.

— Надо договориться, — ответил Григорьев. — Необходимо собрать внеочередное совещание с участием советских, партийных, комсомольских и профсоюзных органов. Это наш последний шанс. В душе мы понимаем, что пришло время районирования, переход на более приемлемую систему управления хозяйством края. А то доходит до абсурда: чтобы решить какой-нибудь вопрос, людям приходится пройти через коридоры сельсовета, волостного и уездного исполкомов.

— Видимо, везде идет раздор, несогласие, — поддержал его председатель отдела народного образования Илья Иванович Евстратов, сорокалетний бывший учитель Нуросской школы первой ступени.

Он отличается особой пунктуальностью во всех делах. Носит очки, любое предложение, вынесенное на рассмотрение исполкома, считает главной, готовится к заседанию скрупулезно. Поэтому некоторые докладчики, опасаясь лишних вопросов, до обсуждения персонально обговаривают с ним.

— Нам необходимо ещё и ещё раз доказывать своё, — присоединился к разговору один из старых работников волисполкома Феодосий Александрович Евдокимов. — Расстояние до населенных пунктов края самые оптимальные, работает крупный базар, в Нуросе имеется около трёх тысяч квадратных метров жилья для нового руководства района. Разве это не аргументы?..

— Вчера я беседовал с руководителем Ходарского волостного Совета, — известил Григорьев. — Он твердо стоит на нашей точке зрения.

— Может, проведём совместное совещание? — предложил Евстратов.

— Всех нам не собрать, ходарцы обещали свое решение представить через три дня, — ответил Григорьев.

— На неделе нам надо провести общее волостное собрание, — добавил Волков.

— Правильно, комсомолу поручим предупредить актив, — предложил Евстратов.

На том и решили. Вопрос о создании района обсудить с приглашением всех членов сельских Советов, о результатах немедленно представить в ВЦИК области.

— Ещё один вопрос, не дает мне покоя, — признался Григорьев. — Нам необходимо предварительно обсудить проект строительства шоссейной дороги Нурос — Чебоксары через Юндабу и Ишек. Люди давно ждут от нас конкретных дел. Разговоры начались после образования Чувашской автономной области. Ждали предварительных выкладок в землеустроительном плане. Без особых указаний волостные руководители не принимали решения. Наконец документы поступили, но без финансовых вливаний со стороны областного исполнительного комитета. В пояснительной записке строительства перечислены сорок мостовых сооружений, в том числе четыре моста на участке Нурос—Юндаба. Особым решением поручено: облплану рассмотреть этот вопрос со всеми заинтересованными сторонами, а волостным исполнительным комитетам — на основании выкладок до наступления морозов возвести земляное полотно, используя земли откосных канавок.

— Какие будут предложения? — поинтересовался Волков.

— Есть предложение — каждому гражданину старше шестнадцати лет со своим гужевым транспортом отработать по пятнадцать дней на строительстве дороги, — ответил Григорьев.

— Бесплатно?

— Кто нам будет платить? Откуда взять столько средств. Дорога нужна в первую очередь самим крестьянам.

— Где найдем специалистов? — не унимался Волков.

— Старых дорожников попросим. Один из них Савар Леонтьев из деревни Хумуш. В царское время он был казенным мастером на участке Буинского тракта. Знает основы дорожного строительства. Я с ним встречался, Леонтьев предложил на должность мастера своего сына Федота, сам обещал полную поддержку.

— Хитрый старик! — сказал Евдокимов. — Не хочет упустить заработок.

— В этом не стоит его упрекать, — ответил председатель. — Решение правильное. Федот молодой, на него возложим полную ответственность за выполнение плана этого года. А помощь будет всемерная.

Все согласились с предложением председателя и решили назначить мастером дорожного участка Нурос—Юндаба Федота Саварова.

Напоследок председатель рассказал о состоянии дел в областном центре, с новостями по выполнению решений пятнадцатой конференции ВКП(б) — троцкистско-зиновьевскому блоку, как меньшевистскому уклону. Разговор завершили только ближе к полуночи.

Вскоре в селе прошло общее собрание актива волости, обсудили вопросы на партийных, профсоюзных, молодежных активах. Но предложения, замечания, желание нуросцев остались не услышанными, а разные протоколы, решения, постановления — архивными документами. Никто их не поддержал, никто не задумался о жизни большого села.

Пятого сентября 1927 года президиум ВЦИК Чувашской АССР утвердил новую административно-территориальную сеть с семнадцатью районами, первого октября на территории Чувашии ввел принципиально новую систему управления народным хозяйством. Нуросская волость в полном составе вошла в состав нового Вурнарского района. Простые люди, как всегда привычно прочитали в газетах решение властей, поговорили между собой и успокоились. Им было безразлично, где находится районный центр. Так Нуросская волость с четырнадцатью сельскими общинами, тридцатью двумя селениями, которая сто пятьдесят лет вершила судьбы трудового крестьянства, потеряла былую силу и авторитет.

23

По инициативе отца Федот оказался втянутым в дела строительства участка дороги Нурос. Сначала волостные начальники уговаривали Савара. Он отказался, вместо себя предложил сына, обещал помощь при укладке земляного полотна. Федот согласился: с одной стороны — будут платить заработную плату, с другой — давно хотел поближе познакомиться с волостными товарищами. Сейчас Федот оказался в самой гуще большого строительства, какого ещё не видел народ Нуросского края. Шутка ли, семнадцать верст будет выложено брусчаткой, притом, полностью силами крестьян окрестных деревень.

Завтра начинается строительство дороги, объявленное Нуросским исполнительным комитетом «Неделей революционной дороги». Федот потерял ощущение времени, с утра до самой поздней ночи мотался по деревням. Обсуждал вопросы изымания участков земли, определял объемы работ, вместе с землеустроителями волости колышками загораживал границы земляного полотна и канав. Кого уговаривал, а кого запугивал: «Если не отработаете на строительстве дороги положенных дней, землю отберем или отправим на месячную каторжную работу». Тогда мужики становились сговорчивее, без лишней суматохи соглашались выйти на работу. Наконец, договорился с каждой деревней предоставить не менее двадцати возов, ста землекопов и по две точилки, чтобы люди на месте могли подправить свои лопаты.

Больше всего сопротивлялись кукушумцы:

— Эта дорога напрямую не связывает нас с областным центром, пусть работают те, кто имеет выход.

Но Федот умеет уговаривать мужиков, знает, где нужен прятник, где и кнут не помешает:

— В таком случае я вынужден поставить вопрос перед волостным исполкомом о закрытии дороги для кукушумцев в Нуросский лес или объявить дорогу для вас платной.

Поворчали, но дали согласие выйти на стройку.

Вечером Федот никак не мог уснуть. Думал: «А вдруг кукушумцы не придут или кумбальцы заартачатся?». За Кивьял, Услабу, Хумуш и Нурос он был спокоен: «Не подведут, без всякой толкотни, самостоятельно решат проблемы». Ворочался, ворочался и чуть не проспал. Утром его разбудил отец:

— Вставай, мастер, пора... время подошло...

Федот вскочил, второпях, не чувствуя вкуса, съел кашу, оседлал коня и помчался в сторону Нурос. Там должна собраться основная сила, будет проходить митинг в честь начала строительных работ.

Подъезжая к месту сбора, увидел взволновавшую его картину: полыхали костры, везде звенели веселые голоса молодежи, со стороны Чалым Кукушум, Мачамуш, Синьял шли и шли люди целыми семьями, бригадами. Нуросские комсомольцы вышли на работу с гармошкой, барабаном, транспарантом: «Даешь Чебоксары!». Федот не ожидал такого количества людей,

сначала не узнал и председателя волисполкома Григорьева. Тот был в рабочей одежде, лаптях, в черной шляпе, что-то оживленно обсуждал со стариками. Внешний вид председателя насмешил Федота, но он, не показывая виду, поздоровался с ним и доложил о готовности к ударному труду.

— Федот Саварович! — обратился председатель к мастеру. — Разрешите начинать пятиминутный митинг?

— Хорошо, — ответил Федот, не найдя от волнения нужных слов.

Молодцы нуросцы, даже трибуну для проведения митинга соорудили. Сколотили стол, к нему приделали лесенку, и трибуна готова. Выступили всего двое: председатель волисполкома Григорьев и секретарь Нуросской молодежной ячейки Ираида Хайтова. Вот она махнула красным платочком, и большой колокол бывшей церкви загудел набатом. Пора! Колонны землекопов и возчиков двинулись к месту работы, заранее определенной им волисполкомом. Бригады суетливо расставляли людей по обочинам дороги.

Федот подошел к председателю волисполкома и попросил разрешения отлучиться, съездить, посмотреть работу на других участках. Но тот удивленно улыбаясь, ответил:

— В волисполкоме я председатель, а здесь ты хозяин, не стоит просить разрешения, решай сам.

Федот поскакал. Издалека увидев, как хмушцы дружно принялись за дело. Услабинцы и кивьялцы заняли место за рекой Хирлеп. И закипела работа, землю с обочин в центр полотна вывозят с двух сторон на телегах с ящиками. Шум стоит невероятный. Молодые грузят телеги, поют революционные песни. Женщины со своими детьми от них тоже не отстают, кидают землю на полотно и на телеги. Возчики погоняют лошадей, покрикивая на зазевавшихся людей:

— Но, но!... Поберегись!..

Федот поспешил к хмушцам, захотелось рассказать отцу о небывалом трудовом подъеме народа.

— До наступления морозов полотно поднимем! — крикнул Федот, увидев отца.

Мудрый Савар молчал, но его глаза и губы от счастья сияли, значит, доволен он действиями сына мастера. Федоту хотелось пить, не увидев бочку с водой, закричал:

— Где бочка с водой!

— Первую опустошили, уехали наполнять, — успокоил его бригадир Федор Кириллов, недавно нареченный народом Кошкиным.

Пять лет назад Федор во время обмолота упал со стога соломы, каким-то образом в воздухе кувыркнулся и приземлился ногами на только что собранную кучу соломы, даже царапины не получил. Отряхнулся, вновь полез по веревке на стог. Народ опомнился только тогда, когда он прикрикнул на людей:

— Чего рты раскрыли? Подавайте солому!

С того дня кличка «Федор кушак*» пошла гулять по деревне. Во время переписи населения сельсоветчики записали новую фамилию. Так его род стал Кошкиным.

— Федот! — подшучивали женщины. — Хватит скакать по полям на своем мерине, помоги немного, без мужиков сил не хватает, отстали от других.

— Лопата найдется?

— Найдется, найдется! — отозвались женщины. — Не только лопату, но и зазнобушку для тебя найдем!

— Федот, несмотря на присутствие отца, подскочил к женщинам, успел прижать к себе пару молодых девчат, крикнул и взялся за лопату. Женщины знают толк в работе. Они с особым ритмом, размеренно, раз за разом берут лопатами землю, бросают в ящик телеги. Федот приноровился к ним, не торопясь, но и не уступая им, стал кидать землю на полотно. Скоро образовались канавы — начертание откоса земляного полотна будущей дороги ниточкой уходило в сторону деревни Хумуш.

Федот сейчас прикидывал: «Скоро верхнее покрытие дороги начнем отсыпать полуметровым слоем песка и оставим на год, на уплотнение. Через пару лет можно будет укладывать камни, так называемую брусчатку».

Мастер поработал всласть, не обращая внимания на острые слова женщин. Он хотел показать им как надо трудиться, но скоро понял, что не угнаться ему за ударной работой хохотушек. Почувствовал, как начала неметь спина. А людям только дай повод посмеяться.

*Кушак — кошка.

— Давай, Федот! Быстрее, мастер! — подтрунивают над ним мужики. — Не срами нас перед бабами!

Но Федот уже достиг своего предела, ладони вздулись красными волдырями, черенок лопаты начал выскакивать из рук. В неловкой ситуации на помощь пришёл гармонист Павел Кураков — растянул меха, известив всех об обеденном перерыве. Бабы только этого ждали, разом воткнули лопаты в землю, побежали кто куда — отдышаться от напряженного труда.

Ладони Федота горели, но тело только что начало приобретать здоровой гибкости, послушности, значит, пришло второе дыхание. Он выпрямился, от резкого напряжения чуть не упал. Хорошо хоть этого не увидели товарки. Насмешек хватило бы на целый год.

— Ну, даешь! — подошел к нему брат Лазарь. — Тебя атте зовет.

— Сейчас, отдышусь маленько, — ответил Федот. — Посмотри на ладони!

— Спрячь! — хихикнул Лазарь. — Хочешь себя выставить на посмешище?

Но куда денешь свои руки, первым заметил отец, посмотрел на ладони и сказал:

— Негоже крестьянину держать сучковатые черенки. Руки испортил, вывели тебя бабы из строя.

На это Федот не обратил внимания. Весь месяц крутился, охваченный ударным ритмом строительства дороги. Успевал везде, пешком по два раза в день проходил свой участок дороги, по вечерам докладывал лично председателю волисполкома Григорьеву о выполнении графика работы. Если дела так пойдут, то через месяц черновая работа будет выполнена. Земляное полотно как нитка протянулась от села Нурос до Карачуринского поворота. Люди трудились безвозмездно, честно отработывали положенные дни. Нашлись и такие личности, которые пытались запугать людей, но Федот доложил об этом милиционеру начальнику. В тот же день арестовал двоих на 10 суток и ежедневно выводил их на строительство дороги за кусок черного хлеба. Разные разговоры, запугивание людей разом прекратились.

Федот удивлялся: «Откуда у людей такой задор, откуда такая тяга ко всему хорошему, устремленность, такое трудолюбие?».

Он чувствовал себя на высоте, в голосе появились нотки руководителя.

Он понимает, что вся жизнь чувашского крестьянина — с самого рождения до дня смерти течёт по руслу многовековых обычаев, разных традиций, нравственных устоев. Труд и отдых выработаны веками. Начало и окончание полевых работ, строительство дома и другие трудовые процессы часто превращаются в настоящее священнодействие.

Новый строй сначала преподнёс немало слёз простому люду, они возненавидели его. Но после победы над голодом и провозглашения новой экономической политики у народа появилась надежда. Люди впервые поверили в советскую власть. На строительстве этой дороги очередной раз показали любовь к родному краю. Федот гордился своим народом, особо стал уважать крестьян.

Больше всего радовался за отца. Старик собрал детишек вокруг себя. Около деревни Хумуш до реки Хирлеп, на самом болотистом участке дороги для защиты, по обе стороны они посадили несколько десятков крепких ветел. Где только отыскали столько деревьев?

— Ты доволен своей работой? — спросил Савар, шагая с сыном вдоль будущей дороги.

— Не слишком ли близко к дороге посадили ветлы? — спросил Федот, будто не слышал вопрос отца.

Савар не стал переспрашивать:

— Откосы будут крепче, весеннее половодье не сможет их повредить.

С разговорами дошли до реки Хирлеп. На правой стороне пологий берег, переходящий в равнину, знаком каждому жителю этих деревень. Здесь будет мост. Дорога с крутого берега левой стороны резко поднимется по косоугору в сторону деревни Ярмушка, а дальше — на Чебоксары.

— Мост — штука серьезная, никто не возьмется бесплатно возводить, — пристально посмотрел Савар на сына. — Съезди, посмотри. Какой мост соорудили на реке Цивиль по тракту Нурос-Канаш. Длиной не меньше пятнадцати сажен, с пятью пролетами из четырёх устоев, любой ледоход выдержит.

— Через два месяца речка Хирлеп оденется льдом, — ответил Федот. — Потом упрочнится морозом — вот и готов временная

переправа. Немного обустроим подъезд к нему, потопчем по полотну до Нурос. Придет время, скоро и по этой дороге пойдут машины!

— Хочется увидеть своими глазами! — вздохнул Савар.

Федот молчал. Что он мог сказать отцу? Он не работник волостной финансовой конторы, не может принять решение по строительству моста через реку Хирлеп. С другой стороны — сколько держать такой переход на плечах крестьян? Люди после каждого половодья вытаскивают последние гроши, сдают на очередной ремонт моста.

— Не беспокойся, атте, — встал Федот рядом с отцом. — Я тоже мало-помалу начинаю понимать, что именно большевики основали чувашскую республику, на родном языке выпускают газеты и книги, открывают школы, строят дороги — всё это мне по душе. Я буду поддерживать эту власть, бороться за её существование!..

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Река Цивиль разрушает свои берега.

I

Правители были откровенны. Ещё на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года прозвучало: политика советской власти по отношению к крестьянству предполагает нечто в виде введения дани, которая необходима для финансирования социалистической индустриализации.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК от 14 декабря 1932 года к числу злейших врагов партии, рабочего класса и колхозного крестьянства включили саботажников хлебозаготовок с партбилетами в карманах. По отношению к ним применялось осуждение от пяти до десяти лет тюремного заключения в лагерях.

Законы от 13 сентября 1932 года и от 17 марта 1933 года полностью прикрепляли крестьян к земле. Им запрещалось выдавать паспорта и искать новую работу без разрешения колхозного руководства. Эта система была создана для того, чтобы полностью ограничить выезд крестьян из деревень и остановить проникновение кулаков в города...

На собрание с повесткой организации сельскохозяйственной артели в Услабе и Кивьяле пригласили всех желающих. В округе давно идут разговоры о колхозах, поэтому на общий сход пришли даже старики и женщины.

Деревни считаются зажиточными. Половина населения Кивьяла во времена НЭП получила лицензии на торговлю мясными продуктами, многие продолжают заниматься этим привычным делом. Некоторые сменили фамилии на Мясниковы. А услабинцы из другого теста. На виду всегда были Узяковы, Аливановы, Фомины, Никитины, Комаровы, Пакшановы, да ещё пара десятков довольно зажиточных крестьян. Они считают, что в деревне Услаба соберется всего-то десять семей-голодранцев.

Во вторник в караульный дом битком набился народ. Из райцентра приехали два пролетария-двадцатипятилетника. Это — передовые рабочие с какого-то предприятия Москвы, направленные недавним решением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 года для оказания помощи в перестройке жизни крестьян глубинки. В их числе — уполномоченный района Чертов. Высокий стройный суховатый двадцатипятилетний большевик, уже третий год носит членский билет большевистской партии и вписался в новый жизненный уклад. Его отец Чертов Иван из деревни Сюлкас был в рядах сочувствовавших большевикам. Дети тоже пошли по стопам отца. Шестнадцатилетний Андрей царскую власть считал не сахарной, но сначала и от большевистской власти восторга не испытывал, принял её как изменчивую погоду. Но Советы власть преподнесли обдуманно, грамотно, у Чертова мнение изменилось, он сумел вовремя высунуться вперед. Через два года после революции вступил в нуросский комсомол, в девятнадцать лет стал организатором борьбы с голодом в волости. Рано повзрослевший юноша не позволял нарушать законы. Даже седоволосые старики немного робели перед ним. В 1923 году его рекомендовали на учебу, волостное руководство готовило грамотных специалистов для села. Училище окончил с похвальной грамотой и сразу стал руководителем отдела сельского хозяйства Нуросского волисполкома. Скоро его приняли в члены большевистской партии и предложили место заместителя председателя волостного исполнительного комитета. Тут же купил портфель из черной

кожи с двумя замками и никогда больше не расставался с ним. Нынче он уполномоченный Вурнарского райисполкома, ответственный за создание сельскохозяйственных артелей в районе — Андрей Иванович Чертов.

В определенных кругах его звали «грамотеем», и не напрасно. Чертов умеет ориентироваться в окружающем пространстве, с поставленными задачами властей всегда справляется быстро. Единственная беда — нет у него времени заглядываться на девчат. Несмотря на уговоры родителей, ходит холостяком. Многие красавицы тайком глядят в его сторону, но он неумолим, свою работу ставит выше личной жизни. В ответ на разные разговоры только буркнет:

— Языки без костей, пускай мелют. Придет время — и дом построю, и дети пойдут.

Глаза его всегда блестят, шаги пружинистые, руки крепкие, крестьянские, мускулистые. Когда идет, кажется, вот-вот он выйдет на середину дороги и запляшет всем на загляденье.

Собрание ведёт местный активист Егор Семенов. Московские рабочие говорят по-русски. Из присутствующих добрая половина крестьян только на пальцах изъясняется с приезжими. Пришлось Чертову стать толмачом.

Один из рабочих оказался более грамотным, сразу взял быка за рога:

— Товарищи крестьяне! С октябрьским завоеванием свободы, трудовой народ страны Советов, сбросив с себя вековые цепи царизма, победил Антанту, годы военного коммунизма, НЭП и приступил к строительству великого государства. Страна идет по пути невиданной индустриализации и строительства нового колхозного строя. Но борьба с контрреволюцией и кулачеством не завершена, она продолжается с особой жестокостью. Мы уничтожим кулачество как сорняк с полей. Советская власть привела нас к новой жизни. Рабочие стали хозяевами заводов и фабрик, а крестьяне получили земли на вечное пользование. Но бедные слои населения не имеют ни лошадей, ни инвентаря. Нам необходимо решать задачу: опять идти к кулаку, или, объединившись, в сельскохозяйственную артель, совместно начать обрабатывать землю.

Мужики слушают оратора, раскрыв рты. Чертов оказался хорошим переводчиком, добавляя свои слова, сумел объяснить крестьянам о преимуществе колхозного строя.

— Партия большевиков и советская власть под руководством великого Сталина говорит беднякам: «Надо объединиться в колхозы! Вместе мы сила, одному не устоять, не победить контрреволюцию».

— Как это — объединиться? — остановил оратора Илюха Услабай, сутуловатый крестьянин.

— Организовать артель, совместно обрабатывать землю, — объяснил за рабочего Чертов. — Передать в хозяйство лошадку, корову, свинью, плуг и борону.

— И жену туда не забудь отвести! — крикнул Калина Никитин, из зажиточных крестьян деревни Услаба.

— Жену туда зачем? — не понял Илюха.

Вся караулка захохотала. Чертов подождал, пока народ успокоится, и ответил:

— Не слушай, товарищ, эти кулацкие выпады! Семья в нашем государстве является ячейкой общества, она неприкасаема.

— У меня, кроме семьи, никого нет, нет ни лошади, ни плуга, — присоединился к разговору Тимофей Макаров. — Заложил я их Никитину в голодные годы. Пай хлебного участка тоже находится у него. Семья большая — восемь человек, её надо кормить. Горбатимся, за кусок хлеба как каторжные работаем на него.

— Отберём! — твердо ответил Чертов. — Советская власть не оставит бедных крестьян одних со своими проблемами. В колхозе будут и лошади, и плуги.

— Где их возьмете? — вскочил на ноги бывший хозяин ветряной мельницы Козьма Иванов.

— У вас отберем! — без утайки ответил Чертов. — Слишком долго хозяйничаете на этой земле! Потолстели, брюхо напоказ выставили! Под видом аренды отобрали земли у бедных крестьян, нещадно их эксплуатируете, присваиваете чужой труд, на базарах зерном торгуете втридорога!

— В-о-он как заговорили! — крикнул Козьма. — Это мы ещё по-с-смотрим...

— Ежели так! — громко произнес Тимофей, — Я первым запишусь в артель.

Спорят люди, их души в смятении, и никак не поймут что такое колхоз? Никто его в глаза не видел, руками не пощупал,

на зуб не попробовал. А кому охота остаться без земли? Кто по своей воле отведет домашний скот в чужое стойло.

Присутствие рабочих, напористое выступление Чертова не позволило зажиточным мужикам взять ход собрания в свои руки. Недовольные, обозленные, шумно роня скамейки и расталкивая людей, покинули караулку. На их место присели стоявшие у двери люди. Собрание продолжилось. К вечеру большинством голосов решили создать сельскохозяйственную артель под названием «Броневик».

Егор Семенов, по поручению Чертова, стал составлять список крестьян, желающих вступить в колхоз.

— Первым в колхоз записываюсь, — громко объявил он. — У меня детей нет, живем с женой. Имею коня, две коровы, нужный в хозяйстве инвентарь. Всё передаю в пользу артели.

— Не будь дураком — решил сразу попробовать? — съязвил кто-то из зала.

— Меня запиши! — крикнул секретарь комсомольской ячейки Николай Чурпанов, житель деревни Кивьял.

Природа не очень одарила его ростом, но никогда не даст себя в обиду.

— Подходите! Подходите к столу! — радовался Чертов. — Называйте фамилию, имя, количество детей в семье, наличие лошадей, коровы.

Четырнадцать семей из двух деревень стали в тот вечер членами сельскохозяйственной артели «Броневик». Ещё двадцать мужиков поддержали это начало, но захотели посоветоваться с домашними, оставили решение вопроса на завтра. Из зажиточных крестьян в артель вступил только Никандр Кудрявцев с сыновьями.

В тот же день молодой колхоз «Броневик» избрал своего председателя.

— У меня есть предложение, — начал убеждать народ Андрей Чертов. — Первым в колхоз записался бывший красноармеец, беспартийный Егор Семенов. Он двадцатипяти тысячник, по направлению райисполкома недавно окончил курсы сельскохозяйственных работников, ему и рулить колхозом. Если нет других предложений, ставлю на голосование.

Четырнадцать рук поднялись за Семенова, он не постеснялся за себя проголосовать, тем самым сразу поднял свой авторитет перед односельчанами.

С большим удовлетворением покинул Чертов деревню. Скоро ему предстоит серьезный разговор с хумушскими мужиками. Народ тяжелый, непокладистый. Недаром их называют горлопанами. На сегодняшнем собрании он видел комсомольцев из этой деревни. Надеется с их помощью доступно растолковать жителям о преимуществе колхозного строя.

* * *

В марте 1930 года в деревне Хумуш пошли серьезные разговоры об организации сельхозартели. Обрадовались безлошадные, бедно живущие крестьяне:

— Советская власть худого не присоветует. Всем миром присоединим земельные паи, вместе будем пахать, сеять, хлеб выращивать.

— А где лошади, откуда возьмете семена, хозяйственный инвентарь? Во дворах у вас ветер гуляет, господа голодранцы-артельщики, — подтрунивали над ними крепкие крестьяне.

— Некоторых раскулачим, лишнее отберем, — произнес Степан Апанасов, год назад получивший кресло секретаря в Хумушском сельском Совете.

Темные волосы, угрюмые глаза, круглое лицо, изрытое отметинами оспы — остатками детской болезни, и борода, немного скрывающая болячки, слегка пугают детей и женщин. Мужики на такие мелочи не обращают внимания.

Несмотря на надвигающуюся неизвестность, люди часто начали собираться прямо на улице — прислушиваются к разным разговорам, спорят. Единоличники стали молчаливыми, смотрели на Степана и деревенских активистов с испуганными глазами, а в карманах сжимали кулачок с кукишем. Как не волноваться, по району идут всякие разговоры о раскулачивании крестьянских хозяйств. Под эти жернова могут попасть самые крепкие.

Прошлой осенью жители села Нурос организовали колхоз «Правда» из двенадцати хозяйств. За это время они успели построить коровник, по итогам года на каждого едока получили не менее двадцати пудов зерна. Это волновало зажиточных крестьян. Ведь колхозники своим трудом доказали преимущество коллективной обработки земли. Половина деревни ринулась в колхоз. В стороне остались единоличники-индивидуалисты,

называемые комсомольцами «индусами», но никто не понимал значения этого не очень обидного слова.

Зимним вечером хумушские мужики встретились у сельсовета, как всегда, между ними завязался разговор.

— Христопродавец, голодранец Аланасов верховодит тремя деревнями, обществом, — злобно выразился Мигулай Кильбеков. — Вернуть бы годков пятнадцать назад, я бы показал ему истинное место!

— Не скули! — остановил сына Роман. — Поздно...

— Чего? В колхоз добровольно вступить? Давно ли Степан, увидев тебя, почтительно кланялся, шапку снимал!..

— Никто туда силком не тянет, потом будет поздно! — выругался отец.

— В чем дело! — возразил Мигулай. — Бери лошадей и отведи в колхозный сарай! Я ещё хочу быть хозяином своего двора!

Старый Кильбеков знает, о чем говорит, не пустой разговор начал. Он сейчас думает, как сохранить от раскулачивания свою семью и семьи других уважаемых людей деревни. Он не пень в большом лесу. Корни у него разрослись. Обзавелся крепкой семьей, верными друзьями из районного центра, поэтому пытается говорить от имени народа. Ведь половина деревни к нему с поклоном идут. Всем нужна помощь, все просят подставить плечо.

— Председателем Хумушской артели станет Белов, — раскрыл тайну Илья Акрамов.

Все затихли.

— Кто, кто? — переспросил Роман.

— Белов...

— Тогда артель оставит нас без штанов... — ответил Кильбеков-младший. — На следующий день после создания сельхозартели станем голодранцами. У него же голова варит лишь до обеда!

— Председателем надо избрать Павла Куракова, — предложил Роман. — Наш мужик, крестьянин до мозга костей.

Так и решили настоять на своем. Председателем должен быть Кураков. Никто из них не думал, что руководитель колхоза избирается только членами сельскохозяйственной артели.

Члены избирательной комиссии по выборам нового председателя и состава членов Хумушского сельского Совета собрались в пятницу, в указанное время. Из пятидесяти двух человек деревень Услаба, Кивьял и Хумуш отсутствовали только трое. Иван Гаврилов умер на прошлой неделе. Семка и Михалка Иливановы уехали на лесоразработки. Собрание имело право решать заранее запланированные вопросы по выборам. Из Вурнар вновь приехал представитель исполкома Чертов Андрей Иванович. С ним вместе на собрание прибыла молодая гвардия — восемь комсомольцев из Второго Нуросского общества.

Чертов везде себя чувствует хозяином положения. Перед собранием, на закрытом заседании правления, с бывшими членами Совета он обсудил каждую кандидатуру, выяснил интересующие его вопросы, рекомендовал Степана Апанасова поставить председателем. Перед собранием сидел спокойно, только пальцы нервно барабанили по столу. Непросто решить второй вопрос. Крестьяне в Хумуше не определились, не намеревались создавать артель. Поэтому сюда направили Чертова, преданного коммуниста, понимающего и всецело принимающего насущные задачи партии по строительству нового общества. Многие жители деревни знали крутой нрав Чертова. Люди, беседуя между собой, косо посматривали в сторону районного представителя. Скоро успокоились, устроились поудобнее в большом школьном классе, и курильщики разом затащили домашние самокрутки, от едкого дыма стало трудно дышать. Некурящие потребовали прекратить дымить.

— Товарищи! Раз мы собрались решать серьезные вопросы, есть предложение курить на улице, — начал собрание председательствующий Федот Саваров. — А то, после нас школьные классы придется проветривать три дня, ребятишкам устроить каникулы.

— Правильно, потушите, курни! — поддержал его Апанасов.

— Не то толкуете! Мужик при решении серьезных вопросов, должен головной мозг освежить дымком, иначе соображать перестанет, — иронически возразил Федор Кириллов-Кошкин.

Вот человек. Сидит себе на скамейке тихо, незаметно. Но как выскажет своё мнение, хоть стой, хоть падай. Хохмачом его не назовешь, ну уж слишком острый у него язык на всякие прибаутки.

— Товарищи! Хватит базарить, потушите самокрутки! — не выдержал Чертов.

Мужики перестали дымить, одни потушили сигарки, плюнув на ладони, другие — об подошвы сапог, лаптей. В помещении воцарилась тишина. Началось собрание.

Третий час идет борьба. Ночные петухи пропели свои песни и успокоились, а в сельской школе все ещё горит керосиновая лампа. Страсти раскалялись. Крепкие слова, соленые шутки, шум-гам. Измотанный и издерганный спорами с хмушцами Чертов понял, что собрание пошло не по намеченному руслу.

— Не хотим!... Селиванов думает только о себе!

— Есть предложение: председателем избрать Семёнова!

— Хорошее дело — надели на быка седло!

— Отчего Мирон Ефимов нам не по нутру?

Чертов резко возразил против последней кандидатуры:

— Его недавно судили за обман, за разбазаривание семян!

— Кто вам настучал? — возразил Федот Саваров. — Он семена по совести разделил! Двенадцать семей из нашей деревни получили семьдесят пудов яровых! Волостной суд разбирался, убедился в честности Ефимова и оправдал его.

— Согласны! Давайте Мирона! Советская власть не может неволивать крестьян!

— Вместо Ефимова предлагаю учителя нашей деревни Порфирия Петрова, грамотного и умного человека, — подал голос председатель ослабинского колхоза «Броневик» Егор Семёнов.

— Какой он крестьянин? — заорал Марк Кирук, по прозвищу Хвастун. — Как только чуть подрос, ушел из деревни, на учебу подался, покатался по свету. Приехал, четыре года штаны протирал в волостной конторе, потом нэпманом стал, был кровососом.

— Твою что ли черную сосал, — за Петрова заступились некоторые. — Горбом и руками своими зарабатывал, хлеб выращивал.

— Мы тоже выращиваем! — не сдавался Кирук-хвастун.

— Вставать надо пораньше! — раздался голос Мирона Ефимова. — До семи утра молодую бабу тискаешь, даже надел хлеба вовремя не сумел убрать.

— Не срамитесь, мужики, давайте по-деловому, о кандидатурах, — Федот Саваров пытался остановить выкрики односельчан.

— Зачем собрались здесь?

— Чертов решает за нас!

— Расходитесь, мужики!

— Как это — расходишь! — сердито проговорил Егор Семёнов. — Если сегодня не сможете определиться, то придется рулить самому.

Караулка притихла. Такого никто не ожидал.

— Ну да... — поддержал его Федот Саваров. — Ежели вдуматься хорошенько, такой поворот только в пользу общества, он и так при народе крутится.

Понял Чертов, что собрание не поддерживает его. Он думал: голосование пройдет без сучка и задоринки. Тут словесная драка. Даже председательствующий Федот Саваров не согласен с его мнением, сидит и ножку подставляет. Стоит немного подогреть, вспыхнет, пойдут мужики кулаками махать. Пришлось Андрею Ивановичу повысвить голос, даже немного попугать. Тогда собрание вновь немного успокоилось, опять пошло по деловому руслу, но Чертов остался без поддержки.

Наконец-то основной вопрос решили. Поздно ночью большинством голосов председателем сельского Совета крестьян избрали Егора Семёнова, его заместителем оставили Степана Апанасова, а членами стали Петр Кудрявцев, Порфирий Петров, Николай Чурпанов, Анисим Скворцов, Федот Саваров и Мирон Ефимов. Таким образом, председатель кивьяльско-услабинского колхоза «Броневик» занял ещё один пост, стал председателем Хумушского сельского Совета, сосредоточил в своих руках всю власть Второго Нуросского общества.

Перешли к рассмотрению второго вопроса, который волновал Чертова больше, чем выборы сельского Совета. — Это создание коллективного хозяйства. Хумушцы не торопились. Примерялись, изучали, ждали результата работы соседних колхозов. Опасались провокаторов, лишь бы не получилось как у алгаинцев, когда ночью заполыхало сразу пять домов первых колхозников. В деревне уже имеются ростки совместной обработки земли. В прошлом году Иван Калисов, Григорий Кураков, Гордей Блинов, Василий Керзаков и Мигулай Скворцов

сами организовали сельскохозяйственную артель, но без официального устава. Артель доказала своё: получила с каждой десятины по девяносто пудов хлеба. Несмотря на успехи, никто не хотел принимать новое. Люди понимали, что отказ ничего хорошего не сулит, но каждый упорно держался за свой небольшой клочок земли, не хотел потерять «кормильца».

— Пойдите-ка, пойдите! — поднялся со скамьи Матвей Игнатов. — Земля наша не опчественная, нет никакой артели. У меня семья небольшая, я и старуха, земли тоже немного, но имеется лошадь и овцы. По вашему разумению, я должен остаться без них?

— Овец у себя оставишь, а лошадь придется отдать в колхоз! — серьёзно ответил Чертов.

— Нет уж, милый, дом поднимал дед, отец купил коня, своими руками гнул сани, мастерил телегу. Кто ему помогал? Кто за него пахал, сеял, убирал? Десять лет назад в общество пришел комитет бедноты, реквизирует хлеб, коня отобрал для нужд Красной армии. Я не против, если в разумных пределах. А то, не имели ни совести, ни границ, даже семенное зерно выгребали. Потом голод, НЭП. Не успели немного отдышаться, сейчас, значит, мы вновь должны сунуть головы в хомут!..

— Не хочешь, оставайся единоличником, никто силком тянуть не будет! — не выдержал Чертов.

— Власти неволят. Сейчас все мое имущество хотят отобрать. А я хочу трудиться на своей земле, иметь в хозяйстве лошадь.

— Была собственная, стала общественная! — подал голос Гордей Блинов. — Там не будет ни моего, ни твоего — всё колхозное. Придется попотеть на чужого-то.

— Не пойдем в колхоз! — кричали мужики. — У нас свой колхоз, более двухсот лет крестьяне сами правили обществом, без хлеба не жили!

— Поймите же, всё решим подобру, никого неволивать не будем, — начал выходить из себя Чертов.

— Колхоза не создали, а отобрать решили!

— А что будут отбирать?

— От поросенка уши!

— А Россеюшку хлебом кормить надо, слезами нашими поить!

— Пусть Чертов идет хлеб выращивать!

Обиделся уполномоченный на хумушских крестьян. Хотел прикрикнуть, да не посмел. Что делать? Малограмотные крестьяне-единоличники сегодня не в состоянии решить какое-либо серьезное дело. Чертов предполагал, что его выступление может иметь негативные последствия, но, не сдержался:

— Революция, как половодье, разлилась по нашей великой стране. Она переломала, унесла прочь врагов советской власти. В этом водовороте исчезнут кулаки, чуждые революционному духу разные спекулянты, бездельники и всякие саботажники. Страна большая, но хлеба недостаточно. Бедняки и середняки на своих плечах это не вытянут, половина жителей не имеют ни лошадей, ни коров. Кулак, единоличник так хлеб не отдаст. Опять к нему, к эксплуататору, пойдете с поклоном? Или, обобществляя землю, скот, инвентарь, создадите артель. Будете совместно обрабатывать землю, получите отменный урожай, как в нуросском хозяйстве. Сегодня в деревне совершается переворот, всё равно колхоз будет строиться. Придет время, вы все станете колхозниками...

— Не пойму, — поднялся Роман Кильбеков. — В деревне запишутся в сельхозартель не более десяти хозяйств голодранцев, у них никогда не было домашнего скота. За лошадьми и посевным материалом к кому будете обращаться?

Чертов решил не сдаваться:

— Согласен с вами, сегодня без середняка, без лошадей нам не выжить. Через пять, десять лет они не пригодятся. Путиловский завод начал выпускать тракторы, в стране строится ещё два таких промышленных гиганта, скоро железные кони заменят десятки, сотни лошадей. На первое время семенами поможет советская власть.

Слова Чертова оказались не к месту. Сегодня-завтра мужику надо выйти на посев, а уполномоченный рассказывает им сказки.

— Болтает, сам не знает о чем!

— Когда ни умирать, а день терять!

— Он правду говорит, газеты читать надо, — поддержал уполномоченного Федот Саваров. — Забыли голод двадцать первого! Коллективно победили, вырвали из лап смерти детей, себя спасли! Разве нам советская власть не оказала помощи?

— Дельно говоришь, Федот! — поднялся с заднего ряда Савар Леонтьев. — Мы не против властей и политики, проводимой ими.

Советскую власть почти вся деревня защищала: одни служили в Красной Армии, другие боролись с контррой. Царя никто не ждет, крестьяне хотят иметь такую власть, которая не отбирала бы последние куски, а разрешила самим решить, куда деть урожай. Я готов записаться в артель, предоставить свой большой сарай для общественного скота.

Эти слова понравились Чертову, дали силу и уверенность.

— Первыми в районе организовали артель алгазинцы, назвали свое хозяйство «Рассвет», — продолжил он, — ему не дали договорить.

— Знаем!

— Видели зарево!

— Жили вкривь и вкось, надеялись на авось!

— А как полыхали хозяйства первых колхозников!

Чертов в душе выругался, опять пример оказался не самый подходящий. Но назад не попятился:

— В самые трудные годы в деревне Шохаль несколько крестьянских семей объединились для совместной обработки земли и создали коммуну «Амазер». За семь лет они построили двадцать жилых домов, животноводческую ферму, столовую, двухэтажный клуб, организовали пасеку, смонтировали зарубежный инкубатор «Джемсвей». Хозяйство косит траву косилками, хлеб убирает жнейками.

— Разкудри твою коммуну! — воскликнул Мигулай Скворцов. — У них там собственного куса хлеба нет. Всё общественное. Крестьяне заложили себя, жен, детей, украшения женщин — купили косилки, инкубатор. Только неизвестно, чьи коммунары там рождаются?

— Выбирайте выражения, не тем местом думайте, а головой, — не выдержал Чертов.

Всегда спокойный, самоуверенный, умеющий в любых ситуациях находить нужные слова, впервые растерялся. Вскочил на ноги, покраснев от злости, тихо вымолвил:

— Что такое, каждое мое предложение принимается в штыки!

— Не кипятись! — успокоил его Федот Саваров. — Ты растолкуй так, чтобы люди поняли, сами решили создать артель. Крестьяне сегодня другие, чем при царе. Нужно ли их объединять? Может, правильнее направлять работу крестьянина, помочь встать на ноги, тогда и на столах городских будет пышный хлеб!

Не смог на этот раз Чертов уговорить крестьян объединиться, создать сельхозартель. Такого поражения он не ожидал, поэтому, не дожидаясь закрытия собрания, ушел. «Главный вопрос решен, председателем сельского Совета избран преданный советской власти человек, — подумал Чертов, выходя из школы. — С артелью чуть подождем, придет время, поймут, что без колхоза не обойтись».

Посмотрел вокруг — темнота, глубокая ночь, нигде не видно огоньков, даже собаки не лают. Силуэты жилых домов, строений, высокие ветлы немного пугали Чертова. От холода вздрогнул и быстрыми шагами пошел в сторону Нурос.

После ухода уполномоченного, народ не торопился расколоться. Много было сказано резких слов в адрес властей. Федот Саваров несколько раз просил поостыть, предупреждал об ответственности. Пока решили не объединяться — не время создавать артель. Это надо было закрепить подписями. Протокол положили на стол, крестьяне зароптали, никто не хотел первым поставить свою фамилию.

Выход нашел Савар Леонтьев. Глубоко вздохнул, внимательно посмотрел на всех собравшихся, начертил карандашом круг, и первым поставил свою подпись. Люди поддержали его, по кругу стали прикладывать руки. Властям трудно будет определить, кто расписался первым. Всех не накажешь, в Сибирь не отправишь.

Чертов оказался прав. Не прошло и недели, в деревне Хумуш собрался комитет бедноты и организовал артель «Молодой колхозник» с официальным уставом. К ним присоединились шесть хозяйств середняков.

* * *

Народ в обществе Второе Норусово прослыл ушлым, знает толк в жизненных перепутьях, старается предусмотреть надвигающиеся беды. На сей раз не угадал. Получив протокол собрания крестьян деревни Хумуш, анализируя круговую поруку мужиков, власти района задумали что-то нехорошее. Но почему-то составление списка зажиточных крестьян начали с этой деревни. Утром туда на своем тарантасе прибыл начальник районного ОГПУ Майоров Виктор Иванович. Опрятный и

подвижный, но от ежедневного бритья подбородок и виски всегда синеватые словно каленая сталь. С порога начал командовать. Заранее выгоняя злость из себя, посетителей выставил за дверь, а от председателя артели «Молодой колхозник» Ивана Калисова потребовал представить утвержденный список кандидатов на раскулачивание. Сам удобно устроился за столом. Услышав ответ, что в деревне Хумуш эксплуататоров нет, только середняки, сумевшие своими руками поднять хозяйства, от ярости порозовел, изменился в лице и выпалил:

— Тебе известно постановление райкома партии и райисполкома о всеобщей коллективизации. Вы тут черт знает чем занимаетесь!

— Мужиков в колхоз, как скотину, на верёвке не потащишь.

— Ты, дорогой Калисов, с кулаками спелся! Сказки тут рассказываешь! Только вчера этот вопрос рассмотрели на заседании президиума райисполкома.

— Какой такой вопрос?

— О кулачестве. Утвердили список кулаков трех деревень.

— Как утвердили? — не понимал председатель. — Почему без нас?

— Сельсовет согласовал, — ответил Майоров. — Значит, колхозное руководство вышло из доверия.

Иван Калисов родился и вырос в этой деревне, в лицо знает каждого жителя. Люди здесь сами решают — кому и на каком поле что сеять. Если кто-то не смог вовремя управиться с посевной, то соседи приходят на помощь. Хлеб убирать, обмолачивать объединяются по две-три семьи. В летнюю пору люди работают в поле от зари до зари, по четырнадцать-пятнадцать часов. При этом успевают управиться в своём огороде, присмотреть за скотом, испечь хлеб, приготовить еду. Деревня не бедная: почти в каждом доме корова, лошадь, овцы, гуси, куры, поросенок. Только в последние пять-шесть лет люди начали жить по-человечески, почувствовали вкус свежего хлеба. Девять семей не имеет живности. Где много детей приходится трудновато. Три семьи — обыкновенные лежебоки, им хоть трава не расти. Они уже колхозники.

— В деревне не нашли ни одного кулака?! — возмутился начальник районного ОГПУ. — Я вам продиктую не менее двадцати дворов, кого можно потрясти!

— Никто чужим трудом амбары хлебом не набивал, наемных работников не держал! — не сдавался Калисов.

— Так, так! — сквозь зубы произнес Майоров. — Советскую власть на кулаков променял! Пытаешься уклониться от принятого и утвержденного постановления райисполкома.

— Знаешь ли ты!..

— Знаю! Страна, как дитя, только начинает вставать на ноги, а такие, как ты, пытаются выгородить внутреннего врага, защищают их. За это можно к стенке поставить...

— Ну! Стреляй! Пока существует колхоз, решение будем принимать коллективно. Покажи мне список, кому туда угораздило попасть. Могу заранее сказать, они трудолюбивые, настоящие хозяева, государству хлебом помогают. Пока не все вступили в колхоз. Нельзя туда загонять, как баранов. Многие из них в Красной армии кровь проливали, во время голода последним куском делились, но пока от колхоза отказались, остались единоличниками. Через год поймут. Будет урожай — наша возьмет, осенью сами принесут заявление.

— Брось ты!.. Кулачье отродье! — настойчиво, раздражительно проговорил Майоров. — В Кюльхири твоего брата Владимира уже раскулачили. Да и другой брат проживает в хоромах с железной крышей, не раз использовал наемную крестьянскую силу, эксплуатировал трудовой люд.

— Дом построил отец, своими руками поднял, — вспыхнул Иван Калисов. — Владимир управляемый человек, дом самовольно отдал под школу, а Трофим сейчас учителем в Нуросской школе.

Понимал председатель, что начальник милиции эти слова изрек неспроста. Была бы его воля, сегодня же все три брата с семьями оказались бы в Сибири.

— Отец! Не он ли служил в волостном полицейском управлении?

— Тогда было царское время.

— Женился на дочери кулака!

— Злобствуешь, на безвинных людей кидаться! Они мои родители, давно ушли в мир иной!

Майоров вскочил на ноги:

— Ты не торопись отделить меня от власти, с восемнадцати лет я в революции: сражался, всякую контру видел, с саблей в руках очищал их с советской земли, гонялся за басмачами,

а сейчас кулаков загоняю в сети! Трудовых крестьян никто не трогает.

— Значит... В этом списке не трудовой люд! Даже не думал, что беззаконие в районе идет из вашей конторы...

— Товарищ Калисов!

— Что?! Правда глаза колет!

Председатель колхоза и начальник ОГПУ задыхались от ярости, ещё немного и вцепились бы друг другу в горло. В это время скрипнула дверь. Оба замолчали, только маятник ходиков громко тикал, торопя время вперед, к неизвестному.

В правление вошёл Андрей Чертов и с удивлением посмотрел на мужчин:

— Ради чего вы тут разошлись? Грохот на улице стоит.

— Нельзя так огульно поступать, — ответил Калисов.

Уполномоченный без лишних слов догадался, о чем речь и сходу встал на сторону начальника районного ОГПУ.

— Решение президиума райисполкома — это закон. Раз советская власть решила, нам остается только исполнять. Кулачество мы уничтожим, остальные сами побегут в колхоз.

«Ищут повод для расправы со мной, с братьями! — встревожился Калисов. — Что происходит в стране? С какой стати надо раскулачивать десять семей в Услабе, восемь хозяйств в Кивьяле, шесть — в деревне Хумуш и отправить в Сибирь. Почему власть идёт против крестьян?».

— М-мда, крепко, видно, дубасили друг друга, раз битый час в молчанку играете, — сказал Чертов, потом вытащил из кармана вчетверо сложенный листок бумаги и многозначительно изрёк. — Вот разрядка из района, будем пользоваться утвержденным списком. Это согласовано во всех инстанциях.

— Чего языком чесать, покажите уж бумагу, — насторожился Калисов.

— Раскулачивать можно любого. У крестьян есть земля, значит, имеется лошадь, инвентарь, он обрабатывает землю, получает урожай, значит, мелкий собственник, — изрёк Чертов, нарочно наступая на самолюбие Калисова.

— Он не собственник, а угнетенный труженик, — возразил председатель. — Как же получается — кто трудяга, кто совестлив, кто своим горбом зарабатывает хлеб — того будем раскулачивать? Уничтожать будем?!

Получив список, ответа не дождался, вслух начал читать фамилии односельчан, которых президиум райисполкома принял решение погубить. По ходу пущи прежнего начал возмущаться:

— Емельян Васильев — муж с женой, две взрослые незамужние дочери и три сына. Они всю сознательную жизнь выращивают хлеб, да, живут зажиточно, пасеку держат, но без наемного труда. Федот Саваров — опоздали, он оказался умнее всех, продал колхозу свое хозяйство, живность, посадил детей на телегу и подался в Сибирь. Сенька Микитин — первым вышел на субботник, народ поднял на строительство коллективного пруда. Какой сад растет, как он ухаживает за ним, всех жителей деревни заразил садоводством. Вы и эту семью в Сибирь? Михаил Макаров — он ведь крупорушку, выстроенную своими руками, даром передал в руки общества, сейчас это колхозное добро, сам он передовой колхозник! А Илюш Сътапанов — и его раскулачивать за использование наемного труда? Какой у бондаря наемный труд? У него главное богатство — двуручная пила! Зимой, когда заготавливал дерево, нанимал себе помощника, пилить вдвоем сподручнее! Вот и весь его наемный труд! Тимахви — этого старика куда, он до места не доедет, жена Анастасия больная, летом на улицу иногда выходила, сейчас совсем слегла...

Иван Калисов прочитал вслух все фамилии крестьян своей деревни. Начальник ОГПУ Майоров и уполномоченный Чертов стояли около него и ждали, когда председатель колхоза прекратит этот «балаган».

— Кто мог приложить руку к этому, кто подсказал, как эти люди попали в список на раскулачивание? — пытался уточнить председатель. — Кто ответит за такое беззаконие?

— Придет время, и ты ответишь за укрывательство врагов советской власти! — процедил сквозь зубы Майоров.

Иван Калисов список вернул Чертову. Ноги перестали чувствовать пол, он медленно сел на старую табуретку.

Начальник районного ОГПУ Майоров и уполномоченный Чертов — государственные люди, должны выполнить распоряжения своевременно и в срок. Сейчас они во всех грехах обвинили председателя артели «Молодой колхозник». Перед уходом предупредили, что раскулачивать начнут в пятницу, до этого просили не распространяться.

Георгий Алексеев не торопился в колхоз. Наблюдал, как долго просуществует эта община. Думал: «Семьдесят лет назад отменили крепостное право, крестьяне получили личную свободу, им были предоставлены земельные участки в аренду, за что они отработывали барщину или платили оброк. На территории нынешней Чувашии сельчане всегда жили общиной, были государственными крестьянами, но многие только существовали, бедность часто их в могилу загоняла. Советская власть тоже стала отнимать хлеб, последнюю копейку. Сейчас крестьяне опять оказались в крепостной зависимости. Власти выступили как коллективный помещик, а крестьяне стали коллективными крепостными. За последние десять лет народ третий раз голодает от засухи, от безумной политики большевиков. Они же утвердили единую паспортную систему с обязательной регистрацией.

Георгий четко усвоил: без паспорта ему не выбраться из колхозной нищеты. Учительского жалования хватает только на пропитание семьи. Жена не умеет ни читать, ни писать, но в последнее время научилась упрекать его за нерасторопность, за неумение получать выгоду. Да! Он помогает людям составлять деловые бумаги, прошения, иски в различные конторы. Не берёт ни копейки. Был уполномоченным деревенского общества при рассмотрении проекта развертывания Покровско-Нуросской дачи, то есть участвовал при распределении лесных делянок для жителей окрестных сел и деревень. За копейки отработал почти год. В прошлом году у самого отобрали последний участок земли, а сельский комитет выдал бумагу, будто Георгий Алексеевич лично отказался от надела земли.

Сергей со своей семьёй подался в колхоз, поднимает объединенное крестьянское хозяйство. Георгий спокоен за родителей, вовремя ушли в мир иной. Иначе им пришлось бы на своих плечах испытать все прелести советской действительности. Как иначе — отец служил в жандармерии, мать — дочь торговца. Они оказались бы первыми в списке разоряемых, вместе с ними и дети отправились бы осваивать сибирские просторы.

В душе Георгий радовался, что огород не отрезали, не обрекли семью на голодную смерть, ещё можно выращивать картофель, морковь, капусту, репу, а на покупку хлеба он заработает.

Сегодня он был в районном отделении народного образования, вернулся поздно, присел рядом с женой и начал разговор:

— В деревне нам не прожить, заработная плата маленькая, в городах за эту работу платят в три раза больше. Получил разрешение продолжить учебу в Казанском восточном институте, выдали паспорт, устраюсь на работу, потом вас заберу.

От его слов Катерина затряслась от страха:

— Ты подумал, как я буду поднимать четверых? — всхлипывая, вытерла слезы.

— Я тебе сказал! — ответил как можно спокойнее Георгий. — Устроюсь на работу, буду высылать деньги!

— Кроме денег, детям нужен отец, без мужской поддержки их на ноги не поставить!

— Поставим, они у нас смышленные.

Тяжело ступая, Георгий подошел к ведру с водой, зачерпнул ковшиком, хотел напиться, но Катерина вспылила:

— Как понять, почти сорокалетний деревенский мужик бросает семью, едет учиться. Нужны тебе эти книги! Жить-то осталось на этом свете не более двадцати лет!

— Не могу я так существовать, хочется свободы, душит меня эта социалистическая коллективизация!

— Мы и так в колхозе не состоим.

— Не вступили. Почему я должен отдать сельскому комитету корову, лошадь, весь инвентарь?

— Отберут, уже остались без земли.

— Совести не хватит.

— Про совесть заговорил. Вон, у нас, сколько дворов раскулачили, с детьми отправили в Сибирь. Остальные испугались, сразу записались в колхоз.

— Колхоз от нас никуда не уйдет, — глубоко вздохнул Георгий.

— Нас тоже давно по миру пустили бы, конь твой вовремя сгинул. В деревне говорят, что ты специально загубил животное.

— На чужой роток не накинешь платок.

— Кто сейчас поверит?!

— Переживем... — хотел успокоить Георгий жену, но Катерина засуетилась, вспомнила, что корова не доена.

Не успела выйти во двор. Дверь открылась, и в избу вошла Анфиса, жена двоюродного брата Васянки.

Деревенские жители знают, почему иную бабу, сварливую женщину, называют «несушкой». Такая «кура» всегда готова драться за место у кормушки, раскудахнется на всю деревню, будто она, именно она, только что снесла золотое яйцо.

— Катерина, невестушка ты моя, думаю, не откажешь, — произнесла она, переступая с ноги на ногу. — Пригласили в гости в Ядры на шурпе, не хочется выглядеть общипанной хохлаткой. Ты меня не раз уже выручала, помоги.

До сих пор Катерина терпела выходки соседки, тут не выдержала. Ей стало обидно, что Анфиса беззастенчиво носит весь её лучший наряд с чувашскими вышивками, притом перед людьми хвастается как своим. Катерина в последнее время не часто бывает в гостях, а выходной сарафан с передником только успевает стирать после Анфисы. Сейчас неуместная просьба соседки подступили к сердцу.

— Может тебе и панталоны отдать? — с горечью воскликнула она.

Анфиса не поняла огорчений соседки:

— Хотела попросить, дорога длинная. Не лето ведь.

Екатерина была в тупом отчаянии, она не выдержала:

— Господи, за что мне такая мука! — вспыхнула она, поочерёдно сверля глазами мужа и соседку. — Будьте вы неладны с городом и панталонами!

— Вот как? — округлила глаза Анфиса. — Трясёшься над мешковиной с вышитыми красными и зелеными петухами!

— Что же ты тогда ходишь в этой мешковине? Не раз щеголяла перед людьми моими нарядами! — кричала Катерина. — Кудахтала перед бабами, что сама вышивала, а постирать после себя не удосужилась!

— Тьху, на вас! — запричитала соседка. — Навсегда запомните этот день!

Анфиса ушла, хлопнув дверью. Катерина заревела. Георгий поник. Впервые он видит жену такой. Десять лет живут вместе, считаются счастливой семьёй — помощниками друг другу. Вдруг теплые слова, не высказанные за годы совместной жизни, полились из его сердца.

— Екатеринушка! — отчаянно произнес Георгий. — Катерина ты моя! Жена!

Он крепко прижал её к себе. Она немного успокоилась, стала прежней — ласковой, сердечной.

— Может всё уладится, наша жизнь побегит по-прежнему ровно, без мучений, взаимных упреков? — шептала Катерина, всхлипывая.

— Уладится, уладится... — бормотал Георгий.

— Ты нас оставишь?

— Надо учиться... В городе будем жить. Вас туда увезу.

— Найдешь русскую майрушку*?

— Ты моя майрушка, мать моих детей, до самой смерти останемся вместе.

Катерина прижалась к мужу, а Георгий целовал её в щеки, в лоб. А около двери стояли только что вошедшие с улицы дети, улыбаясь, удивленно смотрели на родителей...

3

Федота Саварова предупредили, что его хозяйство собираются разорить, а семью отправить в Сибирь, откуда дороги назад нет. «Пусть у меня не будет лошади, коровы, собственного дома, но никогда я не стану кулаком, останусь в родном краю», — думал он, принимая решение. Несмотря на молчаливое возражение жены, решил уехать, устроиться в коммуне «Волонтер». Задуманное довел до конца — съездил, договорился на месте, продал дом. Тихо, без лишней суматохи передал пятистенку новому хозяину. Дом купил Совет бедноты родного общества под школу, под крестьянский сход. Сани, инвентарь, нужные вещи оставил у брата Лазаря. Домашнюю утварь отец унес в баню.

Половину вырученных денег от продажи дома передал жене Танюк и приказал сохранить во что бы то ни стало. Другую половину разделил на две части, одну отдал отцу, другую часть оставил для вступления в коммуну.

Савар Леонтьев отказался от этой затеи, решил жить в бане старого хозяйства. С ним остались старший сын Эрхип и шестнадцатилетняя дочь Улька.

На следующий день, теплым майским утром, на груженую разными домашними вещами повозку Федот посадил жену, троих детей, попрощался с родными, соседями, вышедшими

*Майра, майрушка — русская женщина.

их провожать, до пояса поклонился родной земле и двинулся в путь, за двадцать верст, где его семью ждала райская жизнь коммуны, обещанная Советами.

Коммуна «Волонтер», где строилось новое общество, встретила их приветливо. Председатель коммуны Игнатий Антонович Антонов обрадовался лошади и деньгам, переданным Федотом в общий котел. Рабочих рук не хватало, а тут появились два крепких работника, муж и жена со своей семьей — кузнец и кухарка. Поэтому без лишних проволочек устроили жить в недавно построенном доме на два хозяина, выделив им довольно большую комнату.

Вечером состоялось собрание, где Саваровых приняли в состав коммуны, зачитали им устав, рассказали о правах и обязанностях. Так семья Федота стала ячейкой нового общества, а члены семьи волонтерами. Здесь жили коммуной, никто не имел личного хозяйства, собственных денег, всё было общее. Работали, вели совместное хозяйство, питались за общим столом, не надо было думать о еде на завтра. За всех решал Совет коммуны. Ежедневно проводили митинги, собрания, подводили итоги, определяли победителей, передовиков дня. В их честь поднимали флаг на сутки. Так день за днем.

Два года прошло, как семья Федота живет на новом месте. Он целыми днями трудится в кузнице, Танюк варит вместе с тремя женщинами еду для коммунаров.

С детства любит Федот запах кузницы. В середине стоят две большие наковальни, рядом — печь со старыми мехами. Начнешь их качать, подается воздух на угли, десятки, сотни искорок начинают плясать в горне. Тут же три кадушки с разными щипцами. Вода там застоявшаяся, прокисшая. Но, ни один кузнец не будет менять такую воду — примета плохая: металл быстро постареет, деталь отвалится где-нибудь на дороге. Левее — верстак с железными тисками, на нём выложено множество инструментов. На правой стороне кузни специальный угол для разного хлама — ненужные детали, кусочки железа — вдруг пригодятся. С утра здесь стоит звон разного калибра молотков. Эту мелодию понимает только Федот, потому что исполняет её сам.

Неладно в душе кузнеца. Работают ударно, но средства для существования в коммуне с каждым днем иссякают. Председатель

Игнатий Антонов стал часто заходить к нему в кузницу на разговор, стряхнуть с себя накопившийся груз. Смотрит на горящий уголь и вздыхает. Как-то Федот осмелился и спросил:

— Что-то ты тоску грустную наводишь?

Антонов молчит, но нервишки у него как будто вылезли наружу.

— Что молчишь, Игнатий Антонович, тяжела ноша коммуны, и вожжи не слушаются? — поинтересовался Федот.

— Трудновато, что-то перестал соображать, — вздохнул председатель. — Нет согласия со старостой.

— С ним конфликтовать не стоит...

Федоту захотелось немного приоткрыть глаза председателю.

— Не доверяешь старосте? — спросил Игнатий Антонов.

— Доверять?! Он ведь отзывается только тогда, когда обращаешься на вы.

— Н-да, а к Всевышнему обращаемся на ты.

— В каждом человеке есть волчьей шерсти клочок, — согласился Федот, потом прищурившись, ответил. — Мир не без добрых людей.

— Поэтому пришёл, не с кем поделиться.

— Именно ко мне пришёл...

— Именно к тебе, Федот Саварович! Я ещё не понял, почему ты появился в коммуне, но помню, как ты работал волостным старшиной.

— Да, приходилось, — выложил Федот. — Это было после февральской революции. Нуросский волостной сход избрал меня как кавалера Георгиевского креста — старшиной.

— Не надо передо мной оправдываться, я грехи не отпускаю, — сдержанно ответил Антонов.

С этого момента между Федотом и председателем коммуны сложились близкие отношения, они часто говорили о дальнейшей судьбе коммуны, о людях, прибывших сюда. Крестьяне не виноваты, что поверили в коммуну. Жили впроголодь, думали, именно здесь найдут свое счастье, досыта накормят детей, поэтому жизнь в обществе сначала им казалась сказкой. Больше всего любо было то, что написано в уставе: «Каждый трудится по своим силам и получает по своим нуждам в зависимости от состояния хозяйства. Продукты в коммуне находятся в полном распоряжении общего собрания коммунаров, а коммуна

снабжает своих членов продуктами питания, предметами первой необходимости». Что ещё нужно бедному крестьянину!

Тогда коммуна только поднималась. Вурнарский райисполком задумал здесь создать опытно-показательное хозяйство животноводческого направления и выделил им дополнительно более трехсот гектаров земли и шестнадцать лошадей. Все ждали чуда...

Распределение людей на работу производится старостой коммуны. При этом он перед утренней разводкой ежедневно предупреждает работников: «Каждый трудоспособный член с шестнадцати лет обязан добросовестно трудиться, не отказываясь ни от какой работы, подчиняясь уставу, внутреннему распорядку установленной дисциплины труда и постановлению общего собрания». Скоро увеличил продолжительность рабочего дня. Теперь — весной, летом и осенью она составляет пятнадцать часов, зимой — с семи утра до десяти часов вечера без выходных. Люди отчуждены от родных, некогда встречаться. Даже для молодежи нет волюшки.

В последнее время многие не смогли купить одежду и обувь, на работе износили последнее, люди стыдились заплаток. Коммунары захотели держать мелкий скот, птиц. Некоторые горлодеры нашли теплые места в коммуне, много требовали — для них стали варить отдельную еду. Коммунары заметили, что руководство перестало сидеть с ними за одним столом, беседовать по душам. Митинги и собрания стали проводить для проформы, начался ползучий развал общества. Тогда и коммунары перестали трудиться в полную силу, теперь в хозяйстве не хватает рабочих рук, сельскохозяйственный инвентарь на глазах разваливается.

Пять лет назад Игнатий Антонов тоже поверил обещаниям партии, сам напросился на должность председателя коммуны. Воевал, во время гражданской войны партизанил в сибирских лесах, вернулся домой, полгода руководил Хабызским волостным Советом рабочих и крестьянских депутатов. Думал, перевернет мир, о коммуне будут говорить как о самом справедливом обществе, объединяющем равноправных людей, строителей нового мира.

Однажды Федот не выдержал, спросил у председателя:

— Может, я такой непонятливый. Кто и зачем придумал эту коммуны?

— Чтобы народ держать в ежовых рукавицах.

— Вот те на! А колхозы и раскулачивание для кого задуманы?

— Трудные вопросы выкатываешь, порою я сам как первоклассник, не могу осмыслить. Вокруг говорят о счастливой жизни в будущем, в то же время пускают по миру крепкие хозяйства.

— Счастливая у нас с вами жизнь: каждый работает как может, а еду получает по числу душ за столом... — прищурился Федот. — Проедим последние деньги, и коммуна лопнет, как мыльный пузырь. В этом могут обвинить тебя.

— В том и беда. Крайним окажусь я.

— Попробуйте куда-нибудь перевестись, «заболеть», наконец.

— Желание есть, но возможности отсутствуют, — признался Антонов. — Поздно. Я здоров как бык. Деньги уже кончились, до нового урожая далеко, в долг нам никто не даст, скоро опустеют столы. С содроганием жду этого дня. Староста ежедневно «стучит» в район.

— Щенок лаял на свою мать, да угодил волку в пасть, — пожал плечами Федот. — Откуда знать: где найдем, что потеряем, когда провалимся?

— Осенью, — совсем скис председатель. — После сдачи государственного минимума зерна мы погибнем. Хлеб пятый год подряд сеем на песчаных полях, получим не больше тридцати пудов с гектара. На зиму ничего не останется, о посевном зерне я вообще молчу.

— Не хорони себя раньше времени, может, уладится. Не тревожь душу попусту.

— Вряд ли. Где водятся волки, козе не житье...

Председатель выпрямился, вздохнул так, будто собрался поднять что-то тяжелое, ударился об инструментальный шкаф, чуть было его не опрокинул. Хотел что-то сказать, махнул рукой и ушел, не попрощавшись с кузнецом.

Федот задумался. Вот те жизнь — то стремительно поднимается вверх, потом с визгом катится вниз. Сначала и у него получалась. Воевал с германцами, вернулся домой без двух пальцев рук. Работал волостным старшиной, к нему шли крестьяне из тридцати двух деревень, совместно решали насущные вопросы, просьбы без внимания не оставлял. Голодные годы преодолели. Новая экономическая политика позволила встать

на ноги. Отремонтировал дом отца, купил коня, обрабатывал не только свои земли, но и арендованные. Когда рук не хватало, звал на помощь односельчан. Урожай продавал, рассчитывался со всеми, думал, лучшей жизни и нет. Вот именно в этот момент жизнь стала: угнали коня, сгорел дом, умер младший сын. Всё за один год.

Руки опустились, думал, пропадёт, но нашел силы, не скис, вновь включился в борьбу за выживание. Поднял новый дом, но кто-то написал, что Федот Саваров эксплуатирует бедняков, заставляет работать на строительстве без оплаты. А ведь помогали родные, двоюродные братья, их жены. С ними договорился, что рассчитается за год. Некоторые односельчане, наверное, его неправильно поняли. Угодил в список кулаков. Сначала принял решение, продать дом и уехать в Сибирь. Но вовремя узнал о коммуне, остался, пусть не в своей деревне, но недалеко.

Не ошибся Игнатий Антонов: осенью коммуна распалась, её преобразовали в колхоз с уставом сельскохозяйственной артели. Сначала бывшего председателя сняли с работы, потом за вредительство, за развал коммуны судили. Вспомнили его грехи, постарались противники и завистники. Больше никто его не видел.

Федот принял решение вернуться в родную деревню. Теперь он никому не позволит зубоскалить, не позволит упрекнуть. Вернется домой без лошади, но другим человеком, знающим, как жить, как вести себя, о чем говорить, о чем молчать. Об этом и жене строго-настрого наказал.

* * *

Домой вернулись пешком по первому снегу. Двадцать вёрст в худой одежде, ноги в лаптях, с вещами преодолели за шесть часов. Устали, но глаза сияют, больше всех рады дети и Танюк. Старшая дочь Улька бегает по дому, как заправская хозяйка, готовит на стол еду, на ходу обнимает, целует братьев и сестру, прижимается к матери. Эрхип стал мужиком. Дед Савар, хотя и старается скрыть свои чувства, но глаза его блестят, небольшая бородака трясётся. После смерти жены Ирени он немного сдал, стал молчаливым и задумчивым.

— Дома мы, дома, слава Господу! — сияет Танюк.

Она сохранила ту часть денег, которую дал ей муж, не внесла в общий котёл коммуны. Вот когда они пригодились: можно купить муку, зимние вещи для детей. И Савар не истратил свою долю, сразу же выложил деньги на стол.

— Мир перевернулся, — вздохнул Федот.

— Ещё как перевернулся, — ответил Савар.

— Схожу в колхоз, поговорю, заодно заявление напишу.

— Куда, какое такое заявление? — испугалась Танюк.

— В правление... В колхоз попрошусь.

— Можно завтра. Утро вечера мудренее.

— Оставишь на долгое время — зарастет отавой, — произнес Федот.

Танюк отступила, поправила у мужа ворот кафтана, попросила вернуться к ужину. Сказала ради красного словца. Федота до первых петухов не жди. Пойдет в колхоз, а потом завернет в караулку, где по вечерам мужики обсуждают последние новости.

Несмотря на поздний вечер, в правлении горела керосиновая лампа. Федот не стал стучаться в дверь, снял картуз и вошел. Колхозники с удивлением посмотрели на него. Кураков, не вставая с табуретки, внимательно изучил Федота и недовольно проговорил:

— Вот и коммунары прибыл, наверное, хочет опытом поделиться...

Павел Николаевич Кураков недавно стал председателем. Иван Калисов не выдержал противостояния. Сдался, сам попросился заместителем к нему.

— Пусть опыт передают начальники, а я к вам насовсем, зашел вручить заявление, — протянул Федот листок бумаги, написанный дома.

— Заявление, говоришь, — с насмешкой ответил Кураков, желая таким образом повлиять на собравшихся членов сельхозартели. — Лошадь и дом оставил в коммуне, а к нам без портков, на готовенькое. В колхоз с пустыми руками не приходят, кроме бумаги, живность на ферму пригоняют.

Председатель с детства знает Федота, знает его характер и ум.

«Заранее продал свое хозяйство, спас семью от раскулачивания, — подумал Павел. — Но не мог этот человек всё

богатство оставить в коммуне. Два года в деревне не появлялся, но на сапоги, на шубу для себя и для жены, несомненно, припрятал. Хитёр шельмец, стоит передо мной и трясет бумажкой, в колхоз собирается...».

Федот ведает: неплохой Кураков человек — молодой, справедливый, рассудительный. Не трус, терпеть не может бездельников, особенно достается бедным, считает, что в этом они сами виноваты, не хотят трудиться как остальные. Здесь есть доля правды, но не всегда виноваты люди. Когда в хозяйстве нет лошади и коровы, на ноги не встанешь. Приходится горбатиться на других, чтобы всей семьей не умереть с голоду.

— Чего в рот воды набрал, или в коммуне язык укоротили? — не унимался Кураков.

— Зашел не с плохими намерениями, — сверкнул глазами Федот. — Я по-доброму хотел.

— По-доброму? Ты скиталец, хорошей жизни ищешь, на чужом горбу хочешь в рай въехать.

— Я не танцевать, а работать прошусь.

— Без твоей семьи обойдемся, — выдавил Кураков сквозь зубы, а сам в это время подписывал какие-то бумаги, успевая перебрасываться словами с другими членами сельхозартели.

— Куда посоветуете нам деться? — спросил Федот.

— Хоть обратно в коммуны! — отрезал председатель. — Вопросы есть? Нету! Тогда — привет!

Тут председатель от своих слов немного смутился. Перед ним стоит не голодранец с заплатами штанами. Федот знает себе цену, надо будет, ох, как за себя постоит.

— Значит, в коммуны! — сердито посмотрел Федот на всех, при свидетелях положил заявление на стол, и ушел, громко хлопнув дверью.

«Обойдутся». Но хорошие кузнецы не каждый день приходят наниматься в колхоз. Ну, нет, Федот не позволит правленцам издеваться над собой.

— Посмотрим, кто окажется там! — разволнованный Федот ускорила шаги в сторону дома. — Чистеньким себя считает председатель. Посмотрим, кто — кого!

Танюк не ждала, что муж так рано вернется домой. Покормила его и легла спать рядом с детьми. Федот вытащил

листок бумаги и начал писать: «Москва, ЦК ВКП(б), товарищу Сталину...».

Письмо Федота Саварова далеко не ушло, через трое суток начальник Вурнарского почтового отделения передал ту бумагу начальнику местного ОГПУ. Там распечатали, прочитали, показали первому секретарю райкома партии, и в два часа ночи в правлении Хумушского колхоза «Молодой колхозник» зазвонил телефон. Трубку поднял Кураков. Услышав голос районного партийного секретаря, насторожился.

— Если к утру семья Федота Саварова не будет принята в колхоз, считай, что остался без партийного билета и портфеля председателя! — строго сказал секретарь райкома партии Геннадий Иванович Иванов и положил трубку.

Кураков побагровел от злости. И без районного руководства он понял, что с Федотом перегнул палку. Не думал, что так быстро придется отвечать за свои необдуманные действия. Хорошо хоть Иван Калисов не успел уйти домой. Он коротко растолковал о случившемся, и попросил вместе с ним пойти к Саварову — сообщить ему о приеме в колхоз.

— А я олух, думал, проучу Федота, вот как повернулись дела, на всю жизнь меня оставил в дураках, — нервно хихикал Кураков от безысходности. — Молодец, уважаю таких людей — и на работе горят и умеют за себя постоять.

Федот проснулся от громкого стука в калитку. Ночных гостей собака не пускала во двор. Он быстро оделся, вышел. На улице стояли Павел Кураков и Иван Калисов.

— Ну, спасибо за урок, прославил, выставил напоказ. Я не в обиде. Семью принимаем в колхоз, утром приходи в правление, рассмотрим заявление, — объявил Кураков.

— Личную обиду сносить смогу, но несправедливость, вряд ли, — ответил Федот.

Ночные гости как пришли, так и исчезли в темноте. Федот остался стоять у ворот.

— Спасибо тебе, Антонов, за урок, — бормотал Федот и на вопрос жены, вышедшей за ним во двор, коротко ответил. — Спи, отдыхай, колхозница...

Танюк ничего не поняла, обиженно закрыла дверь.

Лето 1931 года. После двухнедельной жары приближался дождь. К вечеру за деревней Кумбал начали собираться грозовые тучи — величественные, темные, с белоснежными и розовыми оттенками от солнечных лучей, клубились на горизонте, заслонив небо, скоро вознеслись над деревней. Стало темно. Бесперебойно сверкала молния. Вокруг на мгновение ослепительно блеснуло, и сокрушительный гром сотряс дом. Не успели утихнуть первые раскаты, загрело сильнее — размашистый трескучий грохот покатился над деревней. Шквальный ветер прижимал деревья до самой земли, ломал ветки, сбрасывал на землю. Вдруг на мгновение всё кругом затихло, потом, как из ведра полил теплый дождь. Будто Илья-пророк решил выявить и наказать повинных на этой земле, метал и метал свои изломанные золотые стрелы, лил на землю воду из бездонного ведра. Казалось, что это будет продолжаться целую вечность. Но через полчаса раскаты грома, медленно удаляясь, перестали терзать душу Захара.

— Вот она сила! — охнул Захар, присел на деревянную кровать, вынесенную на лето в сени. — Вот она мощь! Разве устоишь перед ней?

Сам не заметил, как положил голову на подушку, закрыл глаза и провалился в глубокий сон...

«...Вот Захар идет по темному незнакомому болотному лесу. Вокруг никого. Слышны далекие пушечные выстрелы. Это же война с германцами! Перед одинокой большой сосной Захар увидел человека, высокого, с длинными седыми волосами, светлой бородой. Кафтан волочится по земле, в левой руке посох, а у ног лежит холщовая сумка. Он голубоватыми глазами внимательно следит за Захаром.

— Ты кто?

— Твой хранитель, — спокойно ответил старик, и его голос повторило эхо.

— За мной пришел? — без страха обратился он к старцу.

— Нет! — строго ответил старик. — Предупредить хочу. Скоро в наш мир отбудет та, которая тебя родила. На вас свалится огромная ноша, со своей семьёй окажешься в этом лесу. Рядом будут знакомые и незнакомые. Многие не выдержат, уйдут на вечное поселение. Сам вернешься — но не к своему домашнему очагу.

— Как мне отвести беду?.. — спросил Захар.

— Никак, придется терпеть, — продолжил старец. — Люди в деревне будут жить сообща. Бедные и богатые станут равными, на столах у них будет хлеб, но ненадолго. Впереди всех ждет страшное испытание, придет оно с западной стороны.

Захар удивился. Когда старец говорил о людях, его глаза сияли светло-голубым огнём, когда сообщал о беде — глаза становились темно-серебристыми.

— Хватит! — почему-то остановил его Захар. — Нельзя прожить свой век, зная, что ждет впереди. Нельзя предугадать, расписать будущее, иначе погибло бы всё живое на земле.

— Других слов от тебя не ожидал, — ответил старец.

Его глаза вновь стали голубоватыми. Приподнял сумку, развязал, а оттуда повеяло свежим воздухом — Захару стало тепло и уютно. Пришелец, приподняв голову, изрёк:

— Это поможет тебе преодолеть трудное время.

— Идите, — произнес Захар против своей воли.

— Я никуда не уйду, только становлюсь невидимым, но всегда нахожусь рядом с тобой.

— Помоги сохранить близких! — попросил Захар.

Старик не ответил, тихо растворился возле сосны. Только его голос, раскатисто пронесся по лесу. — Будет невыносимо!.. Терпи!..».

Захар открыл глаза. Раскаты грома ушли далеко. Капли дождя тихо продолжали стучать по кровле дома. Слышно, как дети, бегая по лужам, радостно визжат, кричат. По оврагу бурлит дождевая вода, её журчание слышно даже в сених. Глухо хлопают ворота, чуть погода скрипнула дверь. В сени вошла мать, Устине Вазюковна. Больная, опять ходила к дочерям. Увидев Захара, лежащего на кровати, забеспокоилась, присела рядом.

— Захворал что ли? — тихо спросила она.

— Сам не пойму, уснул во время грозы. Сон приснился. Разговаривал со старцем, он был в обличии странствующего монаха.

— Это к беде! — вздохнула мать.

— Старец предупреждал о чем-то.

— Хранитель пришел к тебе в таком обличии, в такую погоду? Ему нельзя показываться, он нарушил заповедь. Во время сна беседовал с твоей душой, предупреждал, потому что любит тебя.

— Я с ним был грубоват, прогнал его.

— Не ты, а твоя душа беспокоилась за своего хранителя. Спасала его от вечного наказания.

— Ну, ты даешь, апай, — засмеялся Захар. — Трудно поверить...

Она вздохнула, перекрестилась, три раза на сына наложила крест и произнесла:

— Господь Всевышний! Прости и сохрани нас!

После короткого сна Захар почувствовал некий прилив сил, вскочил на ноги, вышел во двор. Свежий теплый воздух дурманил голову, согревал душу.

— Ух! Красота!

Копошился во дворе. Готовил столбы на загородку. Уже вечерело. Почувствовав жажду, решил освежиться квасом. В летней кухне крынка была пуста. Вошел в дом и остолбенел. На полу, около стола лежала мать. Захар подскочил к ней, хотел поднять. От неё повеяло холодом. Она была мертва. Захар сел на пол, скупые мужские слезы бежали по небритым щекам.

— Сон в руку... сон в руку... — бормотал он.

Долго приходил в себя Захар после похорон матери. Но говорят же, беда никогда не ходит одна. Его с Анисой лишили избирательных прав, значит, они перестали быть гражданами этой страны. За что сражался Захар, находился в плену, выращивал хлеб, платил продовольственный налог? Добрые люди предупредили, что скоро семью раскулачат. Обсуждал этот вопрос с женой, их разговор услышала старшая дочь Машшук. Она сразу решила, что предпринять. Недавно своими глазами увидела, как раскулачивали жителя деревни Хумуш Акима Селиванова. Описали все имущество, на следующий день дом разобрали, бревна, доски увезли на строительство нового здания школы. Самого Акима, жену, двух дочерей отправили на телеге в Вурнары. Говорили, что их ждет Сибирь.

* * *

Захар после ухода с поста председателя сельсовета научился из липовых досок вырезать разные узоры и украшать окна, фронтоны домов крестьян. Любо-дорого смотреть. Самогоном не злоупотреблял, заработанные деньги приносил домой, передавал Аксинии. Каждый раз, после завершения своей работы, у него глаза светились какой-то внутренней теплотой, мягкая улыбка притягивала к себе людей. Мастера не трогали даже

самые сварливые псы. При встрече, повиляв хвостами, уступали дорогу, садились на обочину и провожали его взглядом.

Хозяйство поднимал с любовью. Заменял в саду старые яблони, восстановил пчелиные семьи, заброшенные после смерти отца. Любое дело спорилось у него в руках. Аниса не переставая кружилась вокруг мужа. За душистым медом приезжало даже районное начальство.

Дети росли. Старшей Машшук стукнуло шестнадцать, Ульби — десять, Петруку — восемь, Ирра — качается в зыбке, а Аниса вновь «тяжелая»...

Недавно плотники и столяры были в почете, теперь настали другие времена. Стоило только Захару найти заказ и начать украшать дом узорами, тут же появлялся страховой агент и облагал работу налогом. Промартели начали закрываться, не захотели трудиться себе в убыток. Захар тоже перестал принимать заказы, взялся украшать собственный дом. Сначала засияли наличники окон от причудливых узоров. Потом по периметру фронтона появились весёлые картинки. Краски Захар готовил по старинным рецептам, используя разные травы, плоды и кору деревьев.

Однажды вечером рассыльный принес решение Хумушского сельского Совета. Захар прочитал и ахнул. Там от руки были выведены строгие слова: «Крестьянину деревни Услаба Узякову Захару необходимо в срок до 1 сентября 1931 года оплатить налоги в общей сумме шестьдесят пять рублей двадцать копеек и на десять рублей купить займы тракторостроения».

Таких денег Захар давно в руках не держал. Корова стоит тридцать рублей, а они требуют найти и передать в казну две с лишним коровы. Где семья возьмет такие деньги, как рассчитаться с государством? Решил на утро сходить в сельсовет и разобраться, откуда взялись такие цифры, кто утвердил неподъемную сумму.

Утром, немного управившись с делами, Захар заторопился в Хумуш. Издалека заметил: на крыльце сельсовета стоят мужики и шумно обсуждают между собой какой-то вопрос. Оказалось, Фирс Фомин, Калина Никитин, братья Мясниковы — Даниил и Мигулай, Василь Куликов, Кирук и Роман Тимуковы и ещё несколько зажиточных крестьян из трёх деревень вчера получили такие же бумажки. У некоторых цифры налогов зашкаливали за двести рублей. Все ждали председателя сельского Совета, председателя колхоза «Броневик» Егора Семенова,

который считал себя хозяином Второго Нуросского общества, в пьяном виде перед жителями как-то козырнул:

— Придет время, я буду руководить всем районом. Вот уж не отпущу вожжи, отыграюсь за все страдания!..

Где и от кого он пострадал, никому не открылся.

Семенов задерживался, но мужики не расходились. Работа подождёт, тут дела поважнее.

— Совсем обнаглели хриstopродавцы! — плюнул сквозь зубы Калина Никитин. — Пора с ними поговорить!

— Пусть Семёнов покажет полный список, кого и каким налогом обложил! — одобрительно кивнул головой Мигулай Мясников.

— Все члены сельсовета и их родные освобождены от налогов, их долю возложили на нас, — не удержался Никитин.

— Посмотрите, — догадался Даниил Мясников. — Здесь собрались патентодержатели, кто имеет и имел свое дело.

— Ясно, куда метит Семенов! — кипел злостью Роман Тимуков. — Я вот уже год не крашу ткани, завод свой закрыл, торговлей не занимаюсь!

— Зато в сундуке имеется золотишко, — съязвил Мигулай Мясников.

— Прекратите галдеть! — возразил Калина Никитин. — Нам надо объединиться, помогать друг другу, вместе решать вопросы. Иначе Советы нас разотрут, отправят в Сибирь на каторгу.

Все с ним согласились.

Семенов явился только через час. Немного навеселе, но сносно держался на ногах. С ехидной улыбкой прошел мимо односельчан и открыл двери сельсовета.

Мужики тоже соблюли этикет: но никто перед председателем шапку не снял, никто по-старинному не поклонился. Не торопясь вошли в контору и устроились на длинных скамейках.

— Какие у вас вопросы к представителю советской власти? — сверкнул глазами Семенов.

За всех решил откликнуться Калина Никитин. Из кармана кафтана вытащил решение сельсовета и прочитал написанное. Попросил дать конкретные ответы на ряд вопросов, показать весь список налогоплательщиков.

— Это секретные документы! — нагло усмехнулся Семенов.

— Какие могут быть секреты от народа. Раньше оплату мирских, земских и других налогов всегда решали сообща, разделяли по количеству земли.

— Земля у нас колхозная, коллективная, правление колхоза решило за неё не платить, — ответил председатель.

— Какие ещё займы тракторостроения? — оборвал его Мясников.

— Советская власть единоличников и патентодержателей обложила особым налогом, — продолжал Семенов. — Придется раскошелиться, вернуть государству излишки, добытые путем эксплуатации трудового крестьянства. Займы тракторостроения придется покупать, надо помочь советской власти в индустриализации страны. Крестьянам нужны трактора, а не чахлые лошадки.

— Разделите налоги по хозяйствам!.. — повысил голос Даниил Мясников. — Это и будет помощь стране!

— Это уж не вам решать! — твердо произнес Семёнов. — До первого сентября не внесете налоги, дела передадим в суд.

— Какой ещё суд? — растерялись мужики.

— Советский! — отрезал председатель.

Не найдя поддержки со стороны сельсовета вечером мужики собрались у Никитина и решили от уплаты этих налогов воздержаться, пока написать заявление в адрес ЦИК Чувашской республики о самоуправстве руководства Хумушского сельского Совета и колхоза «Броневик». Тут же нарисовали бумагу. В целях сохранности и действительной доставки заявления на место в Чебоксары, отправили своего представителя Романа Тимукова.

Через пять дней посланник вернулся домой и доложил, что письмо доставлено по адресу, скоро приедет комиссия и разберётся. Но на место никто не приезжал. Правда, президиум ЦИК отменил решение Хумушского сельсовета и, ссылаясь на какой-то закон, снял с должности председателя сельсовета Семёнова.

Зря ждали мужики справедливости, тщетно они надеялись на понимание и лояльность властей. Скоро дела закрутил районный суд. Он ежедневно рассматривал по несколько исков местных сельских Советов. Фирса Фомина, Романа Тимукова, Калина Никитина вызвали в казённый дом, за долги арестовали живность, а самих отправили на год в Цивильскую тюрьму. Остальных зажиточных крестьян обложили дополнительными налогами. С лихвой сбылись угрозы Семенова.

Двадцатисемилетний Егор Семенов вернулся с гражданской войны после объявления в стране новой экономической политики. Где он был, где скитался, с кем воевал всё это время — для односельчан оставалось великой тайной. Вернулся домой с двумя чемоданами: один деревянный, тяжелый, другой — кожаный, такие раньше носили буржуи. И пошли, поехали по деревне разные слухи. Одни говорили, что он служил у Махно, долго скрывался от властей. Другие шептались: «Егора отправили вместе с отступающими частями до самого турецкого Константинополя, только сейчас, выполнив ответственное тайное задание, вернулся домой».

Никто из соседей не видел, как Егор дома открыл деревянный чемодан и выложил оттуда десятка два разных политических, исторических книг и журналов с картинками. Мать не выдержала:

— Ай-уй, люди с войны возвращаются — ценные вещи везут, а ты притащил в дом царские бумаги, узнают Советы, не поглядят по голове.

— Темный ты человек, мамаша! Не царские бумаги, а книги — там история России. А эти политические — разрешенные новой властью.

— Где же ты их добыл? Небось, большие деньги потратил, а для матери своей платка не купил?

Егор слегка побарабанил пальцами по второму чемодану, открыл его и на плечи матери положил большой пуховый платок, а отцу подарил кожаный махорочный кисет. Довольные старики сразу припрятали ценные подарки в сундук.

Не прошло и десяти дней, как Егор показал свою прыть. Подружился с Николаем Чурпановым из соседней деревни Кивьял. За неделю во Втором Нуресе сколотили комсомольскую ячейку, состоящую из девяти человек. Чурпанова избрали секретарём, Егор Семенов стал его помощником, Василий Денисов, Иван Кураков стали формировать при школе пионерский отряд. Братья — Георгий, Григорий Харитоновы, Никандр, Афанасий и Тимофей Денисовы навалили на свои плечи вопросы агитации и политической жизни в трёх деревнях. Ячейка ежедневно проводила собрания, для этого облюбовала избу-читальню, куда во время больших и малых советов никого

не пускали. Комсомольцы начали выпускать газету под названием «Вилы в бок». Нэпманы трёх деревень стали главными героями этого сатирического самиздата. Но острословы не остались в долгу, по деревне гуляли частушки про комсу:

В ячейке комсомола
Добра много всякого...
Отберем мы и поделим,
Всем чтоб одинаково.

Через полгода Егору надоела комсомольская возня. Он задумал заняться более серьёзной работой, наметил для себя кресло председателя сельского Совета. Мирон Ефимов давно занимает этот пост, надоел крестьянам, да и нарушает устав сельского исполкома, председательствуя четвёртый срок.

— Хватит рулить старыми методами, — резко взялся Егор за дело. — Впереди светлое будущее, строительство сельскохозяйственных коммун, артелей. А он с нэпманами калачи трескает.

— Давно пора! — поддержали Егора некоторые жители трёх деревень, несогласные с политикой старого председателя.

— Я готов оставить пост, — пытался возразить Мирон Ефимов. — Но кто сядет на это место?

Тем самым под корень подрубил свою кандидатуру на новых выборах. Народ напомнил ему о продрозверстках, о двухлетнем голоде, о дружбе с нэпманами. Пришлось держать ответ. Ефимов не раскаивался, а пытался себя защитить, временами нападая на присутствующих. Это совсем испортило дело, даже членом сельского исполкома его не избрали.

Егор Семенов стал председателем. На новой работе освоился быстро. Стал важно похаживать по деревням, наставляя крестьян на путь истинный. За год его любимым занятием стала поездка раз в неделю в только что образованный районный центр — на станцию Вурнары. Для этого он арендовал у Даниила Мясникова тарантас, и айда в люди. Свой нос держал по ветру. Когда начались разговоры о двадцатипяти тысячниках, желающих участвовать в строительстве колхозного строя, первым подал заявление. В Чебоксарах окончил двухнедельные курсы и взялся за организацию в родной деревне Услаба сельскохозяйственную артель. Не откладывая в долгий ящик, составил список односельчан: половину из них он считал достойными колхозниками, а другую половину, подлежащими раскулачиванию. Но из сорока

хозяйств в артель пожелали вступить только четыре семьи, все они были безлошадные. Что взять с них — ни нормального хозяйства, ни крепких рук?! После этого Егор избрал другой метод работы: стал запугивать крестьян. Немного подействовало, в артель согласились записаться уже четырнадцать хозяйств.

— Кулачьё! — брызгал слюной Егор. — Присосались к телу молодой советской власти, как клещи, сосут кровь из крестьян! Надо изничтожить их самыми жесткими методами, вплоть до расстрела!

Не зря старался Семенов, колхоз организовали, председательский стул достался ему, а хозяйство сельсовета временно передал Степану Апанасову.

Скоро составил тайный список кулаков, по его мнению, отъявленных врагов советской власти и трудового крестьянства, состоящий из девятнадцати хозяйств деревни Услаба, одиннадцати — из Кивьяла, семь — из Хумуша. Бумагу отнес в район на согласование.

Районное начальство внимательно рассмотрело список, и решением президиума исполкома дало добро на раскулачивание двадцати четырех хозяйств. А главного его врага Кирилла Дмитриева в списке не было. Он имеет двух коней — зарабатывает на трудностях советской власти: возит почту, обслуживает свадьбы, проводы в Красную армию, а председателя колхоза «Броневик» отказался возить в районный центр. Пошел против властей, принародно назвал Семенова контрой.

Егор побоялся самовольничать, рубить с плеча, ждал особого сигнала от районного начальства. Скоро оттуда сообщили, что на днях прибудет мобилизатор — присланный из города человек для утверждения списка раскулачивания. Он торжествовал, пришло время, одним ударом расцветается с неудобными ему людьми. Для удобства и внезапности выполнения предстоящего события он собрал активистов, комсомольцев на тайное совместное заседание сельского Совета и колхоза, где организовал три комиссии по раскулачиванию. Первой руководил сам Семенов, второй — исполняющий обязанности председатель сельсовета Степан Апанасов, третьей — секретарь комсомольской ячейки Чурпанов с молодежью. В комиссию включили писарей, умеющих составлять казённые бумаги, в первую очередь описать реквизируемых построек, живности, инвентаря и вещей. К себе в комиссию он взял соседа Евсея Блинова, безропотно выполняющего любые его поручения.

— Опись составьте в черновом варианте, ценные вещи доставьте в сельсовет, оценим и отправим в район, — распорядился Егор напоследок.

— Знамо дело, второпях такие серьёзные дела не делаются, — согласился за всех Евсей.

Но никто не догадался, не раскрыл тайный смысл слов Семенова. Он знал, где можно нажать, урвать кое-какие ценности для себя.

* * *

Члены колхоза «Броневик» и сельсовета вечером собрались на закрытое совещание и заняли только половину зала бывшей караулки деревни Кивьял. За столом президиума сидели руководитель Нуросского отделения ОГПУ Димитрий Лазарев в черной кожаной куртке, представитель Вурнарского райисполкома Андрей Чертов и сам председатель колхоза Егор Семенов. Единоличников на собрание не пригласили, зачем лишние разговоры, крики, пустой звон. Еремея Аливанова и Захара Узякова в караулку не пустили.

— Вы не являетесь членами колхоза «Броневик», — перегородил им дорогу Семенов и перед носом закрыл дверь.

— Не нравится мне их затея, — вздохнул Аливанов. — Хотел послушать, посидеть на собрании шантрапы...

— Не волнуйся, — ответил Захар. — Перед советской властью мы чисты.

— Слышь, что спрашиваю? — тихим голосом выдавил Еремей. — В газетах пишут, что начинается борьба с кулачеством.

— Читал, причем тут мы.

В это время за стеной председатель колхоза Семенов открыл собрание и коротко известил о повестке дня:

— Утверждение списка кулаков деревень Услаба и Кивьял колхоза «Броневик».

Зал зашумел. Откуда взялся такой список, никто ни с кем не советовался — кто его составлял, с кем согласовал?

— Прошу тишины! — встал на ноги Чертов. — Давайте я растолкую. Страна взяла курс на сплошную коллективизацию. Классовая борьба обостряется, и мы будем бороться с кулачеством до последней капли крови. Кулак — заклятый враг советской власти. Решением президиума Вурнарского райисполкома

их разделили на три категории. По первой категории имущество кулаков будет конфисковано, передано колхозу, а кулацкий актив будет отправлен в исправительно-трудовой лагерь, семьи будут выселены за пределы Чувашии. По второй категории кулацкий актив с семьями, после конфискации имущества, будет отправлен на Север. А по третьей — останутся в деревне, но за пределами колхоза. Вам сегодня придется утвердить список четырнадцати таких кулацких семей, определить категорию раскулачивания. Партия перед нами поставила четкую задачу, мы призваны выполнить её поручение.

Колхозники замерли, страх перед этим человеком, ухватившимся двумя руками за кресло управления народом. Он держал каждого жителя за горло, не давал дышать. Вдруг кто-то закашлял. Женщины застонали. Кое-кто спрятался за спинами других.

Чертов не стал усложнять обстановку, из папки вытащил бумагу и начал читать фамилии тех, кого сегодня необходимо включить в список ярых врагов советской власти, завтра раскулачить и всей семьей отправить подальше за пределы Чувашской земли — на Север или в сторону Сибирских просторов.

— «Кулак Узяков Захар Узякович из деревни Услаба, — поставленным голосом громко отчеканил Чертов, — 1894 года рождения, лишенный избирательных прав в 1931 году, с малых лет имел ветряную мукомольную мельницу, содержал крупорушку. На этих предприятиях держал трех постоянных работников. Ежегодно арендовал до десяти гектаров земли и на обработку применял наемный труд до пятидесяти человек. В колхоз вступить отказался, имеет большую задолженность перед государством по сдаче хлеба и мяса. Постановили: Конфисковать всё имущество, лишить все имеющиеся земли. Кулака Узякова Захара Узяковича, со всем семейством в составе: жены Анисы Ивановны, трех дочерей и сына выселить из пределов ЧАССР».

Сначала в зале воцарилась полная тишина, слышно было, как муха летит. Вдруг молодые комсомольцы нарушили молчание и громко объявили:

- Правильно! Давно пора!
- Отгрохал расписные хоромы!
- Поддерживаем решение райисполкома!

Чертов стал увереннее:

— «Пакшанов Гаврил Спиридонович из Услабы. Долгое время сосал кровь трудового крестьянства, торговал церковными свечами, некоторое время работал церковной старостой, обманывал простых людей. Постановили: Конфисковать имущество, лишить земли. Кулака Пакшанова Гаврила Спиридоновича с женой Тайрук Филипповной отправить за пределы Чувашии».

— Этих старых людей за что? Он ведь с 17-го года в церкви не работает, со старушкой коротает жизнь, — встал на ноги молодой комсомолец Петр Кудрявцев.

— Тебе за своих родителей следует беспокоиться, давно ли перестали использовать наемный труд, — строго посмотрел на него Семенов.

Петр замолк. Хотя, они состоят в колхозе, но ещё неизвестно, чем обернется такая наглость, поддержка кулака при всех.

— «Кулак Фомин Фирс Яковлевич из деревни Услаба, — продолжил Чертов, — 1886 года рождения, арендовал до двадцати гектаров земли и применял наемный труд до ста человек. В этом году, на казенной земле, на обочине шоссеиной дороги посеял рожь и получил добротный урожай, но налог не заплатил. Во всех проводимых хозполиткомпаниях саботирует против мероприятий партии и правительства. За отказ в выполнении сдачи государству хлеба в 1931 году осужден на два года лишения свободы. Вернулся по амнистии, ведет антисоветскую агитацию, тем самым срывает хозяйственное укрепление колхоза. Постановили: Конфисковать все имущество, лишить земли. Фомина Фирса Яковлевича со всем семейством в составе: жены Ольги Михайловны, дочерей Тамары, Елизаветы, сыновей Павла и Владимира выселить из пределов Чувашской АССР».

После каждого семейства Чертов прекращал читать и ждал одобрительных возгласов. Получив подтверждение, тут же вновь открывал свой список.

— «Мясников Даниил Данилович из деревни Кивьял. Крупный ростовщик, торговец мясными продуктами, даже во времена голодных двадцатых не прекращал свою деятельность, на костях простого трудового крестьянства построил кирпичный дом и кирпичный амбар. Решили конфисковать всё имущество и всю семью отправить за пределы Чувашии».

Следующими в списке оказались семьи Мигулая Мясникова, Тимофея Евграфова, Всеволода Матвеева, Калины Никитина, Кирилла Дмитриева из Кивьяла, Хилиппа Тарасова, Василия Куликова, Петра Сорокина, Терентия Лаврентьева,

Козьмы Иванова из Услабы. Решением общего собрания колхоза «Броневик» ровно четырнадцать крепких крестьянских семей стали кулаками и подлежали раскулачиванию и высылке их подальше от родной земли. За утверждение этого списка проголосовали единогласно, в зале никто не решался воздержаться, никто не осмеливался спасти кого-то из родных или близких.

На улице женщины дали волю чувствам, тихо плакали в предчувствии большой беды, а мужики поспешили сообщать односельчанам о решении собрания, каждый из них пытался доказать при этом, что он не голосовал за это решение.

— Ы-ых!.. Собаки! — ругались кулаки.

— Ах-хах-хах! — возмущались единоличники. — Неужели у колхозников мозгов совсем нет?

Ночью во многих домах кулаков начали резать коров, овец, прятать зерно в ямах, раздавать вещи своим близким и родным — каждый пытался хоть как-то сохранить свое имущество.

Все встревоженно стали ждать утра следующего дня...

Перед рассветом в деревне Кивьял вспыхнул пожар. Разом горели дом и все постройки Калины Никитина. Вечером хозяин зарезал корову, лошадь, собрал у себя дома родных, соседей, раздал им лишние вещи, хлеб, мясо. Ночью пригласил двоюродного брата, бойкого мужика с быстрыми, как у кошки, зеленоватыми глазами Михаила Тарасова. Долго пошушукались, на повозке к нему увезли кое-какую мебель, хозяйственную утварь, мешки с зерном. В полночь Калина на телегу посадил жену, двух сыновей и тихо попрощался с деревней.

— Не раньше четырёх утра, коня возьмешь в Вурнарах, у Романовых, — сказал он на прощанье двоюродному брату.

— Не сомневайся, — ответил Михаил.

Сыновья Калины молчали, а жена, сорокалетняя Орина, беспрестанно сокрушалась:

— Не дадут мне умереть своей смертью... Не дадут!

Михаил выполнил обещание, постарался: четверть керосина вылил на сухие бревна дома, амбара, хлева, бани и летней кухни. Ровно в четыре часа запылали все постройки Никитиных, а коня через день Михаил продал на Канашском базаре. Через три месяца он получил весточку, что Никитин с семьей стал городским жителем, он и сыновья устроились работать в кузнецом цехе тракторного завода Сталинграда.

Раскулачивать начали с деревни Услаба, с хозяйства Захара Узякова. На составление описи имущества пришла специальная комиссия, куда вошли председатель колхоза Егор Семенов, молодой колхозник Евсей Блинов, представитель сельского Совета Якрав Архипов и мобилизатор из района. Здесь же присутствовал начальник районного отделения ОГПУ Майоров с двумя милиционерами.

Захар их встретил угрюмо, молча начал собираться в дальнюю дорогу. Ночью спать не пришлось, Аниса родила сына. Не успели дать имя маленькому человечку. Не сомкнула глаза в эту ночь старшая дочь Машшук. Хорошие, добротные вещи она отнесла к соседям, родным, попросила их сохранить. Ночью на огороде выкопала яму, с отцом притащила старый, опоясанный железными обручами сундук, набитый ценными вещами, обмотала его смоляной холщовой тканью и закопала. Сверху набросала сухую траву, ветки, землю утоптала.

Ульби и Ирра, увидев незнакомых людей, нагло распоряжающихся в родном доме, испугались, заревели.

— Одевайтесь! — строго предупредил Майоров. — С собой брать только одежду, теплые вещи, еду на несколько суток, до тридцати килограммов вещей и продуктов на каждого взрослого человека!

Дети продолжали реветь, но уполномоченные знали, как поступать в таких случаях. Они стали разговаривать с детьми, угощать их конфетами. Девочки обрадовались, притихли, попрытались за спинами старших.

Семенов пошёл описывать имущество. Он подошел к сундукам, стоящим за перегородкой, но открыть не смог. Чувашки умеют мастерить для себя сундуки, не сразу найдешь секрет. Там женщины хранят ценные вещи — платья, сохманы, мужские брюки, рубашки, всё то, что одевают в праздничные дни. Егор знает, что в таких ларёчках состоит вся крестьянская жизнь, по внутреннему их содержанию можно судить о благосостоянии семьи. Хозяин деревни сверкающими глазами посмотрел на Захара, потом на Анису, будто хотел сказать: «Вот пришло наше время, открывайте ворота. Что принадлежало вам, сейчас достанется тому, кто никогда не имел лошадей, кто не пробовал вкус пшеничного белого хлеба, кто на своих плечах не носил такой одежды».

Захар хмурился, но не пытался спасти свое добро. Семенов догадался, что Узяков просто так не отдаст ключи, и пошел на хитрость. Вышел во двор и вернулся назад, неся в руках большой топор. Для остротки обухом ударил по бревенчатой стене избы, сухое дерево зазвенело, дом задрожал, как живое существо. Захар не стал испытывать терпение председателя колхоза, вытащил из кармана ключи и бросил под его ноги.

— Та-а-ак! Пиши, — скомандовал председатель.

Начал выкладывать одежду, ткани, женские украшения на пол, отчетливо называя чувашское название каждой вещи и переводя его на русский язык:

— Мужской сохман — зимняя одежда, женский сохман — летний женский наряд, алка — височная подвеска, шүлкеме — нагрудное украшение, масмак — налобная повязка, сурпан — головной убор, ама* — нагрудное украшение...

Вдруг его взгляд упал на небольшое нагрудное украшение. Не замечал он раньше, не видел на груди Анисы такую красоту, вместо серебряных монет сияли золотые. Семенов краешком глаза посмотрел на людей, кроме Захара, никто не следил за его делами. Блинов писал, не поднимая головы, районный уполномоченный с Майоровым были заняты своими делами, Аниса возилась с детьми. От мысли завладеть ценностью Егор стал как зверь перед прыжком, понял, что другого момента не будет. Руки тряслись, перестали слушаться, но он успел закрутить ценное нагрудное украшение в одежду, и громко произнес:

— Свадебная одежда женщины.

Блинов посмотрел на него, соображая, как написать, ведь свадебная одежда состоит из нескольких вещей. Уловку Егора увидел только Захар, но и он не хотел, чтобы украшения бесследно исчезли в сейфах казны. Пока пусть будут в руках Семенова. Не круглый же идиот, не посмеет нагло, при нем прикарманивать семейную ценность. Подошел к нему и тихо шепнул:

— Сохрани, придет время, вернешь!

Семенов хотел выругаться, но сверлящий взгляд Захара остановил его.

Когда выводили корову, Аниса стояла на крыльце. Бессонная ночь, роды давали знать, тело тряслось от непреходящей

*Алка, шүлкеме, масмак, сурпан, ама — женские украшения.

боли. Зоренька, трёхтелая корова, не хотела выйти из загона, упиралась, будто знала, что ей придется зимовать в сарае, пронизываемой со всех щелей. Она повернула голову на хозяйку и коротко помычала. В глазах у неё появились крупные капли, не выдержала Аниса, от бессилия, безысходности присела на крыльцо и громко заплакала.

Около дома собрались бессловесные и перепуганные односельчане. Уполномоченный попросил их разойтись, но люди не уходили, в свертках еду на дорогу принесли. Машшук стояла в стороне, не подходила к родителям. Что-то говорила брату на ушко, пытаясь удержать рядом с собой. Но Петрук вырвался и подбежал к матери. К Узяковым никого не подпускали, посадили на телегу и повезли к сельсовету. В это время уполномоченный отвлекся, Аниса с телеги вытолкнула Ульби. Её прихватили соседи, спрятали за собой. Уполномоченный не заметил, он шел впереди телеги.

Восьмилетний Петрук прощался с односельчанами как взрослый человек. Каждому подавал руку и серьезно обещал ослабленным: «Уеду с папой, мамой на Север, когда вырасту, вернусь домой».

Мужчины пожимали в ответ руку как равному крестьянину, женщины, вытирая слезы, пытались обнять маленького человека, но Петрук с серьезным видом вырывался, старался своими маленькими ручками дотронуться до каждого жителя. Он всех обошел, со всеми попрощался, и, положив обе руки за спину, пошел за родителями. О чем-то пошушукался, повернулся к народу и громко произнес: «Не ревите бабы! Не пропадем!».

В тот день описали еще семь дворов. На другой стороне деревни вместе с представителями сельского Совета в раскулачивании участвовала молодежь. На крыльце дома их встретил Пакшанов.

— Проходите, уважаемые гости, проходите! — нарочито распевно приглашал к себе Пакшанов, в пояс кланялся, заставляя глухую старуху делать то же самое. — Если с добрыми намерениями пришли, будьте зваными гостями, если думы нехорошие — пожалейте нашу горемычную жизнь. Проходите, милые люди, проходите!

— Да ведь он над нами издевается! — криво усмехнулся комсомолец Эрхип Саваров. — Тянет кота за хвост...

Пакшанов сделал вид, что не услышал слова молодого парня, продолжал причудливо изрекать слова, будто ему смешно и забавно видеть этот разбой среди бела дня.

Эрхип не выдержал, вышел вперед, поклонился и громким голосом остановил хозяина:

— Дедушка Гаврил и бабушка Тайрук! Пришли мы к вам с небольшой ячейкой Второго Нуросского комсомола с добрыми, только с добрыми намерениями. Не обессудьте нас, не укоряйте, что мы сюда пришли без приглашения, не принесли с собой свежее чувашское пиво. Ждут не дождутся вашу пятистенку пионеры Хумушской школы. Не будем обижать подрастающее поколение, завтра же сюда занесем парты. Нам по нраву, а колхозному двору пригоди ваш конь и две черно-белые коровы. Хочется, чтобы дети бедных, вдов красноармейцев по утрам пили парное молоко. Мы всем подаркам рады, может, найдется кое-какое золотишко, спрятанное, где-нибудь под полом?

Молодежь расхохоталась:

— Молодец Эрхип! Да ты артист! Сварганил хохму, со смеху лопнешь!

Дед Пакша, конечно, понимал, что творят молодые люди в его доме. Поэтому заторопился, нараспашку открыл двери амбара, клетки, распахнул дверь сортира и припер лопатой. Опять поклонился и тихо добавил: «Подавитесь, наше добро перед вами, но не всё медом помазано...».

— Ну его, к лещему! — чертыхнулся Эрхип. — Кулак недобитый, открыто издевается над нами, даже с представителями сельского Совета не считается.

— Была бы моя воля, я бы его в этот сортир затолкал, — громыхал Чурпанов, войдя в дом Гаврила Пакшанова. — Такие люди, как Пакша развязали гражданскую войну, устроили голод. Пусть не мечтают кулаки, что они уничтожат трудовое крестьянство! Сейчас у властей самые преданные помощники — молодежь и комсомольцы, сталинские активисты, строители нового богатого мира для всего угнетенного крестьянства.

Старуха Пакшанова с утра засуетилась, знала, что за ними сегодня придут. Открыла старый сундук, вытащила небольшой узелок, где хранились ценные вещи, подошла к колодезю, поцеловала золотые украшения и бросила вниз. Она даже не слышала, как узелок упал в холодную пропасть, только заметила круги на воде. Была убеждена, что колодец сохранит их семейную ценность, доставшуюся ей от бабушки и дедушки.

Раскулаченных крестьян собрали около сельсовета. Женщины тихо плакали, а мужики одну за другой смолили самокрутки. Каждый в душе надеялся, что, в конце концов, районные начальники разберутся, отправят их домой, вернут отобранное. Ведь не раз твердили, что середняки являются опорой колхозного строя.

Провожать односельчан вышел весь народ, одни хотели увидеть, как кулаков из деревни увозят, другие тайком вытирали слезы, провожая людей в неизвестность. Несмотря на теплую погоду, раскулаченные были одеты тепло, некоторые накинули зимнюю одежду.

Машшук увидела, как Петрук сел рядом с матерью. Ирра тоже не отходила от неё. Ульби громко плакала, хотела идти вместе родителями, но старшая сестра прижала её к себе и сама разрыдалась как ребенок.

Люди быстро разошлись по дворам, только Машшук с Ульби остались стоять на дороге и долго смотрели вслед удаляющимся повозкам.

К ним подошла Варя Порфирьева. Она попыталась успокоить подругу. Плечи девушки дрожали, она рыдала и никак не могла остановить слёз. Тогда Варя сильно ударила её по лицу. Машшук встрепелась, будто проснулась ото сна и с отчаянием прокричала:

— Чужие мы на своей земле-е-е!..

— Успокойся, тебе сейчас надобно думать о младшенькой сестренке, некогда подол слезами мочить! — резко сказала Варя, глядя в глаза подруги.

— Да... да... — заторопилась Машшук. Взяла Ульби за руку и пошла в сторону дома, потом одумалась: ведь хозяйство им больше не принадлежит. Остановилась и с тоской в глазах посмотрела на подругу.

— Пойдем к нам, — не выдержала Варя.

— Не боишься?

— Боюсь! — твердо заявила она. — Но только кары Господней!

Ульби крепко держалась за руку сестры, не отпускала. В сознании крутилась картинка отъезда родителей. Она сейчас больше всего на свете боялась потерять самого близкого человека — сестру.

Увидев девчат, на крыльцо вышел отец Вари Пурхиль Сорокин. Молча открыл двери бани, из сарая притащил соломенный матрац, подушки, давно позеленевшие от сырости, положил перед Машшук и произнес:

— Постирай, до вечера всё высохнет, набьешь свежей соломой, живите там, печку перестроим...

— Спасибо, — тихо откликнулась девушка.

— Спасибо на хлеб не намажешь, кормить вас не смогу! — буркнул Пурхиль. — Нет у меня хлеба на лишние рты.

Машшук быстро управилась с делами, взяла Ульби за руку и пошла к бывшим соседям по дому. Там, пытаясь сохранить от описи, она оставила кое-какие пожитки и зимнюю одежду. Надо принести, иначе пропадут, тётка Серафима быстро их пристроит. Попозже надо побеспокоиться и о закопанном сундуке. Там есть что продать, купить еду на первое время.

Они шли по деревне. Люди из окон смотрели так, будто видят их в первый раз. Машшук немного успокоилась, стала в уме перебирать возможные выходы из этой ситуации. Она все-таки надеялась на своих подружек и некоторых односельчан. Близких родных в деревне не осталось, всех отправили в тартарары. Смело открыла ворота соседки и вошла в избу. Тётка Серафима засуетилась, быстро закрыла полотенцем только что выпеченные круглые буханки хлеба. Машшук почувствовала подступивший голод, с утра во рту не было ни кусочка.

— Тетя Серафима, я пришла за вещами, — вздохнула она.

— Да, да... Они висят в снях, — недовольно ответила соседка.

Машшук сняла с вешалки большой платок, расстелила на пол и стала туда кидать вещи. Вдруг обратилась к соседке:

— Здесь нет моей серой овечьей шубки?

— Какой такой шубки?

— Той, которую я вчера принесла?

— Не знаю, не знаю! — зарумянились щеки у Серафимы.

— Зачем же вы так? — наступала Машшук.

— Чего не так? Что ещё не так! — выдавила тетка сквозь зубы. — Всю жизнь у простых людей сосали кровь! Есплататоры... Обвиняет в воровстве! Сами вы грабили людей, их слезы вернулись к вам! Будьте вы прокляты! Кулаки окаянные!

— Тебе ли говорить о кулаках! — с отчаянием прокричала Машшук. — Сколько вещей, сколько хлеба вы получали от отца

безвозвратно... Даже холщовая рубашка, что на тебе, подарена мамой...

— Вот как ты заговорила, сучка кулацкая!

Машшук выпрямилась, постучала ладонью по бревнам избы и как-то загадочно объявила:

— Прежде чем молвить, подумай. А старые бревна хорошо горят-трещат...

У Серафимы глаза округлились, она быстро открыла чулан и оттуда выкинула шубку.

— Спасибо, что сохранила, остальное собаки добрешут... — со странной улыбкой поблагодарила девушка соседку, связала платок за четыре угла и вышла с сестренкой из избы.

Вещи оказались тяжелыми. Машшук никак не могла забросить поклажу на плечо. В душе радовалась, что так быстро вернула одежду. Она с детства недолюбливала соседку, уж слишком скользкая, нечистая на руки. Всё к ней липнет, всё она тащит и присваивает. Однажды женщины поймали её за воровство, намазали дегтем, надели на голову хомут и потащили по деревне. Муж дома так отхлестал её кнутом, месяц не показывалась на улице.

Машшук волочила платок с вещами по земле. Люди недоумевали: «Откуда же тащит она поклажу, всё ведь описали, вплоть до кадушек с соленым мясом и прошлогодними груздями...».

Варя, увидев подругу, выскочила из избы, помогла затащить узелок в баню. Сама обрадовалась, что Машшук смысленная, сумела сохранить некоторые вещи.

— Где взяла? — поинтересовалась Варя.

— У тетки Серафимы отобрала.

— Ух ты!.. — удивилась подруга, потом опомнилась и пригласила: — Я кашу сварила, пойдёмте в дом.

— Нет. Лучше сюда принеси, — просила Машшук. — Не стоит сразу раздражать твоего отца.

Каши из полбы хватило на всех. Поели, Ульба прижалась к сестре. Так и уснула девочка рядом с ней. Варя ушла по домашним делам. Машшук задумалась:

«... Завтра она пойдет в Вурнары, узнает, куда отправили родителей, где они находятся. Мысли путались. Что же ещё?.. Что же... Ах, да! Вспомнила... Однажды в детстве с родителями поехали в гости, в деревню Ворманкас. Стоял жаркий июльский

день. Родные уговорили родителей пойти в лес собирать малину. Отменная уродилась ягода в том году, вокруг было красным-красно. Машшук никогда не видела столько вкусненьких плодов. Она сначала хотела полакомиться: срывала ягоды и кидала в рот, собирала и с наслаждением ела. Не заметила, как отошла от родителей. Слышит: кто-то сзади сопит, чавкает, кашляет, ломает старые ветки малины. Глянула назад — дар речи потеряла. В пяти шагах стоял огромный медведь и круглыми глазами смотрел на неё... Не успев закричать, услышала выстрел из ружья, потом рёв медведя. От испуга потеряла сознание. Очнувшись, рядом увидела отца, он никогда не ходил в лес без ружья. Вовремя заметил косолапого, первым же выстрелом в ухо уложил, спас дочь от неминуемой смерти. А кто сейчас спасет беззащитную сестричку Ульби? Кто сумеет её защитить? Только я, старшая сестра — единственная опора...».

Ещё вспомнила Машшук, как дед с бабушкой готовились к празднику Святой Троицы. С утра весь двор разукрашивали зеленью, сооружали длинный стол, вокруг которого в виде шатра висели ветки берёзы. К вечеру собирались родные. Ели суп из мяса с прошлогодними хрустящими солёными груздями. Она с двоюродной сестрой Анной радовалась больше всех: кружилась, прыгала, танцевала. Старики не увидели этого страшного дня. Их тела земля приняла, а души улетели жить вечно у молочного озера. «Где же сейчас отец и мать? Что творится со всеми?..» — горько подумала Машшук, сидя у маленького окна бани.

У неё не было ни капли страха. В темноте было слышно тревожное дыхание спящей Ульби.

* * *

Захара Узякова и Анису с детьми, Фирса и Клавдию Фоминых, Кирилла Дмитриева с женой и со всеми малышами, старика Гаврила Пакшанова со старушкой, молодого Василья Куликова с матерью Маланьей привезли в тупик Вурнарской железнодорожной станции, подальше от людских глаз. Остальным не разрешили разгружаться, повезли дальше, на другую сторону станции. В тупике, около лесного массива, стоял недавно построенный сарай, как оказалось, это место для кратковременного хранения строительных материалов. Прибывшие

оказались не первыми, внутри сарая, за бревнами расположились несколько семей из других деревень. Захар некоторых мужчин знает в лицо, с другими приходилось встречаться по крестьянским делам. Никто не удивился их приезду, никто не обращал на них внимания. Казалось, давно их здесь ждали, вместе собрались переехать в Сибирь, на постоянное местожительство. Вот только не знают адреса, не известен им дальнейший маршрут. Власти понимали, что никто никуда не убежит, не будет испытывать судьбу, однако, в теплой будке сарая сидели два милиционера. Захар с Фирсом стали налаживать угол для ночлега.

Пакшанов совсем сник — куда старикам в такую даль. «Единственное место, — думал Гаврила Спиридонович, — где имеется земля, и никто никогда не подлежит раскулачиванию, это место рядом с родителями на старом Хумушском мазаре*. Не суждено, видно, нам умереть на родине. А долго ли постучит сердечко, сколько ещё проживет больная старушка? Одному Богу известно».

Пакшановы были готовы закрыть глаза, последний раз вздохнуть и навечно прикрыться родной землей.

Захар жалеет их, готов протянуть руку помощи, немного успокоить. Никогда не видел он старого Пакшанова таким беспомощным, потеряннным. Он ни с кем не разговаривал, за локти придерживал больную старуху, бормотал и бормотал. Будто читал молитвы.

Устроились рядом с азимсирминцами. Кроме них, от непогоды ютились раскулаченные крестьяне из Ярмушки, Вурманкаса, Кукшума и Алгазино. Оказалось, они со вчерашнего вечера ждут подачи вагона. Захар знаком с Прохором Герасимовым и его женой Евдокией. Невысокого роста крестьянин, с редкими на макушке и около ушей волосами, одетый в простой крестьянский кафтан, ничем не отличался от остальных. Никогда не подумаешь, что этот человек с угрюмыми глазами, с небольшими торчащими ушами держал три ветряные мельницы — крепкое у него было хозяйство. Это о нем по волости ходили разные слухи и небылицы: будто он имеет договоренность с хранителями мельниц, содержит целый табун лошадей, разной живности видимо-невидимо. Эти слухи доходили и до самого Прохора, но он их не опровергал, пусть говорят, приятно ведь.

*Мазар — кладбище.

Он мельник, всю сознательную жизнь глотал мукомольную пыль. Работников держал, без них не обойтись. Мельницы отобрали ещё в начале двадцатых годов, но сейчас вспомнили, как Герасимов эксплуатировал крестьян, семена на посев отпускал за проценты. Семью раскулачили, всё реквизировали, отобрали в принудительном порядке на нужды государства: жилище, землю, домашних животных, хозяйственную утварь, одежду. Не думал Прохор, что жизнь сыграет с ним такую прескверную шутку. И растерялся. На вопросы Захара отвечал коротко, да и что он мог сказать, когда сам ничего не понимает. Жена Прохора, Евдокия, взрывная, не по годам подвижная женщина. У неё все в руках горит, все ладится. Откуда у маленькой женщины столько сил и терпения, столько любви и ненависти? Увидев Захара, обрадовалась, помогла устроиться. Душой почувствовала, что ей с Прохором надо держаться поближе к этому мужику, только вместе с ним смогут преодолеть трудности.

Захар стал знакомиться с присутствующими.

— Чьи будете?

— Из Ярмушки мы.

— Вроде не встречались?

— Встречались у твоего отца на мельнице, ты всё там крутился.

— Столько воды с тех пор утекло.

— Тогда будем знакомы. Артем Хуракасов, а жену Олей зовут.

В это время к ним подошла Евдокия и начала с Захаром разговор. Волосы у неё закрутились на макушке, кудри на лбу распушились, на них светились мелкие капельки пота.

— С тремя детьми вам не выдержать, — невесело вздохнула она. — Вечером к лесу подойдут наши родные, живущие в Абызово. Давайте старшего мальчика передадим им, младшие с вами останутся. Охрана не поймет, их не интересуют дети, в списке числятся только взрослые.

— Страшно расставаться, захочет ли Петрук остаться в семье сестры? — засомневался Захар. — Там проживает двоюродная сестра Антонина.

— Уговорите сына, с женой посоветуйтесь.

Анису не пришлось долго уговаривать, она уже спасла старшую дочь Машшук и маленькую Ульби, оставив их в родной деревне. Надеялась, не дадут пропасть, приютят сирот.

— С Петруком я сама поговорю, он у нас смысленный, понимающий, — еле вымолвила Аниса, вытирая слезы. К удивлению, сын немного похныкал, но под отцовским строгим взглядом дал согласие.

— Знай, никому не рассказывай, что ты сын кулаков, Захара и Анисы Узяковых, тетя подскажет как быть, — объяснял отец своему сыну.

Петрук кивнул головой, потухшими глазами смотрел на отца и мать, будто видит их последний раз. К семи часам вечера Евдокия, поговорив с милиционерами, попросилась в лес по человеческим нуждам. Как договорились, Петрук незаметно вместе с ней исчез в темноте. Обратная жена Прохора вернулась одна. Вместе с мальчиком через лаз ушли ещё две девочки из других раскулаченных семей.

Поздно ночью старый паровоз притащил в тупик два крытых вагона-телятника. Оттуда выпрыгнули милиционеры, начали вызывать по списку, помогая взобраться в вагон. Сердобольными оказались работники товарной станции — вагон был устелен довольно толстым слоем соломы. Мужчины помогли устроиться женщинам, старикам и детям, а сами в углу вагона стали отгораживать отхожее место. Скоро вагон закрыли снаружи, и паровоз потащил их в черную неизвестность.

Евдокия своим располагающим характером умудрилась узнать у сопровождающих милиционеров, что их, двадцать восемь семей из Нуросского края, везут на Север, в Архангельскую область, на лесные разработки.

Железнодорожники не торопятся для «врагов народа» открыть зеленый свет. Вагон часто судорожно дергается то вперед, то пятится назад и подолгу остается неподвижным. Конвоиры неумолимы, запрещают громко разговаривать и ходить по человеческим нуждам.

Захара и других мужиков мучит неизвестность — куда их везут?

— Не угодили мы советской власти, — невесело вздохнул рядом сидящий Прохор Герасимов.

В это время дверь вагона приоткрылась, сопровождающий уполномоченный ОГПУ разрешил всем выйти оправляться. Сначала мужики, потом женщины за запасными путями, как гуси, приседали в привычных позах.

Они проехали Ярославль, Вологду. За четыре дня в пути всего два раза приносили горячую баланду и по буханке хлеба на взрослого человека.

— На Север везут, — вымолвил Захар.

Через неделю их вагон отцепили от основного состава и погнали в тупик.

— Станция Подъюга, — успел прочитать Захар на вывеске вокзала.

В столь гнетущей обстановке даже такие сильные, волевые люди, как Захар, начинают сдавать. Жестоко придумано: бесправных людей, как скотину, запереть и везти в вагонетелятнике, не предоставляя никаких условий для обеспечения питания, для исполнения простых человеческих нужд. Для туалета использовали дырку в полу в конце вагона, отгородив угол старым одеялом. По дороге женщинам разрешали добывать горячую воду. Мужчинам не доверяли — вдруг бросят всех и убегут. Начальникам невдомёк было, что крестьянин в трудное время семью не бросает.

«Нас лишили доброго имени, но душу не смогут убить», — про себя возмутился Захар.

* * *

Северная земля встретила чувашских крестьян неприветливо: мелким дождём, гнетущей погодой. Холодный ветер «сиверко» гонит на юг тучи. Они, цепляясь за острые вершины вековых сосен и елей, медленно исчезают в лесной чащобе. Тускло и тоскливо. От паровозного дыма строения почернели, будто их покрасили бурым жидким дегтем.

Судьба кидала Захара по белому свету. За свои тридцать семь лет он побывал в Белоруссии, Польше, Германии (почти четыре года мытарился в плену), а сейчас невидимая сила забросила на Север, на самую макушку русской земли. Середина августа, а холод стоит собачий. Без теплого кафтана никуда. Хорошо хоть послушался жену, на себя и на детей успел надеть теплую одежду, а зимние вещи уложил в мешок. Чувствовал, что дорога будет долгая и мучительная. Когда вышли из вагона, Захару стало немножко лучше.

— Стоит ли обижаться на односельчан, на весь край, — бормотал Захар. — Одни составляли списки, другие раскулачивали,

кто-то принял решение изолировать крепкие хозяйства. Стоит ли держать зло на деревенских соседей? Живут же люди даже на краю света. Мы тоже не будем спешить к богам раньше времени.

Осмотрелся вокруг, но нигде хлебного поля не заметил. Кругом шумит тайга, далеко в лесу их ждёт неведомое будущее. Разве думал Захар, что ему с женой и двумя детьми придется шагать по болотистым дорогам незнакомого Севера.

Их встречали, на двадцать восемь семей приготовили шесть телег. Местные милиционеры насчитали шестьдесят четыре человека, включая малышей. Детей и беспомощных стариков посадили на телеги, взрослые, имеющие силы, по указанию конного милиционера пешком тронулись в путь — в лес, в тайгу. Телега, где сидела Аниса с детьми и старая Пакшанова, оказалась последней, поэтому Захару было сподручнее присматривать за своей семьёй и больной Тайрук Филипповной. Пока шли по деревне, отовсюду на них удивленно смотрели люди, они молча провожали глазами идущих мимо них чужих. Кто-то, может быть, жалел их, но вряд ли кто сулил смерти?! Но они не понимали, откуда столько людей в странных кафтанах, говорящих на непонятном языке, с маленькими детьми, и куда они путь держат.

Захар попытался заговорить с кучером, узнать, куда их отправляют. Тот недовольно что-то буркнул себе под нос, посмотрел на приезжих кулаков горько и раздражённо. Кому хочется в ненастный день вести неизвестно кого куда-то? Но неожиданно сам заговорил с Захаром. Зовут его Иван Алексеевич Веревкин. Интересные люди — северяне. Желание помочь окружающим не выпячивают, не выставляют напоказ. На вопросы отвечают коротко, будто на язык мозоль наскочила и мешает говорить. «Крепкий мужик, спокойный, рассудительный — такие людей в беде не оставляют», — подумал Захар об Иване. Веревкин тайно поведал ему, что эта группа не первая и, наверное, не последняя. С прошлого года на Север везут и везут крестьян с семьями со всей страны. Отправляют на самые необжитые места — в самую глухомань. Сейчас они едут в заброшенный леспромхоз, недалеко от деревни Сосновка, за семьдесят верст от железнодорожной станции.

За пару часов прошли всего одну деревню. Поселения на Севере расположены далеко друг от друга, по берегам рек.

Не понял Захар, в чем смысл застройки северных усадеб — нет бань, сараев, хлева для домашних животных, не видно гумна. Дома добротные, небольшие окна вырублены высоко над землей, руками не достать. Восхитился колодцами: они стоят со вздернутыми перекладинами, будто журавли прилетели на игры, вот-вот закурлычат. Не мог догадаться Захар: для чего использовались некоторые постройки, без единого окна, стоят на четырех столбах с пологими подрубками и причудливыми коньками на крышах. Спасибо, извозчик просветил. Оказывается, это амбары, подрубки, специально выполнены в виде конуса, чтобы с земли не поднимались различные грызуны.

Захар никогда не видел такого полчища гнуса. Откуда только берется столько комаров и мошкар, доводящие непривыкших людей до отчаяния? Комары гудят, попискивают жалобно над ухом, и уж не упустят жертву. Мошкара налетает роем, лезет в рот, в глаза, набивается в уши, под кафтан, рубашку, грызет беззвучно, больно изъедая неприкрытую кожу. На местах укусов появляется припухлость, зуд. Маленький Узьяк каждый раз вздрагивает от этого, начинает плакать и беспокоиться. Захар бывал в лесу и знает, как трудно изгнать всю эту нечисть из избышки. Только на чистых от леса местах, сильный порывистый ветер гонит гнус прочь.

Веревкин видит беспокойство людей.

— Это ещё что, в тундре от укусов оленя гибнут, — произнес он, когда Захар в очередной раз лупил себя и отмахивался от мошкар. — Вот паразиты, столько крови высосут, сам сдохнешь. Пахкулой их, пахкулой!

— Не понял, — переспросил Захар.

— Пахкула — обычный гриб-трутовик, растущий на стволах трухлявых берез. Гриб надо зажечь на костре, когда затлеет, перенести в избышку. Сизый дым тонкой струей поднимается к потолку, глаза не ест, угара нет, но зато крылатых кровопийц как ветром сдует, можно двери дома открыть нараспашку.

— Тавах сана, тавах,* — произнес Захар благодарность на чувашском языке.

Ещё одна картина поразила в деревнях Захара: с каждого дома на них, с высоты смотрели деревянные кони, петухи, бараны, являющиеся продолжением конька крыши. У каждого

*Тавах сана, тавах. — Спасибо тебе, спасибо.

дома свой конек: старый, молодой, резвый, пугливый, со звездочкой на лбу. Диву даешься. Да и орнаменты на наличниках отличаются от чувашских. Так засмотрелся на них, чуть не упал, споткнувшись о корень растущей сосны.

— Осторожно, нос побереги, — предупредил его Веревкин.

— Чудно. Чего только на свете не встретишь, — удивлялся Захар. — Не пойму, почему такие высокие длинные дома.

— На Севере по-другому нельзя! — со знанием дела объяснил Веревкин. — Под одной крышей находятся зимняя, летняя комнаты, горница, клеть, поветь, куда можно заезжать на телеге, а под поветью целый двор с разными помещениями и хлевами для живности. Зима длинная, суровая, снег часто заваливает дома до самой макушки, да и холода бывают такие, можно жить неделями, никуда не выходя.

Захар, увидев гумно, обрадовался, вот они — ячменные снопы, развешанные для просушки на жердях в загородках.

— Значит, растет хлеб, — закричал он, забыв об окружающих.

Оказалось, станция Подъюга находится на юге Северного края. Господь дает столько зерна, что до нового урожая крестьяне беды не знают, а в хорошие, более погожие годы амбары наполняются до потолка. И здесь людям это добро достается не так просто, сначала надо расчищать лес. Картошку сажают мало, не приглянулась она этому краю: то в земле замерзает, то из-за дождей не уродившись гниет.

— Ах-хах-хах... Как мы будем жить? — ахал Пакшанов, сидевший на телеге. — Все наши хозяйства распотрошили, нас везут незнамо куда. Ты подумай только, вот как обернулось!

— Руки, ноги целы, голова на месте, и на новом месте не пропадем, — успокаивал его Захар.

Почуял он, по разговору догадался: глухие лесные места нисколько не пугают северян. Страшно новичкам, впервые ступившим на бескрайние леса с болотами. Здесь нет ни привычного дуба, ни клена, только пышные елки раскинули ветки, да высокие сосны курчавыми макушками тянутся в небо. Местами попадаются березы вперемежку с ольхой и осиной. Всё растет и зеленеет, значит, такие места должны быть богаты грибами и разными ягодами.

Они шагали целый день по песчаным извилистым лесным дорогам. В старину люди жалели себя и лошадей, болота огибали

лесными просеками, зачем бездумно лезть в трясину. К вечеру на горизонте показались просветы, хмурые тучи начали исчезать, дождь перестал хлестать в лицо, солнце начало греть души людей, но тут к бесчисленному количеству гнуса прибавились оводы. Детей пришлось закутать, самим в руки взять березовые ветки. За день лошадей останавливали всего два раза — накормили, напоили и опять в путь. Появилось желание остановиться на поляне, развести костры и немного просушиться. Больше всего беспокоились за детей. Самый маленький из них Узяжка, сын Захара, на этом свете живет чуть больше недели.

Милиционерам что, они — на конях, на их плечах непромокаемые накидки, без конца подгоняют возчиков. Пешие по своим нуждам отстают от подвод, потом догоняют, их никто не подождёт. Дорога вся в рытвинах и кочках. Старые телеги глухо поскрипывают, намазанные колеса протирают ось. Местами болотная грязь чавкает под колесами повозок, а ноги пеших хлюпают и вязнут. Порою застревают, приходится помогать коням, упирающимся всеми четырьмя ногами. Люди мало разговаривают, только скрип телег и фыркание лошадей уходят в глубь осенней тайги. Кругом мох, лишайники. Вокруг сосны, сосны! Высокие, стройные, как свечи тянутся ввысь. У них с одной стороны треугольником соскоблена кора. Играющие на свету желтоватые капли соснового сока видны везде.

— Что это такое? — удивился Захар.

— Так добывают сосновую смолу, вырабатывают канифоль, — пояснил Веревкин. — У сухой сосны живицы нет.

Захар по дороге находит съедобные грибы, передает Анисе, тем самым стремится дать понять, что от голода они не умрут. Евдокия тоже догадалась, стала подбирать «подножный корм».

Ночевать остановились в лесу, на поляне разожгли несколько длинных костров, где люди начали готовить горячую еду. Пройдя почти пятьдесят верст по лесу, устали, особенно трудно было старым и малым. Пригодились лесные дары, собранные по дороге Захаром и Евдокией, нашлось и немного крупы, прихваченной Анисой из дома. Быстро сварили суп, хватило на несколько семей. Почти неделю они питались всухомятку, а тут грибной суп. Поужинали и возчики, попросили отодвинуть костры на другое место, наломали еловых и сосновых веток, настелили их на место костров, и ночевка готова. Земля под

ними хорошо прогрелась, лежать тепло, от чего дети быстро уснули. Их покой охраняли дремлющие матери, а от лесного гнуса спасал дым от костров. Скоро определились: по двое у каждого костра остались поддерживать, подбрасывать дрова, а остальные улеглись спать.

* * *

Разбудили их рано утром. За день они прошли ещё одно большое поселение и к вечеру остановились в тайге у старых бараков с разбитыми окнами. Рядом чернела довольно большая река, с одной стороны рос высокий сосновый бор, а с другой — лиственный лес скрывался в вечернем тумане.

Правительственная канцелярия работала хорошо, на каждую кулацкую семью была составлена отдельная папка, которая передавалась по этапу. Милиционеры ознакомились с бумагами, сверили всех по списку, поворчали, что несколько детей не хватает, но быстро успокоились. Чем-то понравился им Захар, несколько раз приглашали к себе и уточняли некоторые вопросы. На конечном пункте собрали всех мужчин, главный милиционер встал перед ними, назвал себя комендантом и командным голосом стал диктовать для приезжих правила:

— Я начальник Сосновского отделения ОГПУ Тарас Юшков, вот, одновременно являюсь комендантом спецпереселенцев. Вас никто в гости не ждал, пирогов не испекли, мягкой постели не приготовили. Благодарите здешних, что сохранили шесть бараков, хлебопекарню, не успели их сжечь. Местные жители для собственных нужд печки давно по кирпичикам разобрали. Вот, придется головой и руками поработать, к зиме подготовиться. Здесь не юг, в конце сентября грянут морозы, настанут зимние дни. Контора отделения ОГПУ находится в деревне Сосновка, в десяти верстах отсюда. Мужчины еженедельно должны проходить обязательную проверку, докладывать о своих семьях. Вот, больница обслуживает местных жителей, и только ваших детей. Отсюда нельзя убежать. Всякая отлучка без разрешения уполномоченного будет расцениваться как попытка к бегству, а невыход на работу — как саботаж. После первой отлучки наказанием будет особо тяжелая работа, если второй раз попытаетесь убежать — направим дальше на Север по этапу. Вот...

— Гражданин начальник, объясните, чем мы будем заниматься? — не выдержал Захар.

— Вот, завтра сюда придут работники леспромхоза, привезут инструменты, продуктовые карточки на работающих, определяют задание на месяц. Людей разделим по звеньям. Первое звено — десять человек — парами будет валить деревья, второе звено будет убирать сучья, заготовливать бревна, а третье звено будет их укладывать. Вот, могу доложить, что на каждого взрослого ежедневный план составляет один кубометр леса. План должны выполнять все, с шестнадцатилетнего возраста. Все житейские и рабочие вопросы будут решаться завтра. Вот, руки и ноги у вас на месте, здоровье отменное, так сказать, нажито оно путём эксплуатации трудового крестьянства. Сюда прибыли двадцать восемь семей, шестьдесят четыре человека, целый колхоз, председателем этого хозяйства назначаю Захара Узякова. Вот, вместе с ним решайте вопросы размещения, он будет вашим отцом и братом, судьей и покровителем, а власти вовремя подскажут, на что обращать внимание. Каждому работающему ежедневно положено пятьсот граммов муки, а иждивенцам — четыреста граммов. На этом собрание закрывается.

Захар не стал противиться властям, совместно легче подготовить бараки на перезимовку, помогать старикам и присмотреть за детьми.

На ночлег устроились уже испробованным способом, два милиционера и извозчики остались вместе с ними, остальные уехали в Сосновку. Захар присел к костру, воспоминания сами лезли в голову. Детство, война, мучения в плену в Германии, голод в родной деревне. К нему подсел Веревкин.

— Непонятно, как будете зимовать в этой дыре? — сокрушался он.

— Заранее не хороните, переживем, — уверенно ответил Захар.

— Смотрю и удивляюсь. Хороший ты хозяин, Захар, а как попал в кулаки, не пойму.

— Трудолюбивые, хозяйственные крестьяне никогда не были противниками этой власти, у отца отобрали ветряную мельницу — я там трудился ради всего общества.

— Ты был мельником?

— Мельником был, но мельницу держал отец, — грустно сообщил Захар.

— Почему встал против трудового люда?

— Никогда я не отчуждался от народа, может жил лучше некоторых. Работал, трудился, пахал, сеял, выращивал хлеб, излишки продавал...

— Как тогда попал в кулаки? — не унимался Веревкин.

— Потому, наверное... Кому-то понравился дом, кто-то положил глаз на скотину, на вещи, на мою непослушную, свободную душу, наконец...

— Душу, значит, продавать не стал?

— Тогда лучше сгинуть этот мир... Стал бы совсем поганым.

— На тот свет успеешь, сумеешь со своей командой в таких условиях перезимовать, тогда посмотрим, на что ты годишься, — вдруг стал суровым Веревкин.

— Пока трудно представить... Окна утеплим, в жилых помещениях печки восстановим, еду приготовим, тепло сохраним, — твердо ответил Захар.

— Правильно. Глину ищи на берегу реки.

Так начался душевный разговор между двумя мужиками. От Веревкина Захар узнал, что в тайге несметное богатство грибов, растут северные ягоды — брусника и клюква. Зайцев, диких свиней и другой живности нет числа. Только надо научиться находить их тропы, ставить хорошие петли, готовить ловушки-ямы. В округе раскинулись десятки озер, где немало рыбы и водоплавающих птиц. Жить можно, только не ленись, до зимы остались считанные недели, придется торопиться: собирать лесные дары, научиться ловить рыбу, охотиться на кабанов. Тогда можно пережить самые лютые морозы, даже такие, когда плевков замерзает на лету, не долетая до земли.

Веревкин, как оказалось, тоже воевал с германцами, потом шел на белых в составе Двиноважской флотилии по реке — Северная Двина. Про колхозы слышал, но на Севере люди в основном работают на разработке и переработке леса, мало связаны с сельским хозяйством. Каждая семья держит две коровы и столько же лошадей. Сена здесь много, все поймы и поляны зарастают сочной травой в человеческий рост. Неведом пока им колхозный строй. Но в последнее время коллективизация дошла и до них, в Подбюге начали говорить про сельскохозяйственные артели.

Северянин рассказал о деревне Сосновка, о его людях и руководителях леспромхоза. Многие из них питерские, переехали

в эти края после революции. Начальник конторы ОГПУ — образованный человек, зря человека не обидит, но до мозга костей предан революции, советской власти. С ним даже можно поговорить.

— С леспромхозом постарайтесь негласно договориться: вы честно и своевременно поставляете лес, а предприятие поможет вам хлебом. Остальное растёт в лесу, — учил Захара Веревкин, напоследок шепнул, — Ежели захочется драпать с этих краев, знай, до Воркуты строится новая железная дорога, вдоль неё много разных поселений, охраняемые разными учреждениями, быстро повяжут. Лучше всего идти вдоль реки Северная Двина, против течения, тогда и выскочишь на Вятку.

— Об этом не думал, — сдержанно ответил Захар. — Пока не собирался покидать этот край, далеко ли уйдешь с маленькими детьми, надо перезимовать, там видно будет.

— Вот ещё что, — повернулся к нему Веревкин. — Бараки стоят без пола. Выбирай небольшие сосны, но чтоб прямослойные. По всей длине бревна забивай несколько клиньев и загоняй их, бревно само раздирается на ровные гладкие части, на готовые доски на пол.

— За твое человеческое отношение ко мне низкий поклон, — невесело вздохнул Захар. — Может, увидимся когда-нибудь...

К вечеру Веревкин со своими товарищами уехал в Подьюгу.

С заходом солнца в лесу совсем посвежело. Северный ветер дул со стороны небольшой реки, куда опустилась вечерняя сырость. Облака сплошной серостью раскинулись по небу, как по бескрайней степи.

Пусто, страшновато в тайге. Человек беспомощен перед сильными, высокими деревьями в таком непривычном просторе. Но это не мертвое пространство, а наполненная жизнью тайга.

Захар спустился по опушке леса к реке, при каждом шаге из высокой травы поднималась туча комаров и мошкар. В кустах пищали небольшие птицы, испуганно вылетали из-под ног и быстро скрывались в темноте леса. От каждого хлопка крыльев этих птиц Захар вздрагивал, откидывался назад. Ему захотелось побыть одному, умыться чистой речной водой. Что ждет их завтра, послезавтра? Будущее представлялось ему сплошной заботой и битвой за выживание. Он почувствовал голод и тяжкую усталость, накопившуюся за неделю пути. Захар подошел

к реке, помыл лицо. Вода на удивление оказалась теплой. Ему хотелось скинуть одежду и поплыть по речной глади, но воздержался. Он любовался прозрачной водой, сел, обхватив обеими руками колени, щурился от блеска и брызг капель, отделявшихся от волн на берег.

Велика она — матушка земля. Ни начала, ни конца, а человек на этой земле как букашка. Плохо ему вдали от родных мест.

— Надо выжить, любой ценой выжить, — невольно произнес вслух Захар. — Пусть будет трудно, надо... надо приспособиваться... Врозь не получится, держаться друг за друга. Иначе передохнем, как мухи, главное, детей сберечь...

Вдруг на горизонте реки он увидел баржу, тянущую за собой плоты бревен. Не мог предположить и подумать, что таким образом можно перевозить бревна. Вот они, сажень сто длиной и двадцать шириной приближались к нему. Он долго следил за баржой. Увидев на берегу человека, капитан двойным гудком поприветствовал его. Весь народ выскочил на берег.

Захар поднялся к людям.

— Долго ли протянем в лесу, без крыши, без еды? — сама с собой разговаривала Тайрук Пакшанова.

— Добрались на место, до зимы обустроимся, подготовим продовольственные запасы, — попытался успокоить её Захар.

— Вода, лес и болото, — качал бородой старый Пакшанов. — Нигде нет земельки.

Обрадовался Захар, наконец-то заговорил Пакша, и в одном был согласен со стариком: в тайге нет земли под пашню.

— Выбросили неизвестно куда, отобрали всё, для существования оставили лишь небо над головой, — присоединился к разговору Прохор Герасимов.

— Благодарите Господа! — вмешалась в разговор Евдокия. — Кругом лес, озера, реки, значит, есть еда и тепло. Руки мужиков умеют держать топоры, не будем лениться, спасем себя и детей...

— Околеем без скотины, — робко вздохнула Тайрук.

— Одолеем! — за всех ответил Захар. — Сейчас надо думать о ночлежке, вместо подушек, перины, в лесу много еловых, сосновых лап. В армии так мы спали, спасались от сырости земли.

В это время к ним подошла Аниса и высыпала на землю грибы, вокруг собрались люди. Наперебой стали нюхать,

пахнувшие лесными цветами желто-зеленые сыроежки, белые грузди, волнушки и рыжики, а в руках она держала горсть ягод.

— Это что? — спросила Тайрук.

— Ягоды какие-то! — пожалала плечами Аниса.

— Называются брусникой, — подсказал Захар и положил в рот несколько красных ягод. — Ещё есть клюква.

— Где ты их нашла? — спросили женщины, попробовав ягоды.

— Недалеко за соснами начинается болото, там много таких ягод.

Захар попросил женщин не ходить в незнакомую тайгу по одному, звери могут быть, да и потеряться недолго. Сейчас предложил мужикам сходить за лапником.

Некоторые поленились, не стали в вечернем буреломе искать молодых сосен и елей. Устроились спать прямо на земле.

— Чудные люди! — заговорил Прохор Герасимов. — За свою жизнь не хотят бороться...

— Ничего, поймут, что им дороже, — рассудил Захар, топором вырубая под корень невысокую густую сосну. — Испугались, растерялись, сникли. Как только хандра пройдет, как только очухаются, быстро укоренятся. Возьмутся за работу — не остановишь.

— Земля, подарившая жизнь деревьям, травам, грибам, в состоянии дать людям и прекрасный хлеб, — присоединилась Евдокия. — Нам не надо бояться будущего.

— Мы были против строительства колхозов, а тут без спросу в колхоз загнали! — зло высказался, собирающий лапки молодой вынужденный переселенец из деревни Азим-Сирма.

— Прежде чем куда-то войти, заметь, где выход! — громко произнес Герасимов, поддерживая Захара. — Никто никого никуда не загоняет, в состоянии тянуть ляжку один — на все четыре стороны.

Мужики не стали обсуждать этот вопрос, каждый понимал, что одному здесь не перезимовать и не выжить. Постепенно успокоились, устроились на ночлег и крепко уснули.

Солнце показалось из-за туч. Круглый красный шар завис над горизонтом. Захар острым взглядом охватил местность. Полуразрушенные бараки из толстых бревен с сияющими пустыми окнами, вековые деревья, крутой берег реки, заросший мелкими кустарниками, напоминали, что здесь недавно жили люди.

Утро. Прохладный северный ветер появился раньше, чем проснулись люди. Вокруг тишина. Не слышно пения птиц, только где-то далеко стрекочет сорока, может, её встревожил пробежавший зверь. Захар, несмотря на свежую ночь, спал хорошо, вылез из-под суконного сохмана, натаскал немного хвороста и раздул угли. Костер затрещал, дым повалил в сторону реки и растаял в утреннем тумане.

— Господом забытое место, — подсел к костру Пакшанов.

— Живы будем — не помрём, — уверенно посмотрел на старика Захар.

Вдруг его охватила непонятная тоска, казалось, голова разорвется и сердце остановится. От чего люди теряют разум, становятся похожими на зверей? Перед глазами Захара промелькнула родная деревня, дом, река Хирлеп, соседи, осиротевшие и оставшиеся далеко на родине дети — Машшук, Ульби и Петрук. Он от неожиданности присел. Это не сон, а такое состояние души, когда человек разом теряет рассудок. Даже в Германии, в плену не испытывал ничего подобного. Одна единственная мысль долбила мозг: «Надо перезимовать, надо перезимовать...»

— Захар! Захар! Что с тобой? — подбежала к нему Аниса.

Муж что-то бормотал, никак не мог выйти из оцепенения. Через несколько минут он очнулся. Обнял ноги рядом стоящей жены и горько заплакал. Плечи его дрожали, никто не посмел к нему подойти. Вот где, оказывается, конец. Вместо родной плодородной земли — лесная делянка, вместо реки Хирлеп — черная река, вместо лугов — болота, вместо дубового леса — старый бурелом.

— Добро крестьянина, радость души находятся в раскрытых настежь объятиях, — сквозь зубы с тревогой произнес Захар. — Где они, куда исчезли, от кого спрятались добро и радость?

Нет, не испугался Захар, северная тайга не пугала его, не пугала и суровая зима. Впервые почувствовал себя бессильным перед земляками, попавшими в гибельную ситуацию, будто сам виноват во всем происходящем.

«Но это не безволие, а минутная слабость, — подумал Захар. — Она пройдёт. Ни в коем случае нельзя раскисать, не расклеиваться. Иначе — конец...»

Видимо, не лукавил Веревкин, предупреждая, что Покров день отметится снегом и довольно сильными морозами. Захар вечером собрал мужчин на большой совет. Пришла и Евдокия. В первую очередь составил списки. Только два молодых парня из деревни Кукшум вчера вечером исчезли из лагеря. Это тревожило Захара, вдруг за ними сорвутся семейные с детьми — погубят всех. Не дойти им до родных мест. Да и кто их там ждет? По дороге поймают, отправят туда, откуда выхода не будет.

— У меня только одна просьба, — начал Захар, — прошлое уже минуло, оставьте до весны думы о родных местах, надо перезимовать, над головой есть крыша. С одного удара дерево не валится.

Мужики молчали. Захар понял это как согласие.

— Все умеют держать в руках инструменты, стекла здесь не приобрести. Оконные проемы придется заглушить, утеплить. Живем в лесу, деревья достаточно. А вот насчет печей и полов в бараках надо покумекать, — почесал затылок Захар. — Наши деды жили в черных избах — найдем глину, с реки поднимем камни, соорудим печки. В этом вы понимаете толк, у каждого дома были черные бани. Трубы изготовьте из липы, снимите с дерева кору, обработайте глиной, высохнет, зиму может простоять. Только в тайге трудно найти такое дерево.

— У женщин нет посуды, — привстала на ноги Евдокия.

— Мужики выдолбят, кругом лес. Постараюсь договориться с леспромхозом, может, что-то старое, ненужное подкинут.

— Бабы и дети пойдут собирать ягоды, грибы, негде их замачивать, хранить, — не унималась Евдокия.

— Надо попробовать сделать кадушки, есть, наверное, среди нас и такие мастера.

Достаточно много бытовых вопросов пришлось решать мужикам в эти дни. О многом договорились. У людей появились первые искорки надежды и веры.

Людей не было надобности подгонять. Вокруг барачных убрали все кустарники, на кострах сожгли мелкий валежник, а крупный уложили на дрова.

На следующий день старики, женщины и дети таскали с реки камни, песок, мужики готовили землянки. День за днем, от восхода до позднего вечера работали, не зная отдыха.

Скоро леспромхоз подкинул им инструменты и закрепил план на каждого работоспособного. Мужчины днем выполняли задание по заготовке леса, а по вечерам ремонтировали бараки, устраивали землянки на высоком берегу реки, чтобы талые весенние воды их не затопили. Стены землянок и крыши набирали из дерева, поверх укладывали опавшие листья, потом заваливали их земляными пластами. Вдоль стен устраивали нары, на них укладывали пологи, плетеные из тонких веток осины. Печки в землянках и бараках сложили из камней с глиной. Главное, чтобы из комнат тепло не уходило, и двери крепкими должны быть, а внутри хозяева по-своему обустраивают.

Захар тоже готовил землянку. За неделю сумел поднять последний венец сруба, закрыл односкатной пологой крышей, аккуратно в два слоя заложил дерном, выложил печь, и у входа повесил доску с надписью «Баня».

Сначала дела на лесозаготовке не ладились. Спецпереселенцы не имели сноровки и никак не могли выполнить дневную норму всей бригады. Люди падали от усталости, но приближающаяся зима поднимала их на ноги, заставляла завершить дела по обустройству бараков и землянок.

Особенно трудно старикам и женщинам. Они стали равнодушными, будто в эту зиму собирались попрощаться с белым светом. Это заметил Захар, он пригласил в бригаду специалистов леспромхоза и те выложили на духу все хитрости и методы валки и разработки леса. Дела наладились, спецпереселенцы на глазах преобразились.

Четыре недели проскочили как один день. Стояли ясные, сухие дни, работа спорилась. Женщины на краю болот, среди мхов нашли крупную красную клюкву, а на болоте, на сухих кочках красным-красно росла созревшая брусника. Клюква крупнее, кислее, словно её кто-то на ниточки надевал и рассыпал по земле. За дело вместе с матерями взялись дети.

Захар стал истинным председателем колхоза спецпереселенцев. Всех разместил по баракам по совести и возможности. Сам с семьей устроился в первом бараке в двух комнатах, на свое попечение взял стариков Пакшановых. Не выдержат они, сами не в состоянии подготовиться к зиме. Если Гаврил выглядел более жизнеспособным, то его старуха Тайрук постоянно хворала, хотя брусничные и клюквенные отвары помогли ей, она потихонечку начала подниматься на ноги.

Но беда не прошла стороной. Не сберегли Захар и Аниса маленького сына Узьяка. По дороге младенец простыл, десять дней промаялся и тихо закрыл свои глазки. Захар, наверное, не успел привыкнуть к самому младшему сыну, или происходящее так заморозило его сердце, что он сильно не испытывал горького сожаления. Выкопал на небольшой поляне могилу и зарыл гроб. Вечером за ужином помянули усопшего человечка и улеглись спать.

К утру первого дня октября на реке появились ледяные забереги, через день появилась шуга. Лес и поляны покрылись белым пушистым снегом. Уснула речка, затянута тонким льдом. Не шумит тайга — только от раннего мороза трещат, лопаются деревья. Слабый ветер, незаметный в лесу, на реке разгулялся и катает бесконечные ленты подземки. От ветра морозного кончики носа, щеки покалывает, пальцы немеют без варежек, на ресницах, на кончике волос оседает белый пар, постепенно закрывая снежной маской.

В землянках и бараках жизнь течёт своим чередом. Огонь в печках не гаснет с утра до ночи. В больших комнатах живут по две-три семьи, так удобнее. Везде стоят нары, в середине комнаты — самодельные стол и длинные скамейки. Семьи разделили свою территорию разными занавесками.

— Вот жмет, градусов сорок не меньше, — раздался голос входящего Захара.

Его внимание остановилось на Пакшановых. Они молились, но слова были совсем не молитвенные:

— В лесу деревья не равны, а в миру люди... Как жили наши отцы и деды, так и нам велели... Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили...

Захар их пожалел. Такова жизнь. Малоизвестные люди, с которыми свела судьба, за эти дни стали роднее родных.

6

— Значит, Егор успел воздвигнуть двухэтажный дом, — чертыхался Чертов, переступая порог Хумушского сельского Совета. — Контра недобитый! Давно надо было гнать его с поста председателя! Опозорил весь район! Как разбогател? Может, нашел клад и не сдал государству?

— Имеются вопросы, — поддержал его новый председатель сельсовета Федот Саваров.

На этом небольшой диалог между двумя начальниками о Егоре Семёнове завершился, срочные дела не давали районному уполномоченному долго задерживаться в деревнях. Завершил одно дело, не менее важные вопросы ждут в другом населенном пункте.

Федот задумался. Не понимает он Егора: сражается за советскую власть странными методами. Откуда у него столько злости, ненависти к людям, односельчанам? В обществе имел полную власть, под себя подмял колхоз и сельсовет. Был человек человеком, от других не выделялся. Лишнего достатка в доме не было. Два года назад похоронил отца с матерью. Принимал самое непосредственное участие в строительстве сельхозартели, первым в неё записался, даже название предложил — «Броневик». Ни одно дело по раскулачиванию местных зажиточных крестьян без него не проходило. Везде скрупулезно описывал имущество, от его глаз не ускользали ни живность, ни хозинвентарь. Всё это необходимо для строительства сельхозартели. Теплые, добротные вещи раскулаченных крестьян оказались впору беднейшим членам артели. Председателя колхоза поддерживали многие: не за себя, за беднейшее трудовое крестьянство старается. Но Егор себя тоже не обижал, за короткое время поднял двухэтажный дом. Такое жильё красовалось только у бывшего Нуросского лесопромышленника Александра Васильева. В деревнях об этом сплетничали с утра до ночи. Разговоры были самые разные. Одни говорили: «Он нашел клад на старом Хумушском кладбище», другие твердили: «Убил, ограбил путника, скрывающегося от большевиков», а иные шепотом утверждали: «Во время раскулачивания присвоил много золота-серебра». Где, правда, где ложь — понять невозможно. А Егор-то гнёт свою линию — достроил дом, заодно привел хозяйку.

Женой стала молодая, статная одинокая деревенская женщина Любовь Шуракова. Многие не знают её имени, с детства звали Малиной, мать родила её в малиннике, так и закрепилось за ней это прозвище. Во времена НЭП каким-то образом устроилась работать уборщицей в Нуросскую чайную. Стала убирать столы, где подвыпившие мужики постоянно заигрывали

с девушкой. Не убереглась Малина, родила сына Андрея, но работу не бросила. За дитём присматривала семья родного брата матери — Макара Кириллова. Малина стала умнее, женатых мужчин к себе близко не подпускала, да и молодые робели подойти к ней.

Мальчик рос. Малина с работы приносила крендели, пряники и конфеты. Для этого у неё был потайной карман в переднике, бросишь туда конфетку, она у подола, никто не заметит, никто не заподозрит.

Как-то раз Егор зашел к Малине. Она его не прогнала, не оттолкнула от себя — накормила и отогрела. Встречи были не частыми, но жаркими и пылкими. Разве в деревне скроешь такое от людей? Поговорили, да скоро поутихли. Егор предложил Любе перейти жить к нему в качестве хозяйки. Только поставил перед ней одно условие: «Сына оставишь у родных, не буду кормить чужого ребёнка». Малина недолго раздумывала, договорилась с Макаром и Дарьей Кирилловыми и насовсем оставила трехлетнего Андрея у них. «Вырастет, поймет» — рассуждала она. Сама собрала необходимые вещи, закрыла дверь старого дома на замок и переехала жить в новые хоромы Семёнова.

Однако маленький ребёнок не мог понять и согласиться с тайным сговором взрослых. Через неделю один, с другого конца деревни Услаба, подошёл к воротам Семёнова и стал звать родную мать. Мальчика не пустили. Постоял, поплакал, присел на доски и уснул. Проснувшись, поплел в сторону приемного дома. Так продолжалось все лето. Люди пытались пристыдить Егора с Малиной, но они отмахивались и сыпали угрозами.

— Не ваше дело! — кричала Малина. — Не суйте свои грязные носы в чужие дела, можете их потерять!

— Чужого ребенка к себе в дом? — резко обрывал Егор советчиков. — Если хотите, усыновите!

* * *

Малина родилась и выросла в бедной семье.

Небольшой приземистый домик услабинского крестьянина Кирилла Яковлева стоял за прудом, давно обустроенном жителями

этого поселения. За много лет хозяин сумел пристроить к дому небольшой амбар, хлев для овец, стойло для единственной коровы и конюшню для старого мерина.

Каждый раз с тайной надеждой Кирилл смотрел на свои земельные наделы. По последнему приговору Нуросского волостного правления ему досталось около двух десятин земельного надела — половина пахотная. Получая урожай, сначала приходилось платить оброчную подать, поземельный налог, земские и прочие сборы. Остатки хлеба оставлял на семена и на пропитание.

После революции семья Кирилла Яковлева получила дополнительно одну десятину земли. Мечтой жизни стала поднять вместо старого дома пятистенку с русской печкой, закрыть двор резными дубовыми воротами. Не получилось, так и подобралась старость. Опорой жизни он считал сыновей Тимофея-Тимасси и Макара. Единственную дочь Пелагею в шестнадцатилетнем возрасте выдал замуж за вдовца Михаля Шуракова. родилась дочь. Кирилл главной надеждой считал Макара — делового, рассудительного, немного картавящего сына. На второго, на Тимофея, получившего от деревенских жителей чувашское имя Тимасси, он не имел больших надежд. Он рос какой-то непутёвый, не с крестьянской душой, а со странным шутовским характером. С детства выкидывал такие кренделя, от чего порою волосы дыбом вставали.

Однажды привезли сено и стали поднимать под кровлю стойла. Тимасси подавал, а Кирилл принимал наверху. Под ногами бегали и прыгали два ягненка. Он их отгонял, но шалуны возвращались, крутились под ногами, мешали работать.

— Сейчас я вам покажу! — раздался голос Тимасси. — На шыртан* отправлю!

Кирилл глянул вниз и обомлел. Сын проткнул ягненка деревянными вилами и бросил за угол. Бедное животное перед смертью только успело заблеять. Тимасси демонстративно вытер вилы сухим сеном.

— Убил!.. Убил!.. Окаянный!.. Ягненка! — закричал Кирилл, спрыгнул вниз, взялся за верёвку, чтобы от всей души наказать непутёвого сына.

*Шыртан — начиненный мясом, зажаренный рубец.

Но Тимасси знает характер отца. Заранее отбежал от стойла, заблеял так, будто ягненок испускал последний дух.

Кирилл повернулся, округлил глаза, около сennика живыми, невредимыми бегали оба ягненокa, а сын стоял у ворот и хохотал.

— Сукин ты сын! Всю душу вывернул! — ругался Кирилл, а потом присел на старое бревно и глубоко вздохнул. Таких шуток непутёвого сына не понимал.

Второй раз Тимасси такое отчудил, что мать чуть разума не лишилась. Дрова распилили на чурки. Усталые старики сидели на крыльце и тихо беседовали. Сын начал колоть. Не торопясь, старательно устанавливал чурки на большое круглое полено, силой опускал топор, раскалывая дерево. Некоторые чурки придерживал руками. Вдруг взмахнул топором, и, опуская, закричал, показывая родителям левую руку без большого пальца, согнутого в ладонь, а по руке ручьем текла кровь. Мать запричитала, заохала, отец приташил чистую тряпку, чтобы перевязать руку сына. Тимасси тут же показал фокус: подобрал свой палец и мигом установил на прежнее место. Он так искусно работал руками, что мать с отцом смотрели на него круглыми от удивления глазами. А сын стоял и вытирал с руки свекольный сок.

— Боже ты мой! До гроба доведёт этот непутёвый! — заорал отец и взялся за кнут.

Тимасси убежал от отца по двору, никак не мог успокоиться — хохотал, довольный своим фокусом. Мать держалась за сердце.

Быстро пролетело время, Кирилл Яковлев со своей женой Матреной стали старыми, немощными. Тимасси привёл домой Верук Кузнецову, двадцатитрехлетнюю вдову погибшего на войне красноармейца Семёна Кузнецова. Сначала у них родился сын Илларион, потом двойня — назвали Антониной и Марком, потом ещё три девочки — Лизук, Улька и Танюк. Любит Тимасси своих детей, но Верук никак не может привыкнуть к выходкам мужа. На крики жены Тимасси не обращает никакого внимания.

Много воды утекло с тех пор. Макар оказался смышленным, трудолюбивым, за два года поднял для себя небольшой дом с соломенной крышей и в новую избу привел жену. Старики

с удовлетворением в душе благословили их. В доме у Макара и жены Дарьи один за другим появились три сына Гавриил, Борис и Игнат, скоро и четвертого приняли в семью. Племянница Малина вышла замуж за председателя колхоза Егора Семенова, а незаконнорожденного сына Андрея оставила у них.

В деревне звали его Подкидышем или Козьявкой. Мальчик не мог согласиться, что он при живой матери остался один на один с суровой жизнью. Пытался своим маленьким умом надеяться на доброту, потому часто стоял у ворот Семёнова, за что получал тумаки от взрослых детей Кирилловых. Его заставляли пасти гусей, где гусак чувствовал себя вожаком, а не маленький Андрей с длинной палкой в руке. Часто оставляли без обеда, и голодный под жарким солнцем засыпал на земле, а гуси только этого ждали, сходу топали на посеvy крестьян. Тогда по спине мальчика гуляли ивовые прутья.

Прошли годы. В деревне построили колхоз. Каждый жил своими заботами. Судьба мальчика перестала интересовать окружающих. Но его продолжали обижать, даже не стеснялись и поколотить. Однажды это увидел Федот Саваров. Подошел к Кириллову, оттолкнул мужика, строго предупредил о последствиях, обещал оформить документы в суд. Суровые слова отрезвили мужика, который с детства больше всего боялся наезда судебных органов. А тут председатель сельсовета обещает оформить казенную бумагу, значит, жди беды. Макар Кириллов виновато опустил голову. Андрей плакал от глубокой обиды, стоя за спиной Федота.

В эти минуты Саваров готов был обнять мальчишку и отвести к себе домой, но возможности такой нет. Как быть? Всею душой возненавидел Малину.

— Даже звери не бросают детей, а тут женщина, носившая под сердцем и вскормившая грудью, как кукушка, выбросила родного сына, — вслух произнес Саваров.

Жалко Андрея. Сколько бегает на свете таких же несчастных ребятишек, всех не соберешь, не приголубишь! Душевная рана, безысходность, бедность — запомнятся мальчику навсегда.

— В колхоз... в колхоз надо тебе Макар, — подавляя ярость, выразился Федот. — Семью перестанешь мучить, человеком почувствуешь, навсегда пропадет злость на людей, особенно на беззащитных детей!

— Туди для меня дуруги нет, безлушадных не пускают...

Макар Кириллов с детства говорил, заменяя букву «о» на «у», поэтому чужой человек его не всегда понимал.

— Кто это тебе набрехал?.. Кулацким элементам туда дороги нет! Тебя всей семьей запишут!

— Егур Семёнув. Немнугу муки передал, ну предупредил, что мою прусьбу разбирать не будут. Сказал, что гулудранцев там без меня и муйей семьи предустаточну.

— И ты поверил? Не он хозяин в колхозе, есть правление и сельсовет!

— Я не кумунист, читать, писать не обучен, супругив Семёнува не мугу идти, — вымолвил Кириллов.

— Не кумунист, а коммунист, член партии большевиков, — заволновался Федот. — Значит, Егор за советскую власть беспокоится? Бедняков в колхоз не пускает, а сам построил хоромы! Найдем мы управу на эту контру! Не дадим кулацким элементам командовать крестьянами, как класс уничтожим!

— Турупись, иначе будет пузду. Мужики пуверили советскую власть, пука уна за бедных. Крестьянин без пумуци гусударства не пруживет, и гусударству без крестьян свалится на бук.

— Правда! — не удержался Федот. — Истинная правда!.. Только вместе мы можем построить новую жизнь!

— Федут, меня не наду увещать. Вут тультку мнугие не пунимают, за какие вши пуднял Егур дум? Ладну, Малина непутевая, вчера налилась самугунки, вышла на террасу и урала: «В кулхозе мы с Егурум мирувые цари, всех заставим плясать пуд нашу дудку!». Путум, пьяная, выпустила на улицу свугу гудувалугу бычка Валика. Ух, наделал шуму бык, загнал всех людей в хаты, пугунял пу пулю баб. Марусю Пурфирьеву и Нинку Труфимову искалечил. Хурушу, недалеко рабутал Петр Кудрявцев. Пуд рукой у него указалась крепкая жердь, и как дулбанул быка пу ругам.

— Убил? — засмеялся Федот.

— Убить-то нет. Руга ублумал и передние нуги перебил.

— Вот так сила у человека!

— Егур с утра казака-милиционера пузвал, Петра в ку-тузку, в Нурус увезли.

Андрей все это время стоял рядом с председателем, молча слушал разговор взрослых, сверля черными глазами то на Федота, то на дядю. Измазанной пылью со слезами он выглядел смешным. Председатель посмотрел на него и заулыбался, поднял мальчика высоко, бросил вверх, поймал, и, опуская, громко сказал:

— Не бойся, Андрей, больше никто тебя не тронет. Распустят руки, мы их скрутим!

Макар почувал, что грозные слова в первую очередь касаются его. «Председатель слов на ветер не бросает, как сказано, так и отрезано, — подумал он. — Надо будет, отправит куда-нибудь разом, ведь находятся же дюжина семьей Услабы в далеких краях, никто согласия не спросил. Лучше не перечить, может взяться за ум и в колхоз податься?»

— Не горюй, Макар! — крепко хлопнул Федот его по плечу. — Поживем, во всем разберемся, ещё на свадьбе этого парня погуляем! А колхоз... Колхоз будет богатым, здесь будут жить образованные и счастливые люди, на столах у них будет самая вкусная пища — белый хлеб с медом и чувашское пиво...

Саваров ушел. Торопился по своим делам. А Макар и Андрей стояли и долго смотрели вслед. Потом Кириллов взял мальчика за руку и зашагал в сторону дома, приговаривая:

— Верую тебе, Федут... Душа моя верит... Такие люди не врут...

* * *

Федот открыл калитку Егора Семёнова. Большой свирепый пес накинулся на него. Крепкая железная цепь держала собаку, иначе разорвал бы председателя. Саваров, ожидая хозяев, внимательно рассмотрел двор. Около калитки в куче валялись пожелтевшие на солнце древесные стружки, куски бревен. Рядом — свежие доски и бревна, покрытые старыми кулями бревна.

— На баню хватит, — по-мужицки оценил Федот.

В это время на крыльцо вышел Егор Семенов. Увидев председателя, заторопился. Сколько раз он хотел наладить связь с этим человеком, пытался завязать дружеские отношения. Хотел стать кумом, крестным отцом сына Федота. Не получилось, отверг Егора, не пустил в свой дом. Запугать его невозможно, сам кого хочешь в гроб загонит. Недаром некоторые крестьяне, увидев его, стараются отойти.

— Поди... поди, проходи гость нежданный, дорогой, — забеспокоился Семёнов. — Замолчи ты!.. Свои... свои!.. — крикнул он на бешено лающего пса, а потом, позвав жену, громко произнес: — Малина! Малина!.. Где тебя черти носят? Видишь, какой гость к нам пожаловал, давай пошевеливайся!

Люба показалась в дверях, но тут же исчезла, начала собирать стол для мужиков.

— Я к тебе, Егор, не в гости зашел, а поговорить... — резко оборвал хозяина Федот.

— Для делового разговора найдем казенное место, а раз переступил порог моего дома, без кружки домашнего пива не отпущу, — не сдавался Егор. — Пустой желудок и не смазанное горло не дадут нам поговорить по душам.

— По душам, говоришь? Вряд ли у нас получится душевный разговор, а следовало бы остудить твою горячую, пустую голову! — постучал Федот кулаком по свежим бревнам. — Дом срублен на совесть, работали грамотные плотники Шинерской строительной артели. Односельчан побоялся пригласить. Чужие посудачат и забудут, а деревенские могут долго звенеть, как эти бревна. Хорошо построено, каждое бревно на своем месте, лесом пахнет. Дорого пришлось заплатить? Откуда только у простого председателя такие шиши?

— Вот этими руками заработаны, всю жизнь не доедал, горбатился, копейку к копейке прибавлял, — уверенно ответил Семёнов.

— А вот мужики говорят, что деньги у тебя появились после раскулачивания Узяковых, — разом загнал Федот Егора в тупик. — Куда-то пропала золотом украшенная хушпу?

Семёнов стоял как вкопанный, только порозовел, кровяные сосуды на лице расширились, руки от злости задрожали. С трудом сдерживая себя, он продолжил:

— Побойся бога, Федот Саварович! Не стоит повторять за завистниками! Управа на всех найдется! Придет время, все ответят!

— Ответят! Обязательно ответят! Но я, получая жалование, никак не могу собрать даже на маленькую баню, по четвергам соседа беспокою.

Федот, не обращая внимания на хозяина, продолжал рассматривать дом председателя колхоза.

Егор тут же готов был разорвать незваного гостя на части. Свалить бы этого проклятого бывшего кузнеца сначала с кресла председателя, потом уж жизнь покажет. Пока не получается, после коммуны жители выдвинули его руководить хумушским сельским Советом. Даже неугомонный представитель района Чертов за него. В прошлом году Егор попытался на это место выдвинуть другого человека, Петрука Соколова, но ничего не вышло.

Помнит народ демобилизованного красноармейца Саварова. Вместе с Мироном Ефимовым он спасал детей, организуя котлопункт. Ходил по домам, уговаривал помочь продуктами. Победили голод, на кладбище в те годы появилось только несколько детских могил. Во времена НЭП Саваров со Скворцовым придумали артель-коммуна. Собрали в одну кучу бедняков, вдов красноармейцев на совместную обработку земли. Выдержали, добыли достойный урожай хлеба на скудной земле. Когда Семёнов стал председателем колхоза, Саваров обрадовался: пришел свой человек. Но скоро высокомерное отношение председателя колхоза «Броневик» к людям насторожило его. Он понял, что перед ним скрытый и скупой.

— Завидуешь, или обидеть хочешь? — не скрывая злости, спросил Егор.

— Обидишь тебя! Сколько слез, унижения вытерпели бабы и мужики. Никого ты не пожалел!

— Жалеть? — заорал Егор. — Кого жалеть? Бездарных голодранцев? Лапотников? У них нет мозгов, они созданы для работы с утра до ночи на благо светлого будущего. Ха-ха-ха!

— Дай тебе волю, наверное, всех отправил бы в Сибирь? — с горечью сказал Федот.

— Поделом! Туда им и дорога!

Саваров внимательно посмотрел на председателя колхоза, покачал головой и разговор перевел в другое русло:

— Хватит собачиться! Зашёл насчет Петра Кудрявцева, забери обратно заявление. Бык твой разбушевался, покалечил людей, как бы самому не пришлось держать ответ перед народом!

— Пусть Кудрявцев заплатит за быка, пришлось пустить животное под нож, все ноги переломаны.

— Люди видели, как Малина выпустила быка за ворота. Мясо продали, хотите разбогатеть — не выйдет. Кстати... Прошу,

как председатель сельсовета, пусть Малина присмотрит за сыном. Иначе Андрея поставим на государственное довольствие, а Малину заставим платить за содержание.

— Я не отец, пусть сама разбирается!

— Пусть так. Неужели у тебя с женой не осталось ни капли совести, чувства сострадания?.. — не успел Федот договорить, на пороге появилась Малина. Значит, подслушивала.

Она захохотала откровенно нагло. Глаза сверкали, лицо перекосилось, неубранные волосы растрепались по плечам. Вытерла дрожащие руки о передник, кривляясь и насмехаясь, воскликнула:

— Хочешь усыновить? Может, ты и есть его отец? Забери, воспитывай!

— Господь миловал, подальше держаться от тебя! — резко ответил Федот.

— Ай-уй, бога вспомнил! Антихрист! Вспомни, как за мной ухлестывал! Как ласкал своими погаными руками мою грудь! — затараторила Малина.

То ли слова её не понравились Семёнову, то ли захотел приструнить распоясавшуюся жену, взял со стола большую глиняную тарелку и запустил в неё. Посуда попала ей прямо в лоб, разбилась на мелкие кусочки. Малина завывла от боли, схватилась руками за голову и выскочила вон.

— С вами ясно, — вздохнул Федот. — Деритесь без меня. Разговор продолжим в другом месте. Разберемся.

Со смутным, тревожным чувством, не обращая внимания на взбесившуюся собаку, Саваров открыл калитку и зашагал по Новой улице деревни Услаба.

Не ожидал Саваров, что комсомольцы деревни окажутся проворнее. Скоро они по своей инициативе рассмотрели персональное дело председателя колхоза Семёнова, а протокол собрания передали в прокуратуру. Власти не позволили долго валяться бумаге, приехали, проверили, уточнив, что в строительстве дома использованы строительные материалы раскулаченных, председателя колхоза Егора Семёнова посадили на три года. Дом отобрали и передали под здание правления колхоза «Броневик».

Ближе к сентябрю Хумушский сельский Совет получил разнарядку на отправку в фабрично-заводское училище одного ребенка из бедных крестьян или сироту в возрасте не младше четырнадцати лет, знающего грамоту на уровне трёх классов. Федот Саваров вспомнил, что в Услабе у Макара Кириллова живёт Андрей Шураков. При живой матери он батрачит в доме у родственников. Некоторые считают его сиротой, но в сельсовете знают, что Андрей — сын Любы-Малины.

Шумерлинское фабрично-заводское училище по подготовке столяров-мебельщиков было открыто специально для чувашских крестьянских детей, не умеющих понимать и изъясняться по-русски. Андрей умеет читать и писать, смекалистый. Ростом не вышел, хилый, но трудолюбивый. Может, повезёт, возьмут учеником.

Саваров не стал дожидаться завтрашнего дня. Вместе с секретарем сельсовета Петром Кудрявцевым, уверенными шагами пошли в сторону дома Макара.

— Хотя не очень верую, но бог в помощь, — увидев занятого делами Кириллова, приветствовал председатель.

— Не хучет ун пумугать бедным, — буркнул Макар. — Ут вас тоже не дуждешься пумущи. Для меня убе стуруны пулуги.

— Это точно, — ответил Федот. — Мужик видный, но живёшь одиноличником. Колхозники за трудодни получили по сорок пудов хлеба, а у тебя опять неурожай. В колхоз надо податься, жить как все, вздохнуть свежим ветром перемен.

— Издеваетесь! — вздохнул Кириллов. — Утубрали муй надел, пудкинули песчаный участук на берегу Хирлеп за Кивьялум. Там никугда не пулучишь нурмальнугу уружая.

— Твоё дело, — посмотрел на него Федот. — Не видишь перемен в жизни крестьян бедняков — живи по-старому. Вообще-то я пришел к тебе не агитировать, а решить судьбу Андрея.

— Кугда за ним ухаживал, учил и курмил сына, ун никому не нужен был. Вырус, стал пумушникум, налетели, как курсуны на пир.

— Андрея ты никогда сыном не считал, держал за батрака, — отчеканил Кудрявцев. — А он, горемыка, с малых лет гнул спину: гусей пас, за скотом смотрел, в поле работал, убирал хлеб — не ребенок, а взрослый мужик.

Председатель поддержал своего секретаря:

— Отправляем его в Шумерлю. При заводе столов и стульев для чувашских детей открыли училище, «ФЗУ» называется. Будет учиться, профессию получит, станет образованным человеком...

— Кту егу будет курмить? У меня нет средств на судержание бездельника.

— Их будут кормить три раза в сутки за счет государства, — многозначительно ответил Федот.

— А ежели не утпущу? — огрызнулся Макар.

— «Не утпущу». Не стану упрашивать, как он скажет, так и будет!

— Унтри!..* Унтри говорю! Пудь сюда! — позвал приемного сына Макар.

Тут скрипнула калитка огорода, и перед ними встал четырнадцатилетний худой небольшого роста мальчик.

— Где ты худишь? — выпалил Кириллов.

— Картошку бороновал, с утра ты велел, — ответил Андрей, вытирая пот с лица пыльной рукой.

— Вун, сельсовет хучет тебя утправить куда-ту в гуруд, уму-разуму набраться, — ерничал Макар.

Мальчик переступил с ноги на ногу и ответил:

— Я согласен.

Ясный и четкий ответ Андрея для мужчин был неожиданным.

— У кушки шерсть чиста, ну нутру пакустнуе, — сплюнул Макар.

В душе мужик был рад: ведь он избавится от лишнего рта, да и деревенские пересуды прекратятся. Но, для приличия, промолвил:

— Свинья не утличит сулнце ут луны.

— Попридержи свой язык, — осуждающе посмотрел на него Федот и добавил. — У молодых перья легкие, куда ветер дует, туда они и полетят.

Он подошел к мальчику и будто своего сына перед дальней дорогой стал наставлять:

— Рано утром приходи в сельсовет. Собери вещи, зимние не забудь. Документы на тебя подготовит дядя Петр, — повернулся к Макару Кириллову и произнёс:

*Унтри — Андрей.

— Если задумаешь перечить или помешать нам, то я на тебя управу найду, завтра же поедешь рубить лес.

Макар понимал, что с председателем лучше не шутить, поэтому принял его слова как должное и поручил жене собрать Андрея в дорогу.

Саваров появился на работе рано. На крыльце сельсовета сидел Макар Кириллов, а около него в новой рубаше, в серых штанах и в лаптях стоял Андрей. От услуг Кириллова председатель отказался, до села парня проводит сам, чтобы при необходимости приложить усилия для устройства этого парня в училище.

К восьми часам утра они дошли до Нурос. Около бывшего волостного исполкома собрались будущий рабочий класс и провожающие. Ждали повозку. Путь не такой уж близкий. До вечера придется пройти тридцать пять верст.

— Думал, обманете, всю ночь не спал, — повеселел Андрей, ещё до конца не поверивший в такой поворот в своей жизни.

— Что ты, дорогой. Я председатель сельсовета, люди доверили мне. Поэтому говорю только правду.

— Я давно хотел в сельсовете утянуть печать и уехать в Москву, для этого написал справку, — признался мальчик, вытащил из кармана листок бумаги и передал председателю. — Хочу быть солдатом, генералом.

— Вовремя отправляем тебя от всяких соблазнов подальше, — засмеялся Федот. — Иначе за утерю печати дядю Петра и меня с работы сняли бы и осудили.

— А я печать обратно собирался положить, — посмотрел Андрей на председателя задорными глазами.

Не успел договорить, к ним подошла Малина. Откуда она взялась? Кто предупредил? Была взъерошена. От неё пахло перегаром. Или вчерашнее пиво не отошло, или же с утра успела приложиться к кружке.

Федот грубо произнёс:

— Кого-кого, а тебя сюда не приглашали!

— Всё воюешь! Сына от меня отбираешь!

— Сына!.. сына, говоришь! — зашипел Федот. — Где ты шаталась в эти годы. Много ты грудью кормила этого парня?.. Качала в зыбке?.. Перед сном сказки рассказывала?

— На меня не ори! — скривила губы Малина.

— Цаца явилась! Я готов тебя голыми руками задушить! Родила сына, но не назвалась матерью! Хочешь его приласкать? Поздно! Ох, как поздно!..

— Дядя Федот, нас к врачу вызывают, — по-детски дернул его за рукав, подбежавший к ним Андрей.

Малина подскочила к сыну, стала обнимать:

— Андрей! Сынуля!

Мальчик оттолкнул мать, зло посмотрел на неё.

— Будешь хорошо учиться, рабочим классом станешь, — вслух рассуждал председатель, следуя за мальчиком в амбулаторию.

Кабинет терапевта находился на втором этаже. Здесь пахло лекарствами. Он давно знаком со старым фельдшером Иваном Ивановичем Тузиным. «Что-то сегодня он устало выглядит. Пора на отдых», — подумал Федот. Действительно пора, до начала нового века, молодым парнем появился Тузин в этой больнице. С тех пор прошло около четырех десятков лет, но он продолжает трудиться. Фельдшер послушал, постучал, пощупал Андрея, и, посмотрев на Саварова, сказал:

— Сердце здоровое, но слишком уж сухой, будто не кормили. Там немного подкормят, плечи поправят. Потом размашисто написал на медицинской справке: «Годен!». Федот забрал документ и вместе с радостным мальчиком вышел на улицу, где отправку ждали шестнадцать таких же крестьянских подростков из соседних деревень.

Андрей шел рядом с ним и без остановки говорил:

— Маму я люблю. Если бы не Егор, то она жила бы со мной. Жаль, что пьёт... Если бы трезвая позвала, мог отказаться от хлопзайцев.

— От чего?... От чего?.. — не понял председатель.

— От хлопзайца, так говорил вон, тот мужик, — указал он на председателя районного отдела образования.

Федот не поленился, узнал, что за ругательное, обидное слово приклеил за мальчиками Павел Васильевич Гаврилов.

— Так народ называет учеников ФЗУ, — засмутился районный начальник. — Потому что хозяйство у них общее, носят они одинаковую форму, сшитую из хлопчатобумажной ткани. Поэтому их называют хлопзайцами.

Одному председатель обрадовался, там их будут не только кормить, но и одевать.

Вот Гаврилов, районный начальник образования, встал на повозку и начал говорить напутственную речь:

— Советская власть с большими трудовыми успехами шагает по пути социализма. Великий Сталин ведет весь народ к индустриализации и строительству мощного колхозного строя. Для детей простого народа открываются разные учебные заведения. Партия и правительство призывает молодежь учиться, получить образование, стать гегемоном, влиться в ряды рабочего класса, высоко нести это звание во имя строительства социализма. Сегодня мы отправляем очередную группу учеников в ФЗУ при Шумерлинской мебельной фабрике. Сельские мальчишки научатся своими руками мастерить столы, стулья, шкафы, так необходимые для народного хозяйства, для социалистического общества под руководством великого руководителя советской власти Иосифа Виссарионовича Сталина! Ура! Товарищи!

Собравшиеся поддержали оратора, громко прокричали «У-р-р-а-а!».

Три повозки тронулись в путь, за ними неровным строем пошли мальчишки, рядом родители, родные, знакомые. Матери вытирали слезы уголками платков, мужики вздыхали. Федот глазами поискал Малину, но её след простыл.

— Не забывай родную деревню, — прощаясь, подал Федот будущему рабочему свою крепкую руку и отошел в сторону вместе с провожающими. — Батюшки! Какие руки маленькие у парнишки. Ну, ничего, кости целы, мясо нарастет.

— Генералом я буду! Летчиком! — кричал Андрей на прощанье.

Мальчишки всё удалялись и удалялись, скоро исчезли за поворотом. С этого дня, с этого часа для них началась новая жизнь. Как она сложится? Кем станут эти подростки через десять, двадцать лет? Что их ждет впереди, встревоженных таким поворотом судьбы, деревенских мальчишек?..

* * *

Кажется, всё утихло, вокруг стало спокойно. Наконец душа Федота перестала прыгать по ухабам, перестала дергаться по пустякам. Было время, когда ему казалось и вода в Цивиле до колена. Сейчас он ни о чем не думает. Вот, только ноги не дают покоя. Что делать с ними? В жизни подолгу приходилось стоять у горна и наковальни. К вечеру трудно даже разуваться,

опухшие, торчащими кровяными жилами икры начинают зудеть. Раньше и мать всегда мучилась ногами, особенно в старости.

У Федота с женой Танюк сейчас пятеро детей. Не уберегли одного, у него жизнь оказалась длиною всего в четыре года. Недавно по улице бегал белокурый мальчик, был подвижный, шустрый. И вдруг его не стало. Василёк заболел, про больницу тогда и вспомнить не успели. Ушел из жизни, как тогда умирали крестьянские дети. Недельку помучился, приподнял голову и тихо сказал:

— Мне холодно...

Федот не выронил ни капли слез, всё внутри закрылось, не вышли на волю ни жалость, ни горесть. Вот ветка, — рассуждал он. — Кто-то сломал его и остановил дальнейший рост, нет — целостности, красоты, соразмерности. Так и в жизни, если родовая ветка сломалась, засохла — умер человек, то не будет внуков. Мир устроен слишком правильно, никак не остановить то мгновение, нельзя вернуть те дни назад.

Остальные дети — Улья, Эрхип, Василиса, Борик и Сорик живы и здоровы. На том Всевышнему поклон. Девочки выросли праведными и послушными, а вот с парнями не всё ладно — огорчают своими выходками. Недаром в народе говорят: «Маленькие детки — маленькие беды, большие дети — большие беды».

Эрхип — взрослый парень. Родился до империалистической войны. Федот старался дать ему хорошее образование. Семь классов окончил с похвальными грамотами, науку на лету хватал. В семнадцатилетнем возрасте связался с местными комсомольцами и совсем потерял голову. В раскулачивании — в разорении крестьянских хозяйств трёх деревень принимал самое активное участие. Не понимал, что над своей семьёй тоже нависла смертельная угроза.

— Что же ты творишь, сукин сын, комсомольская твоя душа! — пытался остановить его Федот. Но тщетно, Эрхип твёрдо стоял на своем:

— Контру, кулачье с земли чувашской очистить нас никто не помешает, даже родной отец!

Вот те на! Даже отец не имеет права образумить распоясавшегося отпрыска. Федот взял кнут, Эрхип его отнял, сломал как спичку.

— Ещё раз поднимешь на меня руку, напишу заявление в ОГПУ, будешь отвечать по всей строгости советских законов.

От таких слов у Федота кнут упал на землю. Не заметил он, как вырос сын и стал самостоятельно решать проблемы жизни, даже пошел против отца. В этом виноват и Савар Леонтьев: слишком часто вместе с внуком обсуждали вопросы мировой революции.

Когда Федот продал своё хозяйство и собрался выехать в коммуны, Эрхип наотрез отказался следовать за ним.

— Мы здесь поднимем коммуны, на готовенькую не заримся... — ответил он.

Вот пустомеля, не понимает, что в эти дни их тоже пустили бы по миру. Дочь Улька осталась с ними. Пусть так, за мужиками кто-то должен ухаживать — варить суп, постирать. Она уже взрослая, в колхозе работает, умеет вести домашнее хозяйство.

— Агге, смотри за Эрхипом, дочку тоже попридержи, — просила Танюк, со слезами на глазах обращаясь к Савару.

— Не волнуйся, — коротко ответил старик.

— Не нахожу себе места, куда и зачем едем — ничего не понимаю...

— Время покажет, может, скоро вернетесь домой.

— Кросну, ткацкий станок куда поставили? — вспомнила Танюк.

— Вчера затащили в хлев, — ответила Улька. — Что-нибудь придумаю, зимой буду ткать.

У девушки всё горит в руках, когда она сидит за станком, кросна начинает плясать, из обработанных льняных ниток за неделю выткет холст на пару аршинов.

Эрхип в деревне долго не усидит. Недавно получили письмо от дяди Платона, приглашает племянника во ФЗУ, учиться на наборщика типографии. Пишет: кормят, одевают, место в общежитии дают. Посидели, подумали и дали согласие — отправили документы, сейчас ждут, когда вызов придет. Федот сам хотел вместе с сыном поехать в Чебоксары. Хотел посмотреть на белый свет, вон Платон строчит: «Хорошеет родная столица чувашей, с каждым днем растёт, новые дома строят, дороги укладывают».

Сыновья Борик и Сорик пока до колхозных работ не доросли, но в огороде картофельные ряды от сорняков очистить могут. Кто им позволит даром хлеб жевать.

А вот Василиса стала невестой. Рукодельница, везде успеваает. У неё в руках вмиг всё закипит, закрутиться.

Так и уехал Федот с женой и тремя детьми на новое место, в коммуну «Волонтер». Семья через два года вернулась домой пешком, совсем потрёпанная.

Федот и Танюк детей растили и воспитывали в скромности, послушании и трудолюбии. Главное, они сохранили язычески-христианский строй семейной жизни. Научили детей с малых лет трудиться рука об руку со взрослыми, как бы соревнуясь с соседями и родными. К десяти годам они умели косить траву, убирать сено, жать серпом, теревить лен, сучить нить, накручивая её на деревянное веретено, доить корову, истопить печь и варить. Что ещё нужно крестьянским детям...

Время бежит. Федот стал злоупотреблять алкоголем. Почти каждый день возвращается домой с опухшими глазами, еле волоча ноги. Танюк пыталась образумить мужа.

— Остановись, Федот! — просит она. — Не смейся людей...

— Больше не буду... — оправдывается Федот, но тщетно.

К нему в кузницу приходили мужики с бутылкой зеленой. Он не сопротивлялся, отложив работу в сторону, на наковальню закуску выставлял. Сегодня с одним, завтра с другим поднимал он стаканы с зеленым змием за здоровье живых и за упокой ушедших в мир иной. Кто притащил к сельповскому магазину чурки и доску, кто смастерил лавку, кто открыл на открытом воздухе похмельную, никто не заметил. Но по вечерам там начали собираться мужики, стали натирать доску своими задами, вокруг набросали окурки от самосадов, как собаки, отмечающие свои территории. Кто-то должен был их оттуда разогнать. Такими оказались опять комсомольцы. Взяли и снесли, а кое-кого пригласили на заседание сельсовета.

Старшая дочь Улька начала на отца смотрит волчьими глазами. Так сверкнет, хоть стой, хоть падай... Если бы он пьяный лежал на улице, то она перешагнула бы через него и не моргнув пошла б дальше. Федот стал бояться её взгляда, слишком уж колючие.

Василиса ласковее, Борик и Сорик до пяти лет ходили за ней, вцепившись за подол длинного платья. Она другая, умеет ладить с отцом. Тряхнет длинными черными косами, сядет рядом, говорит и говорит. Когда дышащий перегаром отец хочет утолить жажду, побежит, несёт кружку холодной воды. Сама ласково просит:

— Атте, гони этих пьяниц из кузницы...

Федот часто соглашается, хотя с похмелья трещит голова.

Другой раз, пьяного отца Василиса взяла за руку и не отпустила до самого дома. Федот тогда перед людьми гримасничал, дурачился, смешил. Она шла рядом с отцом, а у самой по щекам текли горькие от обиды слезы. В тот вечер Федот обещал дочери бросить пить. Правда, целый месяц не притрагивался, но не выдержал, опять задымил хмельным угаром.

Но тут жизнь резко изменилась. Сельский Совет провёл отчетно-выборное собрание. Хумушцы, недолго думая, в состав членов сельсовета включили Федота Саварова, а к двенадцати ночи он вышел оттуда новым, пятнадцатым председателем. Тут уже не до шуток и пьянок, надо оправдать доверие не только односельчан, но и жителей соседних двух деревень. Всё в жизни должно быть честь по чести. Ежедневно людей принимать, слушать их, обсудить проблемы, а не дышать перегаром. Пора, пора, поставить точку.

Танюк от такого поворота радовалась больше всех, думала, муж будет занят, меньше будет заглядывать в стакан. Улька и Василиса стали ближе к отцу. Всем хочется, чтобы в родном доме всегда было опрятно и уютно.

* * *

У погоды свои порядки. Вот куда-то исчезли длинные, сонные зимние вечера, их сменили ясные, играющие мартовские дни. Время летит. Зима идет на весну, весна на лето — так меняются времена года, и с ним вместе меняются жители трех деревень от разной жизненной обстановки. Недавно по обоим берегам реки Хирлеп росли крепкие ветлы. Их не смогли раздавить даже весенние льды. А люди их уронили, под корень срубили и оголили берега.

Только воды Хирлепа не хотят сдаваться таким людям, шумят своими осенними половодьями и вешними водами, после каждого сильного ураганного дождя унося урожай крестьян грязными водами, вдруг вышедшими из берегов.

Было время, рядом недавно построенным большим мостом работала мельница чебоксарского купца Рукавишникова. После революции он и его сыновья куда-то исчезли, река Хирлеп помаленечку перестала крутить большую лопасть, вскоре

крестьяне разобрали и растащили по бревнам все деревянные постройки. После организации колхоза хумушцы пытались запустить мельницу, не смогли, так и бросили.

Кивьяльцы и ослабинцы как всегда смотрят на Хумуш с высокого косогора. Деревня как на ладони. Улицы кажутся короткими, дома игрушечными, а люди, как муравьи, спешат куда-то по своим делам.

В Хумушской школе уроки кончились, и дети устремились на три стороны. Небольшая часть осталась в деревне, другая — пошла в сторону деревни Кумбал, а третья — более многочисленная толпа детей побежала в сторону реки Хирлеп. Мальчишки прибежали туда первыми и начали раскачивать висячий мост, укрепленный крепкими железными тросами и толстыми веревочными перилами. Недовольные девочки стоят на правой стороне моста. Ждут, когда взрослые разгонят мальчишек или самим надоест качать. Девочки беспокоятся, ведь родители их отпустили только до обеда, дома ждут дела. Шалости — это дело будущих мужиков, им присущи некоторые вольности.

Сегодня Василиса задержалась в школе. Она учится только в пятом классе, слишком долго пришлось ей нянчиться с младшими братьями. Сейчас родители разрешили ей продолжить учебу, на этом настоял дедушка Савар. Марфа помогает ей по учебе, она в этом году заканчивает Нуросскую среднюю школу. Василиса учит подругу вышивать. Она выглядит как взрослая девушка. Две длинные косы висят до ягодиц, кудряшки на лбу вылезли из-под платка, груди, как две крупные яблоки, выпирают платья. Но бегают она смешно. Длинное платье бьет по икринкам ножек, тогда она поднимает подол и скачет как молодая козочка.

Василиса залетела в избу, играючи подбежала к подружке и спросила:

— Марфа, меня в комсомол запишут?

— Конечно, запишут, — обрадовалась подруга. — Твой брат Эрхип тоже комсомолец.

— Наверное, не примут, нас хотели раскулачить, отец всех перехитрил, — тоскливо призналась Василиса.

— Откуда это взяла?

— Апаи сказала, да и дедушка Савар обзывает отца хитрецом-мудрецом.

— Твой отец сейчас председатель сельсовета.

- Он в партии не состоит...
- Ты сама хочешь быть комсомолкой?
- Не знаю, — пожала плечами Василиса.

Вдруг глаза её засияли, вспыхнули, встряхнула головой и вымолвила:

— Ай! Нашла время тревожиться! Голодная курица всегда во сне видит зёрнышки.

— Ты ведь не курица, а человек... — многозначительно ответила Марфа.

Василиса после этих слов задумалась и открыто спросила у подруги:

— Лучше скажи, кем ты хочешь быть в жизни? После школы куда собираешься уехать?

— Никуда. Останусь жить в родной деревне. Буду учить малышей читать и писать.

— А я... А я... Хочу полюбить умного, красивого парня, выйти замуж и родить много-много детей. Таких же красивых и умных.

— Ну, ты даешь! — удивилась Марфа. — На нас парни ещё не смотрят.

— Придет время, толпой пойдут, — пошутила Василиса. — По тебе вот мой брат Эрхип вздыхает.

Марфа вдруг поймала себя на мысли, она как-то не думала о женской доле, о любви, о замужестве. Нравится ей брат Василисы Эрхип. При встрече он смотрит на неё с какими-то теплыми глазами, когда встречаются, тайно подмигнет, сам улыбается. Одна беда, при людях много кривляется, острым языком обижает односельчан. Молодежь это не понимает, хохочет над каждой дурной выходкой. Марфе тогда стыдно.

Выросла она без матери. Родные и отец дали ей любовь, привили уважение к людям, научили разным делам — выращивать домашних животных, приготовить еду, шить, вязать. Вот только яркие чувашские узоры выходят хуже, чем у Василисы. Подруга оказалась замечательной рукодельницей, умеет раскрывать тайны женской вышивальной мудрости. Зато Марфа не раз удивляла её вкусными шаркку*, крошками из уйрана**.

*Шаркку — жаркое.

**Уйран — айран, кислое молоко.

Несмотря на возраст, она хозяйка четырех овец, десяток кур. Молоко берут у соседей, хватает на масло и простоквашу.

Огород у них небольшой, садовых деревьев нет, не приживаются на низине. Зато много разных цветов и овощей. Морковки, лука, свёклы, репы, картофеля хватает на зиму. Марфа сама солит огурцов.

Девушки знают в жизни толк. В семье родителей Василисы пятеро детей, приходится следить за младшими двумя братьями. Когда они были маленькими, ходили за ней как гусята. Сейчас стали самостоятельные — Борику шесть лет, а Сорику четыре. Марфа, выросла без матери, на её плечи рано легли домашние хлопоты, приходится крутиться, с подругой встретиться нет времени.

Василиса часто пропускает уроки, мать ворчит, просит оставить учебу. Дед Савар поддерживает внуку, хочет, чтобы она осилила пять классов.

— Марфа! — прижалась к ней Василиса и прошептала. — Ты когда-нибудь целовалась с парнем?

— Не-е-т... — округлились глаза подруги.

— С моим братом Эрхипом хотела бы целоваться?

— Не знаю. Боюсь... Стыдно...

— Зажмурь глаза, пусть он тебя сам поцелует.

— Он меня даже за руку не держал...

— Я ему подскажу, он любит тебя! — открылась Василиса. — Ты что чувствуешь?

— Он мне нравится, — призналась наконец Марфа. — Только боюсь...

— Не бойся, Мне кажется, это очень интересно. Люди ведь влюбляются, женятся, детей рожают. А ты хотела бы иметь своих детей?

— Не думала... Наверное, да.

— У меня будет много детей, они будут звать меня мамой, — закружилась Василиса. — Жутко интересно.

— Перестань ты болтать как взрослая...

— Мы уже действительно взрослые, тебе семнадцать, а мне уже пятнадцать. Таких раньше замуж выдавали.

— Тогда выходи! — вдруг обиделась Марфа.

— Не сердись! — крикнула Василиса и побежала в сторону дома. — Я только помечтала! До вечера! Дядя Платон из Шубашкар прислал мне такие красивые нитки, удивись!..

Четырнадцать лет проскочили со дня провозглашения Чувашской области, прошли как один день и уместились в нескольких предложениях в биографии Платона Леонтьева. Ему только сорок два. А он стал похож на старика. Болезнь съедала его изнутри. На лице появились морщины, глубокие складки залегли на лбу, глаза глубоко ввалились, тускло смотрели на окружающих.

После празднования дня провозглашения Чувашской автономной области Платон был избран членом областного исполнительного комитета. Вновь созданным Чувашским отделением Российского телеграфного агентства РОСТА руководил Григорий Кубарев, но вскоре его перевели на другую работу, а заведовать этой организацией поручили Платону Леонтьеву. Засучив рукава, взялся он за работу — доводил до населения новые политические, экономические и общественные новости молодой Советской Чувашии. Заодно редактировал газету «Известия рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области».

На одной из партийных конференций Платону поручили организовать в Чебоксарах своё, чувашское издательство. Начался новый этап в жизни коммуниста.

Трудное время. Ещё полыхал костёр гражданской войны. «...Недопоставка дров потребителям приняла ужасающие размеры. Везде наблюдается расхлябанность, разгильдяйство, чиновническое отношение к труду, люди без предупреждения стали оставлять рабочие места...» — так писали тогда центральные газеты. В общественной жизни чувашского народа шла небывалая борьба между старым и новым. В ходе ликвидации безграмотности появилась большая потребность в учебниках по изучению родного чувашского языка.

Весной 1921 года в стране вместо военного коммунизма ввели новую экономическую политику. Но с самого начала новое начинание попало под очередное тяжелое испытание — в Поволжье разразилась небывалая жара, вследствие чего нагрянули неурожай и голод. Голодающему чувашскому народу помогала вся страна, неоценимую помощь оказали Облпомгол, Наркомпрод, Москва, Московская область, Украина и Белоруссия.

В апреле постановлением облисполкома было образовано самостоятельное отделение государственного издательства. Основной задачей этого предприятия стало развитие издательского дела не только в Чувашской области, но и для всех людей чувашской национальности, проживающих на других территориях великой России. В декабре этого же года члена облисполкома Платона Леонтьева утвердили заведующим отделением Госиздательства. Одновременно вменили дополнительные обязанности — назначили редактором областной газеты и председателем коллегии издательства.

В это время на складах издательства сосредоточилось довольно большое количество специально приобретенного, но не реализованного военно-книжного материала и национальной политической литературы. Никто не знал, куда направлять эти плоды просвещения, ведь в области только около 10% населения умели читать и писать.

Платон Леонтьев на второй день своего назначения собрал кустовое совещание. Четыре часа разговора, криков и упреков, а нерешенных проблем стало ещё больше. Москва и Петроград отказались выполнять заказы на изготовление чувашских шрифтов. Отсутствовали соответствующие матрицы и словолитни, пуансоны, цех фотоцинкографии пустовал. Имеющиеся пять старых типографических машин даже после ремонта могли переработать только до шестидесяти печатных листов в год. Между тем потребность в кадрах резко возросла, существующая система подготовки необходимых профессий через ФЗУ не давала результатов. Многие городские выпускники не держались на предприятии, убежали, поступали в различные учебные заведения.

По итогам совещания и досконального обследования предприятия Леонтьев собственноручно набросал план восстановления и развития издательства. Он подготовил записку по всем имеющимся проблемам и внес её на рассмотрение президиума облисполкома. Товарищей долго уговаривать не пришлось. Все понимали, что дело ликвидации безграмотности населения чувашской области и повышение уровня образования трудящихся масс возможно лишь при наличии учебников и учебных пособий на родном языке. Решение приняли единогласно, только вместо денег издательству выделили шестьдесят тысяч пудов хлеба в ржаных единицах, что составляло около тридцати тысяч

рублей в золотом исчислении. При этом не забыли поручить: срочно завершить дооборудование типографии и приступить к изданию учебной литературы.

— Что будем делать с этими бумажками? — подошел заместитель Александр Иванович Ярлыкин, держа в руках большую пачку требований и накладных, адресованных Облпродторгу.

— Одну третью часть будем продавать населению по цене 20 рублей за пуд, — ответил Леонтьев.

— По зубам получим, — насторожился Александр Иванович.

— Победителей не судят. Срочно надо реализовать двадцать тысяч пудов. Часть средств оставим на зарплату, остальные деньги отправим на развитие производства — приобретем около тысячи тонн разной бумаги и сто пятьдесят пудов чувашского шрифта. К тебе одна просьба: срочно выезжай в Петроград, без шрифтов не возвращайся. Главное, постарайся по нашим эскизам организовать там литьё и обеспечить вывоз.

— Без предварительной оплаты вряд ли что-нибудь получится, — с сомнением сказал Ярлыкин. — У меня самого даже на хлеб денег нет, а дома дети...

— Для тебя найдем денежки, главное, реши этот вопрос, — умолял Платон. — Деньги в Петроград уже переведены, о получении телеграфировали.

Платон знал, что Ярлыкин не подведет, с ним знаком уже два года. В царское время он окончил Казанскую педагогическую семинарию, недолго работал учителем, три года воевал с германцами. После революции вернулся на родину, стал членом Цивильского уездного исполкома, комиссаром просвещения уезда. Позже занимался подготовкой чувашских учительских кадров. Открывал чувашские школы в Москве для эвакуированных голодных детей и обеспечивал их продуктами питания. Человек в высшей степени интеллигентный и честный, порученное дело всегда доводит до конца.

После выезда Ярлыкина в Петроград Леонтьев с нарушением всех существующих законов и распоряжений подписал два приказа. Первый — поручил набрать в школу ФЗУ сорок юношей и девушек из бедняцко-батрацкой части населения в возрасте шестнадцати лет, владеющих чувашским языком и имеющих образование не ниже четырех классов. Подготовил записку и отправил во все волости чувашской области.

— Вы нарушаете революционную дисциплину, у вас националистические замашки! — строго предупредили его в облисполкоме.

— Революция свершилась четыре года назад, сейчас строим новое рабоче-крестьянское общество, — парировал Леонтьев. — Я сэкономил народные деньги. Ни один выпускник ФЗУ от нас не уйдет. Мы их обеспечим общежитием, и сорок квалифицированных чувашских специалистов вольются в состав национального рабочего класса. У нас в типографии сейчас работает шестьдесят четыре человека, пятьдесят из них русские, не знают чувашского языка и не собираются его изучать, поэтому допускают грубейшие ошибки при выпуске чувашской литературы.

Выкладки, расчеты, статистические данные, собранные и обработанные Платоном Леонтьевым, оказались сильнее эмоций. Руководители облисполкома и отделов согласились с его доводами и дали полную свободу действий заведующему Госиздательства.

Второй приказ наделал тоже немало шума. Леонтьев на работу принял бывшего священнослужителя казанской церкви, ныне учителя, знатока языка и истории чувашского народа Михаила Петрова.

— Вы понимаете?! — кричал на него заместитель председателя облисполкома Алексеев. — В 1917 году он состоял в партии правых эсеров, поддерживал Комитет членов учредительного собрания, его деятельность во время гражданской войны остаётся неизвестной!

— Тогда мы с вами тоже состояли в партии социал-революционеров! — не сдавался Леонтьев.

— Мы ведь быстро разобрались, создали чувашскую секцию большевиков! — напомнил Алексеев.

— Мы были ещё и левыми эсерами... — упрямо твердил Леонтьев.

Победил, отстоял он Петрова, назначил книжным редактором и ученым секретарем издательства. Понимал заведующий: тем самым он приобрел самого ценного работника на долгий период, снял многие вопросы выпуска литературы на чувашском языке.

Так шаг за шагом Леонтьев выполнял задание партии и облисполкома. Ярлыкин справился с поручением — через три

недели прибыл в Чебоксары и привёз сто пятьдесят пудов шрифтов, ещё пахнувших свежим металлом.

В это время Облпродторг в категорической форме потребовал от Госиздательства срочно вывезти со станции Канаш около сорока тысяч пудов ржи. Леонтьев бегал по кабинетам облисполкома и показывал угрожающее письмо, доказывал, что поселок находится в семидесяти пяти верстах от города Чебоксары, не только у него, даже во всём городе не найдется столько свободных транспортных единиц для вывозки зерна. Просил разрешить большую часть ржи обменять на рогожу и кули. Этот ходовой товар сейчас ценится дороже хлеба, долго не портится при крытом хранении. Еле уговорил, сам лично выехал в Канаш, за один день поменял рожь на сто четыре тысячи рогож и сорок тысяч кулей. Заодно договорился с железной дорогой, что эту тару им будут отпускать по мере необходимости.

На одном из заседаний президиума облисполкома разговор шёл о выпуске первого чувашского календаря на 1921 год. Такой справочный материал нужен всем учреждениям, особенно школам и учебным заведениям. Леонтьев ухватился за эту идею, но члены президиума его не поддержали, поручили подготовить этот календарь Чувашстатбюро. Было принято решение включить в календарь таблицу присутственных и неприсутственных дней, памятные даты, календари землепашца, предсказание о погоде, статистические материалы по всем отраслям сельского хозяйства, промышленности, кооперации, просвещения, культуры, здравоохранения, портреты видных людей, перечень важнейших печатных материалов. Однако Чувашстатбюро своевременно не справилось с работой. Тогда Леонтьев вновь подсутился. С разрешения облисполкома подписал со всеми заинтересованными лицами договор с особым условием — расширить программу выпуска календаря по усмотрению Госиздательства, а средства после реализации отправить только в фонд издания таких календарей на последующие годы. Тем самым убил двух зайцев — спас от позора Чувашстатбюро, а бюджет — от ежегодных затрат. Заодно потребовал передать издательству все ранее собранные материалы и сто семьдесят пудов муки. Все его предложения были одобрены.

— Узнаю хватку упрямого чуваша! — похвалил секретарь обкома партии Эльмень предприимчивого Леонтьева.

Прошел год. Платон Леонтьев выступил на заседании облисполкома с докладом «О состоянии Госиздательства». Предприятие завершило оборудование типографии № 2, перед собой поставило приоритетную задачу: в первоочередном порядке и качественно выпускать книжные и периодические издания на чувашском языке. Согласовали с учебными заведениями города Чебоксары по части подготовки литературных сотрудников. За год типография издала восемнадцать наименований учебной литературы общим тиражом восемьдесят две тысячи экземпляров, что составило девяносто печатных листов. С пуском второй типографии перед облисполкомом Леонтьев обещал довести выпуск разной литературы и газет до двухсот пятидесяти печатных листов в год. Он был уверен, что это обещание будет выполнено трудом и потом работников типографий. Сейчас цеха издательства работали в три смены, ежедневно, в первую очередь пополняя список учебной литературой на родном языке. Этого требовала программа ликвидации безграмотности на Чувашской земле.

В это время врачи обнаружили у Леонтьева туберкулез легких, называемый в народе чахоткой. На болезнь внимания не обращал, не выполнял предписаний докторов. Работа и общественная жизнь были на первом месте. Он осунулся, резко похудел, болезнь стала угрожать жизни. По рекомендации медиков, временно сменил чувашский климат, уехал в Крым подышать морским воздухом Черного моря и очистить легкие. В январе 1927 года ему предложили провести торакальную пластическую операцию. Куда деться, другие методы лечения были бесполезными, пришлось цепляться за соломинку.

Платон не подозревал, что его спину под общим наркозом заморозят, сначала вскроют левую сторону, укоротят шесть нижних рёбер, через месяц с другой стороны поломают ещё пять рёбер. Из-за отсутствия длинных рёбер, грудь его сузилась, сердце передвинулось влево, а легкие резко стянулись. Платон начал отхаркивать мертвые, гнилые части легких. Болезнь на время отступила.

Обе операции прошли тяжело. Платон временами от нестерпимой боли готов был лезть на стены, но старался лишний раз не беспокоить медицинских сестёр. От страданий у него на лбу выступали капли холодного пота. Медсестры понимали состояние

Леонтьева, старались всячески облегчить течение болезни. Он выжил, в схватке с болезнью победил, встал на ноги.

— Так, милоч... — объявил хирург Николай Григорьевич Стойко. — Прости нас, врачей... Вынуждены доставлять боль. Другого метода наука ещё не придумала.

— Извиняться не надо, — ответил Леонтьев. — Жив, и за то спасибо.

— Смотрите-ка! — улыбнулся Стойко. — Какие пациенты у нас пошли! Мы им рёбра ломаем, а они нас благодарят!

Он уже не молодой врач, прошел лазареты двух войн. Призвали служить в 1914 году, вернулся домой только через восемь лет. Сколько людей, благодаря хирургу, остались живыми, никто не считал и никогда не посчитает. Отец его был тоже врачом, мать — медсестрой. Николай с детства знал, что будет лечить людей, резать и штопать больных.

Платон, чувствуя руки хирурга, скрутился от боли.

— Тяжеловато? Терпи казак — атаманом будешь!

— Про руки, про ваши крепкие руки хотел сказать, — вздохнул Платон.

— А, эти? — посмотрел он на свои руки, будто их видит в первый раз. — Кто получит по челюсти, не забудет. Но они у меня не для этого, для больных нужны.

— Действительно золотые... — ответил Платон.

Удовлетворенный своей работой, хирург ушел к другим больным.

Через месяц Леонтьев выписался из больницы, приехал в Чебоксары, перешел на более спокойную работу, стал заведующим отделом литературы и издательства Чувашского комисариата просвещения.

Он, окрыленный успехами советской Чувашии, на страницах республиканских газет начал выступать с большими статьями о колхозном строительстве.

«Эти успехи были временными, — писал он, — Власти, нарушив основной принцип строительства — принцип добровольности, всех разом загнали в колхозы. От первых успехов у руководителей вскружило головы, они опьянели от ударных темпов колхозного строительства. Раскулачивая крестьянские хозяйства, отдельные личности делили ценности между собой. Центральный комитет ВКП(б) без промедления начал исправлять ошибки. Особенно своевременными оказались статьи

товарища Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ тов. Сталина колхозникам». Колхозное строительство — это всенародное дело, в большой работе могут быть какие-то ошибки, только необходимо вовремя их заметить, своевременно исправлять и укреплять существующие колхозы, направлять их по пути социалистического строительства».

Леонтьев стал постоянным членом комиссии Чувашского областного военного комиссариата по работе среди населения. Возглавил Чувашское отделение ЛОКАФ — литературное объединение Красной Армии и Флота. Он опять с головой ушёл в работу.

Благодаря его усилиям Леонтьева, читатели имели возможность на родном языке прочитать книги «Молодёжи о Красной Армии», «История Красной Армии», «Крылатая Красная Армия», «Пехота — главный род войск». В его переводе был издан сборник «В.И. Ленин о трудовой дисциплине».

Платон из-за болезни не мог самостоятельно передвигаться по городу. Лиза временно оставила работу, сопровождала мужа на работу и обратно. Приходилось с ним посещать разные конференции, собрания, мероприятия, порою забывая, что у них растут три дочки — Нина, Ольга и Ирина.

— Может, успокоишься, дашь отдохнуть организму? — однажды твердо спросила Лиза.

— Не могу! — отрезал Платон. — Я сильно болен, и сколько времени проживу, не знаю. За оставшееся время я должен много успеть. Не знаю, как помочь, ведь партию, как меня болезни разъедают изнутри, морально уничтожая наиболее преданных людей.

— Про Эльменя говоришь? — спросила Лиза.

— Даниил Семёнович — известный журналист и видный общественный деятель, — вздохнул Платон. — Характеризуя в своей статье состояние хозяйства республики, он, прежде всего, беспокоится за людей и правильно критикует партийное руководство области.

— Но ведь его исключили из партии! — ответила Лиза. — Сейчас ему предъявили ультиматум: или он признает свои антипартийные заблуждения, или ему не будет пощады.

Платон задумался. После стольких лет партийной и советской работы Эльмень оказался на краю пропасти, туда же тянут и всех бывших его друзей, сослуживцев.

— Заклеймили!... — сердито проговорил он от безысходности. — Назвали наймитом чувашской национальной буржуазии, агентом классового врага, будто он пытается сорвать социалистическое наступление на индустриализацию и колхозное строительство!

— В газетах это называется «волной эльменизма...» — присела Лиза к мужу.

Платон согласился, но продолжал всё прокручивать в голове: «Почему же клевета на Эльменя идет со стороны первого секретаря обкома ВКП(б)? Тут не могут сочетаться интересы партии с личными интересами, что-то другое... Идет прямая травля его со страниц газет Чувашии».

Лиза молчала, она знала характер своего мужа.

— Значит, советская власть применяет кнут против своих преданных большевиков? — испугалась Лиза.

— Власти знают, что предпринимают. Одних заманили пряником в колхозы, а для других нашли нагайку. Раз щелкнули, и крепкие крестьянские хозяйства исчезли, другой раз замахнулись — весь народ оказался в колхозах, с утра до ночи трудится за миску каши.

— Таким образом, отняли право на землю, свободу и труд?..

— Земли у крестьян никогда не было. В старину через двенадцать лет крестьянская семья получала надел на новом месте, земля не облагораживалась, поскольку участки давались во временное пользование. Пришла советская власть, на словах закрепила за крестьянами землю, потом обобществила. Что касается прав и свободы на труд, то их завалили.

На этом разговор между мужем и женой прервался.

В 1932 году, на сорок седьмом году жизни скончался Даниил Семёнович Эльмень. Разговоры об эльменизме резко прекратились. Нет человека, нет и проблем.

Платона Леонтьева перевели на другую работу, он стал начальником Чувашглавлита, в его обязанности включили вопросы военной цензуры, подчинив по оперативной работе уполномоченному Совнаркома СССР по охране военных тайн и печати. Тотчас же в его квартире установили телефон.

Давно он не бывал в родной деревне Хумуш. Когда оттуда приезжают ходоки, Платон не дает им спать, обо всём расспрашивает. Отец после смерти матери часто болеет, как-никак ему уже перевалило за семьдесят лет. Знает о делах родных,

о колхозе, о раскулаченных друзьях — Георгии Алексееве и Захаре Узякове. Брат Федот никогда не жил чужими мыслями, он сам себе на уме. Хочется встретиться, поговорить, но добираться далеко. Прямой дороги нет, а на езду через Канаш уйдет почти двое суток. Может, летом и соберётся к ним.

8

Павел Николаевич Кураков — человек рассудительный, спокойный, справедливый, но никогда не был душой общества. Его угрюмые глаза, жесткий взгляд, небольшие торчащие усы отталкивали людей. Но эта не беда. Беда в другом. Пять месяцев назад его избрали председателем разваливающегося хумушского колхоза «Молодой колхозник». Весной половина колхозников положили на стол заявления и покинули артель, вновь стали индивидуальными единоличниками — «индусами». В колхозе остались всего двадцать три хозяйства — как говорят, самые преданные люди советской власти. Они были бедняками, которым нечего было терять, кроме головы. Работоспособными считались около ста человек, остальные — дети и старики. Завтра Илья Пророк — жатве срок, а в хозяйстве даже приличного амбара нет.

С головы никак не выходит раскулачивание. Как ураган промчалась репрессия по трем деревням, более тридцати семей Хумушского сельсовета, притом, самые крепкие сгнули в пугающей мгле. Такова она жизнь: споткнешься — коленям больно, язык ошибается — голове достанется.

Тревожные мысли никак не покидали голову Павла. Перво-наперво, письмо Федота Саварова не дает покоя, с другой стороны, полдеревни на него косо смотрит, будто он виноват во всем происходящем. Как бы красного петуха не пустили. Успокоился только тогда, когда навстречу ему выбежала десятилетняя дочь Аленка. Господь дал в утешенье отцу такую престлницу, друг без друга и дня не могут прожить.

Неделю назад разобрали амбар раскулаченного Сеньки Микитина. Кураков долго ходил вокруг этого строения, хотел использовать для строительства правления колхоза. Всё любовался. Построено грамотно, без мха, с высоким подпольем, дверь на север, чтобы помещение не нагревалось. Дверной проем широкий, под потолком для вентиляции окно в одно бревно,

которое закрывается от насекомых и воров. Половые доски не имеют ни малейшего зазора, подогнаны так, чтобы ни одно зернышко не пропадало, ни одна мышь не прошмыгнула. Несколько сусеков, где отдельно хранились рожь, овес, полба, гречиха, а муку держали в больших кадушках. Всё это разобрали, перевезли на колхозный двор, но собрать так и не сумели. Перепутали венцы, пол не смогли заклинить, получился не амбар, а склад для хранения разной утвари, где гуляет сквозной ветер.

Кураков сильно разолился, вытолкнул из амбара горе-плотников и присел на порог.

— Где у вас хозяйская жилка? — сердито сверкнул он глазами. — Жили голяками, хотите так же продолжать существовать! Голова пустая, руки, как палки, не приучены к труду!

— Ты, председатель, не шуми, — огрызнулся Семка Иливанов. — Нанял бы плотников.

— За твой счет могу нанять! — оборвал его председатель. — Соображать надо, при разборке брёвна и доски надо было пронумеровать! Посмотрите на щели, пальцы влезут, хотите загубить урожай? Разберите вновь и соберите так, как было раньше, иначе придется отвечать!

— Нам что, лишь бы трудодни начисляли, — пробормотал брат Семки Михалка.

— Работу придется выполнить без оплаты! — объявил Кураков. — Амбар считается мужской принадлежностью. Баб сюда пускают только по домашним делам. Даже до этого не доросли вы, лодыри! Не хотите трудиться — пойдёте с сумой!

Председатель не стал здесь больше задерживаться, поспешным шагом ушел в сторону тока.

В этом году урожай отменный, так как на общественные участки успели вывезти навоз. Частникам на песчаной земле не повезло, рожь не уродилась. До выхода на уборку колхозники решили обустроить новое гумно, десять на десять сажень, рассчитанное на несколько лет. Место выбрали седоволосые старики. Ровный участок, без кустарников, потребовалось очистить от травы, выровнять колотушками, засыпать мелкой речной галькой и нанести слой глины. Главное, высушить без трещин, сделать слегка пологим, чтобы дождевые воды сразу стекали.

В этой постройке председатель был уверен, здесь руководят старики — Савар Леонтьев и Мигулай Скворцов. Совместный труд радовал душу, мужики весело колотили землю. Старики то и дело просили добавить или снять слой земли, учитывали выпуклость всей поверхности. Половина работ уже была завершена, там грунт не продавливался даже под самыми тяжелыми телегами и копытами коней.

Бригада работала на славу, успела установить навес и стол с двумя длинными скамейками. Здесь сидел Савар.

«Постарел старик, — подумал Кураков, — по углам рта появились глубокие складки, скуластые щеки, покрытые седой бородой, немного посинели...»

— Как здоровье, Савар Леонтьевич? — участливо спросил он.

— Бывает всяко, — невольно ответил Савар. — Думал, буду жить до ста лет, не рассчитал. Сердце шалит, никак не могу избавиться от проклятушей боли.

— Полежите, — предложил председатель. — Мигулай Афанасьевич разберётся... Мужики называются, а топор в руках держать не умеют...

— О ком ты? — не понял Савар.

— Давеча заходил на колхозный двор. Амбар Сеньки Микитина не смогли собрать...

— Кому ты доверил?

— Братьям Иливановым и Трофимову.

— Нашел кому, у них дома сортира нет, за навозную кучу ходят, задницами на солнечном свете сверкают, а ты им амбар доверил. Они слов не понимают, да и кнутом сильно не проймёшь. Попроси Федора Кошкина, поможет.

— Был я у него. Индус проклятый! «Хватит, говорю, ходить в единоличниках, в колхозе много дел». Так посмотрел на меня, будто я один виноват во всех бедах. Отвечает: «Вон ворона триста лет живет, всё одна да одна. Никого в свои владения не пускает. Почему? Потому что, не доверяет». Не любит он советскую власть, колхозное строительство. Ждет не дождется, когда наша власть кувыркнется.

— Не торопись с выводами, — не согласился Савар. — Мы всегда хотим видеть то, что хочется видеть и слышать. Обещали сладкой жизни, а сами еле перезимовали. Федор держал двух лошадей, пару коров, овец. Загнали в колхоз, всю живность

притащили в общественный скотный сарай. Целый год он болел душой, каждый день ходил туда, смотрел, как зимуют животные. Они его по шагам узнавали, голос подавали. Придет, постоит, со слезами на глазах их кусочками хлеба покормит. Когда уходил из колхоза, ему вернули одну дохлую лошадку и худую корову, другая не выдержала, жевала-жевала твердую соломы и пала.

— Тогда я не председательствовал, — попытался оправдаться Кураков.

Савар удивленно посмотрел на председателя, покачал головой и продолжил:

— В Хумуше раскулачили девять семей, где их хозяйства, домашние животные? Они богатыми никогда не были, против советской власти не шли. Животные у них держались в теплых хлевах, питались сеном. За год в колхозе пали восемь коров и четырнадцать телят. Опять обвинили недобитых кулаков, говорили, что это они отравили животных. Но ведь вы знаете, от чего они подошли — от холода и голода.

— Почему ты об этом только сегодня говоришь, а не выступил на собрании? Побоялся?

— Ещё как боялся! Дрожал за себя и за детей! Однажды рот открыл, а сын меня предупредил: «Окажемся вместе с врагами народа в Сибири!». Не хочется на старости лет шагами мерить тайгу. Здесь моя родная земля, для себя я уже присмотрел место, рядом с матерью и отцом, сажень длиной и половину шириной.

— Да! Людские уста не ворота, задвижкой не закроешь. Давно не слышал таких слов... — сдержанно сказал Кураков. — Ты, Савар Леонтьевич, не откровенничай.

— Сколько было тебе лет в голодные годы?

— Двадцать с гаком...

— Тогда должен помнить, как раскулаченный Сенька Микитин помог Миرونу Ефимову построить школьное здание. Стоит — всем на загляденье. Весной человека раскулачили, амбар разобрали, а обратно собрать не можете...

Кураков поднялся, не нравится ему этот разговор. «Умом тронулся старик. Рядом люди, а он открыто идет против властей. Хорошо хоть, никто не слышит», — рассуждал он. Хотел уйти, не успел, мужики на отдых собрались.

— Нынче урожай отменный, — сказал Савар, — если по трудодням получим достаточно хлеба, то в колхоз потянутся многие. Нет у них ни сил, ни возможностей тянуть лямку единоличника, платить такие налоги.

— Мы тоже платим? — удивились мужики.

— В два раза меньше, чем они, — ответил Савар.

Задумался председатель: «Хитрый старик, говорит правду только мне, остальным не доверяет, не обсуждает с ними неудобные вопросы, не защищает раскулаченных крестьян. С другой стороны — слова старого человека на дороге не валяются».

Не сразу заметил Павел Николаевич маленькую девочку. Она, босая, в старенькой мешковине, подошла к ним, молча, перед ними воткнула палку в землю и уперлась. Как старушка, стояла и слушала мужской разговор.

— Кто такая?.. — спросил Кураков.

— Дочь раскулаченного Михаила Макарова, — ответил за неё Савар. — Ириной зовут. Родителей с четырьмя малышами отправили в Сибирь, а эту забыли. Она осталась у старушки Мышковой, стала колхозницей. Ей двенадцать лет, ходит за свиньями.

— Я председатель колхоза, — замер на несколько секунд Кураков. — Павел Николаевич меня зовут.

— Дядя председатель, — хлопнула ресницами девочка. — Мы с бабушкой Таюк работаем, работаем, сколько у нас трудодней, когда хлеба нам дадут?

Вокруг замолчали. Все ждали, что ответит Кураков.

— Потерпи, Ирина... — посадил её рядом с собой и серьёзно ответил. — Потерпи немного, уберем хлеб, будут у нас калачи и пироги. Сам привезу к тебе целую телегу муки.

— А им? — показала девочка своей уже не детской рукой на колхозников.

— Им тоже, — ответил председатель.

Савар поразился.

Девочка умом давно перешагнула свой возраст: «Она научилась вставать в пять утра, самостоятельно собираться на свиноферму. По вечерам, уткнувшись в соломенную подушку, тихо всхлипывать, звать родителей, братьев и сестру. Вместе с ней вытирала слезы и старуха Мышкова».

— Что тут слушать кулацкую дочь? — зло посмотрел на девочку Левентий Кирухов. — Иди-ка к своим свиньям!

— Попридержи язык! — выдавил сквозь зубы Кураков. — Разве она виновата в том, что родителей объявили кулаками?

Девочка не стала ждать дальнейшего накала обстановки, наверное, не раз гнали её подальше. Она, повеселев, пошла к своим свиньям.

Тут неожиданно Кураков расвирепел, провел руками по лицу и спросил:

— Как у этой девочки с одеждой? Есть у неё обувь, лапти, наконец?

— Летом босиком бегает, — ответил Савар. — Зимой, может быть, сидит на печке. Люди сторонятся родных раскулаченных, их не жалеют и не помогают.

А Кураков долго смотрел вслед девочке и вслух вымолвил: «Почему на свете страдают дети?.. По чьей злой воле?».

* * *

Страду завершили. Холодный дождь сыпал с самого утра, обливая старые деревенские ветлы, крыши домов и улицы. Председатель Кураков захотел посоветоваться с колхозниками и под вечер направился в избу-читальню. Единственное место в деревне, где мужики открыто высказывали обиды на жизнь, на власть. Порою один из них начинал хвалить своего коня, переданного в колхоз, другие присоединялись к нему и хвастались своими бывшими питомцами. Обычно никто ни разу не вспоминал добрым словом свою жену или мать, а только пытались принизить доходы семьи, хотя разве их утаишь, деревенские мужики знают всё о своих соседях.

Вчера Кураков встретил старого знакомого, жителя деревни Тузи-Морат Афанасия Иванова, недавно утвержденного заместителем председателя Вурнарского райисполкома. Не выдержал Кураков, прямо задал вопрос:

— Что-то неладное творится в нашем государстве!

— Огромные успехи в индустриализации, — ответил Иванов. — Коренной поворот к светлому будущему.

— Не в будущем, а сегодня по-человечески хочется пожить.

— Может и получится, — задумчиво ответил Иванов. — Сегодня утром Семенова арестовали.

— Какого Семенова?

— Твоего соседа, председателя колхоза «Броневик». Комсомольцы постарались, Чурпановцы провели закрытое собрание, а протокол передали в прокуратуру.

— Разобрались, значит. Ох! Как крутился! Протиснулся к двадцатипяти тысячникам, организовал колхоз, сразу построил двухэтажный дом. Всё кричал: «Нам всё по плечу!». Коммуну хотел организовать. Ходил по деревням, взял на учет жилые постройки, сады, огороды, мелкий домашний скот и птиц. Мужики испугались, что отберут, всю мелкую живность пустили под нож...

— Знал, а что же ты молчал? — удивился Иванов.

— Мне бы разобраться со своими делами. Вы слышали об убийстве кивьяльца Василия Осипова? Обвиняют хумушцев. Я считал и считаю, это дело рук Семенова, не поделил участок земли около оврага. Лишенный ума, вел себя, как баран.

— Может и так... — согласился с ним Иванов. — Пока до меня не доходит, каким образом за год двадцать шесть хозяйств пустили по миру, а остальных в колхоз загнали.

— Это что — свежий ветер со стороны райисполкома? — внимательно посмотрел на него Кураков.

Афанасий Иванов промолчал. Так всегда. Неудобный человек этот Кураков: норовит сбить с толку собеседника. Поэтому обменялись общими фразами и разошлись по своим делам.

«Головокружение от успехов», — вспомнил Кураков слова из статьи Сталина, открывая двери избы-читальни.

В небольшом зале набилось достаточно много народа. О чем-то бурно обсуждали.

Целый год идет плановое раскулачивание кулаков. Недавно власти «общипали» кивьяльского торгаша Якова Мясникова, поэтому в последнее время разговоры возобновились вокруг других зажиточных мужиков. Количество разоренных хозяйств увеличивается с каждым днем. До двадцатого года Мясниковы были Кирилловыми. Хозяйства у этого рода крепкие, а мужики поворотливые. Резко поднялись они в годы НЭП. Закупали у крестьян, часто за бесценок, лошадей, коров. Упитанных животных отправляли на мясо или продавали на рынках, получая дополнительную прибыль. Тогда к ним и приклеилось прозвище, в обществе их стали называть «мясниками» — Мясниковыми.

Старый Кириллов умер после гражданской войны. Перед смертью богатство разделил поровну всем сыновьям, а старшему сыну передал хозяйство.

В молодости Даниил служил в армии. Вернулся домой, на удивление родных не стал разговаривать на родном чувашском языке, даже на вопросы родителей отвечал по-русски. Мать плакала: «В армии сына заколдовали, заглушили чувашскую душу, поэтому он забыл родной язык».

У Кузьмы в избе висела нагайка. Он считал, что у каждого себя уважающего мужика у входа должен быть кожаный «воспитатель». Да, да! Для устрашения семьи, чтобы дети не смели озорничать, чтобы жена не распускала свой длинный язык и не выносила сор из избы. Поэтому, домашние время от времени косо посматривали в сторону прихожей. Кому охота знаться с таким бескомпромиссным воспитателем, который не принимал никаких доводов?

Кирилл не стал долго уговаривать сына Даниила, взял кнут и со всего взмаха опустил на его плечи. Тот охнул и на чисто чувашском языке пискнул:

— Ырата-а-ть, атте! Паян урӑх вӑхӑт-ҫке!*

— Времена-то иные, но люди глупее стали!

Мать обрадовалась, что сын выздоровел. Обнимала сына, благодарила мужа.

Второй сын Мигулай, с детства чурался крестьянского труда. На Нуросском базаре с умилением смотрел на нижегородских купцов, бойко орудующих руками и языком перед покупателями. Вдруг исчез из деревни. Вернулся домой через несколько месяцев, выучившись торговым премудростям, так же проворно стал предлагать в лавке мясные продукты.

У Кирилловых было ещё два сына — Артём и Яков. Они стали истинными землепашцами. Не позволяли себе нарушать крестьянские заповеди — переступать через упавший хлеб или спокойно смотреть на покосившийся забор. Работа спорилась у них в руках, всё делали основательно, прочно. Женились, подняли свои усадьбы, арендовали у крестьян земли, выращивали хлеб. Реализуя излишки на рынках, получали довольно внушительную прибыль. Сейчас вот все четыре семьи оказались раскулаченными.

*Ырата-а-ть, атте! Паян урӑх вӑхӑт-ҫке! — Больно, отец! Сейчас не те времена!

Кураков вошел в избу-читальню именно в тот момент, когда мужики перемывали кости рода Мясниковых. Председатель прервал их разговор. Его интересовали совсем другие вопросы. Жатву они завершили достойно: с каждой десятины земли получили более семидесяти пудов хлеба. Этого богатства хватит всем. Радуют глаз всходы озимых. Кураков смалу любит землю, врос в неё своими корнями. Для него чернозём и хлеб дороже всего на свете. Он думает о будущем. Именно полученный урожай поможет многих вернуть обратно в колхоз. Хорошее дело — лучший агитатор.

Председатель внимательно изучал мужиков. Вот Федот Саваров, рядом Федор Кошкин, дальше сидят братья Иливановы, далее известный в деревне молчун Иван Неговорящий, покашливающий Курдей Христофоров и верные друзья по колхозному строительству Белов, Калисов, Леонтьев, Денисовы, Скворцов. Председатель, прервав их обсуждение, негромко начал:

— Дорогие мои артельщики! Прошу извинить меня, но не говорильней мы будем заниматься сегодня, а по трудодням делить хлеб, собранный после жаркого лета.

Он заметил, как просветлели лица мужиков. Некоторые из них готовы были прямо сейчас, несмотря на поздний вечер, запрячь лошадей и поехать к колхозным амбарам. Но Кураков такие приятные дела оставил на завтра, на день пятнадцатой годовщины празднования Октябрьской революции.

— Планы по сдаче хлеба государству мы перевыполнили, — продолжал он. — Несмотря на недостаток рук, скирды обмолотили. Пришлось сто потов пролить, работали без отдыха и сна, но не дали пропасть урожаю. Завтра будем развозить хлеб колхозникам, с оркестром и кумачами.

— А где оркестр возьмем? — переглянулись мужики.

— Пригласим школьников, пусть исполнят революционные песни под гармошки. Вон сколько их в деревне, юных музыкантов.

К десяти часам утра следующего дня от правления отошли груженные мешками ржи три красных обоза, разукрашенные кумачами и свадебными колокольчиками. По деревне полетела песня, исполняемая молодежью под две гармошки и поддерживаемая после каждого куплета звуками горна и барабана. Не совсем уж революционная песня, но знакомая всей деревне мелодия.

В огороде вьётся хмель,
По забору тянется.
Нынче хлеб на трудодень
Пять кило достанется.

Всем колхозом молотили
Золотистую мы рожь.
Всем колхозом мы решили:
Коллективный труд хорош.

Время от времени гармонисты звонко выводили другие частушки.

Слава тебе, наш колхоз!
Пусть поля не широки.
Сей пшеницу, ешь калач
И гуляй от всей души.

У Ушаха, на песочке,
На две кочки в три ряда,
«Индуc» высеял леночек,
Получилась лебеда.

От звона колоколов и песен люди повыскакивали из домов и с удивлением смотрели на обоз. Он останавливался около ворот колхозников, где председатель открывал небольшой митинг, поздравлял с успехами колхоза и громко произносил, сколько мешков получает семья по трудодням.

Этот праздник Кураков придумал специально для одиночников: «Пусть посмотрят, позавидуют, головой повертят!».

Следующей остановкой обоза стал дом Таюк Мышковой. Около ворот стояла старуха и не по годам худая Ирина. Они внимательно смотрели на происходящее. Председатель позвал девочку к повозке. Поставил на мешки и начал хвалить:

— Двенадцатилетняя Ирина Макарова вместе с Таюк Мышковой два года работают в колхозе. Они заработали пятьдесят трудодней. Маленькая свинарка за весь период не допустила ни одного падежа свиней, за что колхоз её премирует фуфайкой, валенками, платьем, платком. Согласно решению правления колхоза, Ирине и бабушке Таюк положено пять мешков ржи и мешок муки. Занесите, мужики, в амбар всё заработанное добро.

Старуха Мышкова, вытирая слезы, смотрела, как председатель надевает на Ирину подарки, а мужики заносят в сени мешки с хлебом. Не выдержала семидесятилетняя женщина, от волнения ноги её подкосились. Ирина подбежала к ней и закричала: «Бабушка, не умирай!..». Но старуха не собиралась покидать этот мир:

— Как тут умрёшь?.. Жить будем!.. Ай, как будем жить!

Через год Кураков вновь спас Ирину от неминуемого наказания.

Она зимой училась в школе, а летом продолжала пасти свиней. В конце августа в поле она осталась одна. Животные ходили смирно, лакомились остатками зерновых колосков. Какие-то нерадивые колхозники выполнили свою работу спустя рукава, оставили за собой много колосков. Ирина не поленилась, за день собрала целую сумку, набила карманы старого длинного кафтана.

В это время по мачамушской дороге проезжал начальник Нуросского участка ОГПУ Дмитрий Лазарев. Увидев девочку, собирающую колоски, остановил коня и подозвал к себе. Она робко подошла к нему.

— Ты откуда, девочка?

— Из Хумуш. С бабушкой Таюк живу.

— Почему с бабушкой? Где родители?

Ирина не ответила. Лазарев догадался, что она из раскулаченных, осталась не зарегистрированная.

— Что в сумке и в карманах?

— Колоски, — ответила Ирина.

— Воруешь? — спросил Лазарев.

— Нет...

— Сколько тебе лет?

Ирина промолчала. Это разозлило милиционера. Значит, ей уже за двенадцать. Может отвечать за свои действия. Он отобрал у девочки сумку, хотел увести её в участок. Но, к счастью, из Нурос возвращался председатель Кураков. Увидев странную картину, рассердился, подошел к Лазареву и строго спросил:

— Почему с девочкой так разговариваете?

— Не изучили закон об охране колхозного и государственного имущества?

— Кто вам говорит, что она вор? — вопросом на вопрос ответил председатель.

— Раз несёт, значит, вор, расхититель колхозного добра!

— Видите ли, дорогой Лазарев, — продолжил Кураков. — Это поле колхозное, свиньи, жирующие на этом участке тоже общественные. Ирина Макарова колхозница, свинарка, по моему указанию для поросят собирает колосья, из них запаривает кашу.

— Почему одна собирает?

— Остальные на току... С утра до ночи...

— Кто допустил такие потери хлеба? — не унимался милиционер.

— Даю обещание председателя, что бригадир и колхозники будут наказаны, но при ручной уборке потери хлеба неминуемы, — ответил председатель. — Колхозных свиней кормим хлебными отходами, поэтому пустили на это поле.

— Следующий раз девочку обеспечь бумагой с печатью, что она выполняет колхозный наряд, тогда у меня не будет никаких вопросов, — сказал Лазарев и уехал своей дорогой.

Кураков положил руку на плечо девочки и долго не отпустил. Сердце стучало, готовое вот-вот выскочить.

— Счастливая ты Иринушка, — тихо произнес он. — Не окажись меня рядом, по-другому сложилась бы твоя дальнейшая судьба, пришлось бы на своих хрупких плечах испытать все тяготы «новой жизни»...

Девочка не поняла его слов, быстро успокоилась и погнала хрюшек в сторону фермы.

9

Захар никогда не носил бороду. Впервые в жизни густая черная щетинка окутала лицо и за месяц превратила сорокалетнего мужика в старика с бородой. В начале декабря ударили сильные морозы. От тумана деревья вокруг за день покрылись инеем, стали белыми и пушистыми. Солнце скрылось два месяца назад за низкими тяжелыми тучами и показывалось людям только на несколько дней. Наступили совсем черные дни. Светлело только к полудню, и через два часа темнота опять окутывала всё вокруг. С реки дул низовой северный ветер. В бараках стало прохладно, старые бревна не держали тепло печей, гнилые доски полов пропускали холод.

Печки от перегрева прямо на глазах разваливались и создавали пожароопасное положение. Дети и старики заболели, горячка и кашель уложили многих в постели, создалась угроза массовой смерти. Захар начал привыкать к человеческим страданиям. Он огрубел, стал каким-то равнодушным ко всему окружающему. Не успели обосноваться на месте, четверых уже похоронили — ушли мир иной его сын Узьяк, потом мать Василя Маланье, две старухи спецпереселенцы из Азим-Сирмы и Алгазино. Когда комендант из Сосновки приехал с очередной проверкой, увидел могилы, поверил словам Захара и в списке напротив двух взрослых детей Петрука и Ульби написал: «Списано — как усопшие».

— Похороните всех умерших по-христиански, а то, получается, лежат, а крестов нет, — сдержанно сказал комендант.

Захар его не слушал, ему не давали покоя не эти могилы, а короткие зимние северные морозные дни, до самой глубины заморозившие тайгу. Казалось, никогда не придут весенние дни.

— Надо потесниться, малых и старых перевести в землянки, — убеждал мужиков Захар.

— Зачем? — с удивлением спросил Василь Куликов.

— Чтобы спасти от воспаления легких, от смерти!

Василь беспокоился за свою землянку. Она была свободнее других, теплее и уютнее. Не хотел мужчина, бывший нэпман, торговец мясными продуктами, делить с другими свою каморку, хотя жил один. Его считали человеком неуживчивым. Мужики хотели его проучить, но Захар, как уполномоченный вынужденных переселенцев, не позволил устроить самосуд.

— Придется немного потесниться, — строго произнес Захар. — Ешь и пьешь из общего котла, пришло время расплатиться.

Василь притих, но не сдался.

— Сам разберусь, кого пустить за порог!

— Нет уж, мы решим, кто больше всех нуждается в помощи! — рассердился Захар.

— Может, меня из своего угла попросите?

— Попросим, сегодня же перейдешь в барак, у тебя будет жить Наталья Кадыкова со своими детьми.

У скромных, малословных Кадыковых из деревни Алгазин пятеро детей, самому старшему стукнуло всего семь лет, они вместе с родителями оказались на Севере.

Остальные мужики поддержали Захара, без всякой ругани и суматохи распределили людей по землянкам, где больные почувствовали себя намного лучше.

— Добрый ты человек, поклон тебе от всех, — подошел к Захару Прохор Герасимов. — Ты просто читаешь мысли баб.

— У нас одна судьба, беду преодолеем только вместе. Врозь, поодиночке не выжить, околеем, — ответил Захар. — Детей надо спасти.

— С божьей помощью поправятся.

— Много помог твой Всевышний?!

— Он не только мой, но и твой, всего живого существа...

— Ладно! — в сердцах отмахнулся Захар, стараясь не вступать с Прохором в очередную полемику.

Жизненные заботы и смерть сына не заслонили Захара от людей. Для дочери Ирры тоже не заметны неурядицы, она пошла в первый класс, сейчас находится в Сосновском интернате, домой приезжает только на выходные.

А вот Аниса сдала. Почернела, скулы выступили. Старалась держаться поближе к мужу, искала помощь и поддержку. Когда дети хоронят родителей — остаются сиротами. Когда муж или жена уходит в мир иной — их называют вдовами и вдовцами. Но никто не придумал названия тому горю, которое испытывает мать, похоронив своего ребёнка.

— Сына потеряли, — вымолвила она вслух. — Разве эту каторгу назовешь жизнью?

— Успокойся, мы бессильны перед условиями, — присел рядом к ней Захар.

— Ведь под сердцем его носила, — заплакала Аниса. — Как там Машшук, Петрук, Ульби?

— Не пропадут... Дочь взрослая, позаботится.

Захар обнял жену, прижал к себе, желая успокоить, поблагодарить за детей, за понимание, за женскую доброту к нему.

— Сказать тебе? — тихо спросила Аниса.

— Не держи, так будет легче.

— Тяжелая я... — спрятала она глаза от мужа.

Захар крепче обнял её и поцеловал в щеку, в глаза. Вел себя как молодой, только что просватавший парень, не отпускал руки жены от себя. Она не сопротивлялась ласкам, она знает, что чувашские мужики такие нежности к близкому человеку не часто позволяют.

— Спасибо тебе, милая, один вряд ли я смог бы выдержать такую неволю! — продолжал целовать он жену.

— Хватит, задушишь нас, — засмеялась Аниса.

Глаза у неё заблестели, улыбка на губах и девичье смущение вернули былую красоту этой женщине, она стала по привычке поправлять платок, волосы и передник.

Захар возбужденно стал невпопад говорить, взволнованно что-то бормотать. И впрямь, перед Анисой стоял тот восемнадцатилетний парень, провожавший её домой после хоровода.

Покой и радость бились в сердцах Захара и Анисы, давно они не испытывали такого состояния души. Вспомнились им сумасшедшие соловьиные трели, пышные цветы, утренняя прохлада медвяных рос, родные запахи только что высушенного сена, уложенного в огромные стога у дома...

* * *

Для чего люди рождаются на белый свет? Кто может объяснить, почему именно этот человек появился в этом непонятном, тревожном мире. Аниса была раздавлена. Чувствовала себя очень одинокой, даже муж с каждым днем удалялся от неё всё дальше и дальше со своими ежедневными хлопотами. Такова она жизнь... В один миг любого оглушит, тогда каждая клеточка тела от страха начинает дрожать. Кажется, вот-вот закроются глаза. А нет, проходит некоторое время, страх улетучивается, душа встрепенется. Сердце начинает стучать ровно, вокруг становится светло. Откуда-то появляется сила, хочется песню растянуть. Значит, в этот раз беда не смогла погубить добро, душа не увяла, как осенний листок.

Аниса боялась тайги. В каждой тени вековых сосен и стволов засохших деревьев, зимних кустов чудились разные живые существа. По ночам Арсюри бегал в тайге, ухал и фыркал. Это убитые в лесу люди превратились в такие существа и гуляют в темени. Здесь и Киремет елового леса, охраняя свое владение, шуршит, костлявыми руками хочет дотянуться до людей. А Шайтан — житель подполья — совсем приблизился к жилищам — стучит по стволам деревьев. Аниса тогда, как маленькая девочка, дрожа, прижималась к мужу. Наконец Захар объяснил, но и познакомил разного рода птицами, мелкими лесными

животными, как зайцы, совы, филины издают разные звуки. Душа помаленьку успокоилась.

Аниса вспомнила, как Захар и Машшук считали мельницы, и на лице появилась улыбка.

Её и других женщин поддерживала Евдокия. Как выйдет к народу, так закрутит, что от смеха животы начинают болеть. Сегодня опять собрала вокруг себя женщин, затянула очередную байку:

— Тогда мне было всего пятнадцать лет. В селе Нурос жила русская подруга Анна, учила разговаривать по-ихнему. Однажды пришла в гости, вошла в избу и остановилась у входа, около железной кровати. Они обедают, так вкусно пахнет, аж, голова кружится. «Иди кушать, — зовет отец Анны». Я дура, не поняла, думала, говорит по-чувашски, спрашивает: «*Ашă-и?**». Отвечаю: «*Ашă, ашă***». Он только пожал плечами. У меня слюны текут, голодное брюхо к спине прилипло. Так и простояла у кровати. Потом Анна растолковала: «Отец пригласил тебя на обед, почему ты отказалась». От обиды не выдержала, заплакала.

— Кусочек хлеба надо было попросить, — пожалела её Аниса.

— Попросила... она вынесла большую краюшку, посыпанную сахаром. Я как лошадка уплетала, только челюсти скрипели.

— Это было так давно! — горько вздохнула Аниса.

Евдокия улыбнулась и всех женщин пригласила вечером к себе на посиделки.

— Только не обессудьте, дома ни крошки хлеба и соли, но печеная картошка, брусничный компот имеется.

Женщины удивленно посмотрели на неё, но не спросили, откуда у неё картошка. Раньше в деревнях, они не раз были на посиделках, называемыми «Улах***». Издревле девчата собирались вместе, тайно договаривались с одинокой старушкой, или какая-либо подружка оставалась дома одна с младшими сестрами и братьями. Собирались в зимние вечера, когда домашние дела выполнены. На улах с собой прихватывали семечки, орехи, разную крупу для каши и керосин по очереди. Там они вязали, пряли, шили, вышивали, но и находили время шутить, смеяться,

**Ашă-и?* — Тепло ли?

***Ашă, ашă.* — Тепло, тепло.

****Улах* — посиделки.

петь песни. Сейчас времена другие: хотели бы прясть — нет шерсти, вязать — негде взять ниток, шить — где возьмешь ткани и иголку, а уж вышивать — руки не выводят разные чувашские орнаменты.

— Евдокия, не помешаем мы Прохору Тарасовичу? — спросила Аниса.

— Он отдохнет у соседей.

Женщины всё-таки собрались вечером у Евдокии. Пришли Аниса Узякова, Тайрук Пакшанова, Елена Дмитриева, Клавдия Фомина и ещё пятеро. Что делать в землянках и в бараках? Других дел нет: скот в хлевах не стоит, они давно в колхозных фермах, на гумно не надо выходить, уже живут по норме хлеба и похлебки уполномоченного. Мужья удивились, но без слов остались с детьми.

— Ну, кажется, все на месте, остальных не будем ждать, — потирала Евдокия ладони.

Женщины переглянулись: что же затеяла хозяйка в своей комнате?

Евдокия засуетилась, из-под нар вытащила четверть с красной водицей, откуда-то появились деревянные кружки. На стол женщины выложили кусочки хлеба, прихваченные на особый случай. В это время в комнату залетел Прохор.

— Чувствовал в комнате не ладное, войду, бродит, шумит, такой запах вокруг, аж, ноздри щекочет, — сказал он, будто великое открытие совершил.

— Четверть стояла в кадучке, а кадучка в углу, — засмеялась Евдокия.

— Старый стал... Раньше по запаху запечатанную бутылку находил.

— Хотела для женщин праздник устроить, вот и берегла...

Евдокия налила целую кружку вина и поднесла мужу. Он залпом выпил, сразу в глазах появились крупные капельки скупых мужских слез. Прохор вернул кружку жене и наклонился к ней, она крепко прижала его голову к себе на грудь.

Опять наполнила вино, искала глазами икону, не найдя перекрестилась и громко сказала:

— Ть-хфу! Ть-хфу! Ть-хфу! Долго ты бродила, долго поднималась, стала целительной водой. Дай нам силы и возможности собраться не каждый месяц, а каждый божий день. Сегодня мы будем не пить, а лечиться, не чайными стаканчиками,

а деревянными кружками. Уходи, нечистая сила, из целительной воды, оставайся чистый спирт. Аминь!

Спецпереселенки не стесняясь стоящего перед ними Прохора, опустошали кружки.

— Откуда такое целебное пиво? — спросила Аниса.

— Это не пиво, а вино, — торжественно объявила хозяйка.

Тут женщины загудели:

— Где ты научилась варить?

— Расскажи нам!

— Налей ещё немного!

— Подождите, подождите, всему свое время, — Прохор пытался остановить женщин. — Для мужиков оставьте...

— Они уже давно свои бочки выпили! — выскочила Елена Дмитриева. — Теперь наша очередь подошла.

Прохор будто не услышал женщин, крутился около жены и пытался вырвать четверть из её рук. Евдокия не позволяла дотронуться до бутылки. Наконец открылась:

— Не крутись ты перед глазами, как мельница, там для мужиков стоит целая бочка.

Прохор успокоился, попросил капнуть немного живительной водицы и оценил:

— Как у русской Анны...

— У неё и научилась. Здесь не найдешь ни вишен, ни малины, зато столько брусники. Собирала осенью ягоды. Приметила бочку старую, Прохор мне отремонтировал. Сообразила: кипятила воду, туда бруснику, немного хмеля, у меня он целая подушка, не захотела оставить председателю колхоза, с собой прихватила. Долго бочка стояла, думала не пойдет, нет, забурлила. А муж все нюхал и бубнил:

— Чем-то кислым пахнет.

— Может мне мужиков позвать? — засуетился Прохор.

— погоди! — остановила его Евдокия. — Не праздник Сурхури*, сегодня бабьи посиделки. Завтра, завтра после работы зайдете.

Скоро женщины захмелели. Только Евдокия не могла успокоиться:

— Бабы! В этой деревне мы живем уже четыре месяца, не слышали песен, не видали плясок. Может, затынем?

*Сурхури — старинный зимний праздник молодёжи, святки.

Аниса улыбнулась:

— Давайте, милые, нашу, чувашскую.

Сразу не получалось, не смогли женщины переступить ту черту, за которой недавно спрятались дорогие слова и мелодии... Но Аниса не думала сдаваться. Она волновалась, никак не могла подобрать нужных слов, нужного тона песни. Вдруг вздохнула, махнула рукой и запела тихо, распевно:

Отец мне обещал построить белый дом,
Когда на гумне вырастет сосна.
На гумне не выросла сосна,
Отец мне не построил белый дом.
Пришлось уехать на Север, далеко
В темной тайге валить лес, построить дом,
Когда в темной тайге построим белый дом,
Приезжайте, родные, в гости к нам.

Женщины одна за другой стали вытирать слезы. Евдокия уже затянула свою песню, а её поддержали товарищи:

Наверное, Волга волновалась,
Наверное, море волновалось,
Две волны соединившись,
Враз корабль потопили.
Наверное, отец проклинал,
Наверное, мать проклинала,
Оба проклятия соединившись
Моё счастье погубили...

Слова песни рвались из самого дна сердца и разлились по вечерней северной тайге...

* * *

Январские дни на Севере совсем короткие. Солнце не успеет показаться на горизонте, тут же исчезает.

Работа не клеилась, в лесной темноте люди трудились на ощупь, при свете костров. Решили прекратить валить на начатой делянке лес, а заняться его распиловкой на дрова.

Захар второй раз прогоняет старого Пакшанова с делянки. Даже злится. Придет и начинает рубить топором сучки. У него это получается, но одежда не позволяет ему долго находиться

на морозе. Сдал он в последнее время. Горб появился, лицо и руки истончились, видны были темные кровяные жилки. Глаза совсем потускнели.

— Чего не сидится дома? — чертыхался Захар, увидев старика на делянке.

— Здравствуй, Захар! Не хватает воздуха в таборе, — робко смотрел он на бригадира. — Немного поработаю, помашу топором.

— Только недолго и домой, — согласился Захар.

— Устал я, — дрогнувшим голосом вымолвил Пакша. — Совсем устал... пора, наверное, на покой, к родителям своим. Но не хочется лежать в тайге.

— Погоди немного, пройдет зима и зажурчат ручьи.

— Погодь — не погодь, время подошло...

— Тьфу! — выругался Захар от безысходности.

— Не бросай Тайрук одну, может она увидится с дочерьми...

Захар не стал больше тратить время на разговоры, отвернулся и пошел к мужикам.

— Поберегись! — закричал вальщик перед тем, как уронить дерево. Но не услышал треска, не увидел Пакшанов падающую на него берёзу. Срубленное дерево сначала зацепилось за стоящую рядом сосну, потом рухнуло на Гаврила. Старик не успел испугаться, вскрикнуть, огромный ствол своей мощью мгновенно придавил его. Под толстым сучком лежал Пакша. Он уже не дышал, из раздробленной груди сочилась кровь, алым цветом раскрашивая белый снег.

— Что же ты наделал, дядя Гаврил?.. — глухо произнес прибежавший на крик Захар.

Мужики, вырубив длинные ваги, подняв березу, освободили тело старика Пакшанова и на руках понесли в лагерь.

Похоронили его рядом с сыном Захара, вырезали в виде квадратика замерзшей земли и положили на старую доску под голову покойного, тело накрыли старыми одеялами и засыпали землей. Люди разошлись, а Захар стоял у могилы и шептал:

— Пусть тяжёлая чужая земля будет легким твоим гробом... Вот как ты нашел своё успокоение.

Вечером они поминали Гаврила. Жена усопшего Тайрук Филипповна присела поближе к Захару и рассказала о золоте, захороненном на дне домашнего колодца. Удивился он, почему именно ему бабка раскрывает тайну души. Не придал серьезного значения её словам. Но через день рядом с могилой мужа нашли

тело Тайрук. Только тогда Захар сообразил: как же он не мог предотвратить нелепейшую, несвоевременную смерть. Эта многострадальная женщина решила навечно остаться рядом с мужем, далеко от родины, от родных. Вряд ли кто-нибудь прибудет сюда, найдет их могилы. Через десяток лет кресты сгниют, могильные холмики зарастут лесной травой, рядом вырастут огромные сосны или березы...

Еды в маленьком кулацком поселении осталось на неделю. Голод ходил за каждым человеком, надолго останавливался в бараках, землянках, отбирая последние капли сил и воли людей. Мужчины только что вернулись с работы, усталые сидели за скудным столом. Вдруг услышали долгий, заунывный, прямо-таки леденящий душу вой волчьей стаи.

— Бык!... Раненный бык с большими рогами стоит за бараками! — с криком забежали дети.

Мужчины выскочили из бараков. Прохор Герасимов первым бежал за детьми и увидел огромного лося. Левый бок у него был разодран. Животное прислонилось к дереву, тряслось от страха. Лось сюда прибежал, спасаясь от зверей. Он смотрел на людей огромными глазами, тяжело хрипел, наверное, просил помощи.

— Постой, — шепнул Прохор. — Я найду с другой стороны.

— Нельзя пугать, уйдет, в темноте не найдем, — ответил Захар.

Мужики отогнали детей подальше. Лося окружили со всех сторон, ждали, когда животное от потери крови ляжет, тогда можно подойти поближе. Кто-то притащил веревку. Как только лось лег, Прохор легким броском набросил на рога крепкую веревку, привязанную за сосну. Животное от испуга вскочило на ноги, но веревка выдержала, не лопнула. Прохор сообразил надеть на заднюю ногу веревку и закрепил к другому дереву. Сохатый дергался, но безуспешно, силы покидали его. Прохор осторожно приблизился к нему.

— Отойди, он ещё живой! — предостерег его Захар.

Скоро лось перестал сопротивляться. Волки, почувствовав свежую кровь и запах людей, завывали совсем рядом.

— Издох, — заметил Прохор.

— Господь на нашей стороне — через детей передал пищу. Иначе лося задрали бы волки, оставив одни кости.

— К людям пришел за помощью, а мы убили, — пожалел кто-то.

— Но он спас нас от голодной смерти, — ответил Прохор.

Через час при свете костра мужчины освеживали лося и тридцать пудов свежего мяса раздали семьям по количеству живых душ.

В начале марта суровая северная зима начала терять свои силы. На левой стороне реки появились проталины. Зажурчали вешние воды. В тайге появились широкие лужи, из-под снега начала выступать земля. Дети гонялись за деревянными лодками по ручейкам.

Однако с первыми теплыми лучами солнца пришла беда — какая-то непонятная сила клином вошла в поселок, у людей стали пропадать силы, кровоточили десны, расшатались зубы, пухли ноги. Не знали люди, что это цинга.

Захар забеспокоился. За один день умерли пятеро детей. Их хоронить было негде. Некому долбить, как гранит, мерзлый грунт — многие болеют, а другие на валке леса. Мертвых положили в глубокий очищенный от снега овраг и закрыли длинными бревнами, чтобы звери не хозяйничали там. Весной перезахоронят.

Заболела Аниса, лицо у неё опухло, покраснело. Она впервые почувствовала полный упадок сил, болезнь стала изнурять её. Василь Куликов, Прохор Герасимов и ещё пятеро мужиков ходили на работу больные, у них ныли мышцы, суставы. Слабость свалила детей и взрослых с ног. У многих болели глаза. Люди уже давно забыли о банях. Вошь заела всех. Казалось, от них волосы стали шевелиться, а рубашки у всех стали смоляные, грязные. Паразиты кишели в землянках и бараках.

Из Сосновки прибежала фельдшер — молодая симпатичная Галина Николаевна Баданина. Пошла по землянкам, послушала, всех осмотрела, выписала рецепты, велела искать пихту, из иголок варить настой и пить по одной ложке ежедневно, но не больше. Умоляла вывести вшей.

Люди слушали наставления девушки без всякого интереса, будто за зиму потеряли тягу к жизни. Жители маленького поселения знали дорогу к появившемуся недалеко в лесу кладбищу, где уже нашли вечный покой двенадцать душ, в основном старики и дети. Сейчас по безвольным лицам взрослых можно было прочесть, что скоро и они займут места рядом с усопшими. Фельдшера беспокоило такое поведение людей...

— Захар Узякович, я привезу лекарства, только помогите мне спасти людей, — виновато прятала Галина глаза. — Хвойным отваром их не поможешь.

— Я не лекарь! — выпалил Захар.

От слов отчаявшегося мужчины, идущих из глубины души, Галину затрясло. Её губы дрожали, слезы потекли по лицу.

— С-с-спа-сти надо-о людей... Ста-рики и де-е-ти не выдержат! — всхлипывала она.

Давно Захар не видел таких откровенных слез. В поселении если кто-то плакал, то тихо, тайно, подальше от людей. Здесь женщины сдержанные, при похоронах даже родных не роняли слез, только тяжело вздыхали, пряча в глубине души всю горечь проклятой судьбушки.

— Чем я могу помочь? — пожалел Захар девушку. — Таковую болезнь вижу впервые, не имею ни малейшего представления, как её лечить.

— Цинга это!.. Ещё трахома и вши!.. — сдавленно крикнула Галина. — Недостаток витаминов в организме. Отсутствие бани и простой гигиены. Никто не выдержит такого состояния...

— Что ты предлагаешь? — устало спросил Захар.

— Поговорите в Сосновке, у жителей клюквы заготовлено на три года, попросите лук, чеснок, муки, ведь цинга только начинается, заваривайте пихтовый настой...

— За какие шиши вы предлагаете мне всё это купить?! — с болью ответил Захар.

— Если с людьми поговорить, они поделятся, только не надо на всех злиться и обижаться.

Через час она управилась с делами, умчалась дальше.

У Захара было такое чувство, словно эта девушка своими словами и советами загнала его в тупик, откуда не было выхода. Нехватка воздуха сдавила горло. Помнит Захар, люди в деревне всегда болели трахомой. Из-за этой болезни несколько женщин деревни в молодом возрасте ослепли. Тогда все бегали к знахаркам. Те за разные подношения в виде денег, тканей, зерна — только калечили их. А тут, прибежала, поплакала, накричала на Захара и нагрозила его поручениями. Такого лекаря он в жизни ещё не видел.

— Чудная какая-та! Местные жители нас сторонятся, а она на лыжах за десять верст летит, за кулацких детей слезы льет, —

вслух рассуждал Захар. — Встретишь, поговоришь с таким чистым человеком, печаль развеется.

— Гляди, дядя Прохор что-то тащит, — показал один из мальчишек в сторону леса.

За бараками показался Герасимов и нес на плечах кору.

— Откуда? — пробормотал Захар.

— Лыко, драл, недавно заметил липняк, — ответил Прохор. — Лапти попробую плести.

Вокруг него собрались мужики, все старались своими руками пощупать, оценить кору.

— Хорошие лапти выйдут, а много там лип? — поинтересовался Захар.

— Для всех хватит, — улыбался Герасимов.

Захар в эти дни откуда-то притащил огромное осиновое бревно и начал долбить, мастерить двухместную лодку. Быстро весла настругал, ждал, когда можно будет до конца наладить, попробовать, как держится лодка на воде. Надо выйти на рыбалку, не раз видел, как местные мужики на реке вытаскивали большие рыбы.

* * *

Наконец наступили весенние теплые дни. Незаметно, но быстро осели снежные сугробы, в тайге замолчали синицы, нет-нет да и слышны стали голоса токующих косачей. В один солнечный день люди своими глазами видели начало подвижки льда на реке. От грохота повыскакивали на улицу, испуганно смотрели на реку. Опомнившись, восторженно, с удивлением наблюдали за битвой льдов. Огромные плоские куски, похожие на странные живые существа, начали вылезать из-под воды, толкая друг друга, ломались, продвигались вперед, громоздились друг на друга. Льды словно большим лезвием срезали небольшие деревья и приближались к землянкам. Люди заторопились, бабы начали креститься, мужики дружно побежали к жилью, начали вытаскивать вещи. Опомнившись, потащили спасенные предметы скудного быта к баракам. К вечеру часть землянок оказалась затоплена водой и повреждена. Дети Натальи Кадыковой бегали на берегу и кричали:

— На нашу землянку!.. Льды!..

— Лешие!.. Трещат!.. Дерутся!..

Ледоход набирал силу, гул усиливался, это так льдины дробясь на куски, торопились вперед, лезли на поселок. Вода прибывала и прибывала.

Захар Узяков не раз видел подобные картины. Мирные тихие реки весной в один миг превращаются в зверя. Противостоять нет силы и возможности, в один миг разрушат, унесут всё, что встретят на пути, навечно захоронит в пучине. Такими были реки Цивиль и Хирлеп, оставшиеся где-то далеко на родной стороне.

— Лед пошел, будем жить! — обрадовался Захар.

К нему подошел Прохор и пробормотал:

— Лес оживет, и цингу победим...

— Надо сходить в Сосновку, — задумчиво ответил Захар. — Может, помогут лучком, чесноком. Баню... баню ставить на весь поселок...

На следующий день Захар пошел в поселок. Больше всего он боялся унижений. Сколько раз приезжал в контору на разные планерки, совещания. Каждый раз, шагая по поселку, не смотрел по сторонам, казалось, что из окон на него таращат любопытные, показывая пальцем. Удивительно, но жители при встрече с ним здоровались, как будто он давно здесь проживает.

Вот и сейчас, открывал дверь сельского Совета — от волнения спина и голова стали мокрыми. За столом сидел небольшого роста председатель сельсовета Виктор Иванович Ларионов и пил чай. Родился и вырос он в этом районе. Красный матрос Двиноважской флотилии Северного фронта сражался с англичанами, освобождал город Архангельск от интервентов. Не понимал большевик, в чем же провинились перед советами дети кулаков. Вслух об этом не говорил, могли быть непредсказуемые последствия, ведь у самого четверо растут. Он горячо верит в Сталина и во власть. Встретил Захара, сразу предложил чашку чая, гость не отказался. Начать разговор не получалось, горячая вода жгла губы, мешала собраться с мыслями.

— Галина Николаевна шепнула мне о ваших мучениях, — изучая Захара, первым начал председатель сельсовета. — Люди не виноваты, мы должны им помочь. К утру привезут лекарства, ягоды, лук и чеснок.

— У нас нет денег! — растерянно пробормотал Захар.

— Это не беда. Единственная просьба, об этом старайтесь поменьше трезвонить.

Понял Захар, если этот факт дойдет до районного начальства, председателю несдобровать. Быстро вышел из сельсовета, на крыльце вспомнив, что забыл поблагодарить, вернулся и долго тряс руку Ларионову.

Не обманул председатель: к следующему утру на повозке приехала фельдшер Галина Николаевна. Выложила перед Захаром три мешка с луком и чесноком, кадушку пропаренной брусники, куль мороженой клюквы. Осмотрела детей, у некоторых женщин и детей заскоблила глаза от трахомы, оставила лекарства, объяснила, как их применять, и тихо исчезла за вековыми соснами, обещая вновь к ним заглянуть. Евдокия стала хранителем этого добра и целительных пилюль.

* * *

На неделе к ним заглянул комендант Тарас Юшков. Сюда он приезжал не часто. В леспромхозе, после месячных планерок, встречался с Захаром и коротко интересовался жизнью спецпереселенцев и графиком выполнения плановых заданий по разработке леса. Тут сам приехал, значит, появились неотложные дела. Он Захару протянул новое распоряжение ОГПУ, где машинным текстом были выведены слова: «Спецпереселенцам приступать к раскорчевке тайги на поля. Начиная с 1933 года для трудоспособного населения спецпереселенцев организовать неуставные колхозы и довести до них норму по хлебозаготовке в зависимости от имеющихся площадей посева. Семена ржи, картофеля для посадки предоставит государство. Для лиц с ограниченной трудоспособностью — стариков, беременных женщин, инвалидов и детей, не достигших шестнадцати лет, организовать промартель по выпуску разной домашней утвари».

Захар призадумался. Он давно хотел расчищать тайгу под баню. Собрал было мужиков, но никто с ним не согласился, они надеялись, что скоро они вернутся домой, в свою родную деревню. Сейчас Захар понял, обратной дороги у них пока нет.

Спецпереселенцев собрали на делянке. Комендант не стал тянуть время с разными вопросами, сразу растолковал мужикам об организации промартели и неуставного колхоза.

— Мы давно уже в колхозе, — сдержанно сказал Прохор Герасимов. — Какая разница, куда нас запишут, лишь бы дальше на Север не отправили.

— Зачем нам ещё один колхоз, — выдавил сквозь зубы Василь Куликов.

— От хлебозаготовок вас никто не освободил, завтра придет лесник и покажет, где необходимо расширить имеющиеся небольшие поля. В первую очередь будем корчевать гарь около болот, где пять лет назад был сильный пожар. Сейчас стоит черной стеной, туда даже птицы не хотят лететь.

— Мы не птицы... нас туда можно посылать? — зло выговорил Василь.

Комендант искал его глазами, но не нашел.

— В этом году не успеем посеять рожь, а вот картошку посадим. Семена сюда придут по большой воде. Будем распределять по поселкам.

— Ай-уй, картошку, значит, не успели посадить, не хватало улик, — отрезал Василь на чистом чувашском языке.

Кое-кто хихикнули. Захар узнал голос Василя, но коменданту объяснил, что мужик говорит: «Мертвым лежать в сырой земле, а живым надо жить, трудиться, детей рожать». Обращаясь ко всем, повысил голос:

— Прекратите язвить, сначала послушайте, потом рассуждайте!

Спецпереселенцы замолчали, больше ни словечко не проронили, лишь продолжали злыми глазами сверлить коменданта. Юшков думал, что Захар Узяков доложил о готовности людей трудиться во имя советской власти и организовать промартель. На этом закрыл собрание и уехал в Сосновку.

Захар задумался: «Какой хлеб? Какая хлебозаготовка? С другой стороны, почему бы не попробовать вырастить хлеб на северной земле? Но как поле подготовить, каким образом вспахать?».

Весной к ним заглянул землемер, отвел участок под тридцать домов, Молодежь не торопилась обзавестись землёй, а старики, как всегда посидели, подумали и решили взять, что дают. Землемер несколько раз приезжал и крутился со своей треногой, все смотрел в трубу и записывал в журнале какие-то цифры. К баракам не приближался, крутился около расчищенного леса под поля. Ему помогал пятнадцатилетний сын Герасимовых Сергей. Пришлось выделить ещё двух мужиков, помочь —

мерить лентой и забивать колышки, куда укажет мастер. Так и ходили они вчетвером вдоль берега реки.

Один раз к ним подошел Захар и спросил:

— Что за диковина такая? Всё смотришь и смотришь в трубу?

— Называется теодолитом, — объяснил землемер.

Но Захар так и ничего не понял, какие цифры там он пишет, откуда что берет?

В это время где-то рядом закуковала кукушка. Захар прислушался, стал считать годы. Думал, недолго будет, а кукушка, не останавливаясь, куковала да куковала, будто назло такой судьбе пророчила долгую жизнь. В душе Захара что-то проснулось, стало легко и радостно.

— Поклон тебе, кукушка! Будем жить!.. Долго жить!.. — отчаянно прокричал, хотя сам понимал, что это всего-навсего народное поверье, забава.

Вдруг на глазах огромные сосны заплясали золотистыми смоляными стволами. На кронах деревьев прыгали птицы, ярко-рыжий комочек с темноватым хвостом быстро спускалась с дерева вниз головой. Она недолго попрыгала по земле, но сразу же устремилась по рядом стоящей молодой березе вверх. Казалось, что зарница играла с Захаром в прятки. Он хлопнул ладонями, белка прыгнула на сосну, потом вихрем помчалась по вершинам деревьев.

Через час Захар оказался на ближней делянке.

— Надо подготовить место для штабеля, — вслух выразился он, увидев заваленную разными кряжами лес. — Вывести женщин и детей на обрубку сучьев, пусть сжигают их в куче.

Прошло всего два дня, женщины с детьми поработали на славу. Вокруг остались только стволы. Пришлось запрячься мужикам. Тянули бревна с веревками на руках. От слабости и усталости у всех тряслись руки, гудели спины и ноги, у некоторых появилась ноющая боль в желудках.

— Неужели для этого нет лошадей, тянем, как бурлаки, — возмущались мужики.

Обещанный комендантом лесник появился только через неделю. Он торопился, наверное, не любил свою работу. Показал спецпереселенцам, где необходимо корчевать, и исчез. Значит, творите, чего желаете, здесь тайга, всё спищется.

Помнит Захар Нуросского лесника Лебедева. Хитрый был человек, но лес любил больше всего на свете. У него ничего

не пропадало, все вокруг зеленело, все росло. Крестьянам за бесценок разрешал рубить кустарники, валить сухостой, за это просил поработать на посадке новых делянок. Отборные дубовые желуди и семена сосновых шишек всегда выбирал сам. Мужиков часто приглашал на заготовку делового леса под разные государственные нужды, а хлысты и сучки разрешал вывозить домой бесплатно.

Орешники он охранял особо. До Яблочного спаса никого не пускал в лес. Да и народ сам пугал детей всякими легендами, вот, мол, сорвешь орехи раньше срока, лесной Кириет поселится дома, убьет всех домашних животных, оставит семью без лошадей и коров. Не только дети, но взрослые придерживались неписаного лесного закона. Если уж кто-нибудь нарушал порядок, то его ждал штраф на всю катушку. Во время грибной поры все пропадали в лесу. Выбирай на вкус — белых, черных, но всем предписал одно условие, нигде не разводить костер — не баловаться с огнем.

10

После обвального раскулачивания три деревни долго не могли успокоиться. Одни открыто радовались, отобранное у несчастных имущество продолжали делить между собой. Другие встали на сторону репрессированных, осуждая местную власть за развал крепких хозяйств. Остальные держались в стороне, боялись, что такое может произойти и с ними.

Больше всего негодовали кивьяльцы. Они знали: середняки встали на ноги и подняли свои хозяйства только благодаря своему труду. Они не эксплуатировали чужой труд, если нанимали на помощь соседей, знакомых, то сполна рассчитывались продуктами питания и мясом.

А хумушцы обвиняли крестьян деревни Кивьял. Они рассуждали: «С давних пор половина деревни занимается торговлей мясными продуктами, но дружбу между собой не наладили. В угоду властям друг на друга писали разные жалобы. Поделом им!».

— Эх, глян-ка! — соглашались с ними некоторые кивьяльцы. — Живем во вражде и зависти. Думаем только о том, как бы переманить покупателей к себе. Какие только не обещаем скидки, какие только не лём из уст разные прибаутки.

Услабинцы в это время помалкивали. Ураган прошелся по деревне, шестнадцать хозяйств исчезли с лица земли. После этого у многих от страха языки отнялись.

Шестой год по деревням идет процесс изымания, сметая на своем пути зажиточных семей, выкидывая людей за пределы Чувашии. Особенно преуспели в этом комсомольцы. Их действия возмущали народ, уж слишком развязно они себя ведут. При раскулачивании семьи Якку Мясникова, молодчик Сашка Блинов увидел на ногах хозяйки новые валенки и стянул их. Колхозники для нужд артели начали разбирать кирпичи со старого амбара, половину разбили — ни себе, ни хозяйству.

— Не своими руками построили, а рушат! — возмущались люди.

Что молодёжь? У них иное на уме. Намерены перевернуть мир, не считаясь с людскими слезами и горестями. Молодежь, видите ли, на переднем крае борьбы за хлеб: обеспечивают его ночную охрану на току, ходят по домам единоличников, агитируют записываться в колхозы, выпускают боевые листки, организуют в обеих избах-читальнях кружки политической грамоты, активны в ликвидации безграмотности и раскулачивании. Поэтому между комсомольцами и зажиточными крестьянами страсти накалились до предела.

Слух о валенках быстро разлетелся по округу. Очередной комсомольский секретарь Николай Чурпанов собрал на вечернее собрание всех членов ячейки.

— Кто позволил снять с ног старушки валенки и опозорить нашу организацию? — обратился он к Блинову.

— Во! Нашли тему для разговора! — огрызнулся он. — Ничего не случилось, найдет другую обувь. Валенки я передал старшему сыну Тимасси. В школу босой ходит, ноги красные, плачет. А на дворе ноябрь холодит. Пожалел, вот и реквизировал для него валенки!

— Виноватым себя не чувствуешь? — спросила Марфа Миронова.

— О чем ты говоришь? — возмутился Блинов. — Они над наёмными работниками тоже издевались, мизер платили за труд, нас называют «камсой», а сейчас прилепили новое прозвище «вороньё»! Значит, мы ходим по трупам и питаемся падалью?

У колхозника Тимасси шестеро детей, один работающий, жена болеет. Не поднять мужику такую семью.

— Проблему надо было решать сообща, — настаивала Марфа.

— Чего придумали! — продолжал оправдываться Блинов. — Слишком долго власти возятся с ними. Да, раскулачили семьи Якку Мясникова, Всеволода Матвеева, но за пределы Чувашии не выгнали. Живут в своём доме, чай с бубликами трескают. Когда людям было тяжело, они помогли?.. Ходили по домам, за бесценок закупали у крестьян живности, оставляя без лошадей, коров. Куда денешься, голод не тётка? Была бы моя воля, я бы их загнал на лесоразработки и заставил работать за миску каши!

— Ты живешь в деревне Хумуш, а хозяйничаешь в Кивьяле, — не сдавалась Марфа.

— Партийная и комсомольские ячейки Второго Нурос объединяют в своих рядах жителей трех деревень, — съехидничал Сашка. — Сельсовет единый, значит, наши действия в пределах границ нашей маленькой территории считаются оправданными.

Другие молчали, они слушали разговор и никак не могли определиться, кого в этом непонятном споре поддержать. Афанасий Денисов поддержал Александра: «Зря ты, Марфа, наседаешь на него, не для себя же он снял валенки».

— Я думаю, вопрос исчерпан, — встал на ноги Чурпанов. — Имеется предложение: за некомсомольское поведение Блинову поставить на вид, предупредить о недопустимости самодеятельности в таких серьезных вопросах. Кто за — прошу голосовать.

Все разом подняли руки, только Марфа выступила за более строгое наказание, но её другие члены ячейки не поддержали. Блинов показал ей язык.

— Второй вопрос, — продолжал Чурпанов. — В стране идет индустриализация, молодежь городов и сел, героически преодолевая временные трудности, строит Днепрогэс, Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, Сталинградский тракторный завод, Нижегородскую автомобильную индустрию. Наша Чувашия тоже не отстает от других, идет строительство Вурнарской фосфоритной мельницы, железной дороги Канаш-Чебоксары. По разнарядке райисполкома и райкома комсомола мы должны

отправить одного человека на строительство Горьковского автозавода.

Все замолчали. Не хотелось покидать деревню. Слишком уж пугало резкое изменение жизненного уклада. Кто там их ждёт, кому они нужны на чужой стороне?

— Я не могу, — ответил Эрхип Саваров. — Скоро уеду в Чебоксары. Буду учиться, работать в чувашской типографии, выпускать книги на чувашском языке.

— Ну и хитрец-молодец, — обнял его за плечи Гриша Харитонов. — Дядя Платон устроил?

— Почему устроил? — не понимал Эрхип.

— Интересный ты тип. Сам нашёл тепленькое местечко, а нас оставляешь в этой дыре. Кто здесь будет строить новую жизнь? Кто разрешил отходничество?

— Председатель сельсовета, — впервые растерялся Эрхип. — Новый закон об отходничестве не запрещает покидать деревню, только кулакам нет выхода. Я еду на учебу. Твой брат тоже не вернулся в деревню, остался служить в Красной армии.

— Что ты сравниваешь себя с красным летчиком? — с гордостью ответил Гриша. — Он военный летчик! Написал, что уже самостоятельно летает на самолетах. Вот письмо.

— Покажи! — воскликнули ребята.

— После собрания.

— Я считаю, — тихо сказала Марфа. — На строительство должен ехать Харитонов. Пусть немного освежит свою голову и научится у рабочего класса уму-разуму.

Гриша руками растолкал ребят, вплотную подошел к Марфе, поднял указательный палец и доложил:

— Так точно! Но только сейчас я должен остаться в деревне, беспокоиться о старых родителях. Придет время, я пойду учиться на председателя колхоза. Через двадцать лет приезжайте к нам в деревню. На полях хлеб будут убирать самоходные комбайны, чистенько, без сорняков, на машинах будем возить хлеб до государственных хранилищ. На фермах доярки в белых халатах будут управлять доильными машинами. Построим пивной завод, выведем новых пчел, собирающих в несколько раз больше мёда. Льноуборочные и коноплеуборочные машины прямо на поле будут ткать полотно, по заказу людей будут шить разную одежду. Колхозники в костюмах будут управлять этими процессами. Тогда узнаете, почему я отказался уехать в город.

— Во дает Харитоша... — удивились ребята.

— Что касается работы, пусть туда уедет Афанасий.

— Опоздали, — ответил Денисов. — Меня, с Мигулаем Степановым военкомат отправляет на учебу в Цивильск, в фельдшерскую школу.

— Будешь щупать груди у баб, — хихикнул Матвей Машинов.

— Ну и дуралей ты! — строго посмотрела на него Марфа. — Разве в армии не нужны фельдшера, или там солдаты не болеют? Баб, как ты говоришь, будут лечить другие доктора — женщины и те мужики, у которых мозги на месте!

— Успокойтесь вы, полчаса говорим без толку, не можем решить такой маленький вопрос, — остановил всех Чурпанов.

— Почему сам не хочешь? — поинтересовался Эрхип. — Человек ты ответственный, боевой комсомолец, там нужна такая молодежь.

— Если никто не возражает... — неуверенно ответил Николай.

Все члены ячейки разом оказались у стола секретаря. Ребята не понимали: получается, покидают деревню сразу четверо самых активных комсомольцев. Уйдут Саваров, Денисов, Степанов, Чурпанов, останутся только семеро. Не успели организационно укрепнуть, как ячейка разваливается.

— Ребята, — объявила Марфа. — Раз партия доверяет молодым и отправляет их на учебу, они тоже должны поступить ответственно, по-комсомольски. Есть предложение: каждому покидающему наши деревни дать поручение, за оставшиеся дни подготовить по два новых кандидата. Наша ячейка тогда вырастет до двенадцати человек. Кто за моё предложение... Прошу голосовать... Единогласно!

Одиннадцать пар рук взметнулись вверх. Марфа запела, её поддержали другие комсомольцы:

Наш паровоз мы пустим в ход
Такой, какой нам нужно,
И пусть создастся только фронт, —
Пойдем врагов бить дружно.
Наш паровоз, вперёд лети!
В Коммуне — остановка.
Иного нет у нас пути —
В руках у нас винтовка.

Через месяц Афанасий Денисов и Мигулай Степанов стали слушателями Цивильской фельдшерской школы, Тимофей Денисов ушел служить в Красную армию. Николаю Чурпанову вручили путевку на строительство Горьковского автозавода. Действительно, актив молодых увеличился ещё на восемь человек, среди них была Варя Порфирьева. Эрхип Саваров не торопился покинуть родную деревню, на это были свои причины.

* * *

Хумушская комсомольская ячейка Второго Нуросского общества в своих рядах насчитывала уже десять молодых парней и четырех девушек. Эрхип Саваров, Мигулай Зиновьев, Сашук Егоров, Федор Кудрявцев, Марфа Миронова, Никифор Денисов, Иван Кураков, Григорий Харитонов, Матвей Машинов, Александр Блинов и Анастасия Гурьева пятый год ходят в комсах, а Ульку Головлеву приняли в этом году, после окончания районной колхозной школы и получения специальности техника-животновода. Варя Порфирьева, Максим Быков недавно получили красную книжку члена Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Каждый имел определенную общественную работу: участвовал в ликвидации безграмотности, разъяснял односельчанам политику партии и советской власти, строительства колхозов. Девчата в семилетней школе стали вожатыми в недавно образовавшейся пионерской организации. Комсомольцы еженедельно собирались и решали самые насущные вопросы. Руководили ячейкой поочередно, через три месяца меняя друг друга. Сейчас функции секретаря исполнял Никифор Денисов. Между собой договорились: «Секретарю подчиняемся, но каждый имеет право высказать своё собственное мнение и имеет право на критику».

Сегодня предстояло обсудить вопрос строительства клуба. Вчера парни перед всеми похвастались, что уговорят председателя Куракова построить клуб для молодежи. Слово не воробей — вылетело, не поймаешь. Если не получат решения правления — станут посмешищем всего Второго Нуросского общества. Недавно колхоз переименовали, теперь называется имени Сталина. Необходимо соответствовать этому званию, открыть двери нового клуба.

Договорились идти в правление колхоза всем составом. Председатель из деревенских жителей. Приходу комсомольцев он не удивился, с ходу поинтересовался их делами, попутно рассказывая о ходе строительства колхозной животноводческой фермы и конюшни.

— Наши колхозные коровы будут жить в тепле и уюте, по утрам и вечерам будут петь песни, — ляпнул Эрхип Саваров.

Кто-то хихикнул, но их остановил твердый голос председателя:

— Ты прекрати разводить антисоветскую агитацию, как бы самому не пришлось на Севере кукарекать! Лучше разберись с Кетериной, она хотела бумажку в суд передать!

— Я... Только пошутил...

— Шутник, а поросята до переулка за тобой бежали.

Ребята захихикали, но хором начали защищать Эрхипа:

— Эта была обыкновенная шутка. Не раз Саваров на спектаклях изображал голоса домашних животных. У парня талант, дар природы. В тот день возвращались с работы. У ворот дома Кетерины Маруковой свиноматка возилась со своими месячными поросятами. Эрхип захрюкал, поросята, забыв мать, пошли за ним. Люди смеялись, а окрыленный успехом парень, все дальше и дальше уводил поросят. Тут выскочила Кетерина, да так заорет: «Караул!.. Помогите!.. Грабят!». Подумала, что Эрхип, хочет украсть её любимцев.

— Вот и сходите к ней, успокойте, попросите прощения.

— Мы уже дела уладили. В правление пришли другой вопрос обсуждать, — за всех ответил секретарь ячейки Никифор Денисов. — Хотим построить для молодежи клуб. Есть сила, энергия, желание работать, но нет материалов, средств и мастера.

— Какой клуб? Нет у меня ни сруба, ни плотников, ни времени!

— Есть! — не сдавался Денисов. — Дом. Дом кулака Илюша Сътапанова. Изба построена из добротных материалов. Мы уже переговорили с председателем сельсовета, Федот Саваров согласился. Разбирать будем сами, только надо определиться с местом строительства и оказать нам помощь в перевозке.

— Слишком умными стали, без решения правления колхоза решили, — заворчал Кураков.

Тут молодые, комсомольцы, будто с цепи сорвались, начали громко, перебивая друг друга, объяснять председателю колхоза.

— Дайте нам растолковать!
— Нельзя рты закрывать!
— Мы плотников не просим, молодежь трех деревень выйдет на строительство!

— Старики обещали помочь!
— Примите решение правления.

Кураков не ожидал такого поворота и прыти.

— А ну, цыц! — председатель сильно стукнул кулаком по дубовому столу, дождался тишины и спокойным голосом ответил. — Решение примем, только строительство вести во внерабочее время.

— Павел Николаевич, — не согласился с ним Денисов. — От темна, до темна на колхозном поле. Так никогда клуб не построим.

— А как вы думали? За клуб меня только пожурят, а за ферму шкуру снимут, даже фамилию не спросят. Не уговаривайте, коров держим в четырех крестьянских хозяйствах, коней и сбруи раздали временно колхозникам, негде содержать. За самовольство, знаете, что делают!..

— Мы просим ежедневно пять человек выделять на строительство клуба! — настаивал Денисов. — Клуб — учреждение советское, является очагом культуры и просвещения среди темного беднейшего крестьянского народа.

— Вот затараторил, а кто будет за них нормы выполнять?

— Мы! — закричали комсомольцы хором.

— Шут с вами, приходите утром рано на правление, обсудим, — успокоил председатель молодежь. — А сейчас прошу освободить помещение.

Комсомольцы обрадовались. Толкая друг друга, с шумом и гамом выскочили на улицу, и тут же Блинов растянул гармошку. Улька Головлева запела частушки, шутя, задела самого председателя. Эрхип Саваров опять громко воскликнул:

— Товарищи комсомольцы! Пожмите друг другу лапы во имя блага! Дай нам силу просветить темный народ!

Кураков покачал головой, надел картуз, закрыл на замок дверь правления и зашагал домой. «Черти, — подумал он. — Раньше молодежь на общественном сходе сидела и молчала, боялись открыть рот перед старостой деревни, сейчас видишь ли — ставят условия».

Председатель легко согласился с просьбой комсомольцев, так как и сам давно думал о клубе, в старой избе-читальне тридцать человек еле размещаются, а в деревне Хумуш больше трёхсот жителей. Обрадовался, что ребята оказались такими настойчивыми. А вот Марфу Миронову придется перевести в школу, вчера позвонили из райкома партии и посоветовались с ним, можно ли ей доверить нынешних первоклассников. Он дал хорошую характеристику и на этом разговор прервался.

Рано утром правление колхоза отказало молодежи отдать дом кулака Сътапанова под клуб, обещало этот вопрос рассмотреть после окончания строительства фермы крупного рогатого скота и телятника.

* * *

Через неделю комсомолку Марфу Миронову пригласили в райком комсомола. До станции Вурнары пятнадцать вёрст. Прошла пешком и через три часа открыла дверь второго секретаря райкома. В небольшом кабинете было уютно, чувствовалась женская рука. На подоконнике цветы, на окнах висят небольшие шторы с чувашским орнаментом. Марфа удивилась: не строгий комсомольский кабинет, а жилая комната. Но на стенах висят портреты Ленина и Сталина. За столом сидят четверо парней и одна девушка.

— Не удивляйтесь, я временно здесь живу, поэтому приукрасила свой кабинет, — оправдывалась Фаина Николаева перед комсомольцами.

Марфа давно знакома с секретарем райкома, часто приезжала в Нуросскую среднюю школу. Сейчас немного смущаясь, села за стол.

— Все в сборе, — серьезно сказала хозяйка кабинета. — Сначала познакомимся, я — второй секретарь райкома комсомола Николаева Фаина Николаевна, ответственная за работу среди учащейся молодежи и пионерских организаций района. Вас шестеро: Николай Толстов из Ярмушки, Иван Данилов из Азим-Сирмы, Сергей Югин — их Кюльхири, Марфа Миронова из Хумуша, Анна Николаева из Кумбала, Харитон Алексеев из Кукшума. Но дети вас будут звать по имени и отчеству, привыкайте.

Собравшиеся переглянулись. Никто не понимал слов секретаря.

— Я пригласила вас в райком комсомола, чтобы вручить комсомольские путевки и отправить обратно домой в роли учителей младших классов, — объявила секретарь. — Перед вами поставлена ответственная задача — быть учителем, научить деревенских детей читать и писать. Главное, заложить в детский ум революционное сознание, чтобы они стали самыми ответственными, честными строителями социалистического общества.

Все были поражены: так неожиданно, как в сказке, в один день они станут учителями. У Марфы исполнилось самое заветное желание — она будет учить детей. Понимала, что это не сон, она не спит, а наяву слушает знакомую девушку из деревни Синьял, секретаря райкома комсомола Фаину Николаеву. В душе появилась скрытая радость, что через неделю, как и другие учителя, придет в школу Марфой Мироновной. Это будет не просто, ведь в родной деревне, каждый житель, каждый ребенок знает её, как Марфу. Вдруг вспомнила, что у неё нет выходного платья. Она отмахнулась от этой мысли, внимательно слушала и как губка впитывала слова секретаря, не смея вымолвить ни слова.

— Вопросы вашего трудоустройства согласованы с заведующими роно и школ, но мы заранее не стали вас беспокоить. На самом деле школы сами предложили ваши кандидатуры, райком комсомола согласился, — продолжала секретарь.

— Я не знаю, с чего мне начать, — неуверенно произнесла Марфа.

— Здесь, кроме меня, никто не имеет специального учительского образования, — пояснила Николаева. — Придется расти, сначала вместе с первоклассниками, потом поступить учиться, двери учебных заведений открыты. Райком комсомола поручится за вас.

Марфа вернулась домой поздно вечером и на духу выложила отцу приятную новость. Мирон Ефимович заволновался и странными глазами посмотрел на дочь. Не заметил он, как Марфа выросла, стала совсем взрослой, самостоятельной. Она учительница, в родной деревне, где её все знают, поэтому спрос будет самый серьёзный...

Пятого сентября Хумушская семилетняя школа в очередной раз открыла свои двери и двести десять мальчиков и девочек

из деревень Кивьял, Услаба, Хумуш и Кумбал заняли места за партами.

Для первоклассников в небольшом школьном здании не хватило помещений. Их, в количестве двадцати четырех учеников, разместили в деревне Кивьял, в светлом, просторном доме раскулаченного Мигулая Мясникова. В избе тепло и уютно, пол чисто вымыт, стены и потолок блестят желтоватым оттенком. В классе установили двенадцать парт, доску, поставили стол для учителя, где лежали чистые тетради и карандаши — подарок для первоклассников. Несмотря на занятость, детей в школу привели женщины. Увидев Марфу в строгом русском костюме, смущенно остановились у дверей. Мальчики и девочки были босые, последнее тепло осени ещё согревало землю. С другой стороны, многим, кроме лаптей, нечего обувать. Рубашки и платья у детей были выстираны, отбелены, за плечами висели льняные сумки, сшитые специально для этого дня.

— Марфа... Марфа? Это ты? Наша?... — округлились глаза некоторых женщин, увидев молодую учительницу.

— Проходите, проходите, — приглашала Марфа Мироновна родителей и детей в класс, сама рассаживала их по росту: маленьких вперед, а ростом повыше на задние парты.

Женщины не спускали с учительницы глаз. Русский костюм изменил и преобразил внешность девушки, она выглядела чуть старше своего возраста, но стала женственной и чудно красивой.

Дети сидели тихо, до конца не понимая, в какое светлое время они родились, какое счастливое детство ждет их. У них сегодня есть класс, есть будущее, перед ними откроются двери самых умных школ, училищ и институтов. Они вырастут и станут известными хлеборобами, врачами, строителями, летчиками, писателями и артистами.

Марфа для них первая учительница, да и сама она сегодня не школьница и не колхозница. Будет учить маленьких первоклашек читать и писать, решать задачи, вместе с ними будет путешествовать на уроках по разным странам, расскажет большую историю чувашского народа.

Она взяла в руки букварь, раскрыла его и не торопясь начала незнающим грамоту детям и матерям рассказывать о книге:

— Посмотрите, в моих руках видите книгу, в этом волшебном букваре много страниц, на каждой странице черные

строки, состоящие из букв, пока непонятных, но когда они соберутся в один ряд вместе, оживут, обозначая какое-либо слово. Вот буква «а», две буквы «н» и «е». Если вместе их соединить, то будет слово «анне» — мама.

Дети разом повернули головы в сторону матерей. Эти волшебные слова они ежедневно десятки раз произносят, но здесь им учительница показала буквы, обозначающие «анне», и заволновались, боялись упустить самое главное — научиться читать.

— Мы запомним эти буквы, на этой доске будем писать волшебные слова, — продолжала молодая учительница. — Потом научимся бегло читать, красиво писать.

Марфа успокоилась, перестала дрожать от волнения, открыла свою тетрадку и начала записывать фамилии и имена детей. Она чувствовала, именно её костюм и слова обворожили первоклассников, их родителей. Женщины привели своих детей к семнадцатилетней учительнице, только не потерять бы доверие, научить детей грамоте, думать, привить любовь ко всему окружающему, заинтересовать их...

Завершив список детей, она отпустила родителей домой, а сама вместе с детьми продолжила урок, первый урок:

— Придет время, мы с вами будем изучать ещё один предмет — русский язык. Все вы были в селе Нурос, там слышали, что многие говорят на непонятном вам языке.

— Апай говорит, — несмело заговорила маленькая Анна Яковлева из Услабы, — девочкам достаточно научиться прикладывать руку к бумаге, у женщин одна судьба — выйти замуж, рожать и воспитывать детей.

— Мама немного ошибается, — заволновалась Марфа, подойдя к девочке и погладив её по голове. — Женщина такой же человек, как и мужчина. У мальчиков и девочек одинаковые права. Придет время, вы тоже станете взрослыми — женитесь, выйдете замуж, у вас родятся дети. Но, чтобы стать умным, надо много учиться, для вас открыты все дороги — у вас огромные возможности.

Анна притихла, почувствовав тепло и ласку первой учительницы.

— Я буду учиться лучше всех! — твердо заявил Николай Герасимов.

— Я тоже... Я тоже... — зашумели первоклассники.

— Конечно, вы у меня самые умные, самые хорошие и смысленные — успокаивала их Марфа Мироновна.

В первый день детей не стала долго держать в школе, после двух уроков отпустила домой. Мальчики, обрадовавшись, выскочили из класса и побежали домой, а девочки собрались вокруг учительницы.

— Тетя Марфа, какая ты красивая! — шептала на ухо та же Анна. — Когда вырастем, мы тоже будем носить такое платье?

— Не только такое! В сто, в тысячу раз лучше будете одеваться! Мы вместе с вами построим новое общество, где будет много разной еды, разноцветных тканей. Они будут доступны каждому. Тогда мне придется вами любоваться и говорить: «Какие же вы красивые, мои ученики!».

11

Двадцать восьмое августа по православному календарю — день Успения Пресвятой Богородицы. Божия Матерь считается народной заступницей. Верующие грустили по поводу кончины Богородицы, радовались, что она воскресла и вознеслась в небо, откуда Царицей Небесной защищает всех любящих её. В этот день в деревнях ставят пиво на стол, считается концом двухнедельного Успенского поста. Этот праздник привезли русские, переехавшие на постоянное жительство в Нурос. Прошло почти сто лет, пока к празднику присоединились соседние деревни этого края. С тех пор утекло много воды. Успение крепко сидит в народе, ради такого праздника в каждом доме варят много пива, чтобы хватило на всех. Все пили его вдоволь, веселились, но не пьянели.

Чуваши испокон веков варили пенистое пиво, оно отличалось от русского. У каждой хозяйки свой рецепт, передаваемый от матери к дочери, от бабушки к внучке, от свекрови к снохе. Каждая семья выращивает хмель или собирает его в прибрежных рощицах рек Хирлеп и Цивиль, варит пиво с шипящей белоснежной пеной и выставляет дубовые бочки на праздник. О пиве складывали много различных легенд. Героями всегда выступают влюбленные сердца, которые в итоге обязательно надевают свадебные венцы. В этом и есть главный смысл жизни людей — слияние сердец, единение душ, продолжение жизни и рода.

Хмель — зеленокудрый красавец, своими изумрудными плантациями завораживает крестьян. На первый взгляд кажется: возделывать хмель дело нехитрое. Ах, нет! «Хмель, как невеста, надо суметь обуздать его нрав и настроение — маленькие его корневища даже в самые трескучие морозы любят тепло ма-тушки земли. Как только солнце начинает пригревать землю, выскакивают побеги, надо успеть удалить слабые. В летние дни за ними надо ухаживать: убрать сорняк, поливать, взрыхлить почву, обрезать корни, известить блошек, во время дождей уби-рать лишнюю воду по маленьким каналам, проверить стебли, как они, родимые, тянуться к солнцу. Когда поспевают мягкие, нежные, желтые и пахнущие свежим пивом и блинами плоды, народ выходит на уборку. Недаром говорят: «Солнце называют отцом хмеля, землю — матерью, а теплый ветер и дождь — братьями».

Спит деревня Хумуш. Вокруг темно и летняя тишина. Только окна правления колхоза имени Сталина светятся от двух ярких керосиновых ламп. За длинным дубовым столом сидят трое — председатель Павел Кураков, счетовод, он же секретарь мест-ной комсомольской ячейки Никифор Денисов и бригадир Иван Калисов.

— Как решим? — спросил Кураков.

— Хотя не ново, немного боязно, — ответил Калисов. — Как бы не перегнули, за это по шапке не погладят.

— Зря панику наводишь, — возразил ему Денисов. — В на-ших деревнях испокон веков выращивали хмель. Посмотри вокруг, в каждом огороде шести торчат.

— Торчат-то торчат, но хмеля получают не больше горсти, — встал на сторону Калисова председатель колхоза. — Недавно прочитал одну статью. Там известный в Чувашии хмелевод Род-нов пишет, что при хорошем уходе можно получить до 5 цент-неров хмеля с гектара, а пуд стоит 90 рублей. Это целое богат-ство. На хмель государственный план не распространяется, его можно свободно продать.

— Как узнают, так и налогом обложат, — возразил счетовод.

— На хмельник поставим толковых людей, хотя это не хлеб и не картошка, — убеждал Кураков.

— Что верно, то верно, но боязно, — всё ещё возразил Калисов. — Вырастишь много хлеба, вся деревня сыта. А с хмелем ещё неизвестно, что получится.

— Какая нечистая сила тебя укусила, весь трясешься! — заворчал Денисов. — Надо попробовать. За это монет не берут.

— Где возьмем корневища? — спросил Калисов.

— Будем собирать, — ответил председатель. — По всему району будем искать. Колхозники тоже не откажут.

Кураков знаком с хмелем. С детства терся у деда Тараса, который в хозяйстве выращивал эту культуру, шишки сушил и возил на базар.

— Звеньевой поставим Ульяку Головлеву, — после некоторого молчания заговорил Кураков. — Молодая, но понимает толк в хмельниках, посмотри какая у неё дома плантация. Пусть сама подбирает людей.

— Вспомнил! Недавно прочитал в газете, в городе Шубашкар продают сорт хмеля под названием «Чувашский», — вставил слово Калисов.

— Весь он чувашский, раз у нас растёт. Что же ты молчал?

— Запомню, сейчас вспомнил.

— Какая газета? На сигарки не пустили?

— Нет. В избе-читальне, у Борисова, в связке лежит.

— Беги, Денисов, — радостно скомандовал председатель. — Найди избача, тащи сюда газету!

Никифор нехотя встал и не торопясь исчез за дверью. Председатель с бригадиром продолжили разговор.

— Помнишь, в детстве около Цивиля рос дикий хмель, — от приподнятого настроения Кураков шагал по правлению. — Дед наш осенью собирал стебли, получал из них волокна, изготавливал мешковину, шпагат и верёвку. Ух, какие они были крепкие.

— Молодец! — спросил Калисов. — Уже артель открываешь?

— Старую песню вспомнил, — Павел вскочил на ноги, топнул ногой и запел:

Я пойду ли, молодой,
В рощу, в рощу хмелевую.
Нащиплю я, молодой,
Хмеля, хмеля золотого.

Скоро на пороге появились Денисов с Иваном Борисовым. В руках у избача была подшивка газеты «Красная Чувашия».

Кураков с помощью комсомольца быстро нашел статью и начал читать:

— «Посадочным материалом служат длинные ветви от старых корневищ, которые закрываются непрерывными рядами в борозду на глубину 15 см. По окончании посадки весь хмельник покрывают слоем соломы...».

— Постой, постой! — остановил его Денисов. — Читай сначала.

Четверо мужиков, забыв о сне, сели за стол и не торопясь, внимательно прочитали всю статью. Договорились, что выделяют два гектара земли под хмельник за огородом Матвея Ильина. Денисов завтра же выедет на повозке в Чебоксары, с собой заберёт деда Скворцова. Калисов организует работу, разберет под столбы большую клеть раскулаченного Левентия Емельянова. Остается достать шпалерную проволоку. Эту трудную работу берет на себя председатель. К утру, разобравшись во всех вопросах хмельника, мужики разошлись по домам, поспать пару часов до восхода солнца.

Прошли, проскочили дни. Денисов и Скворцов прибыли из города через неделю. Довольные поездкой, перед председателем выложили целую повозку корневищ элитного сорта «Чувашский». Колхозных денег потратили изрядно, но отчитались за каждую копейку. Для себя мужики ничего не покупали, ночевали на повозке, ели черный хлеб, запивая холодной водой.

Калисов тоже постарался. По периметру и по рядам намеченного участка установил столбы, угловые закрепил откосами, натянул шпалерную проволоку, откуда-то привезённую председателем.

Улька оказалась настоящей хозяйкой нового начинания. По всем агротехническим мероприятиям, как указано на страницах газеты «Красная Чувашия», женщины посадили корневища, утеплили, подготовились основательно к зиме. Звеньевая за это время успела подобрать женщин, сама организовала вывоз навоза на место, пусть преет, паром исходит, весной подкормит плантацию.

Все остались довольными начатым делом и стали ждать весенних дней. Тем временем наступила зима и притащила с собой михайловские морозы. Через три месяца солнце всё больше и больше стало пригревать землю — наступила весна.

Председатель соседнего колхоза «Броневик», узнав о затее соседей, сильно обиделся, что вовремя не поделились планами о хмеле. Что обижаться? Кураков не раз поднимал этот вопрос в разговоре с Владимиром Смирновым. Тот только отмахивался, наверное, некогда ему было. А сейчас жалуется, что его не предупредили, не позвали.

Лето пролетело, пришло время собирать хмель. Такой урожай получили, что от одного запаха захмелеешь. Люди с удовольствием пропускали каждую шишечку через свои руки. Сумели вырастить, сохранить зелено-желтые, пахнущие свежим пивом плоды, и без потерь собрать первый урожай.

Кураков радовался, что колхоз крепко встает на ноги. Перевыполнили план сдачи зерна государству, оставили на семена и в резервный фонд в отдельном амбаре, остатки раздали по трудодням. Колхозники также получили по мешку крепкого спелого хмеля, пусть готовят свежее пиво на праздник урожая, на праздник окончания сельскохозяйственных работ.

Пасека процветает, за год количество улей выросло до шестидесяти, каждая пчелиная семья дала по пятнадцать кило чистого меда. Разве это не победа, не успехи молодого хозяйства? Люди стали другими — улыбки появились на лицах, шутят, песни поют. Молодые, почуяв возможность выйти на светлую дорогу просвещения, рванули ловить науку и новые сельскохозяйственные специальности. В вечерней школе идет ликвидация безграмотности, учатся даже шестидесятилетние старики и старушки. Хотят сами читать газеты и книги на чувашском языке. Эта развее не перемены в жизни бедного крестьянства деревни Хумуш!..

Но беда пришла тихо, незаметно. В деревне начали шушукаться, что Степан Апанасов и Федот Саваров в пьяном угаре наговорили на председателя Куракова напраслину, обвинили его в разбазаривании колхозного добра, раздаче по трудодням весь излишний хлеб. Протрезвевший Федот опомнился, побывал в Вурнарах, в райисполкоме, пытался объяснить, что в пьяных оговорах обвинил председателя.

В райисполкоме отчитали его как последнего человека. Истину обещали выяснить на колхозном собрании, где будут обсуждать персональное дело Куракова. Есть за что! Второй год подряд колхоз имени Сталина не выполняет дополнительный

план сдачи государству хлеба. Председатель открыто выступает против районных властей, обвинив их в очковтирательстве. Без согласования с отделом сельского хозяйства района, без принятия официального решения райисполкома заложил хмельник, изъяв из севооборота несколько гектаров земли. Весь урожай хмеля раздал по трудодням, излишки продал. Такого председателя колхоза с нэпманским нравом следует наказать раз и навсегда, чтобы другим неповадно было.

* * *

Жизнь человека — как цветок, распускается из бутона, радуется окружающих. Но вот дунет сильный ветер перед дождем — нет цветка, один стебелек остался, и уже на него никто не обращает внимания. От ненужности он быстро завянет, и кто-то выдернет и выбросит его подальше от посторонних глаз. Так и у людей. Многие исчезли за эти годы из деревень. Одних мировая и гражданская войны похоронили на чужбине, других голодные годы унесли в мир иной, а третьих сама власть стала уничтожать — разорять, выкидывать на Север и в Сибирь, подальше от людских глаз. Понимала, что там они и останутся. Так она боролась с кулачеством, как классом, до полного уничтожения.

Природа не терпит пустоты, несмотря на разные передраги, крестьяне весной чувствуют вокруг себя живительное дыхание матушки земли. Недавно солнце только днем заглядывало в деревню, развешивая на карнизах и соломенных кровлях длинные, тоненькие сосульки, днем с южной стороны своим теплым дыханием отогревало залежалый снег, а вечером вновь вымораживал весенние слезинки. Скоро зажурчали ручьи и унесли снег на Цивиль, значит, скоро придет сев — бросать зерно в теплую землю.

Ранней весной в колхоз привезли семенной материал, старики осторожно открывали мешки, недоверчиво щупали, обнюхивали, пробовали на зуб, на вкус, хотели определить, теплится ли в маленьком зернышке душа, не высохла ли она в зародыше. Посевное зерно оказалось отборным. Давно старики не видели такого, но как оно покажет себя на этой полупесчанной земле? Закрыв семенной материал в амбарах, Павел

Кураков со стариками Трахвином Трофимовым, Фадеем Кураковым, Саваром Леонтьевым и Курдеем Христофоровым отправился на поля. Им хотелось узнать, готова ли матушка-земля, можно ли пахать, сеять — выпустить на волю всю божественную силу и красоту хлеба.

— Та-ак-с! — протянул Курдей Христофоров. — Кураков за осень в колхоз затянул сорок восемь хозяйств, нас уже стало семьдесят три семьи.

— Так, так... — поддержал его Трахвин. — Бывшего бедняка сегодня голыми руками не возьмешь. Мы стали колхозниками, окрепли и перестали бояться. Нам давай колхоз, землю обратно кулакам никогда не отдадим. Председателя по уставу артели можно переизбрать, но мы никогда кулаками не будем.

— Вы что? Никогда не хотели разбогатеть? — присоединился к разговору Фадей Кураков. — Любой мужик мечтает поставить добротный дом, обустроить хозяйство и купить пару хороших коней — значит, по мнению властей, стать кулаком.

— Нам надо было не колхоз строить, а коммуны поднимать.

— Коммуну! — невольно произнес Павел Кураков. — Спроси у сына Савара, Федот два года жил в Волонтёре! Всё имущество туда заложил, коммунары там с одного котла ели, вместе спали.

— Я тебе поплю! — не удержался Савар, идущий за мужиками. — Не вникнул, а языком чешешь! Трудностей везде было и сей час хватает.

— Ах, голова! — спохватился председатель. — Совсем забыл, что ты рядом шагаешь! Трудности есть. Необходимо ужесточить законы, вокруг слишком много безобразий! Воруют везде — в колхозах и на заводах.

Савар удивленно буравил взглядом:

— У вас куча детей. Не забыли, как их спасали? Помню, многие шарили по чужим амбарам!

— Тогда времена были такие, — ответил Курдей.

Председатель молчал, внимательно слушал разговор стариков.

— Вас ловили? — спросил Савар.

— Раза два. Разве голодного человека удержишь...

— Какие меры принимали?

— Пару плетей получал.

— А сейчас изымут кастрюлю с кашей и отправят на 10 лет...

Павел Кураков пытался остановить Савара. Уж слишком он разгорячился, слова одни страшнее других, болтает лишнее. У Трахвина тоже язык длинный, с ним откровенничать никак нельзя. Председатель подмигнул Леонтьеву, показал на язык, постучал кулаком по лбу. Савар попросил не приставать к нему с глупыми вопросами.

Старики к обеду прошлись по всем участкам, остались только ближние поля. Везде они засовывали руки в пашню, чтобы убедиться, проснулась ли земля, поспела ли к весеннему севу.

— Рановато ещё, не приняла почва тепло солнца, — рассуждал Трахвин, протирая землю в ладонях и прикладывая к лицу.

— Пора пахать и через день выйти на сев, — возразили ему Савар с Фадеем.

— Наши родители проверяли готовность земли своими задницами, — присоединился к разговору Курдей.

Что правда, то правда. Не раз видели своеобразные выходы крестьян, присевших голыми задами на сырую землю. Сейчас и без этого понятно, земля примет зерно, создаст условия для всходов. Вдруг Курдею захотелось показать старикам, что он тоже умеет старинным методом определять готовность земли. Спустил штаны и присел, для убедительности даже поёрзал. Немного посидев, встал, отряхнул землю, надел суконные штаны. Неожиданно закричал, начал хлопать себя по мягкому месту, чесать свое мужское достоинство. Не выдержал, опять спустил штаны, на теле и ногах шевелились десятки муравьев. Не рассчитал Курдей, попал на небольшой муравейник, растормошил его. Маленькие, воинственные черные насекомые отомстили ему. Старики хохотали над Курдеем, который уже почти полностью разделся и очищал себя от незваных гостей.

— Почувствовал жар земли?

— Разом забыл обо всем!

— Маленькие, да удаленькие... Наверное, сильно пахнешь, раз так больно кусают, им ведь там трудно дышать! — хохотал председатель.

— По сторонам посмотрел, старух испугался, а под нос не глянул! — смеялся Фадей.

Старики, никак не могли успокоиться, так и шли в сторону деревни, подтрунивая над Курдеем. Христофоров забеспокоился, что связался с ними, просил про свой конфуз никому не рассказывать, нужно пожалеть его седые волосы. Разве удержатся люди, к вечеру уже вся деревня смеялась над Курдеем, закрепляя за ним прозвище Муравьев. Тот сидел дома, пытаясь не показываться односельчанам.

На следующее утро, солнце ещё не успело подняться, колхозники собрались на посев. Курдей не остался в стороне, но сосредоточенно посматривал по сторонам, на насмешливые вопросы не отвечал, только беззвучно шевелил губами. Скоро люди перестали обращать на него внимания, стали серьёзными — не суетились, не торопились, ждали, когда Фадей Кураков вместе со знахаркой Синави закончат молебен. Крестьяне понимали, что это не простые старые привычки, а дедовские, отцовские наказания. Скоро десять лошадей потащили за собой плуги, оставляя буровато-черный след мягкой земли. Круг за кругом пахари гнали лошадей, стараясь к обеду завершить этот участок и дать работу сеятелям.

На следующий день мужики начали сеять. Здесь нужно особое умение, а этого чувашскому крестьянину не занимать. Сама жизнь научила их бросать зерна в мягкую землю ровными рядками, без всяких огрехов и проплешин. Нельзя допускать и густоты, зерна не должны мешать друг другу. Их закрывают так, чтобы птицы не гуляли по полю, и разная сорная трава не смогла заглушить посев, выскочив раньше всходов семян.

Во время сева подростки и совсем маленькие дети становились самыми незаменимыми помощниками. Одни вставляли на бороны, гнали лошадей по полю, закрывая зерна, другие, годами поменьше — подносили старикам сеятелям зерно в небольших ведрах, сеятелю не надо было бегать за посевным материалом. Маленькие босые ноги детей не портили борозду, не затапывали семена. Так с утра до вечера носились дети по полю, помогая сеятелям, и успевали своими зоркими глазами следить за птицами, чтобы те не смогли устраивать набег на посеянное поле, пока его не заборонят и не закроют землей. Кураков здесь не командовал, он стоял на краю поля и разговаривал с женщинами.

Как хочется ему приблизить время, когда поля начнут колоситься и дышать сытным ароматным хлебом. Стоишь и смотришь, как под ветром волнуется зреющая рожь, будто ты сидишь в небольшой невидимой лодке, а она плавно качается. За волной бегают солнечные лучи, улыбочиво смотрящие из-под теплых кудрявых облаков...

Но настроение у Куракова не праздничное. Районное начальство поверило болтовне двух пьяных мужиков о разбазаривании хлеба в колхозе, наметило разбирательство, но на какой день назначено, председателя не предупредили.

* * *

Деревня затаилась в предчувствии перемен. Только начали подниматься на ноги, на столе появился ржаной хлеб, — а районное начальство это же назвало: «Растрянжированием общественного хлеба». Колхозное собрание всё-таки состоялось. После весенних посевных работ однажды утром народ собрали в избе-читальне. Послушать хмушцев приехал сам председатель райисполкома Осип Евграфович Громов. Пришли все члены ячейки партийной и комсомольской организаций, актив из соседнего услабинского колхоза «Броневик». Здесь же сидели единоличники, они хотели задать несколько вопросов самому районному руководителю. Среди них был и Макар Кириллов. Поэтому не для всех желающих нашлись места в небольшой избе.

— Товарищи! Кураков — агент кулачества, пролез руководить колхозом, за собой во все щели притащил близких и друзей, — начал Осип Евграфович своё выступление перед труженниками колхоза имени Сталина. — Кума поставил завхозом, счетоводом сидит его дальний родственник. Получив высокий урожай зерновых, пустил по ветру коллективное, колхозное добро. Где были в это время коммунисты и комсомольцы деревни? Кураков организовал всенародную раздачу хлеба, даже не забыл кулацкую дочь. Разберёмся, каждому его поступку будет дано заслуженная оценка. Не место таким в колхозе, нужны коренные перемены. Думаю, их проведут другие, преданные советской власти и коммунистической партии колхозники.

В зале жидко зааплодировали, но быстро остановились. Председатель райисполкома чувствовал: ещё несколько слов — и он полностью овладеет залом.

— Такими выходками председателя колхоз полностью дискредитировал имя великого руководителя партии и Советского государства Иосифа Сталина, поэтому предлагаю переименовать его на «Трактор»!

В зале запротестовали:

— Мы этого трактора в глаза не видели! Лучше уж «К свету»!

К свету так к свету, сказано — сделано! Половина зала подняла руки, остальные, опустив головы, тупо искали на полу ответ на свои сомнения.

Кураков почувствовал, что земля потихонечку уходит из-под его ног. Не поддержат его колхозники. Очередной раз позволят себя обморочить, Громов своей напористой речью затуманил им разум.

— Предлагаю Куракова снять с занимаемой должности, новым председателем избрать коммуниста, работника Нуросского райпромкомбината, вашего земляка, Анисима Скворцова. Он житель деревни Хумуш, его вы прекрасно знаете, а партийной организацией района характеризуется только с положительной стороны.

— Знаем, знаем! Свой человек! — кричали из зала.

— Тогда голосуем. Кто за то, чтобы освободить Куракова от должности председателя колхоза и избрать новым председателем Скворцова, прошу поднять руки.

Люди голосовали, опустив головы. Савар Леонтьев, Федот Саваров и Федор Кошкин и ещё несколько человек были против данного предложения. Председатель райисполкома принародно обругал их, а Федота Саварова назвал вредителем, двурушником. Вот тут и началось. Кураков встал перед народом, поклонился и твердым голосом произнес:

— Наш колхоз молодой, но за четыре года мы крепко встали на ноги. Несмотря на суховей, собрали отменный урожай, до семидесяти пудов с десятины. А вот овес и пшеница не уродились. Единоличники трусились, засеянные участки заранее скосили, приговаривая: «Нет смысла обмолачивать». Они пошли против нас. Государственный план по сдаче хлеба мы перевыполнили с лихвой. Излишки раздали по трудодням, по труду. Но тут районное руководство утвердило нам дополнительный план сдачи, намного превышающий объём всего полученного урожая, сюда приписали долги единоличников.

— Единоличников не трогай! — вскочил на ноги кивьяльский Ананий Трофимов. — Посмотрите, какие у нас поля: наши участки отобрали, нарезали нам самые худые наделы на берегу Цивиля. Что может расти на песке? Между нами никогда не было разногласий. Почему они появились? В школе наших детей дразнят — обзывают индусами, не пускают в избу-читальню, в клуб. В чем наша вина?

— Дорогой мой Ананий Трофимович! — ответил Кураков. — Ты должен сдать государству восемь центнеров хлеба, притащил всего сорок восемь килограммов, три пуда. Остальное где? Почему за тебя должен страдать колхоз? Недавно сельсовет у единоличников вскрыл ямы, обнаружил там пятьсот пудов ржи. Ваше сопротивление властям идет не в пользу колхозов. Вы прячете хлеб, раздаете родным, соседям, тайно продаете по спекулятивным ценам! Что касается «индуса» — стыдно комсомольцам и пионерам воевать с детьми, не по-дружески это...

Такой разговор шёл только на руку председателю райисполкома. Он часто бывал в колхозах, с нападением на единоличников встречался не раз. Поэтому молчал, не останавливал Куракова.

— Понимаете, исключая меня из колхоза, мою семью вы оставляете без имущества и земли, — продолжал бывший председатель. — Придется искать работу на стороне. Но вы, колхозники, помните, не забываете, почему вас кулаки называли «гольтяпами», «лапотниками». Вы ведь сами твердили, что кулаки вредные мужички, с ехидной психологией. Вот по вашей милости и на меня приклеили ярлык кулака...

— Как агента кулачества, твою семью можем лишить приусадебного участка, — спокойно отреагировал Громов.

— Тогда остается одна дорога, надеть верёвку на шею... — посмотрел на него Кураков.

Председатель райисполкома остановил Куракова и закрыл собрание словами:

— Единоличникам, не выполнившим план хлебозаготовки, придется раскошелиться — выплатить натуральный штраф, выполнить дополнительное задание в виде мясopоставки. Кивьяльцы и услабинцы — богатые люди, продолжают торговать мясом, зерном. Но это не освобождает их от плана хлебозаготовок. Кроме того, на них распространяется спецналог. Пусть подумают,

остаться единоличниками или записаться в колхоз. Но туда принимаем только со своими лошадьми.

Макар Кириллов вышел из читальни с тяжелыми думами. Не обращая внимания на людей, зашагал в сторону своей деревни, размышляя: «Вут указывается, как пувурачиваются дела. Раз таких мужиков, как Куракув причислили к агентам кулачества, сняли с рабуты с сугласия всегу наруда, значит, плухи дела у властей...». Он думал, прикидывал крестьянской рассудительностью и так и этак, но концы с концами никак не смог свести. Непонимание обстановки давило на душевное спокойствие. В ушах сейчас звучали слова председателя райисполкома Громова: «На единоличников распространяется спецналог».

Слишком уж жестко говорил сегодня председатель райисполкома Громов. Значит, жизни не будет, резко увеличат разные налоги и за неуплату отнимут дом, а может, всей семьёй отправят в Сибирь.

Макар никогда никому не рассказывал: мечтает иметь во дворе обыкновенную корову и ежедневно поить детей парным молоком. Но в хозяйстве сейчас только козы. Записываясь в колхоз, думал, немного разбогатеет, будет получать за трудодни достаточную оплату. Но его мечта так и осталась мечтой. Раньше сами крестьяне рассчитывались с государством, а сейчас налоги платит колхоз, оставляя колхозникам только часть хлеба, чтобы не умереть с голоду.

Жизнь всё время ставит перед ним проблемы. Однажды его колхозная лошадь сломала ногу. Не простил Егор Семенов. Животное пустил под нож, а мясо увез куда-то, в колхозную казну вернул всего 250 рублей. На суде лошадь оценили под четыреста рублей, присудили Макару вернуть колхозу ещё 150 рублей. Где взять такие деньги? Егор Семенов опять подсутился и увел корову на колхозную ферму. Целый год семья жила без молока и масла.

В прошлом году он приобрел около двадцати цыплят. «Ну, думал, хоть курятиной детей зимой побалую». Не получилось. Осенью, хорьки за ночь уничтожили всех кур, только пух и перья валялись на соломе и на стенах курятника. В том же году волчица летом учила своих волчат и при пастухе унесла именно двух его ягнят. Так, бедность всё время стреножила, крутилась только вокруг него. У богатых дела идут хорошо — в амбарах

хлеб, целый двор живности. Почему жизнь устроена так несправедливо?

Макар посмотрел в сторону деревни Хумуш. Яркое летнее солнце успело подняться ввысь и зависло над деревней. Мысли пугались. Вспомнил письмо, полученное недавно от Андрея. Он писал, что дела идут хорошо, работает на фабрике, своими руками изготавливает мебель, получает хорошую заработную плату, учится в вечерней школе и ходит в какой-то кружок авиации. Передавал привет матери Любе.

Хотел в огороде развести сад. Достал саженцы, посадил, ухаживал как за живыми существами. Недавно зашел налоговый агент Мирон Ефимов и заявил, что за каждую яблоню придется сдать в казну по двести пятьдесят куриных яиц. Где ему найти столько кур, несущих золотые яйца круглый год? Хотел сад разом уничтожить, но побоялся — припишут вредительство. Макар не стал дожидаться, когда наступят холода, вылил под корень по ведру кипящей воды. Деревья этого, конечно, не выдержат, к весне не встанут, зачахнут. А виновата будет природа — холодная зима, и не надо будет думать о яйцах.

— Что держит меня? — остановился он на дороге. — Всё сохранил — лошадь, плуг, сбриу при нас, лучше уж со всеми вместе... Иначе не устоять, власти задавят, последний кусок хлеба изо рта вытащат.

Вечером Макар Кириллов с женой зашли в правление и на стол председателя колхоза «Броневик» Владимира Смирнова положили заявление, где было большими буквами написано так же, как он произносил слова: «Прушу принять нашу семью из пяти челуевек лушадь двукунный плуг в кулхуз».

Около правления лежали столбы, их подготовили для проведения радиосвязи, но руки не доходили их установить. Вот и валяются бревна, а долгожданное радио в деревне молчит. Макар остановился и задумался: «Что же это творится, когда люди научатся жить без позора, возьмутся и до конца доведут начатое дело? В Хумуше избрали нового председателя, но Скворцов не хозяин. Зря освободили с должности Куракова, зря его не поддержал народ, наверное, испугались Громова...».

В это время по деревне Хумуш шёл другой человек — бывший председатель колхоза Павел Кураков. Не ожидал он такого

равнодушия от колхозников. За сорок лет повидал много чего, но такого позора испытать пришлось впервые. Что творилось в избе-читальне? Больше всего кричала молодежь: «Кураков враг трудового народа, не сдержал свои слова, не помог построить клуб!». С ними рядом сидел Скворцов.

— Вот, сукин сын! — вслух рассуждал Кураков. — Знает на кого опереться! Сам неробать! Устроился учителем в школе, выгнали. Детей за хорошие отметки угощал яблоками. Школьники перестали учить другие уроки, открыто просили внедрить опыт Скворцова. Заведующий школой не выдержал, уволил его по собственному желанию... Потом Скворцов пытался руководить Нуросским промкомбинатом, не получилось. А Матвей Игнатов, Левентий Кирухов, Трахвин Трофимов — где перешел им дорогу?... Ещё посмотрим! — повеселел Кураков, увидев шедшую ему навстречу дочь Аленку. — Но не допущу больше, чтобы каждая собака поднимала на меня заднюю лапу.

12

Тридцативосьмилетний Георгий Алексеев окончил второй курс литературно-лингвистического факультета Казанского восточного педагогического института. Он очник, учеба дается легко, занялся научной работой у заведующего кафедрой этнографии и чувашоведения Николая Васильевича Никольского. У ученого накопилась огромная куча архивных, полевых источников, собранных непосредственно им и его учениками. Для осмысления, обобщения этих материалов, казалось, не хватит несколько жизней, особенно в области исторической и этнографической науки, фольклористики чувашского, татарского, марийского и мордовского народов. Сюда, тянулись студенты со всех факультетов, интересующиеся историей и культурой, так называемых при царе «инородцев». К исследователям часто заходил другой именитый ученый, профессор чувашского языка, член-корреспондент Академии наук СССР Николай Иванович Ашмарин.

В такой студенческой суматохе Георгий не забывал о семье, по вечерам вкалывал учителем в вечерней школе работающей молодежи. За труд получал неплохие деньги, так необходимые для оплаты за учебу и поддержки семьи.

Скоро летние каникулы, Георгий отправится в родные края, где будет собирать материалы по истории. Однако, в душе покоя нет, не любит он деревенскую жизнь, не хочет копаться в земле, ему ближе цивилизация, городская жизнь. В последнее время по институту поползли слухи, а перед каникулами и деканат предупредил студентов о том, что в конце года закроется чувашское отделение при Восточном педагогическом институте. Некоторые студенты сразу перевелись на иные факультеты, перешли в другие институты. Георгий не торопился, сначала съездит на каникулы, там подумает и определится.

Последнее письмо от старшего сына Петра совсем вывел его из колеи.

«Папа! — писал он. — У нас дома давно нет хлеба, кушаем ячменные лепешки. Ещё тяжелее будет, когда перестанем доить корову, она не скоро отелится. Поросёнка, которого ты зимой купил, пришлось пустить под нож, иначе детям до Троицы не дотянуть».

Корова наша стала вшивая, как помочь, не знаем. В апреле из-за недостатка сена она слегла, поднимали всей семьёй: дергали за хвост, держали за голову, тянули, а она лежала и мычала. От злости мама пнула корове прямо в глаз. Морда распухла, а мама редела и твердила: «Если корова упадет, то вместе с нами полезет в петлю. Надо дотянуть до первой травы на пастбище».

Папа! У нас в деревне многие болеют оспой. Миша, Вася и Нина лежат, скоро, наверное, я заболею. Много людей умерло. Недавно похоронили старшую дочь дяди Лариона, затем сына Степана Гаврилова. Нельзя так жить, на тебя ведь мало надежды. Придется жить впятером, с мамой, как гусыня с гусятами...»

Сначала Георгий рассердился, думал, что письмо написано под диктовку жены Екатерины, но потом успокоил себя. Петр любит приукрашивать. Ежемесячно он посылает домой деньги — хватит на хлеб и на одежду. Мальчику тяжело, в девятилетнем возрасте он остался в семье за старшего мужчину, на своих плечах испытал всю тяжесть деревенской жизни, чувствует себя сиротой в этом ужасном мире, поэтому обвиняет отца во всех грехах.

Помнит Георгий, как сцепился с братом Иваном. Помнит, как у него отобрали участок земли, а взамен дали справку:

«Гражданин деревни Ярмушка сельского исполнительного комитета Вурнарского района Чувашской АССР Алексеев Георгий Алексеевич самовольно отказался от надела земли и передал в распоряжение сельскохозяйственной артели «Восток». Тогда он впервые задумался, где взять хлеба. Помог брат Сергей, привез несколько мешков муки.

В городе совсем другая жизнь. Карточная система обеспечения хлебом и другими продовольственными товарами отменили, горожане даже не почувствовали очередной голод в Поволжье.

Георгий хочет, чтобы сыновья стали образованными людьми, заранее готовил их к взрослой жизни. Ежемесячно посылал специальные домашние задания — лист бумаги разделял на четыре части, куда писал слова на чувашском, татарском, русском и немецком языках. Петр и Михаил должны за месяц выучить наизусть эти слова, научиться переводить без посторонней помощи, уметь составлять простые предложения. Дети справлялись с заданиями отца, радовали его своими успехами. У них сформировался повышенный интерес к учебе, в школе они считаются лучшими учениками.

В конце мая студентов мужского пола отправили на заготовку дров для института. Потом начались экзамены в вечерней школе, пришлось задержаться ещё на две недели. Вернулся домой только в конце июня. Дети обрадовались и несколько дней ни на шаг не отставали от него.

Летом в деревне Ярмушка началась третья волна раскулачивания крепких хозяйств. Всем было понятно, что среди единоличников нет кулаков, они только середняки, не желавшие связывать свои судьбы с колхозным строительством.

Не обошла строгая власть и семью студента Георгия. Не забыли они нэпмана, мчащегося на тарантасе по Нуросскому тракту, использовавшего при уборке урожая на арендованных участках наемный труд и затеявшего драку с членом сельсовета Иваном Алексеевым. Кроме того, Елена Михайловна, родом из богатой семьи, говорящая на русском языке, всегда мозолила глаза некоторым крестьянам. Решением сельского Совета семья Георгия Алексеева получила индивидуальное задание: к первому октября сдать двенадцать пудов зерна и десять пудов картофеля. Выполнить это оказалось нереально. В этом году из-за отсутствия надела земли Катерина не сеяла ни пшеницу, ни рожь.

На небольшом личном участке земли посадили картофель. Уродилась она на славу, если соберут сто пятьдесят ведер — перезимуют. Хлеб и одежду можно купить за деньги, заработанные Георгием.

Ранним утром в середине августа к ним на пяти подводах подъехали колхозники. Катерине предъявили бумагу — решение сельского комитета по раскулачиванию семьи Алексеевых, но она не умела читать. Позвала мужа, кричала, звала соседей на помощь, но люди подойдя к ним, тихо исчезали. Услышав крик матери, прибежали сыновья: Петр, Михаил и Василий. Подошел Георгий, прочитал решение и сел на скамейку. Старший Петр выхватил косу, замахнулся на людей. Но тщетно. Варлам Егоров снял со стены длинный кнут и щелкнул по Петру. Парень выронил косу, от боли стал кататься по траве. Катерина прибежала на крики сына.

— Проклинаю! Твоя жизнь от этого не будет счастливой! — кричала она.

Колхозники с сочувствием смотрели на разыгравшуюся трагедию. Мужики, занаряженные сельским Советом на снос построек, молчали, прятали глаза от Катерины и Георгия. Здесь не город, люди с детства знают друг друга, ежедневно встречаются, вместе решают проблемы. Некоторые из них сами помогали строить этот амбар, хлев, конюшню, крыли крышу, по окончании работ отведали кружку свежего чувашского пива. Теперь разбирают, а семье оставляют только жилой дом.

Деревенская беднота, как считали себя эти люди, может, никогда в руках топор не держали. Стояли и рассуждали, с чего начинать. А приступив к делу, испортили весь кровельный настил добротного амбара.

— Иван, — вдруг увидела Катерина двоюродного брата. — Ты тоже пришел нас громить?

Он что-то пробормотал, торопливо подошел к хлеву и со всего размаха ударил топором по бревну, топор выскочил из рук Ивана и оказался внутри постройки. Бревна за сорок с лишним лет просто сгнили, но это не остановило уполномоченных.

Мужики работали споро. Одни раскрывали крышу, старый, гнилой тес летел во все стороны. Другие начали разбирать стропила, метали бревна, третьи, кто остался внизу, выносили

сбруи, верёвки и другое имущество, накопленное за жизнь двумя поколениями. Бревна грузили на специальные телеги и увозили на строительство новой школы. Плотники удивились и не стали забирать трухлявые, сгнившие изнутри бревна, на сруб они не годились. Ругались между собой, заодно доставалось и сельсовету.

За день, бригада разобрала хлев, амбар, конюшню, принялась было за дом и баню, но председатель сельского Совета Иван Абрамов предложил не трогать, ведь семье надо где-то жить. К вечеру работа была завершена, усадьба осиротела. Катерина с детьми, почерневшая от горя и слез, сидела во дворе, около полуразрушенной усадьбы. Она больше не могла плакать. В избе остались: старый стол, деревянная кровать и домашняя утварь, на которую не обратили внимания даже самые бедные колхозники. Каждый из них успел спрятать и унести для себя какой-либо предмет. Павел Поляков под мышкой держал детские валенки. Василий, как начала реветь:

— Мои валенки, куда уносишь, отдавай мои валенки!

Павел протянул Василию валенки.

Не понимала Катерина, почему Абрамов, который раньше всегда пользовался поддержкой отца Георгия Алексея Яковлева, не пожалел его внуков? Почему односельчане так поторопились разобрать строения? Георгий учил их детей, они снимали шапки перед ним, интересовались успехами своих отпрысков. Почему ни один сосед, ни один односельчанин не пришел, не помог? За какие грехи раскулачили семью учителя, оставили без крова, без одежды, без утвари? Как случилось, почему в список кулаков попал студент Казанского восточного педагогического института? Почему Георгий молчал, будто свихнулся, весь день сидел около дровяника и мычал? Что случилось с людьми? Они в трудные годы были верны крестьянскому духу, последний кусок хлеба носили соседским детям. Неужели так можно запугать людей, что они перестали понимать, что творят?..

Она ненавидела в это время своего мужа.

Тут Катерина вспомнила о корове, пасущейся за гумном. Было непонятно, как это уполномоченные не вспомнили про кормилицу?

Георгий плакал, он понимал, что на этом кончилась его студенческая жизнь. Надо думать о детях, о семье. Придется

работать, устроиться учителем, заняться воспитанием сыновей, обеспечить их образованием. Он постарается не допустить, чтобы сыновья остались жить в деревне и со слезами на глазах тянули эту мрачную сельскую лямку...

* * *

Время торопилось. Георгий Алексеев остался в деревне. Отдел народного образования района предложил ему сразу четыре места. Он выбрал свою, родную деревню. Будет учить детей старших классов русскому языку и литературе. Узнав, что он свободно разговаривает на немецком языке, предложили вести и этот предмет. Но сначала отправили в Чебоксары, на месячные курсы повышения квалификации педагогических кадров. Ничего нового Георгий там не услышал, политика стала решающим фактором в становлении школьной молодежи.

После раскулачивания он написал длинное письмо в Особую выездную комиссию Центрального исполнительного комитета республики. Прошло три месяца. На место никто не приезжал, с центра только коротко ответили: «Признать, что хозяйство Алексеева раскулачено правильно». Георгий не согласился с решением комиссии, во время учебы несколько раз побывал в кабинетах ЦИК и доказывал необоснованность принятого решения комитетом бедноты сельсовета и показывал отписку Особой комиссии. Своего добился, вопрос о раскулачивании хозяйства Георгия Алексеева вынесли на рассмотрение Президиума ЦИК Чувашской Республики.

Наконец дождался ответа, открыл конверт, не спеша развернул листок и, не веря своим глазам, начал читать вслух. В выписке из протокола заседания Президиума Центрисполкома печатными буквами было выведено: «Пункт 24. Слушали заявление гражданина деревни Ярмушка Алексеева Георгия Алексеевича о том, что его хозяйство раскулачено неправильно. В семье шесть человек, сельскохозяйственный налог 4 рубля 05 копеек. Учитель, работал в системе образования Нуросской волости. Нэпман не использовал наемный труд. Окончил два курса Казанского восточного института. Раскулачивание отменить».

Такое решение окрылило Георгия, доброе слово дороже золота. Впервые за последнее время на душе стало уютно и

тепло. Не выдержал, подошел к жене и прочитал ей правительственное решение.

— Зачем мне пустые слова! — огрызнулась Катерина. — Пусть восстановят постройки, обратно вернут изъятое имущество!

Георгий немного обиделся на неё, свернул письмо, положил во внутренний карман пиджака и с грустью ответил:

— Жаль, не смог я выбить из твоей башки деревенскую дурь и укоротить длинный язык. Мешает твоя полная безграмотность.

— Зато, ты у нас шибко грамотный! — не удержалась Катерина.

Жена опять не поняла его, не поддержала.

Несмотря на это в последнее время хорошие вести переполнили его душу. В кармане направление в Канашский педагогический институт, справки об окончании двух курсов Казанского учительского института и курсов повышения квалификации педагогических кадров. Георгий останется учителем, заочно окончит институт, а сейчас будет трудиться и добиваться справедливости. Он ведь человек неравнодушный, иначе, как неподвижная колода, обрастет мхом.

Вечером того же дня Георгий шел в сторону правления колхоза имени Калинина и думал: «О чем говорить? Раньше крестьянами Авшак-Элменского общества управлял один староста, пара волостных чиновников и несколько уездных начальников. Сейчас в одном только бывшем Ядринском уезде создано пять районов: райкомы партии, райисполкомы, райкомы комсомола, в каждом районе десятка два разных управлений и учреждений. Всем необходимо платить жалование. Вот и ходят они по деревням, изображая большого начальника, учат крестьянина правильно жить, сеять и убирать хлеб. Времена меняются, ох, как меняются. Если бывший певчий Нуросской церкви Петриванов из деревни Хумуш выкинул из дома старые иконы, а на место их повесил портрет любимого Сталина, что тогда взять с простого крестьянина? Все трудовые подвиги, победы стали связывать с именем вождя. На каждом собрании, совещании, митинге слово «Сталин» звучит как набат. Вот недавно во всех клубах, библиотеках, школах обсуждали письмо обкома ВКП(б). Всей Чувашией благодарили Сталина, родную партию за просвещение, за помощь в строительстве нового социалистического общества».

Его мысли прервали звуки гармошки. Это играл Семен Виноградов, недавно раскулаченный по третьему списку. С горя старик то грустной мелодией душу печалит, то искрометной чувашской мелодией в пляс зазывает. Георгий несколько раз топнул ногой в такт мелодии, оглянувшись назад, заулыбался. Деревенские дети внимательно следили за учителем.

Георгий уверенно открыл двери правления колхоза. За столом сидел председатель Федор Гусев. В кабинете больше никого не было. Он щелкал костяшками старых счетов, что-то считал. Встретил неожиданного гостя сурово, даже не предложил присесть. Не поднимая головы, хриплым голосом предупредил:

— Заявление притащил? Пока никто не отменил решение о запрете приема в колхоз зажиточных и раскулаченных крестьян?!

— Во-первых, с вашей помощью я не успел стать крестьянином, во-вторых, ознакомьтесь вот с этим документом, — уверенно произнес Георгий, передавая председателю решение Центрисполкома.

Гусев покрутил в руках документ с круглой правительственной печатью, внимательно прочитал и буркнул:

— Ну и что! Сверху они ничего не видят и не слышат. Прочитали твое заявление, обсудили и написали ответ. Для нас ты был и останешься эксплуататором трудового крестьянства: держал работников, использовал наемный труд.

— Сталин тоже ничего не видит и не знает?.. — язвительно спросил Георгий.

Гусев понял допущенную ошибку, от злости на висках выступили набухшие вены, он часто задышал и, перейдя на другой тон, пролепетал:

— Какой вопрос у тебя?

— Пришел за своей мебелью, попользовались и хватит! Необходимо восстановить пристройки, хозяйство!

— Здесь нет ни моего имущества, ни твоего, все наше, колхозное, — засуетился Гусев. — Что имеется в этой комнате: казенный стол, стулья газеты, карандаши и бумаги предоставила нам советская власть. Мы ими дорожим.

— Но это всё отняли у меня!

— Инвентарь давно оприходован, считается собственностью колхоза, растрачивать не имею право.

— Вынуждаете обращаться в суд.

— Не советую, — с угрозой сказал Гусев. — Налогами замучаем. Пока по сельскому Совету налоги распределяет комитет бедноты.

— Гляди, как бы пупок не развязался, — смело ответил Георгий. — Учителям налоги начисляются по другой шкале! Не стоит со мной разговаривать на языке силы, иначе Сталин узнает, что он, по твоим словам, не разбирается в своей собственной стране!

— Кто тебя поверит? — удивился Гусев.

— Ох, как поверят! Так напишу, разом приедут разбираться!

Слова учителя для председателя звучали, как гром среди ясного неба. Он впервые почувствовал, что перед ним стоит не робкий крестьянин, а человек, имеющий довольно солидное образование, умеющий грамотно и доступно излагать любое письмо. Георгия сейчас голыми руками не возьмешь.

Задумался Гусев, конечно, испугался. Не сумел удержать язык за зубами. Сказал, она как птица вырвалась и улетела. Поэтому пообещал Георгию Алексееву в ближайшее время рассмотреть его вопрос на заседании правления.

Георгий вернулся домой в приподнятом настроении. Катерина на него смотрела с опаской. Давно она не видела мужа таким. «Может, тронулся умом? — подумала она. — Нет, рассуждает грамотно». Катерина собрала ужин на стол, но Георгий к еде не притронулся, вытащил из большого сундука патефон и поставил на подоконник. Недавно из-за этого ящика они с женой разругались. Наговорила она тогда: «У детей нет обуви, а он игрушки для себя покупает!». Георгий сам виноват, притащил ящик домой, ничего никому не объяснил. Ведь патефон ему на хранение отдал молодой учитель Петр Павлов, просил сохранить, его самого призвали в Красную армию. Тогда Георгий закрыл патефон в сундук и никому не показывал. Сейчас вытащил и собрался запустить патефон. Вокруг него суетились дети, пытались своими руками потрогать, пощупать сияющее чудо.

Катерина внимательно изучала чудную гармошку. Не надо нажимать на кнопки, тянуть меха, сама играет и сама поет, приглашая на танцы. Она раньше на Нуросском базаре видела граммофоны с большой медной трубой. А здесь нет трубы, всего-навсего небольшой изящный ящик, только круглый

игольчатый нос бегаёт по черной тарелке и всем на удивление играет музыка!

Георгий положил на круглый суконный диск одну черную тарелку и объявил, что выступает хор имени Пятницкого. Распахнул окно, покрутил нос патефона и поставил на тарелку, называемую пластинкой. Под иголкой что-то зашумело, закрипело, потом заиграла, загуляла завораживающая песня. Мелодия полетела по деревне, издали были слышны слова песни:

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;
Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видала никогда!

Первыми к дому подошли соседи, скоро собралось довольно много народа. Все с удивлением смотрели на чудо-ящик. Георгий время от времени крутил кривой ручкой, заводил патефон, менял пластинки, а Катерина гордо сидела перед окном и радовалась. У людей лица были ясные и веселые, слушая песни, мужики вели деловой разговор, женщины смахивали слезы, а дети, прижавшись к матерям, задумчиво глядели вдаль...

13

Неладное творится в душе Захара. Пять лет пролетели как один день. На висках появилась седина, глаза немного помутнели, его скуластое лицо пересекли две глубокие морщины.

После знойного рабочего дня приятно ощущать свежесть леса, полезно прогуляться. Недавно отгремевшая гроза наполнила воздух густым теплом и пряным воздухом. Подул свежий ветерок. За эти годы Захар научился улавливать душистый аромат черёмухи, терпкий запах багульника и опьяняющий душу грибной дух. За рекой ещё стояла черная туча, вдали продолжали сверкать сполохи молнии, но раскаты грома терялись уже где-то далеко в лесу.

Захар оглянулся. Около барачков высились вековые сосны. Крупные капли недавно прошедшего дождя, осевшие на листьях деревьев, на травах, блестели как жемчужины в лучах уходящего солнца и тихо продолжали падать с деревьев. Вокруг

бесконечные дали тонули в играющем тумане. Как велика и могуча Россия со своими просторами!

Он почувствовал небольшую усталость и щемящую душу тоску по родному краю, по реке Хирлеп, роще Ушах, односельчанам. Вдруг услышал волшебные звуки песни. Аниса пела на чувашском языке, это потрясло его отзывчивую душу. За последние годы она впервые поет:

Недавно цвела земляника,
Не заметила, как ягоды созрели.
Недавно была я девчонкой,
Не заметила, как кудри поседели.

Маленькая Анна растет, вылитая мать. Аниса преобразилась, лицо засияло прежней красотой, щеки разрумянились, глаза блестят, как две звездочки на небе. Она продолжила другую песню:

Что кукуешь, кукушка, тоскливо? —
Знать трудна жизнь твоя?
Что ты плачешь, дочь, так грустно? —
Знать нерадостна судьба твоя.

Захар встал, пошел в сторону барачков. Теперь знает, о чём будет говорить завтра на встрече с директором леспромхоза. Там будет решаться самый главный вопрос в его жизни — добыть любой ценой свободу своей семье и другим раскулаченным крестьянам этого маленького выселка.

Директором Сосновского леспромхоза работал бывший красный комбриг Западного фронта Александр Витальевич Чуркин, после гражданской войны окончивший в Ленинграде курсы Красных директоров. На Север приехал десять лет назад, обзавелся семьёй, привык к этим местам. Немного словен, угрюм, на первый взгляд кажется человеком чёрствым и придирчивым. Но стоит с ним пообщаться, и каждый собеседник почувствует его широкую душу.

Захар с ним встречался только по рабочим вопросам, на годовом совещании даже удалось обменяться отдельными мнениями. Ему казалось, что директор не доверяет раскулаченным, считает их социально опасными людьми, врагами советской власти. Сам редко показывался на их деланках, туда часто наведывались

его заместители и конторские служащие. Они уточняли объемы выполненных работ и не забывали своевременно довести до бригадира новые планы, всегда увеличенные в честь очередного революционного праздника.

Директор леспромхоза оказался человеком дела. Он целый год изучал раскулаченных, присматривался, интересовался их делами. Убедившись в их лояльности к властям, в трудолюбии, осторожно стал помогать раскулаченным. Спецпереселенцы оказались не из робкого десятка, да и трудились на делянках в полную силу, всегда перевыполняя план.

Сначала директор устроил детей от семи до четырнадцати лет в школьный интернат с питанием, такими оказались восемь ребятишек. Дети не знали русского языка, целый год с ними пришлось заниматься отдельно. Сначала местные ребята не пускали их в свой круг общения, пытались обидеть, но такие выходки на корню пресекались учителями. Потом в самом поселке спецпереселенцев открыл и столовую с одноразовым питанием. Но часть средств за продукты удерживалась из заработной платы работников, принятых на сезонную и постоянную работу. Мужики тоже не остались в долгу: с разрешения начальства подняли четвертый барак на десять семей, и люди, покинув землянки, обустроились в светлых комнатах. А в землянках стали выращивать кур, привезенных из районного центра. Но никто из них не взялся строить свой собственный дом, значит, они надеялись вернуться на родину.

Очередная встреча с директором состоялась случайно. Поздней осенью на дальнем участке делянки Захар собирал красно-бордовую клюкву. В прошлом году на этих болотистых березняках было много грибов. Нынче их нет — зря приходится топтать ноги, за день собьешь несколько мухоморов ногой, вот и всё. Никогда не думал, что на таком болотистом месте растет столько ягод. Не удержался, сдернул со старой берёзы бересту, мигом смастерил ведро и с чувством удовлетворенности стал собирать ягоды.

С ним была полугодовалая собака Альма, подаренная медсестрой. В чувашских деревнях собак держат не для забавы, а стеречь дом. Поэтому их никогда не пускают в избу. А тут маленький щенок заскочил в барак, начал обследовать жилище. Внимательно осмотрел печь, углы, обнюхал каждую вещь,

начал играть с Иррой, так с ними и остался. За полгода выросла собака с задатками породистой лайки — широкая грудь, крепкие лапы, сила и выносливость проявились необыкновенные. Она трогательно привязалась к семье, особенно к Захару. Хозяин брал её в лес, но боялся отпускать, вокруг было много разной дичи и зайцев. Погонится за ними, потеряется — молодая ещё, несмышленная.

В это время к болоту на повозке подъехали пять мужиков. Альма наострила уши, лаем встретила гостей. Трех из них Захар узнал сразу — директор леспромхоза Чуркин, председатель посёлкового Совета Ларионов и местный начальник НКВД Кубышкин. Остальные были ему незнакомы. Повозка остановилась на краю клюквенного поля.

— Захару Узякову привет! — подошел к нему Ларионов. — Негоже мужику заниматься сбором ягод, это женское дело.

— Труд мужа на ниве, а труд жены на столе, — поздоровался Захар.

— Вот те раз, болото стало нивой, — удивленно подал руку Чуркин. — Что же тогда делянка?

— Это тоже нива, место работы крепких мужиков, — попытался отшучиваться Захар.

— Что ж, тоже, правда, — ответил директор.

Разговорились. Оказывается, недалеко проходит излюбленная тропа диких кабанов, они приехали на охоту.

— Не боитесь встретиться со зверьём? — спросил Кубышкин и поинтересовался. — Откуда у вас такая породистая собака?

— Пока не довелось встретиться, — пояснил Захар. — На этой стороне я впервые, случайно забрёл, а собаку подарила одна добрая медсестра. Понемножку приучаю.

Мужики, посоветовавшись, отпустили повозку, а сами с ружьями, с большими котомками исчезли за болотом. Захар за час набрал ягод, отвязал Альму и отправился домой.

На следующее утро выпал первый легкий пушистый снег. В душе у Захара было чисто, светло и радостно. На делянке работа кипела. Здесь уже трудились не крестьяне, а умудренные опытом, ставшие не по своей вине лесорубами, рабочие. Они то и дело выгоняли из нор русаков. Те выскакивали прямо из-под ног, вихрем разлетаясь по сторонам. Мужики улюлюкали им вдогонку. Многие устанавливали силки, петли на их дорогах, и на столах появлялось вкусное блюдо — зайчатина.

Проскочило два месяца. Утром Захару передали, что с ним хочет встретиться директор леспромхоза, приглашает к десяти утра завтрашнего дня в Сосновку. Весь день и всю ночь думал бригадир о причине неожиданного вызова. Волнение не покидало его. Не понимал Захар, почему в такие неожиданные моменты он начинает чувствовать какое-то странное, безвольное оцепенение, тревожное напряжение. Откуда такая боязнь перед начальством, ведь всё было понятно и текло своим руслом.

Рано утром Захар расставил бригаду, а сам отправился пешком в Сосновку. Десять верст отмахал и в назначенное время стоял около одноэтажной барачного типа конторы леспромхоза. С ним была его спутница лайка Альма. Побоялся Захар, что местные псы разорвут её и привязал в коридоре, за ручку двери закрытой кладовки. Перед кабинетом директора немного отдышался, миловидная девушка-секретарша сама открыла дверь просторной комнаты. Там сидели несколько человек и о чем-то громко спорили. Увидев бригадира, директор прервал своё заседание, отпустил всех, кроме Ларионова. Оказалось, председатель пришел поддержать Захара, чтобы разговор состоялся основательный и откровенный. В кабинет вошла секретарша и на стол поставила чай без сахара, черный хлеб и целую тарелку красной рыбы, называемой местными жителями сёмгой. Захар удивился, почему его принимают с такими почестями, как самого большого гостя.

— Ты не обижайся на весь белый свет, — начал беседу директор. — Простые люди понятия не имеют о ваших бедах, для них вы кулаки, противники колхозного строительства и советской власти. По негласной нашей просьбе местное отделение НКВД запросило твои документы. Случайно я тоже познакомился с решением президиума райисполкома, но ничего не понял. За что твою семью раскулачили?.. Может, сам растолкуешь?

— Что тут толковать... — смутился Захар. — Что было, обратно не воротить. Даже самый острый топор не может изрубить своё топорнице.

— Да, ты мужик! Русский мужик! Разговариваешь на трех языках, — удивлено сказал директор. — Споткнулся — не падай, пока не состарился, не торопись умереть.

— Не русский, чувашский я мужик, немецкий язык выучил на их земле, в плену, — неожиданно ответил Захар.

— Какая разница! — махнул рукой Александр Витальевич, усаживаясь за столом перед ним, рядом с Ларионовым. — Живёшь в России, значит русский!

— Тут рассказать-то не о чем, — спокойно начал Захар и коротко поведал о своей жизни на чувашской земле.

— Ладно! — остановил его Чуркин. — Я тебя пригласил поговорить по очень важному делу. Ежегодно к нам по вербовке прибывают десятки людей из разных уголков страны. Приходится принимать, рабочих рук не хватает. Заключаем договор с разными предприятиями, они отправляют работников, за это мы рассчитываемся с ними лесоматериалами. Сюда приезжает одна шантрапа, пьяницы и проходимцы, которые у себя успели натворить немало дел.

— Встречались с ними, — согласился Захар.

— Происходят стычки с местными жителями. Да и руководители предприятий хотят без больших усилий содрать с нас лесоматериалы. Мы теряем огромные средства, а отдачи нет. Имеется большое желание частично отказаться от таких вербованных бригад. Послушай... Предлагаем весь ваш народ перевести на постоянную работу, обустроить семьи в Сосновке, в пустующих новых бараках... У многих дети учатся в интернате, они соединятся с родителями. Главное, всех поставим на довольствие — на двухразовое питание. Разумеется, за это придется немного раскошелиться, оставить часть заработной платы в конторе предприятия для покупки продуктов. На вашей стороне почти все делянки разработаны, всё ровно мужиков придется перебросить.

— А отношение местного населения к нам? — засомневался Захар.

— Не надо считать всех глупцами, — успокоил Ларионов. — Среди жителей поселка, конечно, немало темных, непросвещенных, найдутся и негодяи. Но они быстро поймут, с кем имеют дело. Кто перегнёт палку, примем меры воспитания. На своём заседании и на собрании с частью работников уже переговорили. Полная поддержка. Последнее слово за вами. Мы со своей стороны обязуемся восстановить вас в избирательных правах, вновь станете полноправными гражданами страны Советов.

— Начальник НКВД как отнесется к этому? — спросил Захар.

— Вы ведь не уголовные преступники.
— Это так... — многозначительно ответил Захар.
— Тогда в чём дело?
— Необходимо посоветоваться с людьми.
— Для этого мы и пригласили тебя, чтобы вы сами, без суматохи решили вопрос.

— Все согласятся, но после получения документов могут ли уволиться с работы?

— Это тоже предусмотрели, с каждым заключим пятилетний договор, — ответил Чуркин. — Отработал — на все четыре стороны.

Так и решили, Захар сегодня поговорит с каждым отдельно. Если потребуются дополнительные разъяснения, попросит руководство приехать на место. На том и согласились.

Вдруг Захар не удержался и начал неуверенно излагать свою просьбу:

— Шестой год идет, как мы стали северянами, — вздохнул он. — У нас есть потери, четырнадцать человек похоронили на новом кладбище, в чужой земле.

— Не чужая, а советская земля! — резко прервал его Ларионов.

— Да, да! — согласился Захар и стал откровенничать. — Несмотря на страшные потрясения, мы сохранили людей, создали слаженную бригаду, с помощью леспромхоза, сельсовета и местных жителей победили голод, цингу. Единственное, что мы не смогли решить — стать гражданами своей страны, где родились, выросли и умрем. Сейчас я уверен — всё наладится. Люди поверят вам, перейдут жить в поселок. Но есть одна личная просьба — отпустите меня с семьей на родину. Там у нас остались трое детей. Их воспитывает старшая дочь Машшук. Я уверен, что получу участок земли для ведения домашнего хозяйства, построю новый дом. Это не будет предательством в отношении других. Они поймут меня.

— Вот те на!.. — не удержался Чуркин. — Начали за здоровье, а завершили за упокой. Придется подумать. А где мне искать нового бригадира, такого как ты?

— Есть! — заволновался Захар. — Прохор Герасимов, я сам на него опирался в жизни и в работе.

— Давайте сначала решим один вопрос, потом вернемся ко второму, — строго ответил Чуркин, закрывая это недолгое совещание.

Не прошло и десяти дней, двадцать шесть семей переехали в поселок Сосновку, получили ключи от комнат в новых бараках, где стояли кирпичные печки с двумя плитками и духовками для выпечки домашнего хлеба. Оборудовано специальное помещение для стирки и сушки белья. Рядом с домом колодец, а для простых человеческих нужд, с двух сторон барака построены туалеты, отдельно для женщин и мужчин. От такого поворота в жизни люди преобразились, на лицах появились улыбки, все разом с леспромхозом подписали пятилетний договор постоянной работы. Скоро их восстановили в избирательных правах. Захар ждал своей участи, но не торопил события. Работал бригадиром и выходил вместе со всеми на делянку, на свое место готовил Герасимова. Бригада начала работать на заготовке деловой древесины, у всех резко выросла заработная плата.

Захар ждал. Вместе с ним ждали решения и другие. Если он получит документы на выезд, значит, и для них откроются дороги. Наконец всё прояснилось. Прохора Герасимова утвердили бригадиром, а Узяковым разрешили выезд на малую родину. Через полгода Захар, Аниса, дочери Ирра и Анна, вышли из вагона поезда на станции Вурнары и отправились в деревню Анаткас Хабыз.

* * *

Шесть лет Машшук с сестрой Ульби живёт у ослабинского колхозника Пурхилья Сорокина. Находит время навещать Петрука в деревне Анаткас Хабыз.

Столько же минуло, а колхоз «Броневик», словно пьяный мужик, шатаясь, продолжает двигаться вперед: его качает — то в одну сторону, то в другую, то назад шаг сделает, никак не может стать на указанный путь развития.

За эти годы многие подались в колхоз. Среди них нашлись и ушлые товарищи. Сначала коров отвели на базар, потом лошадок оприходовали, разделили мясо между родными, излишки реализовали, а через месяц как бедные записались в колхоз.

— Почуяли клопы, где кровь свежая! — чертыхался Пурхиль Сорокин. — Присосались к телу социалистического колхоза! Шиш им! По труду будут получать, а не по едоку!

Год назад его назначили бригадиром первой бригады. Крепко взялся за дело. Никого не жалеет. Люди домой приходят

только спать, не успевают справляться с домашними хлопотами. Появились недовольные.

— Вот народ! — ворчит он. — Для кого организовали артель? Как только стали колхозниками, разучились работать. Пока в окно не постучишь, не пошевелятся. Не позови, не поручи дело, половина колхозников на работу не выйдет, проспят до обеда. Какими были лежебоками, такими и остались. Если не учитывать трудодни, позволить самим выбрать заработанное, готовы на плечах унести все общественное добро.

— Не все такие, — возразила Варя. — В стране идет индустриализация, укрепление колхозного строя, дружным фронтом народ защищает завоевание революции.

— Во, дает... Откуда, только нахваталась, — возмутился бригадир. — Со сцены клуба, по радио звучат слова о великих стройках, завоеваниях. Везде фронт — рабочий, крестьянский, молодежный. Богатых раскулачили, остальных уравнили. Но откуда враги появляются, куда народ идет дружным фронтом?

— Не понимаешь ты, атте, — возразила Варя. — Надо ходить в кружок политбеседы, окончить Хумушскую вечернюю колхозную школу. Иначе отстанешь от остальных, уже перестал отличать трудовой фронт от военного.

— Яйца стали курицу учить, — глубоко вздохнул Пурхиль.

Но Варя на его слова не обращала внимания, продолжала объяснять о строительстве социализма, о великих стройках.

— Какой там фронт, — не сдавался отец. — Хорошая половина мужиков в своей жизни ни одно дерево не посадила! Всем хочется руководить, командовать другими.

— Это так, атте! — встала на сторону отца Варя. — Недавно Елку Никитину избачом поставили, уже наводит свои порядки, Машшук в клуб не пустила!

— Не захотела, — оправдывалась Машшук.

— Я своими ушами слышала, как она кричала: «Не позволю кулацкой дочке пачкать полы избы новой культуры!». Забыла она, что в этом доме жила Машшук со своими родителями.

Пурхиль промолчал. Трудно понять душу крестьян, то ли они защищают Советы, то ли ругают за необдуманные решения. Но сам не побоялся, несмотря на разговоры, взял кулацких детей к себе в дом. Недельку промурыжил девочек в бане и

привел в дом. Потом записал Машшук в колхоз. По утрам отправляясь в правление, девочкам поручал самые ответственные задания: выйти на ферму или поработать на гумне.

Его жена, сорокапятилетняя Наталья Егоровна Сорокина, лет пять назад от трахомы ослепла. У неё пять девочек: трое своих и Машшук с Ульби. Девочки играючи справляются со всеми домашними делами.

Справедливая женщина Наталья Егоровна. Всегда найдет для девочек доброе, ласковое слово. По первому зову расположена помогать. Несмотря на слепоту, легко орудует палочкой, никогда не ошибается, никуда не натывается. Сама из колодца достает воду, кормит домашних животных, варит еду. Она делает всё с душой, с какой-то тайной силой. Домашние привыкли к её непоседливому характеру.

В свободное время соберет вокруг себя девочек и начинается женский разговор. Сегодня она приготовила блины и поставила на стол с уйраном. Машшук ела, а по щекам текли слезы. Слепая Наталья Егоровна как-то почувствовала волнение девушки и, положив руки на голову, тихо сказала:

— Терпи, дочка, терпи. Мы, женщины, должны быть выносливыми. В природе все нужны друг другу. Птицам — разные букашки, черви, волкам — овцы, людям — близкие, родные, семья. Скоро у тебя будет муж, за плечами останется горе, забудутся обиды, заживешь лучше прежнего. Сейчас надо потерпеть.

— Обидно, — всхлипнула Машшук. — Все меня сторонятся.

— Ты на них не обращай внимания. Придет время, так сердце защежит по суженому, дышать станет трудно.

— Когда только? — засияла Машшук.

— Ты не торопись, — серьезно ответила Наталья Егоровна. — Наша Варька уже мучается, место не может найти. Вдыхает, как ворнарский паровоз, по вечерам куда-то исчезает.

— Арсентий её ждет, сын Антона Павлова...

Не успела Машшук договорить, как Наталья Егоровна облегченно вздохнула и произнесла:

— Слава господу! Я думала, что о наши ворота по ночам спину чешет сын Казакова.

Потом заторопилась, будто что-то вспомнив, подошла к девушке и сказала:

— Ты что сидишь, в клуб сходи!

— Меня туда не пускают...

Наталья села рядом с Машшук на скамейку и добавила:

— Замуж тебе надо выйти, но в другую деревню. Семейная жизнь так завертит и закрутит, разом уйдут горькие думы.

— Не могу поменять Услабу на другое поселение. Если даже выйду замуж в другую деревню, то его перетяну сюда.

— Э-э-х! В жизни не всегда получается так, как нам думается. Господь при рождении судьбу определил. Никуда от неё не денешься.

— Я изменю свою судьбу! — твердо ответила Машшук.

— Хорошо, хорошо, — согласилась Наталья Егоровна.

Машшук, как родной матери, доверила этой женщине хранимые глубоко в душе тайны. Недавно отец к родным в Абызово, где проживает брат Петрук, прислал письмо без обратного адреса. Мать там родила девочку, нарекли Анной. Кроме этого, давно заметила, как за ней по пятам ходит Илларион Кириллов. Она боится, вдруг привыкнет, полюбит, а он в последний момент испугается, не возьмет в жены. Поэтому парня не пускает ближе, но начинает чувствовать, что непонятная приятная волна охватывает её. Он постоянно в её мыслях, хотелось, как бы нечаянно с ним встретиться.

— Ты не торопись, — успокоила её Наталья Егоровна. — Всё само собой уладится.

Девушка не сомневается, конечно, уладится, выйдет она замуж, нарожает детей. Она должна почувствовать ни с чем не сравнимое счастье женщины, счастье материнства. За подругу Варю она рада, Арсентий позвал её в жены. Скоро в доме появятся сваты, таков уж старый свадебный обычай. А вот когда с ней это произойдет? Наверное, это будет нескоро.

Прошла неделя. К вечеру у дома Сорокиных остановился двуконный тарантас. В дверь постучали Илларион Кириллов и его неугомонный друг Василий Репин. Поклонились, пожелали домашним хлеб да соль и сразу нарушили деревенские обычаи. Василий повернулся к Пурхиллю Сорокину, потом к Наталии Егоровне и быстро произнёс:

— Дядя Порфирий и тетка Наталья! У вас, в доме, у известного бригадира колхоза «Броневи́к», живет краса девушка Машшук со своей сестрой Ульби! Мы пришли за ними, Илларион исстрадался по Машшук, по ночам не спит, в клуб перестал ходить. Пусть она станет ему женой.

Пурхиль прищурился, пристально посмотрел на молодых парней и расхохотался. Рядом до икоты смеялись Наталья Егоровна с Варей. Машшук и Ульби смиренно слушали парней, сразу не поняв происходящее.

— Вот, оказывается, какие нынешние сваты? — строго проговорил Пурхиль. — Понятно и внятно растолковали, чего хотят, чего им надо! А главное быстро, не успели даже дверь за собой закрыть!

— Что тут тянуть ляжку, надо действовать! — уверенно ответил Василий.

— Та-ак-с! — нервно усмехнулся Пурхиль. — Вообще-то я могу быть посажёным отцом. Но по нынешнему положению и времени, следует спросить у Машшук, захочет ли она стать женой Иллариона Кириллова?

— Он видный, трудолюбивый парень, толковый человек, да и внешностью бог не обидел — статный и широкоплечий, — не унимался Василий. — Почему не пойдет, у него руки, ноги на месте, язык острый и сила крепкая.

— Я не про язык говорю, а думаю, любит ли его Машшук? — слегка повысил голос Пурхиль, готовясь выставить свата с женихом за порог.

— Илларион её любит, — не поддавался Василий. — Ночами не спит!

— Тьфу! — рассердился Пурхиль. — Про него и речи нет!

Василий замолчал. Женщины за столом перестали смеяться, серьёзно слушали разговор мужчин, но не смели прервать беседу.

— Машшук... Ну, Машшук! — вдруг заговорила Ульби. — Ты ведь любишь его?

— Ну... ну! — толкнула Варя подругу в бок.

— Вот... вот! — засуетилась Ульби. — Перейдем к ним жить, у вас родятся дети, я буду их нянчить.

— Замолчите! — резко прервал женщин Пурхиль. — Это дело надо серьезно обсудить. Над Машшук насмеяться никому не позволю, голову отвинчу любому!

— Вот те на! Мы пришли с самыми серьезными намерениями, а тут головы откручивают...

— Во всем должен быть порядок!

У Иллариона от волнения и всего происходящего пропал дар речи. Он, как нашкодивший школьник, стоял в середине избы и переминался с одной ноги на другую.

— Что жених-то молчит, будто язык проглотил? — спросила Наталья Егоровна.

— Я думал, не откажете...

— А как со свадьбой? — перебила его лепет Варя.

— Родители сказали, лучше без особого веселья. Некоторые могут испортить нам свадьбу, ведь «доброжелателей» достаточно.

— И то правда, — согласился с ним Пурхиль.

— Если Машшук согласна, благословите нас, — робко попросил Илларион.

Бригадир встал, потер лицо ладонью, поправил бороду и сдавленно посмотрел на девушку. Она поднялась со скамейки, опустила голову и прошептала:

— Я согласна...

Что тут началось. Илларион засиял. Василий полез в карман, оттуда вытащил две бутылки водки. Наталья заплакала. Вера обняла подругу и начала целовать. А Ульби с девочками пустилась в пляс. Только Пурхиль недовольно возмутился:

— Порядок забыли и старые, и молодые... — и тут же домашним приказал готовить стол, а Василию скомандовал: — А ты, непутевый сват, беги за Кирилловыми, пусть срочно придут сюда, да и четвертинку прихватят.

Василий будто этого и ждал, молнией исчез за дверью. Машшук и Илларион стояли опустив головы и не смея поднять глаз друг на друга. Варя бегала по избе, собирая стол, мать помогала ей, подсказывая, что поставить. Ульби тянула сестру ближе к Иллариону. Столько у неё было радости, будто она, именно она выбрала для Машшук мужа. Пурхиль успокоился, но в душе затаилась грусть, он привык за эти годы к этим девочкам, не хотелось с ними расставаться.

Бывают же на свете чудеса. Именно в это время собака во дворе сильно залаяла. Варька выскочила и громко закричала. Все испугались, разом подались на выход. Около настёж открытой калитки стояла семья Узяковых. Захар мял свой картуз в руках, Аниса держала за руку маленькую Анну, а впереди неё стояли Петрук и Ирра.

— Апай!.. Агте!! — закричала Ульби, увидев родителей.

У Машшук закружилась голова, стала тихо сползать на крыльцо, но её успел подхватить Илларион.

Чернота октябрьской ночи обступила деревню Хумуш. Дождевые капли начали стучать по деревянным крышам, шуршать на улицах. Где-то в конце переулка залаяли собаки, послышались голоса людей, но скоро всё затихло. Вокруг стало неуютно. Темень стояла такая, хоть глаза выколи. Осень полностью вступила в свои права. В такие серенькие дни у пожилых людей ломит кости и ноют мышцы. Молодые женщины и девушки, завершив уборку хлеба, начали поочередно собираться со своим рукоделием друг у друга, рассказывать разные небылицы, сказки, петь песни и, конечно, перемывать косточки ближних, соседей. Такие вечера не проходят без интриг, достается многим. В повестку дня попадают все от малого до старого, даже те, кто стоит одной ногой на том свете. В избах, где собираются женщины, до утра не гаснет лучинка или керосиновая лампа. Они часто становятся первыми свидетелями ночной жизни крестьян.

В одну из осенних ночей неясные фигуры всадников не торопясь приближались к деревне Хумуш. Не доехав до околицы, остановились. Их было семеро. Один из них — старший — сутулясь сидел в седле и исподлобья глядел на всех недоверчиво. Это был Ухтияр, известный конокрад. Каждое дело тщательно готовил и никогда не уходил с пустыми руками. Сначала определял точное место, всё до мелочей продумывал — кражу проводил быстро и нагло. С ним вместе из конюшен исчезали лучшие кони. Сейчас его встретил Петрук Соколов со своим старшим сыном Семкой.

Про Ухтияра ходили разные легенды и небылицы. Мало кто им восхищался, для многих он был бандитом. Когда людские проклятия доходили до него, он становился ещё более дерзким и жестоким, никто не мог ему помешать. В народе шептались:

— Ухтияр, где-то в лесу, под землёй построил целое поселение. Украденных коней держит в подземной конюшне. Бандиты исчезают за косогором, как в тумане, поэтому милиционеры никак не могут их поймать. Они никого не боятся, простых крестьян не трогают, грабят магазины, заглядывают в колхозные конюшни. У них имеется целая преступная сеть — есть начальники, пристани, где держат животных, разменные пункты, перевозки — всеми руководит Ухтияр. Коней они перекрашивают

кипяченым молоком, после этого никто не может признать своего животного.

Самым отчаянным шагом Ухтияр считал кражу милицейских коней. Однажды прямо из-под носа угнал, за что жестоко поплатился, потерял половину старых друзей. Милиционеры не простили конокрада, каждая незапланированная встреча с ними заканчивалась потерей, они стреляли метко, без промаха.

— Я тоже никого не помилую, — утешал главарь самого себя.

Нынешнее дело ему подсказал Соколов-старший. Колхозные кони находятся в хлеве Микиты Иванова, куда просто так не попадешь. Рядом дом другого бывшего кулака, недавно оборудованного под клуб, молодежь до самого утра не расходится, да и два огромных пса верно охраняют конюшню. Вчера им сообщил Семка, что клуб закрыли на два дня, переоборудовать сцену.

— Охранниками определили двух молодых парней, так што, они до утра выдержат — успокоятся и уснут, — объяснил Петрук Соколов. — Главное, без шума убрать собак, лучше приманить мясом или зарубить саблями.

Помнит Ухтияр, как в его родной деревне поймали конокрада. Его ждала страшная участь, ворюг никогда не выдавали судебным органам, а уничтожали на месте. Своими глазами видел, как отрубили ему обе руки и отпустили восвояси. Но он далеко не смог уйти, умер от потери крови. Тогда из волости приехали какие-то люди, поискали виновных, но никого не нашли, да и, видимо, не очень старались, радовались, что одним преступником в округе стало меньше.

— Дом Микиты знает только Семка Соколов, слушаться его! — строго предупредил конокрад. — Смотрите, чтоб там без шума! На копыта надевайте башмаки.

Башмаками называли сплетенную из соломы или сшитую из кожи обувку для копыт.

— Да знаем...

— Лучше езжайте по дороге, так безопаснее и следов не найти. Возьмете коней, возвращайтесь обратно той же дорогой. Другая группа отвлечёт внимание — Григорий и Табак пошумят на другой конюшне деревни, где стоят старые клячи, они нам ни к чему, оставим их колхозникам. Мы с Кабаном вас будем прикрывать. С нами будет Петрук Соколов.

Все кивнули и исчезли в темноте сырой ночи.

Ждать пришлось недолго, скоро в конце деревни Хумуш прогремело два выстрела, залаяли разом все собаки деревни, кто-то крикнул, в этой суматохе у клуба коротко визгнули два пса, и всё успокоилось. Скоро послышался короткий свист, что означало завершение дела. В темноте ночи никто не увидел, не услышал, как банда увела восемь отборных коней колхоза «К свету».

Петрук Соколов остался стоять один в темноте. Не торопясь пошел в сторону Услабы.

Недавно его пригласил председатель колхоза Смирнов. Он шел по широкой улице деревни в новой рубаше, от него попахивало самогоном. Не успел ногу занести в колхозную контору, председатель сообщил:

— Один ты в Услабах «индус». Торчишь, как пень на большой дороге. Мешаешь людям шагать, мозолишь глаза, вступай в колхоз!

— Нет дороги мне с вами! — отрезал Соколов. — Правда, может пожевать колхозную кашу, проглочу, не подавлюсь. Так што...

Смирнов усмехнулся, и устало произнес:

— Надо было своевременно принять решение, обратно в деревню твою семью не пускать.

— Руки короткие и зубы гнилые! — отгрызнулся Соколов.

На этом разговор закончился. Не пошла жизнь у него. Долгое время торговал зерном, особенно хорошо дела шли во времена НЭП. Перед началом колхозного строительства закрыл дом на замок, передал землю на временное пользование колхозу и отправился со всей семьей в Сибирь. Через пять лет появился и стал восстанавливать дом, но в колхоз не торопился. Спекуляцию оставил, слишком суровые были законы. Но продолжал заниматься другими темными делами. На это занятие сразу втянул старшего сына Семку. Отпрыск оказался хорошим учеником: за участие в разбое хумушского магазина угодил на пару лет в исправительно-трудовой лагерь. Вернулся оттуда, устроился в райпромкомбинат — приемщиком продукции народных промыслов. Это всего-навсего было прикрытие, он ездил по деревням, вынюхивал, где стоят добротные колхозные лошади колхозов, кто и как их охраняет, передавал

по своим каналам конокраду Ухтияру. Работу всегда выполнял тщательно, малейшую деталь не упускал. Сейчас вот «разобрались» в Хумушской конюшне.

* * *

Утром весь народ деревни Хумуш собрался у клуба. Около конюшни стояли два молодых сторожа, Витя Белов и Толик Игнатов, охранявшие ночью колхозное добро, и тупо смотрели на людей испуганными глазами. Рядом лежали два пса, зарубленные саблей.

Скоро из райцентра приехали милиционеры. Тщательно изучили место, но кроме следов сапог ничего не нашли.

— Опять использовали башмаки, — рассуждал следователь, показывая старую подкову, вывернутую буквой «У». — Это дело рук самого Ухтияра, его банда оставляет такую отметину.

— Ночных сторожей мы прихватим с собой, может, они помощники конокрадов, — объявил старший следователь, указывая на парней.

Долго не могли разойтись колхозники. Уж слишком тяжело смотреть на пустую конюшню. Угнали рабочих коней, самых молодых, сильных. Больше всех расстроился Скворцов, работать начал недавно, тут такая беда.

В эти дни председатель Хумушского сельсовета Федот Саваров начал готовиться к выборам народных депутатов сельского исполнительного комитета. Он стал задерживаться на работе, частенько возвращался домой выпивши. Танюк расстроилась, когда узнала, что муж стал дружить с секретарем сельсовета Степаном Апанасовым. Не доверяла она этому мужику.

— Втянешься, остановиться не сможешь, сопьешься, — уговаривала мужа Татьяна. — С чертом связался, люди стали сторониться нас, бояться.

— Что ты лезешь в мужские дела, твоё место у печки! — отмахивался Федот.

Такая дружба дорого обошлась семье. Шутки Федота стали злыми, непредсказуемыми, порою доставляли страх и боль окружающим и близким. Когда он засыпал, Танюк проверяла, искала деньги, выворачивала карманы брюк, пощупывала все складки и швы, но ничего не находила. Откуда у него деньги?

Бедная не догадалась, что муж для этого дела смастерил на ремнях такую захоронку, которые как в сберкассе хранили рубли и копейки.

Федоту нравится такая жизнь, много друзей, он участник художественной самодеятельности, по вечерам прямо с работы спешит в избу-читальню.

Там собирается ансамбль народных инструментов, созданный год назад, названный в народе «Шумовым оркестром». Руководителем стал учитель Хумушской школы Леонтий Иосифович Куликов. Оркестр за короткое время завоевал успех, сначала в трёх деревнях, потом в районе. Скоро музыканты начали готовиться к Чебоксарскому конкурсу народного творчества. Федот и Лазарь Саваровы играли на балалайках, Павел Сорокин — на гармошке, Андрей Иванов — на скрипке, Степан Апанасов — на двуручной пиле, руководитель Куликов — на гусях. Ещё играли на барабанах, на деревянной стиральной доске, на гребёнках, на бутылках, наполненных водой.

Участники шумового оркестра в одно время забыли о домашних делах, готовясь к концертам. Вокруг них толпились жители деревни, пытались подсказывать, а порою критиковать за неправильно подобранный репертуар. Всё вокруг становилось единым шумовым оркестром. Пришлось уйти в подполье, перейти в сельсовет.

Репетиции оркестра всегда заканчивались разговорами по проблемам социалистического, колхозного строительства и кулачества. Совместно решили включить в концертную программу чтение коротких рассказов о воинствующих безбожниках Нурского края.

Федот был на высоте. Он выступал всегда первым. Со сцены и в обыденной жизни рассказывал разные легенды, небылицы о нечистых силах, о шабаше Лешего — Арзюри на водяной мельнице:

— Около старых ветел в ночь на полнолуние идет целая свадьба, организованная Арзюри.

— Брось ты смешить людей! — не верили молодые парни. — Кто их видел наяву?

— Старикам и старухам они не показываются, те умеют наложить на них крест, а вот на безбожников устраивают целую охоту, — не останавливался Федот.

Его трудно было переубедить. В душе зародилась мысль — проучить молодых. Больше и больше приукрашивая, рассказывал он о похождениях нечистых сил в ночь на полнолуние на водяной мельнице бывшего купца Рукавишникова. Он добился своего, молодежь не выдержала, поспорила с Федотом, что именно в такую ночь ровно в полночь они разожгут около мельницы костёр, который можно будет увидеть невооруженным глазом. На том и разошлись.

Федот основательно готовился к этому дню. К нему присоединились Лазарь, Степан Апанасов и Василий Денисов. Сам продолжал подтрунивать молодежь, чтобы те не забыли обещание, подсказал день, когда будет ночь полнолуния.

В условленное время друзья заранее собрались у мельницы. Стояла светлая ночь. Круглая луна таинственно светила высокие деревья, небольшие пристройки мельницы. Мужикам стало не по себе. Они, преодолев зарождавшийся в душе страх, привязали длинную верёвку за высокую прочную ветку. Василия переодели, обсыпали мукой, надели клыки, изготовленные из картошки. Он стал похож на истинного Арзюри, если встретишься — ноги протянешь.

Поближе к полуночи мужики увидели силуэты молодых. Их было человек пять-шесть, в темноте не разберешь. Шли смело, громко разговаривали и хохотали. Они чувствовали себя героями. Подошли к мельнице, и тогда случилось самое настоящее чудо. Денисов вихрем, с гортанным криком спустился по верёвке, зажег спичку и выдул изо рта керосин, для острастки вспышку повторил ещё пару раз. Парни своими ушами слышали дикие вопли, своими глазами видели метровые вспышки пламени. От неожиданности замерли, их охватил ужас, они, толкая друг друга и спотыкаясь, бросились в сторону деревни. Мужики, почуяв убедительную победу, вдогонку им ещё несколько раз изобразили крики Арзюри и вспышки огненного дыхания.

На следующий день вся деревня хохотала над «героями», решившими наяву поговорить с нечистыми силами.

Народ после этого начал серьёзно подшучивать и над самим председателем сельсовета. Федот на них не обращал внимания, пьянки продолжались.

— Нагородил! — вытирала слезы Танюк. — Сколько бед от этого Апанасова, сколько слез пролили люди, сколько

проклятий послали этому человеку, а ты с ним по чайным носишься. Не пропивай деньги, не позорь детей — Ольга замужняя женщина, Эрхип покинул родную хату, про Василису, Борика и Сорика не говорю, их надо одеть, обуть. Сел на сани Апанасова и поёшь его песни.

— Не выворачивай душу, хотя бы ты помолчи! — сквозь зубы процедил Федот. — Поддержи мужа. Отец со мной не разговаривает, стал сторониться, при встрече проходит молча.

— В чем поддержать? — не поняла она.

Танюк впервые увидела мужа таким потерянным. Всегда считался рассудительным, твердым. Сейчас перед ней стоял растерянный, забитый человек.

— Уронил ты себя перед народом, — рассуждала Танюк. — Наговорили на Куракова, с работы его сняли, люди боятся с тобой открыто разговаривать.

Федот сник. Близок локоть, да не укусишь. Прошлого не вернёшь. Эти мысли впервые посетили его. Придется жить, трудиться, завоевывать былое доверие.

Через неделю Федот в Нуросе встретился с Мироном Ефимовым. Зашли в чайную, взяли бутылку красного вина, по кружке пива. Немного захмелев, собрались в сторону Хумуша.

Только вышли на крыльцо, видит Федот: со стороны Байглычева мчится тарантас, запряженный хумушским конём Мальчиком. Хозяин — татарин, привязал коня около чайной, сам зашел перекусить. Федот не растерялся, понял, что им самим не справиться, можно снова потерять коня, забежал в участковую милицию. Там дежурил знакомый оперативник Мокеев. Впопыхах, бессвязно пытался объяснить:

— Конь... Мальчик... Стоит около чайной! — кричал он, волнуясь.

Но Мокеев никак не мог выяснить причину беспокойства выпившего Федота. Тут вошел Ефимов и растолковал милиционеру.

— Посмотрим, — спокойно ответил Мокеев.

Зашли в чайную, татарин обедал, уже успел рюмочку пропустить. Увидев милиционера, поздоровался, встал и до пояса поклонился. Мокеев попросил немного подождать.

— Гражданин, есть вопросы! — остановил он татарина.

— Корошо, корошо, надо сказать, можно и слушать, — сел он за стол.

— Откуда, куда торопитесь, чей конь? — твердым голосом спросил Мокеев.

— Обидно, Макеев, меня давно знает, вопросы непонятно даешь, Ахмет я, Ахмет! — забеспокоился татарин.

— Такова моя работа, необходимо уточнить некоторые вопросы, пройдемте в участок, — добавил Макеев.

Знает милиционер Ахмеда Халитова, известного торговца на Нуросском базаре. Привозит он мелкие товары: батарейки на карманные фонарики, школьные тетради, цветные карандаши, щетки, гребёнки и многое другое. Меняет их на коровьи и овечьи шкуры, на ветошь. Откуда только достает товары, неизвестно.

— У вас всегда татарин виноват, за всех ему ответить, — волновался Ахмед.

— Разберемся, нет твоей вины — дуй домой, но если душа не чистая, придется задержаться.

За ними пошли Федот с Мироном.

Ахмед рассказал, что коня купил недавно у знакомого, у него их было несколько. Макеев обрадовался. Давно разыскивает милиция этих конокрадов, никак не может сесть на хвост, всегда уходят, а через неделю опять дают о себе знать. Вот и ниточка появилась. Мокеев отправил рассыльного за начальником и позвонил в Вурнары. Оттуда приказали задержать татарина, а коня оставить до выяснения обстоятельств.

— Плакали твои денежки, придется коня вернуть в колхоз, тарантас оставишь во дворе Совета, никуда не денется, а самому до выяснения всех вопросов необходимо задержаться в Нуросской камере, — не поднимая головы, оформлял протокол Мокеев.

Когда все бумажные формальности были соблюдены, еще раз проверили коня. Когда Федот свистнул и позвал Мальчика, конь радостно заржал и повернул голову в его сторону. Это не только Мокеева, но и татарина убедило, что коня зовут Мальчиком и он принадлежит хумушскому колхозу «К свету».

Через неделю в Казани арестовали одного из участников банды Ухтияра. Милицейский отряд скоро разгромил лагерь конокрадов, сопротивление не помогло, многие остались

лежать, сраженные пулями из винтовок. Сам Ухтияр предпочел сдаться, пожить немного дольше на этом свете, чем его друзья. Справедливость восторжествовала: согласно решению суда, Ухтияра расстреляли. Но других коней, кроме Мальчика, хумушский колхоз так и не получил.

Соколовы — отец и сын — опять остались чистенькими, некому было их заложить.

Скоро районная газета напечатала большую статью, где говорилось, что благодаря бдительным действиям налогового агента района Мирона Ефимова и председателя Хумушского сельсовета Федота Саварова обезврежена банда конокрадов.

* * *

После разгона банды конокрадов Семка целый год скитался по стране. Побывал в Чебоксарах, подружился с татарами, потом вернулся в Канаш, громил вместе с друзьями сельские магазины. А там, кроме водки и пряников ничего не найдешь, на полках валяются дешевые ткани и одеколаны. Когда милиционеры арестовали некоторых друзей, вернулся домой, в Услабу.

В этот день Мирон Ефимов за неуплату налогов описывал новый сруб. Никакие уговоры, просьбы не подействовали на него, он был неумолим. Тогда он задумал наказать этого неугомонного налогового агента — за сруб сжечь его дом.

Сегодня Семка Соколов беспокожно ворочался с боку на бок, ждал, когда стемнеет. Летний деревенский вечер притих.

Он положил в карман коробку спичек, взял заранее приготовленную литровую бутылку керосина и вышел из дома. Шел по улице, прячась в тени старых ветел. Перепрыгнул через изгородь школы, спрятался в густой, ещё не скошенной высокой траве. Привстал, осторожно огляделся по сторонам. Убедившись, что вокруг тихо, с kloкочущим от волнения сердцем, юркнул за дом. От небольшого шороха пролетающих ночных летучих мышей Семка прижимался к стене, потная мокрая рубашка от напряжения и страха прилипла к спине. В доме никого не было, маленький замок на двери немного успокоил душу Семки, он стал действовать более хладнокровно.

Не торопясь вытащил бутылку с керосином, дрожащими руками стал поливать на сухие бревна стен дома, последние капли жидкости выплеснул на крыльцо.

Долбила по мозгам мысль: «Потише — не шуми... потише — не шуми... Быстрей... быстрей. Как бы люди не увидели, ни заступали на месте преступления».

Постоял, успокоился, вытащил из кармана спички, чиркнул, но огонь сразу потух. Второй раз чиркнул, спичка вспыхнула с каким-то страшным шипением, осветив вокруг ярким светом. От страха забыл о деле, только когда огонь обжѐг пальцы, он кинул спичку к облитой керосином стенке. Пыхнуло, пламя быстро пошло гулять по стенкам и скоро охватило весь дом. Семка опомнился, кинулся через огород в сторону Услабы. Хотел сходу перепрыгнуть через изгородь, споткнулся, упал на старые жерди, они затрещали, ломаясь под ним.

Он не пошел в сторону висячего моста, догадался, что сейчас люди побегут на пожар, и встреча с ними не желательна. Добежав до речки Хирлеп, посмотрел, как занимается зарево. Спасительной для него была тьма и речка. Семка лежал на берегу, издали слышал треск, крики мужчин и женщин, борющихся с извечной бедой сельской местности — пожаром.

Семка не стал испытывать судьбу, прыгнул в воду Хирлепа и разом оказался на другом берегу.

— Это ты? — прошептал сквозь зубы Петрук Соколов, увидев мокрого и измотанного страхом сына, от которого несло керосином. — Твоих рук дело?

— Если даже моих... — отгрызался Семка. — А что?!

— Загубить нас задумал? Мирон нас с землей сравняет!

— Всё обойдется, иди, спи!

— Какой сон!

Их разговор услышала Матрие и начала причитать.

— Господи... господи! — бормотала она. — Что натворили!

— Цыц! — остановил её Петрук. — Закрой рот! Вытри слѐзы!..

Матрие замолкла, закрылась одеялом и тихо продолжала шептать непонятные слова.

К полуночи пожар потушили, а лучше сказать, дом разобрали, тлеющие бревна растащили по улице, заливая водой.

Мирон Ефимов, весь черный от копоти, молча сидел на обгоревшем бревне. «Что делать, у каждого своя линия жизни, каждый топает по ней, никуда не сворачивая, принимая все происходящее, как должное», — вспомнил он слова усопшей матери.

Вечером Мирон Ефимович задержался в Нуросе, на кустовом совещании налоговых агентов. Перед ними выступал уполномоченный из Чебоксар, долго толковал о новом положении по налогам. Сейчас крестьяне должны платить сельхозналог, налог на строения, земельную ренту, разовый сбор подвижной торговли. Самым тяжелым считается сельскохозяйственный налог. Для расчета власти ежегодно по каждому хозяйству устанавливают доходность: с гектара используемой земли, с огородов, садов, ягодников, хмельников, с каждой головы скота, одной семьи пчел. Учитывают доходы от сбора грибов, ягод, добычи живицы, сбора утильсырья. В этом году установили налоги за плетение лаптей, художественную вышивку, валяние валенок, пошива одежды, столярные, плотницкие и печные работы. Даже нетрудоспособные члены семьи никакими льготами не пользуются. Ещё существуют налоги самообложения — обязательное окладное страхование и фиксированный культсбор. Для колхозников этот налог составляет от семи до тридцати рублей в год, а единоличники, имеющие лошадь, должны платить до ста пятидесяти рублей.

Задумался Мирон Ефимович, если дела и дальше так пойдут, крестьяне не выдержат, опять поднимут бузу. На него односельчане смотрят как на врага народа, будто он придумал такие налоги, именно он идет против крестьян. Четвертый год ходит по деревням, хотел бросить эту работу.

С разными думами не заметил, как оказался у деревни. Только открыл ворота, сразу услышал пожарный набат. «Что там еще?..» — подумал он.

— Мирон! — кричали, бегущие на пожар люди. — Что ты стоишь, твой дом горит!

Не поверил он:

— Что за шутки!?

Но когда увидел дым со стороны школы, побежал, с ужасом шепча: «Где Марфа, Марфа!..».

Дом полыхал, как смоляной факел. Увидев дочь, стоящую возле изгороди Трофимовых, Мирон облегченно вздохнул и бессильно опустился на землю. Оказалось, в это время её тоже дома не было, задержалась в школе. Страшно, вдвойне страшно и обидно, когда горит дом, поднятый своими руками. Знаешь, где какой гвоздь спрятан, как вырублено каждое бревно.

Сейчас, прямо перед твоими глазами, все это становится углем, пеплом, исчезнет навсегда. Обидно, если поджигатель — житель твоей деревни, с которым ты ежедневно встречаешься на улице, здороваешься с ним, делишься своими радостями и огорчениями. Мирон оцепенел. Жители деревни знают свое дело: длинными баграми растащили дом и заливали бревна водой, не давая пламени перекинуться на другие постройки. Воды было достаточно в небольшом пруду, который вырыли школьники для поливки огорода.

— Кто, кто мог это натворить?

— Молодые видели Семку, сына Петрука Соколова, он бежал в сторону Услабы, — подошел к нему сосед.

— Соколов?.. — пожимал плечами Мирон. — Значит, сводит счета...

Мстит. И расплачивается серьёзно. Полгода назад Петрука Соколова обложили большими налогами на сумму более пяти-сот рублей. Половину он внес вовремя. На остальное не хватило силы, надо было поднимать дом, старый совсем сгнил, в зимнее время в избе вода замерзала. Он обратился в исполком с просьбой о снижении налога, отказали. А через двое суток к нему подъехал Мирон Ефимов, описал сруб, подготовленный для строительства дома, домашний скот и некоторое домашнее имущество. Скоро по решению судебных органов всё описанное увезли.

Недавно неизвестные избили Ярмушского налогового агента, тот долго валялся в постели. У Мирона неделю назад украли овец, теперь вот остался без дома. «Чего ждать впереди, мало ли кому он ещё насолил, кто ещё за пазухой держит кукиш против него?... Между деревенскими мужиками и налоговым агентом Мироном Ефимовым, конечно, существовала неприязнь, ведь такова его работа, но чтоб до красного петуха?!..».

Успел Петрук Соколов совершить страшную месть. Но не рассчитал, что утром его сына тепленького, прямо с постели возьмут милиционеры, свяжут и увезут в Вурнары, которого ждала одна дорога — на долгие годы в Сибирь.

Мирон Ефимов перешел жить в баню. Деревня досконально обсудила весь поворот событий, долго не теряла интерес к этому происшествию. Одни обвиняли Соколовых, другие самого налогового агента. Нашлись и такие, которые считали виноватыми властей, которые в свое время не отправили семью Соколовых в Сибирь. По деревням, то затихая, то вновь вспыхивая, летели недоброжелательные толки и пересуды. Петрук впервые тяжело переживал произошедшее горе, но не решился с глаз на глаз встретиться с Мироном.

Ефимов отстранился от людей, приходившим к нему за советами, под любым предлогом отказывался помочь. Он сейчас никого не жалел, будто все жители трех деревень виноваты в произошедшем несчастье. У него случались приступы злости, он кричал на людей, наказывал их, отнимая за налоги домашнюю живность и разный инвентарь, несколько раз сцепился с дочерью, когда та начала защищать односельчан.

Состояние Мирона Ефимова понимала только Марфа.

— Ну, что же ты на людей кидаешься? — присела однажды к нему дочь. — Давай подумаем о строительстве дома, живем в черной бане, дышать уже трудно.

— Отстань, Марфа, без тебя тошно! — впервые злобно оборвал её отец. — И так мои мысли только о доме. Скоро зима, успеть бы сруб поднять...

— Сходи в сельсовет, к Федоту Саварову, может, поможет, подскажет, наконец.

— Для него мы давно не крестьяне, — задумчиво ответил Мирон.

Прав был Мирон Ефимов, новая налоговая система задушит крестьян. Но люди не взяли в руки вилы, а кто-то собрался уехать в Сибирь. Такая обстановка, как барометр, указывал на очередные трудности земледельцев или на надвигающуюся беду — голод. Власти пытались вновь и вновь призвать крестьян покинуть насиженные места, переехать на постоянное местожительство за Уральский хребет, в Новосибирскую, Красноярскую, Иркутскую, Амурскую и Приморскую области.

На хлебные места из деревни Хумуш двинулись большие семьи Петра Ласточкина, Григория Козлова, Гавриила Арсентьева, Луки Иванова, Алексея Блинова и Ивана Ложкина. Трое

из них продали свои хозяйства. А трое засомневались, временно заколотили окна досками, двери и ворота заперли на замки, ключи оставили у родных, просили сохранить и присмотреть за пристройками. Значит, в душе они не надеялись, не поверили сладким речам уполномоченных по переселению граждан в Сибирь.

Мирон вовремя подсутился, договорился с Ласточкиным, приобрел дом. Амбар и баню у него купил Иван Калисов. Ефимов не захотел переехать на новое место, прикипел душой к своей усадьбе. Был ведь хороший дом. Пламя слизнуло избу за час, треск от пожара по сегодняшний день стоит у него в ушах. Новая покупка требовала больших затрат: надо было разобрать дом, перевести и поднять заново. На старое пепелище Мирон уже уложил дубовый фундамент, утеплил его, привезя с косогора около рощи Ушах несколько телег глины и песка. На завтра договорился с близкими и друзьями перевезти купленный дом на место.

Рано утром к нему зашли Савар Леонтьев с Фадеем Кураковым и объявили, что всей работой будут управлять они. Сами расставят людей, пронумеруют разобранные бревна, в том же порядке соберут и сруб. Не ожидал Мирон, не думал, что на ниме* примут участие почти все жители трёх деревень.

— Спасибо, мужики... — не найдя других слов вытирал мокрые глаза Мирон Ефимов. Рядом стояла дочь и приветливо улыбалась.

— Ты, Фадей, — отозвался Савар, — топор направил?

— Нет уж, — посмотрел на него Кураков. — Топор у меня в руках уже не играет, а вот поднимать дух на работе и ободрять имеется мой наточенный язык.

Фадей с видом большого знатока просил показать место строительства, руками пошлепывал дубовый фундамент и хвалил Мирона за качественную работу, будто сейчас районный начальник принимает новый объект в эксплуатацию.

Кругом закрутилось, завертелось, не успели снять кровлю, стропила — подъехала молодежь на длинных телегах. К обеду половина дома была разобрана, перевезена на место строительства и аккуратно сложена.

*Ниме — коллективная помощь кому-либо.

К концу дня Савар доложил Мирону, что дом перевезен и завтра предстоит ответственная работа. Мужики будут поднимать дом, надо достать дополнительно пару тюков конопатки. Это богатство у многих в сараях валяется, только попроси, вряд ли кто откажет.

На следующий день работа закипела с новой силой, мужики быстро и сноровисто справлялись с делами. К вечеру плотники уже поставили стропила, обрешетили крышу, подготовили её для покрытия сплошной тонкой щепкой. Станок Куракова Романа в эти дни работал без остановки, готовил щепу для крыши дома Мирона.

Работы хватило и на третий день, вместе с мужиками к дому Мирона стали сходиться женщины с ведрами и лопатами. Савар и Фадей продолжали руководить работой. Одних поставили стены конопатить, других — месить глину. Девушки, подвернув подола платьев, начали топтать глину, куда добавляли теплую воду и рубленую солому. Готовую массу поднимали на потолок, обмазывали, готовили глиняный замок, чтобы зимой тепло не уходило, а печка грела старые кости Мирона своей теплотой.

Шесть человек на кровле без конца стучали молотками. Дом на глазах преображался, кровля сияла новыми, ещё пахнущими смолой щепками.

В это время со стороны дома Ксенофонта Емельянова показалась телега, груженная двумя деревянными кроватками. Их смастерили комсомольцы в колхозной мастерской и вместе с председателем колхоза доставили к нему. Григорий Харитонов при честном народе позвал Ефимовых, от имени колхоза и комсомольской ячейки вручил две новенькие кровати для хозяина дома и учительницы Марфы Мироновны. Растроганный хозяин дома не выдержал, сел на кроватку и заплакал. Рядом стояла Марфа и успокаивала отца. Мирон встал на колени перед народом и попросил прощения за все свои грехи. В это время люди перестали работать, со всех окон и с крыши на него смотрели счастливые лица.

К вечеру женщины около дома собрали большой стол, со всех сторон тащили столы, стулья, еду и чувашское пиво. Мирон откуда-то вытащил две пятилитровые четверти самогона. Сейчас он ходил вокруг дома и рассуждал: «Щепки и обрубки

досок завтра уберу. Надо печку поднимать, Мышкова позову. У него печь теплая, не пытит, в топке дрова горят ровно, хлеб не пригорает. К Яблочному спасу переберёмся в избу. Остальное, до морозов сам доделаю, сам поштопаю».

Вот, оказываются, какие они, односельчане! Обиду положили в ящик и пошли помогать убитому горем человеку. Не упрекнули, ни одного худого слова не сказали, а засучили рукава и подняли дом.

* * *

Наступила весна. Марфа с отцом перезимовали в новом доме, в тепле и уюте.

Время в деревнях летит своим чередом. Наступила весенняя тишина — жизнь пошла без всяких скачков перед Пасхой. С крыш домов нависли огромные ледяные сосульки. Хозяева их ежедневно сбивали. Только убирают, а к вечеру следующего дня капель вновь собирает и собирает новые сосульки. Днем под ногами хлюпает снежная каша. Над полями начала стелиться синеватая дымка, появились теплые волны воздуха.

У учительницы Мироновой с сегодняшнего дня начались весенние школьные каникулы. Причина одна: скоро ледоход и на неделю разбирают мост, соединяющий три деревни. На это время прекращается всякое единение жителей левого берега с хумушцами.

С утра солнце разбудило природу. Марфа вышла на крыльцо и сразу рукой закрыла лицо от ярких лучей светила. В новом доме они втроем перезимовали. Наконец отец привел в дом жену Анастасию. Хорошая женщина, из деревни Кивьял, из Матвеевых. С первых дней совместной жизни она с Марфой нашла общий язык.

— Ух, красота... Пахнет-то как! — воскликнула девушка, глубоко вдыхая чистый воздух.

Марфе уже восемнадцать. Её крепкое женское тело, таинственная красота дышала весенним воздухом. Взяла в руки книгу и присела на ступеньку крыльца.

Вдруг вспомнила Эрхипа. Тогда, после очередного спектакля перед населением они немного поругались. Хорошую пьесу превратил в балаган. Добавлял свои слова, смешил народ в клубе.

По тексту герой должен переживать, а он придумал, кричит: «Красные не сдаются!». Какие там красные, кругом беда, люди покидают родной край, родную деревню от царского беспредела, а он говорит: «Не уезжайте, колхоз всем поможет!» Вот дурачок... Марфа тогда не выдержала, начала ругаться. Он стоял перед ней в растерянности. Кто-то прошел мимо и специально толкнул Марфу. Она упала бы, но Эрхип вовремя протянул руки, прижал к себе и нежно поцеловал в щеку. Марфа отпрянула как ошпаренная, будто обожглась горячим воздухом, от стыда спрятала глаза и убежала на другую сторону сцены.

В другой раз он с Василием Денисовым пошел провожать Марфу. Тут он раскрыл свои жалюзи — и давай поливать словами, одно глупее другого. А Василий хохотал и хохотал — не остановить. Марфа не захотела вникнуть в эту пустую болтовню. После этого перестала разговаривать с Эрхипом. Парень сник, скоро исчез. Оказывается, уехал в Чебоксары. Марфа почувствовала пустоту в душе, ощутила себя беззащитной.

Эрхип окончил курсы литературных и газетных работников при чувашском книгоиздательстве и начал работать в типографии. За год Марфа получила несколько писем. Однажды он воодушевленно написал: «Ты понимаешь, я своими глазами увидел, как печатаются учебники для школьников. Это просто чудо... Белые листы мелькают перед глазами, а выходят уже готовые, пахнущие типографической краской листки книги. Их сушат, скрепляют, прошивают вместе, только потом обложку приклеивают. Как хочу это тебе показать...».

Через год Эрхип на неделю приехал домой. Марфа встретила его в клубе и тихо спросила:

— Почему убегаешь от меня, сторонишься?

— Тогда глупо вел себя, думал, со своими шутками совсем...

— Проводи меня домой.

— Аха... — еле вымолвил Эрхип, глотая воздух от внезапного волнения.

В этот вечер что-то случилось с ней. Теперь парень молчал, а она щебетала, как птица, искрилась, как весенняя цветущая вишня.

Он изменился, стал малоразговорчивый. Куда только делся его веселый характер? В тот вечер он провожал её молча. Было холодновато, осенний ветер доставал до костей. Около дома он

распахнул свою тужурку, прикрывая Марфу, прижал к себе. Спиной чувствовала, как бьется сердце парня, стало так уютно, она была готова стоять с ним весь вечер. Поняла, что любит. Им было хорошо. Хотела что-то самое важное сообщить парню, но сразу не решилась, думала, Эрхип сам догадается.

— Марфа, меня призывают служить в армию, — вдруг признался он.

— Когда?

— Скоро.

Марфа почувствовала комок в горле. Неожиданно Эрхип повернул её к себе, крепко обхватил и поцеловал. Она не стыдилась, не прятала глаза, не пыталась вырваться. Парень целовал её нежно, бережно, будто целый букет цветов держит в руках и боится уронить.

— Ты дождешься меня? — спросил Эрхип.

— Буду ждать... — вздохнула она.

Она прижалась к парню, положила свою руку ему в руку и крепко сжала пальцы, немного помолчав, спросила:

— Эрхип?

— Я.

— Как ты относишься ко мне?

— Как к учительнице.

— Опять шутишь?

— Очень, очень люблю тебя... — впервые за вечер улыбнулся Эрхип.

Марфа, довольная, глубоко вздохнула. Непонятная тяжесть души от сердца отлегла. Дышать стало легко.

— На всю оставшуюся жизнь хочу быть рядом с тобой, — объявила она, глядя парню в глаза.

— Ты красивая, добрая. Дети любят тебя, а я больше всех... Нигде не видел такую...

— Я счастливая, — призналась девушка.

— Вот ты без матери выросла, трудно было? — спросил Эрхип, прижимая к себе девушку.

— Не знаю, редко об этом задумывалась, я её не видела, при родах она умерла, а меня спасли повитуха и кормилица — тетка Ксения.

— А я все время думаю о тебе. Ты мне во сне снишься.

— Я тоже. Будем любить друг друга, не мучаясь, — шептала Марфа, прислоняясь парню на плечо.

- Выйдешь за меня замуж?
- Выйду... — тихо ответила Марфа.
- Может, распишемся до моего отъезда?
- Вернешься домой — стану верной женой. Только пиши, часто пиши.

Он взял её нежную руку, от прикосновения обоим стало горячо, кровь хлынула в лицо. Эрхип ещё и ещё раз поцеловал её в губы. Сердце у Марфы забилося, она поняла, это и есть самая настоящая любовь, которая подкралась к ней незаметно и стремительно...

Через полгода молодежь деревни проводила Эрхипа в Красную армию. Перед отъездом он прибежал в школу и во время урока, открыв дверь класса, громко крикнул, что любит её, обещает часто писать письма. Все учителя от такого возгласа выскочили в коридор и с улыбкой посмотрели на парня.

Первое время вести от Эрхипа она получала почти ежедневно, но скоро они стали редкими. Марфа дома садилась у окна и несколько раз прочитывала вести из-под Москвы.

«Дорогая и милая моя! — писал он, — служба идет хорошо, ежедневные марш-броски и тренировки для меня не очень тяжелые. Многие молодые красноармейцы страдают, но сейчас стали подтягиваться, привыкать к таким нагрузкам. В город нас не отпускают, увольнений нет. Сейчас находимся в летнем лагере в лесу, живем в палатках. Вокруг все дожди и дожди, гимнастерки за ночь не успевают высохнуть...».

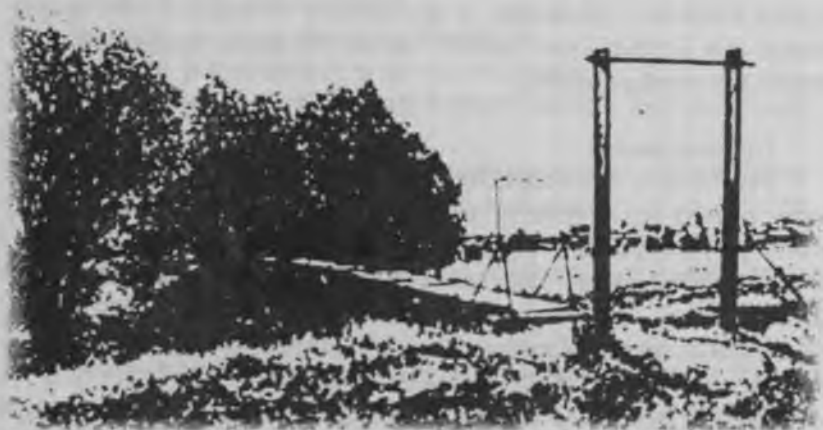
В другой раз он написал: «... Нас в полной боевой готовности привезли в подмосковный лес. Ты понимаешь, я своими глазами увидел маршала Тухачевского, он с немецкими генералами приезжал к нам в лагерь, проводил ученье и выступил перед нами. Вокруг них крутились десятка два высших генералов и полковников. Я краешком глаза внимательно смотрел на самого молодого маршала Советского Союза. Живем в палатках, начались тридцатидневные военные маневры. Нас держат в полной боевой готовности». В конце письма добавил непонятные чувашские слова. Сначала Марфа никак не могла разобрать буквы солдата, потом догадалась, ведь молодежь деревни любит говорить и писать письма наоборот, слова читаются с конца, справа налево. Прочитала: «Многие болеют, кормят только

сухим пайком... Холодно, я отморозил пальцы, с них слезла кожа...» и поняла, что Эрхип, таким образом, уходил от проверки военной цензуры.

Пришла весна.

Растаявшая от снега вода, пробивая себе дорогу начала журчать, пошла по ручейкам верхней улицы. Рядом бегали дети, пуская самодельные кораблики, соревнуясь, у кого быстрее. В домах бабы давно уже помыли окна, они блестят от яркого солнца своей чистотой. У многих в огородах на снегу лежат самотканые ткани и ковры. Вокруг чирикают воробьи, самые отчаянные уже моют свои перья талой водой.

Марфа продолжала сидеть на крыльце, наслаждаться солнечными лучами. Пашни ещё покрыты белым одеялом снега, но почки вербы уже совсем проклюнулись, скоро появятся зеленые листочки. Сейчас апрель, на неделе праздник Пасхи. Многие жители деревень втайне верят в Бога, на этот праздник они готовятся заранее — варят пиво, белят печки, моют, чистят потолки и полы в избах...

ВРАГИ

Не снимай сапоги, пока
не дошел до берегов Цивилия

1

В конце февраля—в начале марта 1937 года в Москве состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором И.В.Сталин выступил с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Он заявил, что партия имеет дело с тремя основными факторами. Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, которая задела все хозяйственные, административные и партийные организации, заметив, что опасность со стороны империалистических государств реальна, которую постоянно следует учитывать в процессе социалистического строительства. Во-вторых, агенты уже проникли во все низовые организации, заняли ответственные посты. В-третьих, некоторые товарищи сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Выступление И.В. Сталина послужило сигналом для развертывания по всей стране борьбы «с троцкистскими шпионами

и террористами». В марте 1937 года в республиках и областях прошли пленумы местных партийных комитетов. На этих форумах не только излагали итоги пленума ЦК ВКП(б), но и уже докладывали о первых результатах борьбы «против вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

* * *

Савар Леонтьев встретил Анания Карасева (Карась Анани — так звали его односельчане) при выезде из Нуроса. На ночь глядя, куда-то торопится. Савар задержался в Кадыше, внучка Нина не хотела отпустить, просила заночевать у них. Солнце давно уж скрылось за кумбальским горизонтом, звезды на чистом небе ярко поблескивали.

— Куда ты, Анани? — крикнул Савар, увидев его.

— На Кудыкину гору! — съязвил Карасев.

Не понравился ему взгляд Савара Леонтьева, он смотрел на него уничтожающе. «Может, догадывается старик?» — подумал он, провожая повозку краешком глаз из-под фуражки, потом процедил про себя: «Несет ирода на мою голову, негде схорониться... А, вопче-то, по крайней мере, не пойман — не вор!».

Савар тоже недолюбливает этого человека. Уж слишком скользкий тип. Со многими в деревне говорит с презрением, уважает только слабых и нищих.

Недавно в деревне люди делились на бедных и на богатых. Настало время, весь мир разделился на красных и белых, на друзей и врагов. С приходом новой власти перепуталось не только в жизни, но в головах у некоторых людей. Они будто перестали чувствовать, ради чего живут на этом свете.

Анани свой чуткий нос держит по ветру. Мужик, с маленькой головой на короткой шее, казался старше своих сорока лет. Хмур, черные брови срослись над переносицей, глаза всегда чего-то ищут, блестят даже в сумраке. Среди других не выделяется, но и не отстает, боится переступить черту недозволенного. Ненавидит крестьян, крепко стоящих обеими ногами на земле. Ждет момента, когда будет разрешено сполна с ними рассчитаться. Стал следить за жизнью односельчан, тайно записывать в тетрадях, кто сколько повозок намолотил хлеба, какие разговоры в деревне ведутся против Советов. Сам не заметил,

стал другим человеком — замкнутым, злым. В душе одновременно поселились добро и зло. Они сутками боролись между собой — мучительно, беспощадно. Днем вверх брало добро, тогда Анани работал в поле до изнеможения, а по вечерам зло поднималось — руки мужика сами выводили на листках бумаги строки ненависти, готовили для людей слезы страдания и горя, вытаскивали на свет противников этой власти — кулаков и единоличников.

Он знает, куда топать. Два дня назад договорился о встрече.

Уполномоченный Нуросского отделения НКВД Гордей Ковалев лично сам встретил его на крыльце бывшей волостной конторы.

— Пошли! — сказал он, забыв подать руку Карасеву.

— Пошли так пошли... — ответил Анани.

Шли по вечерней улице Нуроса. Народ уже ко сну готовился, никого не встретили. Около базарной площади повернули в сторону бывшего дома лесопромышленника Васильева. Этому-то рад Анани, не хотел он в такое время встретиться с кем-то из знакомых. А вот, чёрт бы его взял, дорогу перешёл Савар со своими дурными вопросами «Куда?..». Поднялись на второй этаж. Ковалев открыл обитый кожей большую дверь, пропустив вперед Карасева. За дубовым столом сидел молодой человек. Небольшого роста, с крючковатым носом, конопатым лицом, краешком глаза взглянул в сторону вошедших.

— Уполномоченный из района, — шепнул Ковалев. — Николай Родионов.

Хозяин предложил сесть Карасеву за второй стол, положил перед ним бумагу с ручкой.

— Это зачем? — спросил Анани. — У меня всё при себе.

— Порядок такой, с сегодняшнего дня ты секретный сотрудник НКВД — «сексот» значит. Будешь трудиться в колхозе, своевременно докладывать обо всех делах, разоблачать врагов...

— Что писать? — оторопел его Анани.

— Пиши. Я такой-то такой...

— Какой?

— Не прикидывайся дураком! — строго сказал Ковалев и стал диктовать. — «Я, Карасев Ананий... Как по отчеству?»

— Михайлович...

— Пиши... «Михайлович... Родился в 1886 году в деревне Хумуш Вурнарского района Чувашской АССР, понимая и всемерно поддерживая советскую власть и партию большевиков, руководимую вождем Сталиным, принимаю на себя обязанность своевременно и регулярно, письменно или устно докладывать в НКВД Вурнарского района о всех действиях кулаков, вредителей и врагов Советской власти, окопавшихся в деревнях Хумуш, Услаба и Кивьял».

Старательно, большими буквами выводил Карасев слова под диктовку уполномоченного районного НКВД, а в конце ткнул жирную точку.

— Распишись и поставь число.

Карасев расписался, а внизу подчеркнул: «26 марта 1937 года».

Уполномоченный прочитал написанное, открыл лежавшую на столе папку и положил листок туда.

— Покажи, что ты там накатал? — уверенно спросил Родионов.

Карасев вздрогнул, будто только что на голову вылили целое ведро ключевой воды. Щеки его затряслись от волнения. Родионов продолжил разговор с сослуживцем, это придало Анани силу. Подсел к ним поближе, вытащил из-за пазухи тетрадку и положил перед уполномоченными НКВД района.

— Так...Так... — обрадовался Ковалев, посмотрев на Родионова. — Ты не хотел приехать!

Они вдвоем читали не торопясь, время от времени поднимая головы, внимательно изучали своего нового секретного сотрудника. Потом по каждому эпизоду, задавая вопросы, уточняли дополнительные данные. Долгий был разговор.

— Федот Саваров где тебе дорогу пересек? — поинтересовался Ковалев.

— Ну как же! Не он ли молол в деревне: «Почему городским работникам Советов и партии бесплатно выделяют квартиры, а деревенским приходится строить самим?». А ещё говорил, что советская власть держит крестьян за рабов?.. Значит, разлагает мужиков.

— Когда это было?

— Недавно... При царе и НЭП у них земельный надел был больше всех! А ещё...

— Тогда Савар Леонтьев через волостной комитет разделил этот участок между сыновьями? — допытывался Ковалев.

— Обработывали земли вместе, используя наемный труд. Его сын Федот держал двух коров и двух лошадей. А ещё...

— С этого надо было начинать! — раздраженно отрезал молча сидевший Родионов.

На Савара Леонтьева у Карасева была особая ненависть — непонятная, но смертельная.

— Строит из себя революционера, без него не проходит ни одно собрание, его сын Платон стал большим человеком в Чебоксарах, все им в рот смотрят», — зло дышал Карасев, перечисляя членов семьи Савара.

Оперативники молча слушали нового сексота. Наконец Ковалев не выдержал, правду-матушку выложил:

— Не простой, оказывается, ты человек?.. В раж войдешь — не уймёшь. Доконаешь не мытьём, так катаньем...

Карасев хмуро и настороженно посмотрел на уполномоченных, вытер появившуюся на лбу испарину.

Когда разговор зашел о вознаграждениях, он вымолвил:

— Мне бы корову купить...

— Зачем тебе живность, все равно придется передать в колхоз, не успеешь домой привести.

— Тогда не знаю что?

— Ткани на шаровары, на платья для жены и девочек, — серьезно предложил второй уполномоченный.

— И то ладно, — согласился Карасев.

На этом договорились. Ковалев открыл черный шкаф, вытащил оттуда сверток и положил перед сексотом:

— За это надо расписаться.

Анания больше не стали задерживать. На улице уже за полночь. Ему шагать до дома почти четыре версты. На горизонте стояла поздняя луна, вокруг было светло и тепло. Через час он постучал в окно своего дома, вручил сонной жене сверток, посмотрел на спящих детей и, довольный, скоро уснул крепким сном.

* * *

Деревня Хумуш изрядно обновилась. За последние семь лет жители подняли около полусотни домов. Прибавилось три переулка, а главная улица дошла до шоссеной дороги. Общественное строительство тоже не отставало: обустроили колхозный

двор, под навес собрали всю имеющуюся технику, построили мастерские, кузницу, конюшню на сорок лошадей, овчарню, ферму на сто голов крупного рогатого скота. Говорили, что это всё для людей, для колхозников, но им-то как раз ничего не перепадало. Хлеб, мясо, молоко увозили в районный центр на государственные нужды, так люди расплачивались за налоги. Но все-таки страна развивалась, вместе с ней и жители маленькой деревни, работники колхоза «К свету» маленькими шажками шли вперёд.

Наступил август, месяц разносолов и разгара хлебной уборочной страды. Это время чувашаи называют месяцем серпа. Солнце в августе становится более нежным: нет такого изнуряющего зноя, как в июле. Крестьяне как положено встретили и проводили Илем*, неделю грома, последний летний праздник, когда белобородый старец Илья — повелитель дождей, грома и молний, разъезжал на громыхающей колеснице и карал неправедных. Старухи язычницы тайно от других организовали Чук нового хлеба и подготовились к каше осенней пахоты. Шумно прошли медовый, яблочный Спасы. Наступил венец — закат лета.

Ночью 23 числа в деревню Хумуш на пяти подводах заехали незнакомые люди в голубых фуражках вместе с районными работниками НКВД. Скоро к ним присоединился председатель колхоза Анисим Скворцов. Тихо заходили они в нужный дом, без излишнего шума поднимали семью, минут десять искали чего-то и хозяина уводили с собой. Только собаки истощно лаяли, пытаясь испугать незнакомых людей, но те на них никакого внимания.

К утру подводы собрались на околице, за телегами понуро шагали двенадцать мужиков из деревни Хумуш и четверо из Кивьяла, ещё до конца не понимающие происходящего. Скоро подводы исчезли за услабинским косогором, они держали путь в сторону Цивильской тюрьмы.

Не успело взойти солнце, около правления хумушского колхоза стал собираться народ. Сначала прибыли старики: Савар Леонтьев, Афанасий Калисов, Трахвин Трофимов, Фадей Кураков, Порфирий Кириллов, Федор Кошкин, Курдей Христофоров, к ним присоединились Кузьма Васильев, Василий Керзаков, вслед подтянулись мужики помоложе.

*Илем — Ильин день.

— Чего с утра всполошились? — подошел к ним председатель Скворцов.

— Анисим Михайлович! — сразу спросил Савар. — За что их арестовали?..

Скворцов зло ухмыльнулся, но промолчал. Такая уж у него привычка, пока не соберётся с мыслями, не вытянешь ни слова.

Кривая ухмылка разозлила Фадея Куракова. Молчание председателя он воспринял по-своему. Внутри у него горело, сердце kloкотало, как на раскаленной сковороде.

— Скажи, Анисим! — строго спросил Кураков. — Скажи, председатель!.. За что?..

— По-моему, всё тут ясно. Чего тень на плетень наводить. Твой сын Роман столько вреда нанёс колхозу, не счесть.

— Что ты, председатель, клевету несёшь, — насторожился Фадей. — Мой сын ни в чем не виноват. Опытный пчеловод, но и он бессилен перед сюрпризами природы. Рано пчелы проснулись от зимней спячки. Никто не ожидал, что холода вернутся и пчелы погибнут.

— А не преднамеренно загубил он пчелиные семьи? — злобно вымолвил Скворцов. — Молчишь? То-то!

— А моего Ивана в чём обвинили? — вперед протиснулся старый полуслепой Афанасий Калисов. — Он ведь твой товарищ по работе.

— Иван Калисов — мой заместитель. Три года водил правление за нос. Всё колхозное дело пустил на самотёк. Самолично распорядился и предоставил право колхозникам держать в личном пользовании лошадей, допустил восемь выкидышей жеребят в колхозной конюшне. Так-то вот!

— А ты где был, Анисим? — не сдавался Афанасий. — Чистеньким остался. Кураковский хмель уничтожил, своевременно не достроил конюшню, кормов не сумел заготовить, а во всех грехах одного моего сына обвинил!

Скворцов стал пунцовым, скулы выступили, в глазах блеснула злость. Готов был этого сирого полуслеплого старика задушить своими руками.

— Остальных десять человек за что арестовали? — допытывался Савар. — За что?

— Бригадира Петра Федорова обвинили в открытом выступлении против постановления ЦК по созданию кормовой

базы, за отказ от заготовки веточного корма,— начал толковать Скворцов. — Игнатия Миронова обвинили в поджоге телятника, Евграфа Кузьмина — за попытку убить комсомольца-селькора Харитонов. Братьев Фирсовых — за антисоветские высказывания. Двенадцать человек из Хумуши, и четверо — Степан Никитин, Ананий Трофимов, Иван Шушков и Игнатий Михайлов из Кивьяла создали антигосударственную группу единомышленников, боролись за развал колхозного строя. Руководили ими Иван Калисов со Степаном Никитиным. Так-то вот!..

Народ безмолвствовал. Этим попытался воспользоваться Анисим Скворцов и полностью открылся перед односельчанами:

— С другой стороны, не я в этом виноват. Главный стукач находится среди вас. Он через голову колхозного руководства и народа накатал пухленькое письмо прямо в Шубашкар, в НКВД. Оперативники приехали оттуда... Так-то вот...

Люди растеряно смотрели друг на друга, не веря сказанному Скворцовым. Кто же мог натворить такое? Кто так ненавидит односельчан? Раз людей арестовали, значит, есть такой человек, собрал в одну кучку все недостатки колхоза и недолго раздумывая, накатал письмо в центр: «В небольшой чувашской деревне Хумуш орудует банда контрреволюционеров, разваливает колхоз «К свету», идет против советской власти и партии».

Народ не спускал со Скворцова осуждающих глаз. Председатель не знал куда деваться, но голову не опускал, пронзительным взглядом искал среди колхозников организаторов этого сборища.

Савар повернулся к народу и громко заявил:

— Нам надо защищать безвинно арестованных людей, принять решение собрания членов колхоза, а протокол отправить в Шубашкар — в обком партии и прокуратуру.

— Кто вам разрешит? — завопил Скворцов.

— А кто может запретить? — не понимал Савар.

— Я не буду адвокатом у контры.

— Будешь, пока живешь с нами в одной деревне!

— Ты... ты за это ответишь!

— Надо будет, отвечу. Моего сына Платона тоже арестовали, он находится в тюрьме. Мне уже за семьдесят лет, многого видел на своем веку, только в тюрьме не приходилось сидеть. Кто хочет защитить невинно арестованных людей, прошу проголосовать!

Десятки рук поднялись над головами в защиту родных и близких, односельчан деревень Хумуш и Кивьял. Скворцов ещё раз внимательно посмотрел на собравшихся мужиков и неуверенно поднял руку в защиту односельчан.

Когда протокол собрания, написанный от руки и подписанный всеми собравшимися, лег на стол Скворцова, он ещё раз перечитал и запрятал в стол, подальше от любопытных глаз. Зачем ему излишняя головная боль? Пойдут разбирательства, пусть арестованные сами выпутываются.

Не смог народ помочь односельчанам. Через шестнадцать дней, по приговору Особой тройки области, обвиненных в контрреволюционном заговоре заключили в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет, а Ивана Калисова и Степана Никитина — как руководителей антисоветской группировки — расстреляли с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

2

Пленум Вурнарского районного комитета ВКП(б) начался в четверг, ровно в четырнадцать часов дня. В большом зале клуба собрались члены бюро, члены райкома партии, некоторые председатели колхозов, сельских Советов и руководители районных предприятий. Федот Саваров сидел рядом с молодым председателем нуросского колхоза «Искра» Василием Флотским. Впервые на заседании присутствовали высокие гости из центра: секретарь обкома партии Павел Иванович Андреев и заместитель руководителя комитета партийного контроля области товарищ Сергеев. Присутствие таких неожиданных гостей немного пугало селян, они тихо переговаривались между собой, ждали конкретного важного сообщения. Небольшие формальности по открытию заседания были соблюдены, кворум позволяет решать вынесенные на бюро вопросы. Пленум бурными аплодисментами встретил выступление секретаря обкома партии, который начал знакомить их с политическим положением страны и состоянием партийной дисциплины внутри республики.

— В последние годы в жизни советского народа произошли глубокие, решающие изменения, — начал Андреев. — Выполняя требование общественного строя, экономики страны, весь

советский народ, под руководством великого Сталина и коммунистической партии, принял новую Конституцию, широкими шагами идет к победе социализма. Недавно прошедший пленум коммунистической партии подвел итоги развития СССР за предшествовавшие четыре года, дал анализ международной обстановки, сформулировал задачи внутренней и внешней политики. Страна решила труднейшую задачу революции — создала новую социалистическую экономику, предусмотрела усиления индустриальной мощи страны, укрепления колхозного строя, выдвинула основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. В результате победы социалистических производственных отношений изменилась классовая структура советского общества, остались только два дружеских класса — рабочий класс и колхозное крестьянство, с ними тесно связана интеллигенция. В это время советская разведка, под руководством коммунистической партии и вождя народов товарища Сталина, при поддержке всего советского народа нанесла сокрушающий удар троцкистско-бухаринским козьякам и буржуазно-националистическим агентам СССР. Такие люди сидели в мягких креслах и в нашей республике, и в вашем районе. Это бывший секретарь райкома ВКП(б) Сергей Иванович Епифанов и бывший председатель райисполкома Африканов Макар Африканович.

Так решил гость открыть глаза собравшимся, дать конкретную оценку работы бывших руководителей, заодно райкома партии и райисполкома.

Выступал он минут сорок, чувствовалось, что эрудирован, знает о состоянии экономики страны, республики, района. Досталось всем — от секретаря райкома ВКП(б) до председателей отстающих колхозов. Некоторые от волнения время от времени вытирали вспотевшие лбы. В притихшем зале слышны были только отточенные слова секретаря обкома.

После его доклада слово предоставили секретарю районного комитета ВКП(б). Его выступление было нацелено на подведение итогов прошлого года и задачи экономического развития района. Что греха таить, в прошлом году все промышленные и сельскохозяйственные предприятия работали неудовлетворительно. Колхозы не смогли выполнить государственные планы

по продаже хлеба, по поставке мясо-молочных продуктов, в пеньковые заводы доставили коноплю низкого качества. Машинно-тракторная станция района на поля выводит до пятидесяти тракторов и комбайнов, однако их простои за сезон доходили до двадцати пяти дней и годовой план дотянули всего на восемьдесят процентов. Местный леспромхоз заготовил для нужд государства продукции всего на шестьдесят процентов от утвержденного плана. Хуже всего дела идут на фосфоритном заводе, который завершил первое полугодие с плохими показателями. Директор завода товарищ Новожилов, видимо, решил примкнуть к той группе людей, которые своё неумение работать, организовать труд прикрывают воплями о высокой производственной программе, забывая, что промфинплан — это закон.

Во время выступления люди несколько раз посмотрели на директора завода, но, к счастью Новожилова, в этот раз гражданином для битья стал руководитель Вурнарского леспромхоза Виктор Евлохин. Директор местной лесной промышленности молчал, он понимал, что слова, адресованные в его сторону, притом сказанные самим секретарем райкома, ничего хорошего не сулили. Это подтвердило и выступление начальника НКВД товарища Майорова, взявшегося разоблачать притаившегося врага народа.

— Я предупреждал и докладывал о непристойном поведении директора леспромхоза. Товарищ Григорьев отмахивается, не реагирует на мои запросы, препятствует аресту Евлохина, не вникает в создавшееся положение, — выложил Майоров.

— Хотите меня тоже записать врагом народа? — тихо, но твердо заявил Григорьев. — Ты не хуже меня знаешь положение в леспромхозе. Не хватает людей, техники, недостаток средств.

— Промышленные финансовые планы для всех остаются законом, невыполнение — есть саботаж, вредительство, — резко оборвал его секретарь обкома Андреев.

— Об этом и говорю, — твердил Майоров. — Евлохину некогда заниматься государственными делами, он в центре поселка для своей семьи строит хоромы.

— Директору негде жить, он уже третий год без семьи в бараке, бюро райкома ещё в прошлом году рассмотрело данный вопрос, разрешило ему строить жилой дом и привезти сюда семью, — возразил секретарь.

— Семья без него неплохо живет, — не сдавался начальник НКВД. — Коммунист женился на дочери кулака. Что, Евлохин не понимал, не знал, какой хомут надевает на свою шею?

— Женился он двадцать лет назад, на выпускнице Симбирской учительской школы...

Не успел договорить Григорьев, его остановил секретарь обкома:

— Прекратите! Мы не обязаны слушать этот балаган, дело Евлохина находится в компетентных органах, они разберутся без нас!

Директор леспромхоза сжался, значит, скоро за ним придут. Он подумал: «Может, разберутся, я не враг народа, а член большевистской партии с 1916 года, участник Гражданской войны, один из основателей лесного хозяйства области». И он не стал оправдываться, понял, что его сейчас никто не будет слушать, его выступление могло бы ещё больше ему навредить. Поэтому вышел, опустив голову, и тихо закрыл за собой дверь кабинета секретаря райкома.

— Может натворить непоправимое, необходимо его изолировать, — вскочил на ноги Майоров.

— Действуйте! — дал согласие секретарь обкома.

Начальник НКВД вышел из кабинета, догнал директора леспромхоза, положил руку на его плечо и попросил пройти за ним. Евлохин подчинился, странно посмотрел на Майорова и тихо вымолвил:

— Зачем ты так?..

Майоров торопился, он ещё должен выступить на бюро райкома, сколько дней и ночей сидел за столом, редактируя свое выступление. Пришла пора разоблачить врагов народа по всему району. С секретарем райкома партии Григорьевым кашу не сваришь. Он каждое предложение начальника НКВД ставит под сомнение, устраивает проверки, опровергает. Сегодня на бюро присутствуют большие люди, они не должны сомневаться в его правоте. Майоров не стал объяснять подчиненным, сам закрыл двери КПЗ, ключи передал дежурному. Через десять минут он уже сидел на заседании бюро и вновь включился в работу.

В это время выступал прокурор района Федор Михайлович Терентьев. Слова его были жесткими, как кнутом били членов

бюро и райкома. Многие не понимали, что происходит, почему обвиняют заслуженных людей в разных грехах? В чем их вина?

— Председатель Алгазинского колхоза Тарасов собрал вокруг себя кулацких элементов, а планы государства прошлого года хозяйство выполнило всего наполовину, — читал прокурор заранее подготовленное выступление. — Заместитель председателя Хумушского колхоза Иван Калисов организовал антисоветскую группировку из шестнадцати человек. Они, поддерживаемые кулацкими элементами, вели подрывную работу, преднамеренно уничтожали колхозное добро, с целью убийства напали на комсомольца, допускали антисоветские выступления и разговоры. Имеются и другие факты. Секретарь райисполкома секретные документы носит домой, вносит исправления в серьезные документы, убирая следы деятельности бывшего председателя Африканова! Тем самым опровергает советскую действительность. Буржуазно-кулацкие элементы затесались и среди молодежи. Один из них — секретарь комсомольской организации колхоза «Гвардеец» Алексей Куликов. Он вор и агент, разобрал два казенных, колхозных хомута, снял с них кожаные покрышки и сшил для себя ботинки. В такой обуви по деревне не пройдешь, только перед буржуазными элементами щеголять. Троцкисты, зиновьевцы и всякого рода контрреволюционеры — самые подлые враги нашей Родины, но у них уже вырвана всякая почва из-под ног.

В это время стахановцы колхозов дают хорошие нормы выработки. К числу таких относится Сергей Ашанин кольцовского колхоза имени Ленина. За день на жатке-самосброске он убирал по двенадцать гектаров ржи и яровых. А колхозник Екимов с этого же колхоза вслед за жнейкой вязал по шестьсот снопов в день.

Кажется странным и непонятным, что при наличии таких энтузиастов-стахановцев некоторые руководители не умеют правильно расставлять имеющиеся колхозные силы, полностью не используется производительность жаток-самосбросок, лобогреек, сноповязалок и молотилок.

— Райком партии недостаточно жестко пресекает контрреволюционеров, носящих в карманах партийные билеты — оставил прокурора секретарь обкома. — Недавно с помощью НКВД разоблачили троцкистов в селе Нурос. Они окопались в колхозе, в деревне Синьял, сани и сбруи раздали колхозникам.

Антигосударственные действия прикрывают недостаточностью рабочих лошадей. В деревне Вурманкас у единоличника Данилова во дворе стоят три коровы, но никто не принимает решение.

— Группа вредителей из деревень Хумуш и Кивьял в составе шестнадцати человек арестована, — похвастался Майоров. — Мы вовремя пресекли деятельность окопавшейся группы контрреволюционеров-кулаков. Они сейчас в Цивильской тюрьме и дают показания.

От этих слов Федот Саваров съезжился. Спина стала мокрая, в горле встал горький комок. Он боялся, что назовут его фамилию.

«Откуда у них столько информации, кто докладывает наверх? Кто хочет загубить старую ленинскую гвардию? Что творится в нашем мире? — думал Саваров, слушая Андреева. — На счет Терентьева и Майорова нет сомнений, они готовы расправиться со всеми, кто ошибается в работе, кто имеет свое мнение...».

— Шестьсот учеников школ района, от общего числа обучающихся, оказались второгодниками, — добавил представитель партконтроля. — Директорами некоторых школ работают бывшие учителя царской России. В свое время саботировали ликвидацию всеобщей неграмотности, сейчас пытаются оставить детей без образования.

Его остановил Андреев, повернулся к секретарю райкома и предложил вопрос по школам вынести на рассмотрение пленума райкома ВКП(б).

Члены бюро и райкома согласились, хотя душило непонимание такого поворота событий. Скрывая волнение, многие боялись испытать участь директора леспромхоза Евлохина.

Заседание бюро закрыли к семи часам вечера. Секретарь обкома попросил собрать работников райкома партии и в течение часа толковал по вопросам партийно-политической работы. Он в конце совещания коротко ознакомил ответственных работников райкома с политикой вождя Сталина, просил самым жестоким образом бороться с троцкизмом, агентами и буржуазными элементами, противостоящими советской власти и строительству нового социалистического общества.

Саваров и Флотский на тарантасе двинулись в сторону Нурса. Оба молчали, не могли первыми начать разговор. Каждый думал об одном и том же, но боялся произнести вслух.

В начале сентября 1937 года в клубе Чебоксарской типографии обсуждали персональное дело Леонтьева, как белогвардейца, врага Советского государства. Худой, больной Платон сидел один на длинной скамейке и скупно отвечал на вопросы товарищей по партии. Между ним и собранием образовалась какая-то пустота, постепенно отчуждая его и членов партии высоким невидимым забором, непреодолимой преградой настороженности и непонятной враждебности к нему. Порушить его не было необходимости, потому что Платон Леонтьев вдруг ощутил себя виноватым — ведь он когда-то состоял в партии правых эсеров, не по своей воле служил в Белой армии, разрешал печатать книги нынешних контрреволюционеров.

Собравшиеся в клубе работники типографии и издательства начали шушукаться. Это не понравилось секретарю горкома партии, он пригрозил:

— Если шум не прекратится, дальнейшее рассмотрение будет проходить на закрытом собрании.

Зал притих. Многим хотелось своими ушами услышать приговор коммунистов в отношении бывшего начальника Леонтьева и получить удовлетворение. Как же?! Бывший белогвардеец, скрывавший свое прошлое от партийной организации, все эти годы вредил советской власти. За время работы руководителем типографии, Чувашигиза держал связь с националистами, принял на работу редактором бывшего попа-националиста Михаила Петрова. Будучи начальником Главлита, разрешал печатать националистические книги Юмана, сборники стихов и рассказов контрреволюционеров Петра Хузангая, Андрея Петтоки, Василия Краснова, восхвалял бандита Троцкого и его подобных.

— Как вы оказались в редакции контрреволюционной газеты «Хыпар»? — строго спросил секретарь горкома партии Салтыков.

— В 1917 году Казанское пароходное общество уволило всех своих рабочих и служащих, распался профсоюз, где работал секретарём, — начал отвечать Платон Леонтьев. — Полгода был безработным. Попытался заняться мелкой торговлей, не получилось. Лишь в январе 1918 года, благодаря троюродному брату Ивану Ундрицову, стал конторским служащим экспедиции редакции.

— Надо полагать, тогда газета издавалась правыми социалистами-эсерами?

— Программа правых социал-революционеров в то время для меня была ближе, она включала в себя требования ликвидации самодержавия, введение политических свобод, восьмичасового рабочего дня.

— Но в своей тактике борьбы они значительное место отводили восстанию и террору против первой в мире советской республики.

— В уставе не было слов «террор против советской власти...».

— Когда чехи взяли Казань, почему вы остались в городе? — нападал секретарь горкома партии.

— Мне было велено уничтожить некоторые документы, касающиеся новой чувашской революционной газеты «Канаш», — посмотрел на него Леонтьев. — Документы сжёг в печке. После я побегал домой, где хранились личные левосоциалистические партийные документы, а в редакции остались Макаров, Ундрицов, Сергеев. К ночи город был уже в руках чехов. Когда вернулся, все работники покинули Казань, а меня оставили уничтожать остальные документы.

— Вы намеренно остались и сдали газету контрреволюционерам-авдеевцам!

— Утром в редакцию пришли члены комитета Чувашского Учредительного собрания, и я вынужден был подписать акт передачи имущества, — возразил Леонтьев.

— Вы не только сдали газету, но и вступили в Белую армию! — перешел секретарь на повышенный тон.

Платон Саварович много передумал за последний год. Ряд его друзей стали объектами различных нападков со стороны партийных и советских органов. Прошедшие дни революции, деятельность чувашской секции при Казанском комитете ВКП(б) не раз становились предметом обсуждения. Не ожидал, что это коснётся и его. Вот сейчас на собрании обсуждали персональное дело. Приходится держать ответ в родной партийной организации, где он последние семнадцать лет считался коммунистом.

— В августе 1918 года в Казани была объявлена мобилизация в Белую армию всего трудоспособного населения в возрасте до сорока лет. Меня призвали 26 августа, определили в пятую

хозяйственную дружину. По ночам на Суконной Слободе выгружали боеприпасы. Через неделю я без труда сумел оставить часть, переправился через Волгу и оказался в расположении правобережной группы Пятой Красной армии. Был назначен агитатором, потом комиссаром, воевал с казаками, ранили, лечился в госпитале.

— Об этом можете не рассказывать, — остановил его секретарь. — Три дня состоял в составе боевой части Красной армии, получил легкое ранение, повалился в лазарете и считаешь себя участником гражданской войны?

— Как вы пробрались в члены ВКП(б)? — этот вопрос был задан кем-то из зала, его Платон Леонтьев не успел разглядеть.

— После освобождения Казани меня вновь назначили сотрудником газеты «Канаш». В это время была организована Чувашская секция при губкоме РКП(б), многие мои товарищи и я стали членами компартии. В октябре меня назначили секретарём бюро этой организации.

Дальше посыпались вопросы по прошедшим делам организации и деятельности издательства, выпуска ежегодного Чувашского календаря, печатания книг на чувашском языке, об известных людях творческой интеллигенции, признанных в настоящее время контрреволюционерами, врагами советского народа.

Директор издательства товарищ Быков пытался защитить товарища по партии. Он говорил, что Платон Леонтьев был и остается уважаемым человеком. Четыре года назад решением Президиума ЦИК и СНК Чувашии ряд ветеранов газеты «Канаш» и всей чувашской печати были занесены в Красную Книгу ЦИК Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики, среди них — товарищ Леонтьев.

Руководитель издательства не осознал политического состояния времени, не оценил ситуацию в отношении Леонтьева и получил со стороны секретаря горкома партии сильный разнос. Он объявил директора двурушником, пособником врага народа, контрреволюционером. Это могло означать, что над Быковым тоже сгущаются тучи.

Собрание длилось два часа. Ни один не покинул зал. Выступили несколько человек, все они клеймили позором предателя, контрреволюционера Леонтьева. Когда наступило время голосования, коммунисты не согласились с мнением секретаря

горкома и некоторых выступивших коммунистов об исключении Леонтьева из рядов ВКП(б). Они проголосовали: «Объявить строгий выговор с последним предупреждением, с занесением в учетную карточку». Большинство коммунистов и беспартийных поддержали бывшего руководителя, не позволили очернить его имя, оставили членом своей партии.

Через день в местных и республиканских газетах появились статьи о том, что «замаскировавшийся белогвардеец Леонтьев исключен из партии». Горком не утвердил решение первичной партийной организации, протащил свое единственное решение и изгнал его из рядов ВКП(б).

Много пережил Платон за эти дни. Средства массовой информации с остервенением нападали на бывшего начальника Главлита: «... Он в условиях царизма никакого участия в революционном движении не принимал. После революции предавал интересы рабочего класса: состоял в партии эсеров и служил у белых после захвата ими Казани», «... Леонтьев не разделял основные положения советской власти. Будучи враждебно настроенный к проводимым её мероприятиям, встал на путь борьбы с коммунистической партией».

Платон Леонтьев понимал, что его судьба уже решена вышестоящими партийными, советскими органами, согласована с первым секретарем обкома. Он готовился к худшему.

В один из сентябрьских ночей в девятую квартиру дома номер два по улице Канаешской, где проживала семья Платона Леонтьева, требовательно постучали. Все проснулись. Пока Платон накидывал на себя рубаху и надел брюки, стук в дверь усилился. Барабанили громко, настойчиво. Платон догадался, что за ним пришли сотрудники НКВД, и не торопясь открыл дверь. В квартиру вошли трое, с недовольным видом протянули ордер на арест и приступили к обыску в квартире.

Платон попросил Лизу собрать котомку, положить белье, немного еды. Времени было достаточно, уполномоченные провозились с обыском более получаса, перебрали бумаги на рабочем столе, на этажерке, в шкафу. Они нашли и изъяли именной револьвер Маузер с патронами, мелкокалиберную винтовку, два противогаза, несколько бумаг с записями, его фотокарточки, где он когда-то был запечатлён для истории вместе с партийными и советскими работниками.

Сорокатрехлетняя жена — Елизавета Георгиевна, работающая медицинской сестрой зубного кабинета в Чебоксарской амбулатории рабоче-крестьянской Красной армии и дочери: двадцатилетняя Нина — работница Казанского авиазавода, восемнадцатилетняя Ольга и шестнадцатилетняя Ирина тихо плакали. Младшая схватила отца за руку. Она была страшно напугана, слезы катились по щекам, всхлипывала. Лиза подошла к ней, погладила по волосам, Ирина уткнулась в грудь матери, но руки отца не отпускала.

Платон одной рукой обнял жену и тихо сказал:

— Прошу тебя, ничего не предпринимай, Нина должна срочно уехать, Ирину держи при себе. Она безумная, ещё натворит непоправимое.

Платон освободился от рук дочери, надел на себя теплый прогулочный костюм, поцеловал родных и вышел за уполномоченным — вслед последовали, как две тени, сопровождающие.

* * *

В камере № 2 Чебоксарской городской тюрьмы, где до семнадцатого года сидело немало разных политических, этапных каторжников, шедших по Владимирскому тракту в Сибирь, вместо двух человек было набито четырнадцать, негде даже ноги вытянуть. Духота и спертый воздух мешало дышать. В камере в основном политические заключенные — называемые уголовниками «фраера», и четверо блатных. Двухъярусные нары расположены посередине и вдоль стен. Ещё один топчан поставлен около узкого проема окна, остальным бедолагам приходилось довольствоваться местами под нарами и на полу. Проходы между нарами узкие, если кто-нибудь захочет пройти, то всем другим приходилось забираться на нары.

Платона, больного закрытой формой туберкулеза, затолкнули к здоровым «политическим».

Узнав Леонтьева, известный чувашский писатель Краснов протиснулся к уголовнику освободить боковые узкие нары, а самому занять место на полу около стены. Блатной отказался, несколько нелестных слов высказал в адрес Краснова и Леонтьева. Но он не ожидал, что за грубость получит от «фраера» увесистую оплеуху, — враз отлетел в сторону, ударившись

головой о край противоположных нар. Его друзья ринулись на Краснова, но сильными ударами в челюсть их опередили мужики. Один из блатных истошно закричал, начал барабанить в дверь, звать надзирателей на помощь. Дверь открылась, на пороге возник сам начальник тюрьмы. Краснов не растерялся, отодвинул блатного и сказал:

— Вы хотите нас живьем задушить, больного туберкулезом к нам запихнули. Тут и так сидеть негде, требуем уголовников переселить.

Начальник тюрьмы настороженно посмотрел на заключенных, уходя, добавил:

— Как освободится камера, переселю, а пока постарайтесь не изуродовать друг друга.

Блатные не стали испытывать свою судьбу, просто освободили нары для Платона Леонтьева.

— Почему политических называют «фраерами»? — спросил Платон.

— Уголовники придумали, — объяснил Краснов. — Всех заключенных по 58-й, так называемой контрреволюционной статье, называют «фраерами», но мы не обижаемся...

— Директор музыкального училища Степан Максимов приветствует вас в камере № 2 Чебоксарской тюрьмы! — в полу-мраке показался давно знакомый композитор.

Платон знает Краснова и Максимова с июня двадцатого года. Вместе поднимали автономную область, вместе встречались на жарких спорах по изучению истории родного края. Было понимание, было и разногласие между этими тремя коммунистами. Но не ожидал Леонтьев встретить их именно в таком диком месте. Ему не нравились определенные взгляды известного писателя на политику молодого государства, на строительство колхозного строя. А композитора, артиста, директора музыкального училища Максимова, руководитель Чувашиглавлита Леонтьев считал пустым человеком, на которого нельзя положиться. После запрета Главлитом издания книги Краснова, запрещения нескольких песен Максимова трещина между ними увеличилась, возник глубокий провал непонимания. А сейчас вот они заступились за него, за главного литературного и театрального цензора республики.

Леонтьев развязал платок с едой, собранной женой. Краснов попросил одного мужика в очках разделить колбасу, хлеб, сыр,

конфеты на всех, а сам стал знакомить Платона с обитателями этой камеры. О блатных умолчал, а остальных же представил по имени-отчеству, и место их работы до ареста называл. Среди них оказались семеро учителей школ.

— Вас... За что?.. — тяжело выговаривал Леонтьев, еле дыша душным, спертым воздухом.

— Обвиняют в подготовке к вооруженному восстанию против советского государства, в организации целой армии... — ответил учитель Ядринской школы Титов. — Мы — участники кустового межрайонного августовского совещания учителей Четаевского, Ядринского и Шумерлинского районов.

— Бойцы зеленой армии?

— Значит, слышали, читали в газетах признание учителя Четаевской средней школы, бывшего белогвардейца Калюкова. Он поименно назвал участников совещания как контрреволюционеров, собравшихся на последний инструктаж перед мятежом.

— Абсурд!

— Для кого как, а следователи думают по-другому, по ночам не дадут спать!.. — тихо сказал Титов.

— Эта неправильно! — волновался Леонтьев. — Людей арестовали по ошибке!

— «Умен не тот, кто не делает ошибок, таких людей нет, и не бывает на свете, а умен тот, кто делает ошибки несущественные и вовремя, как следует, исправляет их!» — вдруг заговорил Титов цитатами.

— Эти ленинские слова из произведения «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», — объяснил Леонтьев.

Переводя произведения Ленина на чувашский язык, навсегда запомнил некоторые выдержки вождя революции.

— Ошибки... Ошибки! — произнёс Краснов. — Когда наши кости сгниют, может, разберутся.

— Право, не знаю, в чем обвиняют учителей. — серьезно объявил Леонтьев. — Нас должны оправдать.

— Тогда, может, Платон Саварович объяснит, мы-то, мы... за что сидим? — повернулся Краснов.

— Вот опять политикой занялись, — остановил их Максимов, чувствуя, что разговор уже заходит далеко и может закончиться взаимными упреками и обвинениями.

Перешли на полусшепот:

— До нас здесь сидели ученые, преподаватели педагогического института, директор краеведческого музея Михаил Петров. Все они были активными участниками общества изучения местного края. Их обвинили в национализме и очень долго морили на конвейере.

— Где, где? — поинтересовался Леонтьев.

— Это когда для получения необходимых сведений и признаний тебя допрашивают следователи непрерывно в течение нескольких суток без сна, — громко пояснил Краснов. — После этого ты признаёшься во всех грехах, не имеющих к тебе никакого отношения.

Оказалось, что в люди в камерах сидят по несколько месяцев. Многие курили, курил и Леонтьев. Любимые папиросы «Укрютюник» и «Алатырские» здесь уж не достать, пришлось довольствоваться обыкновенной развесной махоркой. Тем, у кого остались деньги, начальник тюрьмы разрешал покупать курево через надзирателя. При этом тот любил поиздеваться. Принимая заказ, заключенным доставлял только коробку спичек или только пачку махорки. Часто бумага для самокруток до них не доходила.

А ту газету, которая приходила в камеру, надзиратели рвали на небольшие кусочки. Но там, кусочки сразу не искуривались. Их тщательно соединяли, вслух прочитывали и только после этого пускали на закрутки. Всякие передачи и переписка с родными запрещались. Новости узнавали через вновь прибывших людей.

— Кто сидит в соседней камере? — поинтересовался Леонтьев.

— Большевики — партийные работники, юристы, учителя и ещё блатные!.. — ответил Краснов. — Погоди, Платон Саварыч, ты ведь из деревни Хумуш Вурнарского района. Рядом твои земляки колхозники, больше десяти человек. Одного или двоих увели, обратно они не вернулись, значит, пустили в расход.

Платон с подозрением посмотрел на собеседника, но ничего не ответил. Ему непонятно, почему Краснов ведет себя так нагло, может, докладывает следователям об обитателях камеры? Драку затеял, никого не наказали, лишь пожурили и закрыли дверь. Блатные ведут себя ниже травы, тише воды. Непонятно, как оказались здесь жители родной деревни, в чем их обвиняют...

Дверь камеры открылась, и надзиратель скомандовал:

— Собирайтесь в баню! Новенькие тоже, камеру будем дезинфицировать!

Один раз в двадцать дней, арестованных возят мыться в баню городской тюрьмы. В это время камеры обрабатывают, моют хлорным раствором. Для перевозки используют грузовые автомашины с открытым кузовом. Оказавшись на улице, Платон услышал голос жены. Она кричала, что-то говорила, но её голос тонул в криках других женщин. Наконец увидел её, хотел сказать несколько слов, но конвоир резко запретил:

— Не разговаривать!

— Ждем тебя! Ирина плачет!.. Держимся!.. Меня с работы выгнали!.. — кричала Лиза вдогонку.

Платон успел махнуть рукой — машина повернула на главную улицу, все стихло...

* * *

На допрос вызывали не часто, но избивали с умением дела. На раны, синяки и ссадины никто не обращал внимания, главное, возвратиться в камеру. Если приказали: «С вещами! На выход!» — со всеми прощались, ибо знали: такие больше в темную камеру не возвращаются, их отправляют по этапу, или ведут на расход.

Платон перестал считать кошмарные дни и ночи, на душе было тревожно за родных: что случится с женой, как там одна с тремя детьми? Вину свою долго не признавал, но однажды, после очередной пытки, рука сама потянулась к ручке и поставила подпись на протоколе его ареста. Главное, чтобы больше не мучили, не водили на истязание к следователю Моданову, который умело, применял силу кулака и допрашивал ночами выученными словами:

— Подследственный Леонтьев, вы признаете себя виновным?

— В чем заключается моя вина? — еле слышно спросил Платон.

— В систематической фальсификации истории Великого Октября среди чувашского народа и возвеличивании в ней роли Эльменя... — не поднимая головы от листа бумаги, читал следователь.

— Первый председатель Чувашской автономной области Семен Данилович честно выполнил свой долг и умер в 1932 году... — ответил Леонтьев.

— По существу отвечайте на вопросы!

— По существу у вас написано в протоколе, мной подписано, мне больше нечего добавить... — закрывая рот платком начал кашлять Леонтьев.

— Ты состоял в партии правых эсеров?

— Три месяца работал в экспедиции редакции газеты «Хыпар».

— Врёшь! Ты был членом партии правых революционеров и работал по укреплению военной мощи Белой армии! — вновь повысил голос следователь.

— Да, был мобилизован в дружину, таскал... снаряды на склад.

Больше вопросов не задавали, и без того понятно: контрреволюционер Платон Леонтьев виновен, заслуживает высшей меры наказания... Именно об этом следователь говорил долго-долго.

«Как же так, следователь так много знает о малоизвестных фактах из его жизни, откуда выкопал, где выучил слова, имеющие много зла и ненависти?...» — думал Леонтьев, слушая следователя.

Сегодня Маданов по пунктам разложил ход будущего судебного процесса: «Последним на заседании суда выступит государственный обвинитель, небольшого роста еврей с круглыми очками и вот что он скажет: «Замаскировавшийся белогвардеец Платон Леонтьев сумел в 1918 году вступить в ряды Российской коммунистической партии большевиков, под руководством Эльменя вел контрреволюционную деятельность против рабоче-крестьянского государства, против советской власти. Эта кучка интеллигентов, затерявшихся в трех соснах... В Казани сколотили группу единомышленников из чувашских националистов и правых оппортунистов...».

— Зачем вы трогаете усопшего человека? — закашлял Леонтьев.

Следователь встал, наступила гробовая тишина, потом замеря ногами свой кабинет, продолжил дальше:

«Леонтьев в условиях царизма никакого участия в революционной деятельности не принимал. После февральской

революции предал интересы рабочего класса, служил у белых чехов. Правые эсеры Васильев и Гаврилова, захватив редакцию революционной газеты «Канаш», возобновили выпуск контрреволюционной газеты «Хыпар». Леонтьев передал им имущество редакции, списки авторов и подписчиков. Он предал революционно настроенных передовых рабочих и крестьян. После взятия Казани Красной армией отступил вместе с белыми до Лаишева».

Таким образом, следователь приписывал ему новые и новые факты, которые Леонтьев не имел возможности опровергнуть. «К чему лишние слова... — подумал он, пора готовиться к худшему — расстреляют, меньше страданий, дадут десять лет по политическим мотивам, никуда не денешься, значит, такова судьба».

— Скучная еда: черпак жидкой баланды, кусочек хлеба, кружка воды и отсутствие свежего воздуха быстро совершат свое дело, чахотка набирает силу, полуголодная, вшивая жизнь потихонечку угасает, — словно угадав мысли Леонтьева, комментировал следователь.

Вдруг Платон вспомнил дочерей, и улыбка появилась на его лице. Следователю показалось, что Леонтьева не трогают происходящие события или арестованный от переживаний сходит с ума. Его бескровно-бледное лицо не выражало никаких эмоций, глаза сузились, сам не отрываясь смотрит перед собой в пол...

Моданов не стал испытывать судьбу. «Протянет ноги и не отмыться, сам угодишь вместе с ними на нары...», — подумал он и быстро отправил подследственного в камеру.

После этого Леонтьева долго на допрос не вызывали. Он понял, что сюда людей привозят без достаточных оснований, но никого не выпускают, поэтому перестал думать о свободе. Надо выдержать, не дать себя уничтожить. За эти дни на имя Народного Комиссара Внутренних дел СССР Лаврентия Берии и он написал жалобу на сорока восьми листах о его незаконном лишении свободы и сумел передать её начальнику тюрьмы.

Наконец, ночью вызвали его на допрос.

— Ты ещё жив, гражданин Леонтьев, кулачье! — с явной усмешкой смотрел на него Моданов. — Симулировать задумал, видали мы таких!

— Мои родители никогда не были кулаками, отец поддерживает советскую власть и как крестьянин вместе со всеми выращивает хлеб! — ответил Леонтьев.

— Кормильцы!.. Ха-ха, без вас советская власть с голоду подохнет!.. — закричал Моданов, указывая на скамейку в середине комнаты. — Садись, руки вниз, смотри на лампу и выкладывай о своих злодеяниях!

Платон не торопясь выполнил указания следователя, закрыл глаза, ждал затрещины. В этот раз его не били.

— Гражданин Леонтьев, нам давно все известно, не лучше ли сообщить следствию, с кем ещё ты связан, как вел контрреволюционную деятельность. В тюрьме без тебя хватает врагов советской власти, твоя вина не совсем тяжелая. Если признаешься, может быть, выпустят, — поедешь в Крым, продолжишь лечиться, а нет, могут отправить на десять лет в другое место — в какой-нибудь северный лагерь. Ты как коммунист обязан оказать содействие следствию, помочь ликвидировать контрреволюционеров и националистов.

— Показания свои я изложил в письме к товарищу Лаврентию Берия, может, и прочитали... — ответил Леонтьев.

— Какой он тебе товарищ! — резко оборвал его следователь, потом опомнился. — Писать умеешь, жалоба отправлена по назначению. Прочие твои дружки, указанные в письме, давно уже арестованы, дадут признательные показания, тебе тоже следует, к ним присоединится.

— Я не отказываюсь.

— Вот ручка и бумага, изложи, по сути, только без лирики, без сентиментальностей, — повеселел следователь.

Платон подсел ближе к столу и начал писать, что его арестовали по указанию первого секретаря обкома партии и прокурора области. Они уничтожили Семена Эльменя, а сейчас добрались до его друзей и соратников. Эльменя не стало, пришло время, рассчитаться с другими...

Следователь взял лист, прочитал, покраснел от злости и закричал:

— Издеваешься! Они оба арестованы и сполна ответят перед советской властью! Я не позволю увести следствие по ложной стезе! Хочешь быть чистеньким? А ну встать!

Тут же Моданов вызвал надзирателя искомандовал:

— В холодную его! На полюс!

Перед входом в карцер Леонтьева раздели, оставили только в нижнем белье. Холодная бетонная камера сначала успокоила Платона, но скоро стало знобить, кашель возобновился, с каждым часом становилось труднее дышать. Утром надзиратель принес дневную норму черного хлеба и кружку холодной воды. Леонтьев дрожал, здесь ему не положено ни обеда, ни ужина, про горячее надо забыть до тех пор, пока не переведут в камеру.

Ему повезло: на следующую ночь дали одежду и повели к следователю. В кабинете, кроме Моданова, находились ещё два человека.

— Это тот журналист, писатель... начальник Главлита?.. — удивлено спросил один из новеньких следователей. — Вижу, больного чахоткой старичка.

Второй резко поднял Леонтьева за подбородок и с насмешкой спросил:

— Как там, на «северном полюсе»? Лучше сотрудничать с нами! Иначе можем устроить африканскую жару, горячо будет, дышать не сможете! Это с вашим-то, здоровьем!

— О чем вы говорите, гражданин следователь, обо всем я изложил в кассационной жалобе. Вряд ли меня простят моя страна и мои бывшие товарищи...

На этот раз обошлось без рукоприкладства, но Леонтьев впервые потерял сознание. Не помнит, как оказался в камере.

Через неделю следственное дело Платона Саваровича Леонтьева рассмотрела особая тройка Наркома Внутренних дел Чувашской АССР. Как и обещал на допросе следователь Моданов, его обвинили в том, что он сын кулака, всегда был враждебно настроен к коммунистической партии, активно работал в белогвардейской газете «Хыпар», издававшейся в городе Казани правыми эсерами. Пробравшись в ряды РКП(б), занимал руководящие посты в советских учреждениях, сконцентрировав вокруг себя буржуазных националистов. Пользуясь своим служебным положением, будучи заведующим Чувашиздатом и начальником Чувашглавлита, предоставлял право печататься буржуазным националистам. На основании предъявленного обвинения, согласно пункту 10 и 11 статьи 58, единогласно выносится приговор: «Леонтьева Платона Саваровича заключить в ИТЛ сроком на десять лет».

Краснов и Максимов остались в Чебоксарской тюрьме.

Хумушская школа в полном составе перешла на новое место, в середине деревни, рядом с домом Мирона Ефимова, поставили новое светлое здание новой школы. Георгий продолжал учить старшеклассников русскому и немецкому языкам. Несмотря на то, что дети были из чувашских семей, хорошо усваивали русские правила. С немецким полная беда, в их маленьких головках никак не умещались чужие слова.

В августе Георгия Алексеевича на Нуросском базаре встретил директор школы Петров Порфирий Петрович и попросил вместо него поучаствовать на совещании учителей четырех районов Четаевского куста, своими глазами посмотреть и познакомиться с опытом работы этой школы. Георгий согласился, с удовольствием побывал в пятидневной командировке. Вернулся домой весьма довольным. Его удивили новая методика изучения русского языка в чувашских школах, углубленная система преподавания точных предметов — как физика и химия. По просьбе работников роно подготовился к августовскому районному совещанию учителей и выступил с самыми смелыми предложениями. Молодые учителя, окончившие Канашскую и Чебоксарскую педагогические институты, шумно встретили выкладки Алексеева, задавали много вопросов. Те, кто постарше, пока молчали, они не понимали сути новых преобразований, да и среднее образование, которое имели многие учителя, не позволяло вникнуть в педнауку поглубже.

В конце августа следователь Нуросского отделения НКВД Гордей Ковалев пригласил Алексеева к себе. Георгий не знал причину такого вызова, поэтому не стал докладывать жене. Зачем раньше времени поднимать шум, ведь ещё свежи страшные события, когда за один вечер арестовали столько людей. Увезли в Цивильск, с тех пор о них ничего не слышно.

Ковалев встретил его сухо. С хитринкой в глазах начал издалека, интересовался жизнью деревень Хумуш и Ярмушка, состоянием школьного обучения. Георгий Алексеев рассказывал ему без утайки, какие успехи, какие трудности имеются в работе. Вдруг Ковалев стал серьезным, поближе подошел к нему и резко спросил:

— Каким образом ты оказался на Ядринском кустовом совещании учителей?

— Не Ядринском, а в Четаевском, — уточнил Алексеев.

— В Четаевском, в Четаевском! — ухмыльнулся следователь отделения.

— Командирован решением директора школы Петрова и согласно приказу роно, — ответил учитель.

— До нас дошли другие сведения, ты сам напросился!

— Не понимаю, откуда у вас такие сведения...

— Это вас не касается! — отрезал Ковалев.

— А как же, — не выдержал Алексеев. — Если меня пригласили в НКВД и начали задавать вопросы, значит, меня касается.

— С кем там познакомился?

— Со многими, туда собрались самые лучшие учителя четырех районов.

— Себя считаете лучшим, — съязвил Ковалев. — О чем говорили на совещании?

— В основном, о новой методике преподавания в чувашских школах.

— Какую организацию создали на этом совещании?

— Методические советы по разным направлениям, но я в голосовании не участвовал, не имел совещательного мандата.

Ковалев, наконец, раскрыл всю тайну сегодняшнего допроса, не выдержал и громко закричал:

— Какую резолюцию приняли по свержению советской власти в Чувашии?

У Георгия Алексеева округлились глаза. Вот, оказывается, чего добивается следователь, чтобы он наговорил на участников совещания. Поэтому он выложил весь план работы методсоветов. Ковалев не унимался, ударил ладонью по столу, встал, опять низко наклонился к лицу и процедил:

— Вы знакомы с учителем Четаевской средней школы, бывшим белогвардейским офицером Калюковым?

— Не знаком и не встречался! — резко крикнул Алексеев и вскочил.

— Сидеть! — заорал Ковалев. — Твоё счастье, что нигде не фигурирует фамилия Георгия Алексеева. Если уж появится, кантовать тебе десять лет на строительстве железной дороги Москва-Архангельск. Это я обещаю.

— Дорогу туда построили в прошлом веке, — процитировал Георгий передовицу газеты «Правда». — Теперь начинается строительство к Печорскому угольному бассейну.

Гордей Ковалев очень уж старался, пытаясь доказать, что Алексеев не просто так попал на это совещание. Он ведь четыре года был в плену у немцев, кто знает, какую шпионскую школу он там окончил и какую тайную работу сегодня выполняет. Откуда ему было знать, что Георгий Алексеев находился на совещании как гость, как приглашенный, их регистрировали по особому списку. Допрос длился почти час, всё это запротоколировали. Георгий внимательно прочитал написанное, поставил на каждой странице свою подпись, на пустых местах понаставил закорючки. Так делал жандармский следователь, когда его доставили когда-то на полицейский участок. Ковалев смотрел на проделки Алексеева с нескрываемой злостью, но пресечь не мог, ведь не имел официального разрешения на допрос, об этом попросил его сам начальник Вурнарского НКВД Майоров.

Ничего не добился Ковалев и отпустил Алексеева домой.

Георгий вышел на улицу с тоскливой, припекающей горечью на сердце. Огорчило его не хамство Георгия Ковалева, а его стремление, напористость, желание обвинить учителя, тумакami выколачивать признания, незаслуженно обвинить и надолго сослать куда-нибудь подальше. Терзалась душа. Самое страшное — его сегодня могли не отпустить домой, а запереть в кутузку, а потом без суда и следствия отправить на долгие годы без права переписки, может и к стенке поставить. Даже подумать страшно...

Несколько раз Ковалев подкладывал под руку Георгия бумагу и ручку. Ждал чистосердечного признания, раскаяния. В чем он будет каяться? В том, что по просьбе директора школы оказался на кустовом совещании, вместе с другими учителями радовался, что педагогика и методика преподавания в чувашских школах семимильными шагами идет вперед. В том, что именно учителя воспитывают новое поколение советской молодежи.

«Наверное, я не люблю эту власть, как и царскую», — впервые сам себе признался Георгий. Сомнения всегда были. Для народа, для крестьянина ничего не сделал, а она против простого люда. Втянула всех в гражданскую войну, в начале двадцатых морила голодом. Потом всех загнала в колхоз, а несогласных раскулачила и бросила за пределы родной земли.

Сейчас эта власть ищет по всей стране врагов народа, предателей и шпионов. Он был уверен, что при такой жизни должны появиться недовольные с такой политикой, они будут создавать свои ячейки и бороться против системы. Ошибся, никто не поднялся, а всей мощью и всеми силами вместе с властью стали уничтожать сначала видных деятелей страны, потом военачальников, затем передовых рабочих и крестьян. Он не понимал, в чем же вина заместителя председателя колхоза Калисова, которого через восемь дней после ареста расстреляли как самого отъявленного врага народа. В чем провинились простые колхозники? Выкидыши жеребят, падеж скота и пчел, вылетевшее случайное слово стали предметами для репрессий. Теперь вот Георгий Алексеев оказался между молотом и наковальней. Ждать осталось — когда ударят. Сегодня не смогли сломить его дух, крепкую волю. Но стоит им один раз грохнуть...

Георгий впервые испугался, нынешний допрос привел его в душевное смятение. Он не находил никакого ответа на свои же вопросы. Ведь в жизни случалось всякое — за вольнодумные мысли ещё при царе выкинули с работы, кайзеровские германцы взяли в плен, односельчане предали огню хлебное поле, раскулачили, теперь пытаются политическую статью пришить. Никогда так не волновался, как после выхода от следователя. Что с ним случилось?

Домой вернулся с бледным лицом.

— Что случилось? — спросила Катерина.

— Ковалев в НКВД вызывал, хотел арестовать как врага народа, — ответил Георгий. — Говорит, что в Четаево собралась антисоветская группировка учителей.

— Доигрался! Увезут в Сибирь... Ты обо мне, о детях подумал?

— Поразмыслил...

— Пораскинул он умом. Вся мою жизнь загубил!

— Эх, ты глупая чувашская неграмотная женщина... — выдохнул Георгий и вышел из избы.

Через три дня в деревню Хумуш двое работников НКВД Вурнарского района приехали на тарантасе. В доме, где жил молодой директор школы Петров провели обыск, взяли какие-то бумаги, фотокарточки, и увезли его в сторону Нурос. Больше директора никто не видел.

После окончания посевных работ летняя Нуросская ярмарка с утра гудела, веселилась, играла. Чего только нет на этом празднике. Вот степенные старики собрались около пивных бочек и ведут деловой разговор. Женщины гуляют по бакалейным и галантерейным лавкам, ищут нужные в хозяйстве товары. Молодые мужики и парни собрались около ипподрома, борцовского ковра. Другие показывают силу и сноровку, кидая на дальность деревянную лопату в виде картофельной копалки. Девушки держатся немного в стороне, щелкают семечки, тайком смотрят на парней, на гармонистов в лаковых сапогах, делятся тайными мыслями с подругами, смеются, радуются.

Детвора, не зная ни устали, ни голода, крутится вокруг двух мчавшихся наперегонки каруселей, специально построенных для таких праздников нуросскими и кумбальскими мастерами. Неподдалеку расположилась выставка достижений колхозов и сельхозартелей. Поработали люди на славу, есть, на что посмотреть и чему удивиться: желтые снопы пшеницы и ржи, элитная картошка, капуста, сахарная и кормовая свекла, табак. За ними стоят танцующие кони, крупнорогатый скот и свиньи. Каждый хозяин сельскохозяйственного предприятия хвалит свой товар, хочет стать лидером, победителем на этой ярмарке. На центральной площадке школьники и комсомольцы показывают концерты, короткие спектакли. Зрители вместе с местными артистами поют, танцуют. Гудит и шумит ярмарка на радость трудовому люду. Июньское солнце играет в дымке, а чистое небо предсказывает хорошую, ясную погоду.

Федот Саваров с женой Танюк и с двумя младшими сыновьями с утра гуляет по ярмарке. Борик и Сорик сразу попросили у родителей немного денег. Федот высыпал им мелочь, удовлетворенные мальчишки исчезли в толпе. Взрослые приехали посмотреть ярмарку, показать себя, повидаться с родными и знакомыми. На праздник надели самую дорогую одежду и сапоги.

— Пойду к мужикам, немного пивка выпью, — засуетился Федот.

— Только не набирайся, — согласилась Танюк.

Федот знает, что именно здесь с друзьями и знакомыми из других деревень он поднимет несколько кружек пива,

домой доедет только к вечеру. Танюк заранее себя успокаивала: «Не каждый день праздник, мужики с ярмарки всегда поздно возвращаются». Она пошла по рядам лавок и магазинов, хотелось купить для дочерей Ульки и Василисы цветные платки, булочки, конфеты. Долго ходила, кругом много знакомых, с каждым приходится перекинуться словами. Не заметила, как солнце склонилось на вечер, пора домой. Федот оказался у пивных бочек, изрядно выпивший, с мужиками громко разговаривал, шутил, что-то рассказывал, все хохотали.

Танюк с Федотом собрались домой, их ждут дочери. Улька с мужем обещала навестить, а Василиса осталась дома со слезами на глазах одна. Федот хотел её взять, но Танюк стояла на своем:

— Успеет нагуляться на праздниках, за домом, за животными надо смотреть — накормить, напоить.

Саваровы вернулись домой поздно, около шести часов вечера, усталые, но довольные, с подарками для дочерей и картузом для Савара Леонтьева. Дед, примеряя обновку, радовался как ребенок, вместе с ним около зеркала крутились Борик и Сорик, не желая снимать новые брюки и ботинки, сшитые по фасону взрослых парней.

Пока семья занималась домашними делами, Федот куда-то исчез. Танюк посмотрела в сундук и ахнула. Федот прихватил всю наличность, пошел гулять, если не остановить — проплет. Деньги собирала долго, хотела купить для Василисы одежду, ведь она выросла, стала девушкой. Она побежала искать мужа, соседи подсказали, что мужики сидят у Степана Апанасова.

Танюк разозлилась на мужа. В то же время пыталась оправдать его, тяжелые были прошедшие годы. Недавно к ним приходили двое из НКВД, спрашивали о Платоне, искали какие-то бумаги. Все письма с собой забрали, даже прихватили некоторые фотокарточки. На вопросы отвечали коротко, перевернули весь дом, двор, потом тихо покинули деревню. В тот же день они узнали, что Платона арестовали за что-то. Федот съездил в Чебоксары, привёз с собой младшую дочь Платона — Ирину. Скоро арестовали и жену Платона Лизу, но отпустили, она увезла дочь обратно в Чебоксары. Федот стал раздражительным, часто появлялся в нетрезвом виде. Танюк пыталась поговорить с мужем, он отмахивался, в очередной раз поднял руку на неё, но утром, успокоившись, попросил прощения.

Калитка Апанасовых была закрыта. Она позвала, но в избе молчали. Тогда она приняла отчаянное решение: попасть во двор через забор. Забралась, однако, гнилые столбы не выдержали, под весом женщины рухнули, разорвали платье. На шум и треск выскочил хозяин дома.

— Дрянь! Ломаешь заборы? Хочешь посидеть в тюрьме, как Платон? — заорал он.

— Что ты говоришь, Степан? — удивился Федот.

— Не можешь бабу утихомирить! — рычал Апанасов.

Федот озверел, подошел к жене и сильно ударил по лицу, упавшую жену стал топтать ногами. На шум прибежали проходившие мимо женщины, оттолкнули Федота, стали его стыдить. Танюк встала и плача поплелась в сторону дома. Сзади шел разъяренный пьяный муж.

— Это нападение на ответственного работника советского учреждения, завтра же отнесу заявление в НКВД, пусть судят как вредителя! — кричал им вслед Апанасов.

Дома сидели гости. Из Кадыша приехала Улька с мужем Иваном и дочерью Ниной. Она сидела у деревянного станка, ткала грубое сукно из льняного волокна. Дед Савар вел с молодым зяtkом деловой разговор.

— Нашла себе дело, не праздничная эта работа, — буркнула Танюк, увидев дочь у кросна, потом спросила у Василисы. — Корову доили?

— Нет. Сейчас пойду...

— Не надо, я сама! — резко ответила она, взяла ведро и вышла.

Савар смекнул в чем дело, подошел к сыну и дал подзатыльник, как нашкодившему мальчику. Пьяный Федот сел и заплакал как ребенок, всхлипывая. Сидели, обсуждали, что-то мать долго не заходит. Вдруг в голове Федота мелькнула догадка — выскочил во двор. За ним поспешили Савар, Улька и Василиса. Заскочили в хлев, а там, на верёвке висело тело матери. Страшный крик дочерей разнесся по вечерней деревне, но Танюк уже никто не мог помочь, она была мертва. Испугалась Апанасова? тюрьмы? пересудов односельчан? не выдержала унижительных побоев мужа? решила развязать этот узел одним действием? Раз и навсегда добровольно решила уйти от этих бесконечных жизненных неурядиц и проблем! Только о своих детях не подумала...

На похороны собралась вся деревня, изба битком была набита народом. Женщины несли хлеб, муку, мед, крупу, овощи — всё это передавали для поминок. Одни осуждали Танюк, другие — Федота. Здесь же крутилась знахарка Синави, она твердила одно:

— Прости, Боже, и упаси! Прими, Высший Бог, Отец наш, в Царство Твое небесное, грешную душу твоей рабыни Танюк...

Рядом с гробом матери сидели Улька и Василиса. Они рыдали навзрыд, но не в полный голос, как режут деревенские бабы, а тихо — время от времени мыча сквозь зубы, будто в горле застряли твердые комочки, и чтобы, вдохнуть воздух, они глотали их. За эти дни у них внутри все перегорело от огромного горя.

А на улице, будто ничего не случилось, играли дети и громко спорили о чем-то своём. Только Синави продолжала свою молитву:

— Ушла Танюк, на семью, на дом оставила проклятие.

— У людей горе, а ты мутишь их своими предсказаниями! — пытались остановить её женщины.

— Не я говорю, проклятие висит на крыльце этого дома, — громко твердила она, но увидев Степана Апанасова, подошла к нему. — По линии мужчин одного поколения твой род перестанет существовать, только дочь родит трех девочек, но они будут носить не твою фамилию, они забудут имя своего деда.

— Пошла прочь! — отмахнулся от неё Степан и поторопился покинуть дом Саваровых.

Синави не ушла, она вошла в избу, подошла к гробу, поправила платок Танюк. Туда положила иголочку с ниточкой, красную ленточку. Держала покойницу за руки, строго наказывая быстрее в мире мертвых выйти замуж, обрести покой. Никто не пытался остановить Синави. Она продолжала:

— Живи ты в загробном мире, в согласии со старыми и молодыми, ушедшими в мир иной. Благослови и избавь ты своих детей и домашних животных от болезней, от порчи и чумы. Благослови ты их прожить свою жизнь в мире и согласии, пусть у них не ослабнут силы, пусть урожай будет богатым для всех неимущих. Благослови нас и помилуй. Мы всегда будем помнить тебя, ты нас не вспоминай. Прости своего бывшего мужа, не губи невинных людей. Живи в загробном мире в покое...

Федот молча сидел у гроба. Синави наклонилась к нему и прошептала:

— Ты скоро женишься, родится сын, но в будущем он и вся его семья не доживет до старости. Семь человек уйдут из этого дома на тот свет, только тогда снимется проклятие. Об этом не забывай. Всё произойдет в двух поколениях твоего рода. Сам покинешь этот мир, только не своей смертью.

— Тыфу на тебе!.. — тихо огрызнулся Федот.

Синави ушла, но оставила дверь открытой...

Савар полностью отстранился от Федота, на него смотрел косо, не разговаривал, сразу после похорон перешел жить к младшему сыну Лазарю.

Федот тоже не понимает отца. И чего ему не хватает, двадцать пять внуков на земле бегают: шестеро его, трое брата Платона, четверо — Лазаря, а ещё двенадцать — сестер Улдутьи, Сухви, Тарук, Лизук в деревнях Хумуш, Куганар, Синьял. Успокойся, ездь в гости, присматривай за внуками. А нет, ярый революционер, заступник советской власти, ему не до внуков, у него в душе горит пожар мировой революции за счастье людей всего света. Все ходит по собраниям, митингам. Было время, когда последний мешок муки отдал на нужды сельского общества, на питание голодающих детей. У самого пятеро внуков по лавкам сидели, не каждый день кусок хлеба держали в руках.

В годы НЭП Федот через друзей устроился работать в сельском потребительском обществе, накопил денег, построил дом, купил коня, правда, через месяц его угнали. А отец продолжал воевать с противниками советской власти. Федот всегда слушает его, не хочет идти супротив. Когда отец без его ведома записал чудными именами своих внуков Бориком и Сориком, он негодовал, но перечить не стал. Борик значит Борьба за освобождения рабочих и крестьян, Сорик — Союз освобождения рабочих и крестьян. Революционная семья!

* * *

— Ш-и-и-к! Ш-и-и-к! — услышав свист отца, тринадцатилетний Борик и десятилетний Сорик, сразу забыли про друзей, про игру, бросились бегом в сторону дома. После похорон матери отец совсем озверел. Сегодня парни не успели прополоть

огород, поэтому очередные удары плетки хлѣстко ложились на их плечи. В этот раз они не проронили ни слезинки, только крепче стиснули зубы от боли. Это ещё больше разозлило отца.

Василиса выскочила на крик пьяного отца, отобрала кнут. На взрослую дочь он не посмел поднять руку.

Прошел месяц. За ужином отец позвал к себе Василису и сходу выложил новость:

— Выйдешь замуж за Родиона Максимова из деревни Кадыш!

Василиса стояла у двери. Она была в белом льняной платье, в желтом переднике, в галошах. На голове тонкий цветной платочек. Небольшого роста, в чувашском наряде она была стройна и красива.

— Никуда я не пойду! — резко ответила она отцу.

— Ой-й? Я покажу тебе не пойду! — усмехнулся Федот. — В таком тоне будешь говорить со своими сверстниками! Я твой отец, мое слово для тебя закон!

Грудь Василисы заходила, в глазах полыхал огонь, губы начали трястись, на широком лбу появились капли пота. Лицо покраснело, кажется, ещё немного и лопнет.

— Он ведь старше меня на тридцать лет, — заплакала Василиса, вспоминая недавнего гостя, так внимательно изучавшего её.

— Какая тебе разница. Бабье дело — детей рожать и за хозяйством смотреть.

— Нет, атте! — возразила Василиса. — Сейчас другие времена, молодые женятся и выходят замуж по любви. Я тоже хочу по-человечески жить.

— Замолчи! — зарычал Федот.

От злости его нос раздулся, губы подрагивали, руки тряслись. Таким отца Василиса ещё никогда не видела. Но не испугалась, прямо смотрела на него.

— Руки-ноги переломаю! — сверкал глазами он на дочь.

— Хоть режь, хоть убей! Мать в петлю загнал и за меня взялся?

— Ты тоже меня осуждаешь... — сник Федот и тихо вышел из-за стола.

Василиса испугалась. Непонятная тревога теперь часто накатывала на неё. Раньше в доме было много народу, а сейчас

пусто, не с кем поговорить. Мать умерла, Эрхип служит в армии, Улька замужем, дед Савар, не ужившись с сыном Федотом, перешел жить к Лазарю, братья — Борик и Сорик стараются под любым предлогом убежать на улицу. Она легла на кровать и незаметно уснула. Она боялась отца, оказалось, не напрасно.

Летняя ночь коротка, скоро начал заниматься рассвет. В дом вошли три мужика, закрыли Василису одеялом, надели на голову мешок, закрутили и на телеге увезли в Кадыш. Через час её бросили на пол, как собачонку на съедение зверям. Когда её развязала незнакомая женщина, она увидела отца, Степана Апанасова и будущего мужа Родиона Максимова, сидящих за столом.

— Стоит ли торопиться с регистрацией, немного привыкнет, тогда и оформите документы, — суетился Степан.

— Бумажки тут причем? — отрезал Федот. — Давай, зять, собирай на стол.

Василиса сидела на полу, из закрытых глаз текли слезы. Мысли лезли самые отчаянные. Была бы возможность, не задумывая ушла б за матерью. Понемногу испуг прошел, она приподнялась и спросила:

— За сколько, атте, ты продал родную дочь?

— Закройте её в чулан, пусть там орет! — возмутился Федот.

Степан и Родион повели Василису в чулан и закрыли дверь на замок. Уже взошло солнце, в чулане стало светлее. Осмотрелась вокруг: около окна стоят кадушки, на стене зимняя одежда, на полу валяются старые вещи. В углу она увидела лаз и с девичьей проворностью вылезла во двор.

Прислушалась: в доме тихо. Огородами рванула в сторону дома сестры. Тихо постучала в окно, показалось лицо Ульки, а за ним голова её мужа Ивана. Заскочив в дом, Василиса забыла поставить засов и закрыть дверь. Не успела обо всём рассказать сестре, как ворота на улице со скрипом открылись настежь и во двор заскочил разъяренный отец. Василиса прыгнула в подпол, головой ударилась о поперечный брус, из глаз полетели искры, но она не пискнула. Федот искал её везде — загрохотал в амбаре, хлеву, сарае, чулане, за печкой. Схватился за ручку небольшой дверцы подполья, но его остановил Орешкин.

— Что ты, теть, с утра в моем доме начал наводить порядок?

— Отца, отца выставила на посмешище! — рычал полупьяный Федот, но дверцу открыть не посмел.

— Ты бы ещё семидесятилетнего старика нашел для семнадцатилетней девушки! — возразила Улька.

— Цыц! — рявкнул Федот. — Ещё одна дочь задумала учить отца. Лучше за мужем смотри...

— Что-о-о? — взревел Иван, готовясь выбросить тестя на улицу.

Федот замолчал, поняв ошибку, быстро выскочил из избы и поплелся в сторону дома Максимова.

Иван выпустил Василису и стал расспрашивать, а Улька, увидев подозрительно сверкнувшие глаза сестры, отвернулась к окну.

— Значит, ты тоже знала? — заревела Василиса. — Вместе с отцом меня продала как овечку!

— Знала... Пыталась образумить его, не вышло...

Василиса присела на скамейку у окна, платком вытирая катившиеся без остановки слезы. Она приняла решение, что никогда не будет женой этого пятидесятилетнего мужика. Найдёт квартиру, устроится в Нуросе на работу, но домой не вернется.

* * *

После смерти жены Федот Саваров недолго вдовел. Через полгода в доме появилась другая хозяйка — Кристина из деревни Кадыш. Она из большого рода Максимовых. Женщина как женщина: талия есть, грудь на месте. Только вот походка мужицкая, идет переваливается, будто дядька несёт свои как кувалды руки. В деревне так сразу к ней и прикрепилось прозвище — Кувалдиха.

Федот подъехал к дому около двух часов ночи. От стука копыт и скрипа телеги в избе проснулись, зажгли керосиновую лампу. Значит, встретят: рассупонят коня, напоят и положат корм. В этом Кристина знает толк, пять лет в колхозе конюхом работала.

После смерти жены он оставил должность председателя сельсовета и устроился уполномоченным вербовщиком лесозаготовительных предприятий по Нуросскому участку. Работа не

пыльная, но требует терпения, сноровки и здоровья. Приходится заключать договоры с колхозами на заготовку леса, организовывать на месте работу, разъяснять, какие деревья валить, а какие оставить потомкам. Еженедельно проверять, обмерять продукцию, о выполнении плана докладывать в райисполком. По трое суток дома не бывает, всё по деревням да по делянкам. Главное, подальше от родных и знакомых.

Вчера целый день мотался по лесам Чаркли, а сегодня успел сцепиться с председателем муратовского колхоза, тот пытался сначала обеспечить дровами себя. Знает он таких! Лес вывезут, а потом ищи-свищи работничков по делянкам.

В колючей щетине, искусанный комарами, он скинул верхнюю одежду на скамейку и устроился за столом. Кристина вытащила из печки теплый суп, налила в чашку вровень с краями и поставила перед мужем.

— Знаешь, кого я видел на делянке... Захара Узякова. Трудится с хабызскими мужиками.

— Это кто? — поинтересовалась Кристина. — Из раскулаченных?

— Подумывает возвращаться в деревню Услаба, в колхоз.

— Куда возвращается?.. — удивилась Кристина. — Туда... в колхоз!.. Люди с голоду пухнут. Не уродился у них хлеб, всё сдали государству, а сами осенью суп из листьев капусты едят.

— А что? — заметил Федот. — У нас лучше? Земли одинаково песчаные, люди из одного теста и солнце одно.

Вздыхнул. Не в колхозниках, а в руководстве дело. Третий год подряд по решению районных властей до последнего зёрнышка чистят амбары.

— Мыши с горя повесились... — пробормотал он.

От шума в избе проснулись сыновья. Борик и Сорик уже стали самостоятельные. Увидев отца, обрадовались. Завтра на огород выйдут всей семьёй, а то деревянными лопатами третий день выворачивают землю с картошкой. Руки в мозолях, работы не видно конца. Мальчики пошептались друг с другом и опять закрыли глаза. За ними улеглись и взрослые.

В шесть утра Федот Саваров уехал в район. Как только исчезла легкая повозка, мальчики проснулись. Пришлось им

на скорую руку позавтракать, самим копать картошку. Управившись с домашними делами, к ним присоединилась Кристина, работа пошла веселее. Мачеха была недовольна карканьем ручного черного грачонка. Птица бегала вокруг ребят, всё каркала, просила пищи. Борик нашел её в начале лета — упала из гнезда. Мальчики побоялись влезть на вершину ветлы, стали сами выхаживать птенца. Грачонок привык к людям, ходил за мальчиками по пятам, будто нашел родителей. Ребята называли птицу Чернушкой, по очереди ходили за червями. Птица оказалась прожорливая: не отказывалась от кусочков хлеба, крупы, вареной картошки. Вот и сейчас крутится вокруг ребят, просит накормить, напоить.

— Грачи обычно сторонятся людей, — рассказывала им мачеха. — Говорят, что после смерти души людей переселяются в птиц. Она именно к вам упала, наверное, мать ваша дала о себе знать.

Мальчики, поверив словам мачехи, следили за каждым шагом птенца. В укромном уголке разговаривали с ней, а она в ответ только каркала и каркала.

— Если ты понимаешь нас, если твоя душа там, то скажи, почему умерла? — со слезами на глазах спрашивал птицу Сорик. — Атте привел другую женщину, она нас не обижает, но с нами мало разговаривает. Атте хотел Василису выдать замуж за старика, она ушла из дома. Работает в Нуросской больнице. Оттуда приносит кусочки белого хлеба. Ах, какая вкуснятина!

К осени птица выросла, сама научилась летать и однажды исчезла. Мальчики долго искали Чернушку, но не нашли.

— Не горюйте, — успокаивала их мачеха. — Не ищите, душа вашей матери улетела в рай.

Мальчишки в очередной раз согласились с ней, перестали искать.

В тот день почтальон принёс в их дом помятый конверт, это было короткое письмо от Платона. Ребята осторожно положили его на подоконник, стали ждать возвращения отца. Они побоялись притронуться к письму — какой-то странный холод исходил от него.

В начале осени 1938 года, когда лес принарядился в немыслимое разноцветье, в жизни Федота Саварова произошли изменения. Скворцов сдал полномочия председателя колхоза по собственному желанию. Об этом объявили простым колхозникам. В действительности же, согласия Скворцова никто не спрашивал, пригласили в райисполком, полдня продержали в коридоре, потом вежливо разрешили зайти в кабинет председателя, да так разделали, что руководитель колхоза стал заикаться. Заодно заставили написать заявление об уходе с работы.

Причин для этого было достаточно: колхоз не выполнил планы сдачи хлеба, молока, мяса, не рассчитался с налогами, подпись на государственные займы идёт неудовлетворительно. Многие семьи колхозников являются должниками сельскохозяйственных налогов. А как им не быть? Ведь всё зависит от урожая: на полях не густо — и у колхозников на столах пусто. По трудодням ничего не выдали, нет кормов для животных, значит, надой низкие, нет молока. Не выполнили планы сдачи продукции — нет средств на развитие колхозного производства — конюшня не достроена, лошадей негде держать. Скворцов сначала растерялся, потом уверенно пошел в наступление, стал оправдываться. Ему дали понять, что он собственноручно подписывает приговор, примеривает на себя статью 58 по нескольким пунктам. Вовремя одумался, до разбирательства не дошло. Домой доехал только на следующий день — пьяного привезли знакомые.

В этот день Федот Саваров прибыл в райисполком с докладом о лесных делах. Его пригласили в райком партии и сходу объявили: «С этого момента ты председатель колхоза «К свету».

На следующий день прошло собрание колхозников. Мужики немного пошумели, пытаясь уточнить причину ухода Скворцова, но быстро успокоились, когда им доложили о долгах колхоза и самих колхозников. Чего тут шуметь! В деревне три года ждут улучшения жизни, но тщетно. На собрании весь хлам, грязь всплыли наверх. Начали кричать, размахивать руками: «Конечно, Скворцов, один Скворцов виноват!». Поэтому за освобождение его с должности проголосовали единогласно всем миром, так же единодушно избрали новым руководителем колхоза Федота Саварова. Заодно переименовали название хозяйства именем Папанина.

Председатель начал работу с конюшни. От увиденного развала он оторопел. Там гулял сквозняк, мохнатые тощие лошади, прижавшись друг к другу, понуро смотрели на него. В углу лежала синеватая, прелая, прошлогодняя солома, животные к ней не притрагивались.

— А сено где? — заорал председатель на попавшегося на глаза конюха. — Заготовили ведь достаточно!

Не получив вразумительного ответа, пошёл на колхозный двор. Давно не навещался сюда. Кузница на месте. Вокруг неё творится черт знает что! Плуги, железные бороны, веялки, сеялки валяются под открытым небом. После полевых работ никто их не чистил, не ремонтировал, не привёл в порядок. Две сеялки, жатка-самосброска, сноповязалка, купленные за большие деньги, ржавели на открытом воздухе. Везде грязь и мусор.

— Где конная молотилка? — остановился Саваров. — Когда покупали, колхозники внесли в кассу последние деньги.

На ферме тоже полный хаос, везде навоз. В помещении, где переодевались доярки — холодно, грязно. Половые доски под ногами скрипят, ходят ходуном. Испачканные навозной жижей коровы тупо смотрят на нового человека. В душе у Федота стало мрачно.

— Ну, погодите! — бешено стучало у него в висках от злости. — Придется повоевать, вправить кое-кому мозги! Ветра им, чтобы шелохнулись! Черт поberi!

— Чего чертыхаешься, председатель? — подошел к нему сторож фермы Семка Иливанов. — Тебя в правлении бригадиры с утра ждут.

— Подождут!

— Не порядок, председатель, — произнес Семка. — Негоже первый рабочий день начинать с суматохи.

— Покажу вам суматоху! — резко повернул голову Федот в сторону сторожа. — В конюшню отправлю жить!

— Выкрутятся, не впервой, — уверенно усмехнулся Семка. — Одной рукой трудно узел развязать...

На правление Федот зашел без излишнего шума. Вошел и сел на табуретку, за стол председателя. В комнате волнами расстилался серый дым самосадной махорки, не давал дышать. Посмотрел на бригадиров, руководителей фермы, конюшни, хотел что-то сказать, но его опередил бригадир первой бригады Иван Кузьмин:

— Значит, вместе будем хозяйничать, товарищ председатель.

— Ты, между прочим — ни здесь, ни дома не являешься хозяином! — кипя злостью, ответил Саваров. — Колхозные лошади у тебя на ветру стоят, домашние куры на снегу ночуют. Хлеба получили намного меньше, чем вторая бригада.

— Хлеба? Хлеба, говоришь? — от неожиданности разозлился Кузьмин. — Хлеба я вижу только на корню. Не успеваем намолотить, увозят на станцию. А дома вместо хлеба лепешки из жмыха делаем! Хочешь попробовать?

— Ты меня на слове не лови! — сквозь зубы отрезал Саваров. — Вот что! Куда дели молотилку? Всем миром ищите! Притащите машину на ток! Потом зубы скальте!

— Не я отдавал услабинцам, — начал оправдываться бригадир. — Скворцов распорядился.

— Распорядился! У самих скирды под снегом стоят! Хотите, чтобы вами заинтересовались районные власти?

— Как Калисова!.. К стенке?

Все замолкли. Кто-то должен был им растолковать создавшееся положение. Федот выложил перед членами правления колхоза проблемы и приказал каждому принять меры по исполнению допущенных промахов и, наконец, предупредил:

— С этого момента в правлении колхоза никто не будет курить!

Такого развода давно здесь не было. Поэтому все, набрав в рот воды, встали и ушли.

Федот начал знакомиться с небольшой папкой. На обложке карандашом жирно помечено: «К исполнению». Открыл, а там лежала только одна бумага. Стал читать: «СНК ЧАССР своим постановлением от 29 июня утвердил план заготовки крапивы на сезон в количестве триста тонн. Проведение заготовок возложено на Чувашкульпромсоюз. Организована контора по заготовке крапивы на правах самостоятельного хозрасчетного предприятия. В результате проведения опытов контора пришла к выводу, что массовый сбор крапивы начинать с 25 августа. Её надо мять на коноплемялках, льномялки на это не пригодны. Отмочка крапивы не рекомендуется, легко гниет. Нет ещё технологии обработки крапивы на волокно».

— Дожили!.. — от злости бросил распоряжение в папку.

Тут вспомнил, что недавно он прочитал в какой-то газете, что на Руси крапива была материалом номер один, потом её вытеснил лён. Когда-то армия Наполеона была частично экипирована в форму из крапивной ткани, и во время Первой мировой войны германцы из-за экономической блокады шили себе амуниции из крапивы.

«А шут его знает, — призадумался Федот. — Лён — однолетнее растение, его каждый год надо сеять, крапиву — один раз посадил, дальше сама растёт, может расти даже на самых неблагоприятных местах. Крапивная кудель хоть на верёвку, да годна».

— Ну, ещё с крапивой я буду возиться!

Не успел председатель закончить фразу, в комнату ввалился налоговый агент Вурнарского района Мирон Ефимов.

— Вот кого не ждал сегодня, так — это тебя... — сразу выложил Федот агенту.

— Не в гости зашел! — свирепым взглядом полоснул Ефимов. — Считаю необходимым доложить, что половина колхозников не рассчитались с сельскохозяйственными налогами. Я не только налоги собираю, веду и подписку на заем.

— Собираешь, собираешь! Уже все кишки из крестьян выпотрошил.

— Погасите задолженности по налогам и живите, кто вам мешает?

— Причем тут председатель колхоза? — удивленно спросил Саваров.

— Притом! Пока на твою ногу не наступила корова, хочу предупредить. Работать надо! За последние два года колхозники не видели на своих столах черного хлеба. Половина деревни не держит корову, овцы стоят через хозяйство, свиньи хрюкают только в двух сараях.

— Хочешь сказать: прекратить работающих колхозников кормить горячим обедом? Всю жизнь мужик выращивает хлеб, но не наедается досыта.

— Может, стоит подумать... За что кормить? Прошел мимо колхозного тока — охранников нет. Иди, бери...

— Понимаешь, что говоришь? — не сдавался Саваров. — Увидев тебя, идущего по улицам, люди детей и живность прячут подальше от глаз, ставни закрывают! Насчет налогов надо было обращаться к Скворцову.

— Ты на длинноязыких не обращай внимания. Были деловые предложения... — признался Ефимов, потом вдруг заговорил о колхозе. — Весной падеж скота на ферме превосходит все мыслимые и немыслимые цифры! Лошади не могут тянуть груженую телегу, а на полях одни плешины!

— Что, налоговые органы стали интересоваться вывозом торфа, навоза, содержанием скота и процентом всхожести семян? Может, отчет потребуете?

— Не об этом я тебе толкую битый час.

— Не понимаю тебя, — недоумевал председатель.

— Слушай внимательно, у меня к тебе есть дельное предложение, — начал налоговый агент. — Около Цивилия есть небольшой паровой клин. Засейте, в отчетах не показывайте. Я глаза закрою, как-никак в одной деревне живём. Урожай по трудодням раздашь колхозникам. Я план выполню, и вы в накладе не останетесь.

— Стоит подумать, посоветоваться в правлении.

— Молотить хорошо вдесятером, а блины лопать вдвоем, не в дальнюю дорогу собрался, нечего советоваться с людьми.

— Не совсем разобрался, но заманчиво...

— Чего вытарачил глаза? Подумай, посоветуйся только с отцом! Пошевели мозгами, откуда у нуросцев лишний хлеб в колхозе?..

— Не знаю!

— Да, оттуда же! Там руководители с головой дружат, дела ведут по-хозяйски!

— Мы, значит, баклуши бьём?

— Да! — привстал Ефимов. — По-другому тебе колхоз не выгачить. Попадешь в руки НКВД, как Скворцов.

— Увезли?..

— Вчера ночью.

Теперь уже Федот не сомневался в правоте слов Мирона Ефимова. Не должен он подставить односельчан. Вместе росли, гражданскую прошли. Как быть? В последнее время он очень изменился, может, жалостливым стал. В районе считается лучшим налоговым агентом. Дело говорит, без обмана колхоз не поднять. Об этом он ещё подумает.

Мирон Ефимов в душе торжествовал. Понял, что Федот прислушается к его словам. Куда ему деться. Он уже не один год трудится налоговым агентом района, понял систему хозяйствования местных властей. Сверху в районы спускают один план,

на местах эти цифры накручивают, увеличивают и доводят до колхозов. Там ругаются, кричат, но с грехом пополам выполняют задание. Тем самым устраивают местным начальникам спокойную жизнь. В итоге страдают колхозы и колхозники. Самые изворотливые председатели научились обходить эти препятствия, тайно засевают неучтенные площади. Что делать, такова она жизнь!..

— Ну, бывай, дорогой председатель! — подмигнул Ефимов глазом. — Разговор между нами...

— Проверяешь на вшивость?

— На деловитость, сообразительность, — признался Ефимов, закрыв за собой дверь правления колхоза.

— Понял... — слабо произнес Федот и задумался.

Вдруг он посмотрел на свои руки так, будто увидел впервые. На большом пальце правой руки длинный шрам — следы молодости. Похвастался, что быстро может колоть дрова левой рукой. Взял топор и в спешке не рассчитал, лезвие опустилось на палец, повредив мягкую ткань. На обеих руках следы ожогов — плоды кузнечного труда. Работать рукавицами не всегда удобно, забывая, приходилось хватать за раскаленный металл голыми руками. Тяжелые, мужские, грубые руки. Что поделаешь? Вся крестьянская жизнь строится этими руками.

— Ефимов прав, — вслух стал рассуждать Федот. — Ну и гусь! Ну и лапоть! Обязывает на токе организовать круглосуточное дежурство, а у самого дома двери стоят настежь открытые. Иди, бери... Охранник нашелся! Приплелся, честность, бдительность мою проверяет!.. В глаза-то хорошо кудахчет, а за глаза как? Нет!.. Не должен он бросить односельчан на произвол судьбы! Мирон прав, прав, тысячу раз прав!... Правда, не все колхозники соблюдают интересы хозяйства — крадут, обманывают, работают спустя рукава.

Через три недели на паровом клине зазеленела озимая рожь.

* * *

Вот как дела пошли. Разного рода начальники района один за другим в колхоз присылали бумажки и учили крестьян — когда пахать, сеять, убирать.

Федот задумался. У чувашей раньше никогда хлеб в гумнах не горел. Когда-то Платон из Казани притащил интересную

книгу о чувашах. Автором был ученый человек, понимающий жизнь крестьян. Вот что писал он: «...Далеко не так деятельны русские и татары в уборке хлеба. У них обыкновенно по три, по четыре года и даже более хлеб лежит в гумнах не обмолоченный, в копнах, отчего, разумеется, и сырость много портит его, и мышь немало истребляет. Ещё въезжая в село или в деревню, вы и в Казанской, Симбирской и Оренбургских губерниях заранее можете определить, кто в этой деревне живет, стоит только взглянуть на гумно. Если в исходе ноября или декабря не заметите на гумнах ни одной хлебной копны, а только увидите воткнутый на верхушке каждого овинного шиша не обмолоченный сноп, то смело заключайте отсюда, что здесь селение чувашское, а не татарское и не русское».

Действительно так. Тогда, после жатвы нуросские русские не торопились обмолачивать хлеб. Чувашские крестьяне, в том числе и семья Савара, не зная отдыха и сна, трудились на гумне. Работы хватало для всех, ребенок научился шагать по твердой земле — держи мешки, постарше стал — укладывай снопы для битья, переворачивай, убирай отбитую солому, отгребни отруби. Так месяца два. Пока уборка не завершится, никто не позволял себя отдохнуть, отдышаться.

Сейчас времена другие пошли. Все сельхозработы проводятся не по законам природы, а согласно бумагам районного начальства. Отработали положенные часы, положили инструменты на плечо и по домам. До утра хоть трава не расти. Если бригадиры или сам председатель колхоза прозевают — жди беды — натворят такое, долго придется расхлебываться.

Колхоз оставался отстающим. Хотя по указке сверху своевременно стали выполняют государственные планы по сдаче хлеба, молочных продуктов, мяса. Однако половина деревни недоедает. Люди выживают только за счет придомового участка. Работающим колхозникам во время обеда стали подкладывать миску супа с мясом и каши. Старикам и детям ничего не доставался. Третий год колхоз по трудодням хлеб не распределяет. Несмотря на полное отсутствие оплаты в деревне Хумуш звенит смех, веселье, гуляют свадьбы, рожают детей. Только вот при виде председателя их лица становятся каменными, будто во всех грехах виноват он.

Федот Саваров не выдержал, собрал вокруг себя свой проверенный актив, пригласил туда стариков — Симука Петриванова,

Емельяна Ксенофонтова, Фадея Куракова и ещё пятерых, начал откровенный разговор. Отца, Савара Леонтьева, не пригласил, давно знает его мнение. Люди молчали, никто первым не захотел выложить перед председателем всю горькую правду.

— Ах, вы святоши! — обиженно продолжал Федот Саваров. — Может в обиде вы на меня, скажите без утайки, зла не буду держать.

— Во-о, значит, без утайки! — резко выразился Симук Петриванов. — Ты кто, продразверстник или страхового, налоговый агент?

— Об этом я не говорю.

— Тогда молчи и слушай... Мой отец четыре года воевал с турками, участвовал в зимнем переходе через Балканский хребет, освобождал людей из басурманского рабства, с тремя крестами вернулся с турецкой войны. Там у него был один командир. Вернулся, через день ему отрезали положенный участок земли: «На, бери, паши, сей, убирай хлеб». Я знал одного хозяина — старосту Второго Нуроса. Сейчас вас вон сколько развелось — пруд пруди: ты, твой товарищ, ещё два бригадира, кладовщик, хозяин фермы, председатель, секретарь сельсовета, налоговый агент. Во, сколько командиров в одной деревне. Кого слушать, кому подчиниться?.. Один учит сеять, другой призывает бороться с вредителями колхоза, третий заставляет трудиться за социализм, но без оплаты.

— Именно так! — сердито произнес Федот. — Колхоз-то наш чахлый, надо вытаскивать, и в этом не моя вина?

— Правда! Колхоз наш нищий, работники там батраки. Ты сам тоже: с одной стороны сын Савара, с другой стороны — брат врага народа Платона. Разумеешь!? Стал председателем, в прошлом году колхозникам на каждый трудодень выделил по одному килограмму хлеба. Сейчас уже молчишь, с народом не советуешься...

— Кто в этом виноват? Не успели второй раз посеять тайный участок, кто-то «нарисовал» бумагу в район. Приехали землемеры, прошлись шагалками* и все земли включили в основной севооборот, за обман обложили дополнительными налогами, а нас с Мироном Ефимовым наказали на полную катушку. Сумели отбрехаться, спаслись от каторги.

*Шагалка — приспособление для замера земельного участка.

— А дальше что? — съязвил Симук Петриванов.

— Дальше — хуже. Райисполком опять увеличил план хлебаготовок. В амбарах остаются одни дохлые мыши.

Федот даже здесь, перед проверенными товарищами не стал раскрывать, как ухитрился утаить от районных властей пару сотен пудиков хлеба.

— Районных властей необходимо слушать, но и со стариками надо найти время поговорить, может и нашли бы выход из создавшегося положения, — с хитринкой посоветовал Емельян Ксенофонтов.

— Слушаю и советуюсь, потом по ночам не могу уснуть. Сколько человек из деревни Хумуш увезли в Шубашкар. Лежу и думаю, даже от небольшого ветра, от стука ветки яблони в окно вскакиваю, не пришли ли за мной.

— Ты уличные сплетни домой не носи и домашние разговоры на улицу не выноси.

— Сплетни за спиной ведутся, вот и приходится подумать, прежде чем начать какое-то дело...

Все замолчали. Что сказать, чем утешить председателя колхоза? Все в деревне знают, крепкое хозяйство без труда не поднимешь, источником благосостояния были и есть мозоли. Беднота с кулачеством особо не совестясь боролась. Выгаскивали всё, что попадется под руку — юбки женские, валенки детские, кафтаны мужские.

Долго сидели люди в правлении колхоза, незаметно стали расходиться. Только не все торопились домой, ждали чего-то. Наконец остались вчетвером, Федот и трое старых колхозников. Петриванов опять стал верховодить.

— Давеча мы говорили о хлебе, — подключился к разговору Фадей Кураков. — На току собралось много мешков ржаной шелухи, то есть отруби. Раздай их по трудодням, но только тем, кто выполнил трудоминимум, и многодетным семьям. Остальные обойдутся, слюнями побрызгают и успокоятся.

— Зачем им шелуха? — не понял Федот.

— Не торопись, помозгуй. Помнишь, во времена продразверстки, каким образом народ сохранил часть семян. На каждое ведро шелухи, полведра зерна, мешки свободно лежали в гумнах. Рабочие отряды покрутились, повертелись, ничего не нашли. Подумай, крути головой, раздай остатки хлеба народу. Умные

поймут — спасибо скажут, а дураки обрадуются, что председатель по ошибке привез им хлеба. Никто не станет марать бумаги, все будут молчать. И волки будут сыты, и овцы целы.

— Пока дуг на ухо, — тихо повернулся к нему Федот.

— Добрый конь не отворачивается от стога сена, а добрый человек не пугается печеного хлеба, — ответил Кураков.

Федот обещал подумать, каким образом провести эту задумку. Старики ушли. Председатель не торопился закрыть дверь правления. Он вдруг вспомнил секретаря райкома партии Григорьева. Крутится, мотается по деревням, проводит пленумы райкома, бумаги разные перебирает, выступает на собраниях. Однако в душе у него тоже сумятица, скрывает от людей что-то главное. У Федота в голове тоже туман. Никак не может он сесть и немного остудить мысли.

6

В кабинете председателя ЦИК Чувашской Автономной республики уютно как дома. Большой дубовый стол, удобное деревянное кресло с мягким сиденьем предназначалось для хозяина кабинета. Слева от окна глухо тикают огромные часы с позолоченным маятником и двумя массивными гирями. Через каждые четверть часа непривыкшие посетители вздрагивают от боя курантов. Откуда появились эти часы, уже никто не помнит, всем кажется, что они всегда здесь стояли и радовали хозяев. Руководители менялись через два-три года, но часы неизменно оставались на своём месте. На правой стороне, самой светлой, стоит длинный стол, обтянутый красным сукном, вокруг стола — высокие мягкие стулья с зеленоватой крепкой обивкой. На стене висят портреты вождей пролетариата — Сталина и Ленина. Хозяином этого кабинета сейчас является Аркадий Павлович Никитин. Суконный серый френч на нем наглухо застегнут, вычищенные яловые сапоги блестят. Черные густые волосы, широкий лоб, сероватые глаза и пронзительный взгляд выдают в нем сильного, волевого человека.

На совещание были приглашены десять человек, ответственные и непосредственно причастные к вопросам административно-территориального устройства Советской Чувашской Республики. Это представители партийных и советских органов:

в лице секретаря обкома партии по идеологии Васильева, председателя областного планового комитета Кузнецова, руководителя земельного комитета области Арсланова, председателей некоторых районных исполнительных комитетов и ответственных работников ЦИК. Они тихо вошли в кабинет Никитина и устроились за длинным столом. Открыли папки, приготовились к серьезному разговору.

— Все собрались? — спросил Никитин, не поднимаясь со своего кресла.

Помощник утвердительно кивнул головой и положил на край стола красную папку. Никитин пересел на это место, начал совещание, предоставив слово председателю облплана Кузнецову. Небольшого роста, с лысиной, с прищуренными глазами, здоровым цветом лица Илья Ильич для вида два раза покашлял и заговорил поставленным громким голосом:

— На конец июня 1938 года в республике в двадцати пяти районах с шестисот двадцатью сельскими Советами проживает более миллиона человек. В последнее время не раз рассматривали предложенные документы по административно-территориальному обустройству республики. Учитывая критические замечания, скрупулезно дополняли, проверяли с выездом на места. Сейчас на рассмотрение ЦИК и областного комитета партии предлагается уточненный вариант — образовать три новых района: Калининский — с центром в селе Нурос, переименовав его в Калинино, Советский — с центром в селе Шуматове, переименовав в Советское, и Октябрьский — с центром в селе Исмели, переименовав в Октябрьское. Кроме этого, село Шихирдан предлагается переименовать в село Чкаловское. Шихирдановский район состоит из одиннадцати отдельных территориальных кусков, не имеющих между собой границ соприкосновения, куда в основном входят татарские поселения. Для их присоединения предлагается на основной части Шихирданского и южной части Батыревского района образовать новый Чкаловский район, который будет преемником Шихирдановского. Из северной части Батыревского района, с некоторыми населенными пунктами Ибресинского и Шихирданского районов, на базе села Большие Кошелеи, переименовав его в село Комсомольское, образовать новый район Комсомольский. Необходимые документы у членов комиссии имеются, если будут вопросы, я готов на них ответить.

— Какие ещё населенные пункты предлагается переименовать? — спросил Никитин, не поднимая головы со страниц документов.

— Предлагается перенести райцентр из села Тархан в село Большие Арабузи, Татаркасы — в Сундырь, а районы переименовать в Первомайский и Сундырский, — ответил Кузнецов.

— Когда пройдут мероприятия по переименованию? — поинтересовался Никитин.

— В сентябре-декабре этого года во всех населенных пунктах пройдут общие собрания жителей, партийно-комсомольские активы и межсоюзные совещания профсоюзов, — произнес за Кузнецова секретарь обкома партии по идеологии и пропаганде.

— Я знаком с документами проведения территориального обустройства Советского и Октябрьского районов, а предложения по Калининскому району хотел бы обсудить ещё раз, — обратился Никитин к председателю облплана.

— Вариантов несколько, — стал объяснять Кузнецов. — Экономическая характеристика будущего Калининского района была разработана и утверждена ещё в 1937 году, но имелись определенные разногласия со стороны руководства соседних районов. По последним документам, в Калининский район предлагается включить пятнадцать сельских Советов Вурнарского, по два сельсовета Аликовского и Шумерлинского, один — Траковского районов. Это предложение поддержал областной комитет ВКП(б). Таким образом, в состав нового Калининского района войдут двадцать сельских Советов численностью 29855 человек, шестьдесят колхозов с 5747 коллективными, 1072 единоличными хозяйствами общей площадью 35403 гектара земельных угодий.

— Почему село Нурос решили переименовать в Калинино? — поинтересовался Никитин.

— Товарищ председатель Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин баллотировался в депутаты Верховного Совета Чувашской АССР по Сявалкасинскому избирательному округу, куда входит и село Нурос, там решили увековечить его имя, — особенно торжественно ответил Кузнецов, подчеркивая, что инициатива переименования села исходит именно от председателя облплана.

Совещание длилось недолго. Члены комиссии рассмотрели экономические характеристики будущих районов, составы сельских Советов, численность населения, географическую расположенность и познакомились с председателями оргкомитетов Президиума Верховного Совета Республики по организации новых районов.

— Участники совещания должны знать, что в июле Президиум ЦИК рассмотрит эти вопросы и представит документы на утверждение в Президиум Верховного Совета республики, — предупредил Никитин всех присутствующих, закрывая совещание. — Жизнь летит вперед быстрыми темпами, поэтому мы должны идти в ногу с советским народом. Страна идет по пути строительства развитого социалистического государства, а многие продолжают жить со старыми болячками, с непонятными названиями населенных пунктов. Торопитесь, а то поздно будет!..

Председатель Вурнарского райисполкома молчал. Все претензии высказаны, необходимые вопросы без ведома района решены, к чему лишние слова...

7

— Куда торопишься? — остановил старого друга Василий Флотский.

— Ты что, не собираешься на общественный сход? — с ухмылкой спросил Федот Саваров. — Власти решили переименовать твое село, хотят посоветоваться с народом?

— С утра на ферме, успею собраться, — пробормотал Василий. — Ты уже переименовал колхоз...

— Районное начальство приказало держать нос по ветру и колхоз «К свету» переименовать именем Папанина. Вот дрейфует теперь вместе со станцией СП-1, хотим раньше всех приплыть к светлому будущему, — ответил Саваров.

Флотский заторопился. Попросил друга занять место для него и быстрыми шагами ушел в сторону дома.

Недавно по деревням пошли слухи, что скоро будет образован новый район — Нуросский. Из Шубашкар приехали высокие чиновники, побеседовали с каждым председателем колхоза, поинтересовались их мнениями, записали предложения.

Но намекнули: «Наверное, придется переименовать село, слишком уж запутанное название. Нурос — так называют чувашаи период времени, приходящий на конец февраля и начало марта, нурос — это время, когда мусульмане иранцы встречают свой праздник Нового года».

Федот подошел вовремя, собрание ещё не началось, ждали какого-то шишку из Чебоксар. Около получаса люди обсуждали между собой вопрос, многие не понимали, в чем нужда и причина переименовывать название села. Самые отчаянные, всегда идущие впереди комсомольцы уже громко предлагали свои предложения.

— Октябрьское!

— Ленинское, Сталинское, Коммунистическое!

— Берёзовка, Пушкино, Петроградское, — звучали новые и новые названия села.

— Ежели вдуматься хорошенько, начальству виднее, как назвать и как прочесть новое название села, — произнес старый Федор Калистратов. — И вас на путь истинный наставит, чтоб поменьше гаддели.

— Всегда так, рот открыть не дадут! — возразил Хайтов.

— Как же, закроешь вам рот! — остановил его Калистратов. — Дайте сначала поговорить старикам, потом уж дальше толкуйте!

— Нет уж! — не сдавался Хайтов. — Сейчас не царское время, и здесь не волостной сход, каждый может высказать свое мнение!

— Не царское, не советское... — не успел договорить Калистратов, на сцену вышли председатель Нуросского сельского Совета Лаврентьев, глава Вурнарского райисполкома Гаврилов, секретарь райкома партии Григорьев и плотный, высокий незнакомец, представитель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР Матвеев. Они не торопясь устроились за столом президиума.

Лаврентьев с левого нагрудного кармана вытащил листок бумаги и начал читать:

— Товарищи! На наше собрание из трёхсот десяти человек взрослого населения, имеющих право голоса, собрались двести четыре жителя. Кворум имеется, мы вправе решать поставленные вопросы! Для ведения собрания нам надо избрать председателя и секретаря! Какие будут предложения!

— Лаврентьева и Васильеву! — закричали комсомольцы.

Старики промолчали — зачем выставлять другие кандидатуры? Они уже проверенные, штатные ведущие собраний. У одного язык отточен, не допускает отклонений от регламента, другая — пишет без ошибок.

— Поступило предложение: избрать председателем собрания Лаврентьева, секретарем Васильеву! Ставлю на голосование! Кто за — прошу поднять руки.

Море рук над головами.

— Товарищи! — поднялся председатель райисполкома Гаврилов. — Есть предложение почетным членом президиума избрать товарища Сталина и верного ему политбюро Коммунистической партии!

Народ вскочил на ноги, закричал у-р-р-а! и зааплодировал.

— Разрешите считать ваши аплодисменты за единодушное одобрение, — заключил Гаврилов, продолжая аплодировать.

Лаврентьев ждал, когда успокоятся люди.

— На повестке дня у нас один вопрос: переименование села Нурос. Есть ли другие предложения?

Народ в нерешительности одобрил повестку, но в душе каждый ждал, чем закончится сегодняшнее собрание, как будет называться с завтрашнего дня родное село.

Первым слово взял сам Лаврентьев — точными, воодушевленными словами нарисовал будущее села и сказал:

— Название поселения в настоящее время ничего общего не имеет с прошлым, не имеет исторического значения, не соответствует культуре и зажиточной жизни трудящихся.

На сцену вышел старый коммунист села, участник гражданской войны Матвей Аверьянов.

— Сегодня в селе нет ни царских волостных чиновников, ни купцов, нет торговцев, попов и тунейдцев, — начал он выступление. — Советская власть вырастила трудящихся колхозников и дала в руки светлое будущее, строительство социалистического государства. Наше поселение раньше называлось селом Никольское. Это местные купцы сто лет назад переименовали в Нурос. Название возникло оттого, что в прошлом здесь жили душащий свободу чувашского народа купец — эксплуататор Нур и военачальник Русов. Отсюда и название Нурос...

Зал зааплодировал. Кричали: «Старое название стереть с лица земли, пусть новое название для всех будет желанным!». Тут же

началось выдвижение новых названий. Люди поднимались на сцену, громко предлагали свои варианты. Пришлось областному начальству вмешаться в происходящее. Зал притих, собрался слушать, что скажет приезжий человек.

— Товарищи! — начал Матвеев. — Не хотел я вмешиваться в ваши чувства. Но не выдержал, не ожидал такого бурного обсуждения. Около трехсот лет существует ваше село. До революции было волостным центром, рассадником эксплуатации трудового народа. Рекой лились человеческие слезы. Дети, старики, женщины и мужчины умирали от недоедания, голода. Старое название изжило себя. Сегодня по обновленному советскому населенному пункту ходят счастливые, сытые, гордые люди. Почему бы не поменять буржуазное название? Есть предложение, высказанное сельским Советом, партийным бюро, старейшинами вашего села, назвать Нурос именем Всесоюзного старосты, вашего депутата Верховного Совета Чувашской АССР, Председателя Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина.

Люди закричали, зааплодировали. Всем стало ясно и понятно: село в дальнейшем гордо будет носить высокое имя — Калинино.

Калистратов не понимал: «Имя человека дано богом, за долгую жизнь не меняется, почему должно меняться название поселения. Село старинное, нарекали Богородицкое, Никольское, Покровское Нуросово. Менялись церковные названия, а не название села. Нурос сохранил много различных легенд, былин. Старое имя села связано с Разиным и Пугачевым, он претендовал называться уездным городом, районным центром, наконец, неужели потеряет свое истинное название...»

Он попросил слово, но ему отказали: «Знаем, знаем мотивы твоего предложения, опять выступишь против!».

Лаврентьев не стал усугублять положение, воспользовался единодушием, предложение областного начальника поставил на голосование: «Переименовать село Нурос на Калинино». Зал поддержал, две сотни рук поднялись над головами.

Никто не заметил, что Калистратов не поднял руки при голосовании, он сидел и думал о своем. Окружающим не было дела до старого жителя, у них сегодня праздник, начинается новая жизнь, новая история 300-летнего села.

— Ну, чего горевать-то, чего? — подошел к нему Федот Саваров. — Решение по переименованию названия села приняли

на русском языке. А на чувашском языке оно так и останется: «Нурос!». Его ведь никто не поменял!

— Спасибо тебе, милый человек, за понимание, — ответил Калистратов с грустной улыбкой на лице.

* * *

Весенний сев подходил к завершению. Уже месяц, как Федот Саваров спит по четыре часа в сутки, остальное время на ногах. Намотал вожжи на руку и рулит, не зная покоя. Благо, сумел сохранить лошадей. К зиме залатали дыры на конюшне, животных поставили в отдельные стойла, чтобы корм им доставался одинаково. А то более сильные, молодые лошадки не пускали квелых к корму и к скудному пайку овса.

Почистили, побелили коровник, телятник и свинарник. В помещении для доярок заменили полы, переложили печку, привели в порядок кухню. Отремонтировали и поставили под закрытый навес имеющееся сельскохозяйственное оборудование, технику. Отобрали у ослабинцев молотилку и за неделю управились с оставшимися на гумне скирдами снопов. Тогда председатель колхоза «Броневик» Владимир Смирнов ходил за Саваровым, просил на неделю молотилку. Получив отказ, грозился пожаловаться районному начальству. Такая наглость вывела хумушского председателя из себя, он резко ответил:

— Молотилка сломалась, требуется ремонт!

Только тогда Смирнов догадался предложить за молотилку десять мешков ржи. Саваров этому обрадовался, но виду не подал. Ударили по рукам: один потащил молотилку, другой в тот же день привез хлеб и по трудодням раздал колхозникам. Будь, что будет! Смирнов сам ответит за свои дела, Федот найдет причину отбрыкаться, а может быть, всё сойдет гладко. Нет, не обошлось! Нашелся доброжелатель и настучал в район. Оба председателя получили по строгому выговору за растрянжиживание хлеба.

Во время молотьбы Федот застучал Екатерину Калисову на воровстве. Она к подкладке фуфайки подшила потайной карман и насыпала туда зерно. Надо было отдать её под суд, это уже не пустяк. Не прижать, не остановить — другие начнут воровать, весь колхоз растащат. Несмотря на жалость некоторых членов правления, наказал, целый месяц она работала

без трудодней — бесплатно. Другим урок будет!.. Никому он не позволит нарушать колхозную дисциплину.

Так перезимовали. Весна пришла бурно. Недолго воды журчали по оврагам и каналам, вокруг стало зеленеть. Двадцать пять мужиков отремонтировали плуги, поправили лемеха и вышли на пахоту. Саваров им установил план — по гектару на нос. Не справился, работой ночью. Ничего! Выдержали все. Даже стахановское соревнование организовали. В передовиках ходили Василий Керзаков и Павел Федоров. Один — умудренный опытом крестьянин, второй — молодой, но с детства приученный к труду. За пахарями вышли сеяльщики. Им помогали ребяташки. Управились с севом за две недели и теперь ждали весеннего теплого дождя.

После посевной Саваров разрешил всем поработать на своих домашних участках, а потом выйти на посадку картофеля.

Единоличники тоже не отставали от колхозников. В деревне их осталось всего четыре хозяйства: старый Порфирий Кошкин, которого даже сыновья-артельщики никак не смогли уговорить отвести коня с плугом на колхозный двор; Фирсовы, Евграфовы и Кузьмины, они не пошли на уговоры, остались самостоятельными и не торопились к общему колхозному столу. В хозяйствах единоличники имели по две лошади, наделы земли сохранили на Мачамушском косогоре, около реки Хирлеп, где получали неплохой урожай. Саваров за них не беспокоился, колхоз без них обойдётся, но в душе что-то сверлило: не мешало бы хозяйству иметь дополнительно восемь прекрасных лошадей. Вспоминая их, Федот набросился на молодого счетовода Михаила Белова:

— Где ежедневная сводка?

— Сегодня объявили выходной... — отрезал счетовод.

— Какой выходной? Животноводы тоже в домах сидят? — рассердился Саваров.

— Нет, они на фермах.

— Вот так, запомни и заруби! Сводки ежедневно должны лежать на моём столе!

Обиженный счетовод пошел готовить отчет. Вдруг грохот приближающегося трактора сотряс правление. Федот вскочил, посмотрел в окно и ахнул:

— Вот и помощь из МТС подоспела! Закончили сев, а они появились. Шиш! Сейчас уж не отпущу, пусть вспашет поле под картошку! Победителей не судят...

Что тут началось! Захлопали ворота, из всех домов выскочили дети и взрослые, бежали к правлению. Не каждый день в деревне появляется новый сияющий на солнце трактор. Несмотря на строгий голос тракториста, дети своими руками со всех сторон шупали стального коня. Взрослые сразу стали обсуждать, пытались дать оценку.

— ХТЗ... — прочитал громко один из ребят.

— Харьковский тракторный завод, — объяснял колхозникам хозяин стального коня. — Тридцать лошадей заменяет.

— Ого! — не поверили люди. — Тридцать плугов потянет?

— Пока такой плуг не придумали, у меня только четыре лемеха, — показал тракторист на прицеп.

Саваров подошел к трактористу, пожал ему руки и заговорил как на митинге:

— Десять лет не пройдет, как стальные кони будут тарыхтеть на наших полях. Лошадей мы оставим на праздник, для свадеб и домашних нужд. Ударным трудом завершим посевную. Тракторист нам поможет вспахать поля, а завтра мы всей деревней выйдем на посадку картофеля.

— Как, на картофель? — удивился тракторист. — Трактора используются только для вспашки под яровые культуры.

— Картошку мы без тебя в землю положим, ты нам помоги вспахать под гречиху, четыре небольших участка остались, — при всем народе соврал Саваров, но никто из них даже слова не промолвил. — Завтра мужики хотели выйти пахать. Помощь пришла долгожданная, своевременная. Сегодня и начнем.

— Вы только покажите участки, мы сами разберёмся, — ответил тракторист. — Привезут топливо, начнем. Ещё, нам нужно место для отдыха и организовать прием пищи.

— Всё по дороге, по дороге обсудим, — обрадовался Саваров. — Найдем самую ласковую бабу и поросенка не пожалеем.

Председатель удобно встал рядом с трактористом, стальной конь с грохотом развернулся. За ним бежали радостные дети, пытаясь в шуме трактора перекричать друг друга. Взрослый народ не расходился. Люди поверили Саварову: пройдет немного времени и в колхозе будут трактора и самоходные комбайны.

— Тогда крестьянин будет жить как улбут*, — шутили некоторые.

*Улбут — барин.

Несмотря на общий сельсовет, совместные партийные и комсомольские организации, каждая из трёх деревень поселения свои проблемы решала отдельно. Колхоз «Броневик» с грехом пополам завершил жатву и обозами начал возить хлеб на станцию Вурнары — выполнять и перевыполнять государственный план. Только после этого начали думать о семенах, а колхозникам Услабы и Кивьяла в очередной раз ничего не досталось. Папанинцы в зимнее время на поля вывезли большое количество торфа, навоза, а председатель Саваров в очередной раз в отчетах не указал двадцать гектаров озимых. Погода сама благоприветствовала землепашцам, стояли теплые дни и своевременно шли дожди. Рожь уродилась отменная, до восьмидесяти пудов с гектара. После выполнения плана председатель собрал расширенное заседание правления колхоза, где решили на каждый трудодень раздать по двести граммов хлеба. Многие семьи получили до пяти мешков ржи. Соседи пошумели, но скоро прекратили, в очередной раз хмушцы утерли нос, поработали на славу и получили по труду. Худо ли, бедно ли, новый хлеб будет на столах колхозников. Мирон Ефимов при встрече хлопал Саварова по плечу, хитро улыбался.

Поздно осенью Саваров вместе с председателем колхоза «Броневик» Смирновым возвращался из села Калинино. Советание по завершению сельскохозяйственных работ затянулось, много было желающих поговорить.

— Останови-ка лошадь, — попросил Владимир Смирнов. — Кажется, сын Малины, Андрей стоит.

— Откуда он? — удивился Федот.

— Андрей! — позвал он молодого парня в форме военного летчика.

Младший офицер посмотрел в их сторону, но не узнал односельчан. Смирнов махнул руками, только после этого он подошел к ним.

— Вы куда? — спросил Смирнов.

— В Услабу, — неуверенно ответил молодой летчик.

— Значит, нас не узнал...

Молодой парень поздоровался и ответил с улыбкой на лице:

— Федота Саварова всегда буду помнить.

— Я председатель услабинского колхоза «Броневик» Владимир Смирнов, он хумушского — имени Папанина. А ты сын Любы — Андрей Шураков.

— Так точно! — отрапортовал парень.

— Тогда садись, одна дорога, — уверенно произнес Смирнов.

Председатели молодому человеку задавали вопрос за вопросом. Хотели узнать, откуда он, как живут люди в других областях, как чувствует себя Красная армия, что говорят о войне?

Семь лет минуло с тех пор, когда Федот Саваров проводил Андрея в Шумерлинское ФЗУ. Там он стал столяром, изготавливал для народного хозяйства столы и стулья. Окончил вечернюю школу. В девятнадцать лет призвали в ряды РККА. Сам попросился в летное училище, прошел медицинскую комиссию, где выдали разрешение — годен к военной лётной службе. По-другому и не могло быть! Захотел стать летчиком. Занимался спортом, укреплял сердце. Ничего, что ростом не высок, кабина летчика — не автомобиль, как раз для таких крепких парней. Доехали до деревни Хумуш. Саваров и Смирнов по своим делам остались, а молодой парень пошел пешком в сторону деревни Услаба. Он несколько раз оборачивался назад, махал рукой, будто не хотел прощаться с новыми взрослыми друзьями из родного края.

Вечерело. Андрей остановился около пруда, у ворот с детства знакомого дома. Там стоял Макар Кириллов и внимательно смотрел в сторону человека в военной форме. Андрей остановился. «Постарел, — подумал он. — Сначала зайду к ним, как-никак здесь прошло моё детство, выгонят — дальше пойду». Он резко повернулся, подошел к дяде, отдал по-военному честь и поздоровался.

— Чту-ту я запомнювал? — растеряно посмотрел на него Макар.

— Андрей я... — ответил он.

— Андрей... как дулгу ждал я тебя, — засуетился Макар. Обветренные руки затряслись, тонкие губы зашевелились. Он подал ему руку, вытер навернувшиеся слезы и вымолвил, — Ждал тебя, думал, кугда-нибудь заедешь, пукажешь себя.

— Получил десять суток отпуска, хотел увидеть вас, маму.

— Чту мы стуим, айда в дум, — тянул он приемного сына.

Андрей шел за дядей и думал: «Вокруг ничего не изменилось, всё по-старому. Только двор зарос травой, значит, домашних животных не держат».

— Две кузы курмят семью, — ответил Макар, будто читая мысли племянника.

— Где братья? — спросил Андрей. — Раньше Гавриил писал мне письма, потом перестал.

— Служит где-то в Мунгулии, сами не знаем, жив или кусти гниют на чужбине. Пуриса и Игната утправили на заготовку леса, приедут через месяц.

Услышав мужские голоса, на крыльцо вышла тетка Дарья. Она никак не могла взять в толк, с кем это старик так радостно разговаривает. Прислушалась и ахнула: перед ней стоит Андрей, широкоплечий крепкий племянник.

— Казенная еда поставила тебя на ноги, какой богатырь вырос! — обняла она Андрея.

— Откуда узнала? — заулыбался Андрей.

— Душа подсказала, лицо, голос изменились, но глаза остались прежними, — прислонилась Дарья к племяннику.

Андрей вошел в избу за стариками. Осмотрелся: за печкой стоит его топчан. Старые деревянные кровати от времени почернели, в углу — новый стол, и вместо двух длинных скамеек появилось шесть табуреток.

Не успел снять кожанку, как в избу ворвались соседи.

— Ай-уй, Андрей, какой ты стал! — хлопали женщины по плечам.

Парень заволновался, какой-то мальчишеский задор разыгрался у него в душе. При всех открыл свой небольшой чемодан, вытащил разноцветный платок и положил на плечи тетки. Она взяла подарок племянника, повертела в руках, повязала на голову и при всех заревела. Женщины от подарка ахнули, разом столпились около Дарьи, хотели пощупать своими руками. На этом чудеса не кончились. Макару Кириллову досталась русская теплая рубашка, пришлось примерить новую шапку-ушанку, такую он видел только в кино. Другой платок Андрей не показал никому, это приготовлено для матери. Разговор длился долго, всем хотелось посидеть, поговорить с летчиком.

На следующее утро Андрей отправился к матери. Старый дом, где жили сейчас Семёновы, стоял в конце деревни.

Навстречу шли люди, кланялись и здоровались, не бывший мальчик сирота, а герой шел по улице деревни Услаба.

На лай собаки выскочил хозяин дома Егор Семенов. Скрытый стал после возвращения из тюрьмы, где пробыл пять лет. Обозленный на весь белый свет, он устроился в колхозе конюхом. Подальше от людей, поближе к животным. В конюшне никто не лезет в душу с неудобными вопросами. Если какая-нибудь лошадка своей мордой ткнётся в неположенное место, сразу получит затрещину кнутом. Он живет отдельно от людей в доме, когда-то построенном дедом Андрея. Егор сюда привел ещё свою тетку и в доме устроил настоящий террор. За малейшие повинности наказывал, оставлял без пищи. Больная, плохо непонимающая старая женщина искала дома хлеб, но еда находилась под увесистым замком. Со временем Егор осмелел, увидев родных и близких раскулаченных женщин, угрожал, обещал уничтожить весь род. А вот от мужиков держался подальше, избегал их.

— Чего надо! — брызнул он слюнями.

— От тебя ничего! — спокойно ответил Андрей. — Хочу увидеть маму.

У Егора Семенова затряслись руки, он начал перебирать ногами, не найдя слов, исчез за дверь. Узнал он сына жены, конечно, узнал... На крыльце появилась мать. Изменилась. Немного располнела, но всё ещё оставалась статной и красивой женщиной.

— Если хотел меня увидеть, смотри! — кокетничала пьяная Люба.

Андрей в упор смотрел на мать.

— Ну и что! — ответила Люба.

— Очень хотел увидеть, обнять тебя...

— Увидел? — сквозь зубы ответила Люба. — Проваливай отсюда!

После этих слов в душе Андрея всё перевернулось, он готов был разворотить это осиное гнездо, вырвать мать из лап того дикого человека. Но сдержался, вытащил из-за пазухи большой пуховый платок, повесил на дверную ручку, а затем резко повернулся и широким шагом пошел вверх по улице. Малина выскочила за ним, но какая-то сила остановила её. Долго смотрела вслед сыну и рыдала. Она знала, что это была последняя

встреча в их жизни, никогда сын больше не придет к ней, никогда не прижмётся к матери. Она ревела, вместе с ней со всей злостью лаял пёс, пытаясь освободиться и догнать того молодого человека, разорвать на части. Малина взяла в руки платок, уткнулась в него лицом и продолжала рыдать.

Андрей жил в деревне ещё пять дней, но больше не решился встретиться с матерью. Он простился с родной деревней, с людьми и громко воскликнул:

— Придет время, обязательно прилечу на самолете и сяду на самое видное место, покажу вам своего боевого железного орла.

За деревней Хумуши его догнал на тарантасе председатель колхоза имени Папанина Федот Саваров и довез до нового села Калинино. Дальше Андрей шел знакомой дорогой. На него падал первый пушистый снег, предвещающая приход зимы.

8

Недавно весь народ Нуросского края гулял на празднике образования района. Людей собралось несметное количество. Они радовались, пели, танцевали. Мужики и степенные старики кивком головы или рукопожатием приветствовали друзей, знакомых и вели спокойный разговор. Впервые из Чебоксар приехал народный ансамбль чувашской песни и танца, который стал главным номером праздника.

Вчера Марфу Миронову вызвали к секретарю Калининского райкома партии Калистрату Петровичу Викторову. Конечно, прежде всего, его интересовала Хумушская семилетняя школа. Кто директор, как там работает? Всё расспрашивал да расспрашивал. Марфа сначала робела, потом так разговорилась, будто с отцом вела душевную беседу.

Прежний директор в школе поработал всего два года. В 1937 году его арестовали и больше о нём никто ничего не слышал. А нынешний руководитель, Георгий Львович тоже золотой мужик — хозяйственный человек. Таких людей в деревне мало.

— Как у тебя семейная жизнь? — прямо спросил секретарь.

Марфа покраснела, но нашла силу и тихо ответила:

— Пока... не думала об этом.

— Думать надо всегда.

— Некогда было. Училась. Окончила среднюю школу, Канашский педагогический институт.

— Вот что, Марфа Мироновна, — официально обратился к ней секретарь. — Мы с членами бюро обсудили, решили предложить тебе место секретаря райкома комсомола, станешь молодёжным организатором, связующим звеном школьников и учащейся молодежи всего района. Через десять дней состоится пленум Калининского райкома комсомола. Первым секретарем предлагаем Петра Андреева, его заместителями Дмитрия Алексеева и тебя.

— Ой! — испугалась Марфа. — Я не знаю этой работы!

— Бояться не надо, — улыбнулся Виктор. — Жизнь научит. А старшее поколение на что: не знаешь — научим, подскажем, не хочешь — заставим.

— Сколько комсомольцев в Нуросском районе? — совсем растерялась Марфа.

— Такого района нет, есть село Калинино и Калининский район, прошу это запомнить, — строго посмотрел на неё секретарь, потом заглянул в тетрадку и ответил. — Всего восемьсот сорок три, более пятидесяти первичных организаций. Придется ездить по деревням, знакомиться с молодежью, вести организационную работу. Больше всего комсомольцев в Калининском педагогическом училище. На них можно опереться. Грамотная, толковая молодежь.

— Подумать можно?

— Нельзя! Тебе, молодой учительнице, партия поручает самую ответственную работу. А вот какие задачи, планы, предложения — поговорим после пленума. Пока о нашем разговоре прошу не распространяться, пусть будет для всех новостью.

— Честное комсомольское... — смутилась Марфа.

Калистрат Петрович засмеялся и ласково ответил:

— Хорошая ты учительница, но тут не учебный класс, здесь верят словам, но судят по работе и поступкам.

Она почувствовала: ноги стали ватными. Тихо попрощалась с секретарем райкома партии и вышла на улицу. Необычное чувство сдавило горло. Стояла у райкома, переживая за себя: «Какой я секретарь?.. Что ждет впереди?.. Ведь это полностью изменит уклад жизни? Отказываться нельзя?! С другой стороны, чего испугалась? Петра Андреева знаю давно — в пединституте

вместе учились. Круглый отличник, интересовался политикой и трудами Маркса, Ленина. Поможет, подскажет...».

Марфа вздохнула полной грудью. Она справится, обязательно справится! Не раз с воодушевлением выступала она перед односельчанами, рассказывала о подъеме колхозного строя, о делах комсомола и молодежи страны, о грандиозных стройках Магнитки, Комсомольска-на-Амуре, Донбасса, Днепрогэса, железной дороги Канаш-Чебоксары, о Чкалове, челюскинцах!.. Собралась было в Испанию, воевать с фашистами, но отец вовремя остановил:

— Война — мужская работа. Выкинь из головы всю эту мысль. Там убивают. Женщина должна детей рожать, а не воевать.

Мысли!.. Мысли! Вдруг ей стало не по себе. Двадцать два года пролетели. Семьи и детей у неё нет, в ближайшее время не предвидятся. Сама виновата! Возилась с чужими детьми. Некогда было с подругами посидеть — вязать, вышивать на девичьих вечеринках, куда в длинные зимние вечера заглядывали женихи, знакомились, влюблялись.

Ей поручают серьёзное дело. Обо всём передумала Марфа в эти дни. По ночам тихо всхлипывала, обнимая мокрую подушку. Однажды с утра вскочила, на листках бумаги изложила свои соображения насчёт будущей районной пионерской, комсомольской организаций, о делах школьной и учащейся молодежи. До пленума обсудила волнующие вопросы с будущим первым секретарем комсомола.

Организационный пленум Калининского райкома комсомола прошел в штатном режиме. Выступавшие не жалели громких слов в адрес Сталина, родной коммунистической партии, Советского правительства и славного Ленинского комсомола. Кандидатуры членов пленума райкома прошли без сучка и задоринки.

Марфа сидела как мышка. Когда назвали её фамилию, пришлось выйти на сцену, отвечать на вопросы. Она говорила доходчиво и правдиво,годились заранее приготовленные записи. Когда её кандидатуру ставили на голосование, перестала дышать, сердце в груди стучало так, вот-вот выскочит. Думала, потеряет сознание. Нет! Выдержала.

Марфа Мироновна уже год работает секретарем Калининского райкома комсомола. Привыкла, притерлась, получила боевое комсомольское крещение. Помогли друзья, работники райкома. Первый секретарь Петр Андреев людей не боится, умеет, знает, кого приласкать, а кого можно немного прижать. Он стал видным руководителем молодежи района. Без всякой бумажки и без подготовки на собраниях молодежи выступает так, что даже сомневающиеся записываются в комсомол. Единственная беда, он робеет перед высокими начальниками. В одно мгновение меняется в лице, голос становится дрожащим, а при разговоре с первым секретарем райкома партии Викторовым использует только казенные слова: «Да, да... конечно... вас понял... решим... не подведем... доложим». Персональные вызовы к секретарю ничего доброго не сулили. Опять какое-либо пожарное дело: срочно обеспечить обсуждение итогов прошедшего пленума либо подготовить и провести грандиозное мероприятие, посвященное очередному трудовому подвигу. Одним словом, выручай, комсомол, не подкачай...

После таких встреч Андреев возвращался в райком, дыша как паровоз. Вот и сегодня после очередной накачки он пригласил к себе всех работников и дал волю эмоциям:

— Первый устроил баню! За военно-патриотическое направление! Недоволен он нашей работой!

Но все знали, что дела обстоят не так плохо. Первый секретарь райкома партии уважает молодежь, оберегает, гордится их успехами.

— Что сказал о фашизме? — поинтересовалась Марфа.

— Германия сейчас шагает по Европе, вместе с ней Япония и Италия поднимают головы, идет финская война, а в Испании хозяйничает черные мундиры. Везде шумят как вода в большой колоде. Товарищ Сталин войны не допустит. Наша страна делает невиданные успехи в новых вооружениях. При необходимости миллионы воинов Красной армии встанут на защиту родины. Мы тоже должны готовиться дать отпор фашизму. Необходимо организовать обучение членов ОСОАВИАХИМа по 115-часовой программе, проводить военно-спортивные соревнования, летние и зимние спортивные кроссы, военные игры. В первую очередь это касается учащейся и колхозной молодежи.

В последнее время у Марфы Мироновой накопилась куча вопросов, на которые никто не хотел и не смел ответить. В прошлом году, после жатвы комсомол района организовал субботник по сбору колосков. На поля вышла тысяча молодых людей, даже школьники помогали. Но через два дня работники НКВД арестовали двух комсомолок колхоза «Гвардеец» и увезли в Чебоксары. Не мог райком комсомола отстоять своих, законы «об охране социалистической собственности» и «о трех колосках» применялись на всю катушку, девушек посадили на два года. Марфа долго сидела и редела в кабинете, но так и не смогла оправдать такое поведение властей. Тогда же колхоз имени Папанина вывел на уборку колосков учеников, начиная с первого класса. Вечером после работы кладовщик колхоза, принимая собранные колоски, выворачивал у детей карманы, заставлял снимать лапти. Некоторые ребята насыпали зерно в карманы, в портянки, в лапти, хотели дома попробовать кашу из нового урожая. Их держали целую ночь в сарае, только утром, узнав об этом, председатель Федот Саваров отпустил детей и чуть не устроил самосуд над кладовщиком. И тогда райисполком не защитил детей, наказал родителей штрафами, а на председателе колхоза наложил взыскание в виде строгого выговора.

Никак не выходит из головы август 1937 года, когда с деревень Хумуш, Услаба и Кивьял за ночь арестовали и увезли в неизвестность невинных колхозников, а через месяц директора школы Порфирия Петрова, где работала Марфа Миронова. Она по сей день не понимает, как мужики стали контрреволюционерами, преступниками против основ конституционного строя и безопасности государства. За что расстреляли Ивана Калисова и Степана Никитина? Все они окончили Хумушскую школу, трудились на земле, ходили на родительские собрания, вдруг разом стали политическими преступниками. Открыто за содеянное преступление их не судили и народу никто и ничего не объяснил. Кто виноват в этом? Кто оговорил их?..

Три дня назад работников райисполкома, райкомов партии и комсомола коротко ознакомили с указом Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Она удивилась, когда прочитала, что молодым, достигшим

шестнадцать лет, рабочий день увеличивается с шести до восьми часов в день. За опоздание на работу свыше двадцати минут работники могут подвергаться исправительно-трудовым работам до шести месяцев с удержанием четверти зарплаты. Полным хозяином на предприятиях и в учреждениях становится руководитель. Без его позволения нельзя ни поступить на работу, ни уволиться. «Возвращаемся в крепостное право», — подумала про себя Марфа.

В последнее время участились разговоры о войне. В райком комсомола поступило постановление обкома ВЛКСМ о пресечении паникеров и распространителей разных слухов. Приходится выезжать по деревням, по школам и разъяснять людям политику Советского Союза по вопросам войны и мира. Не всё понимает Марфа Миронова в этой политике, но поговорить по душам вышестоящие руководители не хотят, уходят от прямого ответа.

Везде и всюду слышны одни и те же слова: «Антигосударственная политика... саботаж... близорукость... двуличие... контрреволюция». Что это означает, никто не понимает. Все рты закрыли на замок, никто не смеет возражать.

Домой Марфа вернулась поздно вечером. Отец и мачеха сидели за столом, разбирая какие-то бумаги, тихо разговаривали.

— Сначала колхозников, а сейчас колхозы загоняют в тупик, — возмутился отец. — Половина жителей деревень не имеют коров в личном хозяйстве, нет коз, овец, свиней. Сейчас постановлением государства и партии колхозы должны для РККА по установленным нормам поставлять лошадей, самых лучших и упитанных. Недаром председателям колхозов вновь организовали котлопункты для своих работников и их семей.

— Нам сегодня разъяснили причины перехода на шестидневную рабочую неделю с восьмичасовым рабочим днем, — начала Марфа рассказывать отцу об указе.

— Ничего. Дети колхозников с десяти лет сидят на телегах и работают наравне со взрослыми, без выходных и проходных, — ответил отец со знанием обстановки, потом вспомнив, спросил, — Первый на месте?

— На месте.

— Если уж Викторов взялся за дело, перья полетят, никого не пожалеет.

— Калистрат Петрович — человек образованный и деловой, — не согласилась Марфа.

Мирон Ефимов в последнее время изменился. Ходил, разговаривал сам с собой. Заходил в крестьянский дом без былой агрессии, часто занижал или вообще не записывал облагаемую налогом часть хозяйства. Люди удивлялись, стали делиться друг с другом об изменениях в характере налогового агента. Это сыграло роковую роль. Из села Калинино приехала комиссия и провела дополнительную опись. Мирона Ефимова наказали и морально, и материально. Только благодаря положительной характеристике оставили на прежней работе, но предупредили: в дальнейшем не допускать необдуманных антигосударственных действий. Народ понял промашку, но было поздно, больше Мирон Ефимов не допускал жалости.

Марфа тихо подседа к нему поближе и спросила:

— Атте, скажи, война будет?

— Не могу сказать... — ответил он коротко.

* * *

Эрхип четвертый год служит в Красной армии. Однажды тетка Лиза сообщила в письме об аресте дяди Платона, потом получил второе известие, что его, как врага народа, на десять лет отправили в исправительно-трудовой лагерь. Не успели исчезнуть волнения по родным, вдруг получил письмо от друга Никифора. Он мелким почерком подробно нарисовал картину деревенской жизни, как за вечер в колхозе арестовали мужчин за создание антигосударственной группы и увезли в Шубашкар. Между строчками не забыл написать, что у Марфы Мироновы появился хахаль. Тут Григорий Харитонов прислал письмо, как к Марфе не раз приезжал молодой учитель из Нурос. Домашние тоже не отставали, присылали подобные же послания. Поведали, что в деревне ходят слухи, что «Марфа часто дома не ночует, уезжает куда-то и возвращается только через неделю».

Сначала Эрхип не обращал на такие новости, только ухмылялся и продолжал писать теплые письма к любимой девушке. Время шло. Однажды открыл очередное письмо и прочитал новое сообщение: «Марфа стала секретарем райкома комсомола, а её начальником тот учитель, который не раз навещался в дом Мирона Ефимова». Что-то кольнуло у Эрхипа под лопаткой,

в ушах зашумело. Он разом прекратил писать к Марфе письма, даже не отвечал на послания. Хотел, очень хотел, съездить домой на побывку и поговорить, успокоить сердечные боли, но все думы остались нерешенными на долгие месяцы. Эрхип не забыл Марфу, у него глубоко внутри теплилось особое чувство, особое отношение к этой красивой девушке. Ведь она со школьной скамьи была для него единственной.

Осенью сорокового Эрхип вернулся домой. Встретили его на колхозном тарантасе, запряженный самым резвым конем. Отец постарался, как-никак председатель колхоза. Солдат не собирался надолго задержаться в родной деревне, уедет в Чебоксары, продолжит работать в типографии, откуда его призвали в армию. Задумал — получить необходимое образование и стать литературным сотрудником, может и писателем. В деревне у него имеются некоторые неотложные дела, повидаться с родителями, родными, главное, поговорить с Марфой.

Весть о приезде Эрхипа быстро разнеслась по деревне. Несмотря на сопротивление родителей, в избу ворвались бывшие его друзья-комсомольцы и выставили на стол четверть первача.

— Опередил... опередил меня, — мял в своих объятиях друга Григорий Харитонов. — Вот моё призывное свидетельство, стану моряком, а может и подводником, — вытащил из кармана и показал всем бумагу с круглой печатью и подписью райвоенкомата.

— Куда? — не понял председатель. — Когда получил?

— Днем, прошел медкомиссию и сам напросился в подводники.

— Хватит тебе молоть языком, знаем, какой ты моряк, искупаться боишься, — усмехнулся Федот.

— На что намекаете? — выпятил грудь Григорий.

— Да туда же, туда, — подтвердил Федот. — У девок надо спросить.

— Ну, что делать, люблю я их, но руки не распускаю.

— Распускать начнешь, мужики отрежут кое-чего, — строго сказал Федот.

— Уймитесь... за-ради Христа, уймитесь, — остановила их Кристина Максимовна. — Нашли тему для разговора.

— Погодь! — рассуждал Федот. — Он ведь не только секретарь комсомола молодежи, но и заведующий фермой. Кого я вместо него поставлю?

— Эрхипа, — сразу ответил Григорий.

— Стоит подумать, — обрадовался председатель.

— Поживем... увидим, — вздохнул Эрхип.

В это время к молодежи присоединились другие гости — родные и близкие Саваровых. Дом гудел, как улей.

Парни гостили недолго, их ждали в доме Григория. Ведь завтра вечером он покинет деревню. Молодежь с шумом исчезла за воротами двора, покричав на прощанье солдату долго не задерживаться с родными: «Успеешь наговориться!». Все стало на свое место, начался тихий, степенный разговор.

В тот вечер Эрхип с Марфой не встретился, она не пришла на молодежные проводы. Вечером следующего дня сам пошел к ней. Видел, как около дома остановилась повозка, откуда слезла Марфа, очистила одежду от соломы, поговорила о чем-то с молодым человеком и глаза остановились на солдате.

— Кто это? — спросил Эрхип у рядом стоящего двоюродного брата Михаила.

— Секретарь райкома комсомола, любовник Марфы, — отрезал парень.

Когда повозка исчезла за домом Ильиных, Эрхип махнул рукой, что означало «за мной не идите» и почти бегом направился к Марфе. Она ждала его, следила за каждым движением. Почувствовала, что разговор будет нелегкий, наговорили же односельчане. Утренние и вечерние собрания баб у колодцев, сплетни о Марфе, не только о ней, но и многих других, ежедневно возрастали все новыми и новыми слухами, дойдя до ушей родных, близких и друзей Эрхипа легли на строчки писем к нему. Больше всего старались те, кто завидовал, а то и ненавидел эту всегда опрятно одетую, душевную девушку.

— Здравствуй, Эрхип, — тихо сказала она, встретив парня.

— Здоровее видали, — сам того не замечая нагрубил парень.

— Значит, поверил... тем, кто по деревне собирает сплетни и разносит их по всем углам.

— Ты друзей моих оставь в покое, лучше расскажи о себе, как, с кем жила, — стиснул зубы Эрхип.

— Тогда мне с тобой нечего говорить, — так же тихо ответила Марфа и собралась войти во двор.

— Да подожди ты... прости меня, — за руку остановил он девушку. — Надо мне очистить мысли, снять черную пелену с глаз...

— Мне уже доложила Люба Сорокина. Встречались как-то около колодца лицом к лицу.

— Мне сплетни женщин не интересуют, — смягчился голос Эрхипа.

— Почему тогда перестал отвечать на мои письма?

— На лесных учениях были, — слукавил он.

Марфа кому-то пересекла дорогу, кто-то любым путем пытался предотвратить встречу двух любящих сердец. Она ухмыльнулась краешком губ, но не ответила. Годы идут, уже не та шестнадцатилетняя девушка, жизнь научила её разбираться в людях и в их поступках. Сначала не понимала косые взгляды односельчан и друзей Эрхипа. Слова особенно были остры, когда кто-то из парней райкома комсомола побывал у неё дома. Больше всего старалась Люба Сорокина, прозванная Сорокой не за фамилию, а за длинный и острый язык, за сплетни. Она стала подругой мачехи Эрхипа, Кристины Саваровой.

Как-то Кувалдиха недвусмысленно выразилась, что хотела бы состоять с Сорокиными в родстве. У них девятнадцатилетняя дочь красавица Клавдия недавно окончила в Чебоксарах курсы агрономов и вернулась работать в колхоз. По работе несколько раз была в доме председателя, тогда пригляделась Кристина к ней. Федот тоже хвалил да расхваливал молодую, незамужнюю девушку, однажды даже открылся перед женой:

— Хотелось бы видеть эту кралю агрономшу своей невесткой.

— В чем дело, вернется Эрхип, свадьбу сыграем, — подержала его Кристина.

Скоро встреча Кувалды с Сорокой завершилась тайным договором. Пошло-поехало, Сорока совсем потеряла голову, за глаза молодых женила Эрхипа на свою дочь. Но никто её не останавливал, наверное, и Федот, и агрономша Клавдия ждали этого дня.

— Свадьбу сыграем, — твердила она везде и всюду.

— У него есть Марфа Ефимова, — удивлялась молодежь.

— Может в армии заимел русскую девушку, — пытались возразить другие.

Не прошел и месяц, как по деревне стал гулять слух о любовных похождениях Марфы Мироновой. Деревенские бабы наострили уши.

— Что за наказание такое, почему люди становятся бессовестными? — вздохнула Марфа. — Уезжай ты подальше из этой деревни. Дорого тебе обойдется наша любовь.

— Я её не собираюсь покупать, — возразил Эрхип. — Хочу быть всегда рядом с тобой. Не глядя на пересуды, пойдем в сельсовет и распишемся.

— Нельзя так... Ты не веришь мне... Когда убедишься, тогда и вернемся к этому разговору. Иначе ты всю жизнь будешь мучить меня и себя, упрекать во всех заслуженных и незаслуженных грехах.

— Прости, но почему-то я их поверил... — открылся Эрхип.

— Именно поверил... Давай успокоимся.

— Я-то в чем виноват перед тобой? — твердо спросил солдат.

— Ничего ты не понял, милый мой Эрхип... — вытерла Марфа вдруг упавшие на лицо яркие слезинки. — Люба Сорока добивалась пристроить свою дочь к тебе.

— Как это — пристроить?

— Выдать Клавдию за тебя замуж, ваши родители давно уже договорились.

— Значит, без меня — меня женили...

Марфа боялась, что не выдержит, заголосит и кинется на шею Эрхипу, но сумела взять себя в руки. Резко подняла голову и сказала, как отрезала:

— Оставь меня, наконец! Без тебя найдутся ухажеры!

— Даже так. Не поздно будет?

— Иди... Иди к Клавдии Сорокиной, у них давно для тебя постель приготовлена.

Марфа ушла. Ушла, не договорив начатый разговор. Для неё давно уже все известно, а для Эрхипа — осталась загадкой неразгаданной... Она вошла в сени и тихо, беззвучно заплакала. Дала волю своим чувствам. Не помнит, когда так ревела, душевная тяжесть так сильно давила на сердце.

Через три дня Эрхип покинул деревню. Никто его не провожал. Не оправдал он доверие родителей, не захотел остаться в деревне в качестве завфермой колхоза. Напоследок успел выложить всё наболевшее отцу и мачехе, старики остались сидеть на скамейке с открытыми ртами.

В начале 1940 года, в середине учебного процесса, Георгий Алексеев опять остался без работы. Виноват в этом его длинный язык, быть может, судьба не дает покоя. Столько лет учительствовал в Хумушской школе, сейчас попросили оставить детей. На педагогическом Совете директор школы рассказывал о строительстве развитого социализма и начал «стирать грани между городом и деревней». Не выдержал Алексеев, встал и жестко высказался:

— Вы объясните, пожалуйста, нам: кто стирает грани и каким образом? Нынешний мужик без принуждения шаг не ступит. В районе сорваны планы по заготовке кормов, по сдаче государству молока, мяса и шерсти. Полный провал. Жди, когда в газетах появятся разгромные статьи, будут в очередной раз искать виновных. В колхозах людей кашей кормят. Где тут социализм?

Учителя разом замолчали. Никто не ожидал такого. Кто-нибудь настучит, приедут в школу с проверкой, найдут ошибки, уволят половину коллектива, ведь только двое имеют специальное образование, у остальных лишь десятилетки.

Новый директор школы не стал терпеть выходки строптивого учителя. Алексеев тоже не испугался, взял да написал заявление по собственному желанию. Думал, устроится в другую школу, везде не хватает предметников. Ошибся. Беда ездила по округу на «тройке», а счастье ходило «пешком». По школам быстро распространилась молва о неуживчивом характере Алексеева. Нигде не принимали на работу. Пришлось идти на поклон в роно, там за длинный язык не пощадили, устроили сухую баню и отправили учительствовать в родную Ярмуш-кинскую школу, где в старших классах некому было вести уроки русского языка и литературы. Заодно попросили заняться немецким языком. Согласился. На совещаниях больше язык не распускал.

За эти годы свои дети выросли, получили среднее образование. Старший сын Петр окончил Малояушскую школу и поступил на первый курс Казанского ветеринарного института, захотел получить специальность ветврача, вернуться в родной колхоз специалистом. За ним потянулся и второй сын Михаил, стал студентом института инженеров коммунального хозяйства,

захотел строить дома. Во время летних каникул они жили дома, помогали по хозяйству, записывали вместе с отцом старинные, не часто употребляемые выражения и работали над разгадкой их значений. Порою, сыновья пытались доказывать свое видение в систематизации слов и предложений.

Лето пролетело. Сегодня Георгий Алексеев проводил сыновей в город, продолжить учебу. Пригородный поезд из Вурнар идет только до станции Канаш, им ночью придется пересесть на проходящий состав и доехать до Казани. Дома ещё четверо детей, ждут возвращения отца: Василий, Нина, Николай и Татьяна.

Учительское жалование Алексеева составляет пятьсот рублей — довольно большая сумма для жителя деревни. Половину месячного жалования он отдал студентам, но предупредил, что на оплату за учебу им придется зарабатывать самим по ночам, а днем учиться.

Георгий долго смотрел вслед уходящему поезду. Когда последний вагон исчез за лесным массивом, он зашагал в сторону привокзальной площади, где оставил лошадь с легкой телегой. На глаза попалась знакомая фигура женщины, уж так она была похожа на Анису, жену Захара Узякова. Вместе с ней была девочка, на вид тринадцати-пятнадцати лет. По всей вероятности, они ожидали очередного поезда, около себя держали мешок и целое ведро орехов нынешнего урожая. Просили не очень дорого, всего двадцать рублей за ведро.

— Аниса! — тихо окликнул Георгий женщину.

Она повернулась, узнав его, застенчиво улыбнулась, стала поправлять передник, платок, от волнения ноги её подкашивались.

— Откуда?.. — удивился Георгий. — Живы и здоровы?.. Где Захар?..

Проходящие мимо люди с опаской смотрели на них.

— В деревне Анаткас Хабыз, — коротко ответила Аниса. — Постарела я... Извелась, но выжила. Сейчас вновь почувствовала силу. Жить хочется...

— Недавно был у Машшук дома, — хотел обрадовать её Георгий.

— Они приезжали к нам. Ульби проживает с ними, учится в школе и смотрит за маленькими внуками.

— Хорошая ученица, — похвалил Георгий. — Я работал учителем в Хумушской семилетке.

Услышав гудок приближающегося поезда, Аниса засуетилась, попросила подождать немного, сама с детьми перешла на вторую платформу.

Ждать пришлось недолго, только поезд остановился, из вагонов высыпали пассажиры и окружили Анису с дочерью. Торговля шла бойко, свежие орехи люди всегда любили, за считанные минуты мешок опустел. Не успел поезд отойти, радостная женщина подбежала к Георгию, быстро заговорила:

— Подожди, Якур!.. Не торопись, ты должен сегодня увидеть Захара... Пойдем в Анаткас Хабыз.

— Поедем, — согласился он, показывая на лошадку, стоящую на площади.

«М-м-да, — восхитился он. — Из крепкого материала вылеплена. Ей около пятидесяти, но идет, будто летит, только лапти сверкают на пыльной дорожке».

Аниса говорила без остановки. Рассказывала о детях, о Захаре, о Севере, о людях, там живущих.

— Ох, покарали почём зря, — вздохнула она. — От чувашского медведя избавили, к северному волку приставили. В первое время жили, как на раскаленных углях. Похоронили Пакшановых, сына оставили в мерзлой земле. Сами тоже могли сгинуть, но хорошие люди везде живут — помогли. Вот мы вновь на родине, в Услабу хотим переехать. Как только получим разрешение райисполкома по выделению участка для хозяйственных нужд и строительства дома — сразу поедем. Там ведь наши родители похоронены, там мы родились и жили. Сейчас все делом заняты. Захар с Иваном, с мужем двоюродной сестры Тони, работают в колхозе. А я с детьми живу в лесу, в шалаше, орехи собираем, выходим к поездам и продаем, копим деньги на строительство дома.

Георгий похвастался, что у него двое старших сыновей учатся в Казани и дома ещё четверо растут.

Не заметили, как подъехали к дому Матвеевых. День был уже на исходе. В окнах появился яркий свет керосиновых ламп. Во дворе дома пытел раскаленный самовар, редкая вещь в чувашских деревнях. Хозяйка дома готовила маленьких детей ко сну. Увидев нового человека, поздоровалась, заторопилась, убрала волосы под платок, на босые ноги надела шерстяные носки.

Дети быстро улеглись, а под ногами маленькой женщины заходили, заскрипели сухие половые доски. На стол летней кухни она подала шаркку, уйран, пенное чувашское пиво и поставила кипящий самовар. Георгий начал осматриваться. В летней кухне красовался новый столярный станок, а на стене, на специально изготовленном щитке висели молотки, рубанки, фуганки, разные стамески и долота.

— Захар учит мужа плотничать, столярничать, — пояснила хозяйка. — Вон какой буфет выстрогали. Сейчас готовят шкаф и три сундука.

Хозяйка поспешала. Вот-вот должны прибыть мужики.

— Местные жители не могли запустить мельницу, позвали Захара с Иваном, — с гордостью продолжила Антонина. — Три месяца трудились, вот неделку назад мельница замахала, завертела крылья. Вся деревня собралась, своими руками попробовали легкую как пух муку. Председатель колхоза за работу наградил мужиков тремя мешками муки — за ними сейчас и поехали...

Ворота открылись и в сторону амбара мужики понесли два мешка муки, а третий остался на телеге. Захар положил мешок на приступок, хотел идти за вторым, но, увидев Георгия, от радости совсем растерялся. Они подошли друг к другу и обнялись мощными как клещи руками.

— Друг ты мой сердешный! — приветствовал его Георгий.

— Такие слова ты любил говорить в плену у немцев, — ответил Захар.

В глазах у него потемнело, слезы потекли по щекам. Георгий тоже моргал, старался сдержаться, но не смог. Дали волю своим чувствам и женщины, не стесняясь, вытирали краешком платков соленые капли. На них удивленно смотрел Иван, ничего не понимая в происходящем.

* * *

Три дня назад Георгий принес брату Сергею странное письмо. Чужими руками написано: «Кури Алексеев возвращается домой. Поезд прибывает на станцию Вурнары 16 декабря к полудню. Встречайте». Больше ни слова. Таюк не умеет читать, но она уже знает почерк сына, не раз держала в руках письма и подолгу не выпускала их из рук.

— Может, у него рука ранена, не выводит слова? — запримечала Таюк. — Может, заболел?

— Может... не может! — возмутился Сергей. — Чего ты его раньше времени хоронишь! Написано — встречайте, поеду и привезу! Мало ли какие важные секреты у военных, не смог написать, передал через друзей.

— Я тоже с тобой поеду, — твердо сказала Таюк.

— Не жалко ног, топай, — согласился он.

В эту ночь Сергей Алексеев не смог сомкнуть глаз.

К вечеру жена Таюк с дочерьми Верой и Феодорой с чердака спустили деревянную кровать, помыли, почистили до блеска, набили новый матрац соломой, чтобы Кури после возвращения отдохнул. Сергей целый день в колхозе возил сено. За всеми делами не заметил, как наступила ночь. Немного подремал, утром запели петухи. Проснувшись, он стал перебирать в памяти прошедшие годы.

Почти двадцать лет назад он служил в Элменской церкви пономарем. Советская власть не стала заигрывать с рассадниками опиума, сразу стала их закрывать. Золотые, ценные вещи описали и реквизировали, а служителей взяли под особый контроль. Почувствовав, что это не к добру, собрал вещи и самовольно оставил службу. Ушел, как будто отрекся от церкви и от православной веры, тем самым увернулся от надвигающихся бед.

Священнослужитель церкви Тропицкий в тогда в проповедях много говорил против Советов. Власти недолго терпели — увезли его в неизвестном направлении. Семья покинула село, уехала в Казань. После говорили, что Тропицкий служит там же в мужском монастыре.

Во времена НЭП Сергей не смог стать торговцем. Получил лицензию, помыкался по рынкам, но оставил это дело, бумаги сдал властям, чтобы не платить лишние налоги. Пришло время строительства сельскохозяйственных артелей, написал заявление и стал колхозником. В одно время люди избрали его руководителем сельского Совета. Не оправдал доверие властей — стал защищать середняков. С работы сняли, хотели вместе со многими раскулачить, не смогли. Что взять у бедного колхозника? Корова и лошадь стояли в колхозном сарае, старый дом покосился, да и в артели он считался не трутнем — в честь его имени не раз поднимали красное знамя.

Когда начались новые массовые переселения в Сибирь, Сергей задумал переехать ближе к брату Ивану — в Тюменский край. Не получилось. Таюк наотрез отказалась, встала на дыбы: «Нет! — вот и весь разговор».

Тяжела в деревне женская доля. На хрупкие плечи Таюк легли не только домашняя работа, забота о муже и детях. Пряжение, ткачество, работа в поле, заготовка на зиму овощей, фруктов, ягод, грибов никогда не считались мужской работой. Ей перевалило уже за сорок лет. Когда появился младшенький сын Хелимун, старшему Илье было уже двадцать лет.

Когда Кури провожали на службу в Красную армию, Таюк не плакала, на шею сына надела серебряный крест и попросила вернуться домой. Сергей волнуясь, обнял его и твердо наставлял:

— Не срами нас, род у нас солдатский, все защищали Родину. Служи, но не позорь имя чувашского крестьянина.

— Ну что ты, отец, на самом деле! — возмутился Кури.

С тех пор проскочили четыре полных года. В жизни произошли большие изменения. Старший сын Ильи подался в Сибирь, к дяде Ивану. Хотел посмотреть на мир, поработать в леспромхозе, немного подзаработать денег на добыче живицы. Но там власти сами решили его судьбу, не дали поработать, исходя из тяжелой обстановки в мире и Европе, мобилизовали Илью на переподготовку, учиться на миномётчика.

Два сына служат в армии. Кури успел повоевать в Монголии, был где-то на Востоке. Семён обслуживает военные самолеты под Харьковом, стал механиком. В письмах ни разу не написали о приближающейся войне.

С этими думами он полностью проснулся от дремоты.

— Чего топчешься, такую рань всполошилась? — недовольно высказал жене Сергей Алексеев.

— Сходи в правление, выпиши лошадь. Надо ехать, дорога не близкая, двадцать верст надо отмахать, — проворчала Таюк.

— До шести в правлении никого нет.

— Придешь в шесть, лошадей разберут, — недовольно выговаривала Таюк, раздраженно думая, что приходится мужу об этом напоминать.

Сергей промолчал, оделся и зашагал в сторону правления. Жена истопила печь, сварила суп с клёцками, кашу с мясом,

разбудила старшую дочь Веру. Строго наказала к их приезду помыть полы, везде убрать снег и покормить коз и овец.

— Ладно... — отмахнулась дочь.

Зря пришел в правление Алексеев, не пожаловал его председатель:

— Нет у меня свободной лошади, с утра надо возить навоз, остальных отправлю в лес, за кругляком! Молодой солдат, пешком до дома доберется!

Пришлось старикам шагать до станции. За четыре с половиной часа осилили двадцать верст и устало устроились отдохнуть на вокзале. Сергей чертыхался, ведь уговаривал Таюк остаться дома, прибраться, подготовиться к встрече сына. Но она настояла, хотела сама встретить Кури.

Старики выскакивали на улицу при каждом звуке приближающихся составов. Товарные поезда не останавливались, спешили мимо. Пассажирский поезд прибыл около двух часов дня. Сергей и Таюк бегали вдоль перрона, глазами искали по вагонам, откуда выйдет солдат Красной армии, их сын.

— Вон он... Вон! — закричала Таюк!

— Вижу, не ори! — на ходу остановил её Сергей.

Около одного вагона столпились военные, вывели солдата, обнимали его, хлопали по плечам, по короткому свистку паровоза поспешили обратно. Это был Кури, или, как называли его друзья сослуживцы, — Гурий. Он что-то пытался сказать друзьям, махал руками, рядом с ним лежали два вещмешка.

— М-м-м, ы-ы-ы, — замычал он, увидев родителей.

— Что с ним? — запричитала Таюк. — Почему не говорит?

— Контужен!.. — крикнул один из солдат, стоящий в тамбуре уходящего поезда.

Таюк испугалась, подбежала к сыну, поправляла его волосы, целовала его.

— Как дойдем до дома? — посмотрела она на мужа.

Кури шагал боком, но тихо, останавливаясь через каждые десять шагов. Все время пытался что-то сообщить родителям, мычал, улыбался. Вошли в теплый зал старого вокзала и устроились на скамейке. Сергей побежал на почту, пока не закрылась, попытался сообщить в деревню. Телефон использовался только для служебного пользования, долго не разрешали дозвониться. В конце концов сдались, сами позвонили к заведующей почтой

деревни Услаба, попросили передать, чтобы Георгий Алексеев из Ярмушки приехал на санях за Курием и его стариками на станцию Вурнары.

Георгий приехал на станцию поздно вечером. Узнав о беде, председатель колхоза отдал своего коня с легкими санями и положил туда тулуп. Конь оказался резвый, как только они вчетвером уселись в сани, легко побежал вперед, в сторону родной деревни.

Теплой, бурной встречи в деревне не состоялось. Таюк никого не пустила к больному сыну. На следующий день сходила в Согут-Торбиково, к знакомой знахарке, поговорила с ней и вернулась домой с большой надеждой. Просто так она не сдастся, поставит сына на ноги, всё вернет — и здоровье, и былую лихость, скоро заговорит сын простым, нормальным языком...

На следующий день она из колхозной конюшни притащила целую корзину свежего конского навоза. Просила мужа затащить в баню большую кадуюшку, пропарила, вымыла, наполовину наполнила горячей водой и добавила туда ведро конского навоза, какие-то травы. Сверху плотно закрыла кулями, старой одеждой. Три дня колдовала Таюк над настоем, ежедневно топила баню, не давала настоем остыть. Туда невозможно было зайти, все бревна пропитались парами бурлящего настоя. Перед тем, как посадить сына в эту кадуюшку, добавила ещё горячей воды. Кури воротил нос, отмахивался. Но мать не сдавалась, целый час держала сына в кадуюшке. После купания сама вымыла его в теплой бане и уложила в постель. Сын сразу уснул крепким сном.

Проснулся утром, открыл глаза и тихо позвал мать: «Апай».

Таюк поняла, раз после первого раза такого купания здоровье сына начало улучшаться, значит, Кури встанет на ноги. В тот же день она вновь поставила свежий настой, так через каждые три дня, в течение месяца. С каждым разом сын преображался, у него стала восстанавливаться речь, самостоятельно стал выполнять домашние дела — рубил дрова, чистил снег, смотрел за животными. Не прошло и полгода, контузия полностью исчезла, его пригласили в Калининский райвоенкомат, оформлять какие-то бумаги. Это было просто повод, на самом деле они подбирали кандидатов для работы в системе НКВД.

Что ни говори, Кури Алексеев — участник битвы на Халхин-Голе и награжден орденом Красного Знамени. Отправили на медкомиссию в больницу, где признали его здоровым и годным к службе.

Справку о состоянии здоровья принесла молодая девушка в белом халате. Посмотрел и обомлел, странная радость наполнила душу. Он взял девушку за руку, почувствовал ласку и нежность, никогда его душа не испытывала такого состояния. Не мог выразить всего того, что переполняло сердце. Девушка руку не убирала, покраснела и застыла.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Василиса... — шептала девушка.

— Когда заканчиваешь работу? — уверенно напирал Кури.

— Завтра утром, в восемь часов.

— Я тебя встречу...

Девушка пожала плечами, и исчезла за дверью.

Даже ночью, ворочаясь в постели, думал Кури об этой девушке. Вот она, первая любовь! Рано утром встал, оделся, коротко отвечая на расспросы родителей, выскочил из дома и побежал в Калинино. К восьми часам надо успеть, не потерять её. Как это удивительно. Даже холодный ветер сейчас приносил тепло, усиливал возникшее чувство. Встретил девушку. Они не торопясь пошли в сторону Хумуш, куда вновь вернулась Василиса. Вот, оказывается, как легко идти с любимым человеком, малейшее прикосновение ласкало его тело, дурманило голову. Какое счастье быть молодым, быть любимым и любить кого-то. Так состоялась встреча двух сердец, зарождалась большая любовь.

10

Начало 1941 года. Какое зло-несчастье принесёт он.

Давно заметил Савар, газеты сначала писали о громких судебных процессах над троцкистско-бухаринскими козьяками, о разных недостатках по строительству колхозного строя. Потом появились огромные статьи об убийствах руководителей государства и партии, как Киров, Менжинский, Куйбышев. Скоро в деревне появились слухи о покушении на самого Сталина. Федот ему рассказывал о письмах ЦК партии, в которых

сообщалось о диверсиях на фабриках и заводах, о вредительстве против советского государства. Тогда ни Федот, ни Платон, посетивший в очередной раз деревню, не могли объяснить отцу о причинах такого поворота событий. Все, кто повыше, молчали, как будто им вовсе не нужна истина. Большие городские и мелкие местные начальники были заняты важным делом: строительством социализма и укреплением колхозного строя в СССР.

Савару не давали покоя аресты сына Платона и простых колхозников. Почему никто не разбирается, почему районные чекисты по дворам ходят только поздно вечером и ночью, когда нормальные люди уже видят третий сон. В жизни всякое может быть, но чтоб его сын стал предателем, окопавшимся белогвардейцем, чтоб в одной маленькой деревне заместители председателей колхозов «К свету» и «Броневик» Иван Калисов и Степан Никитин организовали антисоветскую ячейку — уму непостижимо.

Может, всё, что происходит сейчас, это и есть самая настоящая борьба с врагами? Может, правы районные власти и чекисты! Как же тогда объяснить, почему простой крестьянин, уважаемый в деревне человек встал на путь борьбы с Советами?

Федот говорит о возможной войне с Германией. Но Савар верит, что Красная армия быстро выгонит их за пределы страны.

В последнее время Савар сильно сдал, сердце болит, дышать трудно. Не с кем посоветоваться, сын строго попросил не распространяться с вопросами, держать язык за семью замками. После ареста Платона в избу без стука ворвались двое чекистов из района и перевернули весь дом, искали какие-то документы, прихватили фотокарточки, где Савар и Платон стояли на праздновании Чувашской области. Работали молча, на вопросы отвечали сухо. Не получилась беседа по душам, после этого тяжкая дума наглухо закрыла на замок душу, не хватало воздуха, сердце колотилось, как бешеная.

«Может, я ничего в политике не понимаю, износился, перестал соображать, поэтому трудно залечить внутренние раны», — задумался Савар, загружая себя вопросами.

В деревне его считали человеком отважным. Сам он в любых ситуациях оставался рассудительным, спокойным, мнение других уважал и любой трудный вопрос доводил до полной

ясности. Он с полуслова понимал людей, попадая в критическую ситуацию, не торопясь, хладнокровно выходил из неё. Сейчас вот попал в тупик, выхода из него не видел.

Сам пытался очистить мозги от непонятных мыслей, не смог, только рвал жилы, подтянулись нервы, чувствовал, что у него уходят последние силы. От таких мыслей у Савара лицо собиралась в морщинах, как печеное яблоко.

Тогда он в очередной раз столкнулся с сыном, и каждый остался при своём мнении. Что-то скрывает сын от него, закрыл душу перед отцом. Жили не богато и не бедно, считались середняками. «Откуда знать — какой кусочек выпадет? — думал он. — Не зря в народе говорят: «Что написано на роду, того не изменить». Но судьба крутилась на грани добра и зла. Дважды им пустили «красного петуха», пытались раскулачить, жена Федота Танюк на себе руку подняла — всё выдержали.

Народ всегда к ним относился доброжелательно. В царское время почти десять лет работал «шушчаком»*. Сын Платон был большим начальником в области, Федот трудился председателем сельсовета, сейчас председатель колхоза. Жаль только, колхоз по трудодням в этом году не распределил ни грамму хлеба. Из-за этого вокруг Федота тоже образовалась пустота, он тоже не знает, чем заполнить её, срывается на всех. Люди отстранились не только от него, но и на Савара стали смотреть стеклянными глазами.

К вечеру семидесятилетний старик стал жадно хватать воздух. К нему подседа сноха Кристина, попросила хоть немного поесть супа. Савар отказался. Полноватая, немногословная, с мужским характером и крепкими кулаками женщина только пожалала плечами.

— Кристина, сходи в правление, скажи Федоту и Лазарю, чтоб пришли.

— Они скоро вернутся.

— Позови их сейчас, позови...

— Ладно, — согласилась она.

— Потом сходи к Симуку Петриванову, пусть зайдет.

Кристина надела фуфайку и неторопясь пошла в правление.

*Шушчак — собиратель податей

Мало кто знал в деревне, ещё в начале этого века Савар на волостном сходе поднял земельный вопрос о необходимости распределения земли по едокам. Волостной старшина Роман Мартынов, житель этой же деревни Хумуш, не мог простить такую вольность и организовал полный разгром усадьбы тридцатилетнего мужика с пятью детьми — Савара избили до полусмерти, дом и хлев подожгли. Только благодаря Симуку Петриванову и покойному его брату Прухе семья осталась жива. Они подняли народ деревни, хотели устроить народный суд, но Мартынов три дня не появлялся в деревне, испугался за свою жизнь, за судьбу многочисленных родных. Петривановы спасли семью Леонтьева, но Симук чуть не угодил на три года в каторгу, отвели беду Георгиевские кресты, полученные за отвагу во время службы в армии.

С тех пор прошло тридцать с лишним лет, а Савар лежит на спине, ждет сыновей и своего спасителя. Он чувствует, как при вздохе внутри больно сжимается, гаснет свет перед глазами.

Первым в избу вошел Симук Петриванов, крепкий старик с белой бородой, с прищуренными глазами и широким носом и лбом. Он считается самым старым человеком в деревне, уже сам забыл, сколько ему лет. Мать когда-то говорила: родился на Симеке*, до царского указа по раздаче земли крестьянам. Дед Симук подсел на скамейку около Савара и громко изрёк.

— Салам тебе!

— От кого, — пытался отшучиваться Савар, не получилось, тогда он глубоко вздохнул и сдавленно проговорил. — С того свету передали... Мои годы уже вышли...

— Хватит тебе! Занемог что ли?

— Дышать трудно. Но кожа у меня крепкая, как кирза.

— Зимой недолго нутро остудить, в бане надо попариться...

— Поздно уже. Беды навалились и с ног сбили. Староват я стал, мысли всё время разбегаются по разным сторонам, а слова, сказанные минуту назад, исчезают не знамо куда — прячутся в голове, не хотят выглянуть.

— Кончай, языком молоть! — остановил его Симук.

*Симек — чувашский праздник поклонения душам умерших.

— Сядь-ка поближе, мне надо сказать огромное спасибо тебе за всё.

— За что?

— За тот год, благодаря тебе я ещё тридцать шесть лет копил этот свет. Перед смертью хочу благодарить за твою мужскую доброту. За этим позвал.

Симук посмотрел на Савара, на его желтое, кожей стянутое костлявое лицо, дрожащий в сморщенном горле пульс сердца и подумал: «Действительно поздно... Седобородый, седоволосый долгожитель с твердым характером...». Раньше в таком случае из Нуроса приглашали священника, а сейчас поздно бежать за фельдшером, осталось только ждать, когда придёт последний вздох. Его сероватые серые глаза светились тускло, глубокие борозды на шее слабо шевельнулись и вытянулись.

В избе воцарилась тишина. Слышны были только тиканье настенных часов с боем, купленных Саваром во время работы шушчаком.

В двери показались Федот с Лазарем.

— С утра был веселый, — сказал Федот.

— Время подошло, Высший Бог позвал к себе, никто ему не поможет... Отходит.

Федот замолчал. В это время Савар открыл глаза и начал говорить почти шёпотом:

— Старый я стал. Не жилец я больше на этом свете, пришел смертный час. Я вам, сыновья, что хотел сказать. Вот что... Сильно били меня тогда Мартыновы. Встал на ноги при помощи этого человека — Симука Петриванова. Советскую власть встретил с воодушевлением, потом не раз душа разрывалась от всенародного голода, от непродуманной продразверстки, от раскулачивания и ареста моих друзей, односельчан. Сколько людей пострадало, у каждого из них были большие семьи, где они сейчас?.. Федот, ты будь с людьми чуточку внимательнее, не обижай их, не оставляй детей без тепла и кусочка хлеба. Ты ведь главный в колхозе. Народ поверил тебе. Платон... Платон...

Короткий вздох — его голова упала на бок.

— Атте! — с отчаянием закричал Федот.

— Не шуми, — недовольно проговорил Симук Петриванов. — Он ушел к своим родителям, предки ждуг его...

После суда Платон Леонтьев оказался в исправительно-трудовом лагере под названием «Алатырь-12». ИТЛ находится в Нижегородской области. Условия жизни здесь самые строгие. Сюда привозят только политических, осужденных по несколькими пунктами статьи 58, то есть на восемь и более лет.

По приезду на место их построили перед бараками и строго предупредили:

— Вы находитесь в лагере «Алатырь-12» Государственного управления лагерей НКВД СССР. У вас никаких прав нет и не может быть. Всякое движение вне зоны осуществляется только строем. Шаг вправо, шаг влево при движении считается побегом, при этом оружие применяется незамедлительно.

— Короче говоря — расстрел! — зло добавил один из осужденных.

Леонтьев оказался в рабочем бараке № 2. Работающих здесь кормили три раза в день горячей баландой из капусты и свёклы. На работу выводили в ближайший лес: валили берёзы, липы — вязали метелки, снимали кору. Мочили кору лип в небольшой речке, из неё получали мочало для народного хозяйства. Из мочала вили верёвки, ткали кули, изготавливали различные кисти. Работа тяжелая, чахоточные легкие Платона не давали дышать, он за день по несколько раз терял сознание.

Конвоиры это заметили, Леонтьев оказался в 6-м бараке. В лагере барак имел дурную славу и назывался «переходным пунктом». Все знали, что это было последним пристанищем между реальным и потусторонним миром, между живыми и мертвыми. Барак разделен на две части. На одной стороне располагались старики и смертельно больные люди мужского пола, на другой — немощные женщины. Рядом стоял бревенчатый домик с десятью окнами с одной стороны — назывался лазаретом, больницей. На этот участок, где жили больные заключенные, других не пускали. Куда увозили мертвых, где их хоронили, знали только работники лагеря и похоронная команда из заключенных.

Платон понимал, что его жизнь угасает. Жить ему осталось недолго. С каждым днем мучения становились тяжелее и невыносимее. Несмотря на боль, он курил, смолил, добавляя никотин в свои гнилые легкие. Казалось, после затяжки тяжесть уходила, дышать становилось легче. Эти были короткие минуты

отдыха от бесконечных мучений. Потом боль возвращалась с прежней силой, а он уже закручивал следующую самокрутку.

Расположился на дощатых нарах, вместо подушки и матраца служила старая фуфайка, привезенная с собой из Чебоксарской тюрьмы. Рядом с ним лежали такие же больные и обессиленные политические ссыльные: учитель из Красноармейского района Павел Иванович Тарасов, участник Тараевского крестьянского восстания 1907 года Владимир Сергеевич Волков, прокурор города Чебоксары Петр Гордеевич Данилов и два старых монаха из Саровского мужского монастыря. Тут никто не работал, поэтому их кормили всего один раз в сутки, обычно раздавали четырехстаграммовый кусок черного хлеба, а так называемую горячую пищу приносили один раз в три дня.

Письма от дочерей получал регулярно. Один раз в месяц присылали посылку с табаком, писчей бумагой, разными консервами. Политические еду делили между собой, поддерживая друг друга, чуточку продлевая свои жизни. Платон из писем узнал, что жену арестовали по 58 же статье, осудили на десять лет, сейчас она находится в Алатырской женской колонии. Писем от неё не получал, она не имела права переписки.

— Страшно умирать... — вздохнул Данилов, тупо глядя в потолок.

— Это лучше чем СУП, — тихо добавил Леонтьев. — Хотелось бы закрыть глаза в кругу своих домашних. Увидеть дочерей, жену, пожить с ними сутки, а потом и лечь в землю не страшно.

— Кто же придумал эту систему угнетения психики? — посмотрел на Леонтьева Данилов. — Меня тоже допрашивали по две-три сутки без перерыва, только следователи менялись. Без сна тупел, медленно сходил с ума, но выдержал. Жаль, но это моё последнее пристанище, мой шестой барак...

— Я одно время был в похоронной команде, — признался Тарасов. — Точно знаю: завернут нас кулем и зароят в землю. На наших могилах будут торчать колышки с железной биркой, где указан только лагерный номер. Дерево сгниет, бирка заржавеет, и никто никогда не узнает, где мы похоронены...

Платон промолчал. Что скажешь в такую минуту? Перед глазами промелькнула родная деревня Хумуш, мать, отец, братья, сестры.

— Сегодня в больницу увезли монахов ... — продолжил Тарасов. — Высокий — это митрополит Олонецкий, брат белого генерала Юденича. Они сюда больше не вернуться, не сядут рядом с нами хлебать баланду.

— Помыться бы перед смертью, — мечтал Данилов.

Баню закрыли в начале лета на ремонт и не торопились открывать. Вши замучили людей. В 6-м бараке откуда-то появились большие домашние клопы. Ох, как сильно они вцеплялись, кусая и высасывая кровь спящих людей. После нескольких жалоб лагерное начальство решило дезинфицировать барак. Всех перевели на улицу. Благо, во дворе стояла летняя жара, дождей не ожидалось. Заключение ночевали на траве, под открытым небом, но никто из них не возмущался, не жаловался. Политические лежали на земле, все как один смотрели на яркое, сияющее звездное небо, многие не выдерживали, плакали, внимательно изучая бесконечное пространство мировой вселенной. Но никто им не сочувствовал, никто не понимал и не разделял их отчаяния.

Через два дня Платон Саварович Леонтьев тихо закрыл глаза навечно. Умер он во сне, никого не потревожив. На календаре было 12 июня 1941 года. До страшных дней всенародного горя и великих испытаний оставалось десять дней...

11

Мигом проскочила весна, и вплотную подошло время сенокоса.

В это лето погода стояла как никогда погожая. В июне дни самые долгие, начинаются короткие ночи. Договорились в воскресенье всей деревней выйти на сенокос. Мужики вытащили косы и начали править их, с утра до ночи стучали в деревне молотки. Молодым парням, впервые вставшим в этом году за соху, и девушкам, впервые вышедшим отбивать для смягчения вытканые собственными руками холсты, родители вручили именные косы. Им придется перед всей деревней соперничать, показывать ловкость, сноровку, выносливость. Именно здесь родители тайком присматривают невест для своих сыновей. Грабли достанутся мальчикам и девочкам помладше, они будут ворошить и сгребать сено. Женщины из своих сундуков достали

чистые вышитые чувашские наряды и подготовились к первому дню сенокоса.

В старину этот месяц нуросские русские называли кресником, кузнечиком, червенею, а чувашаи — месяцам пара. В эти дни утренний туман на реках Хирлеп и Цивиль стелется по воде, мокрица распускается и не закрывается целый день, пчелы роем гудят на цветах, неустанно резвятся веселые и драчливые воробыи.

Старики, согласно приметам, твердо решили: быть во время сенокоса ясному солнцу, а небу без дождей. Косить выйдут рано, пока трава не высохла. Днем коса быстро засекается, траву не укладывает, а мнет, приходится часто останавливаться и подтачивать, да и слепни не дают покоя, жгут и жгут.

Трава нынче по пояс. Луг занимает довольно большой участок, он опоясан речками Большой и Средний Цивиль и называется «Пикшик». Место облюбовали разные птицы, здесь они выводят птенцов, и в округе слышны их звонкие голоса: «Пикшик, пик-шик!». До первого покоса сюда колхозных и домашних животных не пускают. На левой стороне Цивилиа до самого села Авшак Элмен стелется другой луг, под названием Журавлиное болото. Места покоса находятся в пяти верстах от деревни Хумуш. В сенокосное время бывает и такое: небо нахмурится, считай, сено пропало, за пару суток оно станет пригодным только кобыле под хвост. Нельзя, чтобы такое добро пропадало, чтобы зимой и весной животные чахли от бескормицы.

Как только вечернее солнце исчезло за деревней Кумбал, парни и девушки прибыли на место сенокоса на нескольких подводах. Они решили немного порезвиться. Мужчины придут с утренней зарёй, а женщины, дети и потерявшие счет в годах старики, подъедут после выгона стада. Хотя луга занимают большую территорию, если дождей не будет, управятся за неделю.

В старину, как говорили старики, эти луга облюбовал цивильский купец Демидов, хотел построить винокуренный завод. Сельское общество за большие деньги дало на это согласие. Но не успели оформить бумаги, пугачевское движение смяло купца и его подручных. Затем уездные чиновники стали претендовать на цветущую пожню*, но подоспела революция,

*Пожня — луг.

и «Пикшик» навечно остался во владении Второго Нуросского общества. Потом это богатство перешло нынешнему колхозу имени Папанина. Здесь для косьбы всегда используются только косы, не пускают конных подвод с косилками, жалеют птенцов и мелких животных, которые не успевают уйти от нижних, режущих частей косилки.

Вода в Цивиле — как парное молоко, парни не выдержали, ушли подальше от намеченного места стоянки, разделись и с наслаждением искупались в реке. Вечернюю тишину нарушила гармошка, она звала всех на хоровод, на игры. Смех и веселье продолжалось до самого утра, более выносливые так и не ложились спать.

На утренней заре показались подводы с мужиками. На берегу Цивили поднималась заря, обильная роса давила созревшую траву. Вдоль реки клубился жидкий туман. Тут же играла мелкая рыба. Вокруг стоял степенный, деловой мужской разговор, молодежь притихла. Одни ещё не успели проснуться, преодолеть утренний сон, другие не имели привычки встревать в разговор взрослых.

Мужики не торопясь распрягли лошадей, вытащили косы, надели белые расшитые рубашки. Старики в первую очередь установили толстую дубовую чурку со стальной бабкой для отбивания кос.

Федот сильно постучал по бабке и во весь голос заорал:

— Подъем, молодежь! А то проспите росу, работнички называются!

Все разом вскочили на ноги. Начался такой галдеж, как в утиной ферме колхоза. Федот в это время прикидывал, как удобно пройти с первым покосом.

— Пока стоит ясная погода, с сенокосом надо управиться! — рассуждал он.

— Петров день прошел без дождя, солнечный, покос будет сухой, — ответил Емельян Ксенофонов.

— Коси, коса, пока роса, роса долой — и мы домой, — пытался пошутить молодой Гордей Блинов.

— Ладно, пора за дело взяться, — сразу стал серьезным Федот.

Первым косарем, как и в прошлом году, стал Емельян. Он проверил косу, руками потрогал траву, посмотрел вокруг,

поплевал на ладони и сделал первый взмах. Коса скользнула по самой земле, ровно положив широкую полосу травы, подготовленная и отлично поправленная, срезая траву, издавала чудную мелодию. Все стояли и ждали команды. Он скосил несколько охапок пахнувшей летом травы, положил на телегу, на корм коням, пусть полакомятся. В это время на горизонте показалось солнце. В его лучах заблестела в траве утренняя роса, и десятки лезвий заиграли буланным светом. Со словами «С богом» косари встали на свои места.

После Емельяна пошёл Степан Апанасов, несмотря на присутствующих, перекрестился и взмахнул косой. Сочная трава легла на землю, завораживая своим запахом. Степан с каждым движением становился серьезнее, у него играли все мускулы, коса захватывала траву все шире и шире. Он ушел на пять шагов, за ним за покос взялся Василий Керзаков, после сам председатель колхоза Федот Саваров, потом другие косари. За ними встала молодежь, более сильные и рослые занимали места первыми, потом стали косить девушки и первогодки. Сочная, высокая трава ложилась в ровные ряды. Утренняя тишина нарушилась разными звуками кос, каждая из них имела свой тон, свою мелодию. Видны были только спины косарей и крики голосистых мужиков: «Убирай ноги». Солнышко поднималось. Пот начал одолевать людей, больше всего доставалось тем, кто в этом году впервые держал косу. Есть сила и сноровка, не отстанешь от других. Нет, придется стараться изо всех сил.

Тихо шелестели хорошо отбитые косы. Взрослые шли весело. На ровном, чистом заливном лугу мужики пользовались длинными косами с узким полотном. Они скользят по поверхности земли только спиной, их лезвие и носок слегка приподняты и трава подрезается под острым углом.

Мужики все сильнее и сильнее налегли на косовицу. За ними тянулись валки сплошной травы. Те, кто впервые вышел на сенокос, шли сзади, их косы не слушались, втыкались в землю.

К приезду женщин и детей довольно большой участок был скошен. Люди не торопились ворошить, пусть дневное солнце посушит скошенное. Когда сено начнет под ногами шуметь, пора его шевелить. Женщины и дети взялись за дело: за день они переворачивают сено несколько раз, к вечеру сгребут его

в круги. При такой погоде трава быстро высохнет, становится легкой и душистой, тогда можно собрать в копну.

Вокруг стоит неопиcуемый запах скошенного сена, сок различных трав и цветков под солнцем начинает испаряться, щекотать нос.

Работали с небольшими перекурами, с песнями. Солнце парило, в воздухе стояла духота. Над косарями носились чибисы и с криком «Т-и-и-в-и-к!» бросались на людей. Но, не долетая, взмывали вверх, делали круг и опять низко мелькали над головами. Они защищали своё место и своих птенцов.

Было утро 22 июня 1941 года...

СОДЕРЖАНИЕ

Новый уезд

5

Свежий ветер

252

Враги

448

Отрыванов Станислав Гурьевич

ЧУЖИЕ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Роман в двух книгах
Книга первая

Редактор *П.К. Андреев*
Компьютерный набор *Л.И. Отрывановой*
Компьютерная вёрстка *И.М. Чумышевой*
Дизайн обложки *С.Ю. Ювенальева*

Подписано в печать 23.06.2014.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Тираж 500 экз. Физ. печ. л. 34. Заказ № 121.

Отпечатано в типографии ИП Филимонова В.В.
428014, г. Чебоксары, пр. Машиностроителей, 11.
Тел.: (8352) 22-27-68.

